

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (54)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2016

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
проф. *Д. Бошкович* (Крагуевац), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. Де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаилов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулержкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

4 (54)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2016

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Dragan Bošković* (Kragujevac), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuri Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroeov* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 5–19
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 5–19
©Автор(ы) 2016

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЕПОСТИ КУНЯ КААХКА В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

В.Н. Пилипко

*Институт археологии РАН, Москва,
pilipko2002@mail.ru*

Аннотация. Древнее городище Куня Каахка расположено на подгорной полосе Копет-дага, примерно в 125 км юго-восточнее Ашхабада. Куня Каахка относится к числу крупнейших древних крепостей Южного Туркменистана. Она привлекала к себе внимание многих видных исследователей и даже была объектом раскопок (А.А. Семенов в 1928 году и Д.Д. Дурдыев в 1955 году), но в силу разных обстоятельств подробных сведений об этом памятнике в научной печати нет до сих пор. В данной заметке делается попытка отчасти исправить это положение. Ознакомление с ранее накопленными материалами и археолого-топографические исследования 1994 г. привели автора к выводу, что Куня Каахка не может быть определен как остатки города античного времени. Основные возражения против этого сводятся к тому, что в пределах огороженного стеной пространства нет характерной для городских структур плотной квартальной застройки. Пригорода как такового в окрестностях крепости также нет. Первое небольшое поселение на этой территории появилось, вероятно, в ахеменидское время. Оно продолжало функционировать в античный период. Хорошо выделяющиеся в рельефе внешние стены дают больше оснований датировать памятник раннесасанидским периодом. На это указывает использование кирпича толщиной 8–10 см и необычная треугольная форма промежуточных башен, нехарактерная для фортификационных сооружений аршакидского времени. Но в Мервском оазисе известен еще один памятник с подобными башнями (Чебишкен-депе), который уверенно датируется сасанидским временем. Относительно хорошая сохранность внешних стен крепости – еще

Пилипко Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

один довод в пользу ее более позднего происхождения. В постсасанидское время было несколько попыток ее восстановления. В частности, в 1382 году знаменитый полководец Тимур использовал ее остатки в качестве опорного пункта для своих войск, осаждавших крепость Келат.

Ключевые слова: история, археология, Средняя Азия, Туркменистан, Этек, архитектура сасанидского периода, Исидор из Харакса

Введение

Крепость Куня Каахка¹ расположена в 3 км северо-восточнее железнодорожной станции Каахка, в непосредственной близости от магистрального шоссе Ашхабад-Мары. Она находится на бойком месте, отличается крупными размерами, хорошей сохранностью своих внешних стен и невольно привлекает внимание каждого проезжающего по этой дороге. Здесь бывали А.В. Комаров, В.А. Жуковский, многие другие востоковеды и любители старины. Но в печати сведений о ранних посещениях этой крепости практически нет.

Только в 1928 г. Куня Каахка стала объектом специального изучения Хаверанской экспедиции, организованной и возглавляемой профессором Среднеазиатского государственного университета, известным российским востоковедом А.А. Семеновым². Среди членов экспедиции не было археологов. Древняя материальная культура данной области в то время практически не была известна. По этой причине изучение памятников доарабского времени ограничивалось сбором подъемного материала, техническим описанием древних объектов и их фотофиксацией. Результатом этих исследований стала инструментальная съемка плана крепости Куня Каахка, выполненная профессиональным топографом П.С. Бугро (рис. 1). Описание городища осуществил сам А.А. Семенов. Он же дополнил его извлечениями из трудов Шараф ад-Дин Йезди об осаде Тимуром в 1382 г. крепости Келат. В связи с тем, что осада последней затянулась, Тимур приказал для контроля над близлежащей местностью построить (точнее восстановить) старую крепость Каахка. По словам Шараф ад-Дина работа была выполнена за два дня³. Эта привязка к данным из письменных источников и инструментальный план стали важнейшим вкладом Хаверанской экспедиции в изучении памятника. Вопрос о времени строительства ранней крепости А.А. Семенов оставил открытым⁴. Позднее Куня Каахку последовательно посещали А.А. Марущенко (1936 г.), М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова (1947 г.), С.А. Ершов (1950 г.). Но только М.Е. Массон опубликовал свои наблюдения⁵.

Здесь необходимо сделать отступление от основной темы. В 40–50 гг. XX в. интерес ко всем крупным поселениям Каахкинского района возрос в связи с попытками установить местонахождение главного города древней области Апаварктикена, упомянутой в «Парфянских стоянках» Исидора Харакского. Зачинателем в этом деле был А.А. Марущенко. В 1930-х гг. на городищах Старая и Новая Ниса он провел первые раскопки и пришел к выводу, что есть все основания считать

¹ В современном туркменском написании «Койне Кака».

² Семенов 1931.

³ Семенов 1931, 25–26.

⁴ Семенов 1931, 24–27.

⁵ Массон 1953, 42–43.

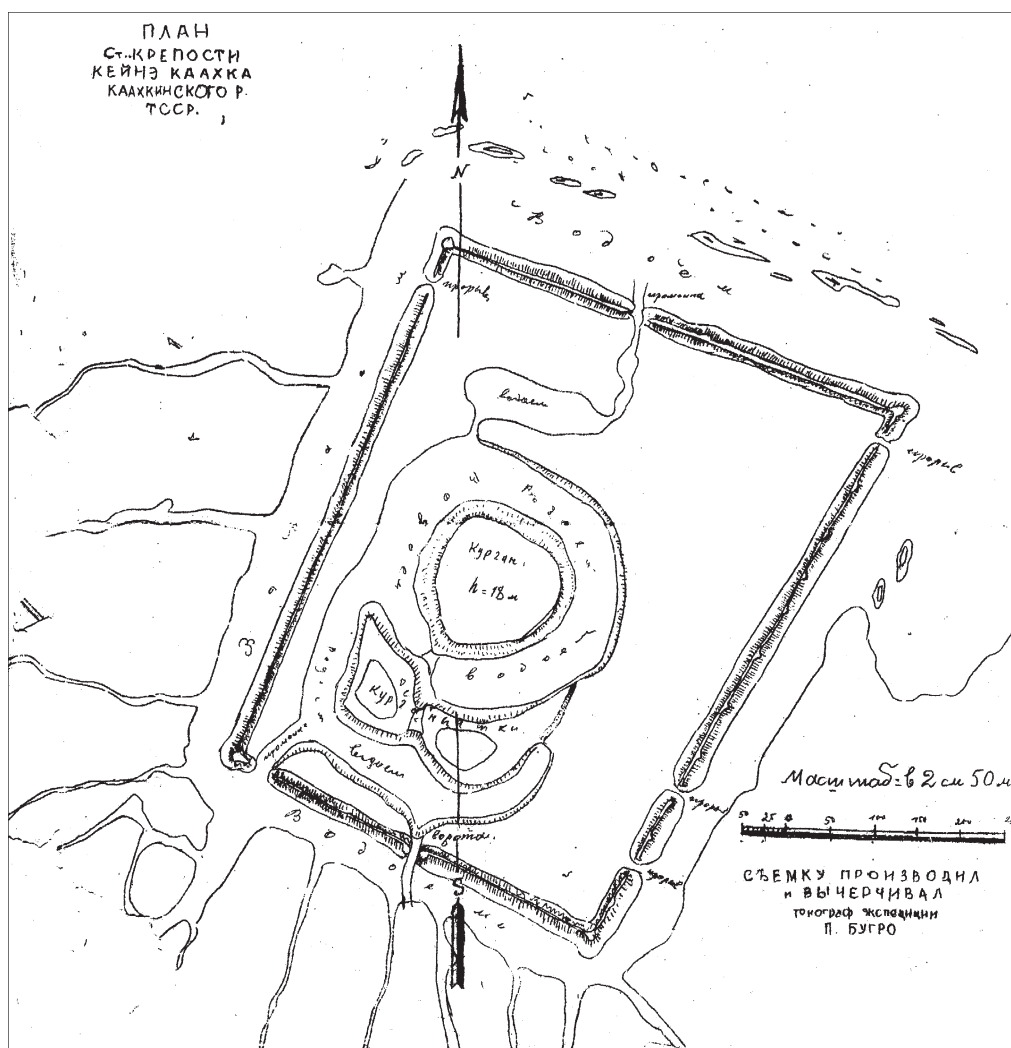

Рис.1. План городища Куня Каахка. Инструментальная съемка 1928 года

их остатками Парфавнисы, упомянутой Исидором Харакским⁶. Это предположение породило еще одно: после Парфавнисы (Багира) древняя дорога следовала в юго-восточном направлении по подгорной полосе Копетдага, где, по мнению А.А. Марущенко, следует искать другие, названные Исидором, города – Гатар, Сирок, Апаварктика, Рагав. Местонахождение следующих за Парфавнисой двух остановок он определил легко и уверенно. Руководствуясь указаниями Исидора о расстоянии между этими тремя пунктами, А.А. Марущенко пришел к выводу, что город Гатар надо искать в районе современного селения Анау, а третью стоянку – Сирок – в районе Гяурса. Единственное древнее поселение городского типа

⁶ Марущенко 1939, 99; 2001, 405, 411.

в районе Анау – это городище Анау. А.А. Марущенко предложил данный объект считать соответствующим городу Гатар. Аналогичным способом было определено и местонахождение города Сирок.

Но с локализацией городов, расположенных в пределах предполагаемой древней Апаварктикены, возникли значительные трудности. Для дальнейшего пути Исидор точных расстояний между стоянками не сообщает. Указывается лишь последовательность их прохождения – сначала город Апаварктика, затем Рагав (Ragay). В этих условиях основанием для отождествления могли быть лишь крупные размеры древних руин и обязательная их принадлежность к аршакидской эпохе. Руководствуясь этими критериями, А.А. Марущенко предположил, что наиболее «подходящим» на роль главного центра данной области можно считать городище Хосров-кала, расположенное несколько западнее ж/д станции «Каушут». Среди прочих археологических памятников оно выделялось своими размерами, четкими внешними контурами и высотой. Судя по подъемному материалу, основные культурные слои этого городища относились к сасанидскому периоду, но большая высота холма и редкие находки фрагментов керамики, напоминающих нисийские образцы, давали основания предполагать, что город возник еще в досасанидское время. Второй город – Рагав А.А. Марущенко очень условно разместил в районе современного Серахса⁷.

Большинство советских, а затем и зарубежных исследователей согласилось с локализацией Парфавнисы в Багире. Но отождествление Апаварктики с Хосров-калой вызвало возражение у М.Е. Массона, который в 1947 г. совместно с Г.А. Пугаченковой совершил специальную разведывательную поездку от Ашхабада до Серахса, получившую условное обозначение «Маршрут Исидора Харакского». Двигаясь по пути, проторенному А.А. Марущенко, он согласился с локализацией Гатара и Сирока, но раскритиковал сопоставление Хосров-калы с Апаварктикой, а Серахса с городом Рагав. По мнению М.Е. Массона, по планировочной структуре и даже по названию Хосров-кала дает больше оснований рассматривать ее как остатки города сасанидского времени, и фрагментов керамики «нисийского типа» он здесь не обнаружил⁸. Его внимание больше привлекла крепость Куня Каахка. Это городище по своим размерам превосходит Хосров-калу, а большая высота ее цитадели допускает присутствие в ее основании слоев досасанидского периода. Следует, однако, отметить, что, предполагая строительство крепости в парфянское время, М.Е. Массон не сообщает о присутствии в подъемном материале с этого памятника фрагментов керамики аршакидской эпохи. Здесь, как и на Хосров-кале, доминировали находки сасанидского периода. На основании своего рекогносцировочного обследования данной крепости М.Е. Массон высказал предположение, что именно ее можно считать остатками Апаварктики⁹. А город Рагав он предложил искать не в Серахсе, который расположен в пределах уже другой историко-географической области, а в районе ж/д станции «Душак».

⁷ Сведения о древних городах Каахкинского района А.А. Марущенко не были опубликованы, но они были представлены на составленной им исторической карте, долгие годы экспонируемой в историческом музее Ашхабада.

⁸ Массон 1953, 41–42.

⁹ Массон 1953, 41–43.

После критических замечаний А.А. Марущенко проводит стратиграфические работы на Хосров-кале, в результате которых устанавливает, что данное поселение возникло еще в мидо-ахеменидский период и активно функционировало в аршакидское время¹⁰.

Завершая сюжет о Хосров-кале, следует отметить, что в середине 80-х гг. С.Д. Логинов тщательно проанализировал материалы из стратиграфических шурфов на этом городище, и, опираясь на новые хронологические колонки, разработанные для этого региона, пришел к выводу, что материалы II–I вв. до н.э. на Хосров-кале практически отсутствуют. Крупное поселение городского типа здесь, по-видимому, возникло только в начале нашей эры, соответственно нет оснований данное городище отождествлять с Апаварктикой¹¹.

В 1955 г. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР (ИИАЭ), вероятно, по инициативе А.А. Марущенко, были организованы разведывательные археологические работы и на Куня Каахка. Проводились они под руководством Д.Д. Дурдыева и при участии А.Ф. Ганялина. В процессе этих работ, помимо историко-топографического обследования городища и его окрестностей, закладывались контрольные зондажи в пределах огороженного пространства. На юго-восточном крепостном валу были расчищены две башни и куртина между ними, что позволило составить более полное представление о фортификационных особенностях крепости (рис. 2). На цитадели пройден большой стратиграфический шурф¹². Правда, из-за каких-то экстраординарных обстоятельств находки из нижних его слоев были утрачены до зарисовки, и полная публикация результатов исследований не состоялась.

В односторонней справке Д.Д. Дурдыева много неточностей и недомолвок. Нет ответа даже на такой естественный вопрос: когда, кем и для каких целей была построена эта крепость? В справке сообщается, что общая толщина культурных отложений на цитадели составляет 13 м. Нижние четыре метра соотносены с античной эпохой. Какие-либо уточнения относительно времени основания крепости отсутствуют. Выше следуют 6 м. отложений V–VIII вв. Верхние три метра культурного слоя представляют эпоху развитого и позднего средневековья. Описание Д.Д. Дурдыева поясняет, что данное поселение непрерывно функционировало с античного времени до XVI в.

В личном архиве А.А. Марущенко удалось обнаружить листок с изложением результатов его ознакомления с коллекцией находок из этого шурфа уже в стенах Института¹³. В нем отмечается, что в коллекции представлены находки с 1-го по 20-ый ярусы, т.е. 10-ти верхних метров шурфа. Эта записка составлена для личного пользования, и при описании отдельных находок употреблены жаргонные определения «узбеки», «тимуриды», «афригиды». В справке присутствуют схематические изображения отдельных наиболее примечательных профилей.

¹⁰ Марущенко 1956.

¹¹ Логинов 1985.

¹² Дурдыев 1959, 12.

¹³ Архив Института археологии РАН. Ф. 15. Д. 17. Л. 1/2.

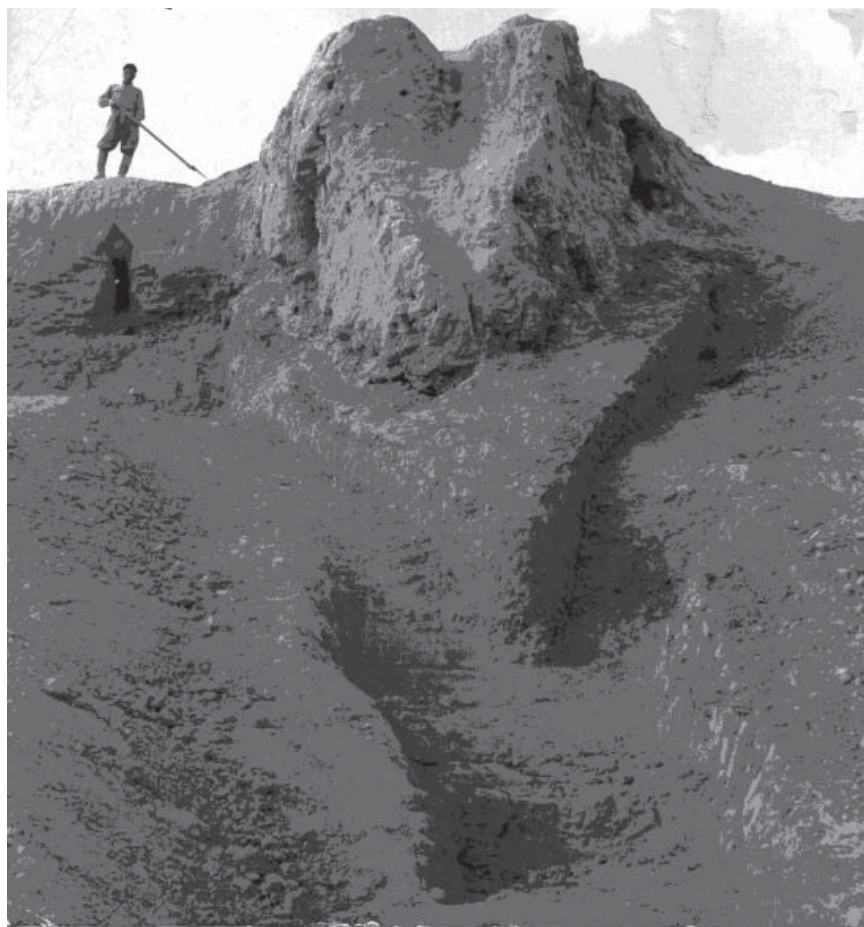

Рис.2. Расчистка крепостной стены. Раскопки 1955 г.
Фотография предоставлена Д.Д. Дурдыевым

Помимо такой характеристики материала, в записке, напротив соответствующих абзацев, проставлена датировка в числовом выражении. Например, напротив описания материалов из 1–3 ярусов сделана приписка «XIV–XVI вв.». В их обзоре указывается присутствие изделий с сочетанием коричневой и желтой глазури. По мере углубления увеличивается количество фрагментов с синей, ярко-голубой и монокромной зеленой глазурью. С 6-го яруса появляются отдельные фрагменты раннесредневековой керамики, но в целом напротив описания этого яруса помещена пометка «X–XII вв.», снабженная знаком вопроса. Некоторые фрагменты глазурованной керамики встречаются до 8-го яруса. С 9 по 16 ярусы керамика уже исключительно неглазурованная, и среди нее наиболее показательны венчики кувшинов (?) в виде вытянутого по вертикали утолщения, внешняя сторона которого разделена на два-три горизонтальных валика¹⁴. С 11-го яруса, наряду с ними,

¹⁴ Аналогии см., например: Пилипко 1978, рис. 9: для венчиков первого типа №№ 1,2; для второго типа – № 13.

широко представлены венчики горшков и кувшинов в виде короткого выступа наружу, имеющего плоскую верхнюю площадку, на последней часто имеется кольцевая ложбинка. В 19–20-х ярусах эти венчики становятся доминирующими. Напротив этого текста А.А. Марущенко сделана пометка – «III–IV вв.». Материалы аршакидского периода в рассматриваемой коллекции отсутствуют, но и Марущенко, и Дурдыев в последующих публикациях время основания Куни Каахки уверенно относят к античному периоду и рассматривают данную крепость как остатки города Рагав, упомянутого у Исидора Харакского¹⁵. М.Е. Массон также остался при своем прежнем мнении, но в обобщающей работе 1957 г. констатировал, что вопрос о локализации Апаварктики окончательно еще не решен¹⁶.

Необходимо отметить позицию еще одного активного исследователя древней архитектуры Южного Туркменистана – Г.А. Пугаченковой. В 1947 г. она вместе с М.Е. Массоном осматривала Куню Каахку, но в своих обобщающих работах по парфянской архитектуре исследователь эту крепость обходит молчанием¹⁷. Ввиду острых разногласий относительно местонахождения столичного города данной области и дефектности исследований 1955 г. следовало бы ожидать проведения здесь новых, более основательных раскопок, но в 1959 г. в крепости обосновались военные, и более чем на два десятилетия она стала недоступна для археологических исследований.

В XX в. последнее по времени обследование крепости осуществлялось автором данного сообщения осенью 1994 г. Это не было специальное целевое посещение. Мы с Х. Юсуповым возвращались из другой экспедиции и на несколько часов остановились на Куню Каахка. Соответственно, осмотр был очень беглым, и не все важные детали удалось зафиксировать.

На юго-восточной внешней стене были осмотрены остатки недавно рухнувшей башни. Из свежего развала удалось извлечь несколько целых кирпичей и установить их формат: 40 x 40 x 8–10 см. На нескольких блоках были зафиксированы клейма в виде двух параллельных прямых полос по центральной части кирпича.

Осмотр цитадели показал, что в период ее использования военными с западной стороны с помощью бульдозера был устроен пандус, ведущий на вершину. В образовавшемся обрыве обнажилась кладка из сырцового кирпича того же формата, что и на крепостной стене. Из нее было извлечено несколько фрагментов разновременной керамики. Наиболее примечательны венчик корчаги ахеменидского времени (рис. 3,6) и фрагмент чаши, характерной для эллинистического периода (рис. 3,3). Следует также упомянуть фрагмент «подкоса», поднятого с поверхности, прилегающей к цитадели возвышенности (рис. 3,7). Было обращено внимание на практически полное отсутствие культурного слоя вне цитадели и прилегающего к ней с юго-запада плазмоида. Обследование небольших возвышенностей к западу от крепости показало их малочисленность и разновременность. Это явно не пригород античного города.

¹⁵ Марущенко 1956, 142–143; Дурдыев 1974, 44.

¹⁶ Массон 1957, 99.

¹⁷ Пугаченкова 1952, 215–225; 1958, 26–60.

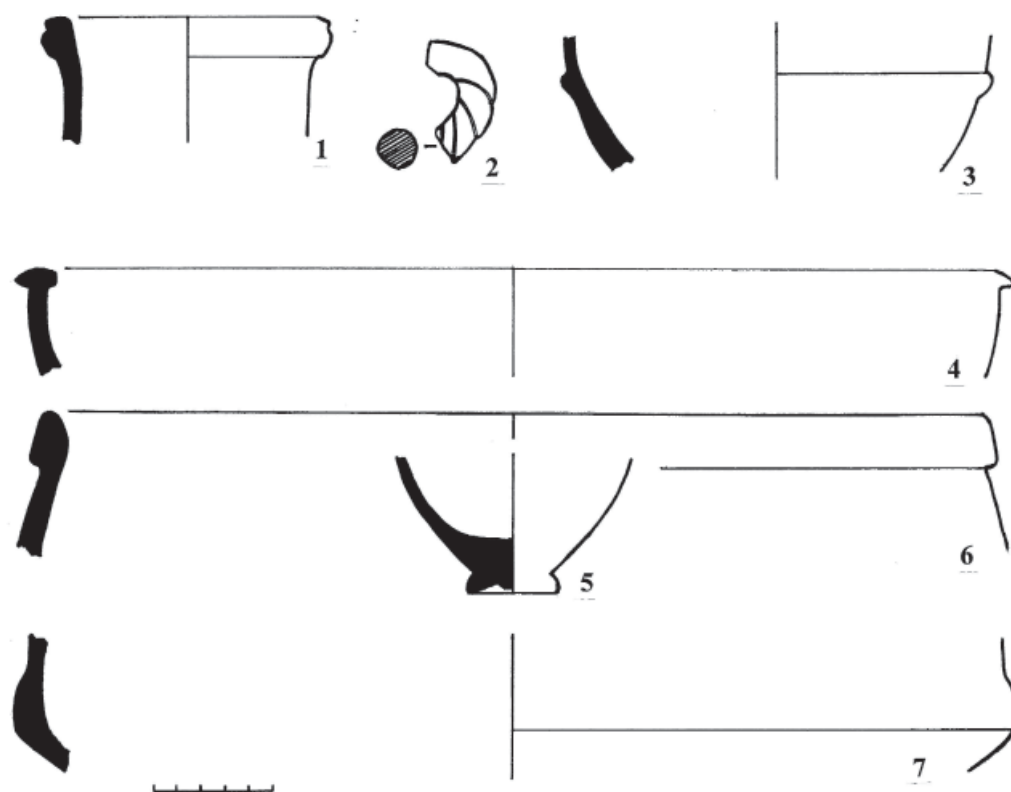

Рис.3. Куня Каахка. Некоторые образцы керамики. Сборы 1994 г.

Поскольку вопрос о датировке Куня Каахка по-прежнему открыт, имеет смысл еще раз проанализировать весь доступный материал по этому, явно неординарному, памятнику. Крепость находится в низовьях одного из русел реки Лоинсу, в хорошо обводненной местности. Еще до ее появления здесь располагались какие-то небольшие поселения. Судя по сборам 1994 г., в пределах будущего огороженного пространства находились остатки небольших поселений ахеменидского и эллинистического времени. Есть основания предполагать, что остатки этих ранних поселений продолжали использоваться в аршакидское время, и в результате здесь образовался довольно большой холм (6–7 га), предположительно прямоугольный в плане очертаний. Его контуры можно рассмотреть на снимках из космоса (рис. 4). Этот холм послужил основанием для цитадели новой крепости. Цитадель заняла северо-восточную его часть. Контуры собственно крепости очерчены мощной внешней стеной. Крепость в плане имела форму неправильного четырехугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Ориентация прямоугольника, вероятно, обусловлена направлением течения протоки Лоинсу, которая была включена в пределы крепости. Ручей (или канал?) входил внутрь вблизи западного угла крепости и выходил за ее пределы в средней части северо-восточной стены (рис. 1).

Рис.4. Куня Каахка. Космическая съемка

Площадь крепости составляла около 34 га. Длина северо-восточного отрезка стены составляла 587,5 м, юго-восточного – 737,5 м, юго-западного – 487,5 м и северо-западного – 675 м. Общая протяженность крепостных стен равнялась 2487,5 м. Куня Каахка была усилена часто расположенными башнями, имеющими в плане необычную треугольную форму¹⁸. Без раскопок точное число промежуточных башен определить трудно, но можно предполагать, что их было не менее 120. На углах крепости располагались более мощные башни, вероятно, имевшие полуовальную форму. Два подобных бастиона фланкировали въезд, размещенный в середине юго-западного фасада. Д.Д. Дурдыев сообщает о вторых воротах, расположенных в северо-восточной стене. Но эта информация нуждается в проверке. Не исключено, что это не ворота, а место вывода речного русла за пределы крепости, оно нуждалось в частых ремонтах. При строительстве цитадели и крепостных стен сразу были обустроены рвы (грунт из них использовался на выделку кирпичей). Особенно мощным был ров вокруг цитадели. Ширина его достигала 50–60 м.

Следует обратить внимание на то, что за пределами цитадели и юго-западного плазмоида культурный слой практически отсутствует. Это явно свидетельствует о том, что Куня Каахка была именно крепостью, а не длительно функционирующим

¹⁸ Д.Д. Дурдыев называет их «килевидными».

городом. Вызывает возражение и утверждение Д.Д. Дурдыева о существовании вокруг крепости обширного пригорода. Сейчас с трех сторон укрепления никаких всхолмлений искусственного происхождения нет¹⁹. Некоторое количество мелких холмов прослеживалось в 300–500 м к западу от крепости, но это остатки разновременных мелких поселений. Часть из них действительно синхронна крепости, но имеются также остатки эллинистических и средневековых усадеб.

Внешняя крепостная стена до сих пор четко выражена в рельефе. В ней имеется несколько проранов, позволяющих легко изучить ее устройство, но в доступных мне материалах сведений об общей толщине и о конструктивных особенностях стены обнаружить не удалось, и сам я при посещении крепости в 1994 г. этого также не сделал. В оплывшем состоянии вместе с башнями, судя по плану П.С. Бугро, ширина стены достигала 25–30 м. На юго-восточном фасаде Д.Д. Дурдыев расчистил две башни и куртину между ними. Башни в плане имеют необычную треугольную форму. Ширина их в основании – 5,15 м, за красную линию стены они выступают примерно на 9 м. Внутри башен устроены небольшие трапециевидные очертания стрелковых камер. В них устроено по две бойницы, створ которых направлен примерно на «острие» соседней башни²⁰. С внутренним коридором (или с валгангом?) камеры сообщались проемами шириной 80–85 см (рис. 5). При раскопках расчищалась только внешняя сторона стены, поэтому общая

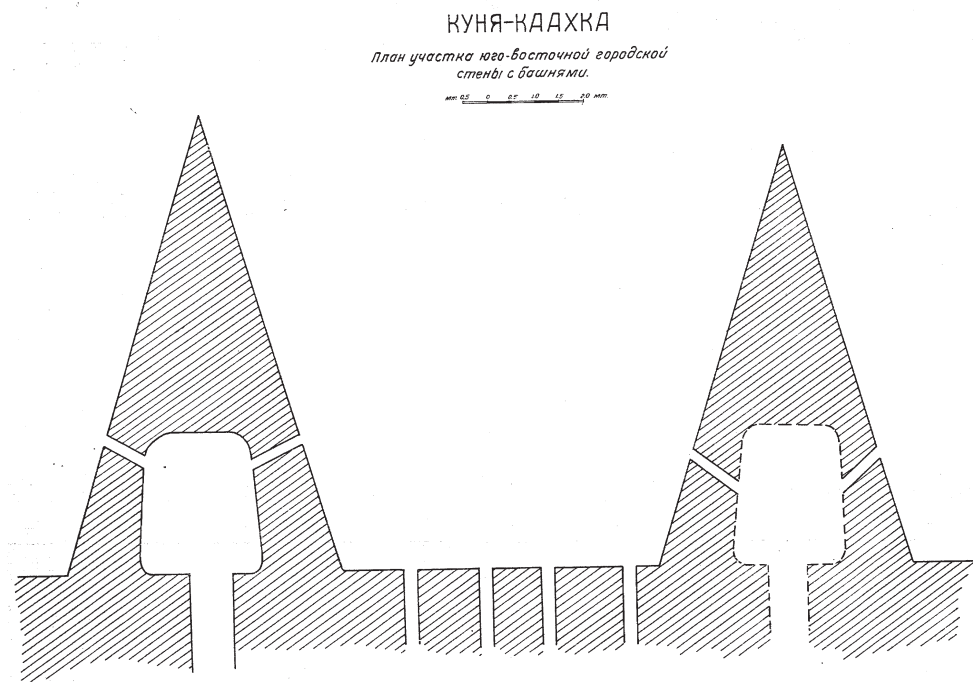

Рис.5. Раскопки 1955 г. Расчистка крепостной стены

¹⁹ На снимке 1928 г. «Вид на крепость с юга» никаких возвышенностей не прослеживается. (Семенов 1931, табл. XVII).

²⁰ Д.Д. Дурдыев ошибочно пишет о трех бойницах, расположенных веерообразно.

конструкция последней оставалась не выявленной. Стены башен довольно тонкие: 1–1,4 м. Судя по чертежу, толщина внешней барьерной стены была не менее 1,8–1,9 м. Башни располагались в 6,5 м друг от друга. В стене между ними устроено еще четыре бойницы. Конструкция всех бойниц, вероятно, была одинакова. Они имели вид прямоугольных щелей 1,0 x 0,2 м, увенчанных треугольными навершиями (рис. 6). Контур последних формировался из трех специально подтесанных кирпичей. Общая высота бойниц – 1,4 м. Нижняя их плоскость имела крутой скос.

Несложные арифметические подсчеты позволяют предполагать, что для защиты периметра оптимально требовалось около 1300 стрелков. С учетом сменной команды стрелков и оперативного резерва гарнизон этой крепости должен был насчитывать не менее 3000 воинов.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что в силу разных обстоятельств исследования 1955 г. не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они были невелики по масштабу: шурф на цитадели и незавершенная расчистка стены²¹. Полученные при раскопках материалы, хотя бы из верхних слоев, не были опубликованы. Время основания цитадели точно не установлено, и даже нет уверенности, что шурф был доведен до «материка». По данным топосъемки, высота цитадели равна 18 м, а глубина шурфа составила всего 13 м.

Тем не менее все участники обозначенной выше дискуссии удовлетворились полученными результатами, и А.А. Марущенко²², и М.Е. Массон²³ в дальнейших своих публикациях исходили из того, что Куня Каахка – это остатки античного в своей основе города. Однако мне такое заключение не представляется очевидным.

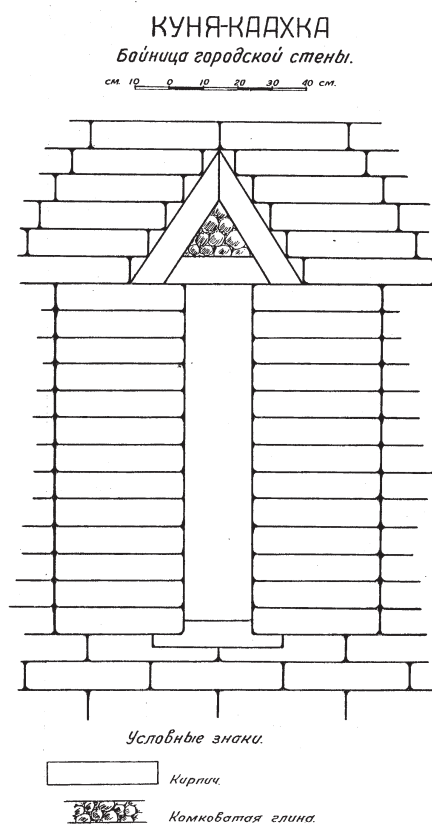

Рис.6. Раскопки 1955 г. Бойница

²¹ Полный ее профиль не выявлен, не установлено, проходила ли по верху открытая галерея или был крытый коридор.

²² Марущенко 1959, 71–72.

²³ Однако в своей итоговой публикации он указал, что вопрос о локализации Апарвартики окончательно не решен. Массон 1955, 24.

Ознакомление с ранее накопленными материалами и археолого-топографическими исследованиями 1994 г. привели меня к выводу, что данный объект не может быть определен как остатки города античного времени. Основные возражения против этого уже высказаны выше. В пределах внешних стен нет характерной для городских структур плотной квартальной застройки. Пригорода как такового в окрестностях крепости также нет. Натурные наблюдения и сравнительный анализ показали, что четырехугольник внешних крепостных стен есть основание относить к постаршакидскому времени. Прежде всего следует обратить внимание на формат сырцового кирпича, из которого возведены эти стены. На первый взгляд, это обычный «парфянский» кирпич с преобладающим размером 40 x 40 см, на некоторых блоках даже имеются клейма, характерные для античного времени. Но в данном случае большое значение имеет толщина блоков. Стены Куня Каахки сложены из сырцовых плит толщиной 8–10 см, в то время как на памятниках аршакидского времени они имеют толщину от 10 до 16 см, преимущественно 12–13 см.

Второй, еще более важный, признак – необычная треугольная форма башен. Это не продукт местной градостроительной традиции, модель явно привнесена извне. В пределах Южного Туркменистана мне известен еще один памятник с подобными башнями. Это крепость Чебишкен-депе, расположенная в 10 км севернее современного города Мары²⁴. Это небольшая квадратная в плане крепость (ок. 100 м в стороне), имеющая также треугольные промежуточные башни. Чебишкен-депе уверенно датируется сасанидским временем, здесь даже найдены фрагменты сосудов со среднеперсидскими надписями. Возвращаясь к «тонкому» кирпичу, следует указать, что подобный строительный материал использовался также на таких раннесасанидских памятниках Этека, как «ранний замок» на поселении Ак-депе у Артыка²⁵, крепость Дашлы-1 в Дашлинском оазисе и в укреплении Яссыджа у Карахана²⁶.

Для оборонительных сооружений позднеаршакидского и раннесасанидского времени характерна еще одна черта, свойственная и Куни Каахке – очень частое расположение башен. Эта тенденция прослеживается уже в ряде позднеаршакидских памятников (ср. Геоктепинское городище²⁷, Игды-кала²⁸, Чакан-депе²⁹). В замке Ак-депе у Артыка полукруглые башни фактически утратили свое первоначальное назначение – увеличение мощности внешних стен, обеспечение флангового обстрела. Здесь они находятся на стадии превращения в декоративный архитектурный элемент – гофры³⁰, столь популярный в последующие столетия.

На сасанидский возраст стен Куни Каахки указывает и «начинка» цитадели – основные слагающие ее слои относятся к V–VII вв. Это показатель того, что цитадель и внешняя стена возникли одновременно. Стены внешнего четырехугольника не производят впечатления древних, а лишь подновленных в сасанидское время конструкций.

²⁴ Пилипко 1973.

²⁵ Губаев, Логинов 1998, 40.

²⁶ Логинов 1991, 9.

²⁷ Пилипко 1990, 96–98.

²⁸ Юсупов 1979.

²⁹ Пилипко 1990, табл. XII, XV.

³⁰ Губаев, Логинов 1998, 38, илл. 4.

Письменные источники указывают на побудительные политические причины появления столь грандиозной, по местным меркам, крепости в пределах Этека в IV–VI вв.: подгорная полоса Копетдага была ареной ожесточенных схваток между Сасанидами и хионито-эфталитскими объединениями.

Куня Каахка предоставляет прекрасные возможности и для изучения местной культуры конца XIV–XVI вв. Дата появления тимуридских войск в Куня Каахке точно известна благодаря сообщению Шараф ад-Дина Йезди – реставрация крепости проведена в 1382 г. Присутствие материалов этого времени зафиксировано в пределах цитадели. При активных археологических исследованиях они, несомненно, будут обнаружены и в других частях крепости. По словам того же автора, крепость была построена за два дня. Но надо полагать, что за это время древняя крепость была просто приспособлена для расположения войск. Это свидетельствует о том, что сасанидская крепость в конце XIV в. все еще находилась в прекрасном состоянии. Два дня, видимо, понадобилось для того, чтобы почистить стрелковую галерею и разместить палатки не в чистом поле, а под защитой крепостных стен. Реальными следами этой деятельности, возможно, являются глиняные заглушки в верхних частях бойниц (рис. 6).

Среди малых холмов, расположенных в окрестностях крепости, были остатки усадеб XV–XVI вв. На одной из них, располагавшейся на месте современной автозаправочной станции, был найден небольшой кувшинчик с монетами, чеканенными от имени Шахруха, сына Тимура³¹. Следует отметить, что в истории крепости не прояснен вопрос о времени ее окончательного запустения. В предварительных публикациях это событие относится к XVI в., но присутствие керамических изделий, сочетающих глазури коричневого и желтого цветов, допускает и более позднюю дату.

* * *

Туркменским археологам и органам охраны памятников следовало бы обратить особое внимание на этот неординарный памятник. Активные и в то же время бережные его раскопки, несомненно, дадут новые интересные факты по древней и средневековой истории этого региона и одновременно создадут основу для превращения древней крепости Куня Каахка в первоклассный экспозиционный и рекреационный объект.

ЛИТЕРАТУРА

- Губаев, А.Г., Логинов, С.Д. 1998: Итоги изучения сасанидского поселения Ак-депе. В сб.: *Культурные ценности*. СПб., 36–60.
- Дурдыев, Д.Д. 1959: Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1954–1957 гг. *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 5, 7–14.
- Дурдыев, Д.Д. 1974: Архитектура рабовладельческого периода. В кн.: *Архитектурные памятники Туркменистана*. Л., 31–44.

³¹ Юсупов, Ходжаниязов 1973, 29–30.

- Логинов, С.Д. 1985: Проблема локализации Апаварктикены и ее центра Апаварктики. *Известия АН ТССР. Серия общественных наук* 5, 63–69.
- Логинов, С.Д. 1991: *Культура Апаварктикены в эпоху Сасанидов (III–VII вв. н.э.)*: автореф. дис. канд. ист. наук. Л.
- Марущенко, А.А. 1939: Анау. Историческая справка. В кн.: *Архитектурные памятники Туркмении* I. М.–Ашхабад, 96–101.
- Марущенко, А.А. 1956: Хосров-кала (отчет о раскопках 1953 г.). *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 2, 107–160.
- Марущенко, А.А. 1959: Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР* 5, 54–109.
- Марущенко, А.А. 2001: Старая Неса (информационное сообщение ТГНИИ об итогах раскопок городища в 1930–31, 1934–35 гг.). В кн.: В.Н. Пилипко *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. М., 405–411.
- Массон, М.Е. 1953: Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. *Труды ЮТАКЭ* 2, 7–72.
- Массон, М.Е. 1955: Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. *Труды ЮТАКЭ* 5, 7–70.
- Массон, М.Е. 1957: Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. В кн.: *История Туркменской ССР*. Т.1. Кн. 1: *С древнейших времен до конца XVIII века*. Ашхабад, 87–127.
- Пилипко, В.Н. 1973: В сб.: Чебишкен-депе. *Памятники Туркменистана* 2, 24–25.
- Пилипко, В.Н. 1978: Ярык-депе. В сб.: *Каракумские древности* 7, 14–31.
- Пилипко, В.Н. 1990: *Позднепарфянские памятники Ахала*. Ашхабад.
- Пугаченкова, Г.А. 1952: Парфянские крепости Южного Туркменистана (из материалов работ ЮТАКЭ). *ВДИ* 2, 215–235.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. *Труды ЮТАКЭ* 6. М.
- Семенов, А.А. 1931: Древности Абивердского района. *Труды САГУ*. Сер. 2. Вып. 3. Ташкент.
- Юсупов, Х. 1979: Игдыкала – парфянская крепость на Узбое. В сб.: *Этнография и археология Средней Азии*. М., 53–58.
- Юсупов, Х., Ходжаниязов, Т. 1973: Клад серебряных монет. В сб.: *Памятники Туркменистана* 2. Ашхабад.

REFERENCES

- Durdyev, D.D. 1959: Itogi polevyh rabot sektora arheologii Instituta istorii, arheologii i jetnografii AN Turkmenskoj SSR v 1954–1957 gg. *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmenskoj SSR* 5, 7–14.
- Durdyev, D.D. 1974: Arhitektura rabovladel'cheskogo perioda. In: *Arhitekturnye pamjatniki Turkmenistana*. Leningrad, 31–44.
- Gubaev, A.G., Loginov, S.D. 1998: Itogi izuchenija sasanidskogo poselenija Ak-depe. In: *Kul'turnye cennosti*. Saint-Petersburg, 36–60.
- Loginov, S.D. 1985: Problema lokalizacii Apavarktikeny i ee centra Apavarktiki. *Izvestija AN TSSR. Serija obshhestvennyh nauk* 5, 63–69.
- Loginov, S.D. 1991: *Kul'tura Apavarktikeny v jepohu Sasanidov (III–VII vv. n.je.)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk. Leningrad.
- Marushchenko, A.A. 1939: Anau. Istoricheskaja spravka. In: *Arhitekturnye pamjatniki Turkmenii* I. M.–Ashhabad, 96–101.

- Marushchenko, A.A. 1956: Hosrov-kala (otchet o raskopkah 1953 g.). *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmenской SSR* 2, 107–160.
- Marushchenko, A.A. 1959: El'ken-depe (otchet o raskopkah 1953, 1955 i 1956 gg.). *Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Turkmenской SSR* 5, 54–109.
- Marushchenko, A.A. 2001: Staraja Nesa (informacionnoe soobshhenie TGNII ob itogah raskopok gorodishha v 1930–31, 1934–35 gg.). In: V.N. Pilipko *Staraja Nisa. Osnovnye itogi arheologicheskogo izuchenija v sovetskij period*. M., 405–411.
- Masson, M.E. 1953: Juzhno-Turkmenistanskaja arheologicheskaja kompleksnaja jekspedicija (YuTAKE) 1947 goda. *Trudy YuTAKE* 2, 7–72.
- Masson, M.E. 1955: Narody i oblasti juzhnoj chasti Turkmenistana v sostave Parfjanskogo gosudarstva. *Trudy YuTAKE* 5, 7–70.
- Masson, M.E. 1957: Narody i oblasti juzhnoj chasti Turkmenistana v sostave Parfjanskogo gosudarstva. In: *Istorija Turkmenской SSR*. T.1. Kn. 1: *S drevnejshih vremen do konca XVIII veka*. Ashhabad, 87–127.
- Pilipko, V.N. 1973: Chebishken-depe. In: *Pamjatniki Turkmenistana* 2, 24–25.
- Pilipko, V.N. 1978: Jaryk-depe. In: *Karakumskie drevnosti* 7, 14–31.
- Pilipko, V.N. 1990: *Pozdneparfjanskije pamjatniki Ahala*. Ashhabad.
- Pugachenkova, G.A. 1952: Parfjanskije kreposti Juzhnogo Turkmenistana (iz materialov rabot YuTAKE). *VDI* 2, 215–235.
- Pugachenkova, G.A. 1958: Puti razvitija arhitektury Juzhnogo Turkmenistana pory rabovladienija i feodalizma. *Trudy YuTAKE* 6. Moscow.
- Semenov, A.A. 1931: Drevnosti Abiverdskogo rajona. *Trudy SAGU*. Ser. 2. Vyp. 3. Tashkent.
- Jusupov, H. 1979: Igdykala – parfjanskaja krepost' na Uzboe. In: *Jetnografija i arheologija Srednej Azii*. M., 53–58.
- Jusupov, H., Hodzhaniyazov, T. 1973: Klad serebrjanyh monet. In: *Pamjatniki Turkmenistana* 2. Ashhabad.

TO THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF OLD QAHQA FORTRESS IN THE SOUTHERN TURKMENISTAN

Victor N. Pilipko

*Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
pilipko2002@mail.ru*

Abstract. Old Qahqa (Kunja Qaahqa) is among the largest ancient fortresses of Southern Turkmenistan. It drew the attention of many well-known researchers and even was an excavation site, but due to different circumstances there is still no detailed information on this monument. In this article an attempt is made to change the situation partly. The early settlement in this territory appeared probably during the Achaemenid period. But the fortress, which the part was dated by scholars to the Parthian time, is surely dated to the Early Sassanid period. In the Middle Ages there were some more attempts of its restoration. It was used by the famous military leader Timur in 1382 under the siege of Qalat Fortress.

Key words: history, archeology, Central Asia, Turkmenistan, Etek, Sasanian architecture, Isidore bey Charax

МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ (результаты исследования материалов с поселения Кампыртепа)*

С.А. Рузанова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва,
ruzanova_s@mail.ru*

Аннотация. В статье публикуются материалы об археологических находках с бактрийской крепости Кампыртепа, связанные с металлопроизводством (шлак, сопло, готовые изделия). Находки датируются II в. до н.э. – II в. н.э. Металлические изделия и шлак были исследованы с помощью рентгенофлуоресцентного анализа для того, чтобы получить химический состав материала. Результаты изучения готовой металлической продукции показали, что население крепости в это время использовало изделия, изготовленные из сыродутного железа, а также предметы из цветных металлов, выполненные в производственных традициях, бытовавших в это время на территории Северной Бактрии. Выявленный набор компонентов в шлаке и их соотношение говорят о том, что это сильножелезистый кислый шлак, полученный в процессе прямого восстановления металла из руды в сыродутной печи. Дальнейшей переработке шлак не подвергался. Также в статье впервые опубликован материал о двухканальном глиняном сопле для двойных клиновидных кузнечных мехов, которое на сегодняшний день является самой ранней находкой подобного типа на территории Средней Азии. Обнаруженные части кузнечных мехов, несомненно, указывают на то, что на месте поселения функционировала кузница. Шлак и сопло свидетельствуют о том, что в I в. до н.э. – I в. н.э. в поселении осуществлялся полный цикл работ с железом – от его выплавки из руды до производства готовой продукции. Все находки сделаны в районе юго-восточного входного комплекса и пристани. Устройство мастерских в районе пристани вполне возможно, так как организация инфраструктуры портовой части поселения требует концентрации некоторых видов ремесла в этой зоне.

Ключевые слова: Бактрия, Кампыртепа, эллинистическо-кушанский период, металлопроизводство, рентгенофлуоресцентный анализ, цветной металл, железо, шлак, сопло

Введение

С 2009 г. на памятнике Кампыртепа (Термезский район, Сурхандарьинская область, Узбекистан) Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции (БСАЭ) Института археологии РАН проводит работы в районе юго-восточного входного комплекса и портовой зоны¹ (рис. 1–2). На сегодняшний день это первые комплексные исследования речной переправы в Средней Азии на крупной

Рузанова Светлана Анатольевна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 13-31-01000 «Речные переправы древней Бактрии». С.А. Рузанова

¹ Двуреченская 2013, 338.

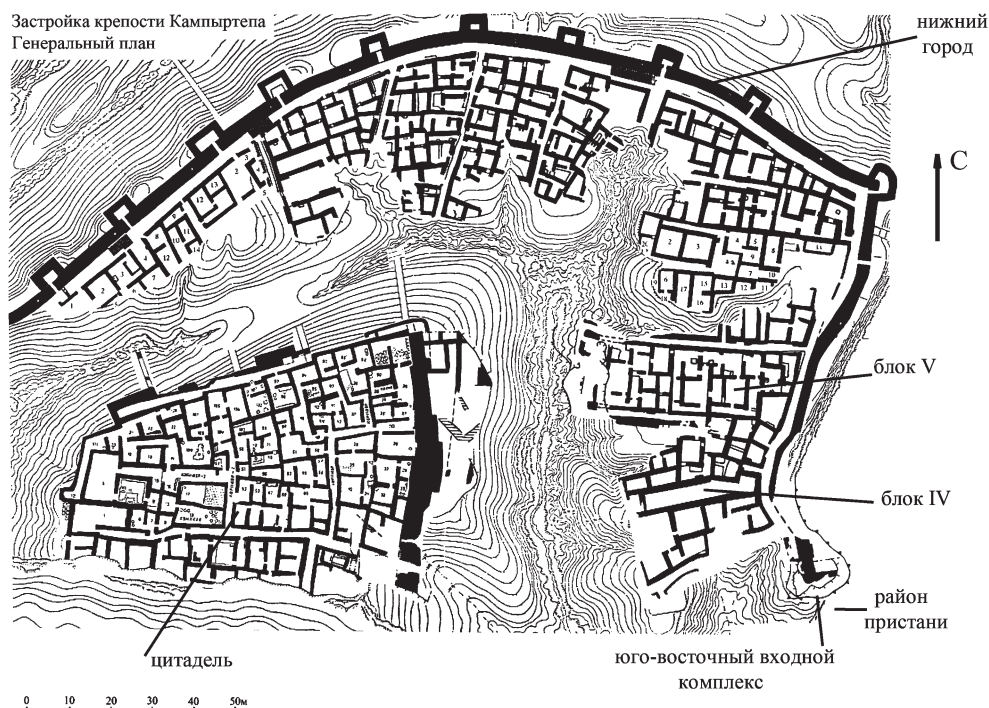

Рис. 1. Топографический план Кампыртепа, 2010 г.

водной артерии – Амударье. Переправа на этом месте действовала с конца IV в. до н.э., т.е. со времени похода Александра Македонского, и вплоть до II вв. н.э. – расцвета Кушанской империи². Среди найденных на указанном участке материалов, которые позволяют судить об устройстве, функционировании и инфраструктуре речной переправы, присутствуют находки, связанные с металлопроизводством, – шлак, сопло и железные полуфабрикаты. Эти предметы относятся к той группе археологических источников (инструменты ремесленника, материалы и отходы производства), которая считается одним из прямых индикаторов того, что население, оставившее памятник, занималось обработкой металлов.

До настоящего времени не было однозначных данных о том, что на Кампыртепа существовало местное металлопроизводство, хотя следы различной производственной деятельности были обнаружены на крепости и в пригородной зоне (остатки специализированных керамических мастерских эпохи эллинизма³, отходы камнерезного производства⁴). Единственная работа, затрагивающая эту тему, посвящена исследованию химического состава предметов из цветного металла с Кампыртепа кушанского времени и определению источников сырья⁵. Но вопрос о месте производства этих изделий остался в статье открытым. Таким образом,

² Ртвеладзе 2001, 7–11; Болелов 2011, 49–50.

³ Болелов 2001, 19; 2011, 50–51.

⁴ Ртвеладзе 2000, 10–11.

⁵ Левушкина 2001.

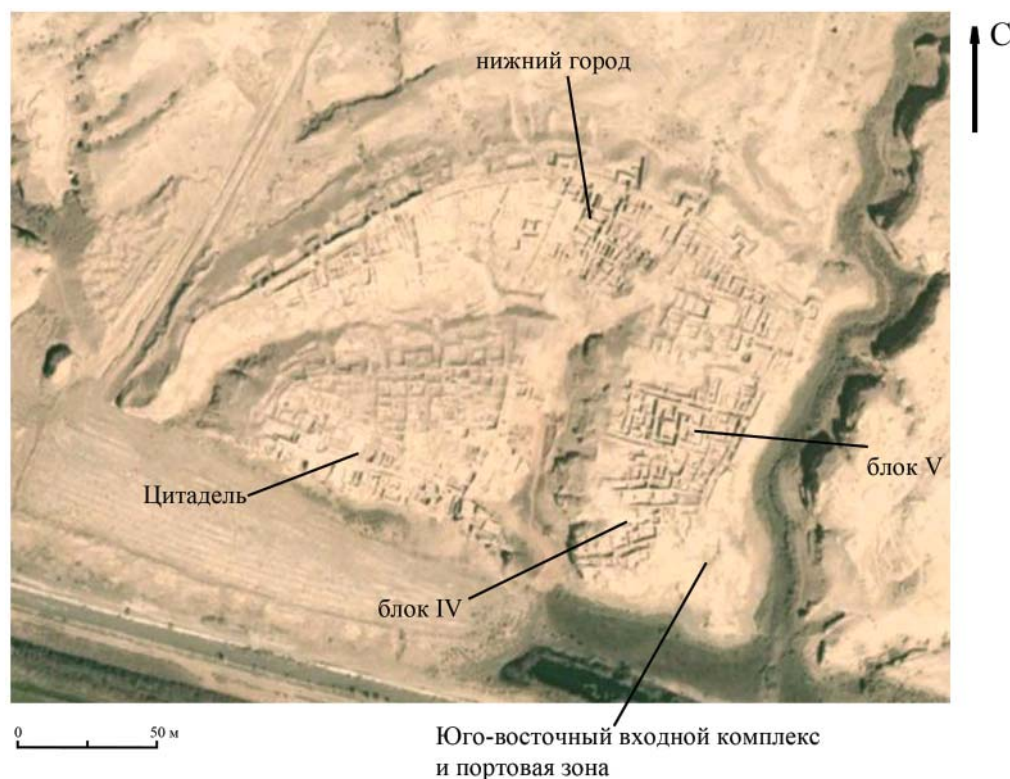

Рис. 2. Аэрофотосъемка памятника Кампыртепа (данные Google Map)

изучение находок из юго-восточного входного комплекса и портовой зоны позволяет получить первые сведения о традициях местного металлопроизводства.

Набор предметов, рассмотренный в этой статье, небольшой и состоит из шлака, двухканального сопла от кузнечных мехов и двух железных полуфабрикатов в виде брусков (рис. 3). Кроме того, для естественнонаучных анализов было отобрано 12 готовых изделий (4 из цветного металла и 8 из железа), найденных на прилегающих к юго-восточного входного объектов на самой крепости. Все материалы были найдены в процессе работы БСАЭ на памятнике, и автором раскопок – Н.Д. Двуреченской – ранее не публиковались⁶. Исследованные предметы относятся к разным периодам истории Кампыртепа: продукция из цветного металла и одна часть железных изделий датируются II в. до н.э. (эллинистический период), шлак и сопло – I в. до н.э. – I в. н.э. (юэчжийско-раннекушанский период), другая часть железных предметов и заготовки – первой половиной II в. н.э. (кушанский период).

Основная методика изучения готовых металлических изделий заключалась в определении элементного состава металла, из которого они выполнены. Это было необходимо, чтобы установить наборов металлов и сплавов, использовавшихся

⁶ Приношу глубокую благодарность Н.Д. Двуреченской за возможность изучения и публикации этих материалов.

Рис. 3. 1 – шлак; 2 – двухканальное сопло; 3–4 – полуфабрикаты

древними мастерами⁷. Такие данные позволяют получить общие сведения о традициях металлообработки в различных производственных центрах. Определение химического состава шлака также является традиционным методом исследования этого археологического объекта⁸. Так как шлак представляет собой сложное соединение пустой породы с примесями элементов, содержащихся в руде, топливе и флюсах, и частиц восстановленного железа, то данные по основным включениям позволяют судить о технологии выплавки металла, об использовании флюсов и типе горна, в котором исследуемый шлак был сформирован⁹.

Анализ химического состава предметов с Кампыртепа выполнен методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии (далее РФА), используемым для количественного определения как высоких концентраций элементов, так и микропримесей до 0,001 %. В современной археометаллургии РФА давно стал одним из ведущих методов анализа элементного состава металла, т.к. он не разрушает и не повреждает древние объекты¹⁰.

Анализ изделий с Кампыртепа выполнен на вакуумном спектрометре последовательного действия (с дисперсией по длине волны) модели Axios Advanced с рентгеновской трубкой мощностью 4 kW. Прибор предназначен для высокоточного анализа химического состава проб от бериллия до урана. Процедура определения была проведена в Лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН науч-

⁷ Ениосова, Колосков, Митоян, Сарачева 1997, 113.

⁸ Колчин 1953, 40–42; Bachmann 1982, 40; Veldhuijzen 2003, 104–107.

⁹ Водясов, Зайцева 2010, 400.

¹⁰ Подробное описание метода и его применения в археометаллургии представлено в статье: Ениосова, Колосков, Митоян, Сарачева 1997, 116–117.

ным сотрудником А.И. Якушевым. В качестве методического обеспечения анализа использован программно-аппаратный комплекс Omnipan, разработанный для количественного безэталоного анализа и работающий по методу фундаментальных параметров. При калибровке спектрометра применен комплект градуировочных проб пакета Omnipan, дополненный российскими ГСО сплавов цветных металлов.

Результаты анализа кампыртепинских находок представлены в таблицах № 1–3.

Изделия из цветных металлов (рис. 4, 1–3) происходят из помещений 29 и 29а в жилом блоке V нижнего города, их материалы датируются юэчжийским периодом (II в. до н.э.). Эти предметы, как показал анализ, были изготовлены из «чистой» меди (3 изделия) и оловянно-свинцовой бронзы (1 изделие) (табл. 1). «Чистая» медь, т.е. медь, в которой общее количество микропримесей не превышает 3%, использовалась для производства серьги (табл. 1, № 1), накладки и стержня (табл. 1, № 2–3). Из оловянно-свинцовой бронзы изготовлена накладка, возможно, на деревянную основу (табл. 1, № 4). Оба типа металлов мастера Северной Бактрии использовали с доахеменидского времени вплоть до позднекушанского, скорее всего, они входили в число наиболее распространенных материалов¹¹. «Чистая» медь с Кампыртепа характеризуется практически полным отсутствием микропримесей (табл. 1, № 1–3). Судя по результатам анализа предметов кушанского времени с Кампыртепа и Дильберджина, этот же металл использовался и позже¹². По предположению В.Д. Рузанова, медь такой чистоты могла быть получена из руды медистых песчаников, встречающихся, например, в горах южного Гиссара и в Гаурдакском рудном бассейне¹³.

Таблица 1. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

№	наименование	комплекс	тип	Cu	Sn	Pb	Fe	шифр анализа
1	серьги фр-т	2006, №6, нижний город, блок V, пом. 29а	Cu	98,21			1,79	XRF151011–6
2	накладка	2006, №16, нижний город, блок V, пом. 29а, слой завала у СВ угла, пл. 5, под кушанской стеной	Cu	99,35			0,65	XRF151011–16
3	стержня фр-т	2006, нижний город, блок V, пом. 29, двор	Cu	99,86				XRF151011–02
4	накладки фр-т	2006, №15, нижний город, блок V, пом. 29а, пл. 3	CuSnPb	83,02	12,59	1,15	3,24	XRF151011–15

В оловянно-свинцовом сплаве обнаружена высокая концентрация олова – 12,59 %, а содержание свинца составляет всего 1,15 %. Все имеющиеся на сегодняшний день данные по цветной металлообработке Северной Бактрии показывают, что в основном на этой территории были распространены бронзы с

¹¹ Рузанов 1987, 99; 2010, 173; Левушкина 2001, 37.

¹² Левушкина 2001, табл. 1; Рузанов 2010, 173.

¹³ Рузанов 2010, 174.

содержанием олова не выше 5–6 %. Например, оседлоземледельческое население Сурхандарьи (поселения Айртам, Дальварзинтепа, памятник Ялангтуштепа) использовало сплавы, в которых концентрация олова колеблется в пределах 1–5 %¹⁴. В бронзах и латунях кушанского времени с Кампыртепа количество олова, за исключением одного случая, не превышает 6 %¹⁵. Несколько отличаются по составу сплавы кочевников Северной Бактрии (памятники Бишкентской долины). Во II в. до н.э. – I в. н.э. в классическую бронзу олово добавлялось в довольно широком диапазоне – от 2 до 12 %, а в многосоставных бронзах и латунях количество этого легирующего элемента не превышает 5–6 %¹⁶. Позже, в кушанское время, среднее содержание олова варьируется в пределах 5–10 %¹⁷. Возможно, сплавы с высоким содержанием олова (выше 10 %), которые встречаются в единичных экземплярах на территории оседлого населения, как, например, зеркало с петелькой в центре с Кампыртепа (Sn больше 10 %) ¹⁸, связаны с традициями металлопроизводства кочевников Северной Бактрии. Безусловно, на основе таких скудных данных невозможно делать какие-либо существенные выводы о традициях цветной металлообработки населения Кампыртепа во II в. до н.э. Тем не менее даже они важны для создания базы источников такой малоизученной области, как металлопроизводство Бактрии.

Кроме изделий из цветного металла, как уже упоминалось, было также исследовано восемь предметов из железа. Находки относятся к двум хронологическим периодам. Фрагмент кольца, ключ, фрагмент ножа, накладка с заклепками и пластина (рис. 4, 4–7) были найдены в помещениях 29 и 29а в жилом блоке V нижнего города, они функционировали в юэчжийский период (II в. до н.э.). В помещении 12 жилого блока IV нижнего города у квадратного очага были обнаружены моток проволоки, пружинные ножницы и долото (рис. 4, 8–10). Комплекс датируется первой половиной II в. н.э. Несмотря на то, что основным методом изучения изделий из железа и его сплавов является металлографический анализ¹⁹, для предметов с Кампыртепа был использован анализ химического состава материала (табл. 2). Такой выбор объясняется невозможностью проведения металлографического исследования из-за сильной коррозии, а анализ элементного состава позволяет дать общую характеристику предметам, изготовленным из металла.

Во всех исследуемых изделиях, кроме железа, присутствуют включения меди, цинка и марганца, следов углерода не зафиксировано (табл. 2). Общая сумма примесей в железе не превышает 2 %. По наблюдениям исследователей древней металлургии, медь, цинк и марганец обычно переходят в железо из руды²⁰, но связать этот набор с конкретными месторождениями на данном этапе исследования затруднительно. Учитывая уровень чистоты металла и отсутствие включений углерода и кремния, можно предположить, что это железо получено сыродутным способом²¹. Более уверенно реконструировать технологию получения металла

¹⁴ Левушкина 2001, табл. 2–4; Рузанов 2005а.

¹⁵ Левушкина 2001, табл. 1.

¹⁶ Богданова-Березовская 1966, табл. 2.

¹⁷ Богданова-Березовская 1975, табл. 1–5.

¹⁸ Левушкина 2001, табл. 1, 50.

¹⁹ Колчин 1953, 12; Tylecote 1992, 50.

²⁰ Tylecote 1992, 50–51.

²¹ Колчин 1953, 48.

можно по шлакам. Кроме того, его находка практически всегда указывает на то, что на этом месте занимались выплавкой железа из руды.

Таблица 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЖЕЛЕЗА

№	наименование	комплекс	Cu	Zn	Fe	Mn	шифр анализа
1	кольца фр-т	2006, №13, «нижний город», блок V, пом. 29а, слой завала, пл. 6	0,63	0,41	98,9		XRF151011–13
2	ключ	2006, №19, «нижний город», блок V, пом. 29, заполнение хума 2	0,09	0,06	99,85		XRF151011–19
3	пластина с заклепками	2006, №22, «нижний город», блок V, пом. 29, пл. 4	0,39		99,61		XRF151011–22
4	ножа фр-т	2006, №33, «нижний город», блок V, пом. 29а, пл. 3	0,18		99,73	0,1	XRF151011–33
5	пластины фр-т	2006, «нижний город», блок V, пом. 29а, пл. 3		0,11	99,72	0,17	XRF151011–1
6	ножниц фр-т	2014, №16, «нижний город», блок IV, пом. 12, у квадратного очага	0,09		99,91		XRF151011–16-2
7	проволока	2014, №15, «нижний город», блок IV, пом. 12, у квадратного очага	0,11	1,98	97,91		XRF151011–15-41
8	долото	2014, «нижний город», блок IV, пом. 12, у квадратного очага			99,96	0,04	XRF151011

На территории юго-восточного входного комплекса Кампыртепа был найден шлак в слое юэчжийско-кушанского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.). Вероятно, предмет был перемещен из производственной зоны, так как в этом районе не было обнаружено каких-либо следов горна или производственных отходов. Данный шлак овальной формы, слегка выпуклый с обеих сторон, на одних участках масса губчатая, на других – плотная, встречаются припекшиеся фрагменты дерева. Размеры шлака – 7,7х6,5 см, толщина – 3,4 см (рис. 3, 1). Для того чтобы определить набор основных включений, был проведен анализ химического состава шлака (табл. 3).

Таблица 3. ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ШЛАКА

Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	P ₂ O ₅	Cl	SO ₃	SrO	ZnO	Cu	Шифр анализа
0,493	0,878	4,862	23,127	1,484	7,978	0,439	1,174	55,087	2,383	1,456	0,33	0,14	0,112	0,04	ARX-98–2012

Из представленных результатов видно, что основные компоненты шлака – это оксид железа (Fe₂O₃ – 55,087 %) и кремнезем (SiO₂ – 23,127 %). Общий набор компонентов, высокое содержание оксида железа и его количественное преобладание над кремнеземом говорят о том, что это сильножелезистый кислый шлак, полу-

Рис. 4. 1, 3 – накладки; 2 – фрагмент серьги; 4 – пластина с заклепками; 5 – ключ; 6 – фрагмент ножа; 7 – фрагмент пластины; 8 – долото; 9 – моток проволоки; 10 – пружанные ножницы.

1–3 – медный сплав; 4–10 – железо.

ченный в процессе прямого восстановления металла из руды в сыродутной печи²². В процессе восстановления железа в шлак из руды переходит ряд сопутствующих компонентов, и это позволяет судить о типе руды²³. В представленных в таблице 3 результатах можно увидеть, что присутствуют оксиды кремния, фосфора, марганца, серы, алюминия, титана, а также медь. Этот набор в виде примесей характерен для широко распространенного минерала гематита²⁴. На территории Средней Азии этот минерал встречается в Чаткальской и Кураминской зонах Срединного Тянь-Шаня (Ташкентская область) и в Тебинбулакском месторождении в горах Султануиздаг, причем на этих месторождениях известны разработки античного и средневекового времени²⁵.

Необходимо отметить наличие довольно высокого процента окиси марганца ($MnO - 1,174\%$), свидетельствующее о том, что кампыртепинская находка относится к категории первичных шлаков, которые не подвергались вторичной переработке²⁶. Помимо железа и сопутствующих элементов, содержащихся в руде, в шлак попадают составляющие, связанные с топливом и флюсами, поэтому возможна реконструкция некоторых технических подробностей процесса выплавки. Например, значительное содержание Al_2O_3 (более 2%) в составе археологического шлака, по мнению ряда исследователей, связано с тем, что в процессе выплавки металла этот компонент попадал сюда также и из глины, которой были обмазаны стенки горна²⁷. Оксид алюминия в шлаке с Кампыртепа достигает концентрации $4,862\%$, и это может быть косвенным доказательством того, что стенки металлургического горна были покрыты глиной. К сожалению, на территории Кампыртепа пока еще не найдены металлургические горны или их остатки, поэтому наше предположение невозможно проверить.

Единственной находкой, связанной с горном, на данный момент является сопло, но это сопло не металлургического, а кузнечного горна. Тем не менее эта находка также характеризует состояние местного металлопроизводства.

Сопло найдено на полу двора в юго-восточном входном комплексе в слоях юэчжийско-кушанского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.). Это Y-видный глиняный предмет, общая длина которого составляет 16 см, диаметр ответвлений – 4–4,7 см, диаметр внутренних отверстий – 1,5–2 см. Одно из ответвлений «рогатки» повреждено. На предмете видны следы вторичной обработки огнем, свидетельствующие о том, что сопло побывало в работе.

Как правило, эта расходная деталь при раскопках встречается не часто и лишь во фрагментах. Сопло может быть как частью фурмы металлургического горна (трубка, которая вставляется в отверстие в горне), так и частью кузнечных мехов²⁸. На территории Средней Азии, на местах выплавки металлов неоднократно были найдены фрагменты массивных, более 50 см в длину, сопел в виде трубок²⁹. Размеры и форма находки с Кампыртепа скорее соответствуют соплам, которые

²² Колчин 1953, 41.

²³ Tylecote 1992, 50–51.

²⁴ Минералы 1965, 83–84.

²⁵ Рузанов 2005б, 152.

²⁶ Olovčič et al 2014, 864.

²⁷ Olovčič et al 2014, 864.

²⁸ Craddock 1995, 185.

²⁹ Литвинский 1956, 52; Рузанов 1979, 101; Рузанов, Буяков 1997, 178.

крепилась на концах кузнечных мехов. Двухканальные или Y-видные сопла впервые зафиксированы на памятниках эпохи позднего бронзового века, и обычно их появление связывают с внедрением парных сложносоставных мехов³⁰. Также Y-видные глиняные «разъемы» использовались, если искусственное дутье проводилось при помощи двойных клиновидных мехов, известных на Востоке с I тыс. до н.э. и сохранившихся в арсенале кузнецов и литейщиков вплоть до наших дней³¹. Особую популярность этот тип мехов получил с широким распространением железа, т.к. они наиболее продуктивны для поддержания необходимой температуры в кузнечном горне.

На территории Средней Азии двухканальные сопла известны в единичных экземплярах. В Пенджикенте в кузнечных мастерских возле горнов найдено четыре двухканальных сопла³². Все мастерские датируются VIII в. н.э. Есть также упоминание о находке двухканального сопла на поселение Кани Гута (V–XI вв.) в Кара-Мазарских горах³³. Таким образом, экземпляр с Кампыртепа является на сегодняшний день самой ранней находкой этого типа сопла на территории Средней Азии.

Находка части кузнечных мехов, несомненно, указывает на то, что на месте поселения функционировала кузница. Два железных полуфабриката (рис. 3, 3–4), обнаруженных в юго-восточном входном комплексе в слоях кушанского времени (вторая четверть II в. н.э.) и в одном из помещений жилого блока IV (первая половина II в. н.э.), подтверждают это предположение.

Как показало исследование предметов с Кампыртепа, связанных с металлопроизводством, во II в. до н.э. – II в. н.э. население крепости использовало изделия, изготовленные из сыродутного железа, а также предметы из цветных металлов, выполненные в традициях, бытовавших в это время на территории Северной Бактрии. Возможно, в юэчжийско-кушанский период (I в. до н.э. – I в. н.э.) на поселении осуществлялся полный цикл работ с железом – от его выплавки из руды до производства готовой продукции, так как именно к этому времени относятся прямые свидетельства местного металлопроизводства – шлак и сопло. Это не единственные находки такого рода на Кампыртепа – в районе пристани были обнаружены также крица, фрагменты шлаков и инструменты для измельчения руды или глины³⁴, которые, безусловно, служат дополнительным доказательством гипотезы о существовании собственного металлопроизводства.

Заключение

К сожалению, все предметы, связанные с металлопроизводством, не составляют единого комплекса, что затрудняет определение мест работы с металлами. Можно лишь отметить, что все находки сделаны на участках, близких к портовой зоне. Устройство мастерской в районе пристани вполне возможно, так как обслуживание речной переправы и организация инфраструктуры портовой части поселения требует концентрации некоторых видов ремесла в этой зоне.

³⁰ Craddock 1995, 180.

³¹ Craddock 1995, 182–183.

³² Распопова 1980, 16, 34–35, 38, рис. 33.

³³ Литвинский 1956, 58.

³⁴ Дудаков 2002, 21.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова-Березовская, И.В. 1966: Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника. В кн.: А.М. Мандельштам (ред.), *Кочевники на пути в Индию*. МИА 136, 225–230.
- Богданова-Березовская, И.В. 1975: Химический состав металлических предметов из Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников. В кн.: А.М. Мандельштам (ред.), *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР и института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР*. Т. VII. Л., 193–202.
- Болелов, С.Б. 2001: Гончарная мастерская III–II веков до н.э. на Кампыртепа. *МТЭ* 2, 15–30.
- Болелов, С.Б. 2011: Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа. *МТЭ* 8, 48–79.
- Водясов, Е.В., Зайцева, О.В. 2010: Металлургический шлак как археологический источник: проблемы и перспективы изучения. В сб.: М.П. Черная (ред.), *Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск, 400–403.
- Двуреченская, Н.Д. 2013: Юго-восточный узел фортификации крепости Кампыртепа (башня и входной комплекс-пристань). *ПИФК* 2, 338–370.
- Дудаков, С. 2002: Раскопки пристани Кампыртепа. *МТЭ* 3, 19–25.
- Ениосова, Н.В., Колосков, С.А., Митоян, Р.А., Сарачева, Т.Г. 1997: О применении рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии. *Вестник МГУ*. Сер. 8. *История* 1, 113–131.
- Колчин, Б.А. 1953: Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). *МИА* 32. М.
- Левушкина, С.В. 2001: Цветной металл Кампыртепа. В сб.: Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаяев (ред.), *Древняя и средневековая культура Сурхандарьи*. Ташкент, 31–38.
- Литвинский, Б.А. 1956: Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. *Труды АН ТаджССР* 37, 51–60.
- Литвинский, Б.А. 1959: Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX–XII вв.). Техника. *Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии 1956 г.* М.–Л., 47–52.
- Распопова, В.И. 1980: *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Л.
- Ртвеладзе, Э. 2000: Кампыртепа – структура. Периодизации. *МТЭ* 1, 5–18.
- Ртвеладзе, Э. 2001: Предисловие. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году. *МТЭ* 2, 3–14.
- Рузанов, В.Д. 1979: О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана. *ИМКУ* 15, 98–104.
- Рузанов, В.Д. 1987: О химическом составе металла Северной Бактрии. В сб.: Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров (ред.), *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Материалы советско-французского colloquium, Самарканд, 1986*. Ташкент, 99–100.
- Рузанов, В.Д. 2005а: Химико-металлургическая характеристика цветного металла некрополя Ялангтуштепа. В сб.: К.А. Абдуллаев (ред.), *Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Г.А. Кошеленко*. Самарканд, 80–83.
- Рузанов, В.Д. 2005б: Дополнения к сказанному о раннем железе Средней Азии. В сб.: *Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии*. Самарканд–Бишкек, 147–152.
- Рузанов, В.Д. 2010: О химическом составе металла из Дильберджина. В сб.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Ташкент, 170–175.

- Рузанов, В.Д., Буряков, Ю.Ф. 1997: Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау. *ИМКУ* 28, 175–178.
- Чухров, Ф.В., Бонштедт-Куплетская, Э.М. (ред.) 1965: *Минералы. Справочник*. Т. II. Вып. 2: *Простые окислы*. М.
- Bachmann, H.-G. 1982: *The identification of slags from archaeological sites*. London.
- Craddock, P.T. 1995: *Early metal mining and production*. Edinburgh.
- Olovčič, A., Memić, M., Žero, S., Hurenović, J., Kahrović, E. 2014: Chemical analysis of iron slags and metallic artifacts from early Iron Age. *International research journal of pure and applied chemistry* 4 (6), 859–870.
- Tylecote, R.F. 1992: *A history of metallurgy*. London.
- Veldhuijzen, H.A. 2003: 'Slag Fun' – a new tool for archaeometallurgy: development of an archaeological (P)ED-XRF method for iron-rich materials. *Papers from the Institute of Archaeology* 14, 102–118.

REFERENCES

- Bachmann, H.-G. 1982: *The identification of slags from archaeological sites*. London.
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V. 1966: Himicheskiy sostav metallicheskih predmetov iz Tulkharskogo mogil'nika. In: A.M. Mandel'shtam (red.), *Kochevniki na puti v Indiyu. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 136, 225–230.
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V. 1975: Himicheskiy sostav metallicheskih predmetov iz Araktauskiego, Kokkumskogo, Babashovskogo mogil'nikov. In: A.M. Mandel'shtam (red.), *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii. Trudy Tadzhikskoy arheologicheskoy ekspeditsii IA RAN SSSR I institute istorii im. A. Donisha AN Tadzhikskoy SSR*. T. VII. L., 193–202.
- Bolelov, S.B. 2001: Goncharnaya masterskaya III–II vekov do n.e. na Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy jekspeditsii* 2, 15–30.
- Bolelov, S.B. 2011: Proizvodstvennyy tsentr epochi ellinizma na tsitadeli Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy jekspeditsii* 8, 48–79.
- Chuhrov, F.V., Bonshtedt-Kupletskaya, E.M. (red.) 1965: *Mineraly. Spravochnik*. T. II. Vyp. 2: *Prostye okisly*. Moscow.
- Craddock, P.T. 1995: *Early metal mining and production*. Edinburgh.
- Dvurechenskaya, N.D. 2013: Yugo-vostochnyy uzel fortifikatsii kreposti Kampyrtepa (bashnya I vkhodnoy complex-pristan'). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 2, 338–370.
- Dudakov, S. 2002: Raskopki pristani Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy jekspeditsii* 3, 19–25.
- Eniosova, N.V., Koloskov, S.A., Mitoyan, P.A., Saracheva, T.G. 1997: O primenении rentgeno-flyuorescentnogo energo-dispersnogo analiza v arheologii. *Vestnik MGU. Ser. 8. Istoriya* 1, 113–131.
- Kolchin, B.A. 1953: *Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi (domongol'skiy period)*. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 32. Moscow.
- Levushkina, S.V. 2001: Cvetnoj metall Kampyrtepa. In: Je.V. Rtveladze, Sh.R. Pidaev (red.), *Drevnjaja i srednevekovaja kul'tura Surhandar'i*. Tashkent, 31–38.
- Litvinskiy, B.A. 1956: Predvaritel'nyy otchet o rabotakh v Kara-Mazarskikh gorakh otryada po sboru materialov dlya sostavleniya arheologicheskoy karty v 1954 g. *Trudy AN TadzhSSR* 37, 51–60.
- Litvinskiy, B.A. 1959: Sredneaziatskiy gornyy promysel v sredniy veka (IX–XII vv.). *Tekhnika. Materialy vtorogo soveshchaniya arheologov i etnografov Sredney Azii 1956 g.* Moscow–Leningrad, 47–52.

- Olovčič, A., Memic, M., Žero, S., Hurenovic, J., Kahrovic, E. 2014: Chemical analysis of iron slags and metallic artifacts from early Iron Age. *International research journal of pure and applied chemistry* 4 (6), 859–870.
- Raspopova, V.I. 1980: *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda*. Leningrad.
- Rtveladze, E. 2000: Kampyrtepa – struktura. Periodizatsiya. *Materialy Toharistanskoj jekspedicii* 1, 5–18.
- Rtveladze, E. 2001: Predislovie. K itogam archeologicheskikh issledovaniy Kampyrtepa v 2000 godu. *Materialy Toharistanskoj jekspedicii* 2, 3–14.
- Ruzanov, V.D. 1979: O nekotorykh drevnikh olovorudnykh istochnikakh na territorii Uzbekistana. *Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana* 15, 98–04.
- Ruzanov, V.D. 1987: O himicheskom sostave metalla Severnoj Baktrii. In: G.A. Pugachenkova, A.A. Askarov (red.), *Gorodskaja kul'tura Baktrii-Toharistana i Sogda. Materialy sovetsko-francuzskogo kollokviuma, Samarkand, 1986*. Tashkent, 99–100.
- Ruzanov, V.D. 2005a: Himiko-metallurgicheskaja harakteristika cvetnogo metalla nekropolja Jalangtushtepa. V sb.: K.A. Abdullaev (red.), *Materialy po antichnoj kul'ture Uzbekistana. K 70-letiju G.A. Kosshelenko*. Samarkand, 80–83.
- Ruzanov, V.D. 2005b: Dopolnenija k skazannomu o rannem zheleze Srednej Azii. In: *Civilizacii skotovodov i zemledel'cev Central'noj Azii*. Samarkand–Bishkek, 147–152.
- Ruzanov, V.D. 2010: O himicheskom sostave metalla iz Dil'berdzhina. In: K. Abdullaev (red.), *Tradicii Vostoka i Zapada v antichnoj kul'ture Srednej Azii*. Tashkent, 170–175.
- Ruzanov, V.D., Buryakov, Ju.F. 1997: Drevnie rudniki i pamjatniki metallurgii v gorah Kugitangtau. *Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana* 28, 175–178.
- Tylecote, R.F. 1992: *A history of metallurgy*. London.
- Veldhuijzen, H.A. 2003: 'Slag_Fun' – a new tool for archaeometallurgy: development of an archaeological (P)ED-XRF method for iron-rich materials. *Papers from the Institute of Archaeology* 14, 102–118.
- Vodyasov, E.V., Zaytseva, O.V. 2010: Metallurgicheskij shlak kak archeologicheskij istochnik: problem i perspektivy izucheniya. In: M.P. Chernaya (red.), *Kul'tura kak sisteme v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh archeologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk, 400–403.

METAL CRAFT OF NORTHERN BACTRIA: RESULTS OF INVESTIGATION OF MATERIALS FROM THE SITE OF KAMPYRTEPA

Svetlana A. Ruzanova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia,
 ruzanova_s@mail.ru

Abstract. The article is a publication of archaeological finds from the Bactrian Site of Kampyrtepa related to the metal industry: the slag, the twyer, and metal finds dating from the 2nd century BC to the 2nd century AD. All artifacts were found in the area of the fortified southeastern entrance complex near the Oks River and the harbor. XRF analysis of metal finds and the ferrous slag shows that the local population of Kampyrtepa produced tools from the bloomery iron. The jewelries were fabricated in ancient traditions of North Bactria. The analysis of bulk components and their ratio in by-product revealed the strong ferrous slag, which was produced during the process of direct metal reduction in the bloomery furnace. Further processing of slag was not exposed. Also a twyer is firstly published in the article, being the earliest sample of a tool of such kind from Central Asia. The find of the nozzle bellows undoubtedly indicates that a

blacksmith workshop functioned in the settlement. These finds let us to conclude that full circle of metallurgical process from smelting to final handling was practiced on this site during the 1st century BC – the 1st century AD.

Key words: Bactria, Kampyrtepa, antiquity, metal production, nonferrous metals, iron, slag, twyer, XRF

Древняя Греция и Рим

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 34–52
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 34–52
© Автор(ы) 2016

ДРАХМЫ В ЗАКОНАХ СОЛОНА. II. ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ РЕАЛИЙ СОЛОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ *

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва
isurikov@mail.ru

Аннотация. Во второй части статьи рассматриваются свидетельства аттидографа Андротиона и Аристотеля (в «Афинской политике») о сисахфии и метрологической реформе Солон (хотя оба этих преобразования, строго говоря, не относились к солоновскому своду законов), поскольку в этих свидетельствах также упоминаются драхмы. Указывается, что Андротион ошибочно смешал две вышеупомянутые меры, Аристотель же приписал Солону наряду с метрологической реформой также и монетную, исходя из своей твердой уверенности в том, что в Афинах начала VI в. до н.э. уже осуществлялась чеканка (мы теперь знаем, что это не так, но еще в первой половине XX века любой нумизмат-античник подписался бы под суждением Аристотеля). Наконец, автор констатирует, что из всех существующих интерпретаций солоновских драхм наиболее жизнеспособной является та (наиболее детально развитая Дж. Кроллом), которая идентифицирует их как домонетные деньги, а конкретно – нечеканенные серебряные слиточки стандартизированного веса.

Ключевые слова: Солон, архаические Афины, законодательство, монетное дело, драхмы, Аристотель, Андротион, сисахфия, домонетные деньги

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Email: isurikov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солон в контексте истории архаической Греции».

Конкретный (в чем-то даже описательный) анализ эмпирического источников материала, которому была посвящена первая часть данной статьи, должен был послужить необходимым подготовительным этапом для тех концептуальных суждений, которые будут предложены во второй, заключительной части. Напомним, предстоит решать вопрос о том, что именно представляют собой драхмы, упоминаемые в нарративных источниках в связи с законодательной и реформаторской деятельностью Солона, имевшей место в 590-х гг. до н.э., коль скоро эти артефакты заведомо не могут быть монетами: чеканка последних начала осуществляться в афинском полисе лишь во второй половине VI в. до н.э., а солоновский архонтат датируется 594/593 г. до н.э.¹, смерть же законодателя приходится на 560/559 г. до н.э.²

Бесспорно, еще ведущие антиковеды-нумизматы второй половины XIX – первой половины XX веков, такие, как, например, Б. Хед, Ч. Селтман, Дж. Хилл, А.Н. Зограф³, были убеждены, что в солоновских (а то и в досолоновских) Афинах уже выпускалась монета. Тем не менее, полный отказ от этого взгляда характерен для античной нумизматики начиная с 1950-х гг. Главную роль в фундаментальном изменении точки зрения сыграли, конечно, работы К. Крэя⁴ и тех ученых, которые вскоре же согласились с ним⁵, будучи глубоко убеждены в продуктивности предложенной им методики анализа ранних кладов⁶. В дальнейшем исследователи – как нумизматы, так и историки – исходили уже из датировок начала афинской чеканки второй половиной VI в. до н.э., а не из каких-либо других⁷ (не берем в расчет экзотические суждения некоторых отечественных антиковедов, которые еще в 2000-х годах продолжали писать о монетах времен Солона, апеллируя при этом к Селтману как к высшему авторитету и тем самым демонстрируя лишь свое незнание о последующей «революции датировок»⁸, которая коснулась, естественно, монетного дела не только Афин, но и архаического греческого мира в целом).

¹ Develin 2003, 37.

² Архонтство Гегестрата, датировку которого см.: Develin 2003, 42.

³ Head 1887; 1911; Seltman 1924; Hill 1964 (переиздание книги 1899 г.); Зограф 1951 (посмертно опубликованный труд).

⁴ Крау 1956; 1962; 1976 (обобщающий труд, включивший в себя главные наблюдения Крэя); 1977.

⁵ Wallace 1962; Raven 1968; Hopper 1968.

⁶ Наиболее полное изложение этой методики см.: Крау 1989. Ее конструктивное применение к одному из конкретных важных кладов см.: Price, Waggoner 1975. Для первичного ознакомления с этой перспективнейшей методикой антиковеду, не являющемуся нумизматом, будет бесполезен и пассаж в популярной книге: Casey 1986, 51 ff.

⁷ Radnoti-Alföldi 1978, 85; Kroll 1981; 1993; Kroll, Waggoner 1984; Nicolet 1984, 222; Musiolek 1988, 450; Jenkins 1990, 25–26; Welwei 1992, 199; Reden 1995, 179–181; Howgego 1995, 7–9; Rebuffat 1996, 36–39; Osborne 1996, 222; Theodorou 1996, 53; Sear 1997, 181–185; Dawson 1999; Kim 2001, 11; Seaford 2004, 131; Schaps 2004, 126; Lavelle 2005, 131; Flament 2007, 9–23; Суриков 2006a; 2007a, 186 слл.; Коваленко, Толстиков 2010, 47 слл. Ср. также: Vickers 1985 (эта провокационная работа уж чрезмерно «омолаживает» афинскую чеканку, и ее принципиальный вывод был вскоре аргументированно опровергнут: Root 1988). Сразу оговорим здесь, что в рамках второй половины VI в. до н.э. для начала афинской чеканки предлагаются достаточно разнообразные датировки, но здесь для нас важно не это, а только тот – ныне твердо установленный – факт, что любая из этих датировок позже времени проведения солоновских реформ.

⁸ Ссылки на несколько таких работ мы привели в первой части нашей статьи (прим. 8) и повторять их не будем.

Итак, в период солоновских реформ никаких афинских монет не существовало, и из этого волей-неволей приходится исходить. Перечисляя, цитируя, комментируя в первой части статьи свидетельства источников, благодаря которым нам стали известны законы Солона, упоминающие драхмы (опирались мы прежде всего на известное издание Э. Рушенбуша⁹), мы сознательно не затронули (а лишь кратко упомянули), оставив для отдельного рассмотрения (к которому сейчас и перейдем) те из этих свидетельств, которые относятся к сисахфии – важнейшей экономической реформе Солона¹⁰, – а также к его так называемой «монетной реформе» (ставим данное выражение в кавычки, поскольку ни о какой монетной реформе в собственном смысле слова применительно к 594/593 г. до н.э. говорить, конечно, не приходится, исходя из вышеизложенных хронологических соображений). На наш взгляд, оба этих преобразования скорее следует относить не к νόμοι Солона в строгом смысле слова, а к его πολιτεία (о различии между этими двумя категориями см. Arist. Pol. II. 1273b22 sqq.; говорилось о нем и в первой части нашей статьи)

На этих-то свидетельствах мы теперь подробно остановимся. Пусть они не имеют прямого отношения к законам Солона – но все-таки в них фигурируют драхмы. Так, может быть, они прольют какой-то новый свет на интересующую нас проблему? Нам кажется, они могут иметь для ее понимания даже ключевое значение; их необходимо будет процитировать в оригинале и переводе, а также прокомментировать.

Пассажей, которые надлежит иметь в виду (то есть с упоминанием драхм), собственно, всего два¹¹. Ситуация фактически такова: Андротион versus Аристотель. О последнем много говорить не приходится; Андротион же был достаточно крупным политиком и историком-аттидографом середины VI в. до н.э.¹² Таким образом, налицо ситуация «авторитет против авторитета», и оба авторитета – отнюдь не «дутые», но притом их точки зрения входят в резкое противоречие между собой.

Естественно, об обоих вышеназванных солоновских мероприятиях существует весьма обильная литература, особенно о сисахфии (проблемам, связанным с этой последней, и нам в свое время довелось посвятить статью на страницах ВДИ¹³). Наверное, не стоит перечислять здесь ее исчерпывающим образом – во избежание перегрузки статьи справочным материалом, и без того уже немаленьким, – но ссылки на некоторые важные и интересные работы, думается, все-таки необходимо дать¹⁴. Что же касается «монетной реформы» Солона (которую кор-

⁹ Ruschenbusch 1966.

¹⁰ Его экономическим реформам в целом посвящена относительно недавняя специальная монография (Stanley 1999), впрочем, имеющая ряд недостатков (в частности, в ней не столько говорится об экономических реформах Солона как таковых, сколько об общей экономической ситуации в тогдашней Греции. Безусловно устаревшим на сегодняшний день является написанное на ту же тему исследование: Woodhouse 1965 (репринт книги 1938 г.). В связи с экономическими реформами Солона см. также: Lewis 1941; Milne 1945; French 1956; Waters 1960; Gallant 1982; Molina 1998.

¹¹ Оговорим во избежание недоразумений: сообщений источников о сисахфии, естественно, намного больше. Но нас, повторим и подчеркнем, интересуют здесь только те, в которых фигурируют драхмы.

¹² См. о нем наиболее подробно: Harding 1994.

¹³ Суриков 2007б.

¹⁴ Хвостов 1897; Семенов 1908; Mühl 1953; Hammond 1961; Oliva 1971; Harris 1997; 2002; L'Homme-Wéry 1999; Ober 2006.

ректнее называть метрологической, см. ниже), то исследований о ней меньше и они не столь известны, поэтому их тем более следует указать¹⁵.

* * *

Итак, углубимся в суть полемики Андротиона и Аристотеля о сисахфии. Начнем с сообщения аттидографа. Его версию этой солоновской реформы излагает Плутарх (Plut. Sol. 15) как альтернативную, стоящую абсолютно особняком по сравнению с пониманием данной меры остальными авторами. В античности обычно считалось, что осуществленная Солоном сисахфия («сбрасывание бремени», если переводить дословно) была попросту кассацией долгов, сопровождаемой запретом долгового рабства, и, на наш взгляд, это мнение следует признать верным¹⁶. Тем более интересна «еретическая» точка зрения Андротиона (Androt. FGrHist. 324 F34, apud Plut. Sol. 15)¹⁷:

Καίτοι τινὲς ἔγραψαν, ὧν ἐστὶν Ἀνδροτίων, οὐκ ἀποκοπῇ χρῶν, ἀλλὰ τόκων μετριότητι κοθφισθέντας ἀγαπῆσαι τοὺς πένητας, καὶ σεισάχθειαν ὀνομάσαι τὸ φιλανθρώπουμα τοῦτο καὶ τῇν ἅμα τούτῳ γενομένην τῶν τε μέτρων ἐπαύξησιν καὶ τοῦ νομίσματος τιμῆς. Ἑκατὸν γὰρ ἐποίησε δραχμῶν τὴν μνᾶν, πρότερον ἑβδομήκοντα καὶ τριῶν οὔσαν, ὥστ' ἀριθμῶ μὲν ἴσον, δυνάμει δ' ἔλαττον ἀποδιδόντων, ὠφελεῖσθαι μὲν τοὺς ἐκτίνοντας μεγάλα, μηδὲν δὲ βλάπτεσθαι τοὺς κομιζομένους.

«Впрочем, по свидетельству некоторых авторов, в том числе Андротиона, бедные удовольствовались тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов, и сисахфией называли этот благодетельный закон и одновременное с ним увеличение мер и возвышение ценности денег (дословно «монеты» – И.С.). Так, из мины, содержавшей прежде семьдесят три драхмы, он сделал сто драхм; таким образом, должники уплачивали по числу ту же сумму, а по стоимости меньшую; через это платившие получали большую пользу, а получавшие не терпели никакого убытка» (перевод С.И. Соболевского).

Необходимо сразу оговорить, что в современной литературе часто поправляют рукописное «семьдесят три драхмы» на «семьдесят драхм»¹⁸, и, видимо, делают это совершенно резонно. Во-первых, та ситуация, которую предполагает имеющийся в нашем распоряжении текст, подразумевала бы, что досолоновская мина состояла из 36,5 статеров, а мина не может делиться на дробное число статеров. Во-вторых – и это главное, – именно цифру 70 называет в аналогичном контексте Аристотель, как мы увидим, когда будем цитировать его свидетельство.

В свое время Т. Рейнак высказал довольно убедительное предположение по поводу того, как могла случиться порча¹⁹: изначально у Андротиона стояло ἐβδομήκοντ' ἄγουσαν, затем на каком-то этапе эволюции рукописной традиции

¹⁵ Noyen 1957; Kraft 1959/1960; 1969; Kraay 1968; Crawford 1972; Chambers 1973; Fischer 1973; Rhodes 1975; Creatini 1984; Horsmann 2000.

¹⁶ В современной историографии, конечно, наличествует немалое количество разнообразных теорий относительно сисахфии, вплоть до экзотических. Не место здесь их разбирать; отметим только, что правоту Андротиона не признает практически никто из антиковедов (разве что Milne 1945).

¹⁷ В связи с ней см. Harding 1974.

¹⁸ Один из последних примеров: Harding 2008, 89.

¹⁹ Reinach 1928.

это было понято как ἐβδομήκοντα γ' οὔσαν, и, наконец, какой-нибудь очередной переписчик «расшифровал» мнимую цифру γ', написав ее словом, что и дало на выходе ἐβδομήκοντα καὶ τριῶν οὔσαν.

В любом случае, интерпретация сисахфии Андротионом, что и говорить, выглядит более чем проблематичной. У него получается, что Солон фактически прибег к некоему «благочестивому обману», но кого можно было ввести в заблуждение столь незамысловатым трюком?²⁰ До недавнего времени большим авторитетом пользовалась концепция Ф. Якоби²¹. По мнению этого выдающегося ученого, Андротион по своим политическим воззрениям был весьма умеренным демократом, едва ли не сторонником мягкой олигархии. Солон представителями этого лагеря весьма почитался, противопоставляясь ими Клисфену и еще более радикальным деятелям V века до н.э. Соответственно, для аттидографа никак невозможно было допустить, чтобы древний законодатель пошел на такую революционную меру, как отмена долгов (χρεῶν ἀποκοπή): эта последняя, наряду с переделом земли (γῆς ἀναδασμός), в IV в. до н.э. входила в число лозунгов самых бедных и недовольных, «смутьянских» слоев населения. Таким образом, с точки зрения Якоби, андротионовская превратная трактовка сисахфии явилась порождением идеологической ангажированности автора.

Однако Ф. Хардинг, на протяжении последних десятилетий наиболее углубленно занимавшийся Андротионом, из работы в работу (на основные из них мы уже ссылались выше) последовательно отстаивает совершенно иной тезис. Он утверждает, что Андротион был добросовестным ученым, а не беспринципным фальсификатором истории. В своем понимании сисахфии автор одной из известнейших «Аттид», безусловно, не прав, но следует говорить именно об исследовательской ошибке с его стороны, а не о сознательном искажении фактов.

Мы в данном случае вполне солидарны с Хардингом. Представляется, что Андротион по какой-то причине попросту перепутал две солоновские меры, в реальности не имевшие между собой ничего общего – сисахфию и метрологическую реформу. О последней наиболее подробно сказано в аристотелевской «Афинской политии» (отметим, кстати, что между «Аттидой» Андротиона и «Афинской политией» имеются и иные расхождения, – правда, некоторые из них следует признать мнимыми²²), и к соответствующему пассажиру из этого трактата теперь необходимо перейти²³.

²⁰ Известна (Ps.-Arist. Оес. II. 1347a4 sqq.) в чем-то похожая манипуляция афинского тирана Гиппия, имевшая место в конце его правления (наши выкладки в связи с интерпретацией и датировкой «монетной реформы Гиппия» см.: Суриков 2009a). Но, нужно сказать, недолго он после этого и удержался у власти, и, полагаем, хитрость с монетами стала одним из факторов, снизивших его популярность в среде афинского гражданства.

²¹ Наиболее подробно изложена в комментарии к рассматриваемому фрагменту Андротиона в Jacoby 1954.

²² Характерный пример: традиционно считается, что Аристотель (Ath. pol. 22) относит введение остракизма в Афинах к 508/507 г. до н.э., а Андротион – к 487 г. до н.э. (Androt. FGrHist. 324. F6, apud. Нагрост. s.v. Ἰππάρχος). Однако это заблуждение: как было показано (Harding 1977, 157 ff.; Суриков 2006б, 167 слл.), в действительности оба автора не противоречат друг другу по этому вопросу, просто позднеантичный лексикограф Гарпократион некорректно процитировал Андротиона (либо же имела место ошибка переписчика).

²³ Непосредственно в связи с этим пассажем см.: Noyen 1957; Kraft 1959/1960; Kraay 1968; Chambers 1973.

Arist. Ath. pol. 10: ...πρὸ δὲ τῆς νομοθεσίας ποιήσας τὴν τῶν χρῶν ἀποκοπὴν, καὶ μετὰ ταῦτα τὴν τε τῶν μέτρων καὶ σταθμῶν καὶ τὴν τοῦ νομίσματος αὐξήσιν. Ἐπ' ἐκείνου γὰρ ἐγένετο καὶ τὰ μέτρα μείζω τῶν Φειδωνείων, καὶ ἡ μνᾶ, πρότερον ἔχουσα σταθμὸν ἑβδομήκοντα δραχμάς, ἀνεπληρώθη ταῖς ἑκατόν. Ἦν δ' ὁ ἀρχαῖος χαρακτήρ διδραχμον. Ἐποίησε δὲ καὶ σταθμὰ πρὸς τὸ νόμισμα, τρεῖς καὶ ἑξήκοντα μῆλ' τὸ τάλαντον ἀγούσας, καὶ ἐπιδενεμήθησαν αἱ τρεῖς μναὶ τῷ στατήρι καὶ τοῖς ἄλλοις σταθμοῖς.

«Раньше законодательства он (Солон – И.С.) произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты. Именно при нем и меры были увеличены в сравнении с фидоновскими, и мина, имевшая прежде вес в семьдесят драхм, доведена была до ста. Старинный тип чеканки представлял собой монету двухдрахмового достоинства. Он сделал и вес сообразно с монетой, так что шестьдесят три мины равнялись таланту, и эти три мины, пропорционально распределенные, прибавились на каждый статер и на другие меры веса» (перевод С.И. Радцига).

Из приведенной цитаты, прежде всего, совершенно ясно видно, что автор «Афинской политики», четко отличал реформу мер, весов и «монеты» от сисахфии (отмены долгов), то есть не делал той ошибки, которую допустил Андротион. Кроме того, точно так же видно, что обе названных акции Солона Аристотель отделял от его законодательства. Разумеется, предлагаемый Стагиритом конкретный хронологический порядок событий (сисахфия – введение свода законов – метрологическая реформа) не обязательно должен быть верным; но важно то, что основатель Ликея, получается, не встретил упоминания о метрологической реформе на аксонах с солоновскими законами. А аксоны эти он изучал скрупулезно и, как известно, даже посвятил им специальный трактат *Περὶ τῶν Σόλωνος ἀξόνων* в пяти книгах²⁴.

Сомневаться в том, что Солон на самом деле провел реформу мер и весов, не приходится. Суть ее заключалась в том, что отныне Афины переходили с эгинских («фидоновских») весовых стандартов на эвбейские. На вопрос, для чего это было сделано, возможно несколько альтернативных ответов. Обычно исследователи подчеркивают экономические, торговые предпосылки данной акции²⁵, иногда указывается и на ее политический контекст (создание Солоном «тимократического» государственного устройства)²⁶.

А вот недавно, например, Дж. Холл²⁷ обратил внимание на интересное обстоятельство: именно при Солоне резко усилилась ориентация Афин на ионийский мир. Между прочим, в одной из своих элегий (Sol. fr. 4 Diehl) поэт-законодатель называет Аттику «древнейшей землей Ионии» (*πρεσβυτάτην... γαῖαν Ἰαονίης*) и оказывается, таким образом, древнейшим автором (во всяком случае, из числа известных нам), признающим афинян ионийцами, как известно, были и эвбейцы, в то время как эгинеты относились к дорийцам. Так что не исключена и культурно-историческая подоплека солоновской метрологической реформы как одного из шагов на пути определения афинянами своей этнической идентичности.

²⁴ По поводу дошедших от этого трактата фрагментов см.: Ruschenbusch 1966, 40 ff.

²⁵ Характерные примеры: Waters 1960; Chambers 1973.

²⁶ Horsmann 2000.

²⁷ Hall 2014, 280.

Как бы то ни было, примерно ясна причина заблуждения Аристотеля, приписавшего Солону, помимо метрологической реформы, еще и монетную, которая, повторим снова и снова, просто не могла иметь места в условиях отсутствия монеты. Другое дело, что когда Афины несколько десятилетий спустя все-таки начали собственную чеканку (речь идет о выпусках так называемых *Warrenmünzen*, а уже им на смену позже пришли знаменитые «совы»), они осуществляли ее изначально по эвбейскому стандарту.

В IV в. до н.э., когда писал Стагирит, драхма являлась одновременно и весовой единицей, и монетой. Автор «Афинской политики», перенося на солоновские времена реалии, характерные для его собственной эпохи (это, вообще говоря, было в высшей степени свойственно – в силу отсутствия чувства историзма – как ему самому, так и его современникам, в частности, тому же Андротиону²⁸), полагал, что ровно так же обстояло дело и в начале VI в. до н.э. Он ведь не мог знать даты начала афинского монетного дела; а упоминание драхм в целом ряде законов Солона (эти упоминания были рассмотрены в первой части данной статьи) только укрепляло Аристотеля в мысли, что ко времени реформ 594 г. до н.э. чеканка Афинами уже велась. Соответственно, он по-своему логично заключил, что изменение весовых единиц автоматически влекло за собой аналогичное изменение стоимости монеты.

Тут же в «Афинской политике», как мы видели, упоминаются и сами первые афинские монеты, двухдрахмового достоинства (*ἥν δ' ὁ ἀρχαῖος χαρακτήρ δίδραχμον* – фраза, надо сказать, несколько чужеродно смотрящаяся в процитированном пассаже). Не приходится сомневаться в том, что имеются в виду *Warrenmünzen*: именно дидрахма была основным и наибольшим номиналом почти во всех их сериях (кроме самых последних), в то время как «совы» начали выпускаться сразу тетрадрахмами²⁹.

Аристотелю, несомненно, попадались в руки образчики *Warrenmünzen* (которые, понятно, тогда так не назывались), и он не мог не понимать, что эти монеты в Афинах самые древние, более древние, чем «совы». Можем ли мы винить его за ошибочное мнение о чеканке их уже во времена Солона и даже раньше? Нет, не можем, учитывая, что именно так *Warrenmünzen* датировались, как отмечалось выше, еще в относительно недавнее время, все ведущие нумизматы были абсолютно убеждены в существовании солоновских монет, и лишь с 1950-х – 1960-х гг. *communis opinio* радикально поменялось. Так какие же претензии могут быть к Стагириту?

Тем не менее, принимать его путь решения проблемы мы ныне, конечно же, уже не можем. Совершенно ясно, например, что те долги, которые отменил Солон своей сисахфией, существовали преимущественно в натуральном продукте. Среди них, безусловно, могли быть и денежные долги, но, во-первых, таковые должны были составлять лишь незначительное меньшинство, а, во-вторых, даже в связи с ними речь должна вестись о домонетных деньгах (об этом феномене подробнее будет сказано ниже). Характерно, что в качестве критерия для разделения

²⁸ Harding 1974, 288.

²⁹ Подробнее по проблеме см.: Kroll 1981; Суриков 2007в.

граждан на имущественные классы был принят размер дохода в медимнах, а отнюдь не в деньгах³⁰.

* * *

Итак, как же нам все-таки оптимально решить проблему драхм, упоминаемых в законах Солона? В литературе указывалось, что, даже если Афины в его пору не чеканили, в них уже тогда могли обращаться монеты из других центров³¹. Теоретически говоря, такого исключать нельзя. Достаточно вспомнить, что такой развитый в экономическом отношении полис, как Мегары, не начинал собственной чеканки вплоть до начала IV в. до н.э. и, следовательно, вполне удовлетворялся для своего торгового оборота чужими монетами (во всяком случае, таким способом экономические нужды могли удовлетворяться хотя бы отчасти, но, с другой стороны, в сделках мегарянами, как мы предполагаем в другом месте³², должно было использоваться и нечеканеное серебро)³³.

Но, с другой стороны, о каких «других центрах» можно говорить для начала VI в. до н.э.? Тогда еще не выпускал монету ни один полис Балканской Греции: ни Эгина, ни Коринф. И та, и другой начали делать это только позже (хотя все-таки несколько раньше, чем Афины)³⁴. В солоновское время налицо были *только* электроновые выпуски Лидии и нескольких полисов Ионии. Однако в контексте этой ранней электроновой чеканки термин «драхма» вообще не употреблялся, да и не мог употребляться по понятным причинам. Да и в целом, хотя восточные электроновые

³⁰ Из относительно недавней литературы о данной солоновской реформе см.: Skydsgaard 1988; Foxhall 1997; Rosivach 2002; Wees 2006; Raaflaub 2006; Keesling 2015; Гущин 2011. Ср. также: Oudenrijn 1952: эта работа хоть и не новая, но настолько сильная, несмотря на небольшой размер, что сам учитель молодого автора, Й. Тиль, против построений которого (Thiel 1950), собственно, направлена была его статья, вынужден был в специально написанной им к ней постскрипуме признать свою неправоту и поблагодарить ученика. Наверное, не лишним здесь будет и указать на полемику между Х. Тумансом и автором этих строк по вопросу о том, почему солоновский ценз исчислялся в натуральных продуктах, а не в деньгах: Туманс 2007; Суриков 2009б.

³¹ Например: Chambers 1973, 16.

³² Суриков 2007а, 193–194.

³³ Заметим, что данную не вполне обычную практику Мегар разделяли и их колонии (и субколонии). Очень поздно начали чеканить и Византий, и Гераклея Понтийская, и Херсонес Таврический. Кстати, скажем несколько слов в связи с последним. В свое время Ю.А. Виноградов, разбирая (применительно к региону Боспора Киммерийского) вопрос о том, по каким критериям отличать полисы от греческих поселений, полисами не являвшихся, высказал следующий тезис: «Принципиальное значение для определения полисного статуса имеет монетная чеканка» (Виноградов 1993, 83). Иными словами, если данный центр чеканит – то он полис, если не чеканит – то он не полис. Это крайне спорное положение почему-то было с большим энтузиазмом встречено и поддержано многими российскими и украинскими специалистами по античному Северному Причерноморью. Так, и А.В. Буйских в своем монументальном труде о Херсонесе Таврическом (Буйских 2008) принимает в число абсолютно неотъемлемых атрибутов полиса наличие собственной монеты и в том действительно бесспорном факте, что Херсонес начинает чеканку поздно, в IV в. до н.э., видит очень весомое доказательство отсутствия в нем полисных институтов в более раннее время. Нам пришлось тогда же возразить киевской исследовательнице (Суриков 2009в) и, в частности, указать, что согласно ее (и Ю.А. Виноградова) логике, Мегары стали полисом в IV в. до н.э., что, разумеется, смешно и абсурдно. Наверное, факт позднего начала чеканки у всего этого мегарского «куста» полисов нуждается в объяснении, но сам этот факт налицо, и опровергнуть его нельзя.

³⁴ В связи с соотношением во времени эгинской, коринфской и афинской чеканок см. прежде всего: Kroll, Waggoner 1984.

монеты, несомненно, могли в рассматриваемую эпоху спорадически попадать и в Афины, однако оказывать хоть сколь-нибудь серьезного влияния на денежное хозяйство не были способны.

Понимать солоновскую драхму в «пелопоннесском» смысле – как связку из шести «вертелов»-оболов, стандартизированных по весу металлических спиц – мы тоже не можем. На Пелопоннесе такого рода деньги действительно зафиксированы³⁵, но в Аттике нет и следа ничего подобного.

Наиболее вероятным решением проблемы нам все-таки представляется то, которое еще в 1970-х гг. предложил (или, скорее, предсказал?) П. Родс³⁶ (не нумизмат, а просто выдающийся историк!), потом поддержал А. Фуртвенглер³⁷, а ныне активнейшим адептом этой точки зрения является такой виднейший представитель современной нумизматической науки, как Дж. Кролл³⁸, и его позиция быстро обрела сторонников³⁹. Согласно данной точке зрения, солоновская драхма – это нечеканеный слиточек серебра весом в одну драхму (по эвбейско-аттическому стандарту – ок. 4,36 г).

Такие слиточки, вне всякого сомнения, циркулировали в архаической Греции, и самое место им было в Аттике, где, благодаря Лаврийским рудникам, серебро добывалось в достаточном количестве (основные залежи Лаврия были, правда, открыты позже, но трудно представить, что ранее афинянам оставалось совершенно неизвестным наличие сего благородного металла в их земле). Они имели фиксированный вес и, видимо, уже в основном круглую форму (что, кстати, делало их более пригодными для использования, нежели пресловутые пелопоннесские спицы-оболы). Одним словом, они отличались от «настоящих» монет, в сущности, только отсутствием клейма государства⁴⁰.

Коль скоро эти солоновские драхмы не являлись еще монетами, можно ли сказать, что они не являлись деньгами? Отнюдь нет. Методологически неверно отождествлять чеканную монету с деньгами как таковыми⁴¹. До появления чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. При этом подчеркнем, речь идет не о натуральных «протоденьгах» типа голов скота (применяющихся для оценки

³⁵ Дискуссионным является вопрос, восходят ли к старинным пелопоннесским оболам спартанские железные пеланоры. См. по проблеме: Фигейра 2001.

³⁶ Rhodes 1975; 1977; строго говоря, еще намного раньше аналогичную догадку высказывал (правда, не применительно конкретно к Афинам) наш великий нумизмат А.Н. Зograф: Zograф 1951, 23.

³⁷ Furtwängler 1986, 164.

³⁸ Kroll 1998; 2008. Более раннее предвосхищение им той же гипотезы (выраженное несколько косвенно) см. в работе, написанной им в соавторстве: Kroll, Waggoner 1984, 333.

³⁹ Ruschenbusch 1994, 362; Stanley 1999, 212; Kim 2001, 8–11. Рушенбуш и Стенли делают, правда, оговорку: при Солоне в Афинах использовались деньги в форме либо серебряных слиточков, либо железных стержней. Однако, как оговаривалось чуть выше, второй из этих вариантов практически исключен.

⁴⁰ Образчики подобных нештемпелеванных «кругляшек» (правда, электроовые) присутствуют уже в самом раннем кладе древнегреческих монет, заложенном в основание эфесского храма Артемиды. Как только они были обнаружены, ни у кого не было ни малейшего сомнения, что перед нами – «протомонеты», предпоследний шаг в процессе рождения монетной чеканки (последним же стали уже монеты как таковые).

⁴¹ См. данный тезис в акцентированной форме: Kim 2001. Для понимания этой сложной проблемы и для общей оценки значения перехода архаических греков к монете весьма важны две относительно недавние монографии: Seaford 2004; Schaps 2004.

богатства уже в гомеровском эпосе) или медимнов зерна, а о самых настоящих деньгах, просто не имевших еще привычной нам монетной формы. Уже упоминалось (и всем это прекрасно известно), что в Пелопоннесе в этом качестве употреблялись стандартизованные металлические спицы (обо́лы), а в Аттике вот, как видим, слиточки. Несомненно, именно эти домонетные деньги имел в виду Солон в своих законах, упоминающих драхмы.

С такими деньгами были полноценно возможны любые операции, которые позже были возможны с монетами. Разве что они при транзакциях взвешивались – но взвешивались ведь и монеты, довольно долго еще после их появления.

Собственно говоря, экономика как таковая, если брать ее изолированно от других сфер бытия общества (чего, строго говоря, применительно к античной Греции делать не следует⁴², но здесь мы просто позволяем себе некий мысленный эксперимент) вполне могла обходиться нечekanеными (но уже стандартизованными по весу) домонетными деньгами, о которых шла речь выше. Повторим и подчеркнем, они представляли собой отнюдь не какой-нибудь эрзац, а полноценные деньги, только без полисных эмблем. Так что не следует преувеличивать влияние начала чеканки на эволюцию экономической жизни, которая, в общем-то, не изменилась сколько-нибудь серьезно с появлением монет *stricto sensu*⁴³.

Нам импонирует мысль, согласно которой рождение монетного дела было обусловлено в конечном счете не столько экономическими, сколько политическими надобностями. Так или иначе об этом писали и Осборн, и Ким в вышецитированных работах, но наиболее подробно данная мысль была развита в монографии французского ученого Ж.-М. Серве⁴⁴.

Нам представляется не лишним остановиться на основных его аргументах. Практика монетной чеканки не представляет собой какого-то радикального новшества для общества, поскольку оно, ранее не имея монеты, вполне обходилась без нее⁴⁵. Разве можно с этим спорить? Серебряные сикли (естественно, отнюдь не монеты, а слитки) упоминаются еще в законах Хаммурапи⁴⁶. Собственно, и то, что Серве говорит далее в своей книге, каких-то особых открытий не содержит; обо всём этом писалось и прежде, – например, уже Максом Вебером (деньги в своей первоначальной функции – не инструмент для торговли, а инструмент для выплат государству: «в этой стадии деньги не являются орудием обмена»⁴⁷). Но французский ученый как-то достаточно удачно сводит воедино те аргументы, которые раньше (и позже) высказывались разрозненно.

⁴² В связи со «встроенностью» экономики в общий «космос» древнегреческого общества, в результате чего она не представляла собой какого-то отдельного мира, управляющегося собственными законами, наверно, уместно сослаться на классические работы: Finley 1973; Austin, Vidal-Naquet 1977. Взгляды М. Финли сейчас много и жестко критикуют. Но всегда ли справедливо? Детальное ознакомление с одной из последних по времени «антифинлианских» работ (Harris 2013) оставило, например, у нас следующее впечатление: озлобленность и больше ничего.

⁴³ Osborne 1996, 250.

⁴⁴ Servet 1984.

⁴⁵ Servet 1984, 8.

⁴⁶ См. хотя бы: Гордон 2002, 98, 271, прим. 8.

⁴⁷ Вебер 2001, 223. См. практически аналогичное суждение в: Servet 1984, 19. Впрочем, последний выражается терминологически точнее: он говорит не о деньгах (мы уже видели, что это очень растяжимое понятие), а конкретно о монете.

В ряде глав, из которых состоит его книга, рассматриваются (в порядке сравнительной исторической вероятности) и одна за другой подвергаются сомнению основные гипотезы, высказывавшиеся о причинах «рождения монеты»: «коммерческая»⁴⁸, «финансовая» (имеется в виду начало чеканки для административных нужд полисов)⁴⁹, «культовая»⁵⁰ и, наконец, «политическая»⁵¹; именно эта последняя вызывает преимущественную симпатию автора, поскольку признается им наиболее комплексной, позволяющей оптимально синтезировать всё лучшее, что имеется в остальных гипотезах. Типы и легенды появились на монетах, как выражается исследователь, в целях «аутентификации монет государством». Или, как мы в аналогичном духе писали в другом месте⁵², «выбивая на монете символ полиса, ее тем самым делали одним из главных атрибутов государственного суверенитета, каковым она с тех пор и оставалась».

Итак, подведем окончательные итоги. Упоминания драхм в законах Солона следует признать аутентичными, принадлежавшими самому афинскому реформатору, а не представляющие собой позднейшие вставки в солоновский корпус, делавшиеся в ходе внесения в него изменений (а такие изменения, естественно, имели место, как бывает с любым «живым», действующим, не сданным еще в архив законодательством). В то же время солоновские драхмы – это еще не монеты. Но в то же время они не являлись и чисто весовыми единицами. Нет, это именно деньги; пусть домонетные деньги, но, тем не менее, уже успешно выполнявшие все свойственные деньгам функции.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских, А.В. 2008: *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь.
- Вебер, М. 2001: *История хозяйства. Город*. М.
- Виноградов, Ю.А. 1993: К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского. *Античный мир и археология* 9, 79–96.
- Гордон, С.Г. 2002: *Забывшие письма: открытие и дешифровка*. СПб.
- Гущин, В.Р. 2011: Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. *ВДИ* 3, 107–122.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.–Л.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010: О начале монетной чеканки на Боспоре. I. *ВДИ* 3, 31–59.
- Семенов, А.Ф. 1908: Сисахтия. *Гермес* 3, 13, 337–340; 14, 364–369.
- Суриков, И.Е. 2006а: Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки. *Античный мир и археология* 12, 43–51.

⁴⁸ Servet 1984, 41–74. Резюме автора: говорить ли о внешней или о внутренней торговле, нужды рынка нельзя признать главной причиной первых греческих эмиссий (Servet 1984, 71). Мы в одной из предыдущих работ писали в аналогичном духе (Суриков 2007а, 190 слл.), еще не будучи знакомы с монографией Серве (и, соответственно, не ссылались на нее).

⁴⁹ Servet 1984, 75–88. Резюме автора: данная гипотеза, при всей своей соблазнительности, с трудом согласуется с той информацией, которой мы располагаем о финансовой политике архаических полисов (Servet 1984, 86).

⁵⁰ Servet 1984, 89–110. Автор указывает, что эта гипотеза ему еще более симпатична, но в конечном счете он и ею поступает в пользу следующей.

⁵¹ Servet 1984, 111–144.

⁵² Суриков 2007а, 194.

- Суриков, И.Е. 2006б: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2007а: *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М.
- Суриков, И.Е. 2007б: Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах. *ВДИ* 3, 28–46.
- Суриков, И.Е. 2007в: От Warrenmünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста. В кн.: В.А. Калинин (ред.), *Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб., 10–12.
- Суриков, И.Е. 2009а: О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах. В кн.: И.В. Ширяков (ред.), *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. М., 7–9.
- Суриков, И.Е. 2009б: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полеми-ческие заметки). Часть II. *Из истории античного общества* 12, 5–37.
- Суриков, И.Е. 2009в: «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? *Studia historica* 9, 185–201.
- Туманс, Х. 2007: Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона. *ВДИ* 2, 19–39.
- Фигейра, Т.Дж. 2001: Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии. *Античная древность и средние века* 32, 5–28.
- Хвостов, М.М. 1897: Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения. *Фило-логическое обозрение* 13, 1, 3–26.
- Austin, M., Vidal-Naquet, P. 1977: *Economic and Social History of Ancient Greece: An Intro-duction*. Berkeley.
- Casey, P.J. 1986: *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Histo-rians*. London.
- Chambers, M. 1973: Aristotle on Solon's Reform of Coinage and Weights. *California Studies in Classical Antiquity* 6, 1–16.
- Crawford, M.H. 1972: Solon's Alleged Reform of Weights and Measures. *Eirene* 10, 5–8.
- Creatini, F. 1984: Riflessi sociali della riforma ponderale di Solone. *Studi classici e orientali* 34, 127–132.
- Dawson, S. 1999: The Athenian Wappenmünzen. *Scholia* 8, 71–77.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 BC*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1973: *The Ancient Economy*. Berkeley.
- Fischer, T. 1973: Zu Solons Maß-, Gewichts- und Münzreform. *Chiron* 3, 1–14.
- Flament, C. 2007: *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellé-nistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.)*. Louvain-le-Neuve.
- Foxhall, L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes. In: L.G. Mitch-ell, P.J. Rhodes (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London – New York, 61–74.
- French, A. 1956: The Economic Background to Solon's Reforms. *Classical Quarterly* 6, 1/2, 11–25.
- Furtwängler, A. 1986: Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung. *Schweizerische numis-matische Rundschau* 65, 153–165.
- Gallant, J.W. 1982: Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon. *Annual of the British School at Athens* 77, 111–124.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxford.
- Hammond, N.G.L. 1961: Land Tenure in Attica and Solon's Seisachtheia. *Journal of Hellenic Studies* 81, 76–98.
- Harding, P. 1974: Androtion's View of Solon's Seisachtheia. *Phoenix* 28, 3, 282–289.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.

- Harding, P. 2008: *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. London–New York.
- Harris, E.M. 1997: A New Solution to the Riddle of the *Seisachtheia*. In: L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London – New York, 55–60.
- Harris, E.M. 2002: Did Solon Abolish Debt-Bondage? *Classical Quarterly* 52, 2, 415–430.
- Harris, E.M. 2013: Finley's *Studies in Land and Credit* Sixty Years Later. *Dike* 16, 123–146.
- Head, B.V. 1887: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.
- Head, B.V. 1911: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. 2nd ed. Oxford.
- Hill, G.F. 1964: *Ancient Greek and Roman Coins: A Handbook*. Chicago.
- Hopper, R.J. 1968: Observations on the Wappenmünzen. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 16–39.
- Horsmann, G. 2000: Athens Weg zur eigenen Währung: Der Zusammenhang der metrologischen Reform Solons mit der timokratischen. *Historia* 49, 3, 259–277.
- Howgego, C. 1995: *Ancient History from Coins*. London – New York.
- Jacoby F. 1954: *Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3. Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). b (Supplement): A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1–2*. Leiden.
- Jenkins, G.K. 1990: *Ancient Greek Coins*. 2 ed. London.
- Keesling, C.M. 2015: Solon's Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of *IG I³ 831* and *Ath. pol.* 7.4. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 115–135.
- Kim, H.S. 2001: Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money. In: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 7–21.
- Kraay, C.M. 1956: The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology. *Numismatic Chronicle* 16, 43–68.
- Kraay, C.M. 1962: The Early Coinage of Athens: A Reply. *Numismatic Chronicle* 2, 417–423.
- Kraay, C.M. 1968: An Interpretation of *Ath. pol.* Ch. 10. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 1–9.
- Kraay, C. M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley.
- Kraay, C.M. 1977: The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology. *Numismatic Chronicle* 17, 189–198.
- Kraay, C.M. 1989: Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen. In: M. Radnoti-Alföldi (Hg.), *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 180–210.
- Kraft, K. 1959/1960: Zur Übersetzung und Interpretation von Aristoteles, *Athenaion Politeia*, Kap. 10 (Solonische Münzreform). *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 10, 21–46.
- Kraft, K. 1969: Zur solonischen Gewichts- und Münzreform. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 19, 7–24.
- Kroll, J.H. 1981: From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls. *The American Numismatic Society. Museum Notes* 26, 1–32.
- Kroll, J.H. 1993: *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton.
- Kroll, J.H. 1998: Silver in Solon's Laws. In: R. Ashton, S. Hurter (eds.), *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. London, 225–232.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *American Journal of Archaeology* 88, 3, 325–340.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Lewis, N. 1941: Solon's Agrarian Legislation. *American Journal of Philology* 62, 2, 144–156.

- L'Homme-Wéry, L.-M. 1999: Eleusis and Solon's Seisachtheia. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 40, 2, 109–133.
- Milne, J.G. 1945: The Economic Policy of Solon. *Hesperia* 14, 3, 230–245.
- Molina, L.A. 1998: Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy. *Pomoerium* 3, 5–18.
- Mühl, M. 1953: Solons sogenannten χρεῶν ἀποκοπή im Lichte der antiken Überlieferung. *Rheinisches Museum für Philologie* 96, 214–223.
- Musiolek, P. 1988: Zur Problematik der solonischen Reformen. In: J. Herrmann, J. Köhn (Hg.), *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. Berlin, 448–451.
- Nicolet, H. 1984: Monnaies athéniennes perdues et retrouvées. In: *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce*. Paris, 215–224.
- Noyen, P. 1957: Aristote et la réforme monétaire de Solon. *L'Antiquité classique* 26, 1, 136–141.
- Ober, J. 2006: Solon and the *Horoï*: Facts on the Ground in Archaic Athens. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 441–456.
- Oliva, P. 1971: Solon und seine Seisachtheia. *Živa Antika* 21, 1, 103–122.
- Osborne, R. 1996: *Greece in the Making, 1200–479 BC*. London – New York.
- Oudendorp, C.M.A. von der 1952: Solon's System of Property-Classes Once More. *Mnemosyne* 5, 1, 19–22.
- Price, M.J., Waggoner, N.M. 1975: *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. London.
- Raaflaub, K.A. 2006: Athenian and Spartan *Eunomia*, or: What to Do with Solon's Timocracy? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 390–428.
- Radnoti-Alföldi, M. 1978: *Antike Numismatik. Teil 1*. Mainz.
- Raven, E.J.P. 1968: Problems of the Earliest Owls of Athens. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 40–58.
- Rebuffat, F. 1996: *La monnaie dans l'antiquité*. Paris.
- Reden, S. von 1995: *Exchange in Ancient Greece*. London.
- Reinach, T. 1928: Zu Androtion fr. 40 Müller. *Hermes* 63, 2, 238–240.
- Rhodes, P.J. 1975: Solon and the Numismatics. *Numismatic Chronicle* 15, 1–11.
- Rhodes, P.J. 1977: Solon and the Numismatics: Postscript. *Numismatic Chronicle* 17, 152.
- Root, M. C. 1988: Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage. *Numismatic Chronicle* 148, 8–12.
- Rosivach, V.J. 2002: The Requirements for the Solonic Classes in Aristotle, AP 7.4. *Hermes* 130, 1, 36–47.
- Ruschenbusch, E. 1966: *ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden.
- Ruschenbusch, E. 1994: Plutarch's Solonbiographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 351–380.
- Schaps, D.M. 2004: *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor.
- Seaford, R. 2004: *Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy*. Cambridge.
- Sear, D.R. 1997: *Greek Coins and their Values. Vol. 1: Europe*. London.
- Seltman, C.T. 1924: *Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge.
- Servet, J.-M. 1984: *Nomismata: État et origines de la monnaie*. Lyon.
- Skydsgaard, J.E. 1988: Solon's Tele and the Agrarian History: A Note. In: E. Christiansen et al. (eds.), *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen*. Aarhus, 50–54.
- Stanley, P.V. 1999: *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen.

- Theodorou, J. 1996: Athenian Silver Coins: 6th – 3rd Centuries B.C. The Current Interpretation. In: A.P. Tzamales (ed.), *Μνήμη Martin Jessop Price*. Athens, 51–81.
- Thiel, J.H. 1950: On Solon's System of Property-Classes. *Mnemosyne* 3, 1, 1–11.
- Vickers, M. 1985: Early Greek Coinage, a Reassessment. *Numismatic Chronicle* 145, 1–44.
- Wallace, W.P. 1962: The Early Coinages of Athens and Euboia. *Numismatic Chronicle* 2, 23–42.
- Waters, K.H. 1960: Solon's 'Price-equalisation'. *Journal of Hellenic Studies* 80, 181–190.
- Wees, H. van 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 351–389.
- Welwei, K.-W. 1992: *Athen: vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Grosspolis*. Darmstadt.
- Woodhouse, W.S. 1965: *Solon the Liberator. Repr. ed.* New York.

REFERENCES

- Austin, M., Vidal-Naquet, P. 1977: *Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction*. Berkeley.
- Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu*. Simferopol'.
- Casey, P.J. 1986: *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians*. London.
- Chambers, M. 1973: Aristotle on Solon's Reform of Coinage and Weights. *California Studies in Classical Antiquity* 6, 1–16.
- Crawford, M.H. 1972: Solon's Alleged Reform of Weights and Measures. *Eirene* 10, 5–8.
- Creatini, F. 1984: Riflessi sociali della riforma ponderale di Solone. *Studi classici e orientali* 34, 127–132.
- Dawson, S. 1999: The Athenian Wappenmünzen. *Scholia* 8, 71–77.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 BC*. Cambridge.
- Figueira, T.J. 2001: Spartanskije zheleznye den'gi i ideologiya sredstv sushchestvovaniya v arkhaischekoy Lakonii. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* 32, 5–28.
- Finley, M.I. 1973: *The Ancient Economy*. Berkeley.
- Fischer, T. 1973: Zu Solons Maß-, Gewichts- und Münzreform. *Chiron* 3, 1–14.
- Flament, C. 2007: *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.)*. Louvain-le-Neuve.
- Foxhall, L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes. In: L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London–New York, 61–74.
- French, A. 1956: The Economic Background to Solon's Reforms. *Classical Quarterly* 6, 1/2, 11–25.
- Furtwängler, A. 1986: Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung. *Schweizerische numismatische Rundschau* 65, 153–165.
- Gallant, J.W. 1982: Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon. *Annual of the British School at Athens* 77, 111–124.
- Gordon, S.G. 2002: *Zabytye pis'mena: otkrytie i deshifrovka*. St. Petersburg.
- Gushchin, V.R. 2011: Tsenzovaya reforma Solona i krizis v Attike na rubezhe VII–VI vv. do n.e. *Vestnik drevney istorii* 3, 107–122.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE. 2nd ed.* Oxford.
- Hammond, N.G.L. 1961: Land Tenure in Attica and Solon's Seisachtheia. *Journal of Hellenic Studies* 81, 76–98.
- Harding, P. 1974: Androtion's View of Solon's Seisachtheia. *Phoenix* 28, 3, 282–289.

- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harding, P. 1994: *Androton and the Atthis*. Oxford.
- Harding, P. 2008: *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. London – New York.
- Harris, E.M. 1997: A New Solution to the Riddle of the *Seisachtheia*. In: L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London – New York, 55–60.
- Harris, E.M. 2002: Did Solon Abolish Debt-Bondage? *Classical Quarterly* 52, 2, 415–430.
- Harris, E.M. 2013: Finley's *Studies in Land and Credit* Sixty Years Later. *Dike* 16, 123–146.
- Head, B.V. 1887: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.
- Head, B.V. 1911: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. 2nd ed. Oxford.
- Hill, G.F. 1964: *Ancient Greek and Roman Coins: A Handbook*. Chicago.
- Hopper, R.J. 1968: Observations on the Wappenmünzen. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 16–39.
- Horsmann, G. 2000: Athens Weg zur eigenen Währung: Der Zusammenhang der metrologischen Reform Solons mit der timokratischen. *Historia* 49, 3, 259–277.
- Howgego, C. 1995: *Ancient History from Coins*. London – New York.
- Jacoby F. 1954: *Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3. Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). b (Supplement): A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1–2*. Leiden.
- Jenkins, G.K. 1990: *Ancient Greek Coins*. 2 ed. London.
- Keesling, C.M. 2015: Solon's Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of IG I³.831 and *Ath. pol.* 7.4. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 115–135.
- Khvostov, M.M. 1897: Sisakhtia Solona i razlozhenie evpatridskogo zemlevladieniya. *Philologicheskoe obozrenie* 13, 1, 3–26.
- Khvostov, M.M. 1897: Sisakhtia Solona i razlozhenie evpatridskogo zemlevladieniya. *Philologicheskoe obozrenie* 13, 1, 3–26.
- Kim, H.S. 2001: Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money. In: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 7–21.
- Kovalenko, S.A., Tolstikov, V.P. 2010: O nachale monetnoy chekanki na Bospore. I. *Vestnik drevney istorii* 3, 31–59.
- Kraay, C.M. 1956: The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology. *Numismatic Chronicle* 16, 43–68.
- Kraay, C.M. 1962: The Early Coinage of Athens: A Reply. *Numismatic Chronicle* 2, 417–423.
- Kraay, C.M. 1968: An Interpretation of *Ath. pol.* Ch. 10. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 1–9.
- Kraay, C. M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley.
- Kraay, C.M. 1977: The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology. *Numismatic Chronicle* 17, 189–198.
- Kraay, C.M. 1989: Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen. In: M. Radnoti-Alföldi (Hg.), *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 180–210.
- Kraft, K. 1959/1960: Zur Übersetzung und Interpretation von Aristoteles, *Athenaion Politeia*, Kap. 10 (Solonische Münzreform). *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 10, 21–46.
- Kraft, K. 1969: Zur solonischen Gewichts- und Münzreform. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 19, 7–24.
- Kroll, J.H. 1981: From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls. *The American Numismatic Society. Museum Notes* 26, 1–32.
- Kroll, J.H. 1993: *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton.

- Kroll, J.H. 1998: Silver in Solon's Laws. In: R. Ashton, S. Hurter (eds.), *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. London, 225–232.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *American Journal of Archaeology* 88, 3, 325–340.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Lewis, N. 1941: Solon's Agrarian Legislation. *American Journal of Philology* 62, 2, 144–156.
- L'Homme-Wéry, L.-M. 1999: Eleusis and Solon's Seisachtheia. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 40, 2, 109–133.
- Milne, J.G. 1945: The Economic Policy of Solon. *Hesperia* 14, 3, 230–245.
- Molina, L.A. 1998: Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy. *Pomoerium* 3, 5–18.
- Mühl, M. 1953: Solons sogenannten χρῆσιν ἀποκοπή im Lichte der antiken Überlieferung. *Rheinisches Museum für Philologie* 96, 214–223.
- Musiolek, P. 1988: Zur Problematik der solonischen Reformen. In: J. Herrmann, J. Köhn (Hg.), *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. Berlin, 448–451.
- Nicolet, H. 1984: Monnaies athéniennes perdues et retrouvées. In: *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce*. Paris, 215–224.
- Noyen, P. 1957: Aristote et la réforme monétaire de Solon. *L'Antiquité classique* 26, 1, 136–141.
- Ober, J. 2006: Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 441–456.
- Oliva, P. 1971: Solon und seine Seisachtheia. *Živa Antika* 21, 1, 103–122.
- Osborne, R. 1996: *Greece in the Making, 1200–479 BC*. London – New York.
- Oudenrijn, C.M.A. von der 1952: Solon's System of Property-Classes Once More. *Mnemosyne* 5, 1, 19–22.
- Price, M.J., Waggoner, N.M. 1975: *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. London.
- Raaflaub, K.A. 2006: Athenian and Spartan *Eunomia*, or: What to Do with Solon's Timocracy? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 390–428.
- Radnoti-Alföldi, M. 1978: *Antike Numismatik. Teil I*. Mainz.
- Raven, E.J.P. 1968: Problems of the Earliest Owls of Athens. In: C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.), *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxford, 40–58.
- Rebuffat, F. 1996: *La monnaie dans l'antiquité*. Paris.
- Reden, S. von 1995: *Exchange in Ancient Greece*. London.
- Reinach, T. 1928: Zu Androtion fr. 40 Müller. *Hermes* 63, 2, 238–240.
- Rhodes, P.J. 1975: Solon and the Numismatics. *Numismatic Chronicle* 15, 1–11.
- Rhodes, P.J. 1977: Solon and the Numismatics: Postscript. *Numismatic Chronicle* 17, 152.
- Root, M. C. 1988: Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage. *Numismatic Chronicle* 148, 8–12.
- Rosivach, V.J. 2002: The Requirements for the Solonic Classes in Aristotle, AP 7.4. *Hermes*. 130, 1, 36–47.
- Ruschenbusch, E. 1966: *ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden.
- Ruschenbusch, E. 1994: Plutarch's Solonbiographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 351–380.
- Schaps, D.M. 2004: *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor.

- Seaford, R. 2004: *Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy*. Cambridge.
- Sear, D.R. 1997: *Greek Coins and their Values. Vol. 1: Europe*. London.
- Seltman, C.T. 1924: *Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge.
- Semenov, A.F. 1908: Sisakhtia. *Germes* 3, 13, 337–340; 14, 364–369.
- Servet, J.-M. 1984: *Nomismata: État et origines de la monnaie*. Lyon.
- Skydsgaard, J.E. 1988: Solon's Tele and the Agrarian History: A Note. In: E. Christiansen et al. (eds.), *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen*. Aarhus, 50–54.
- Stanley, P.V. 1999: *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen.
- Surikov, I.E. 2006a: Drevneyshie afinskie monety (Wappenmünzen): problemy interpretatsii i datirovki. *Antichnyy mir i archeologia* 12, 43–51.
- Surikov, I.E. 2006b: *Osrakizm v Afinakh*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2007a: *Arkhaicheskaya i klassicheskaya Gretsiya: problemy istorii i istochnikovedeniya*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2007b: Dosolonovskie "shestidol'niki" i dolgovoy vopros v arkhaicheskikh Afinakh. *Vestnik drevney istorii* 3, 28–46.
- Surikov, I.E. 2007v: Ot Wappenmünzen k "Sovam": v poiskakh istoricheskogo konteksta. In: V.A. Kalinin (ed.), *Chetyrnadtsataya Vserossiyskaya numismaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy*. St. Petersburg, 10–12.
- Surikov, I.E. 2009a: O tak nazyvaemoy monetnoy reforme Gippiya v Afinakh. In: I.V. Shiryakov (ed.), *Pyatnadtsataya Vserossiyskaya numismaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy*. Moscow, 7–9.
- Surikov, I.E. 2009b: Eshche raz o zakonodatel'stvakh Drakonta i Solona v Afinakh (polemicheskie zametki). Chast' II. *Iz istorii antichnogo obshchestva* 12, 5–37.
- Surikov, I.E. 2009v: "Khersones iznachal'nyy" ili "predkhersonesskoe poselenie"? *Studia historica* 9, 185–201.
- Theodorou, J. 1996: Athenian Silver Coins: 6th – 3rd Centuries B.C. The Current Interpretation. In: A.P. Tzamales (ed.), *Μνήμη Martin Jessop Price*. Athens, 51–81.
- Thiel, J.H. 1950: On Solon's System of Property-Classes. *Mnemosyne* 3, 1, 1–11.
- Tumans, H. 2007: Eshche ras ob aristokratizme i "burzhuaznosti" Solona. *Vestnik drevney istorii* 2, 19–39.
- Vickers, M. 1985: Early Greek Coinage, a Reassessment. *Numismatic Chronicle* 145, 1–44.
- Vinogradov, Yu.A. 1993: K probleme polisov v rayone Bospora Kimmeriyskogo. *Antichnyy mir i arkeologiya* 9, 79–96.
- Wallace, W.P. 1962: The Early Coinages of Athens and Euboea. *Numismatic Chronicle* 2, 23–42.
- Waters, K.H. 1960: Solon's 'Price-equalisation'. *Journal of Hellenic Studies* 80, 181–190.
- Weber, M. 2001: *Istoriya khozyaystva. Gorod*. Moscow.
- Wees, H. van 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 351–389.
- Welwei, K.-W. 1992: *Athen: vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Grosspolis*. Darmstadt.
- Woodhouse, W.S. 1965: *Solon the Liberator. Repr. ed.* New York.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety*. Moscow – Leningrad.

DRACHMAS IN SOLON'S LAWS.
II. VARIANTS OF THE PROBLEM'S SOLUTION IN THE LIGHT OF REALITY
OF THE SOLONIAN TIME

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
isurikov@mail.ru*

Abstract. The second part of the article deals with evidence of Androtion, an Atthidographer, and Aristotle (in the *Athenaion politeia*) on the *seisachtheia* and Solon's metrological reform (although both measures cited, to say strictly, didn't belong to the Solonian law code), as in these passages drachmas are also mentioned. The authors ascertain that Androtion confuses mistakenly the two above-mentioned actions; as to Aristotle, he ascribed to Solon a monetary reform in addition to a metrological one because he was firmly sure that early 6th century B.C. Athens already had its own coinage (we now know it's wrong, but even in the first half of the 20th century any specialist in Greek numismatic would have subscribed to this Aristotelian judgment). At the end, the author states that of all existing interpretations of Solonian drachmas, the most viable is the one (developed in most detail by J.H. Kroll), which identifies them as pre-monetary money, if to be concrete – as non-coined little silver ingots of fixed weight.

Key words: Solon, Archaic Athens, law-making, coinage, drachmas, Aristotle, Androtion, *seisachtheia*, pre-monetary money

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ ФАМИЛИИ В I В. ДО Н.Э. (ПО ПИСЬМАМ ЦИЦЕРОНА)

Б.С. Ляпустин

*Московский государственный институт международных отношений, Москва,
bsl51@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты хозяйственной жизни фамилии римской элиты в последние десятилетия Римской республики. В ней сделана попытка приблизиться к решению одной из сложнейших проблем экономической истории античности – проблеме соотношения политических изменений с экономическим развитием древнего Рима. Переписка Цицерона содержит ценную информацию о важной особенности жизни античного гражданина: включенность его как в политическую, так и в хозяйственную жизни в различные контактные группы, где и принимались все решения. Для элиты таким объединением выступает традиционный римский институт *amicitia*, включающий группу друзей и родственников, отношения между которыми строились на основе ценностей в духе нравов предков. Роль этого института возрастает в конце республики, когда в условиях острой политической борьбы одновременно идет рост семейной собственности в Италии и в провинциях. Письма сообщают, как, помимо обсуждения планов, в практику входят различные формы участия родственников и «друзей» в управлении делами фамилии, так как разросшееся хозяйство домовладыки и активное его участие в политической жизни не позволяло *pater familias* в одиночку успешно контролировать все сферы экономической жизни. Обращение к «друзьям» в виде поручения (*mandatum*) не было связано с денежным вознаграждением и шло помимо рыночных отношений.

Помощь друзей и родственников в управлении разросшимся имуществом фамилии указывает на важные изменения, которые происходили в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Развитие семейного хозяйства требовало от *pater familias* выхода на новый уровень объединения и экономических связей, которые и открывал феномен *amicitia*. *Amicitia* в дополнение к индивидуальным усилиям домовладыки стала важным инструментом достойного приобретения материальных ресурсов и финансовых средств, что было необходимо как для поддержания элитой высокого социального статуса, так и для политической карьеры.

Ключевые слова: Поздняя республика, древнеримская экономика, Цицерон, фамилия, *amicitia*

Введение

Одной из отличительных черт жизни древнего Рима было настолько тесное переплетение экономических, политических, религиозных и повседневно-быто-

Ляпустин Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент Московского Государственного института международных отношений (университет) МИД РФ.

вых сфер, что разделить их, не внося искажений в историческую картину, практически невозможно¹. В этом контексте на фоне весьма подробно исследованной политической деятельности политических элит в эпоху Поздней республики, связанной с выработкой совместной стратегии у отдельных групп фамилий, стоящих во главе государства, встает вопрос о том, насколько самостоятельной оставалась хозяйственная жизнь этих фамилий. Данный вопрос непосредственно связан с центральной, как отметил Ж. Андро², еще не до конца решенной проблемой экономической истории: как соотносятся между собой политические изменения с экономическим развитием древнего Рима. Представляется, что приблизиться к пониманию этого сложного феномена можно, если рассматривать данную проблему сквозь призму повседневной хозяйственной жизни фамилии высших слоев римского общества (сенаторов и всадников), чему и посвящена данная статья.

В эпистолярном наследии Цицерона отразилась одна из важных особенностей повседневной, хозяйственной и политической сфер жизни античного гражданина, а именно: его включенность в различные контактные группы. В рамках этих контактных микрогрупп принимались все важнейшие решения. Г.С. Кнабе подчеркивал, что «ни один римлянин не предпринимал сколько-нибудь серьезного шага, как в домашних делах, так и в политике без совещания с “друзьями”»³. Обычно в первую очередь советовались с близкими и дальними родственниками, земляками, близкими по образу жизни и мысли соратниками и даже доверенными клиентами и вольноотпущенниками. Эпистолярное наследие Цицерона предоставляет нам уникальную возможность глубже проникнуть в этот пласт повседневной жизни древнеримского общества.

Как показывает переписка Цицерона, принятию решений в хозяйственной деятельности всегда предшествовало обсуждение планов с ближайшими доверенными друзьями и родственниками. Так, братья Туллии Цицероны после возвращения Марка из изгнания в конце 57 г. до н.э. предварительно обсуждали, какими должны стать их восстановленные дома на Палатине, которые были разрушены сторонниками Клодия. Марк с удовлетворением сообщал в письме брату, что дом для него (Квинта) получается даже лучше, чем это представлялось ранее, когда создавали проект (Cic. Q. fr. II. 6 (5). 3). Он хвалит брата за осмотрительность, за то, что тот не спешит с покупкой подгородного имения, но все же советует его приобрести (Q. fr. III. 4.5). Для Марка оказывается невероятным то, что решение о покупке подгородного имения Квинт принял с Титом Аницием, отнюдь не самым близким и доверенным человеком, не обсудив предварительно вопрос со старшим братом. И Марк в письме настойчиво просит поделиться планами насчет усадьбы под Римом (Q. fr. III. 1. 23–24). Круг их общих интересов широк. Так, помимо хозяйственных вопросов, Квинт советуется с Марком и насчет планов пребывания у Цезаря в Галлии (Q. fr. III. 1. 9; 1. 17; 6. 1 и др.).

Различные вопросы Цицерон обсуждает и с Аттиком. И для того, и для другого важно мнение близкого друга и поддержка принятого решения. На это указывают строки из различных писем: «Ты одобряешь мое решение насчет Хрисиппа» (Att. VII. 5. 3. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна); «ведь ты просишь написать

¹ Кнабе 1988, 12; Кузищин, Штаерман 1989, 45, 52.

² Andreau 1997, 169.

³ Кнабе 1988, 14.

тебе, что мне кажется» (Att. XII. 28. 3); «извещай меня самым подробным образом о том, что ты делаешь, где ты, в каком положении твои дела» (Att. I. 14. 7). Цицерон и Аттик постоянно обмениваются самой различной информацией, извещают о ходе дел и принятых решениях.

Активное участие Марка Цицерона в делах брата проявлялось и в других формах. Помимо совместного обсуждения всех проблем, Марк, прежде всего, подробно информирует брата, который находится за пределами Италии, об экономической жизни и финансовых делах его фамилии. Так, в период отсутствия брата в Риме Марк постоянно наблюдает за ходом работ по восстановлению домов обоих братьев на Палатине и регулярно сообщает младшему брату, находящемуся в Сардинии, обо всех изменениях (Q. fr. III. 1. 6). Кроме того, он в курсе дел о сдаче в аренду дома Квинта в Каринах (на римской улице между холмами Целием и Эсквилином) и положительно отзывается о поселившихся жильцах Ламиях (Q. fr. II. 3. 7). Во всех этих эпизодах Марк Туллий Цицерон фактически выступает «оком брата» в его владениях.

Эту же цель преследуют инспекционные поездки Марка по сельским имениям Квинта, пока тот по служебным делам находится за пределами Италии. Старший брат неоднократно посещает его поместья в Арпине и аркскую усадьбу, которая принадлежала еще их отцу (Cic. Q. Fr. II. 5. 4; III. 1. 1; 3; 4–5), и проверяет качество работ по строительству дороги и проведению воды в поместье, а также осматривает небольшую постройку вилика и дает ей оценку.

Такие же отношения были выстроены с Публием Сестием. В письмах Цицерон советовался со своим другом не только относительно политических событий, но и относительно текущих хозяйственных дел. Так, он обсуждал планы покупки дома Красса и, ободренный позитивным отношением Публия к этому шагу, приобрел особняк за 3 500 000 сестерциев (Fam. V. 6. 2). В свою очередь, когда Публий Сестий в качестве проквестора находился в Македонии, Цицерон проявлял заботу о его доме и постройках и в письме в провинцию информировал друга об их состоянии (Fam. V. 6. 3).

Но осмотром фамильного имущества брата и друзей и информированием их о состоянии дел Цицерон не ограничивался. Марк в отсутствие Квинта мог принимать решения за брата. Сначала он распорядился приостановить строительство аркской усадьбы (Q. fr. II. 5. 4), пока Квинт не вернулся в Рим. Затем, после его нового отъезда из Италии к Цезарю в Галлию, старший брат вновь взял под свой контроль ход строительства в имениях. В аркской усадьбе он проинспектировал постройку водного канала. А в соседней Манилиевой усадьбе Марк осмотрел незавершенные термы, галерею и птичий садок, одобрил величественный мощный портик, украсивший усадьбу, и остался доволен качеством каменных полов (Q. fr. III. 1.1).

Случалось, что Цицерон вмешивался в ход работ и отдавал распоряжения переделать то, что ему не нравилось. Так, он приказал переделать некоторые сводчатые потолки (Q. fr. III. 1. 1), а также велел архитектору Дифилу сломать и заново возвести косо поставленные колонны (III. 1. 2). Внес ряд изменений в планировку бани (III. 1. 2). Он отдавал распоряжения и по ремонту городских домов, поротапливая строителей (II. 5. 3). С. Питтия, специально рассмотревшая, в какой степени Марк вмешивался в дела брата, отметила, что граница между ролью ин-

форматора, управляющего текущими делами отсутствующего брата и принятием за Квинта решений, которые входят в компетенцию главы фамилии, оказывается весьма зыбкой⁴. Однако к этому следует добавить, что Марк переходил эту границу только при определенных условиях: принятие решений в хозяйственных делах за брата совершалось только после того, как проблема уже была предварительно обсуждена и Квинт вынес свое решение. Поэтому все распоряжения Марка в отсутствие брата касались только вопросов всесторонней и оптимальной реализации замысла домовладыки или контроля качества работ. А как только возникала еще не обсужденная проблема, Марк предпочитал ничего не предпринимать и приостанавливал строительство до приезда брата (Q. Fr. II. 5. 4). Как отметила С. Питтия, с клиентами брата Марк в этих ситуациях вел себя как патрон⁵.

Участие в управлении имуществом брата, где значительное место занимает принятие решений в рамках семейного хозяйства Квинта, составляет основную часть совместных действий Марка. Причины этого вмешательства, помимо объективно складывавшихся обстоятельств во время отсутствия Квинта в Риме по государственным делам, проистекают из чувств родства братьев и основанных на этом близких отношений. Во время разлуки, утешая младшего брата, он пишет Квинту, что тоскует по нему не только как по брату. Марк считает его и добрым товарищем, и сыном, выдающим уважение, и мудрым, подобно отцу (Q. fr. I. 3. 3). В контексте письма становится понятно представление Марка о том, что Квинт к нему относится точно так же. Кроме того, Марк вообще уверен, что у него как у старшего брата больше опыта, и он лучше Квинта разбирается в архитектурном убранстве зданий и устройстве поместья (Q. fr. III. 1. 3).

Помимо управления имуществом брата, когда тот отсутствует в Риме, Марк периодически принимает участие и в финансовых операциях. Так, он совершает для Квинта, видимо, на аукционе покупку за 101 000 сестерциев имения у Фуфидия в Арпине в последний торговый день (Q. fr. III. 1. 3). Самостоятельное решение, которое Марк принял быстро и в одиночку, пока Квинт находился в Галлии, по мнению С. Питтия⁶, прежде всего связано с аукционной продажей, когда времени на согласование не было. И, возможно, соседнее имение покупалось с целью провести воду, а потом продать, чтобы не быть связанным с сервитутом. Продажа поместья после этих мероприятий позволила бы выручить потраченные деньги. Причем о возможности принятия решения о продаже Марк сообщает во множественном числе (Q. fr. III. 1. 3: *si vendere vellemus*), от имени себя и брата. Контекст письма позволяет предположить, что предварительные разговоры о необходимости приобретения этого поместья для Квинта в общих чертах велись. По крайней мере, Цицерон оставляет за братом окончательное решение о дальнейшей судьбе имения (Q. fr. III. 1. 3).

Пока брат по государственным делам находится за пределами Рима, Марк уплачивает подрядчику деньги в счет произведенных работ (Q. fr. II. 4. 2), активно лоббирует в сенате выгодную для Квинта компенсацию в денариях трат за наместничество в Азии. И, получив деньги, выплачивает долг брата Антонию и Цепиону согласно письменным указаниям Квинта (Q. fr. I. 3. 7). Марк был в курсе

⁴ Pittia 2004, 27.

⁵ Pittia 2004, 34.

⁶ Pittia 2004, 32.

финансовых затруднений брата и защищал его, когда он задерживал выплату долга Аттику. В письме к другу Марк описывает плачевную ситуацию, когда у Квинта нет денег и он не может ни потребовать денег у доверенного финансиста Эгнация, ни сделать новый заем для погашения долга (Att. VII. 18. 4)⁷.

С. Питтия выделяет еще один аспект в хозяйственной деятельности братьев: ведение совместных дел и принятие решений сообща, с учетом интересов друг друга⁸. Финансовые дела здесь выходят на первый план, и главной проблемой для обоих братьев становится, где и как раздобыть деньги, в которых они постоянно нуждаются. Примером общей прибыли стали рабы, выделенные Марку из добычи Квинта в Галлии (Q. fr. III. 7 (9). 4). Такие поступки были нормой, поскольку братья постоянно заботились о возможности извлечения прибыли друг для друга. Однако в финансовых расчетах каждый отвечал сам за себя.

Этот последний аспект (рост фамилии и ее богатств) важен, так как экономика, как это уже убедительно показано в целом ряде работ, не составляла самостоятельной сферы, а была подчинена политической карьере и стратегии. И свое благосостояние нужно было достойно увеличивать. Но в то же время появляются новые элементы семейного хозяйства (как отгонное скотоводство в отдаленных районах Италии, возглавляемое *magister pecoris*, или заморская торговля в средиземноморских провинциях, осуществляемая через *magister navis*⁹), которые лишь номинально находятся под контролем *patria potestas*.

В этой ситуации *pater familias* не оставался в одиночку перед лицом возникших проблем. Как известно, каждый римлянин в повседневной жизни был как бы растворен в различных коллективах и товариществах. Микроколлективы в древнем Риме «переполюсовывали общественную действительность и как бы составляли ее плоть»¹⁰. Это происходило из того, что коллегиальность и складывающиеся на этой основе сообщества и содружества были в Риме «социально-психологической потребностью, универсальной стихией существования, которую постоянно и многообразно источали из себя социально-экономические и политико-идеологические условия жизни общества»¹¹. Эти объединения представляли в самых различных формах, и для элиты они выступали, прежде всего, в сообществах друзей. В данном случае на помощь домовладыке в решении хозяйственных вопросов приходил традиционный римский институт *amicitia*.

К. Вербовен, специально исследовавший это явление в экономике, отмечал, что основой совместных экономических действий друзей выступали высокие моральные нормы и нравственные ценности в духе *mos maiorum*, объединяющие близких людей: благородство, щедрость, благодеяние, благодарность и ответный долг, верность, доброжелательность и любовь, достоинство¹². По существу, *amicitia* выступает как система социального обмена, генерирующая различные ресурсы¹³.

⁷ Об этом же см.: Cic. Att. IV. 7. 2; X. 11. 2.

⁸ Pittia 2004, 35–39.

⁹ Ляпустин 2007.

¹⁰ Кнабе 1988, 14.

¹¹ Кнабе 1986, 139.

¹² К. Вербовен в феномен *amicitia* в экономике включает еще и отношения патроната, клиентелы и даже связи с рабами в рамках фамилии, с чем трудно согласиться (Verboven 2002, 9–70).

¹³ Verboven 2002, 341.

Amicitia была в значительной мере связана с финансовыми операциями. С одной стороны, сложился способ вести банковские дела через доверенных лиц. Цицерон действует через Клувия из Путеол. Квинт через Эгнация, Аттик через Гая Вестория. Кроме того, в это время, как показал Ж. Андро, были и сенаторы, ссужавшие деньги в долг. По произведениям Цицерона, таких представителей элиты, проводивших финансовые операции с выходцами из высших слоев общества, по имени известно 25 человек¹⁴. Для Цицерона близким человеком, к которому известный оратор постоянно обращался за финансовой помощью, выступает, прежде всего, его друг – всадник Аттик. Но оба брата обращаются и к другим лицам из числа ближайшего круга римской элиты.

Цицерон оценивает эту новую ситуацию – возможность использовать для своих целей денежные ресурсы друзей – в письме к Аттику в январе 61 г. до н.э., когда описывает случай с покупкой своего дома и покупкой консулом Мессалой дома Автропиев за 3 000 000 сестерциев: «Какое мне дело до этого, спросишь ты? Дело в том, что и я удачно купил дом, и люди стали понимать, что допустимо пользоваться средствами друзей при покупке, которая делается для придания себе некоторого веса» (Att. I. 13. 6). Таким образом, *amicitia* в дополнение к индивидуальным усилиям домовладыки выступает важным механизмом достойного приобретения фамильного имущества, столь необходимого в политической карьере и в поддержании высокого социального статуса.

Но возможности *amicitia* были шире. Привлекая друзей, можно было эффективнее управлять имуществом фамилии, контролировать деловых агентов, находящихся вдали от *pater familias*. Так, Марк, как уже упоминалось выше, поручает Аттику, находящемуся в Афинах, отстранить от участия в денежных операциях счетовода – вольноотпущенника Гилара, по характеристике Цицерона, – подлинного негодяя (Att. I. 12. 2). Он поручает другу (*mando tibi*) разузнать все о непорядочной деятельности его клиента, расследовать и удалить «этого бездельника из тех мест, если есть возможность» (I. 12. 2). В другом письме (Att. I. 15. 2) Цицерон просит сообщить, что Аттик выполнил из переданных ему поручений (*de meis mandatis*). В переписке Марк постоянно дает указания: закончи, удали, разузнай и т.п. (Cic. Att. I. 12. 2; II. 4. 1; 6. 2; 16. 4). Эти формы помощи оформляются в виде поручения (*mandatum*). Такие договоры в конце Республики начинают играть значительную роль в экономической практике друзей¹⁵.

Ж. Андро, специально рассматривавший вопрос о том, что доминировало в экономической сфере – индивидуальные усилия, родственные связи или единство и солидарность аристократии, показал, что в финансовой деятельности сила дружбы становилась сильнее силы родства. Новые отношения вытесняли традиционные поведенческие модели предков¹⁶. Но следует заметить, что хозяйственные и финансовые стороны отношений Марка Цицерона с его братом также показывают разрыв с традиционными формами поведения предков¹⁷. Для глав семей до появ-

¹⁴ Andreau 1990, 517.

¹⁵ Verboven 2002, 237–245.

¹⁶ Andreau 1990, 525.

¹⁷ В.И. Кузищин, касаясь крестьянского хозяйства, неправомерно считал, что отношения взаимопомощи, описанные у Цицерона, отражают принципы традиционной крестьянской взаимовыручки (Кузищин 1973, 33).

ления империи с заморскими провинциями эти формы хозяйственной практики были не нужны, им исторически не было места в римском обществе.

Помощь друзей и родственников в управлении разросшимся имуществом фамилии во время длительного отсутствия домовладыки и в связи с этим расширение сферы поручений указывают на важные изменения, которые происходили в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Это был объективный процесс развития семейного хозяйства, что в свою очередь требовало от *pater familias* выхода на новый уровень объединения и экономических связей, которые открывал феномен *amicitia*. По существу, столь необходимое для поддержания высокого социального статуса домовладыки регулярное получение материальных и финансовых средств было возможно для представителей высших слоев римского общества только с широким привлечением помощи и ресурсов «друзей». Кроме того, опора на дружеские связи традиционно использовалась и для достижения политического успеха. В эпоху Поздней республики представителям высших кругов, активно участвовавшим в политической жизни римского общества, опираться, как это делали предки, на замкнутую, живущую изолированной самостоятельной хозяйственной жизнью фамилию, стало уже невозможно.

Как показал К. Вербовен, рассматривавший экономику на основе *amicitia* через либеральные рыночные модели, получение взаимовыгодных безвозмездных услуг в кругу «друзей» шло помимо рыночных отношений, построенных на платежах за услуги, что ограничивало их распространение. Обе экономические системы (рыночная и на основе *amicitia*) сосуществовали в эпоху Поздней республики одновременно, порой дополняя друг друга. Однако примечательно, что римская политическая элита строила свою экономическую стратегию по большей части на основе *amicitia*¹⁸. А это означает, что вызванная острой жизненной потребностью система объединения усилий и ресурсов «друзей», где отсутствовала оплата услуг через рынок, открывала еще один аспект развития римской экономики в сторону ограничения рыночных отношений и начала движения к натуральной форме хозяйствования.

Заключение

Таким образом, переписка Цицерона показывает, что в конце республиканской эпохи произошло усложнение хозяйственной жизни фамилий римской элиты, которое шло параллельно с усложнением политической жизни в римском государстве. Это были две стороны одного и того же процесса развития древнего Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Кнабе, Г.С. 1986: *Древний Рим – история и повседневность*. М.
 Кнабе, Г.С. 1988: История. Быт. Античность. В кн.: Г.С. Кнабе (ред.), *Быт и история в античности*. М., 6–17.
 Кузищин, В.И. 1973: *Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э.* М.

¹⁸ Verboven 2002, 341, 351.

- Кузищин, В.И., Штаерман, Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе. *ВИ* 8, 39–53.
- Ляпустин, Б.С. 2007: Magister в хозяйственной структуре римской familia II в. до н.э. – II в. н.э. (К вопросу о функциях и правомочиях рабского magister). *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История 3, 85–105.
- Andreau, J. 1990: Activité financière et liens de parenté en Italie romaine. In: J. Andreau, H. Bruhns (éd.), *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986 (Paris, Maison de sciences de l'homme)*. Rome, 501–526.
- Andreau, J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire. In: H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.), *Die späte römische Republik. La fin de la république Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie*. Rome, 169–193.
- Pittia, S. 2004: L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des Tullii Cicerones. *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 21–44.
- Verboven, K. 2002: *The Economy of Friends. Economic Aspects of Amicitia and Patronage in the Late Republic*. (Coll. Latomus). Bruxelles.

REFERENCES

- Andreau, J. 1990: Activité financière et liens de parenté en Italie romaine. In: J. Andreau, H. Bruhns (éd.), *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986 (Paris, Maison de sciences de l'homme)*. Rome, 501–526.
- Andreau, J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire. In: H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.), *Die späte römische Republik. La fin de la république Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie*. Rome, 169–193.
- Knabe, G.S. 1986: *Drevnij Rim – istoriya i povsednevnost'*. Moscow.
- Knabe, G.S. 1988: Istoriya. Byt. Antichnost'. In: G.S. Knabe (red.), *Byt i istoriya v antichnosti*. Moscow, 6–17.
- Kuzishchin, V.I. 1973: *Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n.e. – I v. n.e.* Moscow.
- Kuzishchin, V.I., Shtaerman, E.M. 1989: Jekonomika i politika v antichnom obshchestve VI. *ВИ* 8, 39–53.
- Lyapustin, B.S. 2007: Magister v hozyajstvennoj strukture rimskoj familia II v. do n.e. – II v. n.e. (K voprosu o funkciyah i pravomochiyah rabskogo magister). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya 3, 85–105.
- Pittia, S. 2004: L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des Tullii Cicerones. *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 21–44.
- Verboven, K. 2002: *The Economy of Friends. Economic Aspects of Amicitia and Patronage in the Late Republic*. (Coll. Latomus). Bruxelles.

THE PECULIARITIES OF ECONOMIC LIFE OF ROMAN FAMILIA IN THE 1st CENTURY BC (ACCORDING TO CICERO'S LETTERS)

Boris S. Lyapustin

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia,
bsl51@mail.ru

Abstract. The article deals with basic aspects of an economic life of the Roman elite *familia* in the last decades of the Roman Republic. The attempt to approach the solution of one

of the most difficult problems of an economic history of Antiquity – the correlation between political changes and economic development of Ancient Rome is made in this paper. *Cicero*'s correspondence contains valuable information about an important feature of an ancient citizen's life - his involvement – both in political and economic life – in different contact groups where all the decisions were taken. For the elite such an association was a traditional Roman institute of *amicitia* that includes a group of friends and relatives whose relations were based on values in spirit of ancestry morals and manners. The role of this institute was growing at the end of the Republic when, under the circumstances of a sharp political struggle, simultaneously *familia* property increased in Italy and in its provinces. The letters say that, besides plan discussions, different forms of participation of relatives and “friends” in *familia* management were coming into practice, as an enlarged household of an owner and his active participation in political life did not allow a *pater familias* to succeed in a single-handed control of all the spheres of economic life. To apply to “friends” in the form of an order (*mandatum*) was not linked with money fee and existed besides market relations.

Assistance of friends and relatives in management of enlarged *familia* property reveals important changes that happened in a previously closed *familia* with clear delineated limits. Development of *familia* household demanded a *pater familias* to come up to a new level of association and economic ties that were boosted by the phenomenon of *amicitia*. In addition to individual efforts of householder, the *amicitia* became an important tool of purchase of material and financial resources in a decent way that was necessary for maintaining a high social status by the elite as well as for a political career.

Key words: the late Republic, the Ancient Rome economy, Cicero, familia, amicitia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 62–70
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 62–70
© Автор(ы) 2016

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В «ИСТОРИИ ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ» ПАВЛА ОРОЗИЯ

И.А. Миролубов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
peter-herzog@yandex.ru*

Аннотация. Павел Орозий адресовал свою универсальную историю в семи книгах язычникам; его основная задача состояла в демонстрации благотворного влияния христианства на мировой исторический процесс. Сочинение было написано спустя век после эпохи Константина, и христианский автор располагал к этому моменту весьма внушительной источниковой базой, которая дала ему возможность повествовать о времени и личности первого христианского императора достаточно информативно. Однако, в силу фиксации в нарративной традиции целого ряда откровенно неприглядных моментов из биографии Константина (темное происхождение, участие в кровавых междоусобных войнах за единоличную власть, убийство родственников, неясная позиция по поводу арианской ереси), задача историка усложнилась. Обращаясь к враждебно настроенной аудитории, Орозий был лишен возможности «исправлять» и приукрашивать общеизвестные факты, в связи с чем он провел кропотливую работу по расстановке нужных акцентов, в результате чего созданный им образ Константина отвечал требованиям как исторической объективности, так и идеализации.

Труд Орозия до сих пор не рассматривался крупными исследователями истории Константина как информативный источник, хотя анализ созданного Орозием образа первого христианского императора может помочь в понимании оценки эпохи и личности Константина в сознании римлян периода Поздней империи. На сегодняшний день произведение Орозия на предмет упомянутой проблемы было рассмотрено в статье отечественного ученого И.Ю. Ващевой, однако, задействованное наряду с другими произведениями христианских авторов данного периода, оно не привлекло исследовательского внимания на достаточно глубоком уровне.

Ключевые слова: древний Рим, Римская империя, Павел Орозий, Константин Великий, раннее христианство, император, идеология

Введение

«История против язычников» Павла Орозия – одно из наиболее значимых сочинений не только христианско-апологетической, но и в целом римской литературы. Оно родилось в связи с общей кризисной ситуацией на западе Римской империи в начале V в. Орозий взялся за написание своей работы по заданию Аврелия Августина, осознававшего необходимость создания масштабного исторического

Миролубов Иван Андреевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

произведения, где прошлое человечества рассматривалось бы с христианских позиций, – такое сочинение должно было стать ответом на нападки язычников, возлагавших вину за общее кризисное положение империи на христиан¹.

Композиционно выделенным моментом в сочинении Орозия является время правления Константина Великого. Учитывая то, что мировая история разделена Орозием на две эпохи – «дохристианскую» и «христианскую», можно заметить, что Константин является одной из ключевых фигур в историческом процессе: первый официально принявший христианство правитель Римского государства, покаравший императоров-гонителей, он отмечает своей эпохой линию водораздела между старой, где христианство притеснялось, и новой, христианской, империями². В этой связи небесполезно рассмотреть, как первый христианский историк такого масштаба рассматривал личность и правление Константина, жизнь которого имеет и свои черные страницы. Стоит сказать, что сочинение Орозия весьма слабо разработано специалистами по истории Константина. Так, Ч.М. Одал в своей фундаментальной монографии причисляет Орозия к скудным с точки зрения источниковой ценности эпитоматорам³; Б. Блекманн в очерке об источниках по истории Константина не посвятил Орозию ни слова⁴. Из отечественных работ, где Орозий рассматривается в связи с эпохой Константина, стоит отметить статью И.Ю. Ващевой. После конспективного рассмотрения текста самого Орозия автор приходит к выводу, что образ Константина в указанном произведении «закончен и непротиворечив», а «все сомнительные моменты биографии» тщательно обойдены⁵. На наш взгляд, повествование Орозия заслуживает большего внимания на предмет понимания его целей и задач, а также уяснения сделанных им акцентов и принципов компоновки материала.

Приступая к изложению истории правления Константина, Орозий сообщает, что он был сыном императора Констанция Хлора и его конкубины Елены (Hist. VII.25.16). Происхождение Константина составляет серьезную проблему для исследователя. Еще Гиббон, отмечая сложность исследовательской задачи по определению статуса матери Константина, стремился защищать «законность» ее брака⁶. Решение этого вопроса, однако, не входит в круг наших задач; заметим лишь, что Лактанций и Евсевий, т.е. наиболее ранние авторы, сообщающие о Константине и его современники, стараются обходить тему брака Констанция и Елены, представляя Константина в первую очередь сыном своего отца. Если у Лактанция Елена не упомянута вовсе, то Евсевий вводит ее в повествование уже о более позднем этапе жизни Константина. Максимальный акцент эти авторы делают на факте передачи власти из рук отца в руки сына, в дополнительной степени легализуя положение Константина и его претензии на власть⁷.

Сомнения в существовании законного брака между Констанцием и Еленой имели место⁸, и в этом смысле весьма примечательно, что христианский автор

¹ Zecchini 2003, 320; Тюленев 2004, 11–12.

² Тюленев 2004, 69.

³ Odahl 2010, 7.

⁴ Bleckmann 2006, 14–31.

⁵ Ващева 2013, 48.

⁶ Гиббон 2008, 588.

⁷ Буркхардт 2003, 257.

⁸ Leadbetter 2002, 78–79.

Иероним в своей «Хронике» называет Елену «конкубиной» Констанция (Chron. s.a. 306), тем самым резко понижая статус Константина. Орозий, использовавший сочинение Иеронима в качестве одного из источников информации⁹, решил проблему законности брака родителей Константина в оригинальном ключе. Вслед за Иеронимом признав Константина сыном конкубины, он уже в следующем предложении патетично замечает, что «Константин принял от отца кормило власти (*gubernacula imperii*), которое с величайшим счастьем удерживал тридцать один год» (Hist. VII. 26.1). Не решаясь вставать на зыбкую почву спора относительно законности брака, Орозий сразу акцентирует внимание читателя на факте признания Констанцием Константина в качестве сына и наследника. Чтобы окончательно расположить читателя в пользу своего героя, он подчеркивает, что Константин оправдал решение отца долгим и счастливым правлением. Однако прежде чем перейти к истории Константина, Орозий делает достаточно пространное отступление, в котором суммирует все основные вехи из истории христианской церкви в эпоху гонений. Таким образом, читатель, благоприятно расположенный к Константину, подготовлен автором к описанию эпохи мира, который должен был быть водворен указанным императором в пределах круга земного.

Большую часть своего правления (306–324 гг.) Константин провел, занятый войной против своих соперников и соправителей¹⁰. Мира не было ни в делах гражданских, ни в делах церковных, так как целый ряд противников Константина был настроен по отношению к христианам весьма недоброжелательно. Осознавая, что восемнадцать лет гражданских войн и непрочных перемирий достаточно сложно ассоциировать с миром, Орозий старается должным образом расставить акценты. Так, к примеру, он не только не отрицает, но даже рассказывает нам о пост-тетрархальных гражданских войнах, однако свой рассказ предваряет следующим сообщением: «Константин в Галлиях весьма действенно управлял государством...» (*Constantino in Galliis strenuissime rempublicam procurante...* – VII. 28.5). Вся парадоксальность этой фразы заключается в том, что Константин, контролировавший на тот момент только «Галлии» (Галлию и Британию), у Орозия одновременно с этим «управляет государством». Историк усиливает эффект за счет того, что известие о Константине в виде абсолютного аблатива включено в предложение о провозглашении императором Максенция, между тем как именно это провозглашение пятого на тот момент¹¹ императора и стало формальной причиной краха тетрархии как системы. Таким образом, «деятельное правление государством» Константина противопоставляется Орозием общеполитическому хаосу. При этом автора нельзя упрекнуть в подтасовке фактов в пользу Константина, так как тот в первый период своего правления (306–312 гг.), балансируя между борющимися группировками, оставался в стороне от прямого участия в боевых действиях на чьей-либо стороне и предпочитал роль наблюдателя¹².

⁹ Тюленев 2005, 149.

¹⁰ Сергеев 1938, 668.

¹¹ Четыре императора составляли на тот момент тетрархальную коллегию: августы Галерий и Флавий Север и цезари Константин и Максимиан Даза. О хронологии тетрархии см.: Kienast 2004, 264–265.

¹² Моммзен 2002, 492.

На своем пути к единоличной власти Константин смог истребить в прямом смысле целый ряд реальных соперников и претендентов на титул императора. Автором христианской трактовки этого достаточно кровавого пути Константина к единоличной власти стал его современник, ритор Лактанций, сформулировавший свою концепцию в сочинении с говорящим названием «О смерти гонителей». Схема была проста: «хорошему» Константину противопоставлялись все прочие императоры и узурпаторы, основным прегрешением которых являлось учреждение или разжигание гонений¹³. Орозий принимает эту концепцию¹⁴, однако его изложение указанных событий не наполнено свойственным Лактанцию полемическим пылом. Рассказывая о череде гражданских войн, Орозий осознает, что хронологическую последовательность событий и имен правителей этого смутного периода вряд ли удастся представить в точном виде. К действиям Константина он обращается лишь тогда, когда это необходимо, т.е. когда сам Константин выступает прямым участником событий.

Первое такое событие – это конфликт между Константином и императором Максимианом Геркулием, отцом самопровозглашенного в Риме Максенция, некогда коллеги Диоклетиана. Узнав о мятеже своего сына, он, уже будучи пожилым человеком, решил вернуться к власти, однако отношения с сыном складывались непросто. Пытаясь найти твердую почву, он в 307 году выдал замуж за Константина свою дочь Фаусту¹⁵, однако рассорился и с зятем, против которого стал злоумышлять. Лактанций предлагает красочную историю того, как пожилой интриган пытался заручиться помощью дочери, которая неожиданно приняла сторону мужа, в результате чего коварные планы Максимиана были раскрыты, а сам он был вынужден совершить самоубийство (*De mort. pers.* 30). Отличная от официальной, где Максимиан, запертый в Массилии, отказался от очередного помилования и совершил самоубийство¹⁶, версия Лактанция, хотя и без художественных подробностей, была принята последующими авторами, в частности Евтропием и Иеронимом, на труды которых Орозий опирался; таким образом, его повествование не содержит каких-либо новых подробностей. Стоит, однако, обратить внимание на акценты и компоновку материала. Орозий до событий 310 года не сообщает о свадьбе Константина и Фаусты, но появление супруги императора в указанном месте диктовалось не только источниками, на которые Орозий опирался, но и необходимостью усилить негативность образа Максимиана. Сообщая о его «возвращении» к власти, Орозий не без иронии отмечает, что он, и без того уже гонитель, вдобавок превратился «из августа в тирана (т.е. узурпатора)» (*Oros. Hist. VII. 28.9*). Картину «падения» Максимиана как личности Орозий завершает предательством его собственной дочери (*per filiam deprehensus et proditus* – *Hist. VII. 28.10*). Эта семейная драма заставляет Орозия несколько иначе посмотреть на семейную политику Константина. В 324 г. Константин казнил сдавшегося ему Лициния, который был его соправителем, но также зятем и отцом племянника. И Евтропий (*Brev. X. 6.1*), и Иероним (*Chron. s.a. 323*) отмечают, что Константин со-

¹³ Бокщанин 1982, 140.

¹⁴ Тюленев 2005, 209.

¹⁵ О датировке свадьбы: Barnes 1973, 41 (ft. 143).

¹⁶ Jones 1965, 64.

вершил эту казнь вопреки своей же клятве, которую дал сестре¹⁷. Орозий же оценивает поступок Константина прагматичнее своих информаторов: «но, наученный примером тестя своего, Геркулия Максимиана, чтобы он [Лициний – И.М.] на погибель государству не облачился бы [снова] в пурпур, его, ставшего частным лицом, [Константин] приказал убить» (Hist. VII. 28.20).

На фоне этих кампаний Константина совершенно меркнет у Орозия война против Максенция. Примечательны два обстоятельства: во-первых, Орозий, не возлагая вину за начало боевых действий ни на кого из участников, пишет, что война «вспыхнула» между императорами (*bellum civile exortum est* – Hist. VII. 28.16); во-вторых, ни единого слова наш христианский автор не посвящает знаменитому «видению Константина», описанному с разными подробностями у Лактанция и Евсевия. Это видение традиционно считается точкой начала «обращения» Константина, и тем удивительнее, что Орозий совершенно упускает из виду этот эпизод. Возможно, что это решение Орозия было связано с его нежеланием спорить со своими оппонентами-язычниками о природе чудесного.

Серьезной проблемой для историка Орозия стало изложение церковной политики Константина. На период «счастливейшего правления» первого христианского императора, кроме свирепства гонителей, выпадает еще и активная деятельность ересиарха Ария, сильно потрясшая церковный мир. Более того, сам Константин, собравший в 325 г. осудивший Ария Вселенский собор, далеко не всегда четко обозначал свою приверженность ортодоксальному направлению: подтверждением тому может служить возвращение Ария из ссылки в 330 г. и в свою очередь ссылка активного борца с Арием – св. Афанасия Александрийского. Достаточно проблематично с этической точки зрения и совершенное арианским епископом крещение Константина, по поводу которого Иероним пишет, что император был «обращен в арианство» (Chron. s.a. 337).

Сознавая все эти сложности, Орозий не стремится приукрасить деятельность Константина. Выход из сложившегося положения он находит, благодаря чисто композиционному приему: изложение учения Ария, а также его деятельность он освещает в рассказе о его сыне, Констанции II, который придерживался арианства¹⁸. Тем самым Орозий смог достичь двух целей: обелить Константина, а также списать все неудачи Римской империи на гнев Бога, вызванный ересью Констанция II. Ради хронологической точности автор еще сообщает о Никейском соборе и осуждении (Hist. VII. 28. 23–25). И.Ю. Ващева отмечает то обстоятельство, что Орозий не указывает собор в числе личных заслуг императора¹⁹, однако это не кажется нам удивительным: адресуя свою книгу «против язычников», автор должен был продумывать все композиционные моменты, чтобы не быть пойманным своими оппонентами. Упоминание об осуждении Ария Константином было бы явно не на руку Орозию, так как его оппоненты поставили бы ему на вид дальнейшую историю взаимоотношений императора и ариан. Во избежание этого Орозий решил вовсе исключить Константина из «истории Ария» как действующее лицо.

Из деяний Константина в сфере поддержки христианской церкви Орозий выделяет Миланский эдикт о веротерпимости, – император «даровал мир церквям»

¹⁷ Грант 1998, 269.

¹⁸ Тюленев 2005, 210.

¹⁹ Ващева 2013, 48.

(*pacem ecclesiis ... indulgit* – Hist. VII. 28.15), а также закрытие языческих храмов, которое, что немаловажно, прошло без гонений и убийств (Hist. VII. 28.28). Эта подробность эффектно выделяет «первого христианского императора» (т.е. «гонителя гонителей») на фоне преследователей христиан предыдущих лет. Обращает на себя внимание историка и основанный Константином Константинополь, «город его имени», который «единственный (из всех городов) был лишен идолов», благодаря чему, в противовес Риму с его кровавой историей, он быстро вознесся (Hist. VII. 28.27). Сообщая о Константинополе, Орозий идет в русле Евсевия, который первым объявил его свободным от язычества в своей «Жизни Константина» (Vita Const. III. 48). То, что в городе были языческие храмы и изображения богов, мы знаем благодаря Зосиму (Hist. Nov. II. 31.1-3); многочисленные памятники, конечно же и культового назначения, свозились в Константинополь, и это не могло быть известно в христианской среде, так как даже Иероним отмечает, что новый город «был освещен обнищанием почти всех городов» (Chron. s.a. 330). Таким образом, Евсевий сознательно приукрашивал ситуацию. Чем же объясняется молчание Орозия? Можно было бы полагать, что ко времени написания его «Истории...» город был уже христианизирован, однако это кажется весьма сомнительным, так как от Иоанна Малалы нам известно, что и в середине VI в. в Константинополе существовал культ статуи Константина, почитавшийся вместе с богиней Тихе (Malal. XIII, p. 322 Dindorf). Сознательное молчание с целью создать выгодный образ христианского императора, при всем внешнем удобстве этой версии, на самом деле весьма опасно для Орозия: он рискует быть пойманным на слове своими оппонентами-язычниками. На наш взгляд, причина кроется в том, что Орозий мог не быть в Константинополе: ни одно из известных нам его путешествий не затрагивает восточной столицы империи²⁰. Эта неосведомленность, а также нежелание точнее изучить «обнищание городов», упомянутое у Иеронима, и кажется нам наиболее приемлемым объяснением.

Наиболее проблемным эпизодом в биографии Константина было и остается убийство сына и жены. Вопрос до сих пор не решен в историографии и нередко служит поводом для критики морального облика Константина. Орозий, однако, в отличие от новейших исследователей, предпочел сообщить своему читателю истину, как будто никак ее не оценивая. Он пишет: «в свете этих деяний (*inter haec*) неясны причины того, что император Константин карающий меч и предназначенное нечестивцам возмездие обратил против родственников» (Hist. VII. 28.26). В числе убитых он называет сына Константина Криспа, рожденного до брака с Фаустой, а также сына Лициния – Лициниана, которого Орозий называет «сыном сестры», не упоминая отца Лициния, убийство которого он выше признал целесообразным. О жестоком убийстве жены, которая погибла годом позже, Орозий предпочитает промолчать и сразу же переходит к описанию подвигов Константина на военном поприще, вводя следующее предложение довольно нелепым *praeterea* («кроме того, сверх того»). Впечатление о растерянности Орозия, на наш взгляд, весьма обманчиво: здесь мы не можем не согласиться с И.Ю. Ващевой, что само по себе упоминание «наказания для нечестивцев» обнаруживает скрытые оценки²¹. На наш взгляд, здесь есть еще один очень важный акцент: Константин

²⁰ Тюленев 2004, 8–11.

²¹ Ващева 2013, 48.

сам представлен держащим «карающий меч», то самое оружие, которым император некогда усмирил гонителей. Таким образом, Константин, «первый христианский император», является орудием Бога, и, как следствие, его действия несут на себе особую печать, и их правильность совершенно не должна определяться людским пониманием. В этом ключе, как кажется, и следует понимать слова Орозия «*causae latent*» – «причины скрыты». Тот факт, что среди жертв не упомянута Фауста, мы не склонны объяснять умолчанием²², ведь в таком случае непонятно, почему автор не счел нужным умолчать про убийство сына. Вполне возможно, что здесь сказалась компиляторская безалаберность.

Заключение

Подводя итог нашему обзору, мы должны отметить, что рассказ Орозия о деятельности Константина, основанный на небольшом количестве источников, нам, к тому же, известных, не может быть информативным с точки зрения содержания в нем каких-то принципиально новых деталей. В этом мы вынуждены согласиться с вышеприведенными оценками современных исследователей. Однако сама по себе манера изложения и принципы компоновки материала весьма примечательны. С одной стороны, заинтересованный в том, чтобы создать положительный образ первого христианского императора, с другой, ограниченный краткостью изложения, которая предусмотрена самим жанром его сочинения, Орозий играет акцентами. Мы не можем согласиться с тем, что автор обходит «все сомнительные факты»²³ – мало того, что Константин у Орозия рожден вне законного брака, он к тому же убивает тестя, зятя и сына. Однако грамотная расстановка акцентов и игра полутонами позволяет Орозию показать Константина в наилучшем свете. Так, например, обработав сюжет с убийством тестя Максимиана, за которое Константина, кстати, в античной историографии не осуждали никогда, наш автор смог оправдать убийство Лициния, которое рядом авторов связывается с клятвопреступлением. Примечательно в этом смысле убийство сына, освещенное и у информаторов Орозия. Евтропий связывает преследования родных с тем, что Константин «изменился» после всех своих успехов (*Brev. X. 6.3*), а Иероним отмечает жестокость этого убийства (*Chron. s.a. 326*); у Орозия же, при внешней отстраненности от каких-либо суждений, Константин все равно представлен правым, а его жертвы – виноватыми. Таланта Орозия не хватило только на «арианскую линию», которую он вынужден был попросту вынести за рамки жизни Константина. Однако и этот ход, как мы отметили выше, был использован Орозием весьма удачно.

В итоге мы должны признать, что образ Константина у Орозия получился не только положительным, выдержанным во вполне христианском духе, но и одновременно живым, почти не приукрашенным. На фоне прочих христианских авторов, одни из которых, как Евсевий, тяготели к панегирику, другие, как Иероним, были весьма критичны, рассказ Орозия представляется наиболее сбалансированным и продуманным.

²² Ващева 2013, 49.

²³ Ващева 2013, 48.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин, А.Г. 1982: *Источниковедение Древнего Рима*. М.
- Буркхардт, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Вашева, И.Ю. 2013: Константин Великий: вариации образов в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 4 (3), 46–58.
- Гиббон, Э. 2008: *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Грант, М. 1998: *Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э.* М.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки истории Римской империи*. Т. II. М.
- Тюленев, В.М. 2004: Павел Орозий и его «История против язычников». В кн.: *Павел Орозий. История против язычников*. СПб.
- Тюленев, В.М. 2005: *Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского*. СПб.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Bokshchanin, A.G. 1982: *Istchnikovedenie Drevnego Rima*. Moscow.
- Burckhardt, J. 2003: *The Age of Constantine the Great*. Moscow.
- Gibbon, E. 2008: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. I. Moscow.
- Grant, M. 1998: *The Roman Emperors: a Biographical Guide to the Rulers of Rome 31 BC–476 AD*. Moscow.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki istorii Rimskoy imperii*. Vol. II. Moscow.
- Tyulenev, V.M. 2004: Pavel Oroziy i ego “Istoriya protiv yazychnikov”. In: *Paulus Orosius. Historiae adversum paganos*. Saint-Petersburg.

- Tyulenev, V.M. 2005: *Birth of the Latin Christian Historiography: With a translation of the "Church History" by Rufinus of Aquileia*. Saint-Petersburg.
- Vashcheva, I.Yu. 2013: Constantine the Great: Variations of the Character in the Christian Histories of Late Antiquity. *Vestnik of Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* 4 (3), 46–58.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

CONSTANTINE THE GREAT IN THE "HISTORIA ADVERSUM PAGANOS"
BY PAULUS OROSIUS

Ivan A. Mirolubov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
peter-herzog@yandex.ru*

Abstract. Paulus Orosius addressed his universal research "Historiae Adversum Paganos" in seven volumes to heathens. His main objective lays in demonstrating healthy influence of Christianity on the world historical process. The work was written a century after the age of Constantine the Great, so by that time, the Christian author had at his disposal an impressive collection of sources, which enabled him to create a relatively informative narration devoted to the personality and time of the first Christian Emperor. However, due to the fact that Constantine's biography included a number of obviously unflattering moments (obscure origin, participation in internal wars for individual rule, which often turned in massacre, murder of relatives, unclear attitude towards Arian heresy) the task set by historian proved to be much more complicated. Addressing hostile audience, Orosius was deprived of the opportunity to distort and stretch the facts of common knowledge. Therefore, he made efforts to performing meticulous work on getting priorities straight, and the image of Constantine the Great crafted by him met the requirements of both historical objectiveness and idealization task.

The paper by Orosius has not yet been considered by major scholars as an informative source so far. Meanwhile, analyzing the image of the first Christian Emperor crafted by Orosius may help to understand how Romans perceived the Age of Late Empire and viewed personality of Constantine the Great. By today, the work by Orosius has been analyzed in relation to the aforementioned issue only in the article by Russian historian I. Yu. Vashcheva, yet the researchers have not paid due attention to it, considering this paper along with other works by Christian authors of the mentioned period.

Key words: Roman Empire, Paulus Orosius, Constantine the Great, Early Christianity, emperor, ideology

Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 71–78
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 71–78
© Автор(ы) 2016

КОСТЯНАЯ ТЕССЕРА ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

С.Н. Остапенко

Институт археологии РАН, Москва,
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. В 2014 г. во время работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на городище Фанагории (раскоп «Нижний город») была найдена костяная тессера с греко-латинским цифровым обозначением на оборотной стороне – XV/IE – и рельефным изображением левой руки, считающей на пальцах, на лицевой. Данная тессера относится к типу игральных фишек *le comput digital*, на лицевой стороне которых комбинация пальцев левой руки обозначает числа от 1 до 15, соответствуя римскому и греческому цифровому обозначению на оборотной стороне.

В Северном Причерноморье тип тессер *le comput digital* встречается впервые и сочетает в себе уникальные черты. Во-первых, из всего корпуса известных на данный момент тессер на тессере из Фанагории присутствует как римское, так и греческое граффити, в то время как на всех тессерах подобного типа на обратной стороне имеется только одно граффито – римское. Во-вторых, ранее была описана лишь одна тессера типа *le comput digital* с числом 15. Она выделялась из всего корпуса тессер тем, что на ней был изображен бюст мужчины, показывающего рукой число, а не только рука, как на остальных тессерах этого типа. Фанагорийская тессера оказалась первой, на которой числу 15 соответствует изображение только ладони с согнутыми пальцами.

Ключевые слова: Боспорское царство, Северное Причерноморье, Римская империя, Фанагория, тессера

Остапенко Сергей Николаевич – аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН, младший научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория».

Введение

В 2014 г. на нижнем плато городища Фанагория, на пересечении главной древней магистрали, соединявшей приморскую часть города с его южной окраиной¹ и основной улицей, ведущей от восточных ворот на запад, был заложен новый раскоп – «Нижний город» («НГ»)². Раскоп имеет форму прямоугольника, вытянутого с запада на восток (50×40 м). Дневная поверхность раскапываемого участка понижается с юга на север, как и все нижнее плато. Работы в полевом сезоне 2014 г. на раскопе «НГ» имели подготовительный характер. На всей площади был снят дерновый слой. Следует отметить, что данный участок нижнего плато в советское время принадлежал совхозу «Залив», который на протяжении нескольких десятилетий распахивал его тракторами для выращивания сельскохозяйственных культур. По этой причине культурный слой на раскопе «НГ» на глубину до 0.5 м был практически уничтожен. Возможно, в процессе культивации пашни местные жители производили выборку камня и древних артефактов, о чем свидетельствует незначительное количество найденных предметов во время снятия верхнего слоя на раскопе.

Во время снятия дернового слоя в юго-восточном углу раскопа была обнаружена костяная тессера³. Ее лицевая сторона представлена рельефным изображением разжатой левой ладони с соединенным большим и указательным пальцами и согнутым средним пальцем. Тессера оформлена врезанными окружностями и валиком по краю. В центре ладони сохранилось технологическое углубление (рис. 1, 1, 3, 5). На поверхности присутствуют незначительные утраты и царапины. Обратная сторона имеет плоскую поверхность, на которой прочерчены граффити с цифровыми обозначениями: сверху римскими буквами – XV, снизу греческими буквами – ΙΕ (рис. 1, 2, 4). Диаметр тессеры составляет 2.9 см, толщина без рельефа – 0.25 см; толщина с рельефом – 0.4 см⁴ (рис. 1, 5).

В исторической и археологической науке до 1884 г. полагали, что тессеры играли роль билетов-жетонов для прохода в театр или на гладиаторские состязания⁵. Первая попытка объяснить их назначение в качестве игровых фишек была предпринята В. Френером в публикации 1884 г.⁶ Более подробно этот аспект развил М.И. Ростовцев⁷. Подтверждением гипотезы об использовании их в качестве игровых фишек послужили находки как костяных тессер сериями по 15 штук (на оборотной стороне у них были прочерчены граффити с римской и греческой нумерацией от 1 до 15), так и фишек из многоцветного стекла⁸. В частности, в 1903 г. в захоронении в Пантикапее была найдена шкатулка, полностью укомплек-

¹ Kuznetsov, Zavoikin 2014, 37, fig. 10.

² Кузнецов 2014, 102.

³ В статье рассматривается «александрийский» тип тессеры – дискообразной игровой фишки, на лицевой стороне которой представлены различные изображения эллинистическо-египетского сюжета, а на оборотной стороне числительное от 1 до 15, выраженное латинскими и греческими буквами (сверху и снизу), между ними помещалась надпись на греческом языке, которая идентифицирует изображение на лицевой стороне.

⁴ Тессера хранится в фондах ФГБУК «Историко-археологического музея-заповедника «Фанагория»» (ФМ-КП-22).

⁵ Alföldi-Rosenbaum 1971, 1.

⁶ Fröhner 1884, 232–238.

⁷ Ростовцев 1904, 109–110, 114–115.

⁸ Ростовцев 1904, 109–111.

тованная набором из 15 уникальных тессер, датируемая II в н.э.⁹ На основании целой серии находок М.И. Ростовцев сделал предположение о том, что тессеры служили для особого рода шашечной игры по типу усложненной греческой *petteia*¹⁰ или египетской игры, придуманной в Александрии вскоре после завоевания Египта Римом в 30 г. до н.э.¹¹ и распространенной по всей Римской империи.

М.И. Ростовцев первым предпринял попытку классификации игровых фишек по группам¹². Впоследствии Э. Альфельди-Розенбаум¹³ в серии публикаций, посвященных изучению игры в римское время, детально изучила около 500 тессер и выделила основные типы: боги и герои, портреты правителей, атлетов, поэтов, философов, театральные маски, храмы, фрукты, деревья и животные, связанные с зодиакальными знаками, изображения руки при счете на пальцах (*Le comput digital*)¹⁴.

Найденная тессера из Фанагории относится к типу игровых фишек, на лицевой стороне которых комбинация пальцев левой руки обозначает числа от 1 до 15, соответствуя римскому и греческому цифровому обозначению на оборотной стороне¹⁵. На оборотной стороне тессера из Фанагории имеет два граффити, каждое из которых обозначает число 15. Таким образом, лицевое изображение тессеры также должно соответствовать численному обозначению 15.

В своих работах Э. Альфельди-Розенбаум¹⁶, Б. Вильямс совместно с Р. Вильямс¹⁷, Г. Минауд¹⁸ показали, что в античном мире и в раннем средневековье были приняты унифицированные жесты для цифрового обозначения, основу которых составляла комбинация пальцев относительно раскрытой ладони. Вероятно, эта система использовалась для ведения международной торговли, которая помогала преодолеть языковые барьеры между торговцем и покупателем¹⁹. В то же время Дж. Х. Тернер²⁰ в своей статье анализирует возможности счета при помощи различных методов и операций в римское время, основываясь в том числе и на ранних средневековых источниках, и говорит, что счет при помощи пальцев руки являлся первой альтернативой письменного расчета, и помогал вычислению в уме.

Самые ранние полные описания счета на пальцах оставил бенедиктинский монах Беда Достопочтенный (ок. 673–735 гг.)²¹ в труде «*De Temporum Ratione*»,

⁹ Ростовцев 1904, 109–110.

¹⁰ Ростовцев 1904, 118–120.

¹¹ Bianchi 2015, 55; Винокуров, Трейстер 2015, 235; Alföldi-Rosenbaum 1971, 2.

¹² Ростовцев 1904, 114–116.

¹³ Alföldi-Rosenbaum 1971, 1–9; 1976, 205–239; 1980, 29–39; 1984, 378–390.

¹⁴ Римского или греческого оригинального названия техники счета с использованием пальцев рук античная традиция не оставила. В 1884 г. вышла работа В. Френера «*Le comput digital*», в которой исследуется т.н. «странный» тип тессер, на которых изображена ладонь и сжимающиеся пальцы. Техника счета на пальцах получила название *Le comput digital*.

¹⁵ Alföldi-Rosenbaum 1971, 4.

¹⁶ Alföldi-Rosenbaum 1971, 1–9.

¹⁷ Williams, Williams 1995, 586–608.

¹⁸ Minaud 2006, 3–34.

¹⁹ Williams, Williams 1995, 587; Minaud 2006, 4.

²⁰ Turner 1951, 65–66.

²¹ Wallis 2004, I; Germann 2006, 35.

датируемом 725 г.н. э.²² В главе «De computo vel loquela digitorum»²³ Беда Достопочтенный описывает счет с помощью пальцев рук и положения руки относительно тела от 1 до 1 000 000. Левая рука использовалась для счета единиц и десятков, а правая – для сотен и тысяч²⁴. Цифры от 1 до 9 представлялись с помощью левой руки тремя пальцами раскрытой ладони: мизинцем, безымянным и средним, а числа от 10 до 90 – при помощи большого и указательного пальцев²⁵. В то же время Г. Минауд²⁶, основываясь на изображениях на римских стелах, саркофагах и мозаиках, пришел к выводу, что исчисление единиц и десятков может быть как на левой руке, так и на правой, если левой рукой было неудобно показать цифру в силу специфики изображения.

Числа старше 10 составлялись сложносочиненно: например, число «15» представлено комбинацией пальцев, которая сохраняет позицию, обозначающую число 10 (большой и указательный пальцы соединены вместе), и добавляет позицию, обозначающую число 5²⁷.

Изображение на лицевой стороне тессеры из Фанагории (рис. 1, 1-5), однако, не полностью соответствует комбинациям, описанным Бедой Достопочтенным. В труде средневекового ученого число 10 описано как соединение кончика указательного пальца со средней фалангой большого пальца²⁸, в то время как на рассматриваемой тессере число 10 символизируют соединенные кончики указательного и большого пальцев. На тессерах типа *Le comput digital*²⁹ изображения по форме комбинаций из пальцев соответствуют тессере из Фанагории. Более подробно несовпадение цифрового исчисления с помощью пальцев рук в античности и раннем средневековье с письменными и иконографическими источниками исследовано в статьях Э. Альфельди-Розенбаум, Б. Вильямс и Р. Вильямс³⁰.

Следует отметить публикации о тессерах, найденных во время раскопок античных городищ на территории Северного Причерноморья, М.И. Ростовцева³¹, Т.В. Блаватской³², Б.Г. Петерса³³, Д.А. Костромичева³⁴ и Н.И. Винокурова совместно с М.Ю. Трейстером³⁵, которые в большинстве своем учтены в исследованиях Э. Альфельди-Розенбаум. В статье Н.И. Винокурова и М.Ю. Трейстера, вышедшей недавно, детально проработана историография и рассмотрены находки тессер последних лет не только Северного Причерноморья, но и других регионов.

²² Germann 2006, 36.

²³ Beda Venerabilis 1843/VI, 141–144.

²⁴ Beda Venerabilis 1843/VI, 142–144.

²⁵ Beda Venerabilis 1843/VI, 142–144; Turner 1951, 66–68.

²⁶ Minaud 2006, 6–29.

²⁷ Alföldi-Rosenbaum 1971, 6.

²⁸ Beda Venerabilis 1843, VI, 142; Turner 1951, 67–70, fig. 1.

²⁹ Fröhner 1884, Pl. 3; Alföldi-Rosenbaum 1971, 6–7, Taf. I–III.

³⁰ Alföldi-Rosenbaum 1971, 4–9; Williams, Williams 1995, 590–595.

³¹ Ростовцев 1904, 109–124.

³² Блаватская 1959, 68–80.

³³ Петерс 1986, 84–91.

³⁴ Костромичев 2012, 213–218.

³⁵ Винокуров, Трейстер 2015, 227–239.

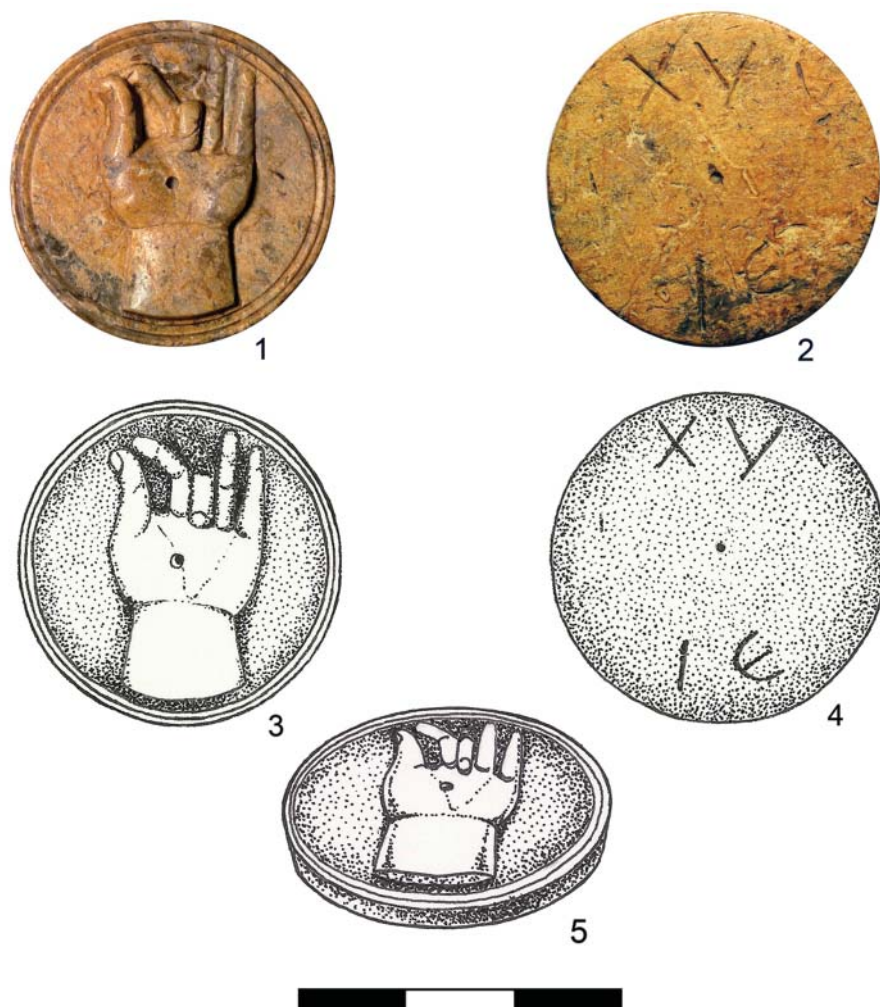

Рис. 1. Костяная тессера из Фанагории

Э. Альфельди-Розенбаум в работе 1971 г.³⁶, соглашаясь с выводами М.И. Ростовцева³⁷, датирует тессеры временем от Юлия Цезаря до III в. н.э. и считает, что они были произведены в Александрии³⁸. А в статье 1976 г.³⁹ исследователь пересмотрела верхнюю границу, и пришла к выводу, что все тессеры, принадлежащие группе с номерами от I до XV на оборотной стороне и рельефом на лицевой, принадлежат периоду около 45 г. до н.э. по 68 г. н.э., но это вовсе не означает, что они не использовались на протяжении всего I и II вв. н.э.

³⁶ Alföldi-Rosenbaum 1971, 2.

³⁷ Ростовцев 1904, 120.

³⁸ Alföldi-Rosenbaum 1971, 2.

³⁹ Alföldi-Rosenbaum 1976, 206.

Находки тессер происходят как из Александрии и ее окрестностей, так и из Греции, Македонии, Малой Азии, Италии, Сирии, с юга Франции и др.⁴⁰. Несмотря на широкую географию находок, Э. Альфельди-Розенбаум в своих фундаментальных исследованиях на основе тщательного анализа памятников и живой природы Александрии – изображений на монетах, видов и сцен на лампах, а также пейзажей с картин и мозаик – пришла к заключению, что на тессерах лицевое изображение связано с районами города, гробницами, символами или эллинистически-египетскими богами⁴¹. Предположительно, все тессеры были произведены в Александрии⁴². Однако последние исследования выдвигают гипотезу, говорящую об их производстве в разных регионах эллинистического мира⁴³.

Заключение

Из всех находок тессер в Северном Причерноморье тип *Le comput digital* встречается впервые. По сравнению с корпусом находок подобного типа на территориях бывшей Римской Империи, изученном в работах Э. Альфельди-Розенбаум⁴⁴, тессера из Фанагории является уникальной. Во-первых, на всех найденных тессерах с изображением счета на пальцах на оборотной стороне присутствуют только римские цифровые обозначения, расположенные в центре⁴⁵. Тессера же из Фанагории сочетает как римское, так и греческое граффити. Во-вторых, ранее была описана лишь одна тессера типа *Le comput digital* с числом 15⁴⁶. Она выделялась из всего корпуса тессер тем, что на ней был изображен бюст мужчины, показывающего рукой число, а не только рука, как на остальных тессерах этого типа. Фанагорийская тессера оказалась первой, на которой числу 15 соответствует изображение только ладони с согнутыми пальцами.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватская, Т.В. 1959: Игральные кости из Пантикапея. *Listy fi lologické. Folia philologica* 8 (Eunomia. Suppl. III. 2), 68–80.
- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2015: Тессера из слоя гибели ранней цитадели городища Артезиан. *ВДИ* 4, 227–239.
- Костромичев, Д.А. 2012: Тессера из портового района Херсонеса. *БЧ* 13, 213–218.
- Кузнецов, В.Д. 2014: Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г. *Архив ИА РАН*. № 45554.
- Петерс, Б.Г. 1986: *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Ростовцев, М.И. 1904: Древние костяные шашки с юга России. *ИАК* 10, 109–124.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1971: The Finger Calculus in Antiquity and in the Middle Ages Studies on Roman Game Counters I. *Frühmittelalterliche Studien* 5, 1–9.

⁴⁰ Alföldi-Rosenbaum 1976, 208.

⁴¹ Alföldi-Rosenbaum 1976, 226–228; Bianchi 2015, 53.

⁴² Alföldi-Rosenbaum 1971, 2–3; 1976, 226–228; Bianchi 2015, 53–55.

⁴³ Plantzos 2002, 38–39.

⁴⁴ Alföldi-Rosenbaum 1971, Taf. I–III.

⁴⁵ Alföldi-Rosenbaum 1971, Taf. I–III.

⁴⁶ Alföldi-Rosenbaum 1971, 7–8, Taf. II, 14.

- Alföldi-Rosenbaum, E. 1976: Alexandriaca. Studies on Roman Game Counters III. *Chiron* 6, 205–239.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1980: Ruler Portraits on Roman Game Counters from Alexandria. In: *Eikones: Studien zum griechischen und römischen Bildnis* (Beiheft zur Halbjahresschrift Antike Kunst 12), Bern, 29–39.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1984: Characters and Caricatures on Game Counters from Alexandria (Studies on Roman Game Counters. 5). *Alessandria e il mondo ellenistico-romano. Studi in onore di Achille Adriani* I. Roma, 378–390.
- Beda Venerabilis 1843: *The Complete Works of Venerable Bede*. Vol. I–VIII. London.
- Bianchi, C. 2015: ‘Pedine alessandrine’: testimoni illustri di un gioco ignoto. In: *I materiali della Collezione Archeologica “Giulio Sambon” di Milano*. 1. *Tra alea e agòn: giochi di abilità e di azzardo*. Firenze, 53–65.
- Fröhner, W. 1884: Le Comput digital. In: *Annuaire de la Société de numismatique* 8, 232–238.
- Germann, N. 2006: *De temporum ratione: Quadrivium und Gotteserkenntnis am Beispiel Abbos von Fleury und Hermanns von Reichenau* (Studien und Texte zur Geistesgeschichte des Mittelalters. 89). Leiden–Boston.
- Kuznetsov, V., Zavoikin, A. 2014: On the archaeological topography of Phanagoria. In: *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias. Bd 3). Göttingen, 29–52.
- Minaud, G. 2006: Des doigts pour le dire. Le comput digital et ses symboles dans l’iconographie romaine. *Histoire and Mesure* XXI/1, 3–34.
- Plantzos, D. 2002: A Royal Seal of Antiochos IV of Syria and Some Contemporary Minima Ptolemaica. *Revue belge de numismatique et de sigillographie* CXLVIII, 33–39.
- Turner, J.H. 1951: Roman Elementary Mathematics: The Operations. *The Classical Journal* 47 (2), 63–74; 106–108.
- Wallis, F. 2004: *Bede: The reckoning of time* (Translated texts for historians 29). Liverpool.
- Williams, B.P., Williams, R.S. 1995: Finger Number in the Greco-Roman World and the Early Middle Ages. *Isis* 86, 587–608.

REFERENCES

- Alföldi-Rosenbaum, E. 1971: The Finger Calculus in Antiquity and in the Middle Ages Studies on Roman Game Counters I. *Frühmittelalterliche Studien* 5, 1–9.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1976: Alexandriaca. Studies on Roman Game Counters III. *Chiron* 6, 205–239.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1980: Ruler Portraits on Roman Game Counters from Alexandria. In: *Eikones: Studien zum griechischen und römischen Bildnis* (Beiheft zur Halbjahresschrift Antike Kunst 12). Bern, 29–39.
- Alföldi-Rosenbaum, E. 1984: Characters and Caricatures on Game Counters from Alexandria (Studies on Roman Game Counters. 5). *Alessandria e il mondo ellenistico-romano. Studi in onore di Achille Adriani* I. Roma, 378–390.
- Beda Venerabilis 1843: *The Complete Works of Venerable Bede*. Vol. I–VIII. London.
- Bianchi, C. 2015: ‘Pedine alessandrine’: testimoni illustri di un gioco ignoto. In: *I materiali della Collezione Archeologica “Giulio Sambon” di Milano*. 1. *Tra alea e agòn: giochi di abilità e di azzardo*. Firenze, 53–65.
- Blavatskaya, T.V. 1959: Igral’nye kosti iz Pantikapeya. *Listy fi lologické. Folia philologica* 8 (Eunomia. Suppl. III. 2), 68–80.
- Fröhner, W. 1884: Le Comput digital. In: *Annuaire de la Société de numismatique* 8, 232–238.

- Germann, N. 2006: *De temporum ratione: Quadrivium und Gotteserkenntnis am Beispiel Abbos von Fleury und Hermanns von Reichenau* (Studien und Texte zur Geistesgeschichte des Mittelalters. 89). Leiden–Boston.
- Kostromichev, D.A. 2012: Tessera iz portovogo rayona Hersonesa. *BCH* 13, 213–218.
- Kuznetsov, V.D. 2014: Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arheologii RAN v Fanagorii v 2014 g. *Arhriv IA RAN*. № 45554.
- Kuznetsov, V., Zavoikin, A. 2014: On the archaeological topography of Phanagoria. In: *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias. Bd 3). Göttingen, 29–52.
- Minaud, G. 2006: Des doigts pour le dire. Le comput digital et ses symboles dans l'iconographie romaine. *Histoire and Mesure* XXI/1, 3–34.
- Peters, B.G. 1986: *Kostoreznoe delo v antichnyh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow.
- Plantzos, D. 2002: A Royal Seal of Antiochos IV of Syria and Some Contemporary Minima Ptolemaica. *Revue belge de numismatique et de sigillographie* CXLVIII, 33–39.
- Rostovtsev, M.I. 1904: Drevnie kostyanye shashki s yuga Rossii. *IAR* 10, 109–124.
- Turner, J.H. 1951: Roman Elementary Mathematics: The Operations. *The Classical Journal* 47 (2), 63–74; 106–108.
- Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2015: Tessera iz slova gibeli ranney tsitadeli gorodishcha Artezian. *Vestnik drevney istorii* 4, 227–239.
- Wallis, F. 2004: *Bede: The reckoning of time* (Translated texts for historians. 29). Liverpool.
- Williams, B.P., Williams, R.S. 1995: Finger Number in the Greco-Roman World and the Early Middle Ages. *Isis* 86, 587–608.

BONE TESSERA FROM PHANAGORIA

Sergey N. Ostapenko

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
sao_nasledie@mail.ru*

Abstract. In 2014, a bone tessera was found during the excavations conducted by the Phanagorian Mission of the Institute of Archaeology, RAS, at Phanagoria (the site of “Lower City”). It bears Greek and Latin numerals XV and IE situated on its reverse side and the relief depiction of a left hand with fingers combination, occupying its obverse. This tessera is of a type of playing draughts, which is called *Le comput digital*, bearing combinations of fingers of a left hand marking out numbers from 1 to 15, situated on the obverse and corresponding to the numerals on its reverse.

This tessera is a first draught of *Le comput digital* type found in the North Pontic Region. It combines some unique features. Firstly, it is the first known tessera combining both Greek and Roman graffiti, while all the previously found specimens had only Roman graffiti situated at the reverse. Secondly, the only tessera of *Le comput digital* type was previously found, showing a sign XV. It differs from all other tesserae because it bears a bust of a man with his hand showing number fifteen instead of just common hand. The Phanagorian tessera is the first specimen showing a palm with combination of fingers marking out the number 15.

Key words: Bosphoran Kingdom, North Pontic Region, Roman Empire, Phanagoria, tessera

ОБ ОТСТУПЛЕНИИ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА НА БОСПОР (STRABO XI. 2. 13)

А.П. Воскресенский

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
gu-u-m@mail.ru*

Аннотация. В статье речь идет об отступлении Митридата Евпатора через Восточное Причерноморье после поражения от Помпея в ходе Третьей Митридатовой войны. Рассматривается вопрос о том, как и где пролегал маршрут этого похода, а также то, какую роль в нем сыграли местные варвары – гениохи, зиги и ахеи (ахейцы). Автор внимательно изучает сведения письменных источников – свидетельства Аппиана, Плутарха и, прежде всего, Страбона, иногда находя в них противоречия, в частности, в том, что касается маршрута похода и взаимоотношений Митридата и варваров. Кроме того, сопоставляются различные переводы и издания фрагмента «Географии», который является главным объектом исследования. Автор приходит к выводу, что путь Митридата пролегал вдоль побережья и вряд ли был исключительно сухопутным. Отвергается предположение А. Мэйора, основанное на упоминании Аппианом «скифских заповор», о том, что Митридат прошел в Северное Причерноморье через Дарьяльское ущелье и принимается точка зрения Рейнака о вероятной помощи понтийскому царю со стороны гениохов, предоставивших ему свои пиратские лодки-камары для благополучного преодоления преград на восточном побережье Понта. Так как точных сведений о численности отряда Митридата никто из античных авторов не дает, возникает предположение, что это войско было небольшим и могло преодолеть труднопроходимый участок Восточного Причерноморья таким образом.

Ключевые слова: Страбон, Митридат Евпатор, гениохи, зиги, ахеи, Восточное Причерноморье, камары

Введение

История Митридата Евпатора и его Причерноморской державы является одним из самых популярных в историографии сюжетов по истории Северного Причерноморья эпохи эллинизма. Исследования, посвященные этой теме, основываются на достаточной обширной источниковой базе – это и монеты, и надписи, и сочинения целого ряда античных авторов. Поводом к написанию данной статьи стало только одно из этих многочисленных свидетельств, а именно приведенное Страбоном описание бегства Митридата Евпатора из Закавказья на Боспор:

Воскресенский Андрей Петрович – аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

οἱ γοῦν Ἠνίοχοι τέτταρας εἶχον βασιλέας, ἡνίκα Μιθριδάτης ὁ Εὐπάτωρ φεύγων ἐκ τῆς προγονικῆς εἰς Βόσπορον διήει τὴν χώραν αὐτῶν: καὶ αὕτη μὲν ἦν πορεύσιμος αὐτῷ, τῆς δὲ τῶν Ζυγῶν ἀπογνοὺς διὰ τε δυσχερείας (δυσχωρίας) καὶ ἀγριότητος τῇ παραλίᾳ χαλεπῶς ἦει, τὰ πολλὰ ἐμβαίνων ἐπὶ τὴν θάλατταν, ἕως ἐπὶ τὴν τῶν Ἀχαιῶν ἦκε: καὶ προσλαβόντων τούτων ἐξετέλεσε τὴν ὁδὸν τὴν ἐκ Φάσιδος οὐ πολὺ τῶν τετρακισχιλίων λείπουσαν σταδίων (Strabo XI. 2. 13).

Перевод:

Гениохи, например, имели четырех царей, когда Митридат Евпатор, убегая из земли своих предков на Боспор, проходил через их страну. Она оказалась для него проходимою, тогда как идти через землю зигов он отказался из-за труднопроходимости [земли] и [их] дикости, и с трудом шел вдоль побережья, передвигаясь в основном по морю, пока не пришел в [землю] ахеев. С их помощью он завершил путь от Фасиса, [составивший] немногим менее 4000 стадиев¹.

Данный эпизод из жизни понтийского царя неоднократно рассматривался в историографии, как правило, в общих трудах по истории Митридата². Среди исследователей нет единого мнения о маршруте Митридата, численности его войска и способе передвижения (был ли поход исключительно сухопутным или нет). Рейнак наряду с Мэги полагают, что путь Митридата пролегал по побережью и войско его было сравнительно небольшим, во всяком случае, могло миновать труднопроходимую местность на камарах гениохов³.

Однако в недавней работе Адриенны Мэйор, которая в большей степени доверяет сведениям Аппиана, была выдвинута гипотеза, что Митридат прошел к Боспору не вдоль восточного берега Понта, а через Мамисонский перевал и Дарьяльское ущелье⁴. Основания для такого предположения есть в сочинении Аппиана, так как он сообщает, что Митридат прошел «через <...> так называемые «скифские запоры» (κλειῖθρα Σκυθῶν), никогда никому не бывшие доступными...» (Mithr. 102). «Скифскими запорами» античные авторы, скорее всего, могли называть один или несколько перевалов Центрального Кавказа, по которым, согласно Геродоту, скифы в VII в. до н.э. прошли в Малую Азию, преследуя киммерийцев (Herod. I. 104; IV. 12). Эти пути функционировали и в эллинистическое, и в раннесредневековое время⁵.

Такая трактовка имеющихся источников полностью противоречит рассматриваемому фрагменту «Географии» Страбона и уже поэтому с трудом может быть принята. Кроме того, путь через перевалы Центрального Кавказа вынудил бы Митридата сделать большой крюк, на что он вряд ли пошел бы, стремясь как можно быстрее попасть на Боспор. Опровергая точку зрения Рейнака, Мэйор указывает на слишком большую для использования камар численность войска Митридата – 3 тысячи человек (эту цифру называет Аппиан, когда пишет об отступлении Митридата в Синорию). Однако у нас нет однозначных указаний на то, что такова была численность митридатова войска при выходе из Диоскуриады. Единствен-

¹ Перевод сделан в рамках семинара по чтению и комментированию «Географии» Страбона в ИВКА РГГУ под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова.

² Reinach 1890, 396–397; 1895, 395–396; Magie 1950, 356; Duggan 1959, 179; McGing 1986, 58; Matyszak 2008, 154–155; Mayor 2010, 331–337.

³ Reinach 1890, 396; 1895, 395; Magie 1950, 356.

⁴ Mayor 2010, 334–336.

⁵ Воронов 1992, 68–69.

ное косвенное свидетельство в пользу этого – описание Аппианом приема Митридата у варварских царей около Меотиды: «...все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна...» (Mithr. 102). Эта общая характеристика митридатова отряда, однако, не означает, что Митридат не мог использовать камары для перевоза войска и был вынужден идти в обход через Дарьяльское ущелье.

Неубедительным в работе Мэйор представляется и то, что под «скифскими народами, воинственными и враждебными» в рассказе Аппиана (Mithr. 102) она понимает не генов и ахеев, о которых говорится уже в следующем предложении, а собственно скифов степной зоны. Такое понимание весьма странно, так как широко известно, что античные авторы часто называли «скифскими» самые разные варварские народы Северного Причерноморья и Средней Азии (Eust. Com. ad Hom. Od. XI. 14; Strabo II. 5. 7; Ov. 5. 10. 48; Pomp. M. 2. 2 etc.).

Отступление Митридата из Колхиды на Боспор началось после поражения от Помпея в 66 г. до н.э. в Армении (Strabo XII. 3. 28; App. Mithr. 97–100; Dio Cass. XXXVI. 49; Plut. Pomp. 32), поэтому вкратце коснемся событий, предшествовавших рассматриваемому нами походу. Из рассказа Аппиана мы узнаем, что, будучи разбитым, Митридат «со своей личной охраной <...> несколькими всадниками и тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним»⁶ бежал в укрепление Синорегу (Синорию), «где у него было спрятано много денег» (Mithr. 101). По Плутарху, Митридат отступил «с отрядом из восьмисот всадников <...> однако отряд этот быстро рассеялся, и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия⁷...» (Pomp. 32; пер. Г.А. Стратановского). Последняя, кстати, последовала за Митридатом до самого Боспора и была там похоронена в 63 г. до н.э., о чем свидетельствует надгробие, найденное в Фанагории⁸.

Аппиан немного расходится в своих свидетельствах с Дионом Кассием и Плутархом. Аппиан сообщает, что Митридат, перейдя через Евфрат, вторгся в Хотенейскую Армению, прогнал хотенейцев и иберов, перешел реку Апсар, а затем перезимовал в Диоскуриаде⁹ (Mithr. 101). Согласно же Плутарху и Диону Кассию, он искал помощи у царя Армении Тиграна, но тот отказал ему в убежище и арестовал отправленных им послов (Dio Cass. XXXVI. 50), объявив награду за его голову (Plut. Pomp. 32). Поэтому Митридат поспешил перебраться в Колхиду. Кроме того, сведения Плутарха противоречат сообщению Аппиана о преданности Митридату иберов, выступивших против Помпея (Pomp. 34).

Именно в Колхиде в Диоскуриаде, согласно Аппиану, Митридат решил на проход через земли варваров. Аппиан, по крайней мере, трижды говорит о рискованности и даже безрассудности этого плана (Mithr. 101, 102, 103). План включал войну на Боспоре с предавшим его сыном Махаром и продолжение войны с рим-

⁶ Цитаты из Аппиана даны в переводе С.П. Кондратьева.

⁷ О том, что Митридата после поражения от Помпея сопровождала Гипсикратия, также сообщает Валерий Максим, причем называя ее не наложницей, а царицей (Val. Max. IV.6. ext. 2).

⁸ Кузнецов 2007, 236–243.

⁹ Возможно, решению Митридата перезимовать в Диоскуриаде способствовала поддержка местных купцов (Шелов 1980, 207).

лянами (Mithr. 101). Аппиан излагает мысли Помпея, который «преследовал его (Митридата) до страны колхов, затем же, считая, что самому ему никогда не обойти кругом ни Понт, ни Меотиду и что беглец уже не рискнет приступить к крупной операции» (Mithr. 103), повернул назад. О трудности преследования Митридата в варварских землях Северного Причерноморья пишет и Плутарх (Pomp. 35). Вероятно, для Помпея эта трудность объяснялась возможной поддержкой Митридата со стороны племен этого региона¹⁰. Однако путь не был прост и для самого Митридата, подтверждением чему являются приведенный фрагмент из Страбона, а также свидетельства Аппиана и Диона Кассия.

Точных данных о численности отряда Митридата на момент выступления из Диоскуриады ни один из упоминающих этот поход авторов не дает. По мнению Е.А. Молева, с ним было 3–4 тысячи человек, включая гарнизон Диоскуриады¹¹. При том, что подтвердить эти цифры нельзя, некоторые выводы о численности и боеспособности войска Митридата можно сделать на основании свидетельства Аппиана о заключительном этапе похода, когда Митридат уже был на подступе к Боспору: «Когда Митридат вступил в область Меотиды, над которой много правителей, то все они приняли его [дружески], ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна» (Mithr. 102). Тем не менее Митридат не учитывал, что к нему могли примкнуть какие-то отряды из пройденных им варварских земель, а войско, изначально вышедшее из Диоскуриады, возможно, и не было большим. С этим войском Митридат отправился в сухопутный поход. Почему не в морской?

Флот Митридата в начале Третьей Митридатовой войны был весьма значителен: в осаде одного только Кизика, согласно Страбону, принимало участие 400 кораблей (Strabo. XII. 8. 11). Колхида, как известно, была одним из главных регионов-поставщиков корабельного леса¹² (Strabo. XI. 2. 15) и другого необходимого сырья для флота¹³. Возможно, именно поэтому Страбон пишет, что «отсюда царю было очень большое подспорье для [устройства] корабельных сил» (XI. 2. 18). Однако малоазийские города, где в основном стоял флот Митридата (Гераклея, Амис, Синопа), к рассматриваемому моменту уже были захвачены Лукуллом (App. Mithr. 82–83), поэтому флота у Митридата на тот момент, скорее всего, не было. Кроме того, римский флот тогда уже мог контролировать навигацию по Черному морю¹⁴, о чем есть свидетельства у Плутарха (Pomp. 34, 39).

Итак, вернемся к сообщению Страбона. При локализации упоминаемых им варварских народов, через земли которых лежал путь Митридата на Боспор, Страбон, по его собственным словам в следующем абзаце, следует сведениям т.н. историков Митридатových деяний οἱ τὰ Μιθριδικὰ συγγραψάντες (XI. 2. 14). Под ними обычно понимают Гипсикрата из Амиса¹⁵ и Метродора из Скепсиса¹⁶. В таком же порядке относительно друг друга располагают ахеев (ахейцев) и гениохов, многие авторы: ср. Псевдо-Скилак: «...За торетами – народ ахеи. За ахеями – на-

¹⁰ Matyszak 2008, 154–155.

¹¹ Молев 1995, 133, 140, прим. 1.

¹² По мнению Е.А. Молева, этот флот мог быть построен как раз в Колхиде (Молев 1976, 62).

¹³ Шелов 1980, 201.

¹⁴ Magie 1950, 356; Шелов 1986, 117; Mayon 2010, 334.

¹⁵ Ростовцев 1913–1914, 376–380.

¹⁶ Aly 1957, 86; Стратановский 1994, 787.

род гениохи»¹⁷ (75–76); Дионисий Перизетт: «...вблизи Эвксина керкеты, тореты и могучие ахейцы... За ними, владея соседней землей, живут гениохи и зиги...»¹⁸ (680–688); Помпоний Мела: «...гениохи, ахеи, керкетики...»¹⁹ (I. 110); Аппиан: «...прошел [через землю] гениохов, [дружески] принявших его, ахейцев же обратил в бегство и преследовал...» (Mithr. 102), Птолемей (V. 9. 25). Однако зигов (зигов, зинхов, зилхов) в одном ряду с ахеями и гениохами, помимо самого Страбона («После нее [Синдики – А.В.] – ахеи и зиги и гениохи» (XI. 2. 1), «За Синдикой и Горгиппией у моря [идет] побережье ахеев, зигов и гениохов...» (XI. 2. 12)), упоминает только Дионисий Перизетт.

Стоит также отметить, что только Страбон при локализации зигов, гениохов и ахеев говорит о побережье. Возможно, этот факт склонил А. Мэйор к предположению, что маршрут отступления Митридата пролегал не вдоль побережья Понта, а через перевалы Центрального Кавказа. Все эти племена, согласно античным авторам, не отличались дружелюбием (Aristot. Pol. VIII. III. 4; Ov. Pont. IV. 10) Гениохи и ахеи были известны как пираты еще с IV в. до н.э. (Diod. XX. 25). Страбон также подробно рассказывает об этом (XI. 2. 12).

Согласно предположению Ю.А. Виноградова, ахеи (ахейцы) и гениохи были теми варварами, которых, по свидетельству Страбона, разбил в двух сражениях – морском бою летом и конном на льду зимой – полководец Митридата Неоптолем предположительно в конце II в. до н.э.²⁰ Некоторые исследователи видят слабость этой точки зрения в том, что названные племена, согласно Страбону, занимались пиратством и вряд ли обладали конницей, чтобы сразиться с понтийским полководцем²¹. Однако, упоминая ахеев, зигов и гениохов в другом месте, Страбон пишет, что они живут «по-кочевничьи» (νομαδικῶς ζῶντων).

Несмотря на то, что в сражениях с Неоптолемом, возможно, были разбиты гениохи и/или ахеи, к рассматриваемому моменту времени (прошло без малого 50 лет) они должны были быть лояльны по отношению к Митридату. Это подтверждает сообщение Аппиана, который называет их среди варваров, присоединившихся к Митридату в качестве союзников в начале Третьей Митридатовой войны (App. Mithr. 69). К тому же из подробного описания Страбоном их пиратства мы знаем, что иногда «правители Боспора оказывали [им] содействие, предоставляя якорные стоянки и рынки для сбыта награбленного» (XI. 2. 12).

Рассматриваемый отрывок из Страбона подтверждает верность этих пиратов союзу с понтийским царем. В нем не говорится ни о каких столкновениях Митридата с гениохами или ахеями. О земле гениохов Страбон пишет как о «проходимой для него» (πορεύσιμος αὐτῷ), что, впрочем, возможно, характеризует, прежде всего, ландшафт местности. Ахеи же даже каким-то образом помогли завершить Митридату оставшийся путь. Тем не менее, согласно Аппиану, Митридату приходилось не только договариваться с разными «скифскими» народами на своем пути, но и применять силу (Mithr. 102). В отношении гениохов Аппиан не проти-

¹⁷ Перевод В.В. Латышева. Псевдо-Скилак перечисляет народы азиатской стороны Понта Эвксинского, идя вдоль побережья от Боспора Киммерийского, поэтому его порядок расположения ахеев и гениохов совпадает со сведениями Страбона.

¹⁸ Перевод Е.В. Илюшечкиной.

¹⁹ Перевод А.В. Подосинова.

²⁰ Виноградов 2001, 65–66.

²¹ Молев 1976, 46.

воречит свидетельству Страбона, сообщая, что они «[дружески] приняли» Митридата, однако об ахеях (ахейцах) он пишет, что Митридат «обратил их в бегство и преследовал».

С сообщением Аппиана совпадает описание похода Дионом Кассием, согласно которому Митридат на своем пути «использовал с одними убеждение, с другими силу» (XXXVI. 50. 2; пер. С.Э. Таривердиевой и О.В. Любимовой.). Хотя Дион Кассий конкретно не называет ни гениохов, ни ахеев, налицо и его несовпадение с данными «Географии».

Некоторые исследователи, однако, не усматривают здесь серьезного противоречия. Ю.А. Виноградов, например, просто соединяет два свидетельства и пишет: «Митридат одержал победу над ахейцами, а затем они способствовали завершению его пути»²². Возможно, такой компромисс и справедлив, хотя, конечно, было бы очень странно, если бы Страбон, зная, что Митридат опасался встречи с зигами, не знал бы ничего (или, зная, не написал бы) о его столкновении с ахеями. Доверять Страбону меньше, чем Аппиану или Диону Кассию, у нас нет больших оснований. Годы жизни Страбона по времени ближе к описываемым им событиям, чем годы жизни двух других авторов. При написании данного фрагмента Страбон, скорее всего, пользовался трудами современников Митридата – уже упомянутых историков Митридатовых деяний, а также (как и Аппиан²³) сочинением Феофана Митиленского²⁴, который участвовал в походе Помпея в Закавказье²⁵ (Strabo XI. 5. 1). Кроме того, Страбон происходил из семьи, представители которой находились на службе у Митридата (Strabo XI. 2. 18; XII. 3. 33)²⁶. Впрочем, это предположение ни в коем случае не означает, что Страбон лично общался с кем-то из участников похода.

Помимо побережья гениохов и ахеев, на пути Митридата лежали земли зигов, которые он, согласно Страбону, постарался обойти. В науке нет единого мнения о том, как следует понимать данный фрагмент, а именно, слова о причинах, по которым Митридат постарался обойти землю зигов. В изданиях А. Майнеке²⁷ и Г. Крамера²⁸ предлагалось чтение *διὰ τε δυσχερείας καὶ ἀγριότητος*, т.е. «...из-за [их] своенравности (*δυσχερεία* – трудность, своенравность) и дикости (свирепости)...». Стефан Радт в последнем на сегодняшний день издании «Географии» Страбона предлагает другую конъектуру первой из характеристик: *διὰ τε [τάς] δυσχωρίας καὶ [τὴν] ἀγριότητα*²⁹: «...wegen der Schwierigkeiten des Geländes und ihrer Wildheit...». Таким образом, одно определение он относит к ландшафту земли зигов, а другое – к самим зигам. По такому же принципу переводят данное место англий-

²² Виноградов 2004, 166.

²³ Шелов 1986, 114.

²⁴ Fabricius 1888, 166–175; Ростовцев 1913–1914, 379. Критику этого представления см. Грацианская 1988, 86–88.

²⁵ Манандян 1939, 77.

²⁶ Более подробно о родственниках Страбона и их связи с Митридатом Евпатором см. Габелко 2012, 143–153; Bowersock 2013, 383–386.

²⁷ Meineke 1877.

²⁸ Strabonis Geographica 1852.

²⁹ Strabons Geographika 2002–2008, 302.

ские³⁰ и французский³¹ издатели Страбона, а также итальянский исследователь Никола Биффи³². Большинство отечественных переводчиков исходило из такой же конъектуры или же (как, по-видимому, и английские издатели) просто относил слово *δυσχερεία* к характеристике территории, а не ее обитателей. Отличие отечественных переводов от зарубежных заключается в том, что второе определение – *ἀγριότητα* – как правило, они тоже относят к *стране* зигов или к трудностям пути. Ср., Ф.Г. Мищенко: «...не доверяя земле зигов вследствие ее неудобопроходимости и дикости...»³³; П.И. Прозоров: «...от [путешествия через страну] он отказался вследствие ее суровости и трудностей [пути]...»³⁴; Г.А. Стратановский: «...от намерения пройти через страну зигов ему пришлось отказаться из-за ее суровости и дикости...»³⁵.

Тем не менее однозначно принять решение в пользу какого-то из приведенных переводов, исходя из грамматики предложения, нельзя. Побережье в районе современной Абхазии, вдоль которого двигался Митридат, действительно было труднопроходимым, так как в этом регионе большое количество горных рек, текущих с Кавказа, впадает в Черное море. Кроме того, Митридат совершил свой переход весной, следовательно, эти реки должны были быть полноводными и бурными. К тому же путь Митридата преграждали отвесные скалы, выступавшие в море и не дававшие пройти по берегу. Эти особенности рельефа, вероятно, еще на рубеже VIII–VII в. до н.э. не позволили киммерийцам пройти в Азию вдоль берега и вынудили их идти через перевалы Центрального Кавказа³⁶. Такие черты абхазского побережья были известны в новейшей истории³⁷. Тем не менее после Митридата через земли ахеев, зигов и гениохов в обратном направлении прошел его сын Фарнак в 47 г. до н.э.³⁸

Отнесение обоих признаков (*δυσχερεία* καὶ *ἀγριότητα*) в рассматриваемом отрывке «Географии» к стране зигов отнюдь не означает, что они никак не характеризуют жителей этой страны. Наоборот, весьма вероятно, что Страбон, говоря о дикости (свирепости), имеет в виду самих зигов, так как в предыдущем параграфе он называет их вместе с гениохами и ахеями среди морских разбойников (XI. 2. 12).

Как уже было сказано, Митридат вряд ли располагал внушительным войском, а главное, он отступал в спешке³⁹. Поэтому вполне естественно, что, проделывая изнурительный путь до Боспора и собираясь в дальнейшем вновь воевать с римлянами, он не хотел тратить силы еще и на борьбу с варварами. Риск же военного

³⁰ “...on account of its ruggedness, and the savage character of the people...” (The Geography of Strabo 1903); “...because of the ruggedness of it and because of the ferocity of the inhabitants...” (The Geography of Strabo 1917–1932).

³¹ “...à cause de son accès difficile qu’en raison de la férocité de ses habitants...” (Strabon Géographie 2003/VIII, 51).

³² Biffi 2010, 40–41.

³³ Страбон 1879.

³⁴ Scythica et Caucasica 1890, 134–135; Страбон 2009.

³⁵ Стратановский 1994.

³⁶ Лавров 1965, 223; Дьяконов 1981, 98–99; 1994, 108; Olbrycht 1998, 80.

³⁷ В воспоминаниях офицера времен Кавказской войны Ф.Ф. Торнау неоднократно говорится о невозможности пройти вдоль побережья в районе Гагр из-за преграждающих дорогу скал (Торнау 2000, 39, 96, 184–189).

³⁸ Сапрыкин 2002, 38.

³⁹ Сапрыкин 2010, 91.

столкновения с зигами был выше, чем с гениохами или ахеями, так как зиги никогда не были среди союзных Митридату причерноморских племен.

Но обход Митридата, согласно тексту Страбона, тоже был нелегко: ...τῇ παραλίᾳ χαλεπῶς ἦει («с трудом шел побережьем»), τὰ πολλὰ ἐμβαίνων ἐπὶ τὴν θάλατταν... Столь туманная формулировка Страбона затрудняет не только трактовку, но и сам перевод данного фрагмента. Есть два основных варианта перевода этого отрывка. Согласно одному из них, которого придерживаются Х.Л. Джонс и Г.А. Стратановский⁴⁰, слова τὰ πολλὰ ἐμβαίνων ἐπὶ τὴν θάλατταν означают, что Митридат шел у самого моря [возможно, вброд? – А.В.]. Однако, как правило, в перевод добавляют слово *корабль* или *судно*⁴¹. Употребление Страбоном глагола ἐμβαίω дает основания к такой вставке, так как этот глагол встречается у самого Страбона именно в значении «садиться на корабль или барку» (Strabo V. 3. 6). Таким образом, это предложение следует понимать так: «Митридат часто переходил/садился на корабль». Исходя из текста, он использовал эти судна с перерывами и только на протяжении побережья зигов. Прерывистость его плавания могла быть связана с какими-то периодическими угрозами со стороны зигов, отдельными неудобствами рельефа (скалами, обрывами и т.п.), а также, возможно, с тем, что «суда», на которые он переходил, не были полностью в его распоряжении, иначе он наверняка бы проплыл на них дальше. Контекст всего похода Митридата склоняет к мысли о том, что этими «кораблями» были пиратские лодки-камары, данные ему одним из союзных племен. Рейнак впервые высказал это предположение⁴², однако он думал, что камары были предоставлены Митридату ахеями. Более вероятно, что Митридату на этом этапе пути помогли гениохи, так как их земля была первой, по которой он проследовал. Ахеи же помогли ему завершить путь.

Вместимость камар, по Страбону, была 25–30 человек, то есть при сравнительно небольшом отряде и, учитывая то обстоятельство, что управлял камарами, вероятно, кто-то из гениохов (с этим могла быть связана прерывистость плавания), Митридату требовалось несколько десятков таких лодок для перевозки всего отряда. Численность отряда нам точно неизвестна, поэтому естественны сомнения тех исследователей⁴³, которые отталкиваются от последней упоминаемой Аппианом цифры в 3000 всадников, бежавших с ним в Синорегу (Mithr. 101). Однако после этого он еще проделал путь до Диоскуриады, и численность его войска могла измениться. Согласно же Плутарху, он бежал в Синору только с тремя спутниками (Pomp. 32).

⁴⁰ "...and only with difficulty could he go along the coast, most of the way marching on the edge of the sea..." (The Geography of Strabo 1917–1932); «...только с трудом удалось Митридату пробраться вдоль побережья, большую часть пути продвигаясь у моря...» (Стратановский 1994).

⁴¹ В переводе Ф.Г. Мищенко просто сказано «...часто плыл по морю...» (Страбон 1879, 507); во французском варианте сделан, пожалуй, наиболее точный перевод глагола ἐμβαίω глаголом embarquer (Strabon Géographie 2003/VIII, 51); Scythica et Caucasica 1890, 135; The Geography of Strabo 1903; Strabon's Geographika 2002–2008, 303.

⁴² Reinach 1890, 396–397.

⁴³ Mayor 2010, 333.

Заклучение

Таким образом, на основании рассмотренного фрагмента «Географии» Страбона можно с уверенностью предположить, во-первых, что путь Митридата Евпатора пролегал вдоль побережья Черного моря, а, во-вторых, что варварские народы Северо-Восточного Причерноморья – гениохи и ахеи (ахейцы) – не только оставались лояльны по отношению к понтийскому царю, но и предположительно помогли ему благополучно совершить длинное путешествие от Колхиды до Боспора. В заключение стоит отметить, что Митридат и раньше использовал помощь пиратов⁴⁴, в том числе переправлялся на их «легком судне» (App. Mithr. 78).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, Ю.А. 2001: О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском. В сб.: М.И. Золотарев (ред.), *ANACARSIS*. Севастополь, 65–69.
- Виноградов, Ю.А. 2004: *Там заколосся Митридат... Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI – I вв. до н.э.)*. СПб.
- Габелко, О.Л. 2012: Кое-что новое о родственниках Страбона. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* VI, 143–156.
- Грацианская, Л.И. 1988: «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В сб.: *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1986 год. М., 6–175.
- Дьяконов, И.М. 1981: К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»). В сб.: *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.)*. М., 90–100.
- Дьяконов, И.М. 1994: Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке. *РА* 1, 108–116.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Лавров, И.Л. 1965: О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию. *СА* 3, 223–225.
- Манандян, Я.А. 1939: Круговой путь Помпея в Закавказье. *ВДИ* 4, 70–82.
- Молев, Е.А. 1976: *Митридат Евпатор*. Саратов.
- Молев, Е.А. 1995: *Властитель Понта*. Нижний Новгород.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: Страбон как источник для истории Боспора. В сб.: *Сборник статей в честь В.П. Бузескула*. Харьков, 366–380.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2010: Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.). В кн.: *Античное наследие Кубани*. Т. 2. М., 89–96.
- Страбон 1879: *География в семнадцати книгах*. Перевод с предисловием и указателем Ф.Г. Мищенко. М.
- Страбон 1994: *География в 17 книгах*. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. М.
- Страбон 2009: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. В кн.: Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова и А.В. Подосинов (ред.), *Античные источники*. Т. I. М., 102–123.
- Стратановский, Г.А. 1994: Страбон и его «География». В кн.: *Страбон. География в 17 книгах*. М., 775–790.
- Торнау, Ф.Ф. 2000: *Воспоминания кавказского офицера*. М.
- Шелов, Д.Б. 1980: Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI. В сб.: *Кавказ и Средиземноморье*. Тбилиси, 199–214.

⁴⁴ О помощи киликийских пиратов (App. Mithr. 63, 78, 98; Plut. Luc. 13; Шелов 1980, 202).

- Шелов, Д.Б. 1986: Аппиан – историк Митридатовых войн. В сб.: *Проблемы античной культуры*. М., 113–117.
- Aly, W. 1957: *Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika*. Bonn.
- Biffi, N. 2010: *Scampoli di Mithridatika nella Geografia di Strabone*. Bari.
- Bowersock, G.W. 2013: Strabo and the Memory of Mithridates Eupator. В сб.: *Monumentum Gregorianum*. М., 378–387.
- Duggan, A. 1959: *King of Pontus: the life of Mithradates Eupator*. New York.
- Fabricius, W. 1888: *Theophanes von Mytilene und Quintius Dellius als Quellen der Geographie des Strabon*. Strassburg.
- Magie, D. 1950: *Roman rule in Asia Minor*. Vol. I. Princeton.
- Matyszak, Ph. 2008: *Mithridates the Great. Rome's indomitable enemy*. South York.
- Mayor, A. 2010: *The Poison king*. Oxford.
- McGing, B.C. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden.
- Olbrycht, M.J. 1998: The Cimmerian problem re-examined: the evidence of the classical sources. In: Ptsrusniska, J. and Fear. (eds.), *Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia*. Cracow, 71–99.
- Reinach, Th. 1890: *Mithridate Eupator. Roi du Pont*. Paris.
- Reinach, Th. 1895: *Mithradates Eupator. König von Pontos*. Leipzig.
- Scythica et Caucasica 1890: *Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе*. Собрал издал с русским переводом В.В. Латышев. Т. 1. Греческие писатели. СПб.
- Strabo 1877: *Geographica*. Leipzig.
- Strabon 2003: *Géographie*. Texte établi et traduit par François Lasserre. T. VIII. Paris.
- Strabonis Geographica 1852: Recens. Vol. II. Berolini.
- Strabons Geographika 2002–2008: Hrsg. v. S. Radt. Bd. III. Göttingen.
- The Geography of Strabo* 1903: *Literally translated, with notes, in three volumes*. London.
- The Geography of Strabo* 1917–1932: H.L. Jones (ed. and transl). Vol. I–VIII. Harvard.

REFERENCES

- Aly, W. 1957: *Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika*. Bonn.
- Biffi, N. 2010: *Scampoli di Mithridatika nella Geografia di Strabone*. Bari.
- Bowersock, G.W. 2013: Strabo and the Memory of Mithridates Eupator. В сб.: *Monumentum Gregorianum*. Moscow, 378–387.
- Duggan, A. 1959: *King of Pontus: the life of Mithradates Eupator*. New York.
- D'yakonov, I.M. 1981: K metodike issledovaniy po etnicheskoy istorii («kimmeriytsy»). In: *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti*. Moscow, 90–100.
- D'yakonov, I.M. 1994: Kimmeriytsy i skify na Drevnem Vostoke. *Rossiyskaya arkheologiya* 1, 108–116.
- Fabricius, W. 1888: *Theophanes von Mytilene und Quintius Dellius als Quellen der Geographie des Strabon*. Strassburg.
- Gabelko, O.L. 2012: Koe-cto novoe o rodstvennikakh Strabona. *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* VI, 143–156.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya. In: *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya*. 1986 god. Moscow, 6–175.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Novye nadpisi iz Fanagorii. *Vestnik drevney istorii* 1, 227–243.
- Lavrov, I.L. 1965: O puti vtorzheniya kimmeriytsev v Perednyuyu Aziyu. *Sovetskaya arkheologiya* 3, 223–225.

- Magie, D. 1950: *Roman rule in Asia Minor*. Vol. I. Princeton.
- Manandyan, Ya.A. 1939: Krugovoy put' Pompeya v Zakavkaz'e. *Vestnik drevney istorii* 4, 70–82.
- Matyszak, Ph. 2008: *Mithridates the Great. Rome's indomitable enemy*. South York.
- Mayor, A. 2010: *The Poison king*. Oxford.
- McGing, B.C. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden.
- Molev, E.A. 1976: *Mitridat Evpator*. Saratov.
- Molev, E.A. 1995: *Vlastitel' Ponta*. Nizhniy Novgorod.
- Olbrycht, M.J. 1998: The Cimmerian problem re-examined: the evidence of the classical sources. In: Ptsrusniska, J. and Fear. (eds.), *Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia*. Cracow, 71–99.
- Reinach, Th. 1890: *Mithridate Eupator. Roi du Pont*. Paris.
- Reinach, Th. 1895: *Mithradates Eupator. König von Pontos*. Leipzig.
- Rostovtsev, M.I. 1913–1914: Strabon kak istochnik dlya istorii Bospora. In: *Sbornik statey v chest' V.P. Buzeskula*. Hrar'kov, 366–380.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh*. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2010: Pozdneellinisticheskii i rimskiy periody (I v.do n.e. – seredina III v n.e.). In: *Antichnoe nasledie Kubani*. T. 2. Moscow, 89–96.
- Scythica et Caucasica 1890: *Izvestiya drevnih pisatelej, grecheskih i latinskih, o Skifii i Kavkaze*. Sobral izdal s russkim perevodom V.V. Latyshev. T. 1. Grecheskie pisateli. Saint-Petersburg.
- Shelov, D.B. 1980: Kolkhida v sisteme Pontiyskoy derzhavy Mitridata VI. In: *Kavkaz i Sredizemnomor'e*. Tbilisi, 199–214.
- Shelov, D.B. 1986: Appian – istorik Mitridatovykh voyn. In: *Problemy antichnoy kul'tury*. Moscow, 113–117.
- Strabo 1877: *Geographica*. Leipzig.
- Strabon 1879: *Geografiya v semnadsati knigahr*. Perevod s predisloviem i ukazatelem F.G. Mishchenko. Moscow.
- Strabon 1994: *Geografiya v 17 knigahr*. Perevod, stat'ya i kommentarii G.A. Stratanovskogo. Moscow.
- Strabon 2003: *Géographie*. Texte établi et traduit par François Lasserre. T. VIII. Paris.
- Strabon 2009: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiya. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova i A.V. Podosinov (red.), *Antichnye istochniki*. T. I. Moscow, 102–123.
- Strabonis Geographica* 1852: Recens. Vol. II. Berolini.
- Strabons Geographika* 2002–2008: Hrsg. v. S. Radt. Bd. III. Göttingen.
- Stratanovskiy, G.A. 1994: Strabon i ego «Geografiya». In: *Strabon. Geografiya v 17 knigahr*. Perevod, stat'ya i kommentarii G.A. Stratanovskogo. Moscow, 775–790.
- The Geography of Strabo* 1903: *Literally translated, with notes, in three volumes*. London.
- The Geography of Strabo* 1917–1932: H.L. Jones (ed. and transl). Vol. I–VIII. Harvard.
- Tornau, F.F. 2000: *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera*. Moscow.
- Vinogradov, Yu.A. 2001: O dvukh pobedakh Neoptolema na Bospore Kimmeriyskom. *ANACARSIS*. Sevastopol'. 65–69.
- Vinogradov, Yu.A. 2004: *Tam zakololsya Mitridat... Voennaya istoriya Bospora Kimmeriyskogo v dorimskuyu epokhu*. Saint-Petersburg.

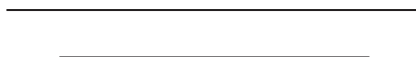
THE RETREAT OF MITHRIDATES EUPATOR TO THE BOSPORUS
(STRABO XI. 2. 13)

Andrey P. Voskresenskiy

Lomonosov Moscow State University, Russia,
gu-u-m@mail.ru

Abstract. The article examines the retreat of Mithridates Eupator through the eastern coast of the Black sea after the defeat of Pompey during the Third Mithridatic War. The question under consideration is the route of this campaign, and what role was played by local barbarians – the Heniochi, the Zygi and the Achaei (the Achaeans). The author carefully studies the written sources – evidence of Appian, Plutarch and, above all, Strabo, and finds sometimes a contradiction, in particular, concerning the route of campaign and the relationship between Mithridates and the barbarians. In addition, the author compares different translations and editions of Strabo's passage (XI. 2. 13), chosen as the main object of study. The author comes to the conclusion that the path of Mithridates ran along the coast and was unlikely to be solely on the land. On this basis, the author rejects the assumption by A. Mayor that Mithridates entered the northern Black sea region through the Daryal gorge and accepts the point of view of Reinach that the Pontic king was probably assisted by Heniochi, who gave him their pirate boats ("camarae") for successful overcoming of obstacles on the Eastern coast of the Pontus.

Key words: Strabo, Mithradates Eupator, Heniochi, Zygi, Achaei, camarae, eastern coast of Black Sea

Племенной мир

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 91–109
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 91–109
©Автор(ы) 2016

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА*

Е.Г. Дэвлет*, М.А. Дэвлет**

* *Институт археологии РАН, Москва,*
eketek@yandex.ru

** *Институт археологии РАН, Москва,*
ia-ran@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется значительный пласт мифологических мотивов, отраженных в изображениях на скалах различных регионов Северной Евразии, прослежены некоторые универсальные мотивы, иконография которых сопоставлена с архаической устной традицией.

Космогонические мифы – мифы о творении, о происхождении вселенной – у различных народов мира составляют центральную группу. Основное содержание космогонических мифов – переход от первоначального хаоса к космосу, создание упорядоченной, организованной вселенной. Одиночные изображения на скалах и группы, которые могут иметь композиционную связь, при сопоставлении с фольклорными сюжетами гипотетически возможно интерпретировать как изложение символическим языком в зримых образах космогонического мифа, повествующего о сотворении вселенной. В этом мифе находят отражение определенные представления об окружающем пространстве – модели мира.

Для мифопоэтического сознания характерен образ мирового дерева, также представленный в наскальном искусстве и воплощающий универсальную концепцию мира.

Зооморфные образы. Серии синкретических существ – фантастический зверь-чудовище драконо- или медведеподобный, животные с лучистыми дисками на головах – в

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь ИА РАН.

Дэвлет Марианна Арташировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела бронзового века ИА РАН.

* Работа выполнена в рамках проекта программы ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы».

наскальном искусстве Евразии интерпретируются как связанные с солярными культами образы, в том числе с сюжетом о преследовании, космической погоне за светилом.

Солярные изображения. Символы, обозначающие солнце, луну, реку – созвездия, указывают на существование разработанной системы солярных культов у древнего населения Евразии. Традиционная солярная символика в искусстве наскальных изображений получает наибольшее распространение в эпоху бронзы.

Транспортные средства. С представлениями о структуре вселенной можно связать изображения лодок, фантастических повозок с колесами в виде солярных символов, спиралей. Транспортные средства соотносятся с мотивами небесной погони, переправы в другой мир и пр.

Антропоморфные космогонические персонажи. В наскальном искусстве Евразии, главным образом на Енисее и в Казахстане, изображались огромные антропоморфные фигуры (великаны) гипертрофированно удлинённых пропорций. Представлены и образы женщин, интерпретируемые как значимые для понимания родовых связей. Изображался и охотник-лучник, выступающий как культурный герой; его образ может быть связан с мотивом преследования солнца.

Ключевые слова: наскальные изображения, петроглифы, мифология, семантика, картина мира, Евразия

Введение

Наскальное искусство Евразии даёт богатейший изобразительный материал, воссоздающий архаические мифологемы. Ответ на вопрос о том, какой смысл и содержание вкладывали древние художники в свои творения, не может быть однозначным. Этнографические параллели позволяют предполагать широкий спектр мотиваций и смыслов, заложенных в произведения первобытного творчества. Одно из направлений исследования – мифологическая интерпретация памятников наскального искусства. Раскрытие семантики застывших на каменных полотнах мифологических сюжетов ставит исключительно сложную задачу перед исследователями наскального искусства. Неизбежно возникают вопросы, которые все ещё ждут своего ответа: каковы закономерности перехода одного вида искусства в элементы другого; каково соотношение изобразительного искусства и литературы, первоначально устной, затем, на более поздних этапах, зафиксированной в памятниках письменности?

Космогонические мифы – мифы о творении, о происхождении вселенной – у различных народов мира составляют центральную группу. Основное содержание космогонических мифов – переход от первоначального хаоса к космосу, создание упорядоченной, организованной вселенной. Одиночные изображения на скалах и группы, которые могут иметь композиционную связь, при сопоставлении с фольклорными сюжетами гипотетически возможно интерпретировать как изложение символическим языком в зримых образах космогонического мифа, мифа о сотворении вселенной, в котором находят отражение определённые представления об окружающем пространстве – модели мира.

Образ мирового дерева, воплощающего универсальную концепцию мира, характерен для мифопоэтического сознания. Исследователь Ю.Е. Березкин рассматривает теорию мирового дерева как центрального образа мифологии. «Договоримся, – пишет он, – что мировым деревом мы станем называть вертикальную

ось в воображаемой картине мира, которая связывает несколько ярусов мироздания и при этом мыслится твердой (т.е. это не солнечный луч и не столб дыма). Именно такое значение было для данной концепции исходным <...> Ярусы, о которых идет речь, могут быть представлены преисподней, землей и небом либо землей и несколькими небесами. Существенно, что древо проходит сквозь ярусы, служит их стержнем, а не просто касается небосвода»¹. Ю.Е. Березкин находил отражение указанной теории в словесных текстах и в различных произведениях искусства древности, в том числе в наскальных изображениях. С помощью мирового дерева во всем многообразии его культурно-исторических вариантов, включая такие его трансформации, как «ось мира» «мировая гора», лестница, колонна, храм и т.п., сводятся воедино общие бинарные оппозиции, служащие для описания основных параметров мира (рис. 1). С мировым деревом, соединяющим три сферы вселенной, в эпосе отождествлялась коновязь. Столб, служащий прообразом мирового дерева, связующим звеном между небом и землей, обожествлялся. В наскальном искусстве композиция «кони у мирового дерева» бывает представлена в виде пары животных, расположенных по обе стороны столба с двойной или тройной развилкой на конце. В этих фигурах можно узнать изображения лошадей. Эти противостоящие друг другу животные показаны привязанными к столбу-коновязи. Как показал Я.А. Шер, с изобразительной мифологемой «кони у мирового дерева» связан образ «Господина коней»².

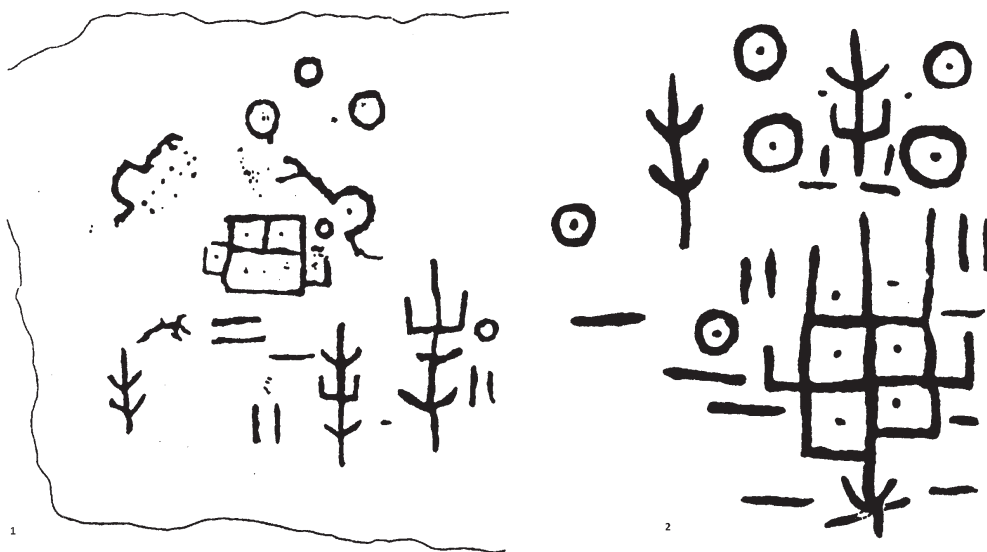

Рис. 1. Композиции на горе Сулайман-Тоо, Кыргызстан (прорисовка Е. Дэвлет)

¹ Березкин 2014, 243–244.

² Шер 2004, 41.

Памятники наскального искусства, на которых запечатлены древние графические символы, обозначавшие солнце, луну и звезды, свидетельствуют о существовании разработанной системы солярных культов у древнего населения Евразии. Традиционная солярная символика в искусстве наскальных изображений получает наибольшее распространение в эпоху бронзы, хотя встречается вплоть до наших дней на этнографических предметах и детских рисунках.

Символ-знак дневного светила входил в состав наскальных композиций, иллюстрирующих мифы об умирающем и воскресающем солнце, о противоборстве света и тьмы, об извечной космической погоне, когда фантастический зверь-чудовище, олицетворяющий в конкретном образе подземное царство вечного мрака, преследует и пытается поглотить сияющий диск (рис. 2). Дневное светило, в свою очередь, скрывается на западе и, превратившись в ночное подземное солнце, совершает свой путь в нижнем мире с тем, чтобы вновь возродиться на востоке. Небесные светила не только скрываются в определенное время суток, но также поглощаются грозовой тучей или затмением. Поверья, относящиеся к затмениям, единообразны в мифологии многих народов мира. Это небесное явление вызывало в людях ужас и предчувствие конца света. Миф описывает затмение в виде пожирания и освобождения чудовищем светил.

На писаницах из Западной Сибири синкретические существа-преследователи медведеподобны, из Восточной Сибири – драконоподобны. Миф о драконе универсален. Дракон – существо тьмы, но он постоянно стремится к источнику света, в качестве которого может выступать сверкающий драгоценный камень, луна или солнце.

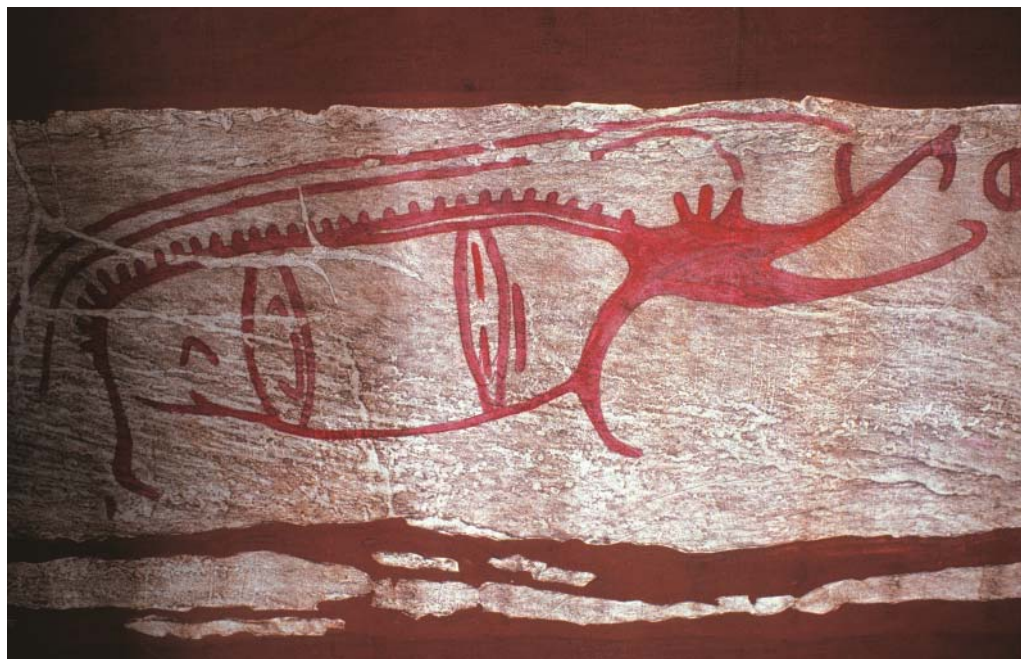

Рис. 2. Фантастический хищник и солярный символ, Шишкино, Верхняя Лена (фото Б. Дмитриева микалентной копии В. Капелько)

Первобытные философы нередко представляли солнце в виде зверя – гигантского лося. В древнейшем варианте мифа нижнеангарских эвенков в роли охотника за солнечным лосем (оленом) выступает небесный медведь Манги. В этом варианте мифа сцена космической охоты трактуется так: Манги гонится по небосклону с востока на запад за солнечным лосем (оленом), настигает и убивает его. «Млечный путь – это след лыж Манги. Созвездие Большой Медведицы – недоеденные медведем ноги лося <...> О древности образа Манги свидетельствует то, что в мифе он дается в виде существа двойной природы – полумедведя-получеловека: внешне он медведь, но гонится за солнечным лосем подобно человеку на лыжах»³.

Среди наскальных рисунков эпохи бронзы Саяно-Алтая и Центральной Азии четко выделяется небольшая, но характерная группа изображений, связанных единством сюжета. Это фигуры животных с лучистыми дисками на головах. Здесь сливаются в синкретическом образе реально существовавшие виды животных и стилизованные условные символы – знаки небесного дневного светила. Лучистый диск – символ солнца – помещался иногда на голове животного вместо рогов, иногда на концах рогов, он венчал голову даже такого безрогого животного, как кабан. Это обстоятельство дает основание предполагать, что солнечный символ не заменял рога, а нес на себе иную смысловую нагрузку.

С солярной символикой, вероятно, связаны изображения козлов и баранов с утрированно большими дугообразными рогами, на которых поперечные валики иногда напоминают лучи. Встречаются фигуры животных с рогами самых причудливых очертаний, не имеющими прототипов в реальной действительности. Среди воспроизведений животных, наделенных фантастическими чертами, известны такие, чьи образы формировались путем умножения отдельных частей тела. Это многогогие, многоухие и т.п. зооморфные существа. Подобные ирреальные образы известны также и в фольклоре коренных народов Азии. Это хтонические создания нижнего мира или же волшебные персонажи, олицетворяющие светлые небесные силы. Например, верхом на девятирогом черном быке ездит владыка подземного царства Эрлик. В осетинском эпосе приводится описание многорогого оленя: «Лучи солнца падали на восемнадцатирогого оленя <...> шерсть его была золотая»⁴. В алтайском героическом сказании «Маадай-Кара» повествуется о волшебной кобылице, которая была «четвероуха и быстра». Среди наскальных рисунков иногда встречаются изображения крылатых животных.

Наблюдение за поведением Большой Медведицы издавна использовалось для слежения за видимым перемещением Солнца в течение года, для вычисления наступления сезонов в связи с промыслово-хозяйственной деятельностью. Большая Медведица – циркумполярное созвездие, которое не заходит за горизонт. Оно вращается вокруг Северного небесного полюса. А.В. Лушникова пишет: «Идея сезонных перемен и годичный кругооборот Солнца, сопровождающийся изменением в положении ковша Большой Медведицы, отразились в мифах о небесном преследовании Лося-Большой Медведицы охотником-медведем Манги-Волопасом, который гонится за Большой Медведицей вокруг полюса и через времена года»⁵.

³ Анисимов 1958, 71.

⁴ Абаев 1979, 15.

⁵ Лушникова 2004, 120–122.

Рис. 3. Композиция с солнцеголовыми, Тамгалы, Казахстан (фото Б. Железнякова)

Специфический сюжет петроглифов составляют «солнцеголовые» – своеобразные, причудливо трактуемые антропоморфные фигуры, получившие свое название благодаря тому, что их головы своими очертаниями напоминают знаки-символы небесного светила (рис. 3). Головы фантастических, человекоподобных существ окружают нимбы-ауры, обозначенные расходящимися от контура в разные стороны черточками-лучами, concentрическими окружностями, а также скоплением точек. Эти изобразительные элементы встречаются отдельно или в различных сочетаниях, каждый из них и все вместе они символизируют, надо полагать, сияние солнцеподобного лика⁶.

Представляется, что расшифровать семантику изображений «солнцеголовых» позволяют и тибето-монгольские термины сакральности. Так, термин «харизма», который встречается в «Сокровенном сказании», употребляется в XIII в. при обозначении сакральной субстанции правителя, которая по представлениям современников была связана с солнцем и проявлялась в виде сияния или нимба⁷. Вероятно, это понятие восходит к древнейшим наскальным мотивам, и лучистый диск антропоморфных персонажей петроглифов

связан, скорее всего, с представлениями об ауре или нимбе солнцеголовых божеств.

В мифе о космической погоне образ чудовища, преследующего солнце, с течением времени замещался образом небесного охотника или другим антропоморфным персонажем. По преданию, шестиногий лось обитал на небе и мчался так быстро, что никто не мог его догнать. Мифический герой был обеспокоен тем, что люди не смогут охотиться на шестиногого лося. Он стал преследовать его на лыжах из священного дерева, согнал с неба на землю и отрубил две лишние ноги. Осталось у лося четыре ноги, и он превратился в обычного зверя, после чего люди получили возможность на него охотиться. Небесный охотник с той поры поселился на земле, но на небе запечатлелись его следы. Миф о небесной охоте на лося или оленя, подобно мифу о космической погоне, нашел образное воплощение в наскальном искусстве. Писаница на р. Мая, правом притоке Алдана, выполнена охрой. На ней представлены лоси – самец и самка – на которых охотится лучник. Под брюхом у самки помещено изображение солнечной лучистой личины. На Быркинской писанице в Приаргунском районе Читинской области представлено животное (с утраченной головой), под брюхом которого помещена лучистая личина, рядом другая личина с расходящимися в стороны черточками-лучами. Ее касается рукой антропоморфный персонаж меньших размеров. Возможно, здесь

⁶ Дэвлет, Дэвлет 2005; Рогожинский 2011; Швец 2014.

⁷ Скрынникова 1989, 181–185.

древний художник изобразил охотника Мани, несущего в руках людям солнце. Миф о лучнике – спасителе человечества, стреляющем в несколько солнц, – это миф о нарушении и восстановлении гармонии в природе. Он получил распространение во множестве вариантов на территории Северной, Центральной и Восточной Азии.

Старинную легенду о космическом стрелке Кадо и деве Мамилджи уже в наши дни услышал от старика-нанайца и записал А.П. Деревянко: «Это было давно, давно. В начале света... Кадо сказал: “Есть три солнца на небе. Жить слишком горячо. Я хочу застрелить два солнца!” И он пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелили его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье – убил. Одно среднее осталось. Вода кипела – горой стала. Гора кипела – речкой стала. А пока камни не остыли, Мамилджи нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твердыми...»⁸. В мифологии монголов, тувинцев, алтайцев охотник-лучник выступает как культурный герой. Он сбивает из лука несколько первозданных солнц. Не попав в последнее, он превращается в сурка. В Саянском каньоне Енисея на святилище Мугур-Саргол (камень 283) имеется изображение созвездия Большой Медведицы. В верхней части огромной скальной плоскости с петроглифами, в окружении многочисленных точечных углублений, ямок-лунок, представлено изображение солнца в виде концентрических окружностей с точкой в центре и расходящимися радиально линиями-лучами⁹. На камне 283 Мугур-Саргола находятся еще два лучистых диска меньших размеров. В них видят изображения первозданных трех солнц, два из которых, согласно древним поверьям, убил стрелок – культурный герой, защитивший человечество от нестерпимой жары.

Миф о нескольких солнцах и космическом стрелке мог быть навеян такими необычными оптическими явлениями, как паргелии – один из видов гало, когда по обе стороны от небесного светила на небе появляются светлые пятна – ложные солнца, так называемые «солнечные собачки». Этот любопытный феномен возникает вследствие преломления и отражения лучей в ледяных кристаллах, взвешенных в тонком слое перистых облаков. Образное восприятие дневного светила и звездного неба нашло отражение не только в наскальном искусстве, но и в фольклорных произведениях.

Богиня-мать в большинстве мифологий мира являлась главным женским божеством. Мифологические образы матерей-родоначальниц принято относить к общечеловеческим сюжетам, возникшим в древности на определенной ступени развития первобытного общества. Образ прародительницы находил свое конкретное воплощение в искусстве разных эпох и регионов, в многообразных вариантах трактовок. Среди наскальных изображений Алтая и Центральной Азии обращают на себя внимание серии стилизованных схематичных антропоморфных фигур, расположенных фронтально, с воздетыми к небу руками, иногда трехпалыми (рис. 3). Женский пол персонажей иногда маркируют груди, обозначаемые точками или отходящими в стороны от туловища отростками. Нижняя часть фигур обычно оформлялась в виде вытянутых прямоугольников с короткими боковыми сторонами, которые представляли одежду, напоминающую широкую юбку, чаще

⁸ Деревянко 1986, 149; Гацак, Деревянко, Соктоев 1990, 22–23.

⁹ Дэвлет 1980, табл. 61.

всего полосатую или клетчатую. Мифологический образ женщины в ритуальных одеяниях на Древнем Востоке нашел отражение в различных памятниках искусства. По мнению Ю.Н. Есина, сводить иконографически разные рисунки окуневской культуры к образу одной богини вряд ли правильно. Скорее всего, в окуневской ритуально-мифологической системе имелись различные женские божества с разными функциями, как в древнеиндийской, греческой, переднеазиатских и других мифологиях¹⁰. Такие изображения в древневосточном искусстве приобрели характер канона.

В различных азиатских регионах открыты серии наскальных рисунков, представляющих собой рожаящих женщин, изображенных порой довольно натуралистично – на корточках, с широко раздвинутыми ногами, между которыми иногда показан плод. Фигуры рожениц, бывает, составляют целые пирамиды из нескольких поколений. В таких случаях ноги верхней фигуры одновременно являются руками нижней. В подобных композиционных построениях, где человеческие тела, последовательно соединенные, переходят одно в другое, нашли графическое отражение женское созидательное начало и идея бесконечности поколений. На многих памятниках наскального искусства обнаружены «женские» знаки. В большинстве случаев это перевернутый треугольник – знак, трактуемый как женский символ, представляющий «Великую мать»¹¹.

Для мифологий различных народов мира было универсально представление о первоначальном разделении хаоса на две половины – мужскую (культурную, позитивную) и женскую (дикую, негативную) и, соответственно, о возникновении неба и земли, праотца и праматери. Анализ древних текстов и изобразительных формул позволяет предполагать существование древнейшего мифологического мотива единства неба и земли в качестве прародителей всего сущего, некой супружеской пары, которую можно условно назвать «Мать-Сыра Земля и Отец-Небо»¹². Отца-небо нередко представляли в образе лунорогого быка. Проливаясь дождем, семя небесного быка оплодотворяет землю-мать.

В представлениях древнего человека бык ассоциировался с производящим мужским началом, с мужским божеством или его атрибутом. Как отмечал В.Д. Кубарев, бык был «своего рода символом сверхчеловеческой мощи, обычным жителем богов. Бык мог быть ездовым животным сверхъестественного существа, которое изображалось верхом на нем»¹³. Для ряда скотоводческих народов было характерно мифологическое и обрядовое отождествление мужчины и быка. Во многих изобразительных традициях раскинутые руки женских персонажей и рога быков передавали одну и ту же метафору лунного серпа. Исследователи неоднократно отмечали семантическую связь между изображениями быков и женских божеств. На скалах Енисея фигуры рожаящих женщин, матерей-родоначальниц бывают сопряжены с изображениями быка. В таких композициях усматривают графическое воплощение мифа о тотеме-прародителе и женщине – его брачной партнерше.

¹⁰ Есин 2010, 102.

¹¹ Советова, Ладыгина 2015, 151.

¹² Бледнова, Вишняцкий, Гольдшмидт и др. 1998, 90.

¹³ Кубарев 2011, 27.

В 1988 г. на скалах Бижикиг-Хая в Туве была открыта композиция петроглифов. Там представлены три женщины в длинных одеяниях, в молитвенных позах, с воздетыми к небесам руками, к ним направляются три быка. Можно предположить, что это три потенциальные брачные пары. Представляется, что женщины совершают моления, обращенные к небесам, произносят магические заклинания, а священные быки, откликнувшись на призыв, направляются к ним. К подобным обрядам призывания причастны, надо полагать, высшие силы: в композиции присутствует изображение птицы, маркирующей верхние ярусы вселенной. Помимо птицы, в композицию включена личина-маска, подобная тем, которые в алтарной части святилища Мугур-Саргол помещались в верхнем ярусе «иконостаса», являющего собой модель вселенной. «Моление о быке» или «Заклинание быка» – так можно было бы назвать данное изображение.

В поздних мифологических традициях образ зверя постепенно вытесняется, становится характерным «священный брак» между антропоморфными персонажами. На скалах представлены сцены, в которых в эротических позах показаны женщина и мужчина. Рядом с матерями-родоначальницами изображались профильные, стилизованные, крайне условные фаллические фигурки. Среди множества вариантов сцен соития с участием двух антропоморфных персонажей выделяется зафиксированная в различных частях центральноазиатского региона композиция, включающая третьего участника. Это вооруженный мужчина, поражающий брачных партнеров, – антиподально расположенные человеческие фигуры. Мужчина агрессивен по отношению к сопернику и его избраннице, он стреляет из лука или бьет их по голове дубинкой или чеканом, всячески мешая половому акту. В.Д. Кубарев назвал подобные композиции «любовным треугольником»¹⁴. Проблеме оценки иконографии разнополых персонажей в наскальном искусстве и особенностей их иконографии посвящена статья Д.В. Черемисина, не без иронии названная «Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы (“женщина-дом” и “одноногий” у порога)»¹⁵.

Огромные антропоморфные фигуры гипертрофированно удлиненных пропорций, встречающиеся среди персонажей наскального искусства Евразии, главным образом на Енисее и в Казахстане, О.С. Советова предложила трактовать как изображения мифических великанов. Исполины обычно не одиноки, они сражаются с человечками, которые значительно уступают им в размерах. В наиболее древних пластах мифопоэтической традиции существование подобных антропоморфных персонажей приурочивается к периоду до завершения творения. Позднее, утратив черты первосуществ, гиганты выступают в роли чудовищ-вредителей, их свойствами наделяются злые персонажи архаического эпоса, действующие обычно на стороне врагов богатыря. Среди них группа существ, превосходящих прочих размерами и наделенных хтоническими качествами. Это гиганты, мангысы, шулбусы, исполины, пожиратели всего живого, олицетворяющие зло и враждебные герою силы. Иногда великаны трактуются как некий враждебный народ. Батальные сцены на скалах горы Тепсей на среднем Енисее О.С. Советова рассматривает именно с этой позиции, т.е. как сцены противоборства двух племен – «своих» и «чужих». Низкорослые противники великанов выглядят решительными и отваж-

¹⁴ Кубарев 2000, 315–316.

¹⁵ Черемисин 2015, 79–93.

ными, смело несущимися навстречу врагам¹⁶. Создавая наскальную композицию, первобытный художник, возможно, хотел показать, что с великанами борются божества или культурные герои.

В Семиречье на скалах Ешкиольмес, на правом берегу р. Коксу обнаружены сцены сражений людей и гигантов¹⁷. Особенно впечатляет нарочито преувеличенная фигура, огромная по сравнению с атакующими ее лучниками, мощная, неуклюжая, нелепая, с когтями на пальцах рук и ног. Гигант склонился над обступившими его маленькими воинственными человечками и как бы в недоумении, с любопытством рассматривает их. Следует согласиться с мнением исследователей петроглифов Семиречья, что «этот мотив является, несомненно, уникальной иллюстрацией к древнему мифу»¹⁸.

В горном массиве Оглахты на среднем Енисее обнаружены каменные плитки, на которых выбиты и вырезаны изображения – произведения традиционного хакасского народного творчества. На одной из них в точечной технике представлена антропоморфная фигура с семью головами¹⁹. На конце длинной шеи помещается «главная», центральная голова в виде точки. Еще шесть подобных точек-голов завершают отростки, ответвляющиеся от единой шеи. В фольклорных произведениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии одним из самых известных богатырей подземного мира был семиглавый великан Делбеген (Дьельбеген, Ельбегень, Тельбегень, Чельбиген), в шаманистской мифологии выступающий в свите властителя подземного царства Эрлика. Людоед Делбеген, подобно Эрлику, перемещается не на коне, а на синем быке (конь – священное животное, на нем могли ездить только богатыри.). Великан вооружен «луноподобной секирой», питается змеями и лягушками, в поисках более крупной добычи – людей – он нападает на мирные стойбища, насылая болезни на живых. Людоед магически неуязвим. Чтобы одержать над ним верх, герой богатырским щелчком «по сrostку голов» сбивает все семь голов.

Из древних мифов образ великана перекочевал в героический эпос, основной пласт которого формировался, по мнению большинства исследователей, в раннем средневековье, однако наиболее ранние образцы сказаний существовали уже в I тысячелетии до н.э. и были запечатлены на скалах.

Широко известен в фольклорных произведениях образ лебедя, встречается он и в наскальном искусстве Северной Азии (рис. 4, 5)²⁰. Лебедь выступает не только как символ чистоты, целомудрия, гордого одиночества, пророческих способностей, совершенства, но и смерти. На оз. Байкал, в бухте Саган-Заба, на прибрежных скалах выбиты изображения лебедей. С ними А.П. Окладников связывал легенду о прародительнице хоринских бурят, в основе которой лежит один из «странствующих», или мировых сюжетов, известный в различных вариантах. Мифопоэтическая традиция повествует о превращении лебедя в девушку и обратно в лебедя. В общих чертах она сводится к тому, что лебедь оставляет на берегу волшебную одежду из перьев и, обернувшись девицей, купается в море, озере

¹⁶ Советова 1990, 173.

¹⁷ Марьяшев, Горячев 2002, рис. 179–180.

¹⁸ Марьяшев, Рогожинский 1991, 40.

¹⁹ Кызласов, Леонтьев 1980, табл. 31, 1.

²⁰ Окладников 1971, 1974; Дэвлет, Ласкин 2015.

Рис. 4. Изображение лебедей, Шереметьево, р. Усури (фото Е. Дзвлет)

Рис. 5. Изображения лебедей (гусей-?), Шереметьево, р. Усури (фото И. Георгиевского)

Рис. 6. Изображение лошади с личиной на корпусе, Сакачи-Алян, Нижний Амур (фото И. Георгиевского)

или реке. Юноша пленен ею и похищает ее одежду. Она же, не имея возможности вернуть себе прежний облик, становится его женой, ставя при этом условие табуистического характера. В дальнейшем юноша нарушает запрет, его жена вновь обретает одежду из перьев и, превратившись в лебедя, улетает навсегда. В легенде о происхождении хоринских бурят лебедь выступает в качестве тотема. Предками хоринских бурят считается небесная дева-лебедь и мифический герой Хоридой, сын шаманки Ауйхан и быка-прародителя Буха-нойона.

Среди амурских петроглифов имеется уникальный для наскального искусства образец – лошадь с человеческим черепом на корпусе (рис. 6)²¹. В «Сказании о голове», записанном более ста лет назад, повествуется о том, что «в одной фанзе жила голова мужчины без туловища; она всегда лежала на нарах. Прошло много лет. Однажды к фанзе прибежал конь, вбежал в фанзу, обежал кругом несколько раз и, остановившись перед головой, заржал. Голова начала качаться, затем покатила по нарам и скатилась на спину коню; конь опять заржал и умчался с головой вниз по Амуру»²². Далее голова претерпевает различные злоключения, в результате которых она, по-видимому, превращается в сказочного героя. Миф о черепе, который ведет самостоятельную жизнь без тела, известен и у других, соседних с амурскими племенами, народностей Севера, что свидетельствует о его древности и глубоких исторических корнях²³. О черепках и отрубленных головах, самостоятельно живущих, рассказывается в легендах и сказках разных народов мира. Череповидные личины – важный сюжет петроглифов Сикачи-Аляна на Нижнем Амуре (рис. 7, 8).

Рис. 7. Череповидная личина, Сакачи-Алян, Нижний Амур (фото И. Георгиевского)

²¹ Окладников 1971.

²² Шимкевич 1896, 92, 93.

²³ Окладников 1971, 107.

Рис. 8. Череповидная личина, Сакачи-Алян, Нижний Амур (фото И. Георгиевского)

Образ быка занимал важное место в идеологических представлениях и культурах древнего населения Южной Сибири и Центральной Азии. Подтверждением тому служат археологические и этнографические материалы, а также данные тюрко-монгольского эпоса. В Туве, в местности Оваа-Даш на вершине горы Хайрыкан (бассейн р. Улатай), была найдена плоская каменная плита, на обеих сторонах которой размещались тщательно выполненные изображения быков. На одной стороне представлена фигура комолого быка, на другой изображен бык меньших размеров, но увенчанный парой рогов. Представляется, что основной внутренний смысл изображений на двусторонней плите с горы Хайрыкан заключается в противопоставлении образов комолого и рогатого быков. На вопрос, какое отражение в древних обрядах находила подобная оппозиция, ответить в настоящее время затруднительно. Однако, основываясь на данных этнографии и эпоса, можно высказать предположение, что древнейшие обряды включали в себя ритуальное единоборство быков, олицетворяющих в конкретных образах какие-то противостоящие друг другу высшие силы. Единоборство в эпосе описывается гиперболически: от шума и грохота рушатся горы, реки выходят из берегов, на месте холмов образуются болота, на месте равнин – горы, закрываются лики солнца и месяца, ноги борющихся уходят в землю до колен.

Легенды о шаманах, соперничавших друг с другом, повествуют о том, что сила шамана в борьбе за превосходство заключалась в его содружестве с духами-помощниками. Бык также участвовал в этой борьбе, причем дух-помощник сильного шамана побеждал быка слабого шамана. Для обозначения борьбы шамана с противником якутский сказитель употреблял слово *харсар*, что означает «бодаться» в отношении борьбы только рогатых животных. Подобные представления находили отражение в топонимике. К примеру, одна из речек на севере Якутии получила название, которое переводится с якутского так: «где бодался шаман». При рассмотрении семантики изображений на Хайрыканской плите особенно примечательны сюжеты эпических сказаний об окаменевших после сражения быках. В шаманских легендах, сказаниях и даже, в недавнем прошлом, в детских играх

мы находим отзвуки древних культов и обрядов, связанных с образом быка, которые уходят корнями в эпоху первобытности, в бронзовый век.

Один из аспектов культа быка – обряд жертвоприношения, заключающийся в поединке человека и жертвенного животного, – изучали М.П. Грязнов и Я.А. Шер²⁴. Представляется, что в изображениях на плите с горы Хайрыкан отражен другой аспект культа быка – ритуальное единоборство животных, которое, подобно схватке человека с жертвенным быком, могло стать с течением времени общественным зрелищем.

Мифологический мотив переправы в иной мир является одним из наиболее универсальных. У многих народов считалось, что дух умершего отправляется на тот свет на оленьей упряжке, в колеснице или в лодке. Путь в загробное царство часто ассоциировался с преодолением водной стихии – мировой реки, океана. Известны обряды погребения в ладье в земле, сожжение трупа в ладье или в гробу ладьевидной формы, спуск в лодке по воде тела умершего, оформление надгробного сооружения в виде каменной ладьи. Согласно поверьям манси, властитель загробного мира Куль-отыр, получив от Нуми-Торума списки тех, кто должен умереть, отправляется за ними и перевозит на лодке в загробный мир.

В искусстве петроглифов Евразии лодки и другие плавсредства представлены в значительном числе. Их изображения встречаются в Карелии, на Чукотке, среди наскальных рисунков бассейнов рек Томи, Енисея, Ангары, Лены, Амура и др. Люди, сидящие в лодках, изображались вертикальными короткими черточками, которые иногда завершались утолщениями, обозначающими головы гребцов.

Ладья фигурирует в мифологическом сюжете, известном у многих народов, о переплывании вод нижнего мира и о возвращении в реальный мир. «Ночное» солнце спускается в нижний мир в ладье смерти и возвращается оттуда в ладье воскрешения. Солнце в мифологической традиции пересекает подземные воды само, а души умерших людей переправляет по реке смерти перевозчик: греческий Харон, индийская Сатья-вати, шумеро-аккадский Ур-шанаби и др. В алтайском героическом эпосе на черной лодке без весел ездит владыка подземного царства Эрлик. Культовая ладья в мифологии была необходима для загробного плавания, для вертикального проникновения в верхний и нижний миры. Недаром обские угры в могилы клали лодки, если человек умер летом, и нарты, если зимой.

В мифах бронзового века транспортная функция, подобно ладье, была у колесниц. Наскальные рисунки – своего рода «чертежи» колесниц, по ним удастся проследить различия в конструктивных особенностях образцов колесного транспорта и в элементах упряжи. Это обстоятельство существенно важно, потому что в тех регионах, где на скалах встречаются скопления изображений повозок и колесниц, как правило, остатки реальных образцов колесного транспорта из археологических раскопок отсутствуют. Больше всего изображений повозок обнаружено в Горном Алтае, Тянь-Шане и Монголии. Чаще всего бывают представлены, по данным В.А. Новоженова, колесницы и двуколки, реже – телеги²⁵.

Ритуальное значение колесницы сохранялось не только в обычае отправлять умершего в последний путь на погребальном катафалке, но и в мифологии. Мифические упряжки или же повозки с колесами в виде спиралей известны в на-

²⁴ Грязнов 1977; Шер 1998.

²⁵ Новоженов 2012, 94; 2014.

скальном искусстве Средней Азии и на Енисее. Д.Г. Савинов условно называет «погребальными петроглифами» изображения колесниц (возможно, погребальных) на каменных плитках в карасукской культуре и различного рода «лабиринты», скорее всего, маркирующие дорогу в «потусторонний» мир, из грунтовых тесинских могил²⁶. Встречаются изображения фантастических повозок с непарной упряжкой, где объединены животные, в действительности в качестве тягловой силы несовместимые, к примеру, такие, как баран и лошадь, бык и коза. Я.А. Шеру удалось выделить группу письменных текстов, в которых говорится о «чудесных» ирреальных упряжках. Так, в одном из хеттских текстов речь идет об упряжке, в которой справа запряжена лошадь, а слева – мул. Упоминаются различные фантастические существа. Непарные упряжки описаны в некоторых гимнах «Ригведы» и связаны с братьями-близнецами Ашвинами. Слово *ашвин* в переводе с санскрита означает «обладающий конями». Лошадь упоминается в связи с Ашвинами чаще, чем другие животные. Однако в числе животных, впряженных в колесницу Ашвинов, фигурируют быки, ослы, лебеди, соколы, орлы. В качестве непарных животных упоминаются вол и крокодил, а также осел. На древнегреческих золотых перстнях изображены колесницы, в которые впряжены лев и кабан, конь и сфинкс, олень и сфинкс. На чернофигурной вазе представлена колесница Диониса, в которую впряжены лев, пантера и два оленя. Герой индоевропейского мифа иногда перемещается в повозке, запряженной козлами.

Следует согласиться с выводом Я.А. Шера, писавшего о том, что «петроглифы, особенно относящиеся к дополнительной эпохе, являются одним из средств фиксации и передачи во времени мифологических сюжетов»²⁷.

Заключение

Миф мог быть рассказан, изображен графически, исполнен в виде пантомы. Его устная передача и воплощение в памятниках изобразительного искусства всегда находились в тесном взаимодействии. Однако нельзя однозначно рассматривать памятники древнего изобразительного искусства как иллюстрацию к словесному тексту. Текст фольклорный и «текст» изобразительный кодируют единый художественный образ в разных знаковых системах. Словесный образ с течением времени мог претерпевать изменения, в то время как наскальные рисунки фиксируют художественный образ, сложившийся в представлении создателя петроглифов к моменту нанесения изображения на каменную поверхность. В подобных случаях в наскальном искусстве бывает закодирован хронологический срез основных мифологических представлений. Как и другие изобразительные памятники, наскальные композиции могут представлять неизвестные или сильно отклоняющиеся от засвидетельствованных в письменных источниках версии мифа, стадияльно более ранние, более архаические, имеющие древнейшие традиции и истоки.

²⁶ Савинов 2007, 88–95.

²⁷ Шер 1980, 286.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 2. Л.
- Анисимов, А.Ф. 1958: *Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований*. М.–Л.
- Березкин, Ю.Е. 2014: Об универсалиях в мифологии. В сб.: *Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996-2012 гг.* СПб., 237–252.
- Бледнова, Н.С., Вишняцкий, Л.Б., Гольдшмидт, Е.С., Дмитриева, Т.Н., Шер, Я.А. 1998: *Первобытное искусство: проблема происхождения*. Кемерово.
- Гацак, В.М., Деревянко, А.П., Соктоев, А.Б. 1990: Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и традиции. В кн.: *Эвенкийские героические сказания*. Новосибирск, 10–71.
- Грязнов, М.П. 1977: Бык в обрядах и культах древних скотоводов. В кн.: *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. М., 80–88.
- Деревянко, А.П. 1986: *Ожившие древности*. М.
- Дэвлет, М.А. 1980: *Петроглифы Мугур-Саргола*. М.
- Дэвлет, Е.Г., Ласкин, А.Р. 2015: Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссуре. *Археология, этнография и антропология Евразии* 43, 4, 94–105.
- Есин, Ю.Н. 2010: *Тайна богов древней степи*. Абакан.
- Кубарев, В.Д. 2000: Мифологический сюжет «женщина и зверь» и его эволюция в петроглифах Алтая. В кн.: *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. VI. Новосибирск, 312–317.
- Кубарев, В.Д. 2011: *Петроглифы Калбак-Таши I*. Новосибирск.
- Кызласов, Л.Р., Леонтьев, Н.В. 1980: *Народные рисунки хакасов*. М.
- Лушников, А.В. 2004: *Модель универсума древних календарей*. М.
- Марьяшев, А.Н., Горячев, А.А. 2002: *Наскальные изображения Семиречья*. Алма-Ата.
- Марьяшев, А.Н., Рогожинский, А.Е. 1991: *Наскальные изображения в горах Ешикольмес*. Алма-Ата.
- Новоженков, В.А. 2012: *Чудо коммуникации и древнейшей колесный транспорт Евразии*. Москва–Таус.
- Новоженков, В.А. 2014.: *Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии*. Алматы.
- Окладников, А.П. 1971: *Петроглифы Нижнего Амура*. Л.
- Раевский, Д.С. 1985: *Модели мира скифской культуры*. М.
- Рогожинский, А.Е. 2011: *Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы*. Алматы.
- Розвадовский, А. 2014: Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика. *Теория и практика археологических исследований* 2 (10), 57–71.
- Савинов, Д.Г. 2007: Ритуальный предмет / изображение (о дифференцированном подходе к изучению). В кн.: *Миф, обряд и ритуальный предмет в древности*. Екатеринбург–Сургут, 88–95.
- Скрынникова, Т.Д. 1989: Термины сакральности: тибето-монгольские параллели. В сб.: *Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 1*. М., 181–185.
- Советова, О.С. 1990: К вопросу о семантике среднеенисейских петроглифов скифского времени. В кн.: *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 168–173.
- Советова, О.С., Ладыгина, Ю.М. 2015: Тема плодородия в наскальном искусстве Минусинской котловины. *Вестник Кемеровского ГУ* 2 (62). Т. 6, 151–156.

- Черемисин, Д.В. 2015: Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий» у порога). В сб.: С. Хансена, В.И. Молодина (ред.), *Искусство бронзового века. Материалы междунар. симпозиума*. Новосибирск.
- Швец, И.Н. 2014.: Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы. В кн.: В.А. Новожинов, А.В. Епимахов (ред.). *Таинство этнической истории древнейших nomadov степной Евразии*. Алматы, 294–299.
- Шер, Я.А. 1980: *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М.
- Шер, Я.А. 1998: Коррида. В кн.: *Первобытное искусство*. Кемерово, 95–100.
- Шер, Я.А. 2004: Спорные вопросы изучения первобытного искусства. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (18). Новосибирск, 36–52.
- Шимкевич, П.П. 1896: *Материалы для изучения шаманства у гольдов*. Хабаровск.
- Devlet, E.G., Laskin, A.R. 2015: Petroglyphs of Khabarovsk territory: the impact of the 2013 Amur and Ussuri flooding. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 43, 4, 94–105.

REFERENCES

- Abaev, V.I. 1979: *Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka*. T. 2. Leningrad.
- Anisimov, A.F. 1958: *Religija jevenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problema proishozhdenija pervobytnyh verovanij*. Moscow–Leningrad.
- Berezkin, Ju.E. 2014: Ob universalijah v mifologii. In: *Aktual'nye problemy izuchenie arhaiki: Materialy teoreticheskogo seminara «Teorija i metodologija arhaiki» 1996-2012 gg.* Saint-Peterburg, 237–252.
- Blednova, N.S., Vishnjackij, L.B., Gol'dshmidt, E.S., Dmitrieva, T.N., Sher, Ja.A. 1998: *Pervobytnoe iskusstvo: problema proishozhdenija*. Кемерово.
- Cheremisin D.V. 2015. Ob interpretacii odnogo syuzheta v petroglifakh Altaya epohi bronzы («zhenshhina-dom» i «odnonogij» u poroga). In: S. Hansena, V.I. Molodina (red.), *Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunar. simpoziuma*. Novosibirsk.
- Derevyanko, A.P. 1986: *O zhivshie drevnosti*. Moscow.
- Devlet, M.A. 1980: *Petroglify Mugur-Sargola*. Moscow.
- Devlet, E.G., Laskin, A.R. 2015: Petroglyphs of Khabarovsk territory: the impact of the 2013 Amur and Ussuri flooding. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 43, 4, 94–105.
- Gatsak, V.M., Derevyanko, A.P., Soktoev, A.B. 1990: Fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoki i tradicii. In: *Jevenkijskie geroicheskie skazaniya*. Novosibirsk, 10–71.
- Gryaznov, M.P. 1977: Byk v obrjadah i kul'tah drevnih skotovodov. In: *Problemy arheologii Evrazii i Severnoj Ameriki*. Moscow, 80–88.
- Esin, Ju.N. 2010: *Tajna bogov drevnej stepi*. Abakan.
- Kubarev, V.D. 2000: Mifologicheskij syuzhet «zhenshhina i zver'» i ego jevoljucija v petroglifakh Altaja. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. T. VI. Novosibirsk, 312–317.
- Kubarev, V.D. 2011: *Petroglify Kalbak-Tasha*. Novosibirsk.
- Kyzlasov, L.R., Leont'ev, N.V. 1980: *Narodnye risunki hakasov*. Moscow.
- Lushnikova, A.V. 2004: *Model' universuma drevnih kalendarej*. Moscow.
- Mar'yashev, A.N., Goryachev, A.A. 2002: *Naskal'nye izobrazheniya Semirech'ja*. Alma-Ata.
- Mar'yashev, A.N., Rogozhinskij, A.E. 1991: *Naskal'nye izobrazheniya v gorah Eshkiol'mes*. Alma-Ata.
- Novozhenov, V.A. 2012: *Chudo kommunikacii i drevnejshij kolesnyj transport Evrazii*. Moscow–Taus.
- Novozhenov, V.A. 2014: *Tainstvo etnicheskoy istorii drevnejshih nomadov stepnoj Evrazii*. Almaty.

- Okladnikov, A.P. 1971: *Petroglify Nizhnego Amura*. Leningrad.
- Raevskij, D.S. 1985: *Modeli mira skifskoj kul'tury*. Moscow.
- Rogozhinskij, A.E. 2011: *Petroglify arheologicheskogo landshafta Tamgaly*. Almaty.
- Rozvadovskij, A. 2014: Naskal'noe iskusstvo i shamanizm: fenomenologiya, kontekst i etika. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* 2(10), 57–71.
- Savinov, D.G. 2007: Ritual'nyj predmet / izobrazhenie (o differencirovannom podhode k izucheniju). In: *Mif, obrjad i ritual'nyj predmet v drevnosti*. Ekaterinburg–Surgut, 88–95.
- Sher, Ja.A. 1980: *Petroglify Srednej i Central'noj Azii*. Moscow.
- Sher, Ja.A. 1998: Korrida. In: *Pervobytnoe iskusstvo*. Kemerovo, 95–100.
- Sher, Ja.A. 2004: Spornye voprosy izucheniya pervobytnogo iskusstva. In: *Arheologiya, jetnografiya i antropologiya Evrazii* 2 (18). Novosibirsk, 36–52.
- Shimkevich, P.P. 1896: *Materialy dlya izucheniya shamanstva u gol'dov*. Habarovsk.
- Shvets, I.N. 2014.: Ob antropomorfnyh izobrazheniyah kazhstanskikh petroglifov epohi bronzy. In: V.A. Novozhenov (red.), *Tainstvo etnicheskoy istorii drevnejshih nomadov stepnoj Evrazii*. Almaty, 294–299.
- Skrynnikova, T.D. 1989: Terminy sakral'nosti: tibeto-mongol'skie paralleli. In: *Dvadcataya nauchnaya konferenciya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»: Tez. dokl.* Moscow, 181–185.
- Sovetova, O.S. 1990: K voprosu o semantike sredneenisejskikh petroglifov skifskogo vremeni. In: *Problemy izucheniya naskal'nyh izobrazhenij v SSSR*. Moscow, 168–173.
- Sovetova, O.S., Ladygina, Ju.M. 2015: Tema plodorodiya v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny. *Vestnik Kemerovskogo GU* 2 (62). T. 6, 151–156.

SEARCHING FOR LOST MEANING

Ekaterina G. Devlet*, Marianna A. Devlet**

* *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
eketek@yandex.ru

** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
ia-ran@yandex.ru

Abstract. The paper comprises rock art motifs from the Northern Eurasian sites which are related to mythological plots of the ancient people. Universal mythological plots are retained by rock art that gives the ground to compare iconographic peculiarities of ancient petroglyphs with folklore.

Cosmogonic myths make up the core group of myths for the various peoples of the world. The main content of these cosmogonic myths is dedicated to the transition from initial chaos to cosmos, the creation of an orderly, organized universe. Single images on rocks as well as groups of images may have a composite connection. Being compared with folk stories they can hypothetically be interpreted as a statement of the symbolic language of visual images of the cosmogonic myth, a story about the creation of the universe, which reflects to a certain idea of the surrounding area – a model of the world.

For poetic myth consciousness the image of the world tree, embodying the universal concept of the world is characteristic as it is represented in rock art.

The zoomorphic images. Series of syncretic beings – fantastic beast-monster dragon- or bear-like or animals with luminous discs on their heads – in the rock art of Eurasia are interpreted as images associated with solar cults, including the story of the persecution, the pursuit of cosmic luminary.

Solar images. Symbols indicating the sun, the moon, rarely but existent – the constellations

point to the existence of a developed system of solar cults of the ancient population of Eurasia. Traditional Solar symbolism in rock art becomes most widespread in the Bronze Age.

Vehicles. The images of boats, fantastic carts with wheels in the form of solar symbols and spirals become an allegory to the structure of the universe. Vehicles are correlated with the motif of crossing into another world, the heavenly pursuits and so on.

Anthropomorphic cosmogonical characters. The rock art of Eurasia, mainly on the Yenisei River in Kazakhstan portrayed huge anthropomorphic figures (giants) with hypertrophied elongated proportions. They present images of women that are interpreted as significant for understanding ancestral links. A hunter-archer, acting as a cultural hero was depicted, his image can be associated with the motif of the sun of persecution.

Key words: Rock art, petroglyphs, mythology, semantics, world view, Eurasia

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ БЕЛОГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Н.В. Беленов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
belenov82@gmail.com

Аннотация. В статье на основании топонимических данных с территорий, входивших в ареал распространения белогорской археологической культуры – локального варианта ананьинской культурно-исторической общности, выдвигается ряд предположений относительно этноязыковой принадлежности ее носителей. Ввиду отсутствия на этих территориях пермоязычной топонимии ставится под сомнение пермоязычность племен белогорской культуры, так как на сопредельных территориях, в ареалах иных вариантов ананьинской культурно-исторической общности такая топонимия достоверно прослеживается, в том числе и на примере микротопонимии. Данный факт показателен тем, что более древний топонимический пласт – индоиранский – прослеживается на тех же территориях, что свидетельствует о принципиальной возможности сохранения здесь пермоязычной топонимии в том случае, если бы таковая присутствовала. В качестве альтернативы, в порядке рабочей гипотезы, с учетом данных топонимики, археологии и этнической истории региона автором выдвигается версия о возможном ираноязычии носителей белогорской археологической культуры. В пользу данного вывода свидетельствуют, в том числе, данные антропологии, согласно которым носители белогорской культуры по антропологическому типу значительно ближе к представителям южных степных культур, в тот исторический период, вероятно, представленных ираноязычными кочевниками, нежели к носителям иных вариантов ананьинской культурно-исторической общности. Также нельзя исключать, учитывая вероятную неоднородность носителей ананьинской культурно-исторической общности в языковом отношении, что представители белогорской археологической культуры могли говорить на каком-то финно-угорском языке, близком волжско-финнским. В этом случае оставленный ими топонимический пласт мог слиться с позднейшей мордовской топонимией на данных территориях.

Ключевые слова: белогорская культура, топонимика, этноязыковая принадлежность

Введение

Белогорская археологическая культура VII–IV вв. до н.э. являет собой одну из наиболее ярких страниц в истории Самарской Луки. Ее можно назвать и самой заметной на данной территории в археологическом отношении: практически все крупные мысы Жигулевских гор несут на себе следы белогорских укреплений–

Беленов Николай Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета.

городищ. Обращает на себя внимание и ареал распространения памятников этой культуры: Самарская Лука, Соколы горы, некоторые приволжские районы Ульяновской области до широты современного Ульяновска.

Традиционно считается, что белогорская культура принадлежит к обширной ананьинской культурно-исторической общности (КИО), занимавшей территорию Прикамья и Среднего Поволжья. Наряду с этим исследователями отмечается ряд существенных особенностей белогорской культуры, отличающих ее от остальных локальных вариантов ананьинской КИО. Во многом эти особенности обусловлены территориальным расположением памятников данной культуры – на границе контактной зоны с миром степных кочевых культур.

Принято считать, что носители ананьинской культуры говорили на прапермском языке. Это, сформулированное еще А.П. Смирновым, положение не находит возражений и у современных исследователей, которые, однако, вносят ряд уточнений, рассматриваемых нами ниже. В соответствии с этим логично предположить, что на Самарской Луке и на прилегающих территориях должна была сохраниться, хотя бы фрагментарно, пермская топонимия. Однако, согласно нашим исследованиям, для указанных территорий этого не наблюдается¹. Данное обстоятельство, безусловно, требует объяснения. Мы, со своей стороны, считаем целесообразным рассмотреть следующие возможные варианты. Во-первых, обозначенный факт может объясняться тем, что на территориях, входивших в ареал расселения носителей белогорской культуры, отсутствуют объекты, названия которых могут быть устойчивы во времени – например, крупные реки, а микротопонимия часто подвергается изменениям. Во-вторых, данная ситуация может быть следствием того, что в какой-то момент истории для рассматриваемой территории был нарушен принцип топонимической преемственности, под которым мы понимаем языковой контакт между предшествующим и последующим населением, достаточный для передачи топонимической номенклатуры. Так, топонимическая преемственность может быть под вопросом на таких территориях, где фиксируется лакуна между смежными археологическими культурами. Наконец, в-третьих, при исключении предыдущих предположений, приходится признать, что язык носителей белогорской культуры не являлся пермским (прапермским, парапермским – то есть представителем какого-то прапермского языка, не оставившего потомков, по удачной терминологии, предложенной В.В. Напольских)². В дальнейшем изложении мы постараемся показать, что на данном этапе исследования наиболее предпочтительным является третий вариант.

Прежде чем перейти к критическому разбору обозначенных вариантов, считаем уместным вернуться к вопросу об этноязыковой принадлежности ананьинского населения. В последнее время высказываются, и весьма обоснованно, версии о том, что население всего обширного ананьинского ареала вряд ли было моноэтническим и монологичным³. В то же время исключать такую вероятность полностью мы также не можем. Для нашей темы в данном случае имеет значение лишь языковая принадлежность той части ананьинского населения, которая проживала в непосредственной близости от белогорцев. В самом деле, если вдруг окажется, что

¹ Беленов 2014, 133, 207.

² Напольских 1997, 121.

³ Бельх 2009, 95.

средневожские ананьинцы вообще не были пермоязычными, то и вопрос о языке носителей белогорской культуры должен будет решаться принципиально иначе.

Однако, как показывает анализ топонимии Среднего Поволжья вверх по Волге от Самарской Луки, а также Нижнего Прикамья, пермские топонимические лексемы имеют здесь достаточно широкое распространение, учитывая древность их возникновения. Прежде всего, речь идет о топоформантах «дор» – «край, местность» и «шур/шор» – «ручей, река»; ср., например: Ундоры, Шоркин овраг и др. Пермское происхождение, по нашему мнению, имеет и гидроним Шешма, лишь позднее получивший тюркскую этимологию. Полагаем, приведенных примеров, которые при необходимости можно значительно дополнить, достаточно для того, чтобы с высокой степенью вероятности рассматривать окружающий Самарскую Луку ананьинский мир как пермоязычный.

Теперь обратимся к проблеме топонимической преемственности на Самарской Луке и в ее окрестностях со времен белогорской культуры. Установить вероятный факт языкового контакта предшествующего населения с последующим можно, в том числе на археологическом материале, как мы указывали выше. Данные археологии говорят о том, что белогорскую культуру на Самарской Луке сменила городецкая, причем ряд белогорских городищ стал использоваться пришельцами. Смена культур, по всей видимости, не была мирной, но факт контакта населения зафиксирован. Затем на рассматриваемой территории фиксируется проникновение приднепровских племен, возможно, славяноязычных. Процесс этот, насколько можно судить по археологическим данным, был постепенным и сопровождался военными столкновениями. При этом археологами отмечается и длительное сосуществование городецкого населения с пришельцами, о чем свидетельствует памятник Городище Лбище⁴. Результатом этих процессов явилось возникновение именковской культуры. Вновь отмечаем, что при постепенной инфильтрации населения топонимическая преемственность обеспечивается. Именковская культура прекратила свое существование после прихода в Среднее Поволжье булгарских племен. Однако последние археологические исследования свидетельствуют о том, что некоторая часть именковского населения продолжала проживать на прежней территории совместно с булгарами. Топонимия же булгарского периода сохранилась достаточно хорошо на всей территории бывшей Волжской Булгарии, не является исключением здесь и Самарская Лука. Таким образом, у нас есть основания полагать, что принцип топонимической преемственности для Самарской Луки и прилегающих территорий со времен существования белогорской культуры до наших дней не нарушен.

Осталось рассмотреть вопрос о возможности сохранения топонимии на данной территории со столь давнего периода, которым является эпоха белогорской культуры. Считаем, этот вопрос может быть снят, если будет доказано сохранение на той же территории более раннего – или, во всяком случае, синхронного топонимического пласта – иранского. Присутствие его здесь мы можем ожидать ввиду наличия памятников срубной археологической культуры, ираноязычие носителей которой можно считать доказанным, а впоследствии, синхронно с «белогорцами», кочевания на данной территории савромато-сарматских племен.

⁴ Васильев, Матвеева 1986, 140.

Территория Самарской Луки действительно не характеризуется объектами, названия которых обладают устойчивостью во времени. Однако, при отсутствии рек для этой в целом маловодной, в силу особенностей геологического строения, территории особую роль играют озера. В связи с этим логично предположить, что именно лимнонимы на Самарской Луке могут относиться к древнейшему топонимическому пласту. При их анализе нами было выявлено, что как минимум четыре лимнонима имеют вероятную иранскую этимологию. Это озеро Харовое (ср. авест. Хара Березайти; «ара»/«ор» – иранский гидроформант со значением «вода»); озеро Обкан (формант «об» встречается в таких гидронимах, как Сердоба, Ягноб, вероятно, Обь); озеро Каменное, название которого, по нашему мнению, является русской фонетической калькой с иранского с последующим переосмыслением; озеро Каль (от индоарийского «kale» – «черное»; по нашему мнению, для этого лимнонима более вероятна мокшанская этимология, но нельзя исключать и калькирование мокшанами более раннего названия).

Что касается Каменного озера, то в данном случае налицо алогичность номинации объекта. Берега озера на всем его протяжении глинистые, поросшие густой растительностью, среди которой выделяются осоки; дно также глинистое, местами песчаное. Здесь уместно привести мнение выдающегося топонимиста А.Л. Шилова о необходимости при этимологизации топонима провести личный всесторонний анализ объекта, что и было нами сделано⁵. Тот факт, что название озера не соответствует его характеристике, свидетельствует о вероятном калькировании более раннего названия с последующим переосмыслением. На планах генерального межевания XVIII в. данный объект обозначен как «озеро Змеиное». Надо заметить, что такое название до сих пор носит часть Каменного озера у села Подгоры, отделенная дамбой, наряду с параллельным наименованием «озеро Иордань». По нашему мнению, в данном случае имеет место русская калька с иранского (ср. осетинское, аланское «kalm» – «змея»; согласно В.И. Абаеву, из древнеиранского «krtmī» – «змея, червь»)⁶. Такое наименование озера логически оправданно: как само оно, так и его окрестности изобилуют ужами, гадюками и медянками.

Таким образом, наличие иранского топонимического пласта на Самарской Луке свидетельствует о потенциальной возможности сохранения на данной территории топонимии белогорского времени, поскольку некоторые из упомянутых иранских топонимов – которые, по нашему мнению, также неоднородны по времени возникновения, вероятно, восходят к добелогорской эпохе.

Считаем, вышесказанного достаточно для того, чтобы на основании отсутствия пермской топонимии на территории расселения носителей белогорской культуры поставить под сомнение их пермоязычность. Вопрос о возможном языке этого населения, очевидно, должен решаться с привлечением более широкого диапазона данных. Здесь же позволим себе высказать, в рамках рабочей гипотезы, собственную версию. Учитывая значительную культурную близость носителей белогорской культуры с миром соседних с ней иранских кочевых культур, а также отмечаемые исследователями отличия представителей белогорской культуры от

⁵ Шилов 2003, 110.

⁶ Абаев 1958, 353.

ананьинского антропологического типа в сторону большей европеоидности, считаем вероятным предположить ираноязычность белогорских племен.

Нельзя исключить и другой вариант, который нам, по ряду причин, видится менее вероятным, – принадлежность белогорского населения в языковом отношении к предкам волжских финнов. Топонимический аспект проблемы в данном случае может решаться в рамках восприятия и трансформации архаичной финноволжской белогорской топонимии переселившимся сюда в ордынское время мордовским населением, что делает ее выделение в настоящее время крайне затруднительным.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1958: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т.1. М.–Л.
 Беленов, Н.В. 2014: *Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья*. Самара.
 Бельх, С.К. 2009: *Проблема распада прапермской этноязыковой общности*. Ижевск.
 Васильев, И.Б., Матвеева, Г.И. 1986: *У истоков истории Самарского Поволжья*. Куйбышев.
 Напольских, В.В. 1997: *Введение в историческую уралистику*. Ижевск.
 Шилов, А.Л. 2003: Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера). *Вопросы языкознания* 1, 109–119.

REFERENCES

- Abaev, V.I. 1958: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*. T.1. Moscow.
 Belenov, N.V. 2014: *Istoriko-toponimicheskij slovar' Samarskogo Povolzh'ya*. Samara.
 Belyh, S.K. 2009: *Problema raspada prapermskoj etnoyazykovoj obshchnosti*. Izhevsk.
 Napol'skih, V.V. 1997: *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku*. Izhevsk.
 Shilov, A.L. 2003: Geograficheskie realii i toponimicheskie etimologii (na primere toponimii Russkogo Severa). *Voprosy yazykoznaniya* 1, 109–119. Moscow.
 Vasil'ev, I.B., Matveeva, G.I. 1986: *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya*. Kujbyshev.

ETHNO-LINGUISTIC AFFILIATION OF THE BELOGORSK ARCHAEOLOGICAL CULTURE REPRESENTATIVES BASED ON TOPONYMICS

Nikolay V. Belenov

*Samara State University of Social Sciences and Education, Russia,
 belenov82@gmail.com*

Abstract. The article is based on toponymic data from the territories of spreading of the Belogorsk archaeological culture (a local variant of the Ananyino cultural-historical community). A number of assumptions regarding the ethno-linguistic affiliation of its representatives are put forward. In the absence of the Perm-language toponymy in these territories, the Perm-language of Belogorsk tribal culture is questioned, while same toponymy is reliably traced via the microtoponymy in the adjacent areas, in areals of other variants of the Ananyino cultural-historical community. This fact is especially notable because of the more ancient Indo-Iranian toponymic layer is traced in the same territories. Alternatively, as a working hypothesis, taking

into account the data of toponymy, archeology and ethnic history of the region, the author puts forward the version about the possible Iranian language of representatives of the Belogorsk archaeological culture. To support this conclusion, the anthropology data certify to the representatives of the Belogorsk culture are physically much closer to the representatives of the southern steppe cultures, who probably were the Iranian nomads, rather than to holders of other variants of the Ananyino cultural-historical community during this period. Taking into account probable heterogeneity of carriers of the Ananyino cultural and historical community in the language relation, it is also impossible to exclude that representatives of the Belogorsk archaeological culture could speak some Finno-Ugric language closed to Volga-Finnish. In this case, the toponymic layer left by them could merge with the latest Mordvinian toponymy in this region.

Key words: Belogorsk archaeological culture, toponymics, ethnolinguistic identity

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 116–127
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 116–127
© Автор(ы) 2016

ТОПОНИМ «ЧЕРКЕССКИЙ БАН» НА КАРТЕ ДЖ. ГАСТАЛЬДО 1551 Г. В КОНТЕКСТЕ ЧЕРКЕССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В КРЫМУ

С.Х. Хотко

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева, Майкоп,
inalast@mail.ru*

Аннотация. На протяжении XIV–XVI вв. в европейской картографии были созданы выдающиеся по точности и информативности карты бассейна Черного моря. Этот уровень отражал как развитие географических, так и историко-этнографических знаний о пространстве Восточной Европы и Кавказа. Статья посвящена прояснению реальных исторических оснований для появления такого топонима как Черкесский бан, нанесенного в центральной части Крыма на карте «Описание Московии» Джакомо Гастальдо 1551 г.

Автор предлагает две версии появления данного топонима. Во-первых, этот топоним мог отражать факт существования «Черкесской крепости» (Черкес-кермен) в горах Южного Крыма. В свою очередь, данное название могло возникнуть в условиях достаточно массового присутствия черкесского населения в период, предшествующий османскому завоеванию (1475 г.). В историографии позднесредневекового Крыма неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой династия, правившая княжеством Феодоро (крымской Готией) в 1403–1475 гг., происходила из Черкесии. Во-вторых, в XVI–XVII вв. в Крымском ханстве существовала немногочисленная, но весьма влиятельная община черкесов-франков, под управлением которой находилось селение Сивурташ, поблизости от ханской столицы.

Ключевые слова: Черкесский бан, Джакомо Гастальдо, Крым, Мангуп, Черкес-кермен, княжество Феодоро, Сивурташ, черкесо-франки, Черкесия

Хотко Самир Хамидович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Введение

В истории Северо-Западного Кавказа одной из наименее изученных остается проблема многообразных контактов с Крымским ханством. Длительное время связи адыгского населения региона с Бахчисараем описывались преимущественно в плоскости военно-политического соперничества. Недостаточно исследованы и контакты двух регионов вне сферы татарского доминирования, в период, предшествовавший складыванию Крымского ханства, а также прямые связи адыгов с национальными общинами полуострова – греками, армянами, евреями, готами. Данная статья посвящена анализу историко-культурных оснований для появления в Крыму топонима *Cherkeze bano*, т.е. «Черкесский бан». Он указан в южной части Крыма на карте «Описание Московии», созданной выдающимся мастером европейской картографии XVI столетия Джакомо Гастальдо в 1551 г.

Описание Московии Джакомо Гастальдо, пьемонтца, космографа в Венеции. *Descriptione de la Moscovia per Giacomo Gastaldo, piemontese Cosmographo in Venetia. 1551*

В османской номенклатуре политических терминов *бан* являлся титулом правителя военного округа в ряде районов европейской части империи, а также Кавказа. Соответственно, *банлык* – военный округ, во главе которого стоял бан. Термин *бан* использовался и в отношении черкесских князей, ср.: мамлюкские черкесские баны (*Memâlik-i Çerâkise Banları*)¹.

Историография черкесского присутствия в Крыму построена почти исключительно вокруг анализа популярного историографического концепта об Инале, прародителе черкесских князей. Она была развита до устойчивого представления о периоде проживания кабардинцев в Крыму. В качестве достаточно весомых свидетельств черкесского пребывания на полуострове воспринимались топонимы с основой *черкес* (Черкес-Таш, Черкес-Кермен), а также гидроним Кабарта².

Могла ли существовать в Крыму, в непосредственной близости от ханской столицы, резиденция черкесского феодала или достаточно крупное поселение с подобным наименованием? Вполне вероятно, что под «Черкесским баном» надо понимать «Черкесскую крепость» (Черкес-кермен), расположенную в горной части Южного Крыма, в пределах исторической области крымской Готии. Польский дипломат Мартин Броневский в 70-е гг. XVI в. дважды посетил Крым и отметил факт использования названия «Черкесская крепость»: «Недалеко от Манкопа,

¹ Kırzioğlu 1998, 63.

² Поркшеян 1957, 335–367; Бубенок 2004, 30–35.

называемого турками Черкессигерменом, то есть новою Черкесскою крепостью, лежит древний город и крепость, но ни турки, ни татары, ни даже сами греки не знают его имени. Известно только, что он погиб во время греческих князей, о которых в этих местах рассказывают много дурного, об их ужасных преступлениях против Бога и людей»³. Черкес-кермен, как и сам Мангуп, располагались в долине, которая была известна у крымских татар как Черкес-тюз. Дополняет картину то обстоятельство, что оба города располагались у реки Кабарта (более распространенное татарское название – Бельбек)⁴.

Таким образом, вся центральная часть княжества крымских готов, которое было уничтожено османским завоеванием 1475 г., в источниках XVI–XVIII вв. была маркирована как черкесская область. В пределах этой красивой горной страны, покрытой лесом и расположенной вдоль моря, наиболее притягательным являлся как раз район готской столицы Мангула – Бельбекская долина. Английский путешественник писал о Мангуле: «Ничто, в какой бы то ни было части Европы, не превосходит ужасной величественности этого места»⁵.

«Новая Черкесская крепость» XVI в. подразумевает существование «старой Черкесской крепости» в XV в. Подобные названия в этой части Крыма нельзя не сопоставить с «Черкесским баном» Гастальдо.

«Греческие князья», о которых говорит Броневский, были правителями княжества Феодоро, основное население которого состояло из готов и греков. Готское население в Крыму появилось в середине III в. н.э. Готы, по всей видимости, ассимилировали автохтонное население в виде тавров, затем, в свою очередь, были в сильной степени ассимилированы греками.

«Греческие князья» Мангула до османского завоевания, по всей вероятности, были черкесскими князьями. Этой версии придерживается Х.-Ф. Байер, автор обстоятельного труда по истории крымских готов⁶. Определение «греческие» здесь, как и в целом ряде других известных случаев – не указание на этническую принадлежность, а только свидетельство принадлежности к греческому или византийскому вероисповеданию.

В период с 1403 по 1475 гг. в княжестве Феодоро правила династия, основателем которой был некий Алексей. Династическая линия выглядит следующим образом: Алексей или Алексейко (ок. 1403–1444 гг., и, как максимум, до 1446 г.), Олобей Алексей или Алексей II (1444/46–1465); Сайкус или Исайко (1465–1475), Александр (1475).

Интересно, что представители мангульского правящего дома, находившиеся в греческой среде Трапезунда, воспринимались как черкесы. Это умершие в Трапезунде в июне 1435 г. Иоанн Тзиаркасис (Obit of «servant of God» John Tziarkases) и Николай Тзиаркасис (Obit of «servant of God» Nicholas Tziarkases)⁷. Энтони Брайер, исследователь, обнаруживший эти строчки в синаксарии, отождествил форму *тзиаркасис* (Τζιάρκαςης) с этнонимом *черкес*. Точно так же мангульская принцесса Мария, дочь князя Исайко, выданная в 1472 г. замуж за господара Молдавии Сте-

³ Броневский 1867, 344.

⁴ Тунманн 1991, 31, 85; Брун 1879, 118.

⁵ Марков 1872, 677.

⁶ Байер 2001, 215.

⁷ Bryer 1976, 135–136.

фана Великого, известна в хронике (1457–1499), которую вели в немецкой колонии в Молдавии, как черкешенка: «В том же году [1472] в месяце сентябре 14 днем привезли Стефану воеводе княгиню из Маугопа [так в оригинале – Maugor – прим. С.Х.] с именем Мария; она была черкешенкой (sy was ein Zerkassin) и он имел с ней двух дочерей»⁸. Х.-Ф. Байер также отмечает, что *тзиаркас* и *зеркас* (*церкас*) являются транслитерациями этнонима *черкес*⁹. Подобная транскрипция характерна для греческого языка и встречается у византийского историка XV в. Лаоника Халькокондила: *Τζάρκασοι*, *Τζάρκάσων* или *Τζάρκάσος*¹⁰. Эта форма восходит к арабской транслитерации этнонима *черкес* – *ġār kāś* (*джаркас*). Черкесия была известна как «страна Джаркас» – билад ал-Джаркас (دال ب س ك ر ا ج ل). Влияние арабского произношения ощущается у И. Галонифонтибуса, который в своей «Книге познания мира» (1404 г.) вместо *черкес/чиркас* использует наименование *таркас* (Tarcasi/Tharcasi) и, соответственно, страна *Таркуасия/Таркэзия* (Tharquesia)¹¹.

Ведущий специалист по истории княжества Феодоро В.Л. Мыц склонен считать династию Алексея черкесской: «Хотя некоторые латинские источники и называют Алексея I “греком”, не стоит исключать “черкесского” (адыгского) происхождения владетеля Феодоро. По крайней мере, два независимых друг от друга и разновременных (1435 и 1472 гг.) источника говорят о старшем сыне Алексея – Иоанне, как о “черкесе”, а о Марии Асанине Палеологине (правнучке Алексея?), как о “черкешенке”. Скорее всего, за генуэзским определением “грек” не скрывалось ничего “этнического”. Латиняне часто называли “греками” тех, кто придерживался византийского (православного) вероисповедания»¹².

При раскопках на территории Алуштинской крепости и укрепления Пампук-Кая, которое расположено в среднем течении Бельбека (Кабарты), в помещениях XIV–XV вв. была обнаружена керамика, аналогичная керамике Черкесии этого же периода. В.Л. Мыц делает вывод, что после конца XIII в. на территории Южного Крыма появились многочисленные переселенцы с Северо-Западного Кавказа¹³.

Генуэзцы, обычно толерантно настроенные в отношении прав местных родов и правителей, заняли враждебную позицию по отношению к князьям Мангупа. Семейство Алексейко воспринималось генуэзскими властями Каффы в качестве узурпаторов, присвоивших себе власть над Готией, которая во второй половине XIV в. почти уже досталась генуэзцам¹⁴. Черкесские князья утвердились в Готии вопреки Каффе и даже проводили, пусть и скромную, но все-таки экспансионистскую политику¹⁵.

История прихода семьи Алексея к власти над Мангупом остается пока не проясненной. Байер отмечает, что истоки могущества этого рода следует искать в XIV в., когда их предок должен был занимать высокое положение в «готском» обществе. Отчетливым было нежелание мангупской династии заявлять о своем черкесском происхождении. Напротив, они всячески подчеркивали свое родство с

⁸ Молдавско-немецкая летопись 1976, 39, 49.

⁹ Байер 2001, 392.

¹⁰ Laonici Chalcocandylae 1922, 126.

¹¹ Galonifontibus 1938, 110.

¹² Мыц 2009, 509.

¹³ Мыц 2009, 217; 1991, 81–82.

¹⁴ Кулаковский 1914, 118.

¹⁵ Байер 2001, 207–208.

Палеологами. Это неудивительно, поскольку всякий владельческий род стремился утвердить собственную легитимность в глазах подданных. В условиях крымской Готии это были, в большинстве, православные христиане, веками связанные с Византией. Еще важнее было провозгласить свою исключительность на фоне могущественных соседей – генуэзцев и крымских ханов.

Другая важная причина умолчания о черкесских корнях отмечена, на наш взгляд, правильно Х.-Ф. Байером: плохая репутация черкесов как христиан, связанная, в том числе, с их склонностью к работорговле. Об этом прямо сказано у И. Шильтбергера: «Земля Черкесов, также при Черном море, населенная христианами, исповедующими греческую веру: тем не менее, они злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других; они также занимаются разбоями и говорят особенным языком»¹⁶.

Связь черкесов с Мангупом продолжалась после 1475 г. Крымский историк М.Я. Чореф, анализирувавший тамги, начертанные над входом в башню Кыз-Кулле, расположенную рядом с Мангупом, приходит к выводу о том, что эта башня принадлежала черкесскому княжескому роду Болотоковых: «Весьма вероятно, что верхняя часть западного бассейна реки Бельбек в XV–XVI вв. принадлежала представителям племени темиргоевцев, феодальным гнездом которых и было укрепление Кыз-Кулле»¹⁷.

В XVIII в. в непосредственной близости от Мангупа находилась резиденция княжеской семьи Болотоко, представитель которой переселился из Черкесии в Крым в начале XVIII в. и многие годы занимал важные посты в ханском правительстве. В 1793–94 гг. академик Паллас путешествовал по Крыму и заметил, что поместье Кара-иляз принадлежит фамилии Адиль-бей Балатукова и «может назваться одним из лучших во всей Таврии не только в отношении своей романтической местности, но и по удобству и по превосходству своих садов»¹⁸.

Исмаил Мурза Муфтийзадэ отмечал, что родоначальником фамилии Балатуковых был «Аджи Бекир бей Болатин оглу из владетельных князей Большой Кабарды», прибывший с Кавказа при Каплан-Гирее в 1709 г. И «почти в одно с ним время прибыл оттуда же и из тех же князей Хункал бей, родоначальник фамилии Хункаловых»¹⁹. Из князей Большой Кабарды, которые известны все без исключения, в 1709 г. никто в Крым не переселялся, и князей с такими именами мы в этой черкесской области не знаем. Зато в составе армии Каплан-Гирея упоминаются 5 тысяч темиргоевцев, которые, что совершенно очевидно, должны были находиться под командованием своего старшего князя. Поэтому, после разгрома Каплан-Гирея в Большой Кабарде в 1708 г., темиргоевский князь мог переселиться в Крым. Это могло произойти под давлением князей Большой Кабарды, а также антикрымской партии внутри Темиргоя. Хункаловы, по всей видимости, происходили из черкесского Хытука («Острова»), т.е. Тамани. Хан-Гирей отмечал, что часть хегаков (хехгадчцев), которые управлялись княжеским родом Бхгезенекко-р и проживали в районе крепости Хун-Ках (Тамань), именовались «хунколами»²⁰.

¹⁶ Шильтбергер 1867, 59–60.

¹⁷ Чореф 1980, 112–120.

¹⁸ Паллас 1881, 136–137.

¹⁹ Муфтийзадэ 1899, 24.

²⁰ Хан-Гирей 1978, 197.

Помимо Черкес-кермена, под «Черкесским баном» могли иметь в виду селение Сивурташ в 10–12 верстах к югу от Бахчисарая, данное ханом во владение общине черкесо-франков. В 1634 г. некоторые детали их этнографического облика описал префект доминиканской миссии в Каффе Эмиддио де Асколи: «Все эти обрядности [принятые у черкесов – прим. С.Х.] существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале (fessiala), именующих себя черкесами-франками (Cerchessi franchi). Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около 180 лет тому назад, многие из знатных были увезены в Константинополь... Другие ушли в Чиркасию из-за своих жен, ибо многие женились на чиркашенках, так что в настоящее время получили от чиркасов название френккардаш (french Cardase), что на их языке значит – френки наши братья... Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ (Sivurtase), т.е. остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали. Хан дал им также бея той же национальности, называемого Сивурташ-беем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами (spaha), т.е. придворными дворянами; избавил их от уплаты податей, десятины и прочих налогов, обязав только сопровождать хана на войну». Черкесы-франки говорили на трех языках – черкесском, татарском и турецком и сохраняли приверженность католицизму. Согласно Асколи, из Сивурташа они около 1600 года переселились в Феччиалу: «на полдня пути далее, но в стороне, в прелестной местности, орошенной рекой, с источниками вкуснейшей воды и изобилием плодов». Еще раз Асколи отмечает: «Они наравне с чиркасами пользуются льготами и имеют одинаковые с ними обычаи и обряды»²¹. Упомянутая здесь Феччиала точно сопоставлена Бертье-Делагардом с деревней Фоти-сала, в 8–10 верстах к югу от Сивурташа: «в истинно прекрасной и богатой местности»²².

Среди черкесов-франков побывал Мартин Броневский: «Селение татарское Сортасс [Сивурташ – прим. С.Х.], лежащее поблизости к ханскому дворцу, чрезвычайно приятно своим местоположением и довольно велико; там часто живут литовские и московские послы. Но с того времени, как полуостров Таврический подпал под власть ханов, многие знатнейшие генуэзцы после взятия турками Кафы получили от Ханов во власть это селение, имея от них на это письменные акты, которые я у них видел. Или они достигли этого золотом, которое с собою унесли из Кафы; или, может быть, получили в награду за услуги, оказываемые ими Ханам в сношениях их с христианскими государями. Им позволено было выстроить в этом селении католическую церковь, в которую я часто ходил во время моего там пребывания»²³.

По всей видимости, основателем общины черкесо-франков был знаменитый матрегский князь Заккария де Гизольфи, сын генуэзского аристократа и черкесской княжны, представительницы местного княжеского рода. Он правил очень долго – порядка полувека. Используя родственный ресурс, он позволял себе игнорировать распоряжения из Каффы²⁴.

²¹ Асколи 1902, 127–129.

²² Асколи 1902, 175.

²³ Броневский 1867, 345–346.

²⁴ Kressel 1966, 390.

И Броневский, и Асколи отмечают влияние черкесо-франков, их участие в ханских дипломатических миссиях. В 1503–1504 гг. З. де Гизольфи под именем Захарьяш Чаркашенин упоминается в литовских посольских источниках как получатель королевских подарков²⁵. Сын Заккарии Вицент в первой четверти XVI в. был неоднократно послом в Литве, и именно он, по всей видимости, возглавлял общину после смерти отца. Как «Захарьин сын Черкашанинов» он упоминается в посольском источнике за 1502 г. в числе тех, кто ограбил русского купца²⁶. В 1505 г. Вицент преподнес королю «плеть чаркаскую»²⁷. В 1507 г. упоминаются «Августин Фряжин и мурза Вицентей Захарьин сын» и его сестра, которая также сделала маленький подарок королю²⁸. Августин Фряжин, по всей видимости, тоже представитель черкесо-франков. В 1521 г. князь Вицент упоминается в листе короля Сигизмунда I Старого (1506–1548) (Жикгимонта) к царю Мехмед-Гирею I (1515–1523). Указывается, что этот хан трижды присылал Вицента к королю²⁹.

Черкесское присутствие в Крымском ханстве, начиная с правления Менгли-Гирея, носило постоянный характер. Этому способствовали матримониальные и аталыческие связи³⁰.

В архиве Посольского приказа сохранилось весьма любопытное сообщение о панике среди черкесов Крыма в 1515 г., вызванной смертью Менгли-Гирея, когда многие представители этой общины поспешили в Керчь с тем, чтобы переправиться на черкесскую сторону пролива: «и в Керчь пришла весть в понедельник на святой неделе, что Менли-Гирея царя в животе не стало; а тут в Керчь прибегли многие черкасцы из Крыма, ино деи к ним прислал во вторник на святой неделе болшей сын Менли-Гиреев, Магмед-Гирей с грамотою, чтоб они жили по своим местом потому же, как жили при отце его»³¹.

Обращает на себя внимание, что наследник трона Мухаммед-Гирей очень оперативно отреагировал на бегство черкесов и уже на второй-третий день после того, как обозначилось их скопление в Керчи, послал к ним своего представителя с письменным обращением о том, что при новом хане им гарантирована такая безопасность проживания в Крыму, как и при старом хане – его отце.

М. Броневский подчеркивал, что черкесы в значительном числе находятся на службе у хана и что хан весьма дорожит ими³². В районе Карасу-базара Эвлия Челеби зафиксировал небольшое черкесское селение: «Стоянка селение Черкес. Это деревня на высоком холме с одной мечетью и ста черкесскими домами»³³.

Анонимный турецкий автор в 1740 г. отмечает значительное черкесское присутствие в Джане (Джанкое): «Это значительное село, расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море. Оно защищено направленным к реке рвом. Там находится Ак-Чибукбег [?], вассальный вождь черкесского хана, кото-

²⁵ Довнар-Запольский 1898, 38, 43.

²⁶ СРИО 1884, 441.

²⁷ Довнар-Запольский 1898, 47.

²⁸ Довнар-Запольский 1898, 55.

²⁹ Довнар-Запольский 1898, 84.

³⁰ Некрасов 2000, 216–219; Кушева 1963, 151, 201; Челеби 2008, 117; 1979, 74; Орешкова 1990, 268.

³¹ СРИО 1895, 140.

³² Броневский 1867, 355.

³³ Челеби 2008, 151.

рый командует войском, составленным из людей 300 черкесских сел»³⁴. Учитывая крымско-татарскую транскрипцию Джаней для обозначения княжества Жане и жанеевцев, мы можем предположить, что в названии Джанкой отобразилось наименование адыгского субэтноса. В таком случае Джанкой означает «джанское/жанское село»³⁵. Топонимы с компонентом *черкес* достаточно распространены на полуострове. Например, «Овраг черкесов» (Черкес-дере) примерно в двух верстах на восток от Гурзуфа³⁶.

Заключение

Таким образом, существуют две большие группы источников, позволяющих объяснить топоним «Черкесский бан» в южной части Крымского полуострова в первой половине XVI в. Это в первую очередь источники по истории княжества Феодоро, последнего этапа самостоятельной государственности крымских готов. Вне зависимости от происхождения основателя династии мы можем считать, что в центральной части княжества находилось значительное черкесское население, по всей видимости, несшее военную службу, охранявшее столицу (Мангуп) и вторую по значению крепость (Черкес-кермен).

Вторая группа источников связана с существованием в XVI–XVII вв. генуэзско-черкесской общины, известной как черкесо-франки. Ее лидеры Заккария де Гизольфи и его сын Вицент сыграли важную роль в установлении мирных, вассальных связей Черкесии с ханским домом Гиреев. Важно, что в ряде источников они считаются черкесами.

Выдающийся по степени информативности отчет Асколи не оставляет сомнений в том, что элементы черкесской культуры были наиболее значимыми в идентичности черкесо-франков. Они проживали на пожалованных им ханом землях к югу от Бахчисарая, в живописной горной местности. Их главное селение Сивурташ, наряду с Черкес-керменом, могло восприниматься иностранными наблюдателями как «Черкесский бан».

ЛИТЕРАТУРА

- Асколи, 1902: Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч. 1634 г. *Записки Одесского общества истории и древностей* XXIV. Отд. II, 89–180.
- Байер, Х.-Ф. 2001: *История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о го-роде Феодоро*. Екатеринбург.
- Броневский, М. 1867: Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. *Записки Одесского общества истории и древностей* 6, 333–367.
- Брун, Ф. 1879: *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России*. Ч. I. Одесса.
- Бубенок, О.Б. 2004: К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы*. Керчь, 30–35.

³⁴ Губоглу 1964, 150.

³⁵ Остапчук 2001, 397.

³⁶ Репников 1906, 1, 39.

- Губоглу, М. 1964: Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине. *Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы*. Т. 1. М., 131–161.
- Довнар-Запольский, М.В. 1898: Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. *Известия Таврической ученой архивной комиссии* 28, 1–91.
- Кулаковский, Ю. 1914: *Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Издание второе, пересмотренное*. Киев.
- Кушева, Е.Н. 1963: *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века*. М.
- Марков, Е. 1872: Пещерные города Крыма: Путевые впечатления. *Отдельный оттиск из журнала «Вестник Европы»*. Т. III–IV. Июнь–Июль, 654–684; 169–213.
- Молдавско-немецкая летопись 1976: Молдавско-немецкая летопись 1457–1499 гг. В кн.: В.И. Буганов (ред.), *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.* М., 36–54.
- Муфтийзадэ, И. 1899: Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам). *Известия Таврической ученой комиссии* 30, 1–24.
- Мыц, В.Л. 1991: О пребывании «черкесов» в Крыму. *Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов конференции*. Симферополь, 81–82.
- Мыц, В.Л. 2009: *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь.
- Некрасов, А.М. 2000: Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. В сб.: Т.М. Калинина (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. Сборник памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева*. М., 213–221.
- Орешкова, С.Ф. 1990: Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества. В кн.: С.Ф. Орешкова (ред.), *Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура*. М., 228–305.
- Остапчук, В. 2001: Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам. В кн.: *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани (1223–1556)*. Казань, 391–421.
- Паллас 1881: Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. *Записки Одесского общества истории и древностей* 12, Отд. I, 62–208.
- Поркшеян, Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья. *Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института* 13, 335–367.
- Репников, Н.И. 1906: Некоторые могильники области крымских готов. *Известия Императорской Археологической Комиссии* 19, 1–80.
- СРИО 1884: *Сборник императорского Русского Исторического общества* 41.
- СРИО 1895: *Сборник Императорского Русского Исторического общества* 95.
- Тунманн 1991: *Крымское ханство*. Симферополь.
- Хан-Гирей. 1978: *Записки о Черкесии*. Нальчик.
- Челеби, Э. 1979: Книга путешествия. Вып. 2: *Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья*. М.
- Челеби, Э. 2008: *Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.* Пер. Е.В. Бахревского. Симферополь.
- Чореф, М.Я. 1980: Адыгские тамги средневекового укрепления Кыз-Кулле в Крыму. *Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии*. Вып. 1. Нальчик, 112–120.
- Шильтбергер 1867: Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год. *Записки Императорского Новороссийского университета* I, Одесса.
- Bryer, A. 1976: Some Trapezuntine Monastic obits (1368–1563). *Revue des études Byzantines* 34, 1, 125–138.

- Galonifontibus, 1938: «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern. *Archivum Fratrum Praedicatorum* VIII, 82–123.
- Kırzioğlu, M.F. 1998: *Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590)*. Ankara.
- Kressel, R.Ph. 1966: *The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio*. University of Wisconsin.
- Laonici Chalcocandylae 1922: *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes. Ad fi demodicum recensuit, emendavit annotationibusque criticis instruxit Eugenius Darkó*. T. I. Budapestini Sumptibus Academiae litterarum hungaricae.

REFERENCES

- Askoli, 1902: Opisanie Chernogo morya i Tatarii sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kafy, Tatarii i proch. 1634 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* XXIV, Otd. II, 89–180.
- Bayer, Kh.-F. 2001: *Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro*. Ekaterinburg.
- Bronevskiy, M. 1867: Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* 6, 333–367.
- Brun, F. 1879: *Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoy geografii Yuzhnoy Rossii*. Ch. I. Odessa.
- Bryer, A. 1976: Some Trapezuntine Monastic obits (1368–1563). *Revue des études byzantines* 34, 1, 125–138.
- Bubenok, O.B. 2004: K voprosu o vremeni i prichinakh pereseleniy cherkesov v Krym. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Etnicheskie protsessy*. Kerch', 30–35.
- Chelebi, E. 1979: *Kniga puteshestviya*. Vyp. 2: *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya*. Moscow.
- Chelebi, E. 2008: *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.* Per. E.V. Bakhrevskogo. Simferopol'.
- Choref, M.Ya. 1980: Adygskie tamgi srednevekovogo ukrepleniya Kyz-Kulle v Krymu. *Arkheologiya i voprosy drevney istorii Kabardino-Balkarii*. Vyp. 1. Nal'chik, 112–120.
- Dovnar-Zapol'skiy, M.V. 1898: Litovskie upominki tatarskim ordam. Skarbovaya kniga Metriki Litovskoy 1502–1509 gg. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* 28, 1–91.
- Galonifontibus, 1938: «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern. *Archivum Fratrum Praedicatorum* VIII, 82–123.
- Guboglu, M. 1964: Turetskiy istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine. *Vostochnye istochniki po istorii narodov yugo-vostochnoy i tsentral'noy Evropy*. T. 1. Moscow, 131–161.
- Khan-Girey 1978: *Zapiski o Cherkesii*. Nal'chik.
- Kırzioğlu, M.F. 1998: *Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590)*. Ankara.
- Kressel, R.Ph. 1966: *The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio*. University of Wisconsin.
- Kulakovskiy, Yu. 1914: *Proshloe Tavridy. Kratkiy istoricheskiy ocherk*. Izdanie vtoroe, peresmotrennoe. Kiev.
- Kusheva, E.N. 1963: *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiey*. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka. Moscow.
- Laonici Chalcocandylae 1922: *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes. Ad fi demodicum recensuit, emendavit annotationibusque criticis instruxit Eugenius Darkó*. T. I. Budapestini Sumptibus Academiae litterarum hungaricae.

- Markov, E. 1872: Peshchernye goroda Kryma: Putevye vpechatleniya. *Otdel'nyy ottisk iz zhurnalnala «Vestnik Evropy»*. T. III–IV. Iyun'–Iyul', 654–684; 169–213.
- Moldavsko-nemeckaya letopis' 1976: Moldavsko-nemeckaya letopis' 1457–1499 gg. V kn.: V.I. Buganov (red.), *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* Moscow, 36–54.
- Muftiyzade, I. 1899: Ocherk voennoy sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1899 god (po arkhivnym materialam). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy komissii* 30, 1–24.
- Myts, V.L. 1991: O prebyvanii «cherkesov» v Krymu. *Problemy istorii Kryma. Tezisy dokladov konferentsii*. Simferopol', 81–82.
- Myts, V.L. 2009: *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty*. Simferopol'.
- Nekrasov, A.M. 2000: Zhenshiny hanskogo doma Gireev v XV–XVI vv. In: T.M. Kalinina (red.), *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. Sbornik pamjati chlena-korrespondenta RAN Anatolija Petrovicha Novosel'ceva*. Moscow, 213–221.
- Oreshkova, S.F. 1990: Osmanskij istochnik vtoroj poloviny XVII v. o sultanskoj vlasti i nekotoryh osobennostyah social'noj struktury osmanskogo obshchestva. In: S.F. Oreshkova (red.), *Osmanskaya imperiya: Gosudarstvennaya vlast' i social'no-politicheskaya struktura*. Moscow, 228–305.
- Ostapchuk, V. 2001: Khronika Remmalya Khodzhi «Istoriya Sagib Gerey khana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pokhodam. In: *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ord)*. *Ot Kalki do Astrakhani (1223–1556)*. Kazan', 391–421.
- Pallas 1881: Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* 12, Otd. I, 62–208.
- Porksheyan, Kh.A. K voprosu o prebyvanii adygov v Krymu i ob ikh vzaimootnosheniyakh s narodami Kryma v epokhu srednevekov'ya. *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* 13, 335–367.
- Repnikov, N.I. 1906: Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* 19, 1–80.
- Shil'tberger 1867: Puteshestviya Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god / Perevel s nemetskogo i snabdil primechaniyami F. Brun. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta* I, Odessa.
- SRIO 1884: *Sbornik imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva* 41.
- SRIO 1895: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva* 95.
- Tunmann 1991: *Krymskoe hanstvo*. Simferopol'.

TOPONYM “CIRCASSIAN BAN” ON G. GASTALDO’S MAP (1551) IN THE CONTEXT OF CIRCASSIAN PRESENCE IN CRIMEA

Samir Kh. Khotko

Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches named after Kerashev, Russia,
inalast@mail.ru

Abstract. Remarkable accurate and informative maps of the Black Sea Basin were created in the European cartography during the 14th – 16th centuries. Their quality reflected the high level of the geographical and the historical-ethnographic knowledge of this region of the Eastern Europe and the Caucasus. The article is aimed to reveal historical reasons for the presence of the toponym “Circassian ban” (“Cherkeze bano”) located in the central part of the Crimea on the map “Descriptione de la Moscouia” by Giacomo Gastaldo.

The author suggests two versions of this toponym’s origin. Firstly, the name of the place could reflect the existence of a “Circassian fortress” (Cherkes-kermen) in the mountains of the southern Crimea. In such a case, the name could appear under conditions of rather numerous

presence of Circassian population during the period preceding the Ottoman conquest (1475). According to the point of view, repeatedly expressed in the historiography of the history of the Late Medieval Crimea, the dynasty governed the Principality of Theodoro (Crimean Gothia) in 1403-1475 came from Circassia. Secondly, a small but very powerful community of Circassian “Franks” could exist during the 16th -17th centuries in the Crimean Khanate, governing the Village of Sivurtash, which is situated close to the Khan’s capital.

Key words: Circassian ban, Giacomo Gastaldo, Crimea, Mangup, Cherkes-kermen, Principality of Theodoro, Sivurtash, Circassian “Franks”, Circassia

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В VI В.

В.А. Ньюшков

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, Сухум,
Valenti74@yandex.com*

Аннотация. Работа посвящена проблеме исследования социальной стратификации древнеабхазских этнополитических объединений в VI в. VI век выбран не случайно, это рубеж поздней античности и раннего средневековья. На основе письменных источников и археологических данных рассматривается социальная стратификация у абазгов, апсильов и мисимиян, процесс образования у них элиты, в частности воинской, как особой группы из числа местного населения, занимавшего знатное, привилегированное положение. Связано это было с военной политикой Восточно-Римской империи в Восточном Причерноморье, давшей толчок к форсированию социального расслоения в Абхазии, появлению «воинской» аристократии еще с того времени, когда Римская империя безгранично властвовала в Западном Закавказье. Так, на цебельдинском некрополе заметна фиксация «вождеских» погребений или погребений военных предводителей.

В то же время цель и задача настоящей работы – проанализировать «условно богатые» и «условно бедные» могилы. Устанавливается факт существования социальной стратификации в этнокультурной среде древнеабхазского общества Западного Закавказья в VI в., например, на поселении Шапки и в Цибилууме. На Шапки, как показали исследования, полностью отсутствовал сельскохозяйственный инвентарь, но преобладали предметы роскоши и импорта. Очевидно, надежным маркером, указывающим, что часть населения обладала более высоким социальным статусом, является наличие в погребениях цебельдинского некрополя геральдических поясных гарнитур. Очевидно, дифференциация погребенных по имущественному признаку варьировалась больше в зависимости от того, где проходил древний путь, сегодня это хорошо известная Военно-Сухумская дорога.

Ключевые слова: древнеабхазское общество, Апсилия, Цебельдинский могильник, погребения, погребальный инвентарь, элита, социальная стратификация

Ньюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

* Данная статья была в форме доклада зачитана на международной научной конференции «Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные» 1 июня 2015 г. в г. Сухум. Конференция была организована Институтом археологии РАН и Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Введение

Исследование социальных структур обществ, как правило, связано с понятием «социальная стратификация». Даная работа является попыткой изучения предполагаемой социальной стратификации населения Абхазии на рубеже средневековья. Накоплен достаточно значительный археологический материал, в частности, цебельдинской культуры, который можно использовать для исследования социальной дифференциации у древнеабхазских этнообъединений (абазги, апсилы, мисимиане) с учетом новейших социологических исследований. Данный материал существенно дополняют письменные источники, которые далеко не всегда дают нам ясную картину о социальной структуре общества. Проблема социально-политического положения Абхазии в VI в. неоднократно поднималась в работах отечественных и российских исследователей (З.В. Анчабадзе, Ю.Н. Воронов, М.М. Гунба, Ш.Д. Инал-ипа, М.М. Казанский, В.А. Логинов, А.В. Мастыкова, М.М. Трапш и др.)¹.

Присутствие статусных предметов и знаков власти в захоронениях позволяет поставить вопрос о выделении элиты у древнеабхазского населения в середине I тыс. н.э. В это время, как известно, на территории современной Абхазии существовали такие этнополитические образования как Абазгия, Апсилия и Мисиминия.

Данные письменных источников

Абазгия. Ш.Д. Инал-ипа в работе «Вопросы этнокультурной истории абхазов» задался весьма неожиданным вопросом: были ли абазги бинарным племенем?². Речь здесь идет о знаменитом отрывке Прокопия Кесарийского, в котором он говорит, что у абазгов издавна существовал обычай правления двух традиционных («исконных») правителей: один для западной стороны, другой для восточной. Всего их известно четверо, причем имена двух последних византийский историк нам сохранил: Опсит и Скепарна. Они же, согласно Прокопию, были избраны абазгами вновь после того, как византийцы вознамерились проводить римские законы в Абазгии. Стремясь тем самым воспрепятствовать этому, абазги восстали против Византии. Опсит стал «царьком» восточной стороны, Скепарна – западной стороны (Procop. Caes. VIII, 9).

Ш.Д. Инал-ипа предложил для этого сюжета два возможных решения: либо абазги представляли собой двухплеменный союз, бинарную этническую единицу с двумя «царьками» и политическими центрами (в Пицунде и в Анакопии), либо «племя» абазгов было не раздробленным, а, напротив, довольно монолитным, консолидированным и сравнительно сильным объединением двух племен – абазгов и апсиров. Соответственно, Скепарна являлся правителем Абазгии (западной стороны), Опсит – правителем Апсилии (восточной стороны)³. Однако, трудно согласиться с последним выводом. Письменные источники четко разграничивают древнеабхазские этнополитические образования, и в данном случае Прокопий,

¹ Анчабадзе 1964; Трапш 1971; 1975; Гунба 1989; Воронов 2013; Логинов 1985; Казанский 2015; Казанский, Мастыкова 2008.

² Инал-ипа 1976, 262.

³ Инал-ипа 1976, 266.

скорее, фиксирует дуальный характер организации власти у абазгов. Известно, что диархия была основана на разделении территории, т.е. на делении земель внутри самой Абазгии⁴.

Касаясь непосредственно Абазгии, следует заметить, что источники не подтверждают наличия, по выражению Ю.Н. Воронова, аппарата господствования и выделения знати в северо-западной части Абхазии⁵. В то же время нельзя говорить о полном отсутствии знати в Абазгии, следуя сведениям Прокопия Кесарийского, у которого сказано о самых знатных абазгах и их сыновьях, взятых в заложники персидским полководцем Набедом (Procop. Caes. VIII, 9). Немногочисленный археологический материал также подтверждает присутствие местной элиты в северо-западной части Абхазии. Так, например, в процессе раскопок в 2013 г. в районе села Лдзаа (вблизи г. Пицунда) под руководством Р.М. Барцица было исследовано богатое женское захоронение (золотая диадема, серебряные височные кольца – колты, перстень), что указывает на элитный характер погребения⁶.

Мисиминия. Трудно судить по письменным источникам о «доминирующих классах» в Мисиминии ранневизантийской эпохи. Об этом можно говорить, также опираясь на сочинения Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. VIII) и Агафия Миринейского (Agath. Schol. 3, 4). Из сообщения Агафия Миринейского нам известно, что у мисимиан были знатные люди по имени Хада, Туана (Agath. Schol. 3, 16). По поводу того, какое место они могли занимать в иерархии общества, высказан ряд мнений, но, скорее всего, их следует причислять «к одним из самых знатных представителей мисимийского общества»⁷. Так, имя «наиболее знатного» мисимианина – Хада переводится с абхазского как «глава, главный, предводитель». Возможно, что Хада антропоним, титул и обращение к «наиболее знатному», который был политическим лидером, а Агафий воспринял это как личное имя⁸. При весьма подробном описании Агафия мы тем не менее не находим каких-либо данных о том, что у мисимиан имелось единоначалие. Информация, известная нам из письменных источников, указывает на существовавшую у них, по всей видимости, коллективную власть⁹.

Апсилия. Установлено, что у апсиров привилегированное положение в обществе могли занимать начальник укрепления Цибилиума (Цабал) (Procop. Caes. VIII, 10) и, вероятно, старейшины. Они нам известны как «самые разумные люди» (Agath. Schol. 4, 15). В итоге мы не можем отрицать, судя по письменным памятникам, наличия элиты у древних апсиров, поскольку это прослежено на материалах цебельдинской культуры, носителями которой считаются апсилы. Перейдем к данным археологических источников.

Данные археологических источников

Ряд исследователей дает социально-политическую характеристику, опираю-

⁴ Касландзия 2011, 392.

⁵ Воронов 2006, 417.

⁶ Барцыц 2014, 4.

⁷ Амичба 2010, 296.

⁸ Маан 2014, 36.

⁹ Воронов 1975, 103.

щуюся на критерий богатых и бедных могил, и, соответственно, постулируется сильное расчленение общества уже с момента упоминания Флавием Аррианом во II в. н.э. древнеабхазских «царств» апсилов, абазгов, санигов во главе с собственными базилевсами (царями). Так, М.М. Трапш предлагал считать богатыми те могилы, в которых вместе с покойным находилось более чем 10 предметов, изготовленных из золота и серебра, принадлежавших привилегированной социальной группе¹⁰. Те богатые могилы, где имелось оружие, были отнесены исследователем к воинской аристократии. Могилы же с 3-мя или 4-мя предметами, по мнению исследователя, считались бедными. Таким образом, М.М. Трапш был уверен, что имущественное, а, следовательно, и социальное неравенство в обществе цебельдинского культурно-исторического горного региона в позднеантичную эпоху зашло далеко. Наличие в ряде погребений цебельдинских некрополей могил с богатым и бедным инвентарем свидетельствует о явном расчленении на отличные друг от друга социальные группы и формировании на этой основе классового строя¹¹. Эту точку зрения разделил З.В. Анчабадзе, несколько конкретизировав ее¹², а также М.М. Гунба¹³.

Наличие в цебельдинских некрополях могил с «условно богатым» и «условно бедным» инвентарем, которые, по мнению М.М. Трапш, свидетельствуют о социальной дифференциации и о формировании классового строя¹⁴, как мы можем судить, еще не говорит о том, что стратификация населения Апсолии зашла очень далеко. Исследования в Шапки и Цибилиуме показали, что «бедные» и «богатые» могилы относятся к разным поколениям одной или той же семейной группы. Поэтому «они не могут свидетельствовать о социальном напластовании внутри апсийских кланов»¹⁵.

Описываемые М.М. Трапш варианты погребального инвентаря в комплексах цебельдинских некрополей, практически не отличаются от инвентаря погребений, раскопанных в результате последующих археологических исследований Цебельдинской археологической экспедицией с 1977 по 1986 гг. Дальнейшее изучение социума в Апсолии¹⁶ выявило разницу между «условно богатыми» и «условно бедными» могилами¹⁷. Например, «условно богатыми» можно считать те могилы, которые содержали богатый инвентарь – драгоценности, аксессуары, относящиеся к одежде, керамику, стекло, римские и византийские монеты¹⁸. Те же, что включали набор оружия (в том числе мечи), могут быть соотнесены с социально богатой высокой группой¹⁹.

Следует полагать, что дифференциация погребенных по имущественному признаку варьировалась больше в зависимости от того, где проходил древний путь. Те поселения, которые размещались вдоль древнего пути, были более бога-

¹⁰ Трапш 1975, 131.

¹¹ Трапш 1971, 130.

¹² Анчабадзе 1964, 201, 204.

¹³ Гунба 1989, 128, 138.

¹⁴ Трапш 1971, 130.

¹⁵ Воронов 2013, 304.

¹⁶ Воронов 2013, 302; Бгажба, Лакоба 2007, 100; Казанский, Мастыкова 2008, 173–178.

¹⁷ Воронов 2013, 303.

¹⁸ Воронов 2013, 308.

¹⁹ Казанский, Мастыкова 2008, 176.

тые и более военизированные, а те, что дальше, были беднее, там жители занимались земледелием и скотоводством²⁰. Итак, налицо некоторая социальная иерархичность поселений. В этом случае пригодными для ранжирования становятся воинские погребения с преобладанием в них оружия, однако их немного, ибо в большинстве захоронений VI в. н.э. на могильниках Цибилиум-1 и Цибилиум-2 оружие практически отсутствует²¹.

Надо отметить, что, по сравнению с другими периферийными некрополями, особым богатством или даже привилегированностью в Апсилии выделяется некрополь Шапки, принадлежавший расположенному рядом с крепостью поселению. Данное поселение отличается некоторыми особенностями:

1. Сельскохозяйственный инвентарь и кухонная керамика, обычные для других апсильских захоронений, здесь отсутствуют.

2. Присутствуют в значительном количестве предметы роскоши и импорта (амфоры, стекло, керамика, оружие).

Это может означать, что поселение Шапки могло в силу своего местонахождения занимать доминирующее положение в торговле между прибрежным районом и горной местностью. Не исключено, что экономическое положение этой общины стимулировалось также участием в охране купеческих караванов, уходивших за перевалы. В качестве компенсации значительная часть товаров могла оседать здесь и через посредство уже местных торговцев распространяться среди остального населения древней Цебельды²². Это в конечном итоге должно было отражаться и на социальной структуре местного населения, в частности, выявленное на некрополе оружие²³ указывает, что в Шапки могут быть выделены воинские могилы, но это необязательно погребения воинской элиты.

Так, в частности, М.М. Казанский выделил определенную иерархию погребений с оружием, но в разных могильниках (Шапки, Шапка-Ахьяцараху, Цибилиум) она проявилась по-разному в зависимости от хронологического периода. В некрополе Шапка 28 из 86 могил, исследованных к 1971 году, т.е. 32,5% от общего числа, содержали оружие, а на кладбище Шапка-Ахьяцараху оружие присутствует почти в половине изученных погребений. На могильнике Цибилиум исследовано 467 погребений, из них не менее 120, т.е. не менее 25% содержали предметы вооружения²⁴. Для создания системы иерархии по степени богатства и престижности инвентаря в палеосоциологических исследованиях цебельдинских могильников было выделено (начиная с римского периода) четыре уровня «воинских» погребений: с парадным оружием, с престижными ременными гарнитурами и редкими дорогими предметами импорта, с набором вооружения, конские захоронения с полным или частичным набором предметов вооружения, с единичными предметами вооружения²⁵. В качестве сравнительно-типологического метода был использован уже наработанный материал по эпохе Меровингов Центральной и Западной Европы²⁶.

²⁰ Воронов 1975, 104.

²¹ Казанский, Мастыкова 2008, 177.

²² Воронов 2013, 303.

²³ Воронов, Шенкао 1982, 121.

²⁴ Казанский 2015, 44.

²⁵ Казанский 2015, 45.

²⁶ Казанский, Перен 2014, 262.

Между тем исследование погребального инвентаря в Цебельде (некрополи Цибилиум 1-15) (VI в.), свидетельствует о имевшихся процессах социальной дифференциации, происходивших в среде населения этой части Абхазии. Значительная доля материала все же выглядит однородной в социальном плане. Уже ближе к рубежу VI–VII вв. погребальный инвентарь полностью (за исключением отдельных могил) исчезает, особенно в этом смысле выделяется некрополь Цибилиум-1, где налицо состоявшаяся христианизация или византинизация населения.

В то же время военная политика Восточно-Римской империи в Восточном Причерноморье дала толчок к ускорению социального расслоения внутри апсильского общества, его милитаризации, появлению «воинской» аристократии с позднеантичного периода. В археологическом материале эти явления выразились в возникновении многочисленных погребений с оружием, а также «вождеских» могил, скорее всего, принадлежавших военным предводителям²⁷. В этом смысле интересно воинское погребение, датируемое приблизительно V в. Его инвентарь включал четыре местных керамических сосуда, краснолаковую тарелку, стеклянный бокал, щит, меч в обложенных серебром ножнах с сердоликом в золотой оправе, кинжал с перекрестием, инкрустированным разноцветным стеклом, серебряные и бронзовые пряжки, фибулы, золотой перстень с сердоликом в оправе²⁸.

Геральдические пояса. Часть населения обладала более высоким социальным статусом, что характеризуется наличием погребений с геральдическими поясными гарнитурами (Цибилиум-2, погр. 279, 313, 314, 318, 325; Юстинианов Холм-3 – некрополь Шапкы; Пышта-Верхняя Эшера)²⁹. По всей видимости, «пояса являлись важным атрибутом военного престижного костюма, символизировали социальный статус хозяина, его принадлежность к воинскому сословию»³⁰.

Керамика. В качестве критерия для характеристики общественной системы и выделения привилегированного сословия в Апсилии была использована и керамика. Комплексное исследование керамического производства Апсилии позднеантичного и ранневизантийского времени на основе результатов обработки первичных данных на ЭВМ определило и количественно оценило морфологическую неоднородность в типологических группах керамики Цебельдинской культуры. Опираясь на данное исследование, В.А. Логинов попытался реконструировать палеодемографическую ситуацию и социальную структуру общества, показать высокий уровень древнеабхазского (в первую очередь апсильского) гончарного производства, в свою очередь отразившегося, по мнению исследователя, «на интенсивном разложении родообщинных отношений и складывании раннеклассового общества на базе отгонного скотоводства и “военной” специализации цебельдинцев»³¹.

Перстни-печатки. При рассмотрении погребального инвентаря некрополей Цибилиум-1, 2 был замечен еще один интересный факт, представленный в 10-ти ингумационных погребениях VI в. н.э. Это перстни-печатки, присутствующие в

²⁷ Казанский 2015, 44.

²⁸ Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова, Шенкао, Логинов 1979, 498.

²⁹ Казанский, Мастыкова 2011, 110.

³⁰ Ньюшков 2014, 140.

³¹ Логинов 1985, 63.

погр. 31, 144, 195, 279, 281, 325, 326, 400, 407, 413³². Интересно отметить, что, например, на Северном Кавказе «перстни встречаются крайне редко, их распространение связано, вероятно, с влиянием средиземноморской моды, не исключается и их местное изготовление, определяемое простотой формы северокавказских перстней и дешевизной материала (бронза)³³». Перстни-печатки были выявлены и в других некрополях Абхазии конца I тыс. до н.э. (Гуадиху, Красный Маяк, Эшерское городище). По мнению М.М. Гунба, перстни-печатки, обнаруженные в Абхазии V–III вв. до н.э., могут свидетельствовать об имущественном расслоении как в это время, так и в I–III вв. н.э.³⁴ На наш взгляд, указанные выше в погребениях апсиров перстни-печатки определяли статус владельца.

Проблема социальной стратификации «варварских» социумов Северного и Южного Кавказа VI в. остается по сей день актуальной. В этой связи отдельного внимания заслуживает тема социального устройства западных алан. Изучая их социально-политическую историю, нельзя не обратить внимания на то, что общество западных алан и общество апсиров развивалось в сходных условиях. Вероятно, в среде этих этнокультурных, довольно тесно контактировавших объединений в ранневизантийскую эпоху происходили близкие процессы формирования социальной организации, становления и развития ее раннеполитических форм управления, особенно в местах наибольшей концентрации населения. В Апсилии это Цебельдинская долина, в Алании – Кисловодская долина. В них располагались небольшие патронимические поселки – места обитания семейных кланов из 5–20 семейств³⁵. В тоже время в Апсилии основное население было сосредоточено в двух десятках поселений, представлявших собой семейный поселок, объединявший 5–10, а иногда и больше семей.

Заключение

Таким образом, письменные источники (хотя они не отражают в достаточной мере социальную структуру) и археологически фиксируемые следы указывают на существование социальной стратификации в этнокультурной среде древнеабхазских этнообъединений на территории современной Абхазии в VI в. с имевшейся иерархизацией, для которой неотъемлемым признаком является большесемейная община³⁶. Она хорошо различима, в частности, у апсиров в рамках большесемейного кладбища на Цебельдинском могильнике³⁷. Так наличие привилегированных участков на Цебельдинском некрополе, а также сведения из ранневизантийских письменных источников позволяют нам говорить о том, что в древнеабхазском обществе уже выделился элитный слой, в частности, воинский (дружинный).

³² Воронов 2003, рис. 1.

³³ Мастыкова 2009, 71.

³⁴ Гунба 1989, 126.

³⁵ Коробов 2013, 25.

³⁶ Крадин 2010, 173.

³⁷ Воронов 1975, 100.

ЛИТЕРАТУРА

- Амичба, Г.А. 2010: *Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования)*. Сухум.
- Анчабадзе, З.В. 1964: *История и культура древней Абхазии*. М.
- Барцыц, Р.М. 2014: Христианский храм в селе Лдзаа, Республика Абхазия (новые материалы раскопок 2013 г.). В сб.: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье*. Краснодар, 4–9.
- Бгажба, О.Х., Лакоба, С.З. 2007: *История Абхазии с древнейших времен до наших дней*. Сухум.
- Воронов, Ю.Н. 1975: *Тайна Цебельдинской долины*. М.
- Воронов, Ю.Н. 2003: *Могилы апсильов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977–1986 годах*. Пушкино.
- Воронов, Ю.Н. 2006: Колхида на рубеже средневековья. В кн.: О.Х. Бгажба (ред.), *Научные труды*: в 7 т. Т. 1. Сухум, 294–429.
- Воронов, Ю.Н. 2013: Материальная культура апсильской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV–VI вв. В сб.: О.Х. Бгажба (ред.), *Абхазоведение (историческая серия)*. Вып. 8–9. Сухум, 302–309.
- Воронов, Ю.Н., Гунба, М.М., Бгажба, О.Х., Хрушкова, Л.Г., Шенкао, Н.К., Логинов, В.А. 1979: Работы Цебельдинской экспедиции. В сб.: *АО 1978 года*. М.
- Воронов, Ю.Н., Шенкао, Н.К. 1982: Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. В сб.: А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели (ред.), *Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков*. М., 121–165.
- Гунба, М.М. 1989: *Абхазия в I тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения)*. Сухуми.
- Иванов, С.А. 2003: *Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина?* М.
- Инал-ипа, Ш.Д. 1976: *Вопросы этнокультурной истории абхазов*. Сухуми.
- Казанский, М.М. 2015: Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции. В сб.: А.В. Мاستыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Материалы международной научной конференции. М., 44–49.
- Казанский, М.М., Мастыкова, А.В. 2008: Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). В сб.: А.А. Туаллагов (ред.), *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: XXV Крупновские чтения*. Владикавказ, 173–178.
- Казанский, М.М., Мастыкова, А.В. 2011: Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). В сб.: А.Ю. Скаков (ред.), *Вторая Абхазская международная археологическая конференция*. Сухум, 102–116.
- Казанский, М.М., Перен, П. 2014: «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований. *КСИА* 234, 262–286.
- Касландзия, Н.В. 2011: К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.). В сб.: Т.А. Ачугба (ред.), *Первые Международные Инал-иповские чтения*. Сухум, 391–400.
- Кондратьев, С.П. (пер.) 1950: *Прокопий из Кесарии. Война с готами*. М.–Л.
- Коробов, Д.С. 2013: Аланские «вождеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья: тезисы докладов международного научного семинара*. М., 25–27.

- Крадин, Н.Н. 2010: *Политическая антропология: учебник*. М.
- Левченко, М.В. (пер.) 1953: *Агафий. О царствовании Юстиниана*. М.
- Логинов, В.А. 1985: Этнографический аспект изучения керамики Абхазии. *ИАИЯЛИ* XIII, 57–66.
- Маан, О.В. 2014: *Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средневековье (VI–X вв.)*. Сухум.
- Мастыкова, А.В. 2009: *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э.* М.
- Нюшков, В.А. 2014: Воинское сословие в Апсилии. Историко-культурное исследование. *КСИА* 234, 140–157.
- Трапш, М.М. 1971: *Труды*: в 4 т. Т. 3: Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси.
- Трапш, М.М. 1975: *Труды*: в 4 т. Т. 4: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Тбилиси.

REFERENCES

- Amichba, G.A. 2010: *Istoricheskaya antropimiya abkhazov (materialy i issledovaniya)*. Suhum.
- Anchabadze, Z.V. 1964: *Istoriya i kul'tura drevnej Abkhazii*. Moscow.
- Bartsyts, R.M. 2014: Hristianskij hram v sele Ldzaa, Respublika Abkhaziya (novye materialy raskopok 2013 g.). In: T.A. Pavlenko, R.B. Shatum, V.V. Ulitin (red.), *IV «Anfimovskie chteniya» po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyj Kavkaz v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij v drevnosti i srednevekov'e*. Krasnodar, 4–9.
- Bgazhba, O.H., Lakoba, S.Z. 2007: *Istoriya Abkhazii s drevnejshih vremen do nashih dnei*. Suhum.
- Gunba, M.M. 1989: *Abkhaziya v I tysyacheletii n.e. (social'no-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniya)*. Suhumi.
- Inal-ipa, Sh.D. 1976: *Voprosy etnokul'turnoj istorii abkhazov*. Suhumi.
- Ivanov, S.A. 2003: *Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» hristianina?* Moscow.
- Kaslandziya, N.V. 2011: K voprosu o genezise feodal'nyh otnoshenij v Abkhazii (koniec VIII – pervaya polovina XI vv.). V sb.: T.A. Achugba (red.), *Pervye Mezhdunarodnye Inal-ipovskie chteniya*. Suhum, 391–400.
- Kazanskij, M.M. 2015: Ierarhiya «voinskih» pogrebenij v Abkhazii (II–VII vv.) i vozmozhnosti social'noj rekonstrukcii. In: A.V. Mastykova (red.), *Social'naya stratifikaciya naseleniya Kavkaza v konce antichnosti i nachale srednevekov'ya: arheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M., 44–49.
- Kazanskij, M.M., Mastykova, A.V. 2008: Evolyuciya nekropolya Cibilium (II–VII vv.). In: A.A. Tuallagov (red.), *Otrazhenie civilizacionnyh processov v arheologicheskikh kul'turah Severnogo Kavkaza i sopredel'nyh territorij: XXV Krupnovskie chteniya*. Vladikavkaz, 173–178.
- Kazanskij, M.M., Mastykova, A.V. 2011: Federaty i Imperiya: evolyuciya nekropolya Cibilium (II–VII vv.). In: A.Ju. Skakov (red.), *Vtoraya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferenciya*. Suhum, 102–116.
- Kazanskij, M.M., Peren, P. 2014: «Korolevskie» i «vozhdeskie» pogrebeniya rannemeroving-skogo vremeni v Gallii: sostoyanie issledovanij. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 234, 262–286.
- Kondrat'ev S.P. (per.) 1950: *Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami*. Moscow–Leningrad.
- Korobov, D.S. 2013: Alanskije «vozhdeskie» pogrebeniya i centry vlasti v Kislovodskoj kotlovine. In: A.V. Mastykova (red.), *Rannegosudarstvennye obrazovaniya i «knyazheskaya»*

- kul'tura na Severnom Kavkaze v konce Antichnosti – nachale Srednevekov'ya. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara.* Moscow, 25–27.
- Kradin, N.N. 2010: *Politicheskaja antropologija: uchebnik.* Moscow.
- Levchenko, M.V. (per.) 1953: *Agafij. O carstvovanii Yustiniana.* Moscow.
- Loginov, V.A. 1985: Etnograficheskiy aspekt izucheniya keramiki Abhazii. *Izvestiya Abhazskogo instituta jazyka, literatury i isto-rii* XIII, 57–66.
- Maan, O.V. 2014: *Kul'turno-etnicheskie kontakty abhazov v rannem srednevekov'e (VI–X vv.).* Suhum.
- Mastykova, A.V. 2009: *Zhenskij kostyum Central'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v konce IV – seredine VI v. n.e.* Moscow.
- Nyushkov, V.A. 2014: Voinskoe soslovie v Apsilii. *Istoriko-kul'turnoe issledovanie. Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 234, 140–157.
- Trapsh, M.M. 1971: *Trudy: v 4 t. T. 3: Kul'tura cebel'dinskih nekropolej.* Tbilisi.
- Trapsh, M.M. 1975: *Trudy: v 4 t. T. 4: Materialy po arheologii srednevekovoj Abhazii.* Tbilisi.
- Voronov, Ju.N. 1975: *Tajna Cebel'dinskoj doliny.* Moscow.
- Voronov, Ju.N. 2003: *Mogily apsilov. Itogi issledovanij nekropolya Cibilium v 1977–1986 godah.* Pushchino.
- Voronov, Ju.N. 2006: Kolhida na rubezhe srednevekov'ya. In: O.H. Bgazhba (red.), *Nauchnye trudy: v 7 t. T. 1.* Suhum, 294–429.
- Voronov, Ju.N. 2013: Material'naya kul'tura apsilijskoj aristokratii (Vostochnoe Prichernomor'e) s IV–VI vv. In: O.H. Bgazhba (red.), *Abhazovedenie (istoricheskaya seriya).* Vyp. 8–9. Suhum, 302–309.
- Voronov, Ju.N., Gunba, M.M., Bgazhba, O.X., Hrushkova, L.G., Shenkao, N.K., Loginov, V.A. 1979: Raboty Cebel'dinskoj ekspedicii. In: *Arheologicheskie otkrytiya 1978 goda.* Moscow.
- Voronov, Ju.N., Shenkao, N.K. 1982: Vooruzhenie voinov Abhazii IV–VII vv. In: A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (red.), *Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov.* Moscow, 121–165.

THE PROBLEM OF RESEARCH OF SOCIAL STRATIFICATION IN ANCIENT ABKHAZIAN ETHNO-POLITICAL ASSOCIATIONS IN THE 6th CENTURY AD

Valentin A. Nyhkov

The Abkhazian Institute of humanitarian studies D.I. Gulia ANA, Russia,
Valenti74@yandex.com

Abstract. This article deals with the problem of the social stratification of the ancient Abkhazian societies in the 6th century AD. This century is not chosen occasionally, it is the turn of the Late Antiquity and the Early Middle Ages. Based on written sources and archaeological data the social stratification of the Abasgoi, Apsilae and Misimians is analyzed. The formation of their social elite, in particular the military one, as a special group of the local population, which had privileged high social rank is examined. It was concerned with the military policy of the Eastern Roman Empire in the Eastern Black Sea Region, which gave an impetus to the acceleration of social stratification in Abkhazia, as well as the emergence of the „military“ aristocracy since the time when the Roman Empire had ruled in the Western Caucasus. Thus, in the necropolis of Tsebelda a fixation of the “chief” burials or graves of the military leaders has been marked.

The purpose of this paper is to analyze “conditionally rich” and “conditionally poor” graves. The existence of social stratification of the ancient Abkhazian society of Western Transcaucasia in the 6th century AD was found. For example in the settlement of Shapky in Tsebelda, there was no any agricultural implement, but the luxury and import finds were prevailing. It is

evidently, a reliable marker, indicating that a part of the population had a higher social status, is the occurrence of the belt sets in the graves of the necropolis in Tsebelda. The author suggests that the differentiation of the buried people in accordance with their property size varied more depending on the way where the ancient trade road took place; today it is a well-known Sukhumi Military Road.

Key words: Abkhazia, ancient Abkhazian society, Apsilia, Tsebelda necropolis, graves, grave goods, elite, social stratification

КАМЕННАЯ ПЛАСТИКА СОБОРА В С. АГУ-БЕДИЯ (АБХАЗИЯ): ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ И ТИПОЛОГИИ*

Е.Ю. Ендольцева*, Г.А. Сангулия**

*Институт Востоковедения РАН, Москва,
ekaterina.endoltseva@gmail.com*

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, Сухум,
garik-ajsanuyg@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена средневековому храму, находящемуся в селе Агу-Бедия на территории республики Абхазия. Снаружи храм украшен резными рельефами, время изготовления которых предстоит выяснить. Сведения, происходящие из различных групп источников (летописи, надписи на фресках внутри храма, археологические данные, архитектурные особенности, сохранившийся литургический сосуд и надпись на нем), позволяют выделить несколько периодов в истории строительства храма. Его архитектурные формы также свидетельствуют в пользу того, что храм неоднократно перестраивался. Часть рассматриваемых рельефов находится *in situ*, другая часть осыпалась и хаотически разбросана вокруг храма. Некоторые рельефы собраны под специально сооруженным навесом с восточной стороны храма. Наконец, отдельные рельефы переиспользованы в кладке внутри рассматриваемого собора. В результате полевых исследований все доступные резные блоки были зафиксированы, сфотографированы и обмерены. Основная цель статьи – произвести анализ резьбы задокументированных резных блоков и попытаться их атрибутировать. Для удобства рассматриваемые резные блоки были систематизированы по характеру орнамента. Каждая из выделенных групп была рассмотрена с точки зрения стиля, техники и иконографии. Выявленные аналогии позволили разделить изучаемые рельефы на несколько временных групп, которые укладываются в период между XI и XVI веками. Сопоставляя рассматриваемые рельефы с возможными этапами строительства собора, удалось гипотетически определить, к какому периоду могла бы быть отнесена та или иная группа резных камней. Анализ форм известняковых блоков позволяет также предположить, в какой части храма они изначально размещались. Сделанные предположения носят предварительный характер. Окончательные выводы невозможны без дополнительных археологических исследований памятника, а также без его подробных архитектурных обмеров.

Ключевые слова: Абхазия, Агу-Бедия, собор, средневековая архитектура, датировка

Ендольцева Екатерина Юрьевна – старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.
Сангулия Гарик Анатольевич – старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 15-24-12001а/м и № 16-24-12551 е (м).

Недавно возобновившиеся исследовательские работы (археологические раскопки¹, натурные исследования²) в бывшем монастырском комплексе в селе Агу-Бедия (Ткуарчалский р-н РА) поднимают ряд вопросов и заставляют систематизировать имеющиеся сведения по его истории. В частности, возникает потребность классифицировать рельефы, украшавшие собор монастыря снаружи и изнутри. Последнее невозможно без ретроспективного анализа истории изучения зданий комплекса.

Как известно, храм в окружении других построек (здание дворцового типа, колокольня с воротами в нижнем этаже, две небольшие постройки гражданского назначения) возвышается в центре живописного плато, защищенного с трех сторон почти отвесными скалистыми обрывами. Первые сведения о соборе известны благодаря летописи «Матиане Картлиса», где его основание приписывается абхазскому царю Баграту II (908–1008)³. Это событие подтверждается также благодаря двум надписям, выгравированным на золотой чаше, хранящейся ныне в Тбилисском музее искусств Ш. Амиранашвили⁴. Надписи были впервые прочитаны историком Д. Бакрадзе, который обнаружил чашу в 1865 г. в ризнице Илорской церкви⁵. Их содержание дополняет деталями первоначальную историю собора. Так, одна надпись – на верхнем ободке чаши – упоминает о посвящении собора («Святая мать Божия будь ходатаицей перед сыном твоим за абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухт, пожертвовавшим сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию церковь»⁶), а вторая – на ножке чаши – уточняет первую («Пресвятая Влахернская Богоматерь, будь помощью мне бедиеле-митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившемуся украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатаицею пред Сыном твоим в день судный. Аминь»⁷).

При осмотре руин жилых построек рядом с собором Д. Бакрадзе видел на их стенах надписи асомтаврули, «в которых поименованы епископы-бедиели, дадиани Георгий и царь Константин, оба жившие в XIV в.»⁸. За несколько десятилетий до него М. Броссе обнаружил на южной стене собора фреску с надписью, упоминавшей Георгия III, сына Левана, правившего с 1572 по 1582 гг.⁹. Из последующей истории комплекса известно, что имевший здесь резиденцию епископ Бедийский «занимал 26-е место в списке из 40-ка грузинских епископов»¹⁰. Епископ бедиели присутствовал также на соборе в Кутаиси, созданном при царе Георгии III в первой половине XVII в.¹¹ В 1640 г. Бедию посетил русский посланник Ельчин, его принимал епископ бедиели и показывал святыни, хранившиеся в то время в обители¹². Когда именно это место было заброшено – неизвестно, но с 1810 г. в соборе

¹ Бгажба, Сакания, Агумаа 2012, 268–270.

² Проводились в 2011–2012 гг. под эгидой Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

³ Цулая 1982, 282.

⁴ Evans, Wixom 1997, № 231.

⁵ Бакрадзе 1875, 39.

⁶ Бакрадзе 1875, 39.

⁷ Бакрадзе 1875, 39.

⁸ Бакрадзе 1875, 39.

⁹ Brosset 1849, 90–95.

¹⁰ Бакрадзе 1875, 39.

¹¹ Бакрадзе 1875, 39.

¹² Бакрадзе 1875, 39.

были на некоторое время возобновлены богослужения¹³. Однако уже Д. Бакрадзе свидетельствует, что видел обваливающийся купол собора и «густую растительность вместе с большими деревьями, пробивающимися из его щелей»¹⁴.

Архитектурное изучение комплекса началось с визита академика А.И. Павлинова, опубликовавшего результаты натурных исследований собора в 1893 г.¹⁵ Впервые были выполнены обмеры храма, составлен его план. Анализ внутреннего пространства и особенностей внешнего облика собора позволил ученому датировать его X в. и считать образцом «чисто грузинской архитектуры»¹⁶. В пользу такого предположения, как считает А.И. Павлинов, свидетельствуют и каменные рельефы, украшающие здание¹⁷. Это мнение поддерживают также И.И. Толстой и Н.П. Кондаков¹⁸. Н.П. Северов, посетивший бедийское плато приблизительно на полвека позже, отмечает, что за это время древняя часть купола и остатки кровли собора были снесены вместе с частью облицовки стен и «возобновлены» монастырским начальством¹⁹. Помимо этого, архитектор делает ряд ценных наблюдений, касающихся архитектуры храма и его скульптурного убранства. Так, соглашаясь с мнением по поводу датировки памятника, высказанным предшественниками, Н.П. Северов отмечает, что «в отличие от Кутаисского “храма Баграта”, по своему плану и формам принадлежащего к группе памятников, завершивших эпоху исканий VIII–X веков, храм в Бедии должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI–XII веках стал господствующим и в откристаллизовавшихся формах перешел в следующие эпохи»²⁰. Кроме того, исследователь упоминает о найденных в ходе «новейших изысканий»²¹ фундаментов небольшой церкви, стоявшей на плато к югу от собора. Не высказывая предположений по поводу ее датировки, Н.П. Северов тем не менее предполагает, что каменные рельефы, использованные в облицовке собора, можно разделить на две хронологически разнородные группы. «Есть все основания полагать, что часть резных украшений этой церкви пошла в кладку собора – фрагменты во внутренней облицовке, люнетные перемычки над входами в жертвенник и дяконник. Фасадные же порталы и уцелевшие наличники окон являются произведениями древнегрузинской декоративной скульптуры эпохи строительства храма»²². Однозначно временем царя Баграта II датируют собор и ряд других известных исследователей средневекового грузинского искусства. Среди них Ш.Я. Амиранашвили²³, Р.С. Меписашвили и В.Г. Цинцадзе²⁴, Э. Нойбауэр²⁵.

¹³ Бакрадзе 1875, 39; Dubois de Monpéroux 1839, 342.

¹⁴ Бакрадзе 1875, 39.

¹⁵ Павлинов 1893, 26–29.

¹⁶ Павлинов 1893, 28.

¹⁷ Павлинов 1893, 28.

¹⁸ Толстой, Кондаков 1891, 54–55.

¹⁹ Северов 1947, 193.

²⁰ Северов 1947, 193.

²¹ Северов 1947, 193.

²² Северов 1947, 193.

²³ Амиранашвили 1963, 203.

²⁴ Mepiaschwili, Zinzadse 1977, 227, 262.

²⁵ Neubauer 1976, 96.

Новой вехой в осмыслении строительной истории Бедийского собора стала статья Р.О. Шмерлинг²⁶. Посредством эпиграфического анализа надписей на фрагментах фресок, сохранившихся в интерьере храма, исследовательнице удалось выделить три хронологических этапа в их истории. Дополняя сделанные наблюдения данными, полученными в результате анализа архитектурных форм собора, а также стилистического и иконографического анализа его росписей, Р.О. Шмерлинг соотнесла эти этапы с конкретными историческими периодами²⁷. По ее версии, первый из них связан с деятельностью царя Баграта III, когда храм был расписан сразу же после окончания строительных работ, то есть в самом начале XI в.²⁸. Наличие второго этапа исследовательница объясняет проведением капитального ремонта собора, сделанного, по ее мнению, в последней четверти XIII – первой половине XIV вв.²⁹ Эпиграфический анализ особенностей надписей на фресках третьего этапа, а также сопоставление изображенных на них лиц с реальными историческими персонажами и упомянутым в надписи (прочитана М.Ф. Броссе) над входом в здание гражданского назначения к западу от храма бедийским епископом дают возможность отнести его (третий период) к XVI–XVII вв.³⁰ Произведенный анализ фресковых изображений и выявленные благодаря ему хронологические этапы дают возможность построения гипотез по поводу датировки и архитектурной орнаментики собора. Что касается Р.О. Шмерлинг, то она высказывается по этому поводу достаточно кратко: «художественные приемы, выявляемые поновленными частями памятника, то есть его фасадами и барабаном, структура декоративных обрамлений проемов, их профилировка, состав орнаментики и пр. определяют время капитального ремонта храма»³¹. С предложенной хронологией в целом, за исключением небольших уточнений, соглашается и автор ставшего уже классическим труда по истории монументальной живописи Абхазии Л.А. Шервашидзе³². Косвенное подтверждение выделенным хронологическим периодам дает и факт обнаружения под постофориями сохранившегося собора очертаний «древних выступающих полукругом апсид»³³. Однако Л. Рчеулишвили, интерпретируя эти сведения, а также анализируя архитектурные формы собора (общие пропорции интерьера, ложные хоры, изменение профиля углов апсиды на половине ее высоты)³⁴, приходит к радикальным выводам. По его мнению, нынешний собор в XIII–XIV вв. был заново построен «на

²⁶ Шмерлинг 1957, 503–511.

²⁷ Шмерлинг 1957, 508.

²⁸ Шмерлинг 1957, 509: «... роспись представлена в настоящее время только ктиторскими портретами на северной стене и изображениями царя [Баграта III] на южной, да святителями в алтаре».

²⁹ Шмерлинг 1957, 510: «Сцена Троицы над святителями, роспись южной и северной стен в подкупольном пространстве, над ктиторскими изображениями, фрески на западной стене».

³⁰ Шмерлинг 1957, 510: «портреты ктиторов из рода Дадияни, обрывки живописи в южном входе».

³¹ Шмерлинг 1957, 509.

³² Шервашидзе 1980, 54, 58. В отличие от Р. Шмерлинг, Л. Шервашидзе относит к первоначальному этапу только изображение Баграта II на южной стене собора (хотя и со значительными поздними поновлениями) и ктиторские портреты на противоположной, северной стене. Фигуры же святителей в нижнем регистре апсиды, по его мнению, были написаны не раньше XIV в.

³³ Химшиашвили 1968, 78–79, 81.

³⁴ Рчеулишвили 1988, 71.

развалинах сооруженного Баграта III»³⁵, а не основательно реставрирован, как считала Р. Шмерлинг³⁶. Сформулированную Л. Рчеулишвили догадку повторяет Л. Хрушкова, отмечая, что первоначальный храм Баграта III типа «вписанный крест» мог походить на собор в Пицунде³⁷.

Фрески собора в Бедии привлекали внимание некоторых европейских исследователей, которые считали их примером византийского влияния на грузинскую живопись XIV в.³⁸

Интересные сведения, касающиеся строительной истории храма, были получены в результате последних археологических исследований комплекса, проводившихся в 2011 г. для составления проекта его реставрации³⁹. В частности, при исследовании фундамента храма⁴⁰ был расчищен нартекс с западной стороны⁴¹ и остатки церкви к югу⁴². Северная часть фундамента последней стала частью южного фундамента собора. С северной стороны собора выявлена еще одна небольшая постройка, также примыкавшая вплотную к его фундаменту⁴³. Таким образом, были сделаны существенные шаги к уточнению первоначального плана Бедийского храма. Однако вызывает некоторые вопросы версия о датировке выявленных строений, предложенная археологами, проводившими эти исследования. Они готовы отнести их ко времени императора Юстиниана⁴⁴. Трудно судить о правдоподобности предлагаемой гипотезы, поскольку обнародованные результаты раскопок опубликованы лишь в тезисной форме. К тому же, как сказано в той же публикации, исследования пока не закончены. И потому остается надеяться на более подробное и обстоятельное изложение материалов по этой теме в ближайшем будущем.

Переходя, наконец, к подробному анализу рельефной резьбы собора, необходимо кратко описать его настоящее состояние. Резные блоки, использовавшиеся в облицовке оконных проемов северного, южного и западного фасадов в значительной степени осыпались⁴⁵, *in situ* сохранилась большая часть резного убранства порталов и частично декоративное оформление центрального окна восточного фасада (рис. 1, 2, 3). Упавшие орнаментированные плиты в основном собраны под навесом, устроенным на открытом воздухе с восточной стороны собора. Остальные блоки сложены внутри собора или, в единичных случаях, рассеяны по плато. В августе 2012 г. по поручению Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия мы провели обмеры, фиксацию и поиск неизвестных плит осыпавшихся рельефных плит из облицовки храма. В результате возникли некоторые соображения по поводу систематизации рельефов, исходя из их технических, стилистических и иконографических характеристик. По этим признакам

³⁵ Рчеулишвили 1988, 72.

³⁶ Шмерлинг 1957, 510.

³⁷ Khroushkova 2006, 107.

³⁸ Velmans, Alpago Novello 1996, 146.

³⁹ Бгажба, Сакания, Агумаа 2012, 268–269.

⁴⁰ Бгажба, Сакания, Агумаа 2012, 268: «Было заложено 10 шурфов разных размеров, различной глубины».

⁴¹ Упомянут А.И. Павлиновым (Павлинов 1893, 27).

⁴² Об этой постройке упоминает еще Н.П. Северов (Северов 1947, 193).

⁴³ Северов 1947, 193.

⁴⁴ Северов 1947, 193.

⁴⁵ <http://abkhazeti.info/news/1328158636.php>

Рис. 1. Восточный фасад собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 2. Декоративное убранство южного фасада собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 3. Блоки, вторично использованные во внутренней облицовке северной стены собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 4. Блоки, вторично использованные во внутренней облицовке северной стены собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой.

имеющиеся резные блоки представляется возможным разделить на четыре группы. К первой относятся два блока, вторично использованные во внутренней облицовке собора (северная стена) (рис. 4, 5). Судя по форме, оба предназначались для украшения верхней полукруглой части окна. На одном из блоков (88×47 см) на гладком фоне окаймленной с двух сторон невысокими бортиками ленты вырезана

Рис. 5. Обрамление окна на восточной стороне южного рукава собора в Тбети. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

виноградная лоза. От стебля волнообразной формы отходят отростки, поочередно завершающиеся тонко профилированными листьями и объемно смоделированными гроздьями. Линия стебля динамична, но не настолько подчинена симметрии, чтобы выглядеть слишком геометрично. Листья и гроздья показаны рельефно и живо. Такая трактовка растительного орнамента, когда создается впечатление «живой подвижности... и движения, сообщаемого орнаменту не только путем соответственной организации его схемы, имеющей для орнамента значение основы или костяка, но и путем изобретательного использования светотени, как известно, обладающей способностью повышать впечатление пластичности орнамента и подчеркивать динамичность его структуры»⁴⁶, по наблюдению Р. Шмерлинг, особенно часто встречается на памятниках второй половины X в. С точки зрения иконографии, мотив виноградной лозы имеет древнюю традицию изображения и появляется, будучи исполненным в разнообразных техниках, уже на памятниках античного и раннехристианского искусства. В идентичной ситуации, в каменной фасадной пластике рассматриваемого региона, подобное изображение известно, к примеру, на выступе, членищем восточный фасад храма в Джвари (VII в.)⁴⁷. В последующий период виноградная лоза встречается и в резьбе алтарных преград IX–X вв.⁴⁸. Однако наиболее близкой по функции и стилю аналогией следует признать сполию, использованную в обрамлении окна на восточной стороне

Рис. 6. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

южного рукава собора в Тбети (рис. 6). История строительства этого здания достаточно ясно читается благодаря исследованиям последних лет⁴⁹ и хорошо сохранившимся строительным слоям. Благодаря этому датировать разновременные резные блоки, использованные в его облицовке, возможно достаточно уверенно. Рассматриваемый рельеф в настоящее время находится в слое XIII в.⁵⁰ Нижняя часть плиты растесана, чтобы украсить щелевидное окно. Очевидно, что первоначально рельеф был круглой формы. Он обрамлял небольшую по диаметру люнету,

⁴⁶ Шмерлинг 1962, 97.

⁴⁷ Чубинашвили, Северов 1948, табл. 18.

⁴⁸ Шмерлинг 1962, табл. 5, 14.

⁴⁹ Djobadze 1992, 218–233. Khoshtaria 2005, Tab. 41.

⁵⁰ Djobadze 1992, 280.

а виноградная лоза образовывала равноконечный крест⁵¹. Сравнительное изучение строительных слоев собора позволяет предположить, что этот блок связан с ранним периодом истории здания и может быть датирован X в.⁵²

Второй блок из внутренней облицовки северной стены собора в Бедии в настоящий момент использован в качестве верхнего наличника полукруглого в верхней части окна. Его проем шире, чем тот, для которого предназначался рельеф. Поэтому верхняя полукруглая часть наличника растесана, и первоначальный рисунок ее резьбы поврежден. Сохранившиеся детали подсказывают, что этот наличник мог состоять из полукруглой арочки, опиравшейся на импосты в виде двух прямоугольных блоков. До наших дней дошел только один из них. Хотя прямоугольный импост и арочка вырезаны из разных блоков, они объединены композиционно благодаря обрамляющему орнаментальную ленту выступающему бортику. Оба блока украшены ленточным орнаментом. Характер плетения, украшающего арочку, трудно определить из-за нанесенных при вторичном использовании повреждений. На импосте вырезан узор из переплетающихся кругов и ромбов, выполненный лентой плетения в две полосы. Эта орнаментальная схема широко применялась в каменной пластике X–XIII вв., однако некоторые детали, как кажется, позволяют уточнить датировку рассматриваемого блока. Как и в случае с изображением виноградной лозы, линия этого орнамента пластична и рельефна. Ширина ленты плетения живописно колеблется, ей не свойственна геометрическая строгость орнаментов XI–XIII вв. Углы ромбов сглажены, что повышает эффект «живой подвижности» рисунка⁵³. Вышеперечисленные особенности, а также факт вторичного использования данного блока позволяют объединить его в одну хронологическую группу с первым и отнести оба рельефа к X в.

Во вторую группу можно включить фрагмент алтарной преграды, происходящий из собора⁵⁴. Это плита почти квадратной формы (72×73 см), принадлежавшая основанию преграды или барьеру в виде невысокой стенки⁵⁵. Ее широкое обрамление орнаментировано многоленточным плетением, а в центре вырезан рельеф со сценой, изображающей конного святого Георгия, поражающего копьём императора Диоклетиана. Нет необходимости останавливаться на стилистическом, техническом и иконографическом анализе этой сцены, так как его результаты подробнейшим образом изложены Р. Шмерлинг⁵⁶. Нам лишь остается согласиться с предложенной датировкой этого рельефа концом X – первым десятилетием XI в.⁵⁷ К этой же группе следует отнести рельефы с изображением плетеного креста над входом в дяконник и процветшего креста над входом в жертвенник⁵⁸. Во втором случае датирующими признаками изображения являются форма креста (пере-

⁵¹ Djobadze 1992, 228.

⁵² Khoshtaria D. Churches and monasteries... Авторы благодарят Ирену Гивиашвили за перевод отрывков текста из книги Д. Хоштария и за комментарии по поводу вероятных датировок некоторых рельефов.

⁵³ Шмерлинг 1962, 97.

⁵⁴ Сейчас эта плита хранится в коллекции Абхазского государственного музея в г. Сухуме.

⁵⁵ Шмерлинг 1962, 109.

⁵⁶ Шмерлинг 1962, 109–111.

⁵⁷ Шмерлинг 1962; Iamanidze 2010, 154.

⁵⁸ Шмерлинг 1954, 18, 47.

кладины в виде «ласточкина хвоста» с капельками на углах) и так называемый S-образный изгиб растительных побегов, вырастающих из его основания.

Если датировка рельефов первых двух групп вызывает у большинства исследователей единодушное одобрение, то орнаменты выделенной нами третьей группы сложнее однозначно отнести к определенному хронологическому периоду. Сказанное прежде всего касается идентификации резных блоков южного, северного и западного фасадов храма. К ним относятся как те, что сохранились *in situ*, так и те, что уже осыпались и хранятся сейчас под навесом с западной стороны собора или внутри него. Стилистические различия между рельефами, отнесенными нами к первой и ко второй группам, и теми, что облицовывали храм снаружи, были отмечены уже Н.В. Северовым. Он же высказал предположение о том, что эти рельефы были выполнены в разное время⁵⁹. Рельефы экстерьера, по мнению исследователя, относились ко времени строительства храма, то есть к периоду правления Баграта II⁶⁰. Р.О. Шмерлинг считала их появление следствием капитального ремонта храма, производившегося, как она предполагала, в последней трети XIII – первой половине XIV вв.⁶¹ Также и Л.Д. Рчеулишвили рельефы экстерьера, как и весь нынешний храм, возведенный «на развалинах сооруженного Багратом III»⁶², считает произведением XIII–XIV вв. Этой же версии придерживается Л.Г. Хрушкова⁶³. Прежде чем делать какие-либо выводы о времени возникновения рельефов рассматриваемой группы, отметим, что ни один из вышеперечисленных исследователей не анализирует их технические и художественные характеристики. Аргументация же базируется исключительно на результатах исследования архитектурных форм и плана собора в связи с открытием следов апсиды в его восточной части⁶⁴, стилистических особенностей фресок и эпиграфических данных⁶⁵. Учитывая эти обстоятельства, кажется разумным рассмотреть более пристально интересующие нас резные блоки. В ходе проводившихся работ по обмерам фрагментов этой лапидарной коллекции выяснилось, что их численность превышает сто штук. Вот почему в рамках настоящей статьи не представляется возможным описывать каждый из имеющихся блоков. Поэтому предлагается сначала, предварительно выделив основные орнаментальные схемы с опавших фрагментов, обозначить хронологические границы их бытования, а затем сосредоточиться на анализе декоративных элементов фасадов собора, учитывая их композиционные особенности.

Проведя анализ орнаментов на имеющихся плитах, стало возможным выделить следующие мотивы:

– Четырехконечная звезда, сплетенная с одним или двумя кругами (рис. 7). Узор составлен из ленты в три (четыре) полосы. Присутствует как отдельный декоративный элемент, так и в составе фриза, состоящего из тесно переплетающихся

⁵⁹ Северов 1947, 193.

⁶⁰ Северов 1947, 193.

⁶¹ Шмерлинг 1957, 509.

⁶² Рчеулишвили 1988, 72.

⁶³ Khroushkova 2006, 107.

⁶⁴ Рчеулишвили 1988, 72; Khroushkova 2006, 107.

⁶⁵ Шмерлинг 1957, 509.

Рис. 7. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 8. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия. Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

ся фигур. Этот мотив в архитектурной пластике Закавказья встречается в основном в XI⁶⁶– XIII вв.⁶⁷.

– Переплетающиеся ромбы, составленные из ленты плетения на три полосы (рис. 8). Мотив известен в архитектурной пластике рассматриваемого региона с XI в.⁶⁸.

– Переплетающиеся круги и ромбы (лента плетения в три полосы). Модификации этого мотива с элементами растительного орнамента (простые однолопастные листочки) (рис. 9). Встречаются в составе орнаментальных фризов в XI–XIV вв.⁶⁹.

– Переплетающиеся круги разных диаметров, составленные из ленты плетения в три полосы. Широко распространен в фасадной пластике по преимуществу в период между X и XIV вв.⁷⁰.

– Прямоугольник с переплетающимися кольцами небольшого диаметра и диагональными линиями внутри (рис. 10). Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Встречается по преимуществу в фасадной пластике XIII в.⁷¹

⁶⁶ Северный фасад храма в Эхвеви (XI в.), Габашвили 1955, 59, табл. 19. Самтавро (XI в.), Лурджи-Монастери (XII в.), Шмерлинг 1954, 62, 70.

⁶⁷ Наличник окна на южном фасаде в слое XIII в. в Тбети.

⁶⁸ Фасад храма в Манглиси (1014–1027), Шмерлинг 1954, 58.

⁶⁹ Самтавро (XI в.), Икорта (1172 г.), Кватахеви (XII–XIII вв.), Сапара (XIII в.), Даба (XIV в.), Шмерлинг 1954, 62, 68, 71, 83, 84.

⁷⁰ Кумурдо (ок. 964 г.), храм Баграта в Кутаиси (1003 г.), Самтавро (XI в.), Мериа (XII–XIII вв.), Кабени (XIII в.), Даба (1333 г.) и др. Шмерлинг 1954, 35, 49, 63, 69, 75, 84. Тбети в обрамлении сдвоенных окон на южном фасаде в слоях XIII в. и в обрамлении щелевидного окна на восточном фасаде в слое XI в.

⁷¹ Импорт арочки, обрамляющей закомару, на южном фасаде собора в Тбети в слое, датированном, вероятно, XIII в.

– Переплетающиеся круги большого и малого диаметров, пересеченные проходящими через центр прямыми параллельными линиями. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Этот мотив встречается в фасадной пластике, начиная с XI в.⁷².

Рис. 9. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 10. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

⁷² Самтавро (XI в.), Шмерлинг 1954, 62.

Рис. 11. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

– Центрическое плетение, состоящее из петелек небольшого диаметра и ленты в три полосы⁷³ (т. н. лабиринт). Встречается в фасадной пластике XI в. и эпизодически вплоть до XIV вв.⁷⁴

– Крест с трехлопастным завершением перекладин, сужающихся к средокрестию (рис. 11). Прямых аналогий в архитектурной пластике региона обнаружить не удалось. Отдаленной аналогией может служить крест, украшающий алтарную преграду из Ахалцихе (XIII в.)⁷⁵.

– Ленточный орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы (петельки) с элементами растительных мотивов (схематично изображенный распластаный лист с волнообразно оформленными краями). Получает распространение в архитектурной пластике Закавказья в XI–XIII вв.⁷⁶

– Сдвоенные полуколонки (рис. 12). Мотив, который появляется в архитектурной пластике позже XI в.⁷⁷

– Выступающая, рельефно выполненная шишка, украшенная ленточным орнаментом (три полосы плетения), образующим петельки, с вкраплениями растительных мотивов (распластаный лист с волнообразно оформленными краями) (рис. 13). Мотив распространяется в архитектурной пластике, начиная с XI в.⁷⁸

⁷³ Узор на плите квадратной формы у основания наличника двери. Настоящее местонахождение неизвестно, зафиксирован А.И. Павлиновым (Павлинов 1893, табл. XVI).

⁷⁴ Обрамляет люнету на восточном фасаде храма в Тбети, слой XI в., обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Даба (1333 г.) (Шмерлинг 1954, 84, 92).

⁷⁵ Шмерлинг 1962, табл. 76.

⁷⁶ Икорга (1172 г.), Мериа XII–XIII в., Цунда (XIII в.), Кабени (XIII в.), Ахтала (XIII в.) (Шмерлинг 1954, 67, 69, 74, 75, 95). В похожей ситуации (импровизированный импост арочки) – на южном фасаде храма в Тбети в слое XIII в.

⁷⁷ Орнаментальное обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Цунда (XIII в.), Ахтала (XIII в.) (Шмерлинг 1954, 92, 93, 95). Оформление окна на южном фасаде в Тбети, в слое XIII в.

⁷⁸ Никорцминда (1010–1014). Алтарная преграда в Спети (XI в.). Шмерлинг 1962, 61.

Рис. 12. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Рис. 13. Фрагмент осыпавшегося резного украшения собора в с. Агу-Бедия.
Фото из архива Е. Ю. Ендольцевой

Подводя итог анализу архитектурных форм осыпавшихся рельефов церкви в Бедии, следует отметить, что, несмотря на обилие мотивов, распространенных в архитектурной пластике XI в., присутствие некоторых деталей, характерных для более позднего времени (сдвоенные полуколонки, крест с трехлопастным завершением концов перекладин, импровизированные импосты арочек и особенности их декора), а также некоторая сухость и геометричность исполнения резьбы (в особенности трактовка растительных элементов)⁷⁹ заставляет отнести их к периоду, начало которого выходит за границы XI в. При этом его конец скорее всего следует отнести к XIII в.

⁷⁹ Шмерлинг 1954, 186.

Похожие выводы можно сделать, рассмотрев структуру южного, северного и западного фасадов. Из неотмеченных выше элементов на южном фасаде появляется крест, сплетенный из петелек (лента в три полосы). Этот мотив известен в архитектурной пластике, начиная с X в.⁸⁰ Однако характер украшения фасадов выдает влияние более позднего времени. Вместо обязательной для памятников X и XI вв. «декоративной аркатуры, являющейся основой членения фасада»⁸¹, в данном случае «декоративное оформление строится на сопоставлении и контрасте широкой глади стены с живописными декоративными пятнами»⁸² резных обрамлений порталов и, изначально, наличников окон. Эти особенности характеризуют фасадную пластику XII–XIII вв.

К четвертой группе, вероятно, можно отнести блоки, расположенные *in situ* и осыпавшиеся с восточного фасада (в основном собраны под навесом с восточной стороны собора). Сравнение скульптурного убранства с этой стороны собора поражает лаконизмом и скупостью в сравнение с тремя вышеописанными фасадами. Сделанный А.И. Павлиновым чертеж показывает только простой равноконечный крест, профилированный бортиком, без малейших элементов дополнительного декора⁸³. Кроме того, этот же исследователь заметил «несогласие архитектурных обломов» «между основанием креста и наличником окна», что, по его мнению, «указывает на произведенную здесь некогда переделку»⁸⁴. Таким образом, можно предположить, что восточный фасад подвергся переделке в период после завершения предполагаемых Р.О. Шмерлинг ремонтных работ, то есть, вероятно, уже после XIV в.

Сгруппировав имеющиеся рельефы, исходя из их технических и художественных свойств, а также обозначив приблизительно хронологические рамки для каждой группы, попытаемся теперь сопоставить их с возможными этапами строительной истории собора.

Как уже отмечалось, произведенные в 2011 г. раскопки раскрыли фундаменты примыкавших к собору построек. Возможно, они относились не к более раннему зданию, а непосредственно к храму Баграта II (так как их южная и северная стороны, соответственно, совпадают с фундаментом основного объема собора)⁸⁵. В этом случае можно предположить, что резные блоки первой группы происходят из этих пристроек. Тогда резные блоки второй группы находятся *in situ* в основном объеме храма, построенном при Баграте II. Далее хронология, введенная Р.О. Шмерлинг, на основе анализа палеографических данных надписей на фресках внутри храма, представляется достаточно обоснованной. Тогда рельефы третьей группы могли появиться на южном, северном и западном фасадах собора вследствие ширококомасштабных ремонтных работ, о которых упоминает исследовательница. Найденные следы скруглений апсид собора позволяют, как кажется, предположить, что его восточный фасад был переложен. Принимая во внимание

⁸⁰ Мгел–Цихе (X в.), Пока (XI в.), Икви (XI в.), Лурджи–Монастери (XII в.) и др. (Шмерлинг 1954, 45, 53, 65, 70).

⁸¹ Шмерлинг 1954, 19.

⁸² Шмерлинг 1954, 19.

⁸³ Павлинов 1893, табл. XVII.

⁸⁴ Павлинов 1893, 28.

⁸⁵ Данное соображение носит сугубо предварительный характер, так как, как уже отмечалось, полный текст отчета по произведенным работам пока не опубликован.

художественные особенности пластического убранства этого фасада, можно предположить, что строительные работы здесь проводились в период, следовавший за реконструкцией остальных фасадов собора. Если доверять хронологии, введенной Р.О. Шмерлинг, то, возможно, последнее произошло приблизительно в XVI в.

Сделанные выводы, безусловно, носят предварительный характер. Их уточнение невозможно без подробного исследования архитектурных особенностей собора и проведения специальных работ по его обмерам. Необходимо также дожидаться подробной публикации сведений, полученных в ходе последних археологических работ на плато. Хотелось бы также опубликовать полный каталог сохранившихся в Бедии каменных резных рельефов. Таким образом, для уточнения деталей строительной истории собора требуется продолжение комплексных исследований построек, расположенных на плато.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиранашвили, Ш.Я. 1963: *История грузинского искусства*. М.
- Бакрадзе, Д. 1875: *Кавказ в древних памятниках христианства*. Тифлис.
- Бгажба, О.Х., Сакания, С.М., Агумаа, А.С. 2012: Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. В сб.: *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции*. Махачкала, 268–270.
- Виноградов, А.Ю., Белецкий, Д.В. 2015: *Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в.* М.
- Павлинов, А.И. 1893: Церковь в Бедии. *Материалы по археологии Кавказа* 3, 26–29.
- Рчеулишвили, Л. 1988: *Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии*. Тбилиси.
- Северов, Н.П. 1947: *Памятники грузинского зодчества*. М.
- Толстой, И.И., Кондаков, Н.П. 1891: Русские древности в памятниках искусства. *Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева* 4, 54–55.
- Химшиашвили, Л. 1968: Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедия). *Дзеглис Мецобари* 14, 78–81.
- Цулая, Г.В. (ред.) 1982: *Летопись Картли. Перевод, введение и примечания*. Тбилиси.
- Чубинашвили, Г.Н., Северов, Н.П. 1948: *Памятники типа Джвари*. Тбилиси.
- Чубинашвили, Г.Н. 1959: *Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства*. Текст. Тбилиси.
- Чубинашвили, Г.Н. 1959: *Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства*. Иллюстрации. Тбилиси.
- Шервашидзе, Л.А. 1980: *Средневековая монументальная живопись в Абхазии*. Тбилиси.
- Шмерлинг, Р. О. 1954: *Грузинский архитектурный орнамент*. Тбилиси.
- Шмерлинг, Р.О. 1957: К вопросу о датировке росписи Бедийского храма. *Сообщения Академии наук ГССР* 18, 4, 503–511.
- Шмерлинг, Р.О. 1962: *Малые формы в архитектуре средневековой Грузии*. Тбилиси.
- Brosset, M. 1849: *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapport 8*. Saint-Petersbourg.
- Chubinashvili, G. N. 1959: *Gruzinskoe chekannoe iskusstvo. Issledovanie po istorii gruzinskogo srednevekovogo iskusstva*. Tekst. Tbilisi.
- Chubinashvili, G. N. 1959: *Gruzinskoe chekannoe iskusstvo. Issledovanie po istorii gruzinskogo srednevekovogo iskusstva. Illjustracii*. Tbilisi.
- Djobadze, W. 1992: *Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti, and Savseti*. Stuttgart.

- Dubois de Monpéroux, F. 1839: *Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhazes en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Paris.
- Evans, H.C., Wixom, W.D. (ed.) 1997: *The Glory of Byzantium, Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. (843–1261), The Metropolitan Museum of Art*. New York.
- Iamanidze, N. 2010: *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles)*. Turnhout.
- Khoshtaria, D. 2005: *Churches and monasteries in Klarjeti*. Tbilisi.
- Khroushkova, L. 2006: *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles*. Turnhout.
- Mepisaschwili, R., Zinzadse, W. 1977: *Die Kunst des alten Georgien*. Leipzig.
- Neubauer, E. 1976: *Altgeorgische Baukunst*. Leipzig, Wien, München.
- Velmans, T., Alpago Novello, A. 1996: *Miroir de l'invisible, peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV siècles)*. Paris.
- Vinogradov, A.Ju., Beleckij, D.V. 2015: *Cerkovnaja arhitektura Abhazii v jepohu Abhazskogo carstva. Konec VIII–X v. M.*

REFERENCES

- Amiranashvili, Sh.Ya. 1963: *Istoriya gruzinskogo iskusstva*. Moscow.
- Bakradze, D. 1875: *Kavkaz v drevnih pamyatnikah hristianstva*. Tiflis.
- Bgazba, O.H., Sakanya, S.M., Agumaa, A.S. 2012: Arheologicheskiye raskopki v Bedijskom hrame v 2011. In: *Novejshije otkrytiya v arheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XVII Krupnovskije chteniya. Materiali Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Mahachkala, 268–270.
- Brosset, M. 1849: *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapport 8*. Saint-Petersbourg.
- Djobadze, W. 1992: *Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti, and Savseti*. Stuttgart.
- Dubois de Monpéroux, F. 1839: *Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhazes en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Paris.
- Evans, H. C., Wixom, W. D. (ed.) 1997: *The Glory of Byzantium, Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. (843–1261), The Metropolitan Museum of Art*. New York.
- Himshiashvili, L. 1968: Nekotorije voprosi restavratsii (Tsromi I Bedija). *Dzeglis Megobari* 14, 78–81.
- Iamanidze, N. 2010: *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles)*. Turnhout.
- Khoshtaria, D. 2005: *Churches and monasteries in Klarjeti*. Tbilisi.
- Khroushkova, L. 2006: *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles*. Turnhout.
- Mepisaschwili, R., Zinzadse, W. 1977: *Die Kunst des alten Georgien*. Leipzig.
- Neubauer, E. 1976: *Altgeorgische Baukunst*. Leipzig, Wien, München.
- Pavlinov, A.I. 1893: Tserkov v Bediji. *Materiali po arheologii Kavkaza* 3, 26–29.
- Rcheulishvili, L. 1988: *Kupolnaja arhitektura VIII–X vekov v Abkhaziji*. Tbilisi.
- Severov, N.P. 1947: *Pamyatniki gruzinskogo zodchestva*. Moscow.
- Shervashidze, L.A. 1980: *Srednevekovaya monumentalnaya zhivopis v Abkhaziji*. Tbilisi.
- Shmerling R.O. 1962: *Malije formi v arhitekture srednevekovoj Gruziji*. Tbilisi.
- Shmerling, R.O. 1954: *Gruzinskiji arhitekturnij ornament*. Tbilisi.
- Shmerling, R.O. 1957: K voprosu o datirovke rospisi Bedijskogo hrama. *Soobtsenja Akademiji nauk GSSR* 18, 4, 503–511.

- Tolstoj, I.I., Kondakov, N.P. 1891: Russkije drevnosti v pamyatnikah iskusstva. *Hristianskie drevnosti Krima, Kavkaza I Kieva* 4, 54–55.
- Tsubinashvili, G.N., Severov, N.P. 1948: *Pamyatniki tipa Dzvari*. Tbilisi.
- Tsulaja, G.V. (red.) 1982: *Letopis Kartli. Perevod, vvedeniye i primechaniya*. Tbilisi.
- Velmans, T., Alpago Novello, A. 1996 : *Miroir de l'invisible, peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV siècles)*. Paris.

STONE RELIEFS OF THE CATHEDRAL IN THE VILLAGE OF AGU-BEDIA: PROBLEMS OF DATING

Ekaterina Yu. Endoltseva*, Garik A. Sangulia**

* *Institute of Oriental studies of RAS, Russia,*
ekaterina.endoltseva@gmail.com

** *The Abkhazian Institute of humanitarian studies D.I. Gulia ANA, Russia,*
garik-ajsanyg@yandex.ru

Abstract. The article deals with the medieval cathedral which is situated on the territory of the village Agu-Bedia (Abkhazia). The exterior of this building is decorated with limestone reliefs. The date of their production is in the focus of the research. Different kinds of sources (chronicles, inscriptions on frescoes inside the church, archeological evidences, architectural particularities, inscription on the liturgical vessel) witness that there were several periods in the history of the church construction. Its architectural forms also prove that the church was reconstructed several times. A part of the reliefs in question is in situ, another part fell down. They are dispersed chaotically around the church. Some of these reliefs, gathered under specially constructed tent, form the eastern part of the church. Other reliefs are reused in the masonry inside the cathedral. In course of the field researches all the available reliefs were photographed and measured. The focus of the article is to analyze the carving of the documented artifacts and to attribute them. For the purpose these reliefs were categorized according to the character of their ornament. Each group is considered by its style, technique and iconography. The analogies help to date these groups by the period between the 11th and 16th centuries. The analysis of the forms of these reliefs allows us to suppose in which part of the cathedral they were originally situated.

Key words: Abkhazia, Agu-Bedia, cathedral, Medieval architecture, dating

МУСУЛЬМАНСКИЕ ГЕОГРАФЫ IX–X ВВ.
О ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ПРИМЕР ФЕМЫ БУКЕЛЛАРИИ*

Е.А. Мехамадиев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
e.mehamadiev@spbu.ru*

Аннотация. В данной статье автор рассматривает историю фемы Букелларии – военно-административного округа Византийской империи, расположенного в центральных регионах Малой Азии. Источниками для исследования послужили географические трактаты арабских и персидских авторов IX–X вв., а также греческие административные документы (свинцовые печати), упоминающие чиновников этой фемы. Преимущественное внимание уделено VIII – первой половине IX вв. Главный вопрос, который ставит автор, – когда именно региональная армия (войсковая группировка) под названием Букелларии была преобразована в фему Букелларии, т.е. в военно-административный округ, на территории которого размещалась эта армия. Автор показывает, что трактаты мусульманских ученых IX–X вв. подразумевают под словом Букелларии фему, но один из ученых, ал-Масуди, отразил сведения по более раннему периоду, когда Букелларии были еще только армией, но не фемой. Автор приходит к выводу, что таким периодом был VIII в.: несколько греческих надписей, печати и нарративные источники («Хронография» Феофана) позволили утверждать, что фема Букелларии была впервые учреждена только в первой половине IX в. В свою очередь, этот вывод опровергает тезис, сложившийся в современной историографии, что фемные округа существовали в Малой Азии уже в первой половине VIII в.

Ключевые слова: Византия, Букелларии, стратиг, фема, географические трактаты, печати

Сочинения восточных авторов (арабских и персидских) крайне сложно называть аутентичными источниками по византийской военно-административной организации, по большей части они написаны не очевидцами событий, а носителями совершенно другой культуры и языка, пребывавшими в основном за пределами Византии и знавшими о ее внутреннем устройстве только из трудов своих предшественников или других писателей, так или иначе контактировавших с жителями Византийской империи. Тем не менее, мы можем сказать, что зачастую

Мехамадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

* Работа выполнена по темплану НИР СПбГУ, Мероприятие 2/14, проект «Арабо-мусульманская историография IX века о странах и народах Южного Кавказа, Армянского нагорья и Азербайджана», шифр в ИАС 5.38.283.2014.

сведения арабских и персидских авторов IX–X вв. содержат более подробную информацию о внутренней структуре византийских провинций, их военных силах и бюрократическом аппарате, чем данные собственно греческих (византийских) источников по тому же периоду.

Например, наиболее ранний из так называемых тактиконов – византийских административных справочников, содержащих сведения о провинциях империи и ее основных чиновниках – тактикон Успенского, составленный в 842/843 гг.¹, представляет собой только список должностей, военных и гражданских, обладатели которых должны были, в зависимости от их ранга и влияния при дворе, сидеть в определенной последовательности за императорским столом во время торжественных приемов и обедов. К сожалению, тактикон Успенского не содержит данных о том, какие войска размещались в той или иной провинции Византии, сколько было крепостей и гарнизонов в том или ином регионе, какова была численность этих региональных войск. Единственное, что дает источник, – это наименования самих провинций (или фем – военно-административных округов², а также их внутренних подразделений, внутренних административных единиц) и тех командных должностей, которые возглавляли военные силы каждой провинции. В этом смысле сведения трех географических памятников – «*Книги путей и царств*» (Китāб ал-масāлик ва ал-мамāлик) Ибн Хордадбеха (ок. 820–912/913 гг.)³, анонимной персидской географии 982 г. «*Пределы мира*» (Худūd ал-‘Алām)⁴ и «*Книги сообщений и знаний*» (Китāб ат-танбīх ва ал-ишрāф) ал-Мас‘уди (ок. 896–956 гг.)⁵ – как раз, наоборот, позволяют более подробно рассмотреть военно-административное устройство Византии в IX в., поскольку перечисленные труды сообщают нам не только о названиях византийских провинций, но и содержат данные о численности их войск и в равной мере указывают на характер различных войсковых подразделений, входивших в состав региональных армий.

Примечательно, что в главах, посвященных Византии, все перечисленные выше произведения восходят к одному источнику – географическому трактату арабского ученого и путешественника ал-Джарми, побывавшего в византийском плену и составившего свой труд в период между 838 и 842/843 гг.⁶ Именно трактат ал-Джарми послужил основой для «византийских» глав текста Ибн Хордадбе-ха, издавшего итоговый вариант своей «*Книги путей и царств*» ок. 885 г.⁷ В свою

¹ Oikonomidēs 1972, 45–47. В старой статье Г. Острогорски, посвященной вопросам датировки тактиконов, был предложен более широкий временной промежуток – период между 845 и 856 гг. для тактикона Успенского, но позиция исследователя не получила широкого распространения и не была поддержана большинством византинистов (Острогорски 1953, 48).

² В настоящее время исследователи не сомневаются в том, что провинции, перечисленные в тактиконе Успенского, представляли собой фемы – военно-административные округа, находившиеся под властью специальных военных чиновников – стратигов (см.: Zuckerman 2005, 132).

³ «*Книга путей и царств*» является первым произведением географического жанра на арабском языке, которое было написано мусульманским писателем иранского происхождения около 885 г.

⁴ Трактат «*Пределы мира*» является первым произведением географического жанра и в целом первым оригинальным сочинением на новоперсидском языке фарси, подготовленным в 372 г. х. = 982 г. по христианскому летоисчислению.

⁵ «*Книга сообщений и знаний*» является вторым дошедшим до нас сочинением из огромного перечня трудов знаменитого арабского географа и путешественника ал-Мас‘уди.

⁶ Winkelmann 1982, 28; Treadgold 1983, 207.

⁷ Miquel 1967/I, XXI, 90; Miquel 1967/II, 394.

очередь, труд Ибн Хордадбега послужил источником для анонимного персоязычного трактата «Худūd ал-‘Алām» (в той его части, где неизвестный автор рассказывает об административном устройстве Византийской империи), написанного в 982 г.⁸ И, наконец, еще один восточный автор – арабский историк и географ X в. ал-Мас‘уди в своем трактате «Книга сообщений и знаний», составленном в 955–956 гг., в равной мере обратился к тексту Ибн Хордадбега и использовал его «Книгу путей и царств» для описания византийских провинций и их внутреннего устройства, в том числе и войсковых подразделений⁹.

В данном случае в задачи нашей статьи не входит разбор всего комплекса сведений указанных авторов о византийских провинциях, как раз наоборот – мы хотели бы обратиться к сведениям только об одной провинции Византийской империи, так называемой феме Букелларии, располагавшейся в центральных регионах Малой Азии, прежде всего – на территории бывшей римской провинции Галатия со столицей – городом Анкирой. Цель нашей работы – сопоставить информацию об этой феме, содержащуюся в трудах названных восточных авторов, с теми данными, которые донесли до нас непосредственно греческие источники – нарративные (прежде всего – «Хронография» Феофана Исповедника) и документальные (печати военных чиновников фемы Букелларии). Это сопоставление, как мы полагаем, поможет более точно определить, когда региональная армия под названием Букелларии была преобразована в фему, т.е. в военно-административный округ, получивший свое наименование в честь армии, размещенной на его территории.

Дело в том, что в исследованиях последних лет четко прослеживается тенденция датировать создание фем как военно-административных округов первой половиной VIII в., когда власть стратигов – наместников фем – ограничивалась исключительно военными функциями, а все финансовые вопросы оставались в руках старых гражданских структур управления. Основой для подобной точки зрения послужили печати коммеркиариев – чиновников гражданской администрации, ответственных за сбор и распределение налогов в различных провинциях империи, и эти печати упоминают слово *στρατιγία/στρατηγία*, которое как раз и рассматривают в качестве обозначения военно-территориального округа (все печати датируются первой половиной VIII в., в основном периодом от 717/718 до 745/746 гг.)¹⁰.

Проблема состоит в том, что слово *στρατιγία/στρατηγία* обозначает всего лишь армию, в лучшем случае – власть стратига, командующего этой армией¹¹, поэтому у нас нет доказательств, подтверждающих, что под словом *στρατιγία/στρατηγία* в печатях коммеркиариев можно понимать именно фему как военно-территориальный округ. В этом смысле мы полагаем, что сопоставление сведений восточных авторов о феме Букелларии с данными греческих (византийских) источников по тому же вопросу позволит более детально проследить процесс развития византийского фемного строя, уточнить, когда возникла одна из этих фем, тем более что

⁸ Minorsky 1982, XLII, L. См. также: Kazhdan 1991, 954–955.

⁹ О жизни и литературной деятельности ал-Мас‘уди см.: Kazhdan 1991, 1312; Pellat 1991, 784–789. Об источниках ал-Мас‘уди и его заимствованиях из трактата Ибн Хордадбега см.: Miquel 1967/II, 391, 400.

¹⁰ Zuckerman 2005, 129; Cheynet 2010, 12, 14.

¹¹ Sophocles 1900, 1014, sv. *στρατηγία*.

сама армия Букекларии восходит по своему происхождению к позднеантичной эпохе, поэтому мы можем последовательно рассмотреть эволюцию данной армии в VI–IX вв.

Наше внимание преимущественно будет направлено на VIII – первую половину IX в., поскольку именно VIII в. датируется большинство наиболее ранних печатей, упоминающих термин «Букекларии», в то время как рассказ арабского путешественника ал-Джарми, который лег в основу трудов Ибн Хордадбега, ал-Мас‘уди и трактата «Худūd ал-‘Алām», в целом по своему содержанию отражает период 829–842 гг., т.е. эпоху правления византийского императора Феофила¹². Помимо этого, как мы полагаем, сопоставление восточных и греческих источников позволит выявить специфику первых в освещении византийских военных реалий значимых и информативных трудов восточных авторов, что важно для изучения развития византийского фемного строя.

Итак, применительно к феме Букекларии Ибн Хордадбег, наиболее ранний из всех авторов, утверждает, что провинция ал-Букуллар, как он ее именует, включала в себя 15 крепостей, среди которых он называет и город Анкиру (современную Анкару), столицу данной фемы¹³ («Провинция ал-Букуллар, где находятся город Анкира, Самалух, и еще 13 крепостей»¹⁴).

Следующий по времени источник – «Книга сообщений и знаний» ал-Мас‘уди – говорит о провинции Боколлар (Букекларии), «где находится Ангора», округ же самой Ангоры, по словам ал-Мас‘уди, отделен от провинции Кебадок (Каппадокия) рекой Алис, а берег провинции Боколлар омывают воды Хазарского (т.е. Черного) моря или (как утверждает автор) Меотиды (Азовского моря, что, конечно же, неверно и свидетельствует о плохом знакомстве ал-Мас‘уди с географией региона) (La sixième province est celle de Bokollare (Boukellarion) où se trouve Angora. Le district d’Angora a pour limite le fleuve Alis, qui le sépare de la province de Kebâdok... le province de Bokollare est limitée par la mer des Khazars ou mer Mayotis). Ал-Мас‘уди завершает свое описание словами о том, что ни одна другая «греческая» провинция не обладает такой большой территорией и численностью населения, как Боколлар (Букекларии) (Aucune autre province grecque n’est plus étendue que celle de Bokollare ni plus peuplée)¹⁵.

Наконец, последний по хронологии трактат – «Худūd ал-‘Алām» – ограничивается только коротким упоминанием провинции Букекларии в числе других регионов империи, но вместе с тем отмечает, что каждую из этих провинций возглавляет командующий армией (In each of these provinces lives a commander-in-

¹² Miquel 1967/II, 395.

¹³ Об аргументах в пользу того, что к моменту выхода в свет второго издания труда Ибн Хордадбега (885 г.) фемы как военно-административные округа уже существовали, и сам автор, следовательно, говорил именно о фемах, см. нашу статью (Мехамадиев 2015, 160–161). Более того, совершенно ясно, что фемы в качестве административных единиц империи бытовали уже в 838–842/843 гг., когда был написан трактат ал-Джарми – основной источник Ибн Хордадбега по Византийской империи. Кроме того, «Жизнь Антония Нового» – важный агиографический источник по первой и второй трети IX в., позволяющий утверждать, что фемы определенно были учреждены уже к 821 г., т.е. 821 г. – своеобразный *terminus post quem* для процесса создания фемных округов. Аргументы и ссылки на источники см. там же.

¹⁴ Велиханова 1986, 99–100.

¹⁵ Цитируем текст по французскому переводу Б. Кара де Во (Carra de Vaux 1896, 242–243).

chief (*sipāhsallār*)), которому подчинялись группы войск от 3 до 6 000 человек (with numerous troops numbering from 3, 000 men to 6, 000 horse [sic])¹⁶.

Таким образом, мы видим, что все указанные трактаты четко говорят именно о провинциях, т.е. о фемах как военно-административных округах империи, и это не случайно, поскольку арабский писатель и географ ал-Джарми – общий источник для всех этих трактатов – создал свой труд в ту эпоху, когда фемы в Византии уже существовали (838–842/843 гг.)¹⁷, следовательно, рассказывая о византийских провинциях, ал-Джарми имел в виду именно фемы как военно-административные округа.

Но к этим достаточно общим сведениям мы хотели бы добавить еще один небольшой, но крайне важный довод, формально не имеющий прямого отношения к феме (провинции) Букелларии, а именно: ал-Мас‘уди, рассуждая о землях Рума (Византии), отмечает, что провинции румийцев («греков», византийцев) называются *бенд* (Les provinces s'appellent *Bend*)¹⁸, т.е. *банд* (как вариант – *банда*), и это слово, несомненно, происходит от греческого *βάνδον* – «военное знамя, флаг, штандарт». Предельно важно, что эти сведения ал-Мас‘уди уникальны, их нет ни у Ибн Хордадбега, ни в трактате «Худūd ал-‘Алām»; ни один из авторов, кроме ал-Мас‘уди, не называет византийские провинции *бендами* (= *бандами*), при том что в их описании все три текста восходят к одному источнику – труду ал-Джарми. Очевидно, можно предположить, что ал-Мас‘уди пользовался и каким-то другим источником, не дошедшим до наших дней, но следует подчеркнуть и другой факт – безусловно, в пассаже о *бендах* (*бандах*) трактат ал-Мас‘уди отразил более ранний этап развития византийской военной организации по сравнению с трудом ал-Джарми, т.е. период до 838–842/843 гг. Судя по всему, фраза о *бендах* указывает на ту эпоху, когда в Малой Азии размещались только сами региональные армии, но не фемы как военно-административные округа, и в том числе – армия Букелларии, дислоцировавшаяся в центре Малой Азии.

Дело в том, что греческое слово *βάνδον*, как известно, в ранневизантийский период, особенно к концу VI в., приобрело совершенно новый смысл – в нарративных и документальных источниках его стали использовать для обозначения любого войскового подразделения. Собственно, слово *βάνδον* на рубеже VI–VII вв. подразумевало регулярный военный отряд, несущий службу в той или иной провинции¹⁹.

Учитывая этот момент, можно сказать, что фраза ал-Мас‘уди о *бендах* (*бандах*) совершенно четко свидетельствует о том, что все фемы как военно-административные округа ранее были региональными группами армий, и каждая такая армия размещалась в нескольких старых гражданских провинциях империи. Только впоследствии эти провинции были объединены в более крупные административные

¹⁶ Minorsky 1982, 157.

¹⁷ См. сноску 13.

¹⁸ Carra de Vaux 1896, 239.

¹⁹ Помимо того, что в своем новом значении слово *βάνδον* широко упоминается в таком важном источнике, как «Стратегикон» псевдо-Маврикия (один из наиболее известных византийских военных трактатов, написанный предположительно в 592–610 гг.), документальные источники начала VII в. и, прежде всего, папирусы в равной мере фиксируют эволюцию содержания данного термина: в оксиринском папирусе, датированном 618 г., слово *βάνδον* обозначает именно военный отряд (см.: Kramer 1996, 115–116). О датировке «Стратегикона» см.: Dennis 1981, 15–16.

образования – фемы, и каждая фема получила свое название в честь той армии, по сути, совокупности войсковых подразделений (бендов или бандов, следуя терминологии ал-Мас‘уди), которые размещались на территории своей будущей фемы. В связи с этим еще раз подчеркнем, что все процитированные выше восточные тексты неизменно говорят о наличии в каждой из провинций (фем) определенной совокупности войсковых подразделений, военных гарнизонов.

Как мы отмечали, пример с фемой Букеллarii поможет определить, когда же одна из региональных армий была преобразована в полноценную фему, возглавляемую стратигом. Сама армия Букеллarii, несомненно, восходит по происхождению к отрядам букеллариев – особым войсковым подразделениям, правовой статус которых продолжает оставаться объектом дискуссии среди исследователей. Дж. Либешутц, Ж. Гаску, О. Шмитт – авторы, наиболее подробно рассматривавшие и изучавшие институт букеллариев в Восточной Римской империи, – неизменно подчеркивают, что букеллarii представляли собой отряды телохранителей, служившие крупным государственным чиновникам, полководцам, офицерам более низкого ранга, а также влиятельным политическим деятелям, имевшим доступ непосредственно к императорскому двору.

Букеллarii между тем не были частными армиями крупных землевладельцев, как это пыталась доказать предшествующая историография. Дж. Либешутц, Ж. Гаску и О. Шмитт отмечают, что даже если букеллarii подчинялись землевладельцам, последние, в свою очередь, занимали государственные должности, принадлежали к официальной военной или гражданской администрации, более того, букеллarii получали продовольственное обеспечение от государства, и их существование официально признавалось государством.

В случае, если букеллarii жили в имениях крупных землевладельцев, как, например, в Египте, они выполняли скорее общественные, но не частные задачи – занимались сбором налогов, конвоировали преступников, защищали местное население от набегов кочевых племен. К концу VI в., как позволяет судить об этом «Стратегикон» псевдо-Маврикия – ранневизантийский военный трактат, написанный предположительно в 592–610 гг., подразделения букеллариев полностью были преобразованы в регулярные соединения и включены в состав византийской экспедиционной армии²⁰.

Дж. Хэлдон, детально рассмотревший развитие армии Букеллarii в VII в., полагает, что она была сформирована при императоре Маврикии (582–602 гг.), который перевел несколько частных отрядов букеллариев, ранее служивших отдельным офицерам и гражданским чиновникам, в подчинение комиту экскубиторов – начальнику дворцовой стражи императора, и отныне, как считает Дж. Хэлдон, во время военных действий новый войсковой корпус Букеллarii (или лучше сказать – войсковая группа) сопровождал и охранял командующего византийской экспедиционной армией (военного магистра), а в мирное время этот корпус всегда размещался в столице империи – Константинополе²¹.

Как видим, все исследователи признают факт учреждения и существования регулярной армии Букеллarii, составленной из отрядов букеллариев, на рубеже

²⁰ Liebeschuetz 1990, 44–47; Gasco 1976, 145, 148, 150; Schmitt 1994, 156, 158–159, 163, 167–168, 172–173.

²¹ Haldon 1984, 101–102, 140–141.

VI–VII вв., но для подтверждения своей теории все они ссылаются на «Стратегикон» псевдо-Маврикия, т.е. на нарративный источник. И в то же время до нашего времени дошли документальные источники, крайне интересные и важные для нас, – две греческие надписи, составленные в V–VI вв. и на рубеже VI–VII вв., которые упоминают подразделения букеллариев.

Подчеркнем, что все исследователи, рассматривающие вопрос о букеллариях, обращаются только к одной категории документальных источников – папирусам из Египта, и это неудивительно, поскольку упоминание букеллариев в эпиграфических источниках (надписях) встречается крайне редко и ограничивается, по сути, только двумя надгробными эпитафиями, к которым мы и хотели бы сейчас перейти. Первая надпись была опубликована еще в 1931 г., она происходит из Коринфа в Пелопоннесе и упоминает двух братьев-букеллариев Буда и Иоанна, которые служили эпарху (префекту) данного города²²:

Κ(ύρι)ε, ὁ θεός, καὶ δίκ[η, κα]θαρά
λύτροσε τοῦ τόπου τούτου
τοὺς δύο ἀδερφοὺς [так в тексте – Е.М.]
Βούδιν καὶ Ἰωάν-
νιν τοὺς βουκελλαρίους
τοῦ ἐπάρχου. ἀμίν

«Господь, бог и справедливость, лучшие части этого места
освободил для двух братьев, Буда и
Иоанна, букеллариев эпарха. Аминь»

Принимая во внимание все представленные выше позиции исследователей о букеллариях, процитированную надпись следует датировать V–VI вв. – во всяком случае, византийский историк Олимпиодор, первым упоминающий войска букеллариев и само это слово, утверждает, что «во времена Гонория наименование “букелларий” носили не только римские воины, но и некоторые из готов» (Ὅτι τὸ Βουκελλάριος ὄνομα ἐν ταῖς ἡμέραις Ὀνωρίου ἐφέρετο κατὰ στρατιωτῶν οὐ μόνων Ῥωμαίων, ἀλλὰ καὶ Γότθων τινῶν – Olymp. fr. 7, FHG. IV, ed. C. Müller, p. 59). Несомненно, Олимпиодор имеет в виду императора Гонория, правившего в Западной Римской империи в 395–423 гг., соответственно, эпитафия Буда и определенно была возведена в V или в VI вв., но не до эпохи Гонория.

Второй эпиграфический документ – эпитафия, опубликованная в 1995 г., она упоминает Стефана, жену букеллария по имени Коменстол²³:

ἐνθ[άδ]ε κα-
τάκιτε γυ-
νὴ Κομενσ-
τολου βου-
κελλαρίου
ὀνόματι Στεφα-
νῆς ἐτελεύτισε
μη(νὶ) Ἰανουαρίου ε', ἡ(μέρα) ε', i-
νδ(ικτιῶνος) ι'

«Здесь покоится жена букеллария Коменстола

²² Meritt 1931, 124, no. 207.

²³ Şahin, Kalkan 1995, 142.

по имени Стефане, умерла в пятый (день) месяца января,
день пятый, десятый индиктион»

Данная надпись была обнаружена в Константинополе, на одном из участков крепостной стены города (недалеко от знаменитых Золотых ворот), и этот факт объясняет многое в трактовке содержания и значения эпитафии. По мысли издателей документа, на той территории, где была обнаружена надпись, располагалось целое кладбище, предназначенное исключительно для военнослужащих и их родственников – помимо эпитафии Стефане, на этой же территории исследователи нашли еще несколько надгробий, в равной мере принадлежавших воинам различных войсковых подразделений. Как полагают издатели нашей надписи, все эти военнослужащие входили в состав городского гарнизона и несли службу в той крепостной башне, которая размещалась на соответствующем участке стены, и самое важное, что эпитафии датируются VI–VIII вв., в частности, одна из них была возведена в 585 г., а другая – около 600 г.²⁴

Самая поздняя из эпитафий, по мнению издателей, датируется 711–730 гг., но с учетом статьи К. Цукермана, который представил аргументы в пользу более ранней датировки – 610 г.²⁵, мы можем предположить, что кладбище существовало на рубеже VI–VII вв., и в этом смысле надпись, упоминающая жену букеллария, вносит новые данные о судьбе этих войсковых корпусов на исходе ранневизантийского периода. Документ из Константинополя показывает, что на рубеже VI–VII вв. отряды букеллариев действительно представляли собой регулярные войсковые подразделения, не просто входившие в состав византийской экспедиционной армии, но и причисленные к городскому гарнизону Константинополя, по сути, – к соединениям императорской гвардии, всегда располагавшейся в столице империи.

Сопоставление же надписи из Константинополя с надписью из Коринфа указывает на причину подобного высокого положения корпуса (или корпусов) букеллариев: очевидно, войсковая группа Букелларии была сформирована из одноименных отрядов, находившихся на службе у крупных государственных чиновников, занимавших руководящие посты в центральной и провинциальной администрации (например, префект = эпарх города Коринфа в Пелопоннесе), при этом, что вполне естественно, правительство сконцентрировало в столице отряды букеллариев, располагавшиеся в регионах, достаточно близких к Константинополю, например, в Греции.

Соответственно, применительно к началу следующего, VIII в., мы можем говорить не о феме Букелларии, а о войсковом корпусе, оперативно-тактической группе Букелларии, состоявшей из нескольких войсковых подразделений (банд, следуя ранневизантийской военной терминологии), и совокупность этих подразделений, очевидно, продолжала размещаться в Константинополе в качестве составной части императорской гвардии.

В этом смысле становится более понятным содержание греческой свинцовой печати, принадлежащей domestiку Букеллариев Феофилу (Θεοτόκε, βοήθει Θεοφίλῳ δομ(ε)στίκῳ τῶν Βουκελλαρίων – «Богородица, помоги Феофилу, domestiку Букеллариев» – ZV I/2, p. 953, no. 1656). Издатели документа, Г. Закос и А.

²⁴ Şahin, Kalkan 1995, 137–138.

²⁵ Zuckerman 1998, 380–381.

Веглери, датировали печать первой половиной VIII в., предположив, что Букелларии под командованием Феофила представляли собой тагму²⁶ – отряд императорской гвардии, поскольку ранг доместика, которым обладал Феофил, даровался только офицерам, служившим в соединениях императорской гвардии (на тот момент, помимо букеллариев, такими соединениями были схолярии, экскубиторы и федераты)²⁷.

Дж. Хэлдон отверг эту интерпретацию, выдвинув идею, что Букелларии из печати были турмой – внутренней оперативно-тактической единицей, подразделением фемы Опсикий (размещалась на северо-западе Малой Азии), и сам Феофил, в свою очередь, подчинялся турмарху Букеллариев, служил этому офицеру в качестве его личного доместика – своеобразного адъютанта, выполнявшего различные вспомогательные функции, поручения своего начальника и сопровождавшего его во всех военных кампаниях²⁸. В свою очередь, Т. Лунгис, напротив, отверг идею Дж. Хэлдона, рассматривая Букеллариев из печати Феофила в качестве составной части фемы Опсикий, но не признавая их турмой данной фемы – по мнению Т. Лунгиса, именно Феофил непосредственно командовал корпусом Букеллариев²⁹.

Мы же полагаем, что надпись из Константинополя, представленная выше, подтверждает догадку Г. Закоса и А. Веглери. Поскольку единый, регулярный и привилегированный корпус Букеллариев располагался в столице империи с рубежа VI–VII вв., и там он входил в состав императорской гвардии наравне с дворцовыми схолами, соединениями экскубиторов и федератов (надгробия солдат, служивших в этих войсковых формированиях, были обнаружены в пределах того же кладбища, где размещалась и эпитафия Стефана, жене букеллария Коменстола), у нас нет сомнений, что и в первой половине VIII в. (по крайней мере, в начале VIII в.) войсковая группа Букеллариев представляла собой тагму, которую возглавлял доместик – этот ранг с IV в. получали только чиновники, приближенные к императору, входившие в состав его ближайшего окружения и всегда находившиеся в пределах императорского дворца³⁰. Соответственно, не вызывает удивления тот факт, что командующий тагмой Букеллариев в равной мере обладал этим рангом.

Следующий этап истории войсковой группы под названием «Букелларии» представлен другой печатью, на этот раз упоминающей турмарха Букеллариев – [τ] (ου)[ρ]μ(ά)ρ[χη] τ[ῶ]ν Β[ου]κελλ(α)ρίων³¹. Несомненно, в связи с этой печатью есть повод предположить, что из отряда императорской гвардии (тагмы) Букелларии были преобразованы в турму – внутреннюю оперативно-тактическую единицу фемы Опсикий, и в связи с этим они перешли в состав фемы Опсикий, размещавшейся на северо-западе Малой Азии. Как мы уже отмечали выше, исследования последних лет настаивают на первой половине VIII в. как времени учреждения фемных (военно-административных) округов, и аргументом в пользу этого выво-

²⁶ Естественно, в этом контексте под словом тагма следует понимать любой войсковой отряд, входящий в состав императорской гвардии. В специальном же значении подразделения под названием тагмы (τά τάγματα), как известно, были созданы только в период императора Константина V Копронима (741–775 гг.), более точно – в 768 г. См.: Rochow 1994, 32–35.

²⁷ Zacos, Veglery 1972/1/2, 953.

²⁸ Haldon 1984, 495, note 558.

²⁹ Lounghis 1996, 31–32.

³⁰ См.: Kazhdan 1991, 646.

³¹ Измайлова 1924, 350, № 26.

да служит упоминание во многих печатях первой половины VIII в. слова *στρατιγία/στρατηγία*, которое рассматривают в качестве синонима слова *θέμα (фема)*³².

Но эта точка зрения выглядит крайне сомнительной, поскольку она произвольно наделяет слово *στρατιγία/στρατηγία* тем значением, которым оно не обладало. В подтверждение приведем важный фрагмент из «Жизни Афанасия Афонского», знаменитого основателя Афонской Лавры, жившего в 925/930–1001 гг.³³. Этот источник – единственный из известных нам текстов, упоминающих слово *στρατηγία*, и его данные не учитывают ни К. Цукерман, ни Ж.-Кл. Шейне, отстаивающие теорию о возникновении фем уже в первой половине VIII в.

До нас дошли две версии жития – Vita A и Vita B, как условно их обозначил издатель текстов Ж. Норе. Оба документа, по мнению исследователя, были написаны после смерти Афанасия, в данном случае Vita A – до смерти императора Василия II (т.е. до 15 декабря 1025 г.), а Vita B – между 1050 и 1150 гг., т.е. спустя большой промежуток времени после смерти этого императора³⁴. Автор Vita A утверждает, что до своего прибытия на гору Афон Афанасий, тогда уже принявший монашеский сан, покинул Константинополь и вместе со стратигом фемы под названием «Эгейское море»³⁵ (ὅς δὲ στρατηγεῖν τοῦ Αἰγαίου πελάγους ταχθεὶς – «он был назначен командовать войсками Эгейского моря»), которого впечатлили проповеди святого, он отправился на остров Лесбос, а оттуда они вместе достигли горы Афон, где «открыто разместились лагерем рядом с горой» (ἐάλω πρὸς τὴν τοῦ ὄρους περιφανῶς κατασκήνωσιν) (Vita A, 18.5-12, ed. J. Noret)³⁶.

Далее из текста мы узнаем, что оба персонажа прибыли на Афон из монастыря Кимина, который размещался в Вифинии, и в связи с этим событием автор жития утверждает, что стратиг³⁷ и Афанасий отправились на Афон «из славного командования» (ἐκ τῆς καλῆς στρατηγίας), под которым автор (с его же собственных слов) имел в виду «тот внимательный осмотр» (τὴν κατασκοπὴν ἐκείνην), т.е. обзор горы Афон, который стратиг и Афанасий могли совершать, размещаясь в лагере (Vita A, 19.2–4). Автор же Vita B четко называет власть этого анонимного стратига словом *στρατηγίς*, которое в средневизантийском лексиконе обозначало область, территорию, находившуюся под командованием стратига³⁸ (Ὁ δὲ γὰρ στρατηγὸς

³² См. сноску 7.

³³ О биографии святого см.: Kazhdan 1991, 219.

³⁴ Noret 1982, CIX–CXII, CXXVII–CXXVIII. Версия А.П. Каждана, который поставил под сомнение тезис, что Vita A – более ранний памятник, а Vita B – его поздняя копия, и признал, что оба текста были написаны вскоре после смерти Афанасия, а по своему содержанию восходили к одному источнику, представляется нам малоубедительной (Kazhdan 1983, 544).

³⁵ Эта фема, как полагают исследователи, была создана в середине IX в. и включала в себя острова Эгейского моря – архипелаги Киклады и Спорады с такими островами, как Лесбос, Хиос и Лемнос. См.: Koder 1998, 54–55, 78–79.

³⁶ Судя по всему, в этом месте автор допускает хронологическую и топографическую ошибку – первоначально Афанасий и его сподвижники прибыли в монастырь Кимина в Вифинии и только затем, спустя определенное время, отправились на гору Афон (Kazhdan 1991, 219).

³⁷ Как ни странно, этот анонимный стратиг не учтен даже в биографическом справочнике PmbZ, где собраны данные обо всех персонажах византийской истории середины VII – середины IX вв. Как раз наоборот, единственный анонимный стратиг фемы Эгейское море, который упоминается в PmbZ (по. 11633), известен авторам-составителям этого справочника по совершенно другому источнику – «Деяния Давида, Симеона и Георгия», который рассказывает о событиях IX в.

³⁸ Sophocles 1900, 1014, sv. στρατηγίς.

ἐκεῖνος, τὴν τοῦ Αἰγαίου πελάγους στρατηγίδα ἐγχειρισθεῖς – «Стратиг тот, которому была вверена область Эгейского моря» – Vita B, 8.3–4).

Из приведенных данных ясно, что даже в повседневном, обыденном лексиконе византийцев слово *στρατηγία* обозначало военное командование, сам набор полномочий, связанных с должностью стратига, и, более того, – это слово определенно имело территориальный смысл, оно подразумевало и место, резиденцию, ставку, где стратиг непосредственно размещался и выполнял свои функции. И, наоборот, слово *στρατηγίς* обозначало территорию, подотчетную стратигу, т.е. фему – военно-административный округ. Соответственно, если даже в XI–XII вв., когда были написаны две версии жития Афанасия Афонского, слово *στρατηγία* продолжало обозначать исключительно военное командование, саму должность стратига, совокупность его полномочий, почему мы должны признать, что в первой половине VIII в. оно обязательно подразумевало фему, военно-территориальный округ?

На наш взгляд, сведения из «Жизни Афанасия Афонского» опровергают мнение, что фемы как военно-территориальные округа существовали в Византии уже в первой половине VIII в., показывают шаткую основу подобного тезиса. Соответственно, возвращаясь к корпусу Букеллариев, отметим, что, скорее всего, печать турмарха Букеллариев, о которой говорилось выше, просто свидетельствует, что Букелларии стали турмой (внутренней оперативно-тактической единицей) региональной армии Опсикий³⁹, вошли в состав армии, но не фемы как военно-территориального округа.

Третий этап войсковой группы Букелларии представлен печатью, в которой вновь упоминается турмарх Букеллариев (к сожалению, его имя сохранилось в печати только фрагментарно), но на этот раз данный офицер носит почетный титул царского спафария (Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ ...τῷ...ζῳ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη τῶν Βουκελλαρίων – ZV I/2, no. 2663, p. 1431).

Издатели печати, Г. Закос и А. Веглери, датировали документ второй половиной VIII в. и идентифицировали личность турмарха, признав его армянским нахараром Тацатом из знатного рода Анцеваци⁴⁰ и предположив, что в начале своей карьеры он занимал должность турмарха Букеллариев. Важно отметить, что Тацат действительно сделал довольно успешную военную карьеру: около 760 г. он поступил на службу в византийскую армию, а в 776–782 гг. Тацат уже занимал должность стратига Букеллариев, как об этом сообщает Феофан Исповедник (Τατζάτιος, ὁ τῶν Βουκελλαρίων στρατηγός – Theoph. Chron, p. 456.12; PmbZ, no. 7241)⁴¹. Армянский архимандрит-историк VIII в. Левонд утверждает, что к тому времени, когда Тацат внезапно совершил предательство и перешел на сторону

³⁹ Т. Лунгис предположил, что армия Букелларии изначально размещалась в Галатии, но с учетом процитированной выше надписи из Константинополя мы полагаем, что первоначально войсковой корпус Букеллариев нес службу именно в столице империи, и только в первой половине VIII в. этот корпус был переведен в Галатию в связи с преобразованием Букеллариев из подразделения императорской гвардии в турму армии Опсикий, которая, в свою очередь, всегда размещалась за пределами Константинополя. См.: Λουγγής 1998, 246.

⁴⁰ На основании сочетания букв ANTZABAZIΩ, которое издатели восстановили по буквам, сохранившимся в легенде печати – Zacos, Veglery 1972/ I/2, 1432.

⁴¹ В датировке этапов военной карьеры Тацата следуем хронологии, предложенной Л.А. Трайтлом (Trittle 1977, 282–283).

арабов (782 г.), он прослужил византийскому императору 22 года⁴². Следовательно, можно предположить, что Тацат начал свою карьеру с должности турмарха, но мы полагаем, что не фемы, а армии Букелларии. Дело в том, что, согласно тому же Феофану, в 766 г. император Константин V Копроним назначил стратигом Букеллариев некоего Манеса, и это сообщение – первое упоминание об отдельном и полноценном стратиге Букеллариев (εἰς δὲ Βουκελλαρίου Μάνην – Theoph. Chron, p. 440.28).

Очевидно, в середине 760-х гг. византийское правительство выделило войсковую группу Букелларии из состава армии Опсикий и преобразовало ее в самостоятельную и независимую армию, соответственно, командующий этой армией получил более привилегированную должность стратига, тогда как ранее он был всего лишь турмархом, подчинявшимся стратигу армии Опсикий. Как результат, стратиг новой армии под названием Букелларии, в свою очередь, командовал уже собственным турмархом, и одним из таких турмархов, возможно, был Тацат. Скорее всего, Тацат подчинялся стратигу Букеллариев, а затем он и сам занял эту должность. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что в середине 760-х гг. войсковая группа Букелларии, преобразованная в полноценную армию, увеличила численность своего кадрового состава, это же увеличение, в свою очередь, позволило создать внутри армии Букелларии даже несколько внутренних тактических единиц – турм, одной из которых как раз и командовал Тацат.

На наш взгляд, нет смысла приводить печати других стратигов армии Букелларии эпохи VIII–IX вв., поскольку все они упоминают в основном только имена и титулы обладателей этой должности (см. их биографии в PmbZ, no. 764, 907, 1154, 2138, 3164, 4447, 5227, 5283, 5445) без каких-либо принципиально новых сведений.

Мы бы хотели обратить внимание на новый тип печатей, которые появляются только в IX в. Они упоминают чиновников, занимавших должность хартулярия Букеллариев, – таких печатей известно всего две (см. публикации в каталогах коллекции Г. Закося и Археологического музея Стамбула: ZV I/2, no. 1768A, p. 1011 – Θεωτόκε, βοήθει τῷ σῶ δοῦλῳ Βασιλείῳ ὑπάτῳ καὶ χαρτουλαρίῳ τῶν Βουκελλαρίων – вторая половина IX в.; [Χ]ριστο[φύ]ρῳ ὑπάτῳ [(καὶ) χ]αρτουλ(αρίῳ) [τ(ῶν)] Βουκίλ(αρίων) – первая половина IX в.)⁴³. Тот факт, что хартулярии Букеллариев впервые упоминаются только в IX в., предельно примечателен, поскольку хартулярии – это чиновники, выполнявшие фискальные и делопроизводственные функции, в основном, как подсказывает само наименование их должности, по оформлению и хранению официальных документов, это своеобразная архивная служба⁴⁴.

Соответственно, возникают вопросы, какие документы составляли и хранили хартулярии Букеллариев и каким был статус самих Букеллариев к этому времени? Какой смысл скрывался под наименованием «Букелларии» в IX в.? На наш взгляд, ответ на эти вопросы дает агиографический источник «Жизнь Евтимия Нового» – текст, повествующий о событиях первой половины IX в. Герой жития, византийский святой Евтимий, в возрасте 7-ми лет был отдан своей матерью на военную

⁴² Патканов 1862, 110.

⁴³ Cheynet 2012, 271–272, no. 3.27.

⁴⁴ См.: Kazhdan 1991, 416.

службу в армию⁴⁵, при этом автор жития сообщает, что к тому времени Евтимий уже был зачислен в специальные военные списки, т.е. списки всех военнообязанных лиц мужского пола (ἀνάγραφτον αὐτὸν τοῖς στρατιωτικοῖς ἐκδίδωσι κώδιξι – «отдает его, записанного в военные книги (в армию)»)⁴⁶. Сам Евтимий, как установил Л. Пети, издатель жития, родился в 823/824 гг.⁴⁷, соответственно, если верить житию, Евтимий должен был оказаться в армии в 830/831 гг. Но предельно важно то, что местом рождения Евтимия была одна из общин провинции Галатия (κώμη δὲ αὐτοῦ... Ὁψὼ προσηγόρευτο, ὑποτελής μὲν τῇ τῶν Γαλατῶν Ἀγκύρα⁴⁸), территория которой, как уже говорилось выше, входила в состав фемы Букелларии.

Соответственно, мы полагаем, что хартулярии Букеллариев из представленных выше печатей составляли и хранили военные списки, списки всех военнообязанных рекрутов, и в этом случае они подчинялись стратигу Букеллариев, следовательно, факт наличия должности хартулярия Букеллариев подсказывает вывод, что в IX в. наименование «Букелларии» подразумевало уже не армию, а фему – военно-административный округ. Как известно, одним из основополагающих признаков фемного строя было объединение двух властей – военной и гражданской – в руках стратига, наместника фемы⁴⁹, поэтому если хартулярии составляли списки рекрутов, значит, эти чиновники подчинялись стратигу той фемы, в которой они несли свою службу.

В одной из наших прошлых статей мы уже связывали учреждение фемных округов в Малой Азии с военными реформами императора Никифора I (802–811 гг.), который, как мы предположили, первым наделил стратигов и полномочиями гражданской власти, тем самым преобразовав старые провинции в новые территориальные единицы – фемы⁵⁰, и, на наш взгляд, материал по истории фемы Букелларии, представленный выше, подтверждает нашу точку зрения.

Возвращаясь же к арабским и персидским географическим трактатам, сохранившим сведения о византийском фемном строе IX в., нам хотелось бы подчеркнуть, что пример с фемой Букелларии наглядно иллюстрирует разнообразие источниковой базы – все они восходят к одному источнику – трактату ал-Джарми, отражающему период 839–842/843 гг., когда фемы как военно-административные округа уже существовали. Поэтому можно признать, что основной массив сведений арабских и персидских авторов имеет в виду именно фемы, но, тем не менее

⁴⁵ В одной из наших прошлых статей мы предположили, что на самом деле Евтимий поступил на военную службу намного позже, в возрасте 15 или 16 лет, в связи с чрезвычайной мобилизацией, потребовавшей привлечения в армию и молодых людей непризывного возраста (Мехамадиев 2015, 167). Тем не менее статья Т. Колиаса, посвященная вспомогательному служебному персоналу в византийской армии, подсказывает и другой вариант трактовки этого сюжета: вполне возможно, что дети в византийской армии выполняли различные вспомогательные функции, такие, как уход за лошадьми, руководство выючными животными, хранение оружия, защита обоза с продовольствием, перенос захваченной добычи с поля боя. Их служба в армии была обязательной, этот контингент военнообязанных комплектовался посредством рекрутской повинности, но дети, по мнению Т. Колиаса, не участвовали в боевых действиях, в самом сражении (Kolias 2000, 117–120, 123). И все же кажется сомнительным, что дети в возрасте 7-ми лет могли выполнять подобные функции.

⁴⁶ Цитируем текст по изданию: Petit 1903, 172, 19–21.

⁴⁷ Petit 1903, 529.

⁴⁸ Petit 1903, 170.13–15.

⁴⁹ Lilie 1984, 27.

⁵⁰ Мехамадиев 2015, 166.

арабский географ ал-Мас'уди в своем труде называет византийские провинции словом *бенд*, т.е. *банд* (от греческого *βάνδος*). Слово же *βάνδος*, в свою очередь, в VI–VII вв. обозначало войсковое подразделение, любой военный отряд, следовательно, данные ал-Мас'уди вполне органично отразили тот период (и, как результат, источник, сохранивший эти сведения), когда фемы в Малой Азии еще не были созданы, а на их территориях размещались только региональные армии, от названий которых произошли и официальные наименования будущих фем. Пример же с армией (и позже – фемой) Букелларии показывает, что этим периодом были VII и VIII вв., тогда как первые неопровержимые свидетельства о существовании фемных округов появляются только в IX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Велиханова, Н. (пер.) 1986: Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку.
- Измайлова, Н.В. 1924: Описание византийских печатей, хранящихся в Академии. *Известия Российской академии истории материальной культуры* 3, 337–351.
- Мехамадиев, Е.А. 2015: Арабский географ IX века Ибн Хордадбех и военная организация Византийской империи в VIII – первой половине IX в.: проблемы становления византийского фемного строя. *Вестник Пермского государственного университета. Сер. «История»* 4 (31), 160–171.
- Острогорски, Г. 1953: Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича. О времени ыиховог постанка. *ЗРВИ* 2, 39–56.
- Патканов, К. (пер.) 1862: *История халифов варданета Гевонда, писателя VIII в.* СПб.
- Carra de Vaux, B. (tr.) 1896: Maçoudi. *Le livre de l'avertissement et de la revision*. Traduction de B. Carra de Vaux. Paris.
- Cheyne, J.-Cl. 2010: La mise en place des thèmes d'après les sceaux: les stratèges. *Studies in Byzantine Sigillography* 10, 1–14.
- Cheyne, J.-Cl. (ed.) 2012: *Les sceaux byzantins de Musée archéologique d'Istanbul*. Istanbul.
- Dennis, G.T. (ed.) 1981: *Das Strategikon des Maurikios*. Wien.
- Gascou, J. 1976: L'institution des bucellaires. *BIFAO* 76, 143–156.
- Haldon, J.F. 1984: *Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and tagmata, c. 580–900*. Bonn.
- Kazhdan, A. 1983: Hagiographical Notes. *Byzantion* 53, 538–558.
- Kazhdan, A.P. (ed.) 1991: *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. I–III. Oxford.
- Koder, J. 1998: *Aigaion Pelagos (die nördliche Ägäis)*. Wien.
- Kolias, T. 2000: Ein zu wenig bekannter Faktor im byzantinischen Heer: die Hilfskräfte (παῖδες, πάλλακες, ὑπουργία). In: C. Scholz, G. Makris (eds.), *Polypleuros nous: Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag*. München, 113–124.
- Kramer, J. 1996: Papyrusbelege für fünf germanische Wörter: ἀρμαλαυσιον, βάνδον, βουρδών, βρακίον, σαφόνιον. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 42, 113–126.
- Liebeschuetz, J.H.W.G. 1990: *Barbarians and Bishops. Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford.
- Lilie, R.-J. 1984: Die zweihundertjährige Reform: Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert. *BS* 45, 27–39.
- Lounghis, T. 1996: The Decline of the Opsikian Domestikates and the Rise of the Domesticate of the Scholae. *Byzantina Symmeikta* 10, 27–36.
- Meritt, B.D. (ed.) 1931: *Corinth. Results of excavations*. Vol. III, part 1. Greek inscriptions, 1896–1927. Cambridge.

Μουσουλμανские географы IX–X вв. О византийской военной организации 171

- Minorsky, V (tr.) 1982: *Hudūd al-‘Ālam*. “*The Regions of the World*”. *A Persian Geography* 372 A.H. – 982 A.D. Translated and Explained by V. Minorsky. Cambridge.
- Miquel, A. 1967: *La géographie humaine du monde musulman jusqu’au milieu du 11e siècle*. Vol. I–II. Paris.
- Noret, J. (ed.) 1982: *Vitae duae antiquae S. Athanasii Athonitae*. Turnhout–Leuven.
- Oikonomidēs, N. 1972: *Les Listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris.
- Pellat, Ch. 1991: al-Mas’ūdī. In: C.E. Bosworth (ed.), *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. VI. Leiden, 784–789.
- Petit, L. 1903: Vie et office de saint Euthyme le Jeune. *Revue de l’Orient Chrétien* 8, 155–206, 503–536.
- Rochow, I. 1994: *Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Berlin.
- Şahin, S., Kalkan, H. 1995: Epigraphische Mitteilungen aus Istanbul II: kreuzförmige Grabsteinen aus Konstantinupolis. *Epigraphica Anatolica* 24, 137–146.
- Schmitt, O. 1994: Die *Bucellarii*. Eine Studie zum militärischen Gefolgschaftswesen in der Spätantike. *Tyche* 9, 147–174.
- Sophocles, E.A. 1900: *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. New York.
- Treadgold, W.T. 1983: Remarks on the Work of al-Jarmi on Byzantium. *BS* 44, 205–212.
- Trittle, L.A. 1977: Tatzates’ flight and the Byzantine-Arab peace treaty of 782. *Byzantion* 47, 279–300.
- Winkelmann, Fr. 1982: Probleme der Informationen des al-Ġarmi über die byzantinischen Provinzen. *BS* 43, 18–29.
- Zacos, G., Veglery, A. 1972: *Byzantine Lead Seals*. Vol. I. Part 2. Basel.
- Zuckerman, C. 1998: Épitaphe d’un soldat africain d’Héraclius servant dans une unité indigène, découverte à Constantinople. *Antiquité Tardive* 6, 377–382.
- Zuckerman, C. 2005: Learning from the Enemy and More. Studies in «Dark Centuries» Byzantium. *Millenium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr* 2, 79–136.
- Λουγγής, T. 1998: Θέμα Βουκελλάριων. In: B. Βλασίδου, E. Κουντούρα-Γαλάκη, Στ. Λαμπάκης, T. Λουγγής (eds.), *Η Μίκρα Ασία των θεμάτων*. Αθήνα, 245–257.

REFERENCES

- Carra de Vaux, B. (tr.) 1896: Maçoudi. *Le livre de l’avertissement et de la revision*. Traduction de B. Carra de Vaux. Paris.
- Cheyne, J.-Cl. 2010: La mise en place des thèmes d’après les sceaux: les stratèges. *Studies in Byzantine Sigillography* 10, 1–14.
- Cheyne, J.-Cl. (ed.) 2012: *Les sceaux byzantins de Musée archéologique d’Istanbul*. Istanbul.
- Dennis, G.T. (ed.) 1981: *Das Strategikon des Maurikios*. Wien.
- Gascou, J. 1976: L’institution des bucellaires. *BIFAO* 76, 143–156.
- Haldon, J.F. 1984: *Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and tagmata, c. 580–900*. Bonn.
- Izmaylova, N.V. 1924: Opisanie vizantiyskihr pechatey, hrranyashchihrsya v Akademii. *Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii material’noy kul’tury* 3, 337–351.
- Kazhdan, A. 1983: Hagiographical Notes. *Byzantion* 53, 538–558.
- Kazhdan, A.P. (ed.) 1991: *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. I–III. Oxford.
- Koder, J. 1998: *Aigaion Pelagos (die nördliche Ágäis)*. Wien.
- Kolias, T. 2000: Ein zu wenig bekannter Faktor im byzantinischen Heer: die Hilfskräfte (παῖδες, πάλλακες, ὑπουργία). In: C. Scholz, G. Makris (eds.), *Polypleuros nous: Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag*. München, 113–124.

- Kramer, J. 1996: Papyrusbelege für fünf germanische Wörter: ἄρμαλαυσιον, βᾶνδον, βουρδών, βρακίον, σαφώνιον. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 42, 113–126.
- Liebeschuetz, J.H.W.G. 1990: *Barbarians and Bishops. Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford.
- Lilie, R.-J. 1984: Die zweihundertjährige Reform: Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert. *BS* 45, 27–39.
- Lounghis, T. 1996: The Decline of the Opsikian Domestikates and the Rise of the Domesticate of the Scholae. *Byzantina Symmeikta* 10, 27–36.
- Mehramadiev, E.A. 2015: Arabskiy geograf IX veka Ibn Hrordadbehr i voennaya organizatsiya Vizantiyskoy imperii v VIII – pervoy polovine IX veka: problemy stanovleniya vizantiyskogo femnogo stroya. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. № 4 (31), 160–171.
- Meritt, B.D. (ed.) 1931: *Corinth. Results of excavations*. Vol. III, part 1. Greek inscriptions, 1896–1927. Cambridge.
- Minorsky, V (tr.) 1982: *Hudūd al-‘Ālam. “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.* Translated and Explained by V. Minorsky. Cambridge.
- Miquel, A. 1967: *La géographie humaine du monde musulman jusqu’au milieu du 11e siècle*. Vol. I–II. Paris.
- Noret, J. (ed.) 1982: *Vitae duae antiquae S. Athanasii Athonitae*. Turnhout–Leuven.
- Oikonomidès, N. 1972: *Les Listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris.
- Ostrogorski, G. 1953: Taktikon Uspenskogo i Taktikon Beneshevicha. O vremenu ikh postanka. *Zbornik radova vizantoloshkog instituta* 2, 39–56.
- Patkanov, K. (per.) 1862: *Istoriya hralifov vardapeta Gevonda, pisatelya VIII v.* Saint-Petersburg.
- Pellat, Ch. 1991: al-Mas‘ūdī. In: C.E. Bosworth (ed.) *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. VI. Leiden, 784–789.
- Petit, L. 1903: Vie et office de saint Euthyme le Jeune. *Revue de l’Orient Chrétien*. 8, 155–206, 503–536.
- Rochow, I. 1994: *Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Berlin.
- Şahin, S., Kalkan, H. 1995: Epigraphische Mitteilungen aus Istanbul II: kreuzförmige Grabsteinen aus Konstantinupolis. *Epigraphica Anatolica* 24, 137–146.
- Schmitt, O. 1994: Die *Bucellarii*. Eine Studie zum militärischen Gefolgschaftswesen in der Spätantike. *Tyche* 9, 147–174.
- Sophocles, E.A. 1900: *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. New York.
- Treadgold, W.T. 1983: Remarks on the Work of al-Jarmi on Byzantium. *BS* 44, 205–212.
- Trittle, L.A. 1977: Tatzates’ flight and the Byzantine-Arab peace treaty of 782. *Byzantion* 47, 279–300.
- Velihranova, N. (per.) 1986: Ibn Hrordadbehr. *Kniga putey i stran*. Perevod s arabskogo, komentarii, issledovanie, ukazateli i karty N. Velihranovoy. Baku.
- Winkelmann, Fr. 1982: Probleme der Informationen des al-Ġarmi über die byzantinischen Provinzen. *BS* 43, 18–29.
- Zacos G., Vegler, A. 1972: *Byzantine Lead Seals*. Vol. I. Part 2. Basel.
- Zuckerman, C. 1998: Épitaphe d’un soldat africain d’Héraclius servant dans une unité indigène, découverte à Constantinople. *Antiquité Tardive* 6, 377–382.
- Zuckerman, C. 2005: Learning from the Enemy and More. *Studies in «Dark Centuries» Byzantium. Millenium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.* 2, 79–136.
- Λουγγής, T. 1998: Θέμα Βουκελλάριων. In: Β. Βλασίδου, Ε. Κουντούρα-Γαλάκη, Στ. Λαμπάκης, T. Λουγγής (eds.), *Η Μικρά Ασία των θεμάτων*. Αθηνά, 245–257.

ISLAMIC GEOGRAPHERS OF 9th – 10th CENTURIES ABOUT THE BYZANTINE
MILITARY ORGANIZATION: THE CASE OF BUCELLARIAN THEME

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint-Petersburg University, Russia,
e.mekhamadiev@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the history of the Bucellarian Theme, which was the military-civilian province of the Byzantine Empire in the central part of Asia Minor. The main sources used in paper are the geographical treatises of Arabic and Persian writers of the 9th–10th centuries and also the Greek administrative documents (lead seals) mentioning the officials of this Theme. The main attention focused on the 8th – the first half of the 9th centuries. The most essential issue posed by the author is when precisely the regional army under the title of the Bucellarians was transformed into the Theme of the Bucellarians, i.e. military-civilian province, where this army was settled. The author proves that the term “Bucellarian” in the geographical treatises of Islamic writers of the 9th–10th centuries means the theme, but one of them, al-Masudi, gave the evidence from the earlier period, when the Bucellarians still were only the army, but not the Theme. The author concludes that this period covered the 8th century: some Greek inscriptions, seals and the narrative sources (the “Chronicle” of Theophanes the Confessor) allow supposing that the Bucellarian Theme was firstly established in the first half of the 9th century. This conclusion disproves a point of view in recent studies that theme districts had already existed in Asia Minor during the first half of the 8th century.

Key words: Byzantine Empire, the Bucellarians, strategos, theme, geographical treatises, seals

КАМЕННАЯ СТЕЛА МАЙЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН*

А.И. Фахри

*Институт археологии РАН, Москва,
fakhri.amina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается культ стелы, характерный для майя классического периода (250–900 н.э.). Традиция возведения каменных монументов прослеживается во всем регионе обитания майя (Мексика, Гватемала, Белиз, Гондурас), они украшались резьбой с низким и высоким рельефом, изображающей правителей. Сюжеты, связанные с возвеличиванием и обожествлением правителя, историей его деяний, являются основными в декоре стел, начиная с IV в. н.э. Гораздо более древней считается так называемая «гладкая» стела, без изображения. Такие стелы повсеместно находили в зоне майя и, как правило, их высота была не более 3–4 метров. Гладкие стелы хронологически появляются раньше, в частности, большой корпус выявлен в городищах Такалик-Абах (Гватемала), Эль-Наранхо (Гватемала), Исапа (Мексика), их культовое значение особенно хорошо отразилось в Каминальхуйю (Гватемала), где раскопки показали центрирование по основной оси нескольких монументов, не несших декоративной обработки. Почитание камня как незыблемого и вечного материала характерно для многих древних культур, а древние майя использовали каменные монументы для того, чтобы отмечать важные календарные даты и таким образом обозначать ход времени. Камнерезное искусство развивалось уже после того как оформился культ стелы майя, воздвигая такие монументы без изображений, правители отдавали дань древней традиции, корни которой позволяет проследить анализ выбора формы камня, а также эпиграфических данных. В исследовании изучается также семантика камня и стелы майя по материалам из Каминальхуйю (Гватемала), Эль-Наранхо (Гватемала), Паленке (Мексика), Тикаль (Гватемала).

Ключевые слова: майя, иконография, каменная скульптура, религиозные представления

Введение

Для культуры майя характерна традиция возведения каменных стел. Эти гладкие декорированные монументы связывают с установлением династической власти, учреждением политического порядка, требующего новых форм общественной пропаганды¹. Каменная стела – своего рода столп мироздания – стала важнейшим элементом в символической системе майя задолго до того, как на ней появились изображения, связанные с культом правителя, получившим распространение в начале новой эры.

Фахри Амина Ильгизовна – аспирант, младший научный сотрудник Института археологии РАН.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 15-31-01015a1.

¹ Гуляев 1985; 1990; Беляев 2000; 2002.

В регионе расселения майя (юго-восток Мексики, Белиз, Гватемала, часть Сальвадора и Гондураса) за последние 150 лет были обнаружены и зафиксированы сотни стел с изображением правителя; их исследованиям посвящен огромный корпус литературы. Принято считать, что культ стелы – явление, характерное для классического периода майя (250–900 н.э.), однако исследования последних лет показывают, что эта традиция может быть значительно древнее, и ее проявления прослеживаются даже в среднем доклассическом периоде (1000–400 до н.э.). К началу классического периода уже сформировались основные каноны в изображении правителя. Иероглифические надписи, поясняющие событие, в честь которого была возведена стела, чаще всего располагались в верхней части или по бокам, а также на обратной стороне монумента. Сюжеты, связанные с возвышением, обожествлением правителя, историей его деяний становятся основными в декоре стел, начиная с IV в. н.э.

Параллельно существовал и другой тип стелы – без рельефного изображения, он представляет собой уплощенный, вертикально стоящий столп из известняка. В зависимости от твердости камня стела могла иметь неровное или необработанное завершение, но чаще всего абрис стелы стремился к простому прямоугольнику, тяготел к форме пластины. Как правило, высота таких сооружений не более 3–4-х метров. Гладкие стелы хронологически появляются раньше, в частности, большой корпус выявлен в городищах Такалик-Абах (Гватемала), Эль-Наранхо (Гватемала), Исапа (Мексика) и Каминальхуиу (Гватемала). В Тикале (Петен, Гватемала) необработанных стел намного больше, чем образцов с камнерезным декором, устанавливались они, судя по археологическим данным, параллельно со стелами и алтарями, на которых был рельеф². Первые исследователи культуры майя в середине XX в. высказывали предположение, что такие стелы были украшены живописью, нанесенной на какой-то подготовленный грунт, похожий на шпук (застывшую смесь известняка, песка и воды)³. Археологически остатков шпуга и признаков раскраски на «гладких» стелах зафиксировано не было⁴. Американская исследовательница Дж. Гернси предполагает, что стелы могли «укутывать» в текстиль и наносить на него изображение⁵. О феномене недекорированных стел писала искусствовед Ф. Клэнси⁶, считая, что природная нетронутая форма подобных монументов и отсутствие резных элементов говорит о важности почитания камня как символа неуязвимости и устойчивости воздействию времени. Как для многих других культур⁷, для майя камень вечен, он по своей сути от природы могущественен, наделен силой противостоять стихии, незыблем и безвременен. Независимо от того, были ли монументы обработаны, украшены рельефом или отполированы, сам материал, выбранный для элемента культа служил посланием, эта семантика в дальнейшем интегрировалась в декорированные монументы⁸.

² Coe 1990.

³ Morley 1938.

⁴ Stuart 2010, 285.

⁵ Guernsey 1996.

⁶ Clancy 1985.

⁷ Дэвлет, Дэвлет 2005.

⁸ Stuart 2010, 297.

Майяское слово *tuun*⁹, обозначающее «камень», в мезоамериканской литературе используется и в отношении календарного цикла в 360 дней¹⁰. Исторические хроники колониального Юкатана, такие, как «Книги Чилам-Балам» часто обозначают словом «тун» отрезок времени (ср. «в первом туне...», «в двенадцатом туне...»), что послужило причиной повсеместного перевода слова *тун* как «год» в отношении календарных текстов¹¹. Однако ни в одном словаре юкатекского или другого майяского языка мы не найдем подобного перевода. В иероглифическом майя термин «год» звучал как *haab* и одинаково использовался для обозначения солнечного года в 365 дней и счетного года в 360 дней. Д. Стюарт объясняет подобные переводы слова *tun* неверным пониманием ранними исследователями эзотерической природы этого термина¹². Вместе с тем становится ясно, что подобные абстрактные понятия о хронометраже напрямую связаны с материальными каменными объектами, или тунами, камнями. Освященные камни – туны, в какой бы форме они ни пребывали (стела, алтарь и пр.), служили в какой-то степени репрезентацией или даже олицетворением самого времени. А ритуалы, проводившиеся с их участием, были призваны каким-то образом «включать» эти важные объекты.

Согласно надписям на монументах классического периода, в праздновании какого-либо события был задействован правитель, который и совершал ритуалы с элементами кровопускания и танца. Подобные инаугурации, а также годовщины правления происходили в непосредственной близости к резиденции, на центральной площади, таким образом, все постройки становились частью представления, являя собой фон или декорацию. Постепенно жилища трансформировались во дворцы и храмы на платформах, для их постройки в горных районах использовали утрамбованную землю, а в низменностях примешивали щебень. Идея грандиозного спектакля, разворачивавшегося на фоне великолепной театральной декорации в виде всего города и площади перед храмом или дворцом, в том или ином виде присуща всем городам майя. Стелы находились в самом центре событий и принимали активное участие в представлении. С. Хаустон полагает, что иногда священные каменные объекты становились субъектом в тексте на стеле, гораздо более важным, нежели жизнеописание и история правителей¹³. Многие из текстов, посвященных истории элиты майя, описывают ритуальное взаимодействие между правителем и объектом, в частности, со стелой. Некоторым из стел даже дают имена собственные, их можно расценивать как полноправных «участников» ритуала и исторического нарратива майя¹⁴. Этот акцент становится еще более интересным с учетом, что окружающие пирамиды и храмовые комплексы на высоких платформах в горизонтальном сечении ассоциируются с образом «горы предков», возвышающейся над морем зеленой сельвы и болотами.

Одним из самых древних у майя считается миф о горе как прародительнице человечества, а пещера играет роль входа и выхода из мифологической прародины

⁹ Kaufman, Norman 1984.

¹⁰ Justeson, Mathews 1983; Thompson 1950.

¹¹ Кнорозов 1952, Кнорозов 1955.

¹² Stuart 1996.

¹³ Houston 2014, 88.

¹⁴ Stuart 1996.

майя¹⁵. Изображение «горы предков» у майя ассоциируется с подземным миром, местом обитания предков, местом рождения бога майя, образ которого связан с вечной жизнью, идеей изобилия, плодородия, перерождения и реинкарнации¹⁶. Именно в пещерах встречаются образцы наскального искусства, которые подчеркивают роль покровителей-предков, а также служат свидетельством необходимости совершения ритуальных подношений и позволяют лучше понять представление о камне, как о проводнике всего вечного, незыблемого, одновременно присутствующего в нашем мире и служащего переходной материей для общения с предками и богами.

На археологическом памятнике Эль-Наранхо (Гватемала) среднего доклассического периода (1000–400 до н.э.) были найдены свидетельства религиозной традиции, связанной с культом «гладкой» стелы. Эль-Наранхо в дополнение к изолированным памятникам и алтарям, разбросанным по городищу, имеет три основные группы объектов, ориентированных по одной линии. Там также были обнаружены гладкие базальтовые стелы в форме колонны¹⁷, которые датируются 750 до н.э. и являются одними из первых культовых недекорированных монументов в Мезоамерике. Они расположены по направляющей оси и являются структурообразующими для центральной площади городища. Для церемониального общественного пространства классического города майя было характерно строительство так называемых «патио-групп» – построек, располагавшихся по четыре стороны от центральной площади, в середине которой, как правило, находились группы стел. В Эль-Наранхо религиозная практика выстраивания стел по одной линии играла очень важную роль. Прямоугольная форма и гладкость одной (фронтальной) стороны стелы служили предпосылкой для отбора и установки недекорированных стел (рис. 1).

Рис. 1. «Гладкие» стелы из городища Эль-Наранхо, Гватемала

Рис. 2. Стела «Ла Пикота» из городища Паленке, Мексика

¹⁵ Ершова 1997, Кнорзов, Ершова 1988.

¹⁶ Гуляев 1984.

¹⁷ Arroyo et al. 2007; Pereira et al. 2007.

Интересный пример недекорированной стелы происходит из регионального центра Паленке, расположенного на западе области майя. Он знаменит штукowymi рельефами и великолепным дворцово-храмовым комплексом. Недалеко от центра города, в недрах еще не раскопанных джунглей стоит одинокая, стройная, высокая стела, так называемая «Ла-Пикота», лишенная камнерезной обработки (рис. 2). Основываясь на анализе ее сохранности, Д. Стюарт предполагает, что недекорированная стела майя не была *табула раса* – скульпторы майя, напротив, много усилий прилагали для того, чтобы сгладить поверхность камня, сделать ее ровной и даже отполированной. Смысл такой обработки заключается в том, что камень, отполированный до блеска, может отражать свет.

Первым ученым, обратившим внимание на форму стел и рассмотревшим вопрос происхождения этого вида монументальной скульптуры, стал исследователь ольмекской культуры Джеймс Портер. Он предположил, что скульптуры Ла-Венты и других ольмекских памятников среднеформативного времени (1000–400 до н.э.) следует характеризовать как «кельтиформные». Им специально была предана форма топоров-кельтов, столь важных для церемониала ольмеков, а позднее и майя¹⁸. Вырезались они, как правило, в виде миниатюрных топоришков из жада¹⁹, считавшегося в Мезоамерике символом власти и могущества. Ключом к подобной догадке стало предложенное Д. Стюартом прочтение иероглифического знака, изображающего кельт. Он полагает, что сверкающее качество этого знака связано не с тем, что оно символизирует зеркало, а собственно со свойствами, приписываемым твердой, блестящей, отражающей поверхности²⁰. В качестве иероглифа, иконографического мотива или элемента костюма зеркало или сверкающий камень распространены повсеместно по региону майя. Часто этот знак изображается на лбу у К’авиля – божества, который олицетворял гром и молнию (показанную в виде змеи), а также служил культу божественной власти правителя майя (рис. 3).²¹

В свою очередь, отражающее и гладкое свойства камня могли служить дополнительной характеристикой стелы как части атрибутов бога дождя и плодородия Чаака, одного из самых древних божеств майя. Изображается Чаак несущим топорик-кельт, изучение иконографии которого дало возможность эпиграфистам прочесть логограмму **ЛЕМ**²². Этот кельт служит для «высекания» молнии, вызова дождя – важ-

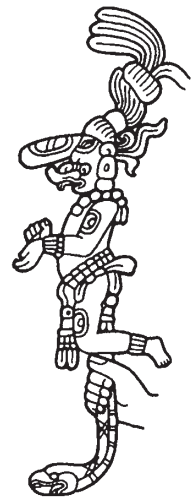

Рис.3. Скипетр-Кавиль со знаком **ЛЕМ** во лбу. Прорисовка по И. Гремму

¹⁸ Porter 1996; Taube 2000; Давлетшин 2006.

¹⁹ Отечественные авторы традиционно называют нефритом все различные полудрагоценные поделочные камни зеленых оттенков (серпентин, жадеит, амазонит, фуксит и др.), использовавшиеся для изготовления престижных объектов в Мезоамерике и Центральной Америке (см., например, Гуляев 1984, 148–149; Кинжалов 1971, 86–87). Е.Г. Дэвлет в своих работах ввела новое для русскоязычной литературы понятие «жад» как «... общий термин, объединяющий несколько разных материалов, среди которых наиболее известны жадеит и нефрит». Подробнее см.: Дэвлет 2000, 85.

²⁰ Schele, Miller 1986.

²¹ Гуляев 1972.

²² Stuart 2010.

ного для ирригации и нового урожая, а изображается он в качестве камня, прямоугольного по форме. Такие ассоциации вызывают стелы майя, блестящие и каменные, всаженные в землю в качестве священного монумента, отмечающие временные промежутки, также связанные с культом плодородия²³. Позднее на эту форму наслаивается смысловая нагрузка «культа правителя», стела становится могущественным ресурсом прославления. Стела 31 (445 г.) из Тикаля (Петен, Гватемала) служит прекрасным примером того, как скульптор приспособливает рисунок к исходной природной форме и контурам камня (рис. 4). Эта стела покрыта резьбой и, благодаря своей отличной сохранности, не утратила блеска, одновременно являлась удобной основой для размещения богатой иконографической программы правителя.

Дополнительный аргумент в пользу отождествления стел с жадеитовыми кельтами являются раннеклассические материалы из Копана. Речь идет о стеле 63, которая была освящена четвертым царем династии, чтобы почтить присутствие его предка, второго царя династии при ритуале окончания большого календарного цикла 9.0.0.0.0 (435 г.)²⁴. Эта стела почти два века служила центром церемониальных действий и была погребена внутри закрытого святилища Папагайо. Стела названа в тексте **LAKAM-LEM** – *lakam le'm* («большой кельт») вместо более обычного термина *lakam tuun* («большой камень»).

Рис. 4. Стела 31 (445 г.) из городища Тикаль, Мексика

Заключение

Археологическое изучение региона майя за последние два десятилетия показывает, что отдельно стоящие каменные монументы появляются достаточно рано, их возникновение можно проследить, начиная со средней доклассической эпохи. Эти скульптуры несут более важную смысловую нагрузку, а не просто являются основой для рельефа с изображением правителя. Каменная стела становится важным социокультурным феноменом в качестве переносной части «горы предков». Она символически олицетворяет «каменность» земли и материю для общения с предками-покровителями. Сам факт обработки, дополнительной резьбы на камне открывал диалог между неотъемлемой каменностью стелы и тем изображением, которое на нее наносилось. В них наблюдаются стилистические вариации, отражающие особенности региональных традиций или изменения в каноне, но, несмотря на богатую иконографическую программу рельефа, эти скульптуры являются частью сложной мифологической традиции майя, а не просто каменными холстами для изображения триумфа правителя.

²³ Houston, Stuart 1996.

²⁴ Fash 1991.

- Беляев, Д.Д. 2000: Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. В сб.: Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 186–196.
- Беляев, Д.Д. 2002: Древние майя (III–IX вв.). В сб.: Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев (ред.), *Цивилизационные модели политогенеза*. М., 130–155.
- Гуляев, В.И. 1972: Атрибуты царской власти у древних майя. *Советская Археология* 3, 116–134.
- Гуляев, В.И. 1979: *Города-государства майя: структура и функции города в раннеклассовом обществе*. М.
- Гуляев, В.И. 1984а: *Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры*. М.
- Гуляев, В.И. 1984б: Культ предков у древних майя. В сб.: Л.Р. Полонской (ред.), *Религии мира: История и современность*. М., 56–81.
- Гуляев, В.И. 1985: Типология и структура древних государств Мезоамерики. В сб.: В.А. Тишков (ред.), *Исторические судьбы американских индейцев*. М., 52–64.
- Гуляев, В.И. 1990: Иерархия общинных структур и ее археологическое отражение (по материалам доиспанской Мезоамерики). В сб.: В.И. Гуляев, Г.Е. Афанасьев (ред.), *Проблемы изучения древних поселений в археологии*. М., 32–68.
- Давлетшин, А.И. 2006: Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала. В сб.: А.А. Бородастов, В.А. Тишков (ред.), *Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики*. М., 142–158.
- Дэвлет, Е.Г. 2000: *Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки*. М.
- Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. 2005: *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*. М.
- Ершова, Г.Г. 1997: *Система родства майя*. М.
- Кинжалов, Р.В. 1971: *Культура древних майя*. Л.
- Кнорозов, Ю.В. 1952: Древняя письменность Центральной Америки. *Советская этнография* 3, 100–118.
- Кнорозов, Ю.В. 1955: Письменность древних майя (опыт расшифровки). *Советская этнография* 1, 94–125.
- Кнорозов, Ю.В., Ершова, Г.Г. 1988: Легенды о происхождении майя. В сб.: В.А. Тишков (ред.), *Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики*. М., 247–256.
- Arroyo, B., Peirera, K., Cossich, M., Aragón, L., Arévalo De León, M., Galindo, C., Quiroa, F. 2007: Proyecto de Rescate Naranjo: Nuevos Datos del Preclásico en el Valle de Guatemala. In: *XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2006*. Guatemala, 1081–1100.
- Clancy, F. 1985: Maya Sculpture. In: *Maya: Treasures of an Ancient Civilization*. New York, 58–70.
- Coe, W.R. 1990: *Excavations in the Great Plaza, North Terrace, and North Acropolis of Tikal*. 6 Vols., TR 14, UMM 62. Philadelphia.
- Fash, W.L. 1991: *Scribes, Warriors and Kings: The City of Copan and the Ancient Maya*. New York.
- Guernsey, J., Reilly, K. 2006: *Sacred Bundles: Ritual Acts of Wrapping and Binding in Mesoamerica*. Boundary End Archaeological Research Center. Barnardsville.
- Houston, S., Stuart, D. 1996: Of gods, glyphs, and kings: Divinity and rulership among the Classic Maya. *Antiquity* 70, 289–312.
- Houston, S. 2014: *The Life Within: Classic Maya and the Matter of Permanence*. Yale University Press.

- Justeson, J., Mathews, P. 1983: The seating of the *tun*: Further evidence Concerning a Late Preclassic Maya Stela Cult. *American Antiquity* 48 (4), 538–539.
- Kaufman, N. 1984: An Outline of Proto-Cholan Phonology, Morphology and Vocabulary. In: *Phoneticism in Mayan Hieroglyphic Writing*. New York.
- Morley, F., Morley, S. 1938: The Age and Provenance of the Leyden Plate. In: *Contributions to American Anthropology and History* 5, 24. Washington.
- Pereira, K., Arroyo, B., Cossich, M. 2007: Las estelas de Naranjo, Guatemala. In: *XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*. Museo Nacional de Arqueología y Etnología de Guatemala. Guatemala, 1054–1080.
- Porter, J. 1996: Celtiform Stelae: A New Olmec Sculpture Type and its implications for Epigraphy. In: *Beyond Indigenous Voices: LAILA/ALILA 11th International Symposium on Latin American Indian Literature* (1994). Lancaster, 65–72.
- Schele, L., Miller, M. 1986: *The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art*. Los Angeles.
- Stuart, D. 1996: Kings of Stone: A Consideration of Stelae in Ancient Maya Ritual and Representation. *RES* 29/30, 148–71.
- Stuart, D. 2010: Shining stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya stelae. In: *The place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition*. Washington, 283–298.
- Taube, K. 2000: Lightning Celts and Corn Fetishes: The Formative Olmec and the Development of Maize Symbolism in Mesoamerica and the American Southwest. In: *Olmec Art and Archaeology in Mesoamerica*. Washington–New Haven, 297–337.
- Thompson, J. Eric, S. 1950: *Maya hieroglyphic Writing: An introduction*. Washington.

REFERENCES

- Arroyo, B., Peirera, K., Cossich, M., Aragón, L., Arévalo De León, M., Galindo, C., Quiroa, F. 2007: Proyecto de Rescate Naranjo: Nuevos Datos del Preclásico en el Valle de Guatemala. In: *XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2006*. Guatemala, 1081–1100.
- Belyaev, D.D. 2000: Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. In: N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi (red.), *Альтернативные пути к цивилизации*. Moscow, 186–196.
- Belyaev, D.D. 2002: Древние майя (III–IX вв.) In: D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev (red.), *Цивилизационные модели политогенеза*. Moscow, 130–155.
- Clancy, F. 1985: Maya Sculpture. In: *Maya: Treasures of an Ancient Civilization*. New York, 58–70.
- Coe, W.R. 1990: *Excavations in the Great Plaza, North Terrace, and North Acropolis of Tikal*. 6 Vols., TR 14, UMM 62. Philadelphia.
- Davletshin, A.I. 2006: Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абхр-Такалика, Гватемала. In: A.A. Borodatov, V.A. Tishkov (red.), *Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики*. Moscow, 142–158.
- Devlet, E.G. 2000: *Хрудожественные изделия из камня индейцев Центральной Америки*. Moscow.
- Devlet, E.G., Devlet, M.A. 2005: *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*. Moscow.
- Ershova, G.G. 1997: *Система родства майя*. Moscow.
- Fash, W.L. 1991: *Scribes, Warriors and Kings: The City of Copan and the Ancient Maya*. New York.
- Guernsey, J., Reilly, K. 2006: *Sacred Bundles: Ritual Acts of Wrapping and Binding in Mesoamerica*. Boundary End Archaeological Research Center. Barnardsville.
- Gulyaev, V.I. 1972: Атрибуты царской власти у древних майя. *Советская Археология* 3, 116–134.

- Gulyaev, V.I. 1979: *Goroda-gosudarstva majya: struktura i funkcii goroda v ranneklassovom obshchestve*. Moscow.
- Gulyaev, V.I. 1984a: *Zabytye goroda majya. Problemy iskusstva i arhitektury*. Moscow.
- Gulyaev, V.I. 1984b: Kul't predkov u drevnihr majya. In: L.R. Polonskoj (red.), *Religii mira: Istoriya i sovremennost'*. Moscow, 56–81.
- Gulyaev, V.I. 1985: Tipologiya i struktura drevnihr gosudarstv Mezoameriki. In: V.A. Tishkov (red.), *Istoricheskie sud'by amerikanskihr indejcev*. Moscow, 52–64.
- Gulyaev, V.I. 1990: Ierarhiya obshchinnyh struktur i ee arheologicheskoe otzazhenie (po materialam doispanskoj Mezoameriki). In: V.I. Gulyaev, G.E. Afanas'ev (red.), *Problemy izucheniya drevnihr poselenij v arheologii*. Moscow, 32–68.
- Houston, S., Stuart, D. 1996: Of gods, glyphs, and kings: Divinity and rulership among the Classic Maya. *Antiquity* 70, 289–312.
- Houston, S. 2014: *The Life Within: Classic Maya and the Matter of Permanence*. Yale University Press.
- Justeson, J., Mathews, P. 1983: The seating of the *tun*: Further evidence Concerning a Late Preclassic Maya Stela Cult. *American Antiquity* 48 (4), 538–539.
- Kaufman, N. 1984: An Outline of Proto-Cholan Phonology, Morphology and Vocabulary. In: *Phoneticism in Mayan Hieroglyphic Writing*. New York.
- Kinzhalov, R.V. 1971: *Kul'tura drevnihr majya*. Leningrad.
- Knorozov, Yu.V. 1952: Drevnyaya pis'mennost' central'noj Ameriki. *Sovetskaya etnografiya* 3, 100–118.
- Knorozov, Yu.V. 1955: Pis'mennost' drevnihr majya (opyt rasshifrovki). *Sovetskaya etnografiya* 1, 94–125.
- Knorozov, Yu.V., Ershova, G.G. 1988: Legendy o proishozhdenie majya. In: V.A. Tishkov (red.), *Ekologiya amerikanskihr indejcev i eskimov. Problemy indeanistiki*. Moscow, 247–256.
- Morley, F., Morley, S. 1938: The Age and Provenance of the Leyden Plate. In: *Contributions to American Anthropology and History* 5, 24. Washington.
- Pereira, K., Arroyo, B., Cossich, M. 2007: Las estelas de Naranjo, Guatemala. In: *XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*. Museo Nacional de Arqueología y Etnología de Guatemala. Guatemala, 1054–1080.
- Porter, J. 1996: Celtiform Stelae: A New Olmec Sculpture Type and its implications for Epigraphy. In: *Beyond Indigenous Voices: LAILA/ALILA 11th International Symposium on Latin American Indian Literature (1994)*. Lancaster, 65–72.
- Schele, L., Miller, M. 1986: *The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art*. Los Angeles.
- Stuart, D. 1996: Kings of Stone: A Consideration of Stelae in Ancient Maya Ritual and Representation. *RES* 29/30, 148–71.
- Stuart, D. 2010: Shining stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya stelae. In: *The place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition*. Washington, 283–298.
- Taube, K. 2000: Lightning Celts and Corn Fetishes: The Formative Olmec and the Development of Maize Symbolism in Mesoamerica and the American Southwest In: *Olmec Art and Archaeology in Mesoamerica*. Washington–New Haven, 297–337.
- Thompson, J. Eric, S. 1950: *Maya hieroglyphic Writing: An introduction*. Washington.

MAYA STONE STELA AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Amina I. Fahry

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
fakhri.amina@gmail.com*

Abstract. This article focuses on the “cult of the stelae” which was a ubiquitous component of the Classic Maya period (250–900 BC). The tradition of the erecting stone monuments in the form of stelae can be traced throughout Maya area (Mexico, Guatemala, Belize and Honduras), they were decorated with carvings in low and high relief depicting the rulers. Scenes related to the glorification, deification of the ruler and his actions prevail in the stelae decoration at the beginning of the 4th century B.C. But there was a much more ancient type of the monument, the so-called “plain” stela, without any carvings. This article analyzes the semantics of the stone shape chosen for the stela and provides information on various examples from Kaminaljuyu (Guatemala) El Naranjo (Guatemala), Palenque (Mexico), Tikal (Guatemala).

Key words: Maya, iconography, stone sculpture, religion

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ХУШВИЦА (КАРАКОЛЬ, БЕЛИЗ) В КОНЦЕ VIII – НАЧАЛЕ IX В.*

Ю.Э. Бернацкая

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Imbirnaya.vishnya@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу политической истории древнего города майя Хушвица (археологический памятник Караколь) на рубеже VIII–IX вв. С начала VIII в. исчезают царские надписи, однако археологический материал свидетельствует о прежнем процветании города, причем на всех уровнях. В самом конце VIII в. вновь возобновляется установление монументов, расширяется монументальное строительство. К'инич-Хой-К'авиль, воцарившийся в 799 г., подчеркивает преемственность властной традиции от царей прошлого. Восстанавливается престиж Караколя и за счет успешных военных кампаний, начатых К'инич-Хой-К'авилем и продолженных следующим правителем Хушвица К'инич-Тобиль-Йопатом. Он побеждает главных противников в регионе, среди которых царство К'анвицаль, ставшее региональным лидером в середине VIII в. Несмотря на наметившийся расцвет царства, становятся заметны признаки начинающегося кризисного процесса, который охватил низменности майя с начала IX в. Они в первую очередь фиксируются в изменении стиля монументальной скульптуры. Появляются новые черты (монументы с парными сценами, отсутствие генеалогической риторики в текстах, а также разрастание царского дома), которые становятся характерными и закрепляются в надписях, созданных после 810 г., и продолжают входить в последнюю четверть IX в.

Ключевые слова: майя, Караколь, политическая история, терминальный классический период, внешняя политика

Введение

Караколь – один из крупнейших городов майя классического периода (I тыс. н.э.). Он расположен в Белизе, недалеко от границы с Гватемалой, на территории лесного заповедника Чикибуль на западном склоне «Гор Майя». В древности город назывался Хушвица (в иероглифическом майя – *Huux Witza*¹ – «Вода трех холмов»)¹ и был столицей государства, правители которого носили титул *k'uhul*

Бернацкая Юлия Эдуардовна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-300045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя в контексте современных теорий социальной эволюции»).

¹ Иероглифический майя (далее ИМ) – древний престижный язык письменности майя в классический период, известный в основном по эпиграфическим памятникам III–IX вв. (Кнорозов 1963; Houston, Robertson, Stuart 2000). Возник в конце I тыс. до н.э. на основе устного ритуального языка (см.: Давлетшин 2009, 440–468), сформировавшегося на базе одного из восточно-чоланских диалектов, но позднее использовался во всех регионах области майя.

K'antu maak («божественный человек из К'анту»). Население города с прилегающей территорией, по оценкам археологов, составляло более 100 000 человек². Вокруг него располагались небольшие городки, входившие в сферу его политико-административного влияния (Ла-Рехолья, Каледония, Маунтин-Кау и др.). Они были соединены сетью дорог-сакбе протяженностью более 60 км, служивших для обмена и коммуникации на территории всей этой зоны.

Караколь был обнаружен в 1938 г. заготовщицей леса Росой Май³. В начале 1950-х гг. на памятнике велись полевые работы Музея Университета Пенсильвании под руководством Линтона Саттерсуэйти⁴. С 1985 г. в Караколе работает экспедиция, возглавляемая супругами Дианой и Арленом Чейзами из Университета Центральной Флориды в Орландо⁵. За все время археологических работ было найдено 54 резных монумента, хронологически охватывающих период с 331 по 884 гг., а также 4 иероглифических надписи на сводах, 4 настенных надписи в гробницах и несколько шутовых текстов на зданиях⁶.

Археологические исследования относят появление первых поселений на территории города к рубежу VII–VI вв. до н.э. Спустя практически тысячу лет начинается традиция установления монументов: самая ранняя дошедшая до нас стела 20 датируется 400 г. н.э. Сравнительная удаленность от центральной части Южных низменностей не помешала династии «людей из К'анту» играть важную роль на политической арене мира майя⁷. В первой половине VI в. они зависели от Тикаля, но затем Йахавте-К'инич II (553–599) перешел на сторону царя Кануля⁸. В первой половине – середине VII в. в правление Тум-Оль-К'инича II (618–658) К'анту становится одним из важнейших царств в составе Канульской державы⁹ и достигает вершины своего могущества после ряда успешных войн против Саиля¹⁰, однако в 680 г. терпит поражение.

После установки стелы 21 в 702 г. в монументальной активности Хушвица наступает перерыв. Между тем археологический материал, датирующийся VIII в., довольно обширен и свидетельствует о процветании города. В это время были

² Chase, Chase 1994, 5.

³ Beetz, Satterthwaite 1981, 1.

⁴ Satterthwaite 1951, 21–37; Satterthwaite 1954, 2–45.

⁵ Официальный сайт археологического проекта «Караколь»: <http://www.caracol.org>, – где в свободном доступе размещены отчеты за полевые сезоны и архив публикаций, посвященных исследованию города.

⁶ Основные публикации текстов Караколя: Beetz, Satterthwaite 1981; Grube 1994, 83–122; Grube, Martin 2004; Chase, Grube, Chase 1991, 1–18; Houston 1987, 85–100.

⁷ Общий обзор политической истории Хушвица см.: Houston 1987; Grube 1994; Martin, Grube 2008.

⁸ Тикаль – древний город майя в Центральном Петене, столица одного из важнейших государств классического периода. Кануль (ИМ Kaanu'l) – одно из важнейших государств майя классического периода. Изначально располагалось в северной части Петена, впоследствии столица была перенесена в Ц'ибанче (юг Кинтана-Роо), с 635 г. по середину VIII в. располагалась в Чикнабе (ИМ Chi'k Naahb; городище Калакмуль в штате Кампече, Мексика).

⁹ Под державой в современной отечественной майянистике подразумевается «политическое объединение нескольких государств, в котором отсутствует централизация управления, а зависимые политии обязаны верховному правителю данью и военной помощью» (Беляев 2001, 242–243). Об отношениях между зависимыми политиями и верховными правителями в рамках Канульской державы на примере Сакникте (Ла-Короны) см.: Вепрецкий 2015.

¹⁰ Саиль (ИМ Sa'il) – государство майя в Восточном Петене со столицей в Ваккабнале (ИМ Wak Kabnal; городище Наранхо в Гватемале).

заселены практически все жилые группы, население к середине VIII в. достигает своего пика, насчитывая около 100–115 тыс. человек¹¹. Конец VII–VIII вв. стали временем большого строительства в центре города¹². По мнению А. и Д. Чейзов, в это же время произошли изменения в политической системе в сторону ее бюрократизации. Бюрократия стала второй элитой, роль царской династии уменьшилась после военных поражений конца VII в.¹³ Археологические данные свидетельствуют об общем процветании всего города: к предметам роскоши имели доступ широкие слои населения. Так, в жилых группах часто встречаются захоронения с зубной инкрустацией (характерной для элиты)¹⁴, во многих сосудах с подношениями (так называемые *cache vessels*) обнаружен фигурный обсидиан, пиритовые зеркала, кусочки малахита и раковины *Spondylus* – предметы, свидетельствующие о благосостоянии жителей жилых групп¹⁵. Произошли изменения и в самой ритуальной жизни. В позднеклассический период получает распространение практика проведения частных ритуалов, заменяющих собой публичные церемонии. Тайники с богатым инвентарем найдены не только в центральной зоне, но и на периферии, причем их количество и богатство сопоставимы с центральными¹⁶.

Супруги Чейз, опираясь на археологические данные, заключают, что период конца VII–VIII вв. не был временем упадка, а напротив, был временем стабильности и роста уровня жизни средних слоев населения. Они называют это явление «символическим эгалитаризмом», подразумевая под этим использование различных символов для уменьшения социальных различий и увеличения кооперации между людьми разного уровня¹⁷. Общие погребальные практики и ритуальная керамика сглаживали дифференциацию общества, которая не могла полностью исчезнуть и которая хорошо фиксируется при анализе диеты. Такая политика вела к возникновению «общей идентичности»¹⁸ и, в конечном итоге, к процветанию Караколя. Эта гипотеза объясняет расцвет, который фиксируется по археологическим данным, при отсутствии иероглифических текстов. Отсутствие монументов может скорее свидетельствовать о меньшей значимости царской власти, чем о политическом или экономическом упадке. От этого времени осталось известно только о двух вероятных царских именах, упомянутых в надписях пещеры Нах-Тунич¹⁹.

В самом конце VIII в. Караколь вновь выходит из тени. Этот поздний расцвет начался с восхождением на трон К'инич-Хой-К'авиля в 799 г. Он был первым правителем, о чьей интронизации мы достоверно знаем из письменного источника со времен К'ак'-Ухоль-К'инича II (658 г.). Имя бога молнии и изобилия К'авиля до этого не встречается в царской ономастике Хушвица, где доминировали апелляти-

¹¹ Chase, Chase 2008, 104.

¹² Chase, Chase 2008, 105.

¹³ Chase, Chase 2012, 264.

¹⁴ Chase, Chase 2009, 19.

¹⁵ Chase, Chase 1996, 70.

¹⁶ Chase, Chase 2010, 109.

¹⁷ Chase, Chase 2009, 15–24.

¹⁸ Chase, Chase 2004, 111–119.

¹⁹ Нах-Тунич – ритуальный пещерный комплекс майя в Гватемале, близ границы с Белизом, содержащий обширный корпус иероглифических надписей позднеклассического времени (MacLeod, Stone, 1995; Висканта 2014).

вы, связанные с богом солнца К'иничем, и его появление может свидетельствовать о каких-то изменениях в идеологии власти.

На рубеже VIII–IX вв. К'инич-Хой-К'авиль начал широкие военные действия и развернул активное строительство. Одной из первых его построек стал стадион для игры в мяч в группе Б (Здание Б8–Б9). Его освящение описывается в надписи на так называемом «маркере» (небольшой круглый алтарь, установленный на стадионах для игры в мяч). На стадионе в группе Б в центре игрового поля были расположены три маркера. Как показали К. Хелмке и Х. Кеттунен²⁰, в древности надпись на них составляла единый текст, начинающийся на маркере 4, продолжающийся на недошедшем до нас маркере и завершавшийся на маркере 3. Надпись открывается «начальной серией» 9.18.9.5.9 (12 декабря 799 г.)²¹, датирующей воцарение К'инич-Хой-К'авиля (C1–D3): **WAK-MUL?**ДЕНЬ **CHA?**-**K'AN?**-**a-si CHUM-la-ti?**-**AJAW-le K'IN-ni-chi JOY-K'AWIL-li** (D3) **K'UH-K'AN-tu-ma-ki**, *wak Mul cha? K'anasi chumla[j] ti 'ajawle[l] K'ihnich Joy K'awil, k'uh[ul] K'antumaak* – «В день 6 Муль, 2 [числа месяца] К'анасий воссел на царство К'инич-Хой-К'авиль, божественный человек из К'анту».

В 800 г. К'инич-Хой-К'авиль отпраздновал ритуал середины двадцатилетия. Об этом также сообщается на маркере 4, где запись о событии идет после интервального числа «12 месяцев и 11 дней» (блоки C4–C5), ведущего к циклической дате 10 Ахав 8 Сак²² (C6–E3): **LAJUN?**-**AJAW**ДЕНЬ **WAXAK-SAK-SIHOM** **'u-K'AL-TUN-ni ti-TAN[LAM]-wa**, *laju'n 'Ajaw waxak Saksiho'm 'u-k'altuun ti tahn lama'w* – «В день 10 Ахав, 8 [числа месяца] Сак-Сихо'м установление стелы в середину двадцатилетия».

Стела, о которой идет речь, это, по-видимому, стела 11²³. На ней изображен правитель с небесной полосой в руках, в левом нижнем углу находится карлик, держащий скипетр-к'авиль. Сохранность текста оставляет желать лучшего, однако ясно, что сообщается об установлении стелы и ритуалах, сопровождающих празднование середины двадцатилетия:

(C1) **LAJUN?**-**AJAW**ДЕНЬ (D1) **WAXAK-SAK-SIHOM-ma** (C2) **'u-tz'a-pa-wa** (D2) **LEM?**-... (C3) **K'UH**-... (D3) **TUN-nu** (C4) **'u-CHOK-ch'a-ja** (D4) **ti-TAN-LAM-wa** (C5) **K'IN-ni-chi** (D5) **JOY-K'AWIL-li** (C6) **'a-WAK-BAK-ki** (D6) **K'UH-K'AN-tu-ma-ki**

Laju'n 'Ajaw waxak Saksiho'm 'u-tz'apaw Le'm-... K'uh[ul]-... Tun 'u-chok ch'aj ti tahn lama'w K'i[h]nich Joy K'awil 'aj-wak baak k'uhul K'antu maak

²⁰ Helmke, Kettunen, Guenter 2006, 1–27.

²¹ Начальная серия – вводная датировка в надписях майя, указывающая дату по эре, отсчитываемой от 4 Ахав 8 Кумк'у – 13 августа 3114 г. до н.э. (см.: Кнорозов 1963, 253–257).

²² Интервальное число – количество дней, прошедшее между циклической датой начальной серии и следующей циклической датой или двумя соседними циклическими датами (Кнорозов 1963, 257). Циклическая дата (дата 52-летнего цикла) – основной способ датировки в надписях майя, отмечающий дни в пределах цикла в 18980 дней (совмещение ритуального 260-дневного цикла и 365-дневного солнечного года). При циклической датировке даты могут повторяться каждые 52 года. Циклическая дата состоит из указания на день 260-дневного календаря и число месяца в 365-дневном году (см.: Кнорозов 1963, 253–257).

²³ Опубликованную фотографию см.: Beetz, Satterthwaite 1981, 179. Прорисовку К. Бица см.: Beetz, Satterthwaite 1981, 153. Прорисовки С. Хаустона см.: Houston 1987, 94; Grube, Martin 2004, 76.

«В день 10 Ахав, 8 [числа месяца] Саксихо²м он воздвиг стелу [под названием] Лем-...-К'ухуль-...-Тун и рассыпал смолу в середину двадцатилетия К'инич-Хой-Кавиль, тот, у кого 6 пленников, божественный человек из К'анту».

Примечательно, что установленный монумент имеет свое особое имя *Le'm-... K'uh[ul]-... Tun*. Аналогичное название встречается на стеле 1 из Караколя (блоки D2-C3). В обоих случаях название монумента начинается с логограммы «ЖАД» – «БЛЕСТЯЩИЙ ПРЕДМЕТ» (Д. Стюарт предлагает чтение **LEM**²⁴). Второй знак, хорошо сохранившийся на стеле 1 и сильно поврежденный на стеле 11, изображает голову орнитоморфного сверхъестественного существа и пока не имеет чтения. Далее следует знак **K'UH**, записывающий прилагательное *k'uhul* («священный, божественный»). Последний знак в блоке является логограммой, включающей графический элемент T504, и, по мнению А.И. Давлетшина, обозначает уголь. Таким образом, полное имя стелы обозначает «Драгоценный ... Божественный Чёрный (как уголь) Камень».

Очевидно, воздвигая стелу в празднование первого календарного периода, завершившегося во время его царствования, К'инич-Хой-К'авиль неслучайно называет ее тем же именем, которое носила стела 1. Более того, об установлении этого монумента он сообщает во всех своих текстах: собственно на стеле 11, на маркере 4 (блоки C6-E3) и на алтаре 23 (блоки A1-C2). Это выглядит как явная отсылка к великим временам Йахавте-К'инича II (553–599).

К'инич-Хой-К'авиль восстановил престиж Хушвица и за счет военных побед. Стелу 11 сопровождал алтарь 23 (CRC: Alt. 23), на котором сразу же после сообщения об установлении стелы 11 описывается важная военная победа: (B3) **chu-ka-ja** (C3) **ʔu-BAK-ka** (B4) **HUX-WINAKHAB-ʔAJAW** (C4) **tu-[mu]-ʔOL-[K'IHNIH]** (B5) **ba-ka-ba** (C5) **ʔu-CHAB-ji-ya** (C6) **K'IHNIH-JOY-K'AWIL-li** (C7) **K'UH-K'AN-tu-ma-ki** (C8) **ba-ka-ba**, *chu[h]kaj ʔu-bak huux winakhaab ʔajaw Tum ʔOʔl K'ihnich bakab ʔu-chabjiy K'ihnich Joy K'awil k'uh[ul] K'antumaak* – «Был захвачен пленник царя на третьем двадцатилетии Тум-Оль-К'инича, *бакаба*, как это повелел К'инич-Хой-К'авиль, божественный человек из К'анту, *бакаб*».

На алтаре изображены два сидящих со связанными за спиной руками пленника, которые поименованы в подписях (блоки D1-D4 и E1-E4):

(D1) **LEM?-TI?-BALAM** (D2) **K'UH-bi-TAL-ʔAJAW-wa** (D3) **ye-TE?** (D4) **[tu]-mu-ʔOL-K'IHNIH**, *Le'm-Tiʔ Ba[h]lam k'uhul Bitāl ʔajaw y-e[h]teʔ Tum ʔOʔl K'ihnich* – «Лем-Ти-Балам, священный царь Биталья – пленник Тум-Оль-К'инича».

(E1) **ʔ-xuʔ[kuʔ]-bu-cha-ki** (E2) **K'UH-K'AN-na-WITZ-NAL-ʔAJAW** (E3) **ye-TE?** (E4) **tu-mu-ʔOL-K'IHNIH**, ... *Xukubʔ Chaahk k'uhul K'anwitznal ʔajaw y-e[h]teʔ Tum ʔOʔl K'ihnich* – «... -Шукуб-Чак, священный царь К'анвицналя, пленник Тум-Оль-К'инича».

Биталь – это город, расположенный в пограничной зоне между Караколем и Наранхо. Он упомянут в нескольких надписях из Наранхо, в частности на стеле 22, где сообщается о его сожжении в 693 г. (NAR: St. 22, F18-E19), и на стеле 13, где речь идет о новом сожжении Биталья в 775 г. (NAR: St. 13, F15-G16). Недавно обнаруженный в Караколе раннеклассический сосуд (ок. V в.) упоминает царя Биталья²⁵, что говорит о долгой истории отношений между двумя царствами.

²⁴ Stuart 2010, 283–298.

²⁵ Chase, Chase 2014, 174.

Хотя точное местоположение Биталья до сих пор не определено, можно предположить, что он является одним из плохо изученных памятников на белизско-гватемальской границе южнее современного города Мельчор-де-Менкос²⁶. Подобное географическое положение обрекло его быть желанным объектом для завоевания со стороны Караколя и Наранхо, а также заставило искать политических союзников.

Второй побежденный город – К'анвицналь (археологический памятник Уканаль) расположен в среднем течении р. Мопан. Как и Биталь, он находится в буферной зоне между Тикалем, Наранхо и Караколем, причем от последнего его отделяет всего 26 км²⁷. Из-за такого расположения он практически всегда находился в зависимости от более сильного соседа. Начало его династии уходит в раннеклассический период, когда он зависел от Тикаля (правитель К'анвицналя V в. на сосуде неизвестного происхождения упоминает Сийах-Чан-К'авиля II)²⁸. Однако о династической истории К'анвицналя известно мало. В 698 г. он был сожжен войсками Саиля, а Коках-Балам I изображен пленником на стеле 22 из Наранхо²⁹. Ваза, расписанная одним из придворных мастеров Наранхо, была подарена Коках-Баламу (I), который попал в вассальную зависимость от Саиля. Позднее, под 712 г., сообщается, что царь К'анвицналя был коронован «пред ликом К'ак'-Тилив-Чан-Чака, священного царя Саиля» (NAR: St. 2, E9–D14).

Крушение Саильской державы в 744–748 гг. позволило Коках-Баламу (II) восстановить независимость К'анвицналя и включиться в борьбу за гегемонию. В 753 и 761 гг. он упоминается в Эль-Чале как верховный правитель³⁰. Под 760 г. на стеле 1 из Сакуля упоминается, что Ошйель-Ханаб, царь Хулипа³¹, «взял паланкин» пред ликом Коках-Балама (II) из К'анвицналя (SCU: St. 1, A10–B10–C9). Однако в 779 г. между Хулипом и К'анвицналем разразилась война, описанная на стеле 2 из Ишкун, в которой царь Хулипа одержал победу и в 780 г. даже смог захватить и сжечь К'анвицналь (IXK: St. 2).

Таким образом, имеющиеся эпиграфические свидетельства показывают, что во второй половине VIII в. цари К'анвицналя на несколько десятилетий создали небольшую гегемонию на востоке и юго-востоке Петена³². Под их властью находились Биталь, царство с центром в Эль-Чале (древнее название неизвестно), Хулип (Ишкун-Сакуль) и, вероятно, прочие мелкие царства «Гор Майя». Саильский поход на Биталь в 775 г. и восстание Хулипа в 779–780 гг. ослабили это объединение, но не уничтожили его окончательно. Возрождение династии «людей К'анту» начинается с победы над главными противниками в регионе. По-видимому, политическому упадку Хушвица в VIII в. способствовал именно расцвет К'анвицналя. Важность этого города можно объяснить его стратегическим положением в верховьях р. Мопан на пути в южные земли³³.

²⁶ Chase, Grube, Chase 1991, 10.

²⁷ Laporte, Mejia 2002.

²⁸ Беляев 2001, 241.

²⁹ Martin, Grube 2008, 76.

³⁰ Laporte, Mejia 2002, 62.

³¹ Хулип (ИМ Hulip) – небольшое царство на юго-востоке Петена («Горы Майя») со столицей на месте городища Ишкун. Второй центр этого государства располагался на месте городища Сакуль.

³² Н. Грюбе полагал, что ситуация была ровно противоположной (Grube 1994).

³³ Беляев 2001, 260.

пись представляет собой запись даты по долгому счету, лунной серии, огненной серии и 52-летнего цикла, но при этом не указано имя правителя, который его установил⁴⁰.

(A1) [tzi-ka-HAB] (B1) BOLON-pi-ki (A2) BOLONLAJUN-WINAKHAB (B2) mi-HAB (A3) mi-WINIK (B3) mi-K'IN-ni (A4) CHA'-K'AL-ja (B4) POYA'?'-ya (A5) ... (B5) 'u-CH'OK-K'ABA' (C1) WINAK-BOLON (D1) ... (C2) 'u-K'AK' (D2) 'a-ku (C3) HUK-? (D3) TI'-HUN (C4) BOLON-'AJAW^{день} (D4) WAXAKLAJUN-mo-lo (C5) BOLONLAJUN-WINAKHAB (D5) T'AB-[yi]

Tziikhaab bolo'n pik bolo'nla ju'n winaakhaab mi[h] haab mi[h] winik mi[h] k'in cha' k'a[h]laj Poya'?' ... 'u-ch'ok k'aba' winaak bolo'n ... 'u-k'a[h]k' 'Ahk huk-? ti' hu'n bolo'n 'Ajaw waxaklaju'n Mol bolo'nla ju'n winaakhaab t'abaay

«Счет времени 9 четырехсотлетий, 19 двадцатилетий, 0 лет, 0 месяцев, 0 дней; Пойа-... – его молодое имя, [в нем] 29 дней; [тогда был зажжен] огонь Ака, [бог] Хук-... у края повязки, в день 9 Ахав, 18 [числа месяца] Мошь появился [алтарь]».

Надпись в целом хорошо различима, но истерта сверху, словно по ней ходили ногами. Сам монумент был установлен между зданиями D и C, которые ограничивают поле для игры в мяч, следовательно он был маркером поля для игры в мяч, которые обычно устанавливались в честь его строительства. Расположение поля для игры в мяч в Хацкап-Кееле и его типологическое сходство с полем для игры в мяч в Караколе свидетельствуют о каракольском влиянии, иными словами, К'инич-Тобиль-Йопат перестраивает поле для игры в мяч (были добавлены здания D1 и L⁴¹), а значит, его строительная деятельность не ограничивается только Караколем, но и распространяется на поселения, входящие в сферу влияния.

Таким образом, на рубеже VIII–IX вв., после более чем векового молчания, правители Хушвица вновь появляются на политической арене восточных низменностей майя. Возрождение началось с военных побед над Биталем и, что важнее, К'анвицналем, который во второй половине VIII в. превратился в регионально-го лидера. В результате этих побед гегемония «людей К'анту» в восточной части Южных низменностей майя была восстановлена. В К'анвицнале правителем стал некий Папамалиль, который превращается в важного союзника Хушвица⁴².

Параллельно с этим происходят заметные изменения в стиле монументальной скульптуры. Во-первых, меняется общий иконографический стиль алтарей и стел. С началом IX в. вместо традиционного для Караколя формата алтарей с календарным знаком Ахав в центре получили распространение алтари с парными или многофигурными сценами. В числе изображенных могут быть пленники, правители или правитель и пленник⁴³. Захват пленников обычно приурочен к круглой дате, и они, скорее всего, были не просто военной жертвой, но и жертвами в честь окончания календарных периодов. Между 820 и 849 гг. исчезают даже парные

⁴⁰ Thompson, 1931.

⁴¹ Morris 2004, 133.

⁴² Использование им титула «западный каломте», равно как уникальное для майяской ономастики имя, указывают на его вероятное чужеземное происхождение. Без всякого сомнения, он связан с той группой немайяской элиты, которая появляется на востоке области майя в начале IX в., впоследствии утверждается в Сейбале и в 830–890 гг. захватывает власть во многих городах Центрально-го Петена (Martin, Grube 2008, 99. Grube 1994, 95).

⁴³ Вероятно, в данном случае можно говорить об определенном влиянии Тикаля, где подобные алтари появляются еще в начале VIII в. (Галеев 2012, 185–202).

ансамбли «стела – алтарь», а алтари с многофигурными сценами (Алтари 10, 12, 13, 26, Алтарь 1 из Маунтин-Кау) не обязательно ассоциируются со стелами⁴⁴. Во-вторых, из надписей исчезает генеалогическая информация, и мы больше не видим упоминаний о родителях правителя, распространенных в раннеклассический период. Теперь титулатура царя сводится к варианту «эмблемного иероглифа» («божественный человек из К'анту»), эпитету *бакаб*, в единичных случаях встречаются указания на число пленников («тот, у кого 7 пленников») и на возраст («царь на третьем двадцатилетии»). В-третьих, появляется новая практика, когда в одно время сразу несколько человек могут носить титул «божественный человек из К'анту». Так, одновременно с К'инич-Хой-К'авилем (799 – ок. 810) как «царь на третьем двадцатилетии» упоминается Тум-Оль-К'инич, которому приписывается триумф над Биталем и К'анвицналем по повелению К'инич-Хой-К'авиля. Эта тенденция закрепляется в надписях, созданных после 810 г., и продолжается вплоть до последней четверти IX в. Указание нескольких человек с традиционно царским титулом вместе с отсутствием сведений о каких-либо генеалогических связях сильно затрудняет реконструкцию династической истории. По-видимому, в IX в. «божественным человеком из К'анту» называли любого представителя царской семьи, часть из которых могла править не в самом Хушвица, а в подчиненных ему городах. Подобная картина наблюдается в конце VIII–начале IX в. и в других восточных государствах майя, в частности в Саиле, где правители с царскими титулами сидят в Хольмуле и Шунантуниче⁴⁵. Такое разрастание царского дома можно считать первым индикатором кризисного процесса, который охватил низменности майя с начала IX в. и в конечном счете привел к глобальному структурно-демографическому кризису общества майя – так называемому «коллапсу майя».

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Д.Д. 2001: *Формирование и развитие государственной организации у майя Пете-на в классический период (I тыс. н.э.)*: дис. канд. ист. наук. М.
- Вепрецкий, С.В. 2015: Династия Сакникте в контексте вассальных отношений с Кануль-ской державой. *ПИФК* 3, 287–301.
- Висканта, С.А. 2014: Нах-Тунич: пещерный религиозный комплекс майя классического периода. В сб.: А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова (ред.), *Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2014»*. М.
- Галеев, Ф.С. 2012: Анализ текста Алтаря 5 из Тикаля. *Вопросы эпиграфики* 6, 185–202.
- Давлетшин, А.И. 2009: Язык иероглифических надписей майя как язык ритуальный или об устной природе иероглифического майя. В сб.: *Слово устное и слово книжное*. М., 440–468.
- Кнорозов, Ю.В. 1963: *Письменность индейцев майя*. М.–Л.
- Beetz, C., Satterthwaite, L. 1981: *The Monuments and Inscriptions of Caracol, Belize*. University of Pennsylvania.

⁴⁴ К. Биц и Л. Саттерсуэйт отмечают, что алтари 12 и 13 располагались неподалеку от стелы 19 (Beetz, Satterthwaite 1981, 69), но ничего не говорят о том, что какой-то из них составлял с этой стелой пару.

⁴⁵ Беляев 2001, 173–174.

- Beliaev, D.D. 2000: Wuk Tsuk and Oxlahun Tsuk: Naranjo and Tikal in the Late Classic. In: *The Sacred and the Profane: Architecture and Identity in the Southern Maya Lowlands*. 3rd European Maya Conference, University of Hamburg, November 1998.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 1994: Details in the Archaeology of Caracol, Belize: An Introduction. In: D. Chase, A. Chase (eds.), *Studies in the Archaeology of Caracol, Belize*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 7, San Francisco, 1–11.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 1996: A Mighty Maya Nation: How Caracol Built an Empire by Cultivating its “Middle Class”. *Archaeology* 49 (5), 66–72.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2004: Archaeological Perspectives on Classic Maya Social Organization from Caracol, Belize. *Ancient Mesoamerica* 15, 111–119.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2008: Que no nos cuentan los jeroglíficos?: arqueología e historia en Caracol, Belice. *Mayab* 20, 93–108.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2009: Symbolic Egalitarianism and Homogenized Distributions in the Archaeological Record at Caracol, Belize: Method, Theory, and Complexity. *Research Reports in Belizean Archaeology* 6, 15–24.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2010: Rituales mezclados: analizando comportamientos públicos y privados en el registro arqueológico de Caracol. In: Andrés Ciudad Ruiz, María Josefa Iglesias Ponce de León, Miguel Angel Sorroche Cuerva (eds.), *El ritual en el mundo maya: de lo privado a lo público*. Madrid, 107–128.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2012: Complex Societies in the Southern Maya Lowlands: Their Development and Florescence in the Archaeological Record. In: D.L. Nichols and C.A. Pool (eds.), *Oxford Handbook of Mesoamerican Archaeology*. New York, 255–267.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2014: *Ancient Social Integration in a Maya Neighborhood: Investigation of Adjacent Residential Complexes near Caracol's Epicenter: Caracol Archaeological Project Investigations for 2014: A Continuation of the 2012 and 2013 Research Focus. Report prepared for the Belize Institute of Archaeology*. Belice.
- Chase, A.F., Grube, N., Chase, D.Z. 1991: Three Terminal Classic Monuments from Caracol, Belize. *Research Reports on Ancient Maya Writing* 36, 1–18.
- Closs, M.P. 1984: The Dynastic History of Naranjo: The Early Period. *Estudios de Cultura Maya* 15, 77–96.
- Grube, N. 1994: Epigraphic Research at Caracol, Belize. In: Diane Z. Chase, Arlen F. Chase (eds.), *Studies in the Archaeology of Caracol, Belize*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 7, San Francisco, 83–122.
- Grube, N., Martin, S. 2004: *The Proceedings of the Maya Hieroglyphic Workshop: patronage, betrayal, and revenge: Diplomacy and politics in the eastern Maya Lowlands*. Transcribed by Phil Wanyerka. XXVIIIth Maya hieroglyphic forum at Texas. Cleveland.
- Helmke, C., Kettunen, H., Guenter, S. 2006: Comments on the hieroglyphic texts of the B-group ballcourt markers at Caracol, Belize. *WAYEB Notes* 23, 1–27.
- Houston, S.D. 1987: Appendix II: Notes on Caracol Epigraphy and Its Significance. In: Arlen F. Chase, Diane Z. Chase (eds.), *Investigations at the Classic Maya City of Caracol, Belize: 1985-1987*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 3, San Francisco, 85–100.
- Houston, S.D., Robertson, J., Stuart, D. 2000: The Language of Classic Maya Inscriptions. *Current Anthropology*. Vol. 41, № 3, 321–356.
- Laporte, J.P., Mejia, H.E. 2002: Ucanal: Una ciudad del rio Mopan en Peten, Guatemala. *Utz'ib: Serie reportes* 1 (2), 1–71.
- Macleod, B., Stone, A. 1995: The Hieroglyphic Inscriptions of Naj Tunich. In: Andrea J. Stone (ed.), *Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting*. Austin, 155–184.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London.

- Morris, J. 2004: Mountain Cow Sites: Survey, Excavations and Interpretations. *Research Reports in Belizean Archaeology* 1, 129–154.
- Satterthwaite, L. 1951: Reconnaissance in British Honduras. *University Museum Bulletin* 16, 21–37.
- Satterthwaite, L. 1954: Sculptured Monuments from Caracol, British Honduras. *University Museum Bulletin* 18 (1–2), 2–45.
- Stuart, D. 2010: Shining Stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya Stelae. In: J. Guernsey, J. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition (Pre-Columbian Symposia and Colloquia)* Washington, 283–298.
- Thompson, J.E.S. 1931: Archaeological investigations in the southern Cayo District, British Honduras. *Field Museum of Natural History Anthropological Series* 17, 3. Chicago.
- Zender, M. 2004: Glyphs for “Handspan” and “Strike” in Classic Maya Ballgame Texts. *The PARI Journal* IV, 4, 1–9.

REFERENCES

- Beetz, C., Satterthwaite, L. 1981: *The Monuments and Inscriptions of Caracol, Belize*. University of Pennsylvania.
- Beliaev, D.D. 2000: Wuk Tsuk and Oxlahun Tsuk: Naranjo and Tikal in the Late Classic. In: *The Sacred and the Profane: Architecture and Identity in the Southern Maya Lowlands*. 3rd European Maya Conference, University of Hamburg, November 1998.
- Belyaev, D.D. 2001: *Formirovanie i razvitie gosudarstvennoy organizatsii u maya Petena v klassicheskiiy period (I tys. n.e.)*: dis. kand. ist. nauk. Moscow.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 1994: Details in the Archaeology of Caracol, Belize: An Introduction. In: D. Chase, A. Chase (eds.) *Studies in the Archaeology of Caracol, Belize*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 7, San Francisco, 1–11.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 1996: A Mighty Maya Nation: How Caracol Built an Empire by Cultivating its “Middle Class”. *Archaeology* 49 (5), 66–72.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2004: Archaeological Perspectives on Classic Maya Social Organization from Caracol, Belize. *Ancient Mesoamerica* 15, 111–119.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2008: Que no nos cuentan los jeroglíficos?: arqueología e historia en Caracol, Belice. *Mayab* 20, 93–108.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2009: Symbolic Egalitarianism and Homogenized Distributions in the Archaeological Record at Caracol, Belize: Method, Theory, and Complexity. *Research Reports in Belizean Archaeology* 6, 15–24.
- Chase, D.Z., Chase, A.F. 2010: Rituales mezclados: analizando comportamientos públicos y privados en el registro arqueológico de Caracol. In: Andrés Ciudad Ruiz, María Josefa Iglesias Ponce de León, Miguel Angel Sorroche Cuerva (eds.), *El ritual en el mundo maya: de lo privado a lo público*. Madrid, 107–128.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2012: Complex Societies in the Southern Maya Lowlands: Their Development and Florescence in the Archaeological Record. In: D.L. Nichols and C.A. Pool (eds.), *Oxford Handbook of Mesoamerican Archaeology*. New York, 255–267.
- Chase, A.F., Chase, D.Z. 2014: *Ancient Social Integration in a Maya Neighborhood: Investigation of Adjacent Residential Complexes near Caracol's Epicenter: Caracol Archaeological Project Investigations for 2014: A Continuation of the 2012 and 2013 Research Focus. Report prepared for the Belize Institute of Archaeology*. Belice.
- Chase, A.F., Grube, N., Chase, D.Z. 1991: Three Terminal Classic Monuments from Caracol, Belize. *Research Reports on Ancient Maya Writing* 36, 1–18.
- Closs, M.P. 1984: The Dynastic History of Naranjo: The Early Period. *Estudios de Cultura Maya* 15, 77–96.

- Davletshin, A.I. 2009: Yazyk ieroglificheskikh nadpisey maya kak ritual'nyy ili ob ustnoy prirode ieroglificheskogo maya. In: *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe*. Moscow, 440–468.
- Galeev, F.S. 2012: Analiz teksta Altarya 5 iz Tikalya. *Voprosy epigrafiki* 6, 185–202.
- Grube, N. 1994: Epigraphic Research at Caracol, Belize. In: Diane Z. Chase, Arlen F. Chase (eds.), *Studies in the Archaeology of Caracol, Belize*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 7, San Francisco, 83–122.
- Grube, N., Martin, S. 2004: *The Proceedings of the Maya Hieroglyphic Workshop: patronage, betrayal, and revenge: Diplomacy and politics in the eastern Maya Lowlands*. Transcribed by Phil Wanyerka. XXVIIIth Maya hieroglyphic forum at Texas. Cleveland.
- Helmke, C., Kettunen, H., Guenter, S. 2006: Comments on the hieroglyphic texts of the B-group ballcourt markers at Caracol, Belize. *WAYEB Notes* 23, 1–27.
- Houston, S.D. 1987: Appendix II: Notes on Caracol Epigraphy and Its Significance. In: Arlen F. Chase, Diane Z. Chase (eds.), *Investigations at the Classic Maya City of Caracol, Belize: 1985-1987*. Pre-Columbian Art Research Institute Monograph 3, San Francisco, 85–100.
- Houston, S.D., Robertson, J., Stuart, D. 2000: The Language of Classic Maya Inscriptions. *Current Anthropology*. Vol. 41, № 3, 321–356.
- Knorozov, Yu.V. 1963: *Pis'mennost' indeitsev maya*. Moscow–Leningrad.
- Laporte, J.P., Mejia, H.E. 2002: Ucanal: Una ciudad del rio Mopan en Peten, Guatemala. *Utz'ib: Serie reportes* 1 (2), 1–71.
- Macleod, B., Stone, A. 1995: The Hieroglyphic Inscriptions of Naj Tunich. In: Andrea J. Stone (ed.), *Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting*. Austin, 155–184.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London.
- Morris, J. 2004: Mountain Cow Sites: Survey, Excavations and Interpretations. *Research Reports in Belizean Archaeology* 1, 129–154.
- Satterthwaite, L. 1951: Reconnaissance in British Honduras. *University Museum Bulletin* 16, 21–37.
- Satterthwaite, L. 1954: Sculptured Monuments from Caracol, British Honduras. *University Museum Bulletin* 18 (1–2), 2–45.
- Stuart, D. 2010: Shining Stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya Stelae. In: J. Guernsey, J. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition (Pre-Columbian Symposia and Colloquia)*. Washington, 283–298.
- Thompson, J.E.S. 1931: Archaeological investigations in the southern Cayo District, British Honduras. *Field Museum of Natural History Anthropological Series* 17, 3. Chicago.
- Vepretskiy, S.V. 2015: Dinastiya Saknikte v kontekste vassalnykh otnosheniy s Kanul'skoy derzhavoy. *Problemy istorii, filologii, kultury* 3, 287–301.
- Viskanta, S.A. 2014: Nakh-Tunich: peshchernyy religioznyy kompleks maya klassicheskogo perioda. In: A.I. Andreev, A.V. Andyanov, E.A. Antipov, M.V. Chistyakova (red.), *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2014"*. Moscow.
- Zender, M. 2004: Glyphs for “Handspan” and “Strike” in Classic Maya Ballgame Texts. *The PARI Journal*. Vol. IV, № 4, 1–9.

THE POLITICAL HISTORY OF OXWITZA (CARACOL, BELIZE) AT THE END
OF THE 8th – THE BEGINNING OF THE 9th CENTURY

Yulia Ed. Bernatskay

*Russian State University for the Humanities, Russia,
Imbirnaya.vishnya@gmail.com*

Abstract. This article analyzes the political history of the ancient Mayan city Oxwitzá (the archaeological site Caracol) at the turn of the 8th – 9th centuries. The beginning of the 7th century AD shows the vanishing of royal inscriptions, but the archaeological evidence gives an account of the prosperity in the city at all levels of life. At the end of the 8th century AD the tradition of placing monuments was renewed and there was an expansion of monumental building. K'inich Joy K'awil ascended the throne in 799 and underlined the continuity of the royal line from the kings of the past in his political program. The prestige of Caracol was restored due to the successful military campaigns launched by K'inich Joy K'awil and his successor K'inich Yobil Yopat. He defeated the main adversaries in the region, including the realm of K'anwitznal considered to be the most powerful in the region in the middle of the 8th century AD. Despite the obvious heyday in the history of the kingdom, there were signs of incipient crisis that engulfed the Maya lowlands from the beginning of the 8th century AD. They are primarily recorded in the change of the style of monumental sculpture. There are new features (monuments with paired scenes, no genealogical rhetoric in the texts, as well as the expansion of the king's house), which become characteristic and are fixed in the inscriptions that were created after 810, and continue until the last quarter of the 9th century AD.

Key words: Maya, Caracol, political history, terminal classic, foreign policy

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 197–202
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 197–202
© Автор(ы) 2016

ДИСКУССИЯ В ШОТЛАНДСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ О «ПРЕВОСХОДСТВЕ» БАРОНЕТОВ НОВОЙ ШОТЛАНДИИ

Н.В. Ласкова

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
nvlaskova@sfnedu.ru*

Аннотация. Статья посвящена малоизученным событиям, относящимся к начальному этапу шотландской колонизации Северной Америки. Анализируются факты, связанные с провозглашением британским монархом в 1621 г. акта о создании первой шотландской колонии Новая Шотландия (Nova Scotia) во главе с сэром Уильямом Александером. Рассматривается вопрос о проявлении реакции шотландского общества на введение в 1624 г. Джеймсом I Стюартом титула рыцарей-баронетов Новой Шотландии. Новый титул вводился для представителей шотландского дворянства, готовых участвовать в создании первой шотландской колонии в Новом Свете. Особое внимание уделяется состоявшейся в октябре 1625 г. дискуссии в шотландском парламенте, содержанием которой стал вопрос о правомерности провозглашенного Чарльзом I Стюартом «превосходства» в феодальной иерархии носителей нового титула баронетов Новой Шотландии над шотландскими баронами. Оппозиционные настроения шотландской аристократии рассматриваются на основе пока еще не использовавшихся отечественными историками документов шотландского парламента и актов Тайного совета Шотландии. Исследованный материал помогает расширить представление об оппозиционных настроениях в шотландском обществе в отношении американской колонии Nova Scotia.

Ключевые слова: Шотландия, шотландский парламент, колонизация, Уильям Александер, Новая Шотландия, баронеты Новой Шотландии, шотландские бароны

Ласкова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Титул рыцарей-баронетов Новой Шотландии был введен весной 1625 г. Чарльзом I Стюартом. Тем самым только что вступивший на английский престол молодой монарх исполнил волю своего покойного родителя. Незадолго до смерти Джеймс I Стюарт, демонстрируя покровительство и поддержку своему фавориту Уильяму Александру, информировал членов Тайного совета Шотландии о своем желании ввести новый титул – орден рыцарей-баронетов Новой Шотландии¹.

Шотландец сэр Уильям Александер из Менстри (1567–1640), известный поэт, влиятельный придворный и политик², под влиянием английских предпринимателей загорелся идеей колонизации американских земель. Характеризуя честолюбие и амбициозность Уильяма Александера, его современник – шотландский писатель Томас Эркхарт (1611–1660) писал о нем, как о человеке, который «родился поэтом, но стремился стать королем»³. Он сумел убедить Джеймса I в том, что точно также, как у испанцев, французов и англичан есть свои Новая Испания, Новая Франция и Новая Англия, шотландцы достойны иметь в Новом Свете свою Новую Шотландию⁴. Информировав лордов шотландского Тайного совета о своем решении поддержать идею У. Александера, король недвусмысленно подчеркивал, что, санкционируя создание шотландской колонии в Америке, он использовал появившуюся возможность «облагодетельствовать свое древнее королевство». Джеймс I изъяснял свою королевскую волю на то, чтобы члены совета «активно содействовали данному предприятию, которое мы, со своей стороны, будем поощрять и расценивать как верную службу короне...». Королевский приказ предписывал, чтобы документ, подтверждающий права Уильяма Александера, был подготовлен «без промедления» и скреплен Большой печатью Шотландии⁵. Осенью 1621 г. в торжественной обстановке Александеру был вручен королевский патент на владение территорией в Северной Америке, включавшей незаселенные земли «между Новой Англией и островом Ньюфаундленд». В документе подчеркивалось, что жалуемые сэру Уильяму Александеру в качестве «наследственного владения» земли «будут управляться им от имени короля и королевства Шотландии и рассматриваться как часть Шотландии...»⁶. В настоящее время это обширная территория, в которую входят так называемые Приморские провинции Канады – Новая Шотландия, Нью-Брансуик, остров Кейп Бретон и ближайшие к Ньюфаундленду острова. Демонстрируя патриотизм, Уильям Александер назвал свои заморские владения Новой Шотландией (Nova Scotia). С тех пор сэр Уильям Александер, граф Стерлинг, считается «отцом-основателем» первой шотландской колонии за океаном.

Начальные попытки Александера и его компаньонов основать жизнеспособные поселения в Америке в 1622 и 1623 гг. не дали результатов⁷. Одной из причин неудачи был материальный фактор – новое предприятие осуществлялось на средства Александера, которых было явно недостаточно для создания жизнеспособной колонии. В итоге внушительная сумма в 6 000 ф.ст., потраченная Уильямом

¹ Pixley 1900, 152–153.

² Ласкова 2014.

³ Maitland 1834, 266.

⁴ Alexander 1624, 32.

⁵ Rogers 1885, x–xvi.

⁶ Fraser 1922, 25.

⁷ Rogers 1877, 63–65; Finnan 1997, 101–103.

Александром из своих личных средств для снаряжения и отправки двух экспедиций в Америку, значительно поубавила его состояние, не оставив надежды на получение дивидендов.

В поисках дополнительных источников финансирования своей колонии Александр вспомнил о давшем положительный эффект опыте введения в 1611 г. титула рыцарей-баронетов Ольстера. Данное мероприятие позиционировалось в качестве одного из важных проектов государственной политики, направленного на обеспечение безопасности и защиты королевства Ирландия и создания там английских поселений. Продажа нового титула представителям в первую очередь английской аристократии должна была способствовать этой благой цели, поскольку каждый претендующий на титул баронета Ольстера должен был за свой счет оплатить содержание 30-ти солдат-пехотинцев, которые будут нести службу в Ирландии в течение трех лет. Так как изначально планировалось, что поступившие средства будут полностью переданы в распоряжение короля, Джеймс I оказывал максимальную протекцию данному проекту. В итоге за десять лет королевская казна значительно пополнилась выплатами, установленными в качестве обязательного взноса для английских джентльменов, пожелавших стать носителями нового титула⁸.

В 1624 г. Джеймс I Стюарт согласился с доводами Александра и «для пользы древнего шотландского королевства»⁹ дал согласие на введение в Шотландии титула рыцарей-баронетов Новой Шотландии. Решение короля было одобрено членами Тайного совета Шотландии, которые поблагодарили Джеймса I за «разумные соображения в выборе столь блестящих средств для возвеличивания шотландской знати»¹⁰. В ходе дальнейшего общения со своими шотландскими советниками король ссылался на успешный ирландский опыт титулования и неоднократно подчеркивал свою личную заинтересованность в успешном продвижении Nova Scotia.

Предполагалось, что претендующие на новый титул представители шотландского дворянства должны были обеспечить переселение в колонию не менее шести человек, снабженных всем необходимым для проживания там в течение двух лет, а также выплатить Уильяму 1000 шотландских мерков в счет его предшествующих усилий и затрат. Что касается иерархии титулов, то баронеты ставились выше рыцарей и следовали за виконтами и младшими сыновьями пэров. Перед именем баронета добавлялось слово «сэр», а после фамилии – «баронет». Жен баронетов следовало называть «леди», «мадам» или «дама»¹¹. Резолюция о подготовке процедуры титулования рыцарей-баронетов Новой Шотландии стала последним официальным документом, подписанным Джеймсом I за несколько дней до его смерти в Теобальде 27 марта 1625 г.

Первые восемь баронетов были титулованы в мае 1625 г. уже при унаследовавшем престол Чарльзе I Стюарте¹². Члены созданной им специальной комиссии должны были в ближайшее время подготовить списки подходящих кандидатов

⁸ Collins 1806, iv; Ласкова 2012, 79.

⁹ RPCS 1896, 616.

¹⁰ Laing 1867, 18.

¹¹ RPCS 1896, 649.

¹² Duncan 1878, 8.

для принятия баронетства, общее число которых, по сравнению с первоначальной цифрой в 100 человек, увеличилось до 150.

В дальнейшем Чарльз I, как и его отец, поддерживая колонизаторские начинания Александера, неоднократно подписывал резолюции, целью которых было повышение престижности нового титула. Одна из них, введенная в августе 1625 г., значительно упрощала процедуру титулования, избавляя претендентов от необходимости дальнего путешествия в Лондон с целью улаживания всех необходимых формальностей. В соответствии с новыми правилами, патенты на земли в Новой Шотландии с предоставлением наследственного титула баронета и привилегий оформлялись членами специально созданной комиссии непосредственно в Эдинбурге. Эта же прокламация гласила: «...Никакой рыцарь, лэрд, эсквайр или джентльмен не должен иметь где бы то ни было превосходства над баронетом... Его Величество желает, чтобы шотландские баронеты всегда могли свободно пользоваться своим правом первенства... И тот, кто осмелится противодействовать установленному порядку, будет рассматриваться как мятежник и подлежит суровому наказанию»¹³.

Шотландские бароны как представители старой шотландской аристократии были возмущены данным заявлением. В их представлении утвержденное королем «превосходство» баронетов, зиждившееся на чисто материальном факторе, нарушало старинные наследственные привилегии баронов.

На открывшемся в октябре 1625 г. заседании шотландского парламента оппозиционно настроенные бароны представили свои возражения в заранее подготовленной и озвученной петиции. В ней шла речь о том, что «недавно принятое поспешное решение относительно превосходства, пожалованного баронетам перед всеми баронами и фригольдерами шотландского королевства, несправедливо и наносит большой вред, нарушая древние традиции»¹⁴. Одновременно бароны просили шотландских парламентариев поддержать адресованное королю их «скромное ходатайство», в котором содержалась просьба о приостановлении титулования подданных Чарльза I Стюарта баронетами Новой Шотландии и, соответственно, жалования им превосходства до тех пор, пока запланированная в Америке колония не будет в действительности создана.

Присутствовавший на заседании сэр Уильям Александер сразу же выдвинул свои возражения, основанные на том, что «жалование титулов и званий в шотландском королевстве – это прерогатива короля, которая никем не может быть нарушена»¹⁵. И уже в более примирительном тоне заявил, что прекращение пополнения ордена баронетов неминуемо приведет к краху Новой Шотландии.

Продолжая настаивать на своем, бароны заявили, что ни в коем случае не стремились к нарушению королевской прерогативы, и даже пошли ва-банк, заявив, что «если королю и парламенту так важна эта колония, мы готовы без получения дополнительных титулов и привилегий основать ее на свои средства». И хотя это были только слова, они сыграли свою роль. Выслушав обе стороны, шотландский парламент большинством голосов принял решение поддержать ходатайство баронов перед королем.

¹³ RPCS 1899, 123.

¹⁴ APS.

¹⁵ APS.

Это стало еще одним ударом для Александра, политические и колониальные инициативы которого и раньше вызывали негативную реакцию общественного мнения в его родной Шотландии. Однако король категорически отверг ходатайство парламентариев, а лидера недовольных истцов – госсекретаря Шотландии графа Мелроза сместил с должности. Дополнительным ударом для последнего было то обстоятельство, что его преемником стал сэр Уильям Александер. Другим оппозиционерам также дали понять, что последствия нарушения королевской прерогативы будут плачевными.

В конечном итоге Уильям Александер, в очередной раз справившись с ситуацией и сумев сохранить дружественное расположение и содействие короля, продолжил прилагать усилия для реализации своей мечты – создания Новой Шотландии в далекой Америке.

ЛИТЕРАТУРА

- Ласкова, Н.В. 2012: Титул рыцаря в правление Джеймса I Стюарта (1603–1625). *Современные вопросы науки и образования – XXI век* I, 78–79.
- Ласкова, Н.В. 2014: Литературный опыт и придворная карьера «отца-основателя» первой шотландской колонии в Америке Уильяма Александера из Менстри. В сб.: Апрыщенко В.Ю. (ред.), *Британские исследования*. СПб., 127–141.
- Alexander, W. 1624: *An Encouragement to colonies*. L.
- APS *Anent barounetts*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rps.ac.uk/search.php?action=fetch_jump&filename=charlesi_ms&jump=charlesi_tA1625_10_48_d7_trans&type=ms&fragment=mA1625_10_48_d7_ms
- Collins, A. 1806: *The baronetage of England: containing a new genealogical history of the existing English baronets*. L.
- Duncan, F. 1878: *The royal province of New Scotland and her baronets*. L.
- Finnan, M. 1997: *The First Nova Scotian*. Halifax, N.S.
- Fraser, A. 1922: *Nova Scotia: the royal charter of 1621 to Sir William Alexander*. Toronto.
- Laing, D. (ed.) 1867: *Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia. 1621–1638*. Edinburgh.
- Maitland, T. (ed.) 1834: *The works of Sir Thomas Urquhart, Knight. Reprinted from the original editions*. Edinburgh.
- Pixley, F. 1900: *A History of the Baronetage*. L.
- Rogers, Ch. 1877: *Memorials of the Earl of Sterling and of the house of Alexander*. Vol. I. Edinburgh.
- Rogers, Ch. (ed.) 1885: *The Earl of Stirling's Register of Royal letters relative to the affairs of Scotland and Nova Scotia from 1615 to 163*. Vol. I. Edinburgh.

REFERENCES

- Alexander, W. 1624: *An Encouragement to colonies*. London.
- APS *Anent barounetts*, http://www.rps.ac.uk/search.php?action=fetch_jump&filename=charlesi_ms&jump=charlesi_tA1625_10_48_d7_trans&type=ms&fragment=mA1625_10_48_d7_ms
- Collins, A. 1806: *The baronetage of England: containing a new genealogical history of the existing English baronets*. London.
- Duncan, F. 1878: *The royal province of New Scotland and her baronets*. London.

- Finnan, M. 1997: *The First Nova Scotian*. Halifax, N.S.
- Fraser, A. 1922: *Nova Scotia: the royal charter of 1621 to Sir William Alexander*. Toronto.
- Laing, D. (ed.) 1867: *Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia. 1621–1638*. Edinburgh.
- Laskova, N.V. 2012: Titul rycarya v pravlenie Dzhejmsa I Styuarta (1603–1625). *Sovremennye voprosy nauki i obrazovaniya – XXI vek* 1, 78–79.
- Laskova, N.V. 2014: Literaturnyj opyt i pridvornaya kar'era «otca-osnovatelya» pervoj shotlandskoj kolonii v Amerike Uil'yama Aleksandra iz Menstri. In: Apryshchenko V.Yu. (red.), *Britanskije issledovaniya*. Saint-Petersburg, 127–141.
- Maitland, T. (ed.) 1834: *The works of Sir Thomas Urquhart, Knight. Reprinted from the original editions*. Edinburgh.
- Pixley, F. 1900: *A History of the Baronetage*. London.
- Rogers, Ch. (ed.) 1885: *The Earl of Stirling's Register of Royal letters relative to the affairs of Scotland and Nova Scotia from 1615 to 163*. Vol. I. Edinburgh.
- Rogers, Ch. 1877: *Memorials of the Earl of Sterling and of the house of Alexander*. Vol. I. Edinburgh.

THE DEBATE IN THE SCOTTISH PARLIAMENT ON THE “SUPERIORITY” OF NOVA SCOTIA BARONETS

Natalia V. Laskova

*Southern Federal University Institute of History and International relations, Russia,
nvlaskova@sfedu.ru*

Abstract. The article observes insufficiently explored events related to the initial stage of the Scottish colonization of North America. The facts, related to the proclamation of the Act on the establishment of the first Scottish colony of New Scotland by the British monarch in 1621, are analyzed. The reaction of the Scottish society to the introduction the title of Knights baronets of Nova Scotia by James I Stewart in 1624 is examined. The new title was for representatives of the Scottish nobility, who were willing to participate in the settlement of the first Scottish colony in the New World. The special attention of the article is given to the debates in the Scottish Parliament (October 1625) on the legality of the proclaimed by Charles I Stuart «superiority» in the feudal hierarchy of the new title baronet of Nova Scotia over the Scottish barons. The opposition moods of the Scottish aristocracy are considered on the basis of unused by the Russian historians documents of the Scottish Parliament and Acts of the Privy Council of Scotland. The content of the article helps to expand the idea of opposition attitudes in Scottish society in relation to the American colonies of Nova Scotia.

Key words: Scotland, Scottish Parliament, colonization, William Alexander, Nova Scotia, Baronets of Nova Scotia, Scottish barons

«НЕТИПИЧНЫЙ» ВОСТОЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ: МАХАРАДЖА РАНДЖИТ СИНГХ В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

К.А. Демичев

*Нижегородский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Нижний Новгород,
kadem@mail.ru*

Аннотация. В статье определяется специфика восприятия махараджи Ранджита Сингха со стороны британских чиновников и европейских путешественников в первой половине XIX в., анализируются факторы, оказавшие влияние на оценку Ранджита Сингха как «нетипичного» восточного правителя. Автором делаются выводы о закономерности положительной репрезентации сикхского махараджи как союзника англичан и человека уникальных личных качеств. Обосновывается, что в восприятии Ранджита Сингха имела место даже определенная идеализация образа сикхского государя, что было обусловлено, прежде всего, политическими факторами. Британцы очень высоко ценили союз с Ранджитом Сингхом, так как этот союз способствовал не только поддержанию военно-политической стабильности во всем северо-западном регионе, но и обеспечивал успех мероприятий Ост-Индской Компании на среднеазиатском направлении. Сикхская держава в Панджабе рассматривалась как буферное государство на северо-западной границе субконтинента, прикрывающее британские владения в Индии от любых потенциальных угроз, исходящих из Средней Азии и Афганистана, независимо от того, были ли они в действительности реальными или нет. Отмечается, что на восприятие махараджи существенный отпечаток накладывали его личные качества и обаяние, под которое подпадала большая часть его европейских визитеров. Участие в разнообразных мероприятиях придворной жизни, таких, как широкомасштабные охоты, совместные ужины, парады и военные смотры, а также высокая степень доверия, которое Ранджит Сингх оказывал по отношению к своим европейским гостям, только подкрепляли позитивное восприятие его образа. В совокупности данные факты послужили тому, что европейцы прощали махарадже все те пороки, которые они порицали у других восточных правителей, и воспринимали его образ в целом положительно.

Ключевые слова: Ранджит Сингх, правитель, махараджа, сикхи, Панджаб, репрезентация

Демичев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Введение

Махараджа Ранджит Сингх (1780–1839) по праву считается одним из наиболее выдающихся индийских правителей XIX в. Являясь *сардаром* одного из двенадцати военно-политических образований – мисалов, этот человек сумел воплотить в жизнь более чем столетнюю мечту сикхской военизированной общины *Хальсы* – создать единое и независимое сикхское государство. Всего за несколько десятилетий Ранджит Сингх не просто объединил сикхов, но и сумел построить мощную региональную империю, определявшую основные политические процессы всей северо-западной части индийского субконтинента. В результате сикхская империя *Саркар Хальсаджи* раскинулась далеко за пределы Панджаба – от Сатледжа на востоке до Сулеймановых гор на западе и от предгорья Гималаев на севере до Синда на юге¹.

Возникновение мощного сикхского государства не могло пройти мимо внимания английской Ост-Индской Компании, которая в этот период вышла на завершающий этап установления своего владычества в Индии. Уже в начале XIX столетия с Ранджитом Сингхом были налажены официальные дипломатические сношения, которые со временем переросли в крепкий военно-политический союз. При этом необходимо отметить, что на протяжении последующих тридцати лет англичане едва ли смогли найти в Индии более сильного и верного союзника, чем сикхский правитель².

Махараджа Ранджит Сингх не был человеком привлекательной внешности. По воспоминаниям его европейских визитеров, он был невысокого роста, сутулый да к тому же слепой на левый глаз, который был потерян им еще в детстве в результате перенесенной оспы³. Анализ описаний Ранджита Сингха свидетельствует, что специфические особенности внешности махараджи и его явные физические недостатки не воспринимались европейцами негативно. Причины этого, на наш взгляд, крылись в целом комплексе факторов как внешнего, так и внутреннего происхождения, которые были взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Рассматривая внешние факторы, которые могли оказать существенное влияние на восприятие личности Ранджита Сингха, прежде всего, необходимо выделить фактор политический. Официальные установки, инструкции, а также общий политический курс английского правительства, несомненно, накладывали определенный отпечаток на тех людей, которые непосредственно принимали участие в налаживании и осуществлении дипломатических отношений с *Саркар Хальсаджи*.

Начиная с 1809 г., то есть с того момента, как был окончательно урегулирован вопрос о восточной границе сикхского государства⁴, англо-сикхские отношения носили дружественный характер. На протяжении тридцати лет, несмотря на определенное противодействие со стороны значительной части своего ближайшего окружения⁵, Ранджит Сингх оставался последовательным союзником англичан.

¹ Hunter 1886, 264–5

² Подробнее о системе англо-сикхских отношений при махарадже Ранджете Сингхе и его преемниках см.: Демичев, 2011.

³ McGregor 1846, 215.

⁴ Aitchison 1931, 34.

⁵ Osborne 1840, 100–1.

Дружба с Ранджитом Сингхом имела для Ост-Индской Компании огромное значение, так как в первой четверти XIX в. сикхская держава в Пенджабе рассматривалась, прежде всего, как буферное государство на северо-западной границе субконтинента, прикрывающее английские владения в Индии от любых потенциальных угроз, исходящих из Средней Азии и Афганистана, независимо от того, были ли они в действительности реальными или нет.

С 30-х гг. XIX в. англо-сикхские отношения последовательно развивались, это во многом было обусловлено тем, что руководство Ост-Индской Компании взяло курс на торговое «открытие» Инда и других рек северо-западной Индии, которое рассматривалось как необходимый этап проникновения на богатейшие рынки Центральной Азии⁶. Новый курс получил свою реализацию в ряде торговых соглашений с Ранджитом Сингхом (1832, 1834, 1839 гг.), которые предусматривали начало навигации по Инду и Сатледжу, а также оговаривали систему таможенных пошлин.

Укреплению англо-сикхской дружбы способствовали и встречи на высшем уровне. Так, в ноябре 1831 г. в небольшом городке на левом берегу Сатледжа – Рупаре состоялась встреча Ранджита Сингха с генерал-губернатором Индии лордом Уильямом Бентинком. Весной 1837 г. на свадьбе внука махараджи Наунихала Сингха присутствовал главнокомандующий вооруженными силами английской Ост-Индской Компании генерал Генри Фэйн⁷. В ноябре-декабре 1838 г. для согласования действий в афганской кампании в Фирозпуре была организована и проведена встреча Ранджита Сингха с новым генерал-губернатором Джорджем Иденом лордом Оклендом⁸.

Англичане очень высоко ценили союз с Ранджитом Сингхом, так как этот союз способствовал не только поддержанию военно-политической стабильности во всем северо-западном регионе, но и обеспечивал успех мероприятий Ост-Индской Компании на среднеазиатском направлении.

Внешние факторы, обуславливавшие позитивное восприятие Ранджита Сингха, не были единственными. Не менее важными были и внутренние факторы, среди которых на первое место можно было бы по праву поставить личную симпатию, которую англичане и другие европейцы испытывали к махарадже в процессе общения. По свидетельству современников, несмотря на все свои внешние недостатки и многочисленные пороки, Ранджит Сингх обладал огромным личным обаянием и умением расположить к себе собеседника. Все европейцы отмечали несомненный ум махараджи и его проницательность.

Капитан Осборн не ставил под сомнение, что все, чего Ранджит Сингх добился на пути строительства своей империи, было обусловлено «силой его ума, личной энергией и храбростью»⁹. Полковник артиллерии Александр Гарднер, находившийся на службе у махараджи во второй половине 1830-х гг., относил Ранджита Сингха к тем людям, «...чей ум способен изменить лицо земного шара»¹⁰. Манера общения махараджи быстро располагала к нему европейских собеседников. Улыбка Ранджита Сингха во время разговора была обаятельна, а общение

⁶ Bentinck 1977/II, 1075.

⁷ Fane 1842, 131–6.

⁸ Steinbach 1846, 140–152.

⁹ Osborne 1840, 94.

¹⁰ Gardner 1898, 180.

– легким и непринужденным. Правитель Панджаба всегда находил, что сказать, умел быстро сформировать свое представление о любом предмете разговора, проявляя высокий интеллект и сообразительность. При этом память его была просто экстраординарной¹¹.

Все современники отмечают, что во время беседы Ранджит Сингх задавал своим визави многочисленные и разнообразные вопросы, касающиеся абсолютно разных предметов. Правда, следует отметить, что не для всех собеседников махараджи общение с ним было легким. Как писал в своем дневнике французский путешественник и натуралист Виктор Жакмон, «его [Ранджита Сингха – К.Д.] общение походит на кошмар. Он фактически первый любознательный индус, которого я видел, но его любопытство уравнивает апатию всей его нации. Он задал мне сто тысяч вопросов об Индии, британцах, Европе, Бонапарте, этом мире вообще и последующем, об аде, рае, душе, Боге, дьяволе, а также несметное число других, того же самого рода»¹².

Нередко во время разговора Ранджит Сингх крепко держал руку собеседника в своих ладонях, нервно сжимая пальцы и не выпуская ее в течение получаса. При этом голос махараджи, грубый и неприятный от природы, мог становиться очень обаятельным, когда Ранджит Сингх хотел польстить или иным образом повлиять на собеседника¹³.

Другая черта Ранджита Сингха, которая не могла не быть оценена европейцами по достоинству, – это огромная личная храбрость махараджи¹⁴. Как известно, большую часть своих завоеваний, которые в конечном итоге и привели к созданию сильной сикхской империи, Ранджит Сингх осуществлял лично, находясь во главе своих победоносных войск. По этой причине совершенно не приходится удивляться тому, что Ранджит Сингх получил почетное прозвище Шер-и-Панджаб – Лев Панджаба. Помимо этого, воинская доблесть и храбрость Ранджита Сингха высоко ценилась европейцами еще и потому, что, по их мнению, эти качества были редкими у правителей Востока¹⁵. Ранджит Сингх, кроме того, что сам был храбрым, умел ценить это качество в других и, прежде всего, в своих собственных воинах. Всех воинов Хальсы, которые отличились храбростью, махараджа старался награждать лично, нередко жалую им золотые браслеты со своей руки¹⁶.

С точки зрения европейцев, большим личным достоинством Ранджита Сингха была его скромность в одежде и умеренность в украшениях. Все, кто знал махараджу лично, отмечали, что он предпочитает самое простое платье, как правило, зеленого или желто-горчичного цвета, а украшениями пользуется мало. Единственное украшение, с которым правителя сикхов видели достаточно часто, – это алмаз Кох-и-нур [в переводе с перс. – «гора света» – К.Д.], который он носил на запястье¹⁷.

Личная симпатия, возникавшая у европейцев по отношению к Ранджиту Сингху, была также в немалой степени обусловлена тем, каким образом махараджа

¹¹ Honigberger 1852, 58.

¹² Jacquemont 1835, 22.

¹³ Hugel 1845, 380–1.

¹⁴ Osborne 1840, 83.

¹⁵ Jacquemont 1835, 25.

¹⁶ Osborne 1840, 83.

¹⁷ Masson 1842, 443.

встречал своих гостей и какие мероприятия организовывал для их развлечения. Действительно, на протяжении всего своего правления Ранджит Сингх самым внимательным образом относился к тому, как происходит встреча европейцев и, прежде всего, представителей могущественной английской Ост-Индской Компании. В итоге в 20–30-х гг. XIX в. сложился разработанный церемониал таких встреч.

Иногда, проявляя особое расположение к своим гостям, Ранджит Сингх, вопреки местным обычаям, собственноручно перебирал и пересчитывал обязательные подарки, которые вручались ему при встрече, прежде чем передать их казначею¹⁸. Для развлечения своих европейских и, прежде всего, английских гостей Ранджит Сингх устраивал торжественные приемы, парады и обеды с ужинами, которые сопровождалось представлениями его придворных танцовщиц, а также салютами. Во время таких обедов махараджа пил с европейскими визитерами. Правда, учитывая, что Ранджит Сингх пил очень много и только крепкие алкогольные напитки, такая честь создавала для европейцев определенные неудобства, так как мало кто мог пить наравне с ним¹⁹.

Большое значение имела организация грандиозных придворных охот, которые являлись не только «высокостатусным» развлечением для махараджи и его гостей, но и действенным инструментом налаживания дипломатических связей. Праздничный и азартный характер придворной охоты способствовал установлению неформальных отношений с иностранными послами. При этом проницательный сикхский правитель стремился выяснить истинные мотивы и цели иностранных визитеров. Он умел расположить собеседника к себе, чтобы в дальнейшем использовать эту симпатию в ходе официальных переговоров. Проведение придворных охот с участием иностранных гостей было действенным инструментом развития дипломатических отношений, а приглашение к участию в ней свидетельствовало о том, что сикхская сторона высоко ценит дружбу и всячески стремится к ее развитию. По этой причине совершенно неудивительно, что и капитан Бернс, и капитан Осборн, и другие официальные представители английской Ост-Индской Компании становились участниками роскошных придворных охот, организованных Ранджитом Сингхом в честь их прибытия²⁰.

Ранджит Сингх имел склонность к обсуждению с европейцами вопросов организации войск и системы власти и управления. Спрашивая мнение о качестве подготовки своих войск, а также задавая другие многочисленные вопросы, он, по всей видимости, стремился не только сформировать для себя объективную картину, но и польстить собеседникам таким повышенным вниманием. Надо отметить, что некоторые европейцы попадались на такие уловки и принимали их за чистую монету, попав под обаяние махараджи. Французский натуралист Виктор Жакмон в первые дни знакомства с Ранджитом Сингхом вполне точно охарактеризовал его как «старого лиса, по сравнению с которым даже самый квалифицированный из наших дипломатов – простака»²¹.

Укреплению дружеских отношений с европейцами, а следовательно, и позитивному восприятию образа сикхского правителя способствовали и те богатые

¹⁸ Osborne 1840, 78.

¹⁹ Eden 1866/I, 282.

²⁰ Burnes 1834/I, 23–5; Osborne 1840, 166–8; McGregor 1846, 222–3.

²¹ Jacquemont 1835, 11.

дары, которыми Ранджит Сингх наделял своих гостей, особенно при прощании. Количество и стоимость даров напрямую зависели от статуса европейских визитеров, а также от того, была ли их миссия официальной или частной, однако эти дары никогда не были формальными или дешевыми. Помимо сумок с рупиями, составной частью даров был *хилат* – «одежда чести», то есть почетная одежда, жалуемая правителем. Этот наряд, преподносимый европейцам, мог включать от 11 до 21 части²². Такое количество составных частей *хилата* считалось очень почетным, хотя ради справедливости следует отметить, что подобный наряд, предоставляемый подданным махараджи, мог состоять и из 51 части²³. Впрочем, учитывая, что *хилат* не являлся основным видом даров, европейцы благосклонно принимали и меньшее количество предметов.

Чаще всего Ранджит Сингх дарил своим европейским гостям парадное оружие, богато украшенное драгоценными камнями, породистых коней вместе с дорогой упряжью и седлами, а также многочисленные ювелирные украшения, многие с его собственной руки. А таким гостям, как, например, барон Хюгель, то есть тем, кто сумел произвести на Ранджита Сингха особо благоприятное впечатление, он мог пожаловать не только парадное оружие, но и боевое, которым до этого махараджа пользовался лично²⁴.

При всех многочисленных достоинствах Ранджита Сингха как правителя и человека европейцы не могли не отметить и многочисленные пороки сикхского правителя. Среди них, в первую очередь, выделялись хроническое пьянство, увлечение опиумом, подозрительность, а также жадность, особенно ярко проявившаяся в самом конце его долгого правления. Главным недостатком, несомненно, было безудержное пьянство, которое, по всеобщему мнению, состарило Ранджита Сингха ранее положенного срока и должно было стать причиной его смерти²⁵. Употребление крепкого алкоголя в сочетании с ежедневными дозами опиума нередко приводило махараджу в состояние крайнего возбуждения, когда он становился опасен даже для своих близких²⁶. Однако все эти пороки в глазах европейцев многократно компенсировались достоинствами Ранджита Сингха как выдающегося правителя и успешного полководца.

Европейцы не могли не оценить усилия Ранджита Сингха на пути собирания сикхских земель в единое централизованное государство, а также его успехи в деле расширения своих владений за счет афганских провинций, которые в конечном итоге привели к созданию мощной сикхской империи²⁷. По этой причине Ранджита Сингха часто сравнивали с выдающимися деятелями европейской истории. Правителя сикхов сопоставляли с Филиппом Македонским²⁸, Петром I²⁹, но чаще всего в нем видели азиатский вариант Наполеона Бонапарта³⁰.

²² Hugel 1845, 350.

²³ Suri 1961, 526.

²⁴ Hugel 1845, 350.

²⁵ Osborne 1840, 189–191; Masson 1842, 443; Honigberger 1852, 58; McGregor 1846, 224–5.

²⁶ Honigberger 1852, 99.

²⁷ Демичев 2014, 594–602.

²⁸ Masson 1842, 444.

²⁹ Prinsep 1834, 187.

³⁰ Jacquemont 1835, 25.

Отмечая деспотический характер власти Ранджита Сингха, европейцы подчеркивали его умеренность и милосердие как правителя³¹, разумные принципы организации власти и управления³². Капитан Осборн отмечал, что махараджа правит «железной рукой», но его правление при этом лишено той жестокости, которая характерна и для гораздо более цивилизованных монархов³³. Покидая двор Ранджита Сингха, Александр Бернс с удивлением и восхищением писал: «Я никогда не покидал уроженца Азии с такими впечатлениями, с какими я покинул этого человека [Ранджита Сингха – К.Д.]. Без образования и специальной подготовки он ведет дела своего царства с превосходной силой и энергией, но при этом его власть беспрецедентно умеренна для восточного правителя»³⁴.

Несомненной заслугой Ранджита Сингха как правителя было то, что в своей империи он сумел установить достаточно прочный мир и безопасность. По свидетельству барона Хюгеля, «ни одна столь большая империя из тех, что были основаны одним человеком, не имела такой низкий уровень преступности»³⁵. В целом для европейцев было бесспорно, что всеми своими достижениями сикхское государство обязано Ранджиту Сингху, который завершил длительный процесс складывания сикхской государственности.

Заключение

Таким образом, махараджа Ранджит Сингх воспринимался европейскими и английскими чиновниками и путешественниками как «нетипичный» восточный правитель. Имела место даже определенная идеализация образа сикхского государя, что было обусловлено, прежде всего, политическими факторами. С другой стороны, на восприятие махараджи существенный отпечаток накладывали его личные качества и обаяние, под которое подпадали почти все европейцы. Участие в разнообразных мероприятиях придворной жизни, а также высокая степень доверия, которое Ранджит Сингх выказывал по отношению к своим европейским гостям, только подкрепляли позитивное восприятие его образа. В совокупности данные факты послужили тому, что европейцы прощали махарадже все те пороки, которые они порицали у других восточных правителей, и воспринимали его образ в целом положительно.

ЛИТЕРАТУРА

- Демичев, К.А. 2011: *Британский лев в Пятиречье: политика Великобритании в Панджабе в XIX в.* Нижний Новгород.
- Демичев, К.А. 2014: Статус мусульманских провинций в сикхском государстве в Панджабе в первой половине XIX в. В сб.: В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко (ред.), *Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы)*. М., 594–602.

³¹ Osborne 1840, 93–4.

³² Hugel 1845, 382.

³³ Osborne 1840, 94–5.

³⁴ Burnes 1834/II, 33.

³⁵ Hugel 1845, 382.

- Aitchison, C.U. (comp.) A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Vol. I. Calcutta.
- Bentinck, W.C. 1977: *The correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835*. In II vols. Oxford.
- Burnes, A. 1834: *Travels into Bokhara; being the account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; performed under the orders of the supreme Government of India, in the years 1831, 1832, and 1833*. In III vols. London.
- Eden, E. 1866: *Up The Country: Letters Written to Her Sister from the Upper Provinces of India*. In II vols. London.
- Fane, H.E. 1842: *Five Years in India; Comprising a Narrative of Travels in the Presidency of Bengal, A Visit to the Court of Runjeet Sing, Residence in the Himalayah Mountains, an Account of the Late Expedition to Cabul and Afghanistan, Voyage down the Indus, and Journey Overland to England*. In II vols. Vol. I. London.
- Gardner, A. 1898: *Soldier and Traveller. Memoirs of Alexander Gardner Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh*. Edinburgh–London.
- Honigberger, J.M. 1852: *Thirty-Five Years in the East. Adventures, Discoveries, Experiments, and Historical Sketches, Relating to the Punjab and Cashmere; in Connection with Medicine, Botany, Pharmacy, Etc*. London.
- Hugel, Ch. 1845: *Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T.B. Jervis*. London.
- Hunter, W.W. (ed.) 1886: *The Imperial Gazetteer of India*. 1881. Vol. XI. Pali to Ratia. London.
- Jacquemont, V. 1835: *Letters from India, Describing a Journey in the British Dominions of India, Tibet, Lahore and Cashmere, During the Years 1828, 1829, 1830, 1831*. In II vols. Vol. II. London.
- Masson, Ch. 1842: *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those Countries from 1826 to 1838*. In III vols. Vol. I. London.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. In II vols. Vol. I. London.
- Osborne, W.G. 1840: *The Court and Camp of Runjeet Sing, with an introductory Sketch of the Origin and Rise of Sikh State*. London.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc*. London.
- Suri, Lala Sohan Lul 1961: *An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D.* Delhi.

REFERENCES

- Aitchison, C.U. (comp.) A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Vol. I. Calcutta.
- Bentinck, W.C. 1977: *The correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835*. In II vols. Oxford.

- Burnes, A. 1834: *Travels into Bokhara; being the account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; performed under the orders of the supreme Government of India, in the years 1831, 1832, and 1833*. In III vols. London.
- Demichev, K.A. 2011: *Britanskij lev v Pyatirech'e: politika Velikobritanii v Pandzhabe v XIX v.* Nizhnij Novgorod.
- Demichev, K.A. 2014: Status musul'manskih provincij v sikhskom gosudarstve v Pandzhabe v pervoj polovine XIX v. In: V.Ya. Belokrenickij, N.Yu. Ul'chenko (red.), *Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniya na musul'manskom Vostoke (Afganistan, Iran, Pakistan, Turciya, etnicheskij Kurdistan, sosednie musul'manskije rajony)*. Moscow, 594–602.
- Eden, E. 1866: *Up The Country: Letters Written to Her Sister from the Upper Provinces of India*. In II vols. London.
- Fane, H.E. 1842: *Five Years in India; Comprising a Narrative of Travels in the Presidency of Bengal, A Visit to the Court of Runjeet Sing, Residence in the Himalayah Mountains, an Account of the Late Expedition to Cabul and Afghanistan, Voyage down the Indus, and Journey Overland to England*. In II vols. Vol. I. London.
- Gardner, A. 1898: *Soldier and Traveller. Memoirs of Alexander Gardner Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh*. Edinburgh, London.
- Honigberger, J.M. 1852: *Thirty-Five Years in the East. Adventures, Discoveries, Experiments, and Historical Sketches, Relating to the Punjab and Cashmere; in Connection with Medicine, Botany, Pharmacy, Etc.* London.
- Hugel, Ch. 1845: *Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T.B. Jervis*. London.
- Hunter, W.W. (ed.) 1886: *The Imperial Gazetteer of India. 1881*. Vol. XI. Pali to Ratia. London.
- Jacquemont, V. 1835: *Letters from India, Describing a Journey in the British Dominions of India, Tibet, Lahore and Cashmere, During the Years 1828, 1829, 1830, 1831*. In II vols. Vol. II. London.
- Masson, Ch. 1842: *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those Countries from 1826 to 1838*. In III vols. Vol. I. London.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. In II vols. Vol. I. London.
- Osborne, W.G. 1840: *The Court and Camp of Runjeet Sing, with an introductory Sketch of the Origin and Rise of Sikh State*. London.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc.* London.
- Suri, Lala Sohan Lul 1961: *An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D.* Delhi.

“ATYPICAL” EASTERN RULER: MAHARAJA RANJIT SINGH IN THE
PERCEPTION OF EUROPEANS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Kirill A. Demichev

*Nizhny Novgorod Institute of Management Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia,
kadem@mail.ru*

Abstract. The article deals with the specifics of perception of Maharaja Ranjit Singh from the British officials and European travelers in the first half of the 19th century. The factors that influenced on the perception of Ranjit Singh as an “atypical” eastern ruler are analyzed. The conclusions about the patterns of the positive representation of Sikh maharaja, as an ally of the British as well as an individual of unique personal qualities are drawn. It is proved that in the perception of Ranjit Singh a certain idealization of the image of the Sikh sovereign took place, caused primarily by the political factors. The British highly appreciated the alliance with Ranjit Singh as the Union contributed not only to maintain the military-political stability in the entire north-western region, but also to provide the success of the activities of the East India Company in the Central Asian direction. Sikh empire in Punjab was viewed primarily as a buffer state in the north-western border of the subcontinent protecting the British ownership in India from any potential threats coming from Central Asia and Afghanistan, regardless of the fact whether they were real or imaginary. It is noted that on the perception of the Maharaja the essential impress was imposed by his personal qualities and charm, experienced by the greater part of European visitors. Participation in various events of court life, such as large-scale hunting, joint dinners, parades and military parades, as well as a high level of confidence that Ranjit Singh demonstrated towards his European guests, only reinforced the positive perception of his image. These facts taken together resulted in positive perception of Maharaja’s image by Europeans and forgiveness those of his drawbacks that other eastern rulers were blamed for.

Key words: India, British Empire, Ranjit Singh, Maharaja, Sikhs, Punjab

Круглый стол «Вопросы античной и восточной нумизматики»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 213–248
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 213–248
©Автор(ы) 2016

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ФЕОДОСИИ КОНЦА V – НАЧАЛА IV вв. до н.э.

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург,
andrtereschen@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено систематическое исследование феодосийских монет конца V – начала IV в. до н. э.; предложена, с учетом обобщенного опыта предшественников и археологических находок последних лет (в том числе монет, принадлежащих частным коллекциям), новая классифицирующая схема для монетного ряда. Параллельно прослеживается сценарий возникновения феодосийской эмиссии, становления и трансформации ее типологии, анализируется семантика сакральных образов. Исключительно важную для систематизации материала роль играет разнообразие монетной легенды; в этой связи отдельно рассматривается изображение мужской головы, представленное на ранних монетах Феодосии. Речь идет о том, что это изображение следует трактовать как портретное (предположительно, городского ктиса-эпонима). Также анализируется возможность связать политическую ситуацию в полисе в конце V в. и изменения стандартов монетных выпусков, что подтверждается благодаря ольвийской чеканке соответствующего периода.

Ключевые слова: античные монеты, эмиссия Феодосии, ольвийская чеканка

Наиболее серьезным препятствием для изучения монетного дела Феодосии в ранний период являлся недостаток материала: относительная редкость феодосийских монет приводила к тому, что при попытке составить традиционную клас-

Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

сифицирующую схему исследователь сталкивался с фактической невозможностью твердо выделить серии и определить относительную хронологию выпусков.

Эту лауну удалось заполнить лишь на рубеже XX–XXI вв. благодаря публикации работ, включающих сведения о монетах из частных коллекций. Новая информация позволила проверить некоторые старые гипотезы и выдвинуть новые предположения, основанные на реальном материале. В предлагаемой статье обобщен опыт находок последних лет и представлена новая схема развития феодосийской эмиссии.

Первый выпуск феодосийской эмиссии (обозначим его «серия Ф-1») включает следующие типы монет:

Л. с. – голова бородатого мужчины в головной повязке вправо. О. с. – голова быка в углубленном квадрате вправо; справа идущая сверху вниз по краю квадрата надпись ΘΕΟΔΕΟ[Σ] (табл. I, 1). Датировки, предлагаемые для этого типа, различны: последняя четверть V в. до н.э.¹; середина 30-х – середина последнего десятилетия V в. до н.э.²; 413–403 гг. до н.э.³; конец V в. до н.э.⁴; 405–400 гг. до н.э.⁵

Долгое время были известны только две монеты данного типа: одна – из собрания Государственного Эрмитажа (инв. № ГЭ 26339), другая, обнаруженная в начале 1980-х гг. при раскопках Мирмекия⁶. Обе монеты можно определить как диоболы.

Удивительно, что мирмекийский экземпляр, фотография которого была опубликована еще в 1985 г., оказался вне сферы внимания исследователей⁷. Это тем более странно, что он находится в прекрасном состоянии⁸, в то время как сохранность эрмитажного экземпляра оставляет желать лучшего: его лицевая сторона сильно затерта. Этот дефект эрмитажной монеты и невнимание нумизматов к монете из Мирмекия привели к курьезному противоречию. Аверсное изображение, которое ранее трактовалось либо как «безбородая мужская голова»⁹, либо как просто «мужская голова»¹⁰, в работах Н.А. Фроловой было определено сначала, действительно, как мужская голова (или голова Геракла¹¹), позднее же – как голова Афины¹². На этом примере особенно отчетливо видно, что публикация материалов из частных коллекций стала по-настоящему знаковым для науки событием: зачастую такие собрания располагают экземплярами лучшей сохранности, что избавляет исследователей от ошибочных предположений и интерпретаций.

В итоге сведения о серебре первой феодосийской серии значительно пополнились. К уже имеющимся диоболам добавились монеты того же типа («мужская

¹ Шелов 1956, 213, № 21.

² Мельников 2000, 214, рис. 1, 2, 2/1; Шонон 2002, 328.

³ Анохин 1986, 138, № 64.

⁴ Зограф 1951, 244, № 2.

⁵ Сидоренко, Шонон 2009, 505, № 4, 5.

⁶ Виноградов 1985, 265–266, рис. 1.

⁷ Петрова 2000, 52.

⁸ Единственный изъян мирмекийского экземпляра – обломанный край; его первоначальный вес можно уверенно оценить примерно в 1,15–1,20 г.

⁹ Зограф 1951, 162; Шелов 1956, 40, 213.

¹⁰ Анохин 1986, 138.

¹¹ Фролова 1999, 303.

¹² Фролова 2000, 12.

голова в повязке вправо – голова быка вправо, сверху и справа надпись ΘΕΟΔ–ΕΟΣ»), но меньшего номинала – их определяют как гемиоболы (см. табл. I, 2¹³).

Здесь необходимо сказать несколько слов о подтвержденных находках новых серебряных монет серии Φ-1 и обстоятельствах их обнаружения.

Так, в 1998 г. при раскопках могильника Пичвнари в Аджарии были обнаружены два диобола данного типа¹⁴. Кроме того, в 2000 г. в округе Феодосии была сделана уникальная находка – две феодосийские и одна фанагорийская серебряные монеты, лежавшие рядом¹⁵, возможно, клад (?). Одна из феодосийских монет также принадлежит рассматриваемому типу «мужская голова в повязке вправо – голова быка вправо, ΘΕΟΔΕΟ[Σ]»¹⁶. Судя по фотографии в публикации, состояние монеты очень хорошее¹⁷, практически полностью видна сигма (см. табл. I, 26, 26a).

Помимо указанных номиналов, В.А. Анохин, вслед за Х.Х. Гилем¹⁸, относил к первой серии несколько серебряных тетартемориев типа «букраний – вдавленный квадрат с муравьем» из собрания Государственного Эрмитажа¹⁹. Прежде такая идентификация эрмитажных экземпляров вызывала активные возражения²⁰. Однако в 2009 г. В.А. Сидоренко и И.В. Шоновым были опубликованы несколько типов ранних феодосийских монет, и среди них экземпляр типа «муравей – букраний» в очень хорошем состоянии²¹. Благодаря этому было подтверждено определение, предложенное Х.Х. Гилем и затем В.А. Анохиным: анализировавшиеся ими экземпляры действительно принадлежат к феодосийской чеканке, однако более позднего выпуска (на это указывает наличие букрания).

Таким образом, на сегодняшний день серебро первой серии феодосийской эмиссии представляют монеты достоинством в диобол и гемиобол.

Помимо серебра, мы предлагаем включить в серию Φ-1 медные монеты типа «голова быка вправо – семилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки буквы Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ο-Σ». Лучи, как правило, рисуются в виде тонких стержней с закруглением на концах, которые обращены к центру реверсного поля и напеминают по виду кованые гвозди (см. табл. I, 3²²).

¹³ Фотография этого гемиобола была любезно предоставлена О.Н. Мельниковым.

¹⁴ Kakhidze, Iashvili, Vickers 2001, 286; Vickers, Kakhidze 2004, 183, 337, n. 109.

¹⁵ Шонов 2002, 327.

¹⁶ Шонов 2002, 327, рис. 1, 1.

¹⁷ Именно прекрасная сохранность экземпляров данного комплекса повлекла за собой довольно странное замечание. В совместной работе С.А. Коваленко и А.А. Молчанова, посвященной монетному делу Феодосии, указанная монета была объявлена подделкой новейшего времени – «недаром она не имеет точной археологической паспортизации» (Коваленко, Молчанов 2005, 51, прим. 17). Основанием для этого предположения послужило наличие бороды у изображенного персонажа. Авторы утверждают, что на всех (sic!) монетах рассматриваемого типа (включая известные авторам монеты из Пичвнари) присутствует изображение «мужской безбородой головы вправо» (Коваленко, Молчанов 2005, 51). Между тем на монете из Мирмекия – о существовании которой исследователи знают (Коваленко, Молчанов 2005, 50, прим. 7) – изображен персонаж с отчетливо видной бородой.

¹⁸ Giel 1886, 20.

¹⁹ Анохин 1986, 139, № 66.

²⁰ Фролова 1992, 207; 1999, 309.

²¹ Сидоренко, Шонов 2009, рис. I, 16. Благодаря этой находке можно с полной уверенностью говорить о том, что изображение муравья использовалось тремя (включая синдскую эмиссию: см. табл. II, 1) монетными дворами на территории Боспора Киммерийского.

²² Относительная редкость данного типа монет заставляет вспомнить историю изучения одного из экземпляров. Подобная монета из собрания Государственного Эрмитажа была опубликована в 1977 г. Л.Н. Беловой. Л.Н. Белова читала надпись на монете как ΘΕΟΔΕΟ (Белова 1977, 145,

Таблица I

Серия Ф-1. Вторая половина последнего десятилетия V в. до н.э. – рубеж V–IV вв. до н.э.: 1 – диобол, серебро; 2 – гемиобол, серебро; 3, 4 – халки (?), медь; 5, 5a – гемихалк (?), медь.

Серия Ф-2. Рубеж V–IV вв. до н.э. – середина/начало второй половины 90-х гг. IV в. до н.э.: 6 – тетробол, серебро; 7 – диобол, серебро; 8 – гемиобол, серебро; 9 – тетратеморий, серебро; 10, 11 – халки (?), медь; 12 – гемихалк (?), медь.

Серия Ф-3. Середина/начало второй половины 90-х IV в. до н.э. – 393/392 или 390/389 г. до н.э.: 13 – триобол, серебро; 14 – обол, серебро; 15 – халк (?), медь; 16, 17 – гемихалки (?), медь.

рис. I, 9; См. также Фролова 1999, 305), хотя в фондовом каталоге нумизматической коллекции Эрмитажа в описании реверса монеты приводится легенда ΘΕΟΔΟΣ. При непосредственном ознакомлении с этим экземпляром в 2008 г. выяснилось, что в надписи, несмотря на каверны от коррозии, действительно отчетливо читаются буквы Θ, Ε, Ο. Далее видна нижняя гаста дельты, омикрон и, наконец, сигма. Однако важнее всего, что между лучами звезды, разделяющими Δ и Ο, имеется пространство, где легко может поместиться эпсилон. Таким образом, перед нами рисунок только что рассмотренного типа: семилучевая звезда, между лучами которой идет надпись ΘΕΟΔ(Ε)ΟΣ. Такое прочтение поддерживал и Ю.Л. Дюков (1939–2014), возглавлявший в то время сектор Античного мира и стран Азии и Африки Отдела нумизматики ГЭ.

Серия Ф-4. 393/392 или 390/389 г. до н.э. – начало 80-х гг. IV в. до н.э.: 18 – драхма, серебро; 19 – триобол, серебро; 20 – дихалк (?), медь; 21 – халк (?), медь; 22, 23 – триобол, серебро.

Серия Ф-5. Первая половина 80-х гг. IV в. до н.э.: 24 – дихалк (?), медь; 25 – халк (?), медь.

Серия Ф-6. Середина – начало второй половины 80-х гг. IV в. до н.э.: 26 – дихалк (?), медь. 27 – Феодосия, драхма. Серебро. III в. до н.э.; 28, 28a – Феодосия, диобол. Вторая половина последнего десятилетия V в. до н.э. – рубеж V–IV вв. до н.э.; 29, 29a – Аверс халка. Феодосия, медь. Рубеж V–IV вв. до н.э. – середина/начало второй половины 90-х гг. IV в. до н.э.

О.Н. Мельников, который предлагает свой вариант процесса развития феодосийской эмиссии, относит эти монеты ко второй (согласно его схеме) феодосийской серии и датирует их самым концом 400-х гг. – 390-ми гг. до н.э.²³ Равным образом прочие типы монет Феодосии, с точки зрения О.Н. Мельникова, относятся уже к IV в. до н.э.

Следует сказать, что, когда О.Н. Мельников последовательно объединяет монеты в серии, он справедливо ориентируется не только на типологическое сходство сюжетов, но и на форму монетной легенды. Действительно, разные варианты надписи – ΘΕΟΔΕΟ (ΘΕΟΔΕΟΣ), ΘΕΟΔΕΩ, ΘΕΟΔΟ (ΘΕΟΔΟΣ), ΘΕΥ (ΘΕΥΔΟ) – позволяют уверенно сводить в одну серию монеты, различающиеся по виду, но с одинаковым написанием легенды.

В то же время, дабы избежать неоправданно ранних датировок для меди с легендой «ΘΕΟΔΕΟΣ», О.Н. Мельников вынужден вводить новую серию, которая состоит из единственного – и при этом довольно мелкого – медного номинала²⁴. Почти тем же путем следует и И.В. Шонов, который относит монеты с изображением семилучевой звезды к некоему «переходному периоду от серии Ф-1 к серии Ф-2»²⁵.

Тем не менее надобность в подобном усложнении схемы монетных выпусков совершенно отпадает, если согласиться с исследователями, которые предлагают относить начало феодосийской чеканки к последнему десятилетию V в. до н.э.²⁶ В этом случае мы получим полноценную серию, включающую в себя серебряные диоболы и гемиоболы и бронзовые халки (?), все с легендой ΘΕΟΔΕΟ[Σ].

Сюда же следует включить еще одну разновидность халков (?): Л. с. – голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо (отметим, что здесь впервые в феодосийской чеканке применен трехчетвертной ракурс). О. с. – шестиконечная звезда, между лучами против хода часовой стрелки надпись Θ–Ε–Ο–Δ–Ε–Ο (табл. I, 4). Как представляется, монетки этого вида появились на заключительном этапе выпуска серии Ф-1. О принадлежности данных экземпляров к первой серии феодосийской эмиссии свидетельствует характерная форма написания монетной легенды – «ΘΕΟΔΕΟ».

Кроме того, благодаря публикациям И.В. Шонова, С.А. Коваленко и А.А. Молчанова стало известно о существовании еще более мелких анэпиграфных бронзовых экземпляров, которые можно отнести к феодосийской эмиссии²⁷. И.В. Шонов

²³ Мельников 2000, 215, № 3.

²⁴ Мельников 2000, 215.

²⁵ Шонов 2002, 329.

²⁶ Зограф 1951, 244; Сидоренко, Шонов 2009, 505.

²⁷ Шонов 2002, 327–331; Коваленко, Молчанов 2005, 49–62.

датировал выпуск анэпиграфных монет периодом боспоро-феодосийской войны, снабдив датировку следующим комментарием: в это время Феодосия «по понятным причинам монету с именем полиса не чеканила»²⁸ (жаль, что эти причины понятны только автору).

С.А. Коваленко и А.А. Молчанов предлагают датировать анэпиграфную медь 385–375 гг. до н. э.²⁹ и выделяют три типа выпусков:

- 1) Л. с. – голова быка влево. О. с. – восьми- или шестилучевая звезда.
- 2) Л. с. – голова быка вправо. О. с. – шестилучевая звезда.
- 3) Л. с. – голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо. О. с. – шестилучевая звезда.

Дискуссионным является выделение третьего типа. Исследователи включают в него только два экземпляра³⁰. В первую очередь вызывает недоумение настойчивое стремление авторов характеризовать изображение быка на лицевой стороне этих монет как трехчетвертное (см. табл. I, 5). Сходным образом описан аверс халка с легендой $\Theta\epsilon\omicron\Delta\epsilon\omicron\varsigma$ ³¹, опубликованного О.Н. Мельниковым – тогда как сам нумизмат видит там просто голову быка вправо³².

Более того, аверсный рисунок упомянутых монеток во многом повторяет облик животного на серебре первой серии. Это достаточно хорошо видно на фотографиях, представленных С.А. Коваленко и А.А. Молчановым. Наконец, следует принять во внимание специфическую форму лучей, которая встречается преимущественно на халках с надписью $\Theta\epsilon\omicron\Delta\epsilon\omicron\varsigma$. Всего перечисленного достаточно, чтобы уверенно отнести указанные анэпиграфные монеты к первой серии феодосийской эмиссии³³.

Вероятно, номинал рассматриваемых экземпляров, невзирая на их близость по размерам и весу к халкам, отнесенных нами к серии Ф-1, можно определить как гемихалки (?). Отсутствие надписи служит подтверждением того, что перед нами монеты более мелкого достоинства.

В итоге первая феодосийская серия (Ф-1) предстает в следующем виде: диоболы – 17 шт. (вес от 1,00 до 1,49 г, D от 11 до 15 мм); гемидиоболы – 7 шт. (вес от 0,18 до 0,26 г, D от 6 до 7 мм); халки – 7 шт. (вес от 0,44 до 1,14 г, D от 8 до 10 мм); халки особого вида – 4 шт. (вес от 0,31 до 0,76 г, D от 9 до 10 мм); анэпиграфные гемихалки – 56 шт. (вес от 0,26 до 1,06 г, D от 7 до 10 мм)³⁴.

Вновь обратимся к хронологии и начнем с самых ранних датировок. Как уже говорилось, по мнению О.Н. Мельникова, серия Ф-1 (точнее – только серебро этой серии) чеканилась с середины 430-х гг. по середину 400-х гг. до н.э.³⁵ И.В. Шоно в целом также придерживается этой датировки, хотя предполагает более раннее завершение выпуска первой серии – в 415 г. до н.э.³⁶

²⁸ Шоно 2002, 330.

²⁹ Коваленко, Молчанов 2005, 60–61.

³⁰ Шоно 2002, 329, рис. 1, 8; Коваленко, Молчанов 2005, 61, №№ 25–26, рис. 1, 21.

³¹ Коваленко, Молчанов 2005, 60, № 4.

³² Мельников 2000, 215, № 3.

³³ Вероятно, сюда можно включить и экземпляр с восьмилучевой звездой, хранящийся в Феодосийском музее денег, <http://www.museum-of-money.org>; см. табл. I, 5а.

³⁴ Информация о монетах Феодосии и их количестве собрана по научным публикациям, а также взята с сайта «Монеты Боспора: Каталог-архив», <http://bosporan-kingdom.com/>

³⁵ Мельников 2000, 214.

³⁶ Шоно 2002, 328.

Однако складывается впечатление, что в основе датировки О.Н. Мельникова лежит по большей части желание синхронизировать начало феодосийской и нимфейской эмиссий³⁷. Возможно, исследователь предполагает, что эти события имеют общую политическую подоплеку и что Феодосия, подобно Нимфею, стремилась демонстративно утвердить перед лицом чрезмерно активного соседа свою независимость. Это тем не менее малоубедительно: если Нимфей действительно находился в непосредственной зоне экономического и политического влияния Пантикапея по меньшей мере с начала V в. до н.э., то Феодосия до конца столетия была, скорее всего, вне сферы его устремлений.

И.В. Шонов, поддерживая столь раннюю дату возникновения монетного дела, руководствуется гипотезой, согласно которой в жизни Феодосии выделяются три периода, оказавших непосредственное влияние на ее чеканку³⁸:

I. Середина 430-х гг. до н.э. – 415 г. до н.э.³⁹ – время независимой чеканки;

II. 415–405/404 гг. до н.э. – период афинского влияния;

III. 405/404–390/389 гг. до н.э. – период влияния Гераклеи Понтийской.

А.Н. Зограф отнес выпуск первых феодосийских монет к концу V в. до н.э., отметив, что они выполнены в той же технике, что и синдские⁴⁰. Д.Б. Шелов, в свою очередь, датировал их последней четвертью V в. до н.э., сравнивая с пантикапейской серией «голова льва анфас – голова барана вправо»⁴¹ (см. табл. II, 3). В.Л. Строкин предлагает датировать серию Ф-1 еще более узкими рамками – концом 410-х гг. до н.э. Подтверждением этому, как считает исследователь, служит сходство в оформлении монетной легенды на феодосийских гемидолах (см. табл. I, 2) и нимфейских диодолах типа «женская голова в кекрифале вправо – вдавленный квадрат, в центре голова льва с раскрытой пастью вправо. Сверху и слева, вершинами букв к центру, надпись ΣΑΜ–ΜΑ»⁴² (см. табл. II, 4). Выпуск монет этого типа, по мнению автора, приходится на 413–410 гг. до н.э.⁴³

Надо сказать, что сколько-нибудь близких аналогий подобной стилистике оформления монетной легенды найти не удалось, хотя прием «ломаной надписи» использовался по меньшей мере с начала последней трети V в. до н.э. (например, на гемидрахмах Аканфоса: см. табл. II, 7⁴⁴). Поэтому практически идентичная

³⁷ Мельников 2000, 208. Впрочем, исследователь не исключает также возможности, что монетное дело возникло в Феодосии значительно раньше – в конце VI – начале V в. до н.э. Это, по Мельникову, было «связано с приотстановкой чеканки храма Аполлона» (Мельников 2000, 208, прим. 1).

³⁸ Шонов 2002, 328–329.

³⁹ В статье, написанной в соавторстве с В.А. Сидоренко, И.В. Шонов переводит серебро рассматриваемого типа уже во вторую серию феодосийской эмиссии, выпуск которой относит к 405–400 гг. до н.э. (Сидоренко, Шонов 2009, 505).

⁴⁰ Зограф 1951, 162. Автор говорит о типе «голова Геракла в львиной шкуре вправо – голова коня вправо, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ» (табл. II, 2). Согласно новейшей датировке, этот тип монет относится ко второй серии синдской чеканки, т.е. к 423–400 гг. до н.э. (Горончаровский, Терещенко 2014, 109; 2015, 89).

⁴¹ Шелов 1956, 40–41. В.А. Анохин относил этот тип пантикапейских монет к 413–403 гг. до н.э. (Анохин 1986, 138), Н.А. Фролова – к концу V в. до н.э. (Фролова 1992, 62). Нам время выпуска этой серии представляется несколько более ранним: 428–410/405 гг. до н.э. – в качестве *terminus ante quem* выступает аннексия Нимфея.

⁴² Строкин 2011, 44–45.

⁴³ Строкин 2009, 365–366.

⁴⁴ Некоторое подобие углового начертания монетной легенды обнаруживается только на гемидрахмах г. Атандроса в Троаде (табл. II, 6).

манера начертания легенды на монетах Феодосии и Нимфея, которую отмечает В.Л. Строкин, действительно позволяет предположить взаимное влияние двух полисов в «эмиссионной сфере», что в известной степени позволяет допустить также и синхронность выпуска этих монет⁴⁵.

Однако для нимфейского серебра предлагается и более поздняя дата: 410/409 (405?) – 405 (403?) гг. до н.э.⁴⁶, которая представляется более правдоподобной. В этом случае и выпуск феодосийской серии Ф-1 можно перенести на последнее десятилетие V в. до н.э.

Помимо указанной гипотезы В.Л. Строкина, подтверждением такой датировки служит еще один фактор. Деградированный *quadratum incusum* на реверсе феодосийского серебра характерен скорее для V в. до н.э., и маловероятно, чтобы феодосийские монетарии придавали своей продукции намеренно архаизирующий вид⁴⁷. С другой стороны, наличие медных монет в составе первой серии заставляет сдвинуть начало феодосийской эмиссии на самый конец V в. до н.э., поскольку традиционно предполагается, что денежное обращение на основе биметаллизма начало практиковаться только на рубеже V–IV вв. до н.э.⁴⁸

В свете вышеизложенного некоторые факты могут быть трактованы по-новому. Так, О.Н. Мельников сообщает о семи феодосийских медных монетах типа «голова быка – звезда», принадлежащих частным коллекциям. Три экземпляра из семи были найдены в Нимфее, два – в Пантикапее, и два – на азиатской стороне Боспора⁴⁹. Автор считает, что такое распространение феодосийской монеты свидетельствует лишь о «широких контактах феодосийцев в Северо-Восточном Причерноморье»⁵⁰. Тем не менее можно предложить и иное объяснение; для этого вновь обратимся к монетному делу Пантикапея.

Характерная особенность пантикапейской эмиссии VI–V вв. до н.э. – чеканка тетартемориев, монет самого мелкого на Боспоре достоинства, с изображением муравья на лицевой стороне. На сегодняшний день последней серией, в которой зафиксирован этот номинал, являются монеты типа «голова льва (или муравей), вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ΠΑΝΤΙ» (табл. II, 5⁵¹). Выход этой серии приходится, на наш взгляд, на промежуток между 428 г. до н.э. и 410–405 гг. до н.э. (т.е. незадолго до аннексии Нимфея).

⁴⁵ Строкин 2011, 45.

⁴⁶ Мельников 2001, 416; 2007, 337; см. также: Терещенко 2004, 188.

⁴⁷ О.Н. Мельников использует этот признак для установления верхней хронологической границы серии Ф-1. По его мнению, именно в середине последнего десятилетия V в. до н.э. «боспорские монетарии отказываются от оформления реверса в виде вдавленного квадрата» (Мельников 2000, 209). Однако это заявление ничем не подкреплено, и вся датировка в целом может быть поставлена под сомнение.

⁴⁸ Зограф 1951, 25.

⁴⁹ К сожалению, О.Н. Мельников не дает подробных описаний этих экземпляров и не указывает их веса.

⁵⁰ Мельников 2000, 211.

⁵¹ Ранее считалось, что самой поздней монетой этого номинала является единственный экземпляр типа: «муравей – голова барана в углубленном круге влево, вверху надпись ΠΑΝΤΙ (или ΠΑΝ), внизу шестиконечная звезда» (Мельников 2005, 344, № 50; там же, 343, рис. 50), датированный нами 405 г. до н.э. – началом IV в. до н.э. Однако в недавнем личном разговоре О.Н. Мельников сообщил, что этот экземпляр представляет собой подделку, и порекомендовал исключить его из научного оборота.

В дальнейшем тетартемории уже не встречаются. Скорее всего, это вызвано снижением экономической выгоды изготовления данного номинала⁵², хотя необходимость мелкой разменной монеты вполне очевидна; при этом собственная медная монета появляется в Пантикапее не раньше 393/392 или 389/388 гг. до н.э.⁵³ Отсюда можно предположить, что с конца V в. до н.э., в условиях острой нехватки мелких подразделений серебряной монеты, феодосийская медь если и не имела активного хождения на денежном рынке Боспорского государства, то как минимум охотно принималась к оплате. Такая интерпретация обстоятельств находок, пусть косвенным образом, подтверждает гипотезу о ранней дате чеканки медной монеты в Феодосии.

Надо сказать, что О.Н. Мельников связывает появление первых медных монет Феодосии с началом боспоро-феодосийского конфликта и неизбежным ухудшением экономического положения города⁵⁴. Однако, последовательно рассуждая в таком ключе, мы вынуждены будем предположить, что *каждый* полис-эмитент, инициируя чеканку медной монеты, делал это по причине какого-то кризиса – что, конечно, абсурдно.

В защиту того, что феодосийская чеканка действительно могла функционировать на принципах биметаллизма, можно сказать следующее: во-первых, феодосийские монетарии, несомненно, были прекрасно осведомлены о действенности денежного обращения, основанного исключительно на меди, хотя бы на примере Ольвии. Во-вторых, к моменту появления собственной эмиссии феодосийцы не были связаны какими-либо устоявшимися традициями ни в монетном производстве, ни в монетном обращении. Следовательно, поскольку к концу V в. до н.э. идея о совместном выпуске монет из разных металлов, вероятно, уже «витаала в воздухе», одновременное изготовление серебряных и медных номиналов для серии Ф-1 представляется вполне реальным.

Необходимо особо отметить, что введение биметаллической чеканки указывает на полную независимость монетного дела Феодосии от пантикапейских канонов. Вместе с тем вес феодосийского серебра, как правило, соответствует весу аналогичных номиналов пантикапейской чеканки. Таким образом, у нас есть все основания считать, что Феодосия, как и другие полисы Боспора Киммерийского, была ориентирована на эгинскую весовую систему⁵⁵.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что никаких оснований не имеет под собой тенденция, которая все отчетливее проявляется в современных исследованиях, – разделять в феодосийской эмиссии монеты из серебра и меди на отдельные серии. Конечно, нужно и должно выделять самостоятельные монетные типы, но посмотрим на указанную выше схему начального периода феодосийской эмиссии, которую предлагают О.Н. Мельников и другие современные нумизматы.

Итак, сначала в Феодосии выпускается серия серебряных монет, которая включает только два, причем не самых крупных номинала, гораздо позднее (не менее чем десять лет спустя!) появляются медные монеты самого мелкого достоинства, представляющие собою отдельные серии. Совершенно очевидно, что с

⁵² Согласно традиции, тетартемориями называются монеты только из драгоценных металлов.

⁵³ Терещенко 2013, 103–105.

⁵⁴ Мельников 2000, 209.

⁵⁵ Шелов 1956, 80; Фролова 2000, 12.

экономической точки зрения подобные экзерции бессмысленны; а ведь к тому моменту, когда Феодосия начала чеканить собственную монету, греческий мир имел уже солидный опыт обращения с денежными средствами – по меньшей мере полтора столетия. Поэтому представляется, что первая феодосийская серия была отнюдь не «пробой пера», а хорошо продуманным и полностью удовлетворяющим требованиям времени выпуском.

Продолжением феодосийской эмиссии (серия Ф-2) выступают монеты типа: Л. с. – голова Афины в шлеме вправо. О. с. – букраний, по сторонам надпись вразбивку «ΘΕ–ΟΔ–ΕΩ» (табл. I, 6–8).

До недавнего времени был известен только один экземпляр такого типа – гемиобол из собрания Государственного Исторического музея с неполной надписью ΘΕ–ΟΔ⁵⁶. Из публикаций И.В. Шонова и О.Н. Мельникова стало известно о существовании экземпляров с полной легендой ΘΕΟΔΕΩ, так что на сегодняшний день мы располагаем информацией о более чем полусотне подобных монет разного достоинства – тетроболы, диоболы, оболы (?) и гемиоболы. О.Н. Мельников датировал их выпуск началом – серединой 370-х гг. до н.э.⁵⁷ Помимо указанных номиналов, сюда следует включить также и тетартемории типа «букраний – муравей» (табл. I, 9), о которых упоминалось ранее. Отсутствие украшений на букрании, характерное именно для серии Ф-2, является достаточным основанием для такого заключения.

Необходимо отметить, что ранее практически все исследователи относили к серии Ф-2 также монеты с изображением головы Афины влево. Однако С.А. Коваленко и А.А. Молчанов предложили считать второй серией только и исключительно тип «голова Афины вправо». Во-первых, поворот головы антропоморфных персонажей вправо характерен именно для первых серий феодосийского серебра. Во вторых, на реверсах диоболов и гемиоболов исследуемой серии имеется как вдавленный квадрат, так и вдавленный круг, в то время как на экземплярах с головой Афины влево – *всегда* вдавленный круг (см. напр. табл. I, 7, 8, 13, 14). Как считают авторы, «перед нами редкий случай смены техники <...> в процессе чеканки одной серии монет»⁵⁸. Наконец, на реверсе монет типа «голова Афины влево» букраний украшен тэниями – налицо «усложнение изобразительного мотива реверса, определенно имевшее место в ходе эволюции»⁵⁹.

Приведенные наблюдения и предлагаемые выводы кажутся вполне убедительными, чтобы согласиться с ними и отнести рассматриваемый тип монет ко второй серии феодосийской эмиссии.

Вместе с тем В.А. Сидоренко и И.В. Шонов, руководствуясь технологическими различиями в оформлении реверса монет серии Ф-2, предлагают считать период ее чеканки более дробным и выделяют внутри серии несколько выпусков. Более того, экземпляры с quadratum incisum вообще отнесены авторами к первому типу феодосийской эмиссии⁶⁰!

⁵⁶ Анохин 1986, 139, рис. 2, 65. Отметим, что сам В.А. Анохин трактовал аверсное изображение как мужскую голову, поэтому относил эту монету к серии Ф-1 и определял время ее выпуска по разработанной им схеме: 413–403 гг. до н.э. (Анохин 1986, 138).

⁵⁷ Мельников 2000, 216.

⁵⁸ Коваленко, Молчанов 2005, 52–53.

⁵⁹ Коваленко, Молчанов 2005, 52.

⁶⁰ Сидоренко, Шонов 2009, 503, 507–508.

Между тем перед нами всего лишь иллюстрация того, как изменилась техника чеканки в период выхода серии Ф-2. На место вдавленного квадрата пришел круг, но сами монетные сюжеты никаких существенных изменений не претерпели. Поэтому настолько дробное членение рассматриваемого типа (по крайней мере в том виде, как это предложено В.А. Сидоренко и И.В. Шоновым) представляется совершенно излишним.

В серию Ф-2, вероятно, можно включить также медные монеты трех видов:

1) «Голова быка вправо – шестилучевая звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΕΩ»⁶¹ (табл. I, 10).

2) «Голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΕΩ» (табл. I, 11).

3) «Голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда» (табл. I, 12).

Номинал медных монет первого и второго типа, по примеру предыдущей серии, мы можем, с учетом присутствия легенды, определить как халки. В третьей группе, скорее всего, представлены гемихалки. Время их выпуска по О.Н. Мельникову: начало / середина 370-х гг. до н.э.⁶²; по И.В. Шонову: 415–405/404 гг. до н.э.⁶³.

Заметим, что существование двух разновидностей халков, как и в серии Ф-1, само по себе подтверждает правильность предложенного нами деления по сериям. Они наглядно демонстрируют поступательное типологическое развитие феодосийской меди.

Так, одна из монет первой группы почти полностью повторяет облик меди серии Ф-1 (см. табл. I, 3, 10): изменилась лишь форма написания легенды – ΘΕΟΔΕΩ вместо ΘΕΟΔΕΟ, а лучи приобрели сходство с удлиненной каплей.

Через некоторое время голову быка начинают изображать уже в трехчетвертном повороте, опять же копируя вторую разновидность халков серии Ф-1 (см. табл. I, 4, 11). Не исключено, что это произошло в момент перевода реверсных штемпелей для серебра с *quadratum incusum* на *circulus incusum*.

Таким образом, серию Ф-2 образуют следующие виды монет:

Серебро: тетроболы (зафиксировано 7 шт.; вес от 3,02 до 3,43 г, D от 12 до 16 мм); диоболы (зафиксировано 30 шт.; вес от 1,00 до 1,74 г, D от 9 до 13 мм); оболы (?) (зафиксировано 9 шт.; вес от 0,70 до 0,99 г, D от 8 до 10 мм); гемиболы (зафиксировано 6 шт.; вес от 0,17 до 0,32 г, D от 6 до 7 мм); тетартемории (зафиксировано 7 шт.; вес от 0,08 до 0,16 г, D от 5 до 6 мм).

Медь: халки 1-го типа (зафиксировано 9 шт.; вес от 0,47 до 1,87 г, D от 7 до 11 мм); халки 2-го типа (зафиксировано 31 шт.; вес от 0,31 до 2,12 г, D от 8 до 13 мм); анэпиграфные гемихалки (зафиксировано 24 шт.; вес от 0,41 до 1,30 г, D от 8 до 11 мм).

Достаточно большой общий объем и разнообразие номиналов указывают на то, что серия Ф-2 выпускалась в течение достаточно длительного времени. Таким образом, ее предлагается датировать концом V в. до н.э. (м. б. 404/403 г. до н.э.) – первой половиной 390-х гг. до н.э. (м. б. 397/396 г. до н.э.). Наличие среди сере-

⁶¹ Коваленко, Молчанов 2005, 60, № 1, рис. 1, 6.

⁶² Мельников 2000, 216.

⁶³ Шонов 2002, 328.

бряных монет серии экземпляров с *quadratum incusum* дает *terminus ante quem* и не позволяет сдвигать начало выпуска серии в IV в. до н.э.

Серия Ф-3 менее разнообразна – скорее всего, это следует связывать с трудностями, постигшими Феодосию в начале IV в. до н.э. после нападения армии Сатира I.

В эту серию входят серебряные монеты (триоболы и оболы) типа: Л. с. – голова Афины влево. О. с. – букраний, украшенный гирляндами (тэниями), вокруг букrania надпись вразбивку. Легенда состоит из шести букв ΘΕ–ΟΔ–ΕΩ, но на большинстве экземпляров видны только первые четыре буквы – ΘΕΟΔ⁶⁴ (см. табл. I, 13, 14). По мнению Д.Б. Шелова, выпуск этих монет можно отнести к рубежу V–IV вв. до н.э.⁶⁵; по В.А. Анохину, это 403–393 гг. до н.э.⁶⁶

Здесь необходимо сказать несколько слов о типологии. Дело в том, что И.В. Шоноу предлагал объединять в одну серию *все* серебряные феодосийские монеты с изображением головы Афины⁶⁷. Это, конечно, исключено из-за серьезных сюжетных различий: так, на аверсах серии Ф-2 голова Афины развернута вправо, в серии Ф-3 – влево; на реверсах Ф-3 букраний увенчан тэниями, в Ф-2 никаких украшений нет (см. выше: украшения возникают по мере усложнения реверсного рисунка, т. е. их наличие или отсутствие служит косвенным хронологическим маркером). Таким образом, следует, напротив, разделять рассматриваемые монеты на два самостоятельных выпуска.

Медные монеты, которые, на наш взгляд, относятся к серии Ф-3, представлены двумя номиналами. Это единственный известный на сегодняшний день экземпляр типа «голова быка влево – шестилучевая звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΕΩ»⁶⁸ (табл. I, 15). Вес неизвестен, но наличие надписи позволяет, по примеру предыдущих серий, считать его халком.

Линейку младших номиналов дополняют гемихалки двух разновидностей:

1) Л. с. – голова быка влево. О. с. – шестилучевая звезда (табл. I, 16). Лучи в основном спицеобразной формы, но встречаются и каплевидные. Время выпуска: 395–390 гг. до н.э.⁶⁹ или 385–375 гг. до н.э.⁷⁰

2) Л. с. – голова быка влево. О. с. – восьмилучевая звезда (табл. I, 17). Время выпуска: 390–385 гг. до н.э.⁷¹ или 385–375 гг. до н.э.⁷²

Как представляется, хронологическая последовательность групп именно такова. Изображение шестилучевой звезды на реверсе гемихалков предыдущей серии Ф-2 дает основания для предположения, что первые гемихалки серии Ф-3 были отмечены аналогичным рисунком.

В.А. Сидоренко и И.В. Шоноу отмечают среди разнообразной феодосийской меди монетку типа «голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестиконечная звезда, между луча-

⁶⁴ Шелов 1956, 40, рис. 2, 2; Анохин 1986, 139, рис. 2, 74.

⁶⁵ Шелов 1956, 40.

⁶⁶ Анохин 1986, 139.

⁶⁷ Шоноу 2002, 328.

⁶⁸ <http://bosporan-kingdom.com/000-2165/>

⁶⁹ Сидоренко, Шоноу 2009, 509–510, рис. 1, 41–44.

⁷⁰ Коваленко, Молчанов 2005, 60–61, рис. 1, 12, 13.

⁷¹ Сидоренко, Шоноу 2009, 510–511, рис. 1, 47–50.

⁷² Коваленко, Молчанов 2005, 60–61, рис. 1, 14–16.

ми по ходу часовой стрелки надпись Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ω, лучи каплевидной формы»⁷³, которую также можно было бы отнести к серии Φ-3. Правда, на представленной авторами фотографии лицевая сторона монеты практически неразличима (см. табл. I, 29⁷⁴), а два экземпляра из коллекций ГИМ и ГМИИ, которые приводятся авторами в качестве параллели, в действительности не дают аналогий. В работах, где опубликованы эти монеты, поворот головы быка описывается как правосторонний – по крайней мере, именно так следует из предложенных описаний⁷⁵. Этого достаточно, чтобы усомниться в правильной идентификации аверсного сюжета в целом. Вероятнее всего, перед нами халк I типа серии Φ-2 (табл. I, 29а⁷⁶).

В целом же профильное изображение головы Афины и головы быка на аверсе серебряных и медных монет в повороте в левую сторону позволяет уверенно сводить эти типы в единую серию. Таким образом, в серию Φ-3 входят:

Серебро: триоболы (зафиксировано 21 шт.; вес от 2,16 до 2,99 г, D от 11 до 16 мм) и оболы (зафиксировано 30 шт.; вес от 0,50 до 0,98 г, D от 5 до 11 мм). Обратим внимание на то, что эти номиналы не просто дублируют, но дополняют счетную систему серии Φ-2.

Медь: халк с легендой ΘΕΟΔΕΩ (зафиксирована 1 шт.; вес неизвестен, D – 8 мм) и анэпиграфные гемихалки с шестилучевой звездой (зафиксировано 20 шт.; вес от 0,28 до 0,70 г, D от 7 до 9,5 мм), с восьмилучевой звездой (зафиксировано 27 шт.; вес от 0,30 до 0,78 г, D от 7 до 11 мм).

Выпуск серии Φ-3 приходится, вероятно, на период с конца первой половины 390-х гг. до н.э. (м. б. 397/396 г. до н.э.) по 394 или 391 гг. до н.э. Такой хронологический разброс связан с тем, что трудно с точностью определить дату *terminus post quem* – начала боспоро-феодосийской войны, которую развязал незадолго до своей кончины Сатир I. А.А. Завойкин относит начало конфликта к 393/392 г. до н.э.⁷⁷ Однако, поскольку дату смерти Сатира I определяют по-разному (либо 393/392, либо 390/389 г. до н.э.⁷⁸), нельзя назвать точную дату начала военного противостояния, а следовательно – и время прекращения чеканки серии Φ-3. Можно лишь предполагать, что это 394 или 391 г. до н.э.

Продолжает феодосийскую эмиссию серия Φ-4, в которую также входят серебряные и медные монеты.

Серебро, драхма (?): Л. с. – голова бородатого Ареса в аттическом шлеме влево. О. с. – украшенный лентами букраний, сверху между рогами надпись ΘΕΟΔΟ⁷⁹ (см. табл. I, 18).

На протяжении долгого времени была известна единственная монета такого типа, принадлежащая коллекции ГИМ и считавшаяся подделкой⁸⁰. В 1997 г. этот

⁷³ Сидоренко, Шонов 2009, 509–510, рис. 1, 40.

⁷⁴ Фотография взята из названной публикации В.А. Сидоренко и И.В. Шонова (Сидоренко, Шонов 2009).

⁷⁵ Золотарев 1984, 89; Фролова 1999, 305.

⁷⁶ Впрочем, нужно заметить, что, несмотря на отдельные недостатки, такого рода публикации чрезвычайно важны. Именно работы, подобные статьям О.Н. Мельникова, И.В. Шонова и других, вводят в научный оборот материалы частных коллекций, в огромной мере способствуют развитию нумизматической науки.

⁷⁷ Завойкин 2000, 264; 2013, 498.

⁷⁸ Петрова 2000, 74.

⁷⁹ Анохин 1986, рис. 2, 73.

⁸⁰ Шелов 1956, 40, прим. 4; Фролова 1999, 307–309.

вопрос был вновь поднят в статье В.П. Алексеева: автор довольно эмоционально, хотя и малодоказательно, отстаивал подлинность данного экземпляра⁸¹. Только публикация в 2009 г. трех новых монет из частных коллекций стала весомым подтверждением реальности существования драхм этого вида⁸².

Согласно В.А. Анохину, драхмы с головой Ареса чеканились одновременно с серебром, обозначенным у нас как серия Ф-3, т.е., в 403–393 гг. до н.э.⁸³ По мнению В.П. Алексеева, эти монеты были выпущены в период между 389–370 гг. до н.э., когда Феодосия «на одном из начальных этапов войны» торжествовала недолгую победу над Боспором⁸⁴. О.Н. Мельников относит их ко второй половине 370-х–360-м гг. до н.э.⁸⁵, В.А. Сидоренко и И.В. Шонов – к 385–380 гг. до н.э.⁸⁶. В.Л. Строкин датирует подобные драхмы 392/391 гг. до н.э. и подробно излагает причины, по которым они могли бы быть отчеканены. Он вполне обоснованно считает, что смерть Сатира I должна была вызвать «у жителей осажденной Феодосии поистине всенародное ликование»⁸⁷. Вполне вероятно, что такое важное событие могло найти отражение и в монетной чеканке, а если учесть «милитаристско-триумфальную», по выражению исследователя, символику драхмы, то эта монета идеально подходит к случаю. В целом тезис В.Л. Строкина относительно того, что выпуск «драхм Ареса» носил мемориальный характер⁸⁸, совершенно справедлив (правда, ознаменование кончины Сатира I, как нам кажется, должно быть отнесено к другому типу монет⁸⁹, о котором скажем ниже).

⁸¹ Алексеев 1997, 197.

⁸² Сидоренко, Шонов 2009, 513, №. 1–2, 4. Подробный и интересный, учитывающий новые находки анализ иконографии грозного бога войны был проведен А.В. Гавриловым и И.В. Шоновым. Тем не менее, некоторые их выводы выглядят излишне радикальными (Гаврилов, Шонов 2009, 147–152). Так, авторы пишут, что изображением бородатого Ареса отмечается старшинство монеты в счетном ряду – что, в общем-то, не противоречит истине. Однако далее тезисы становятся более спорными. Так, согласно версии, предложенной авторами, аверсный рисунок на остальных типах серебра, традиционно определяемый как голова Афины, в действительности представляет собой голову мужского божества («В <...> лице более просматриваются мужские черты, чем женские» – Гаврилов, Шонов 2009, 151). При такой интерпретации персонажа отсутствие бороды выступает как показатель юного возраста. Таким образом, перед нами якобы изображение юного Ареса, которое должно служить маркировкой младших номиналов. В заключение исследователи выражают надежду на то, что драхмы с головой бородатого Ареса, принадлежащие другим сериям, еще предстоит найти (Гаврилов, Шонов 2009, 151). Несмотря на то, что подобная трактовка имеет право на существование, возникают серьезные возражения. Во-первых, необходимо признать, что монетные штемпели (не только в Феодосии, но и вообще на Боспоре) далеко не всегда отличались высоким качеством и тщательностью проработки, поэтому не стоит делать выводы о гендерной принадлежности персонажа на основании немногих и зачастую плохо сохранившихся экземпляров. Во-вторых, едва ли возможно строить серьезную гипотезу на такой эфемерной основе, как надежда на возможное обнаружение каких-то новых, ранее неизвестных типов монет.

⁸³ Анохин 1986, 139. Очевидно, это вызвано сходством реверсного сюжета – «букраний с тэ-ниями».

⁸⁴ Алексеев 1997, 203.

⁸⁵ Мельников 2000, 216, № 9.

⁸⁶ Сидоренко, Шонов 2009, 513.

⁸⁷ Строкин 2011, 43.

⁸⁸ Строкин 2011, 43.

⁸⁹ К сожалению, В.Л. Строкиным не были учтены несколько типов феодосийских монет. Справедливости ради нужно сказать, что некоторые из них были опубликованы гораздо позднее; тем не менее, этот фактор во многом дезавуирует работу исследователя.

Серебро, триобол: Л. с. – голова Афины в аттическом шлеме влево. О. с. – букраний, украшенный тэниями, между рогами надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta\omicron$ (табл. I, 19). Время выпуска: 385–380 гг. до н.э.⁹⁰ Новая форма монетной легенды позволяет считать эти триоболы единой серией с драхмами.

Медь: Л. с. – голова безбородого мужчины влево (учитывая такие характерные признаки, как довольно длинные волнистые волосы и наличие головной повязки, можем предположить, что перед нами изображение головы Аполлона). О. с. – протомы скачущего быка влево, вверху и справа надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta\text{---}\omicron$ (табл. I, 20⁹¹). Благодаря тому, что на лицевой стороне изображен антропоморфный персонаж, можно с большой долей вероятности оценивать номинал этих монет несколько выше, чем номинал меди предыдущих выпусков. Скорее всего, перед нами дихалки. Время их чеканки определяют различно: первая половина IV в. до н.э. (в пределах трех-четырех лет перед 392/391 гг. до н.э.⁹², вторая половина 70-х – 60-х гг. IV в. до н.э.⁹³ или середина IV в. до н.э.⁹⁴).

Сравнительно недавно стала доступна информация еще об одной разновидности феодосийской меди: Л. с. – голова безбородого мужчины (Аполлона?) влево. О. с. – голова быка влево, вверху надпись $\Theta\epsilon\omicron$ ⁹⁵ (табл. I, 21). Явное типологическое сходство с отмеченными выше дихалками дает основание включать их в серию Ф-4, а меньший размер и вес (0,75 г, D – 7 мм; 0,60 г, D – 8 мм) вкупе с «сокращенным» сюжетом на оборотной стороне позволяют считать эти монеты халками.

На период выхода серии Ф-4 приходится также чеканка уникальных серебряных монет. Вот описание, предложенное первооткрывателями этого типа – В.А. Сидоренко и И.В. Шоным: «Л. с. – голова Афины в аттическом шлеме с плюмажем, в $\frac{3}{4}$ влево. О. с. – голова Афродиты в стефане влево, слева надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta[\omicron]$ »⁹⁶ (см. табл. I, 22).

Надо отдать должное авторам: хотя лицевая сторона монеты, судя по фотографии, находится в очень плохом состоянии, атрибуция изображения как головы Афины вне сомнений. Отмечается, что это изображение стилистически близко аналогичному рисунку на кизикине III группы по классификации Г. фон Фритце⁹⁷ (см. табл. II, 11), который датируется 475–420 гг. до н.э.⁹⁸

⁹⁰ Сидоренко, Шонон 2009, 514, рис. 1, 55.

⁹¹ Отсутствие возможности ознакомиться с хорошо сохранившимися экземплярами долгое время порождало самые фантастические представления об облике рассматриваемых монет. Например, в описании Н.А. Фроловой это «женская голова влево, точечный ободок – протомы быка влево, $\Theta\epsilon\omicron\Delta\epsilon\omega$ » (Фролова 1999, 307). По мнению И.В. Шонова, на аверсе изображена голова безбородого Геракла, а монетная легенда должна читаться как $\Theta\epsilon\omicron\Delta\omicron(\Sigma)$ (Шонон 2002, 330) и т.д.

⁹² Шонон 2002, 330.

⁹³ Мельников 2000, 216.

⁹⁴ Шелов 1956, 220, № 109.

⁹⁵ <http://bosporan-kingdom.com/000-2115/> Нами зафиксировано пока два таких экземпляра.

⁹⁶ Сидоренко, Шонон 2009, 510, рис. 1, 45.

⁹⁷ Сидоренко, Шонон 2009, 512, рис. 1, 3.

⁹⁸ Fritze 1912, 11, № 133, Taf. IV, 19. Единственное, что вызывает некоторые сомнения, – предложенное В.А. Сидоренко и И.В. Шоным описание головного убора. В интересующий нас период для изображений богини (особенно в трехчетвертном ракурсе) характерен или аттический шлем с тремя гребнями (см. табл. II, 8, 11–12), или шлем с трехчастным гребнем (см. табл. II, 9–10), или, в редчайших случаях, коринфский шлем (см. табл. II, 13). Скорее всего, элемент, который исследователи сочли плюмажем, в действительности представляет собой три гребня на навершии шлема.

Прототипом рисунка на оборотной стороне, как считают исследователи, также послужил сюжет одного из кизикских статеров III группы⁹⁹ (см. табл. II, 20). Изображение на аверсе данного кизикина Г. фон Фритце идентифицировал как голову Афродиты¹⁰⁰. Соответственно, по аналогии соавторы определяют божество на оборотной стороне феодосийского экземпляра тоже как Афродиту¹⁰¹.

Чрезвычайно интересна трактовка образов, предлагаемая В.А. Сидоренко и И.В. Шоновым. Так, аверсный рисунок – смотрящая вверх Афина в повороте влево – олицетворяет «триумф победы», а на реверсе представлена «внушающая страх врагу Афродита-спасительница». Как полагают исследователи, выпуск монеты с триумфальными сюжетами был посвящен «успешному завершению первой боспоро-гераклейской [sic! – А.Т.] войны». Они датируют выпуск монет этого типа 390–385 гг. до н.э.¹⁰²

Здесь уместно вспомнить заключение В.П. Алексеева о семантике образов на старших номиналах серии Ф-4: «Благодаря помощи защитницы Афины Паллады, военной мощи грозного Ареса и, главное, содействию Диониса Элевтерия, Феодосия <...> сохранила свою независимость»¹⁰³. К нему присоединяется В.А. Анохин, предполагая, что изображенная на монетах голова Ареса является символом «военного противостояния Феодосии и Боспора»¹⁰⁴.

Все вышеизложенное выглядит вполне убедительно, но требует некоторых уточнений. Первое, о чем следует сказать: хотя сходство реверсного сюжета феодосийской монеты с указанным кизикином (см. табл. I, 22; табл. II, 20) действительно весьма велико, этого недостаточно, чтобы говорить о данном рисунке как об изображении Афродиты.

Отождествлению нашей богини с Афродитой противоречит многое, начиная с выражения лица. Если взглянуть на изображения Афродиты в греческой чеканке V – начала IV вв. до н.э., бросается в глаза некий намек на улыбку, неизменно присутствующий на лице богини любви (табл. II, 14–19). Наиболее отчетливо эта особенность видна на одном из ранних экземпляров книдской эмиссии рубежа VI–V вв. до н.э. (табл. II, 19). Меж тем лик на феодосийской монете строг.

Впрочем, даже если это нюанс, которым можно было бы пренебречь, есть более серьезные доводы. Например, партнерами Афродиты (во всяком случае, на монетах) всегда выступают исключительно мужские божества – среди них Зевс, Посейдон, Арес и др.¹⁰⁵ А самым существенным представляется следующее: образы Афины и Афродиты в греческой чеканке никогда не использовались одновременно! Можно долго рассуждать о том, насколько противоположны сакральные функции этих богинь, однако для того, чтобы понять всю невозможность подобного соседства двух соперниц, достаточно вспомнить миф о суде Париса (хорошо известный и на Боспоре¹⁰⁶).

⁹⁹ Сидоренко, Шонов 2009, 512, рис. 1, 4.

¹⁰⁰ Fritze 1912, 11, № 135, Taf. IV, 21.

¹⁰¹ Сидоренко, Шонов 2009, 510.

¹⁰² Сидоренко, Шонов 2009, 511–513.

¹⁰³ Алексеев 1997, 96.

¹⁰⁴ Анохин 1999, 45.

¹⁰⁵ Delivortias, Berger-Doer, Kossatz-Deissmann 1984, 123–132.

¹⁰⁶ Наиболее яркий пример – краснофигурный кратер со сценой суда Париса из Юз-Обы, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже (инв. № ЮО.-28).

Последний штрих – головной убор. Стефана (диадема) традиционно является своеобразным иконографическим маркером. Несмотря на то, что многие женские божества (в т.ч. и Афина, и Афродита) изображаются с венцом на голове¹⁰⁷, чаще всего стефану носит верховная богиня греческого пантеона – Гера.

Таким образом, перед нами вполне каноническое изображение супруги Зевса – прекрасное, но строгое и властное лицо, длинные волосы, собранные на затылке в пучок (так называемый «κόρυμβος», он же «греческий узел»), в ушах серьги, прическу венчает стефана (см. табл. II, 21–25).

С учетом всего изложенного семантику разбираемого монетного сюжета можно трактовать следующим образом. Если «парадный портрет» Афины является собой демонстративную отсылку к победе Феодосии и ее триумфу над Пантикапеем, то привлечение образа Геры подчеркивает, что полис находится под небесной защитой – смерть Сатира I, поистине чудесное в глазах феодосийцев событие, была наилучшим тому подтверждением. Таким образом, именно этот во всех смыслах уникальный тип как нельзя лучше подходит под определение «мемориальный выпуск», о котором и писал В.Л. Строкин¹⁰⁸.

Сама монета весит 1,78 г при размерах 12×14 мм. В связи со значительной утратой первоначального веса (по краю монеты отсутствует крупный сегмент), В.А. Сидоренко и И.В. Шонов предлагают считать ее тетроболом финикийской системы с условным весом от 2,13 до 2,32 г¹⁰⁹. Более вероятно, однако, что это триобол, поскольку подобный номинал зафиксирован в предыдущей серии Ф-3.

Выпуск монет этого типа мог быть осуществлен только после гибели Сатира I, т.е., не раньше 392/391 или 389/388 г. до н.э. Правда, вызывает некоторое удивление тот факт, что столь значимое для Феодосии событие отобразилось в выпуске монеты не самого высокого достоинства. Тем не менее вполне вероятно, что это могло быть вызвано банальным дефицитом средств, направляемых в первую очередь на военные нужды.

В итоге в состав серии Ф-4 входят:

Серебро: драхмы (зафиксировано 4 шт.; вес от 4,94 до 5,15 г, D от 18 до 19 мм); триоболы (зафиксировано 7 шт.; вес от 2,14 до 2,85 г, D от 13 до 16 мм) и уникальный мемориальный триобол весом 1,48 г;

Медь: дихалки (зафиксировано 43 шт.; вес от 0,98 до 2,20 г, D от 10 до 13 мм); халки (зафиксировано 2 шт. весом 0,60 и 0,75 г, D – 7 и 8 мм соответственно).

Еще раз укажем, что столь разные монеты сводятся в единую серию в первую очередь благодаря общей форме легенды ΘΕΟΔΟ.

С учетом особенности сюжетов серии Ф-4 несомненно, что она чеканилась на первом, удачном для Феодосии, этапе войны¹¹⁰. Этот достаточно короткий пери-

¹⁰⁷ Saglio 1969, 1508.

¹⁰⁸ Строкин 2011, 43.

¹⁰⁹ Сидоренко, Шонов 2009, 510–511. Недавно на сайте «Монеты Боспора. Каталог-архив» появилась информация о новой монете этого типа, весом 2,51 г. и диаметром 14 мм, определяемой как триобол (<http://bosporan-kingdom.com/000-2159/>; см. табл. I, 23). На наш взгляд, этот экземпляр является подделкой. Главное, что заставляет так считать, – прическа Геры, вернее, отсутствие таковой. На фотографии отчетливо видны короткие волосы, что абсолютно нелепо для иконографии богини.

¹¹⁰ Алексеев 1997, 203; Петрова 2000, 75.

од длился с момента начала конфликта (предположительно 394 или 391 г. до н.э.) вплоть до возобновления осады города под руководством Левкона I (предположительно, 391 или 388 г. до н.э.).

Продолжает феодосийскую эмиссию серия Ф-5. На данный момент в нее могут быть включены только два типа медных монет.

Первый тип: Л. с. – профиль безбородого молодого человека в головной повязке влево. О. с. – бодающийся бык на черте вправо, сверху идущая наискосок надпись ΘΕΟΔΟ¹¹¹ (см. табл. I, 24).

Диапазон весов известных экземпляров (от 1,16 г до 2,90 г) в сочетании с изображением антропоморфного персонажа на аверсе позволяет считать их (как и в аналогичном случае в серии Ф-4) дихалками¹¹².

Аверсный рисунок на этих монетах трактуется как голова Аполлона¹¹³ или Афины¹¹⁴. И то, и другое не бесспорно, но нам, как уже говорилось по поводу медных монет серии Ф-4, кажется более правильным отождествлять изображенное на рассматриваемых дихалках божество именно с Аполлоном.

В этой серии впервые появляется образ бодающегося быка: при оформлении реверса дихалков феодосийские монетарии практически детально воспроизвели монетный тип Гераклеи Понтийской (см. табл. III, 9). Предполагается, что это связано с прогераклейской ориентацией Феодосии в ходе ее борьбы против Спартокидов¹¹⁵. Впрочем, нельзя исключать, что для граждан Феодосии первоначальный дионисийский смысл образа¹¹⁶ сохранял свою актуальность наряду с новой политической коннотацией.

Тем не менее, несмотря на поддержку Гераклеи Понтийской и первоначальные успехи феодосийцев, продолжавшаяся война требовала от них все большего напряжения сил. Разумеется, это не могло не отразиться на финансовом положении Феодосии, в частности, совершенно прекратилась чеканка серебра. С возобновлением осады эмиссионная деятельность полиса основывается уже только на меди. В этой связи В.А. Анохин предлагает считать монеты серии Ф-5, которые мы определили здесь как дихалки, чрезвычайным выпуском, обращавшимся по нарицательной стоимости драхмы¹¹⁷ – версия любопытная, но ничем, к сожалению, не подкрепленная.

¹¹¹ Анохин 1986, рис. 2, 82. Благодаря хорошей сохранности надпись ΘΕΟΔΟ отчетливо видна на новых монетах, опубликованных сравнительно недавно, и иных вариантов прочтения не остается (см. табл. I, 24). Таким образом, следует признать разнообразие монетной легенды в феодосийской чеканке: это, в свою очередь, позволяет отклонить версию Н.А. Фроловой, стремившейся объяснить все прочтения, за исключением ΘΕΟΔΕΩ и ΘΕΟΔΕΟ, ошибочной интерпретацией исследователей (Фролова 1999, 310).

¹¹² Коваленко, Молчанов 2005, 61.

¹¹³ Анохин 1986, 139, № 82.

¹¹⁴ Мельников 2000, 216.

¹¹⁵ Шелов 1956, 142–143; Мельников 2000, 210. Справедливости ради нужно отметить, что сцена с бодающимся быком достаточно часто присутствует на монетах конца V – начала IV вв. до н.э. от Италии до Боспора (см. табл. III, 6, 9–18), а с середины IV в. до н.э. популярность этого сюжета возрастает еще больше.

¹¹⁶ См., напр.: Шауб 2007, 273.

¹¹⁷ Анохин 1999, 50.

Таблица II

1 – Синдская чеканка. Тетартеморий, серебро. 427-424/23 гг. до н.э.; 2 – Синдская чеканка. Диобол, серебро. 424/23-400 гг. до н.э.; 3 – Пантикапей. Диобол, серебро. 428 г. до н.э. – перед 410–405 гг. до н.э. (т.е., незадолго до аннексии Нимфея); 4 – Нимфей. Диобол, серебро. 410/9 (405?) – 405 (403?) гг. до н.э.; 5 – Пантикапей. Диобол, серебро. 405 гг. до н.э. – начало IV в. до н.э.; 6 – Атандрос (Троада). Гемидрахма, серебро. 420–400 гг. до н.э.; 7 – Аканфос (Македония). Тетрадрахма, серебро. 430–390 гг. до н.э.; 8 – Сиракузы (Сицилия). Драхма, серебро. Дионисий I, 405–400 до н.э.; 9 – Гераклеон (Лукания). Статер, серебро. 433–400 гг. до н.э.; 10 – Лампсак (Мизия). Статер, золото. 390–340 гг. до н.э.; 11 – Ликия. Трите (1/3 статера), серебро. 400–380 гг. до н.э.; 12 – Кизик. Статер, электр. 475–410 гг. до н.э.; 13 – Фарсала (Фессалия). Тригемиибол, серебро. 424–405/4гг. до н.э.; 14 – Книд. Кария. Драхма, серебро. 411–394 гг. до н.э.; 15 – Книд. Кария. Драхма, серебро. 394–390 гг. до н.э.; 16 – Нагидос. Киликия. Статер, серебро. 400–380 гг. до н.э.; 17 – Сиракузы. Сицилия. Тетрадрахма, серебро. 420–415 гг. до н.э.; 18 – Проконес. Гемидрахма, серебро. 430–370 гг. до н.э.; 19 – Книд. Кария. Тригемиибол, серебро. Ок. 500 г. до н.э.; 20 – Кизик. Статер, электр. 475–410 гг. до н.э.; 21 – Герейя (Аркадия). Гемидрахма, серебро. 480–470 гг. до н.э.; 22 – Аргос. Статер, серебро. 430–330 гг. до н.э.; 23 – Амис. Драхма, серебро. 400–360 гг. до н.э.; 24 – Олимпия. Статер, серебро. 420 г. до н.э.; 25 – Кромна (Пафлагония). Дидрахма, серебро. Середина IV в. до н.э.

Выпуск монет этого типа относят к 390–385 гг. до н.э.¹¹⁸, 385–380 гг. до н.э.¹¹⁹, или, более осторожно, – просто к середине IV в. до н.э.¹²⁰

Младший номинал серии представлен пока единственным экземпляром типа «голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестилучевая звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΟΣ»¹²¹. Вес – 0,44 г, D – 8 мм¹²². Наличие монетной легенды позволяет по примеру предшествующих серий оценивать достоинство младшего номинала как халк. Отнесение данной монеты именно к серии Ф-5 обусловлено левосторонней ориентацией аверсного рисунка, как и на дихалках (забегая вперед, скажем, что по этому же принципу объединены и монеты серии Ф-6). Представленная аргументация может показаться не слишком убедительной, ведь по указанному параметру этот экземпляр вполне подходит и к предыдущей серии. Однако ниша халков серии Ф-4 уже занята, и дублирование данного номинала монетами совершенно другого типа в рамках одной серии представляется нецелесообразным.

Согласно датировке В.И. Суханова, выпуск подобных халков приходится на период 393–389 гг. до н.э.¹²³ Исследователь полагает, что опубликованный им экземпляр был последним в ряду медных монет с оформлением: «голова быка в трехчетвертном повороте – звезда, название полиса»¹²⁴. К сожалению, этот вывод ничем конкретным не подтвержден.

Большое количество известных нам дихалков серии Ф-5 (это второй по численности тип феодосийской меди – на сегодняшний день имеется информация по 51 экземпляру, вес от 1,16 до 2,84 г, D от 11 до 15 мм) позволяет считать их выпуск достаточно продолжительным. На наш взгляд, эта чеканка приходится на период с 391 (или 388) г. до н.э. до начала первой половины или середины 80-х гг. IV в. до н.э. соответственно.

Заключительная серия автономного периода феодосийской чеканки, как и предыдущая, состоит из медных монет двух видов.

1) Л. с. – голова Аполлона вправо. О. с. – шестиконечная звезда, между лучами буквы Θ-Ε-Ο-Δ-Ο-Σ (табл. I, 23). По аналогии с предшествующими сериями Ф-4 и Ф-5 (т.е. по причине изображения на аверсе этих монет головы божества) мы можем определить их номинал, невзирая на малый вес, как дихалк. Известны четыре экземпляра (вес от 0,33 до 1,77 г, D от 11 до 13 мм¹²⁵).

2) Л. с. – голова быка вправо. О. с. – шестиконечная звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΟΣ, идущая против часовой стрелки. Известны два таких экземпляра.

¹¹⁸ Анохин 1999, 50.

¹¹⁹ Сидоренко, Шонов 2009, 513–514.

¹²⁰ Зограф 1951, 244, № 3; Мельников 2000, 216.

¹²¹ Облик этой монеты практически повторяет внешний вид халков серии Ф-2; разница заключается только в повороте головы быка и форме написания монетной легенды.

¹²² Суханов 2005, 432, рис. 1, 2.

¹²³ Суханов 2005, 434.

¹²⁴ Суханов 2005, 435.

¹²⁵ Как полагает О.Н. Мельников, монета именно этого типа была опубликована М.И. Золотаревым (Золотарев 1984, 89, № 2, вклейка В; Мельников 2000, 217). Такого же мнения придерживаются С.А. Коваленко и А.А. Молчанов (Коваленко, Молчанов 2005, 62, № 40, рис. 2, 6). Более того, они считают, что М.И. Золотарев по ошибке поместил на вклейке фотографию не описываемой им монеты типа «голова быка – звезда» (Золотарев 1984, 89 № 3, вклейка С), а этого редчайшего экземпляра (Коваленко, Молчанов 2005, 59). По-видимому, следует согласиться с этим заключением.

Одна монета принадлежит коллекции У. Стенкомба (Лондон), ее вес – 1,05 г¹²⁶ (см. табл. I, 24). С.А. Коваленко и А.А. Молчанов относят ее к типу «голова быка вправо – семиконечная (sic!) звезда, Θ–Ε–Ο–Δ–Ε–Ο–Σ»¹²⁷. Хотя лицевая сторона лондонского экземпляра сильно затерта, тем не менее в передаче изображения животного действительно наблюдается определенное сходство с аверсным рисунком халков серии Φ-1. Одновременно на реверсе ясно читается окончание легенды –ΔΟΣ, эпсилон там нет (в английском издании в описании предложено именно чтение ΘΕΟΔΟΣ¹²⁸).

Второй, довольно любопытный экземпляр этого же типа (вес – 0,48 г) из частной коллекции был опубликован В.И. Сухановым¹²⁹. Ввиду плохого качества фотографии необходимо привести авторское описание этой монеты: «Л. с. – голова быка в s¹³⁰ вправо. О. с. – шестилучевая звезда с надписью против часовой стрелки ΘΕΟΔ[Ο]Σ. Кроме того, на реверсе хорошо виден след так называемого “двойного удара”»¹³¹.

С одной стороны, В.И. Суханов подчеркивает, что подобные ошибки при чеканке, как правило, были спровоцированы большим объемом работ, которые следовало выполнить за краткий срок. Тогда мы должны предполагать, что выпуск монет, чеканенных такими штемпелями, был достаточно велик. Редкость же обнаруженных экземпляров данного типа может быть объяснена тем, что после захвата Феодосии указанная серия (да и вообще вся феодосийская медь) активно изымалась, чтобы быть впоследствии переплавленной в пантикапейскую монету¹³². Предложенный сценарий вполне правдоподобен, но, к сожалению, трудно доказуем.

Если принять во внимание форму написания монетной легенды ΘΕΟΔΟΣ на исследуемых экземплярах, то, казалось бы, их нужно объединить с предыдущей серией. Однако едва ли возможно, чтобы в рамках одной серии чеканились монеты одинакового достоинства (в нашем случае – дихалки и халки), но с серьезными типологическими отличиями¹³³. Таким образом, мы вынуждены считать описанные монеты отдельным выпуском.

Повторим, что на сегодняшний день зафиксированы всего лишь четыре дихалка и два халка серии Φ-6. Время их чеканки следует отнести, вероятно, к началу – середине второй половины 80-х гг. IV в. до н.э.

Прекращение автономной феодосийской чеканки, безусловно, связано с захватом города войсками Пантикапея¹³⁴. Большинство исследователей полагает,

¹²⁶ SNG Stancomb 2000, pl. XXVIII.

¹²⁷ Коваленко, Молчанов 2005, 60, № 2.

¹²⁸ SNG Stancomb 2000, 616.

¹²⁹ Суханов 2005, 432, рис. 1, 1.

¹³⁰ Что означает это «s», непонятно, но всякий раз при упоминании данного экземпляра автор употребляет именно этот символ. Только в конце статьи В.И. Суханов дает четкое определение изображения головы быка как трехчетвертного (Суханов 2005, 434).

¹³¹ Суханов 2005, 432.

¹³² Суханов 2005, 432.

¹³³ Конечно, это не относится к монетам специального, коммеморативного назначения.

¹³⁴ Следует особо отметить мнение О.Н. Мельникова, который хотя и придерживается ранней даты падения Феодосии, но предполагает продолжение ее эмиссионной деятельности и после утраты независимости. Основой для гипотезы послужил факт изменения в монетной легенде: с ΘΕΟΔΕΩ(Σ) на ΘΕΟΔΟ(Σ), которое могло произойти только после подчинения города власти Левко-

что борьба за Феодосию завершилась (успешно для Боспора) в первые годы правления Левкона I, т.е. в начале или середине 380-х гг.¹³⁵

В то же время существуют версии, согласно которым завершение конфликта могло произойти гораздо позднее. Так, по мнению В.Ф. Гайдукевича и Э.Д. Фролова, поражение Феодосии стало следствием внутренней борьбы в Гераклее Понтийской. Гераклеийские междоусобицы завершились в 364 г. до н.э. установлением тирании, а Феодосия, оставшаяся в результате без поддержки, была захвачена Левконом I¹³⁶. Согласно С. Берстейну, военные действия завершились между 370 и 354 гг. до н.э., что также обусловлено отказом в помощи со стороны гераклейцев¹³⁷. Наиболее конкретен А.А. Завойкин, который предлагает датировать падение полиса периодом между 366/365 и 364/363 гг. до н.э.¹³⁸

Тем не менее представленная нами схема феодосийских выпусков может служить серьезным аргументом против омоложения даты окончания боспоро-феодосийской кампании. Характер известных на настоящий момент монетных серий, их состав и объем не позволяют продлить время существования независимой феодосийской эмиссии дольше конца 80-х гг. IV в. до н.э. Единственное, что может повлиять на эту датировку, – обнаружение новых типов монет Феодосии, которые будут представлять собой отдельные серии¹³⁹.

Как представляется, именно такой порядок и состав монетных выпусков наиболее адекватно отражает эмиссионную деятельность Феодосии конца V – начала IV вв. до н.э. Основопологающим признаком для построения данной схемы, ввиду многообразия феодосийской типологии, выступает форма монетной легенды. Одинаковое написание легенды в большинстве случаев позволяет сводить монеты разных типов, изготовленные из разных металлов, в единую серию.

Трудно с уверенностью выделить фактор, который стал определяющим для возникновения монетного дела Феодосии. Как и многие греческие полисы, она была основана выходцами из Милета в середине VI в. до н.э.¹⁴⁰ Однако слабая археологическая изученность полиса и его округа препятствует делать сколько-нибудь определенные выводы об экономической жизни Феодосии в VI–V вв. до н.э. Если согласиться с мнением о том, что появление местной чеканки в конце V в.

на I (Мельников 2000, 212). Эта версия, правда, очень осторожно, была поддержана и Э.Б. Петровой (Петрова 2010, 325).

¹³⁵ Блаватская 1993, 40; Молев 1997, 75; Анохин 1999, 50–51; Коваленко 1999, 121; Мельников 2000, 212; Гаврилов 2004, 6; Горончаровский 2015, 123.

¹³⁶ Гайдукевич 1949, 59. прим. 17; Фролов 1974, 130.

¹³⁷ Burstein 1974, 405 f., 416.

¹³⁸ Завойкин 2013, 373, 498.

¹³⁹ Здесь в качестве примера можно вспомнить сообщение об уникальном экземпляре феодосийской меди: «голова Девы в кекрифале вправо – шестиконечная звезда, между лучами надпись ΘΕΟΔΕΟ» (Золотарев 1984, 90; Фролова 1999, 307). К сожалению, отсутствие фотографий или хотя бы прорисовок этого типа низводит информацию в ранг слухов и приводит к различного рода домыслам. Так, неопределенность в этом вопросе привела к тому, что Н.А. Фролова предположила, будто бы монета из коллекции Л.И. Резника с легендой ΘΕΟΔΟΣ, опубликованная В.А. Анохиным под № 83 (Анохин 1986, 139, № 83, рис. 2, 83), является экземпляром, известным М.И. Золотареву (к такому же выводу склоняется О.Н. Мельников – Мельников 2000, 212), а монетная легенда на нем должна читаться как ΘΕΟΔΕΩ (Фролова 1999, 307). Единственное, что может способствовать атрибуции, – более точные сведения об этом или подобных экземплярах. В противном случае гораздо больше оснований ставить под сомнение сам факт существования этой находки.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Петрова 2000, 46.

до н.э. вызвано в первую очередь сугубо экономическими причинами¹⁴¹, то приходится констатировать, что развитие Феодосии происходило достаточно скромными темпами по сравнению с Пантикапеем (что, кстати, было характерно и для других боспорских полисов).

В этом плане весьма показателен хрестоматийный пассаж из речи Демосфена «Против Лептина», где оратор перечисляет благодеяния, которыми афиняне обязаны боспорскому «правителю» Левкону (Λεύκωνα τὸν ἄρχοντα Βοσπόρου). Левкон, дабы соблюсти, по словам Демосфена, интересы афинских купцов, даровал им право беспошлинной торговли в устроенной им новой торговой гавани – Феодосии; а этот порт, по словам моряков, «ничуть не хуже Боспора», т.е. Пантикапея (Demosth. XX [Contra Lept.], 33¹⁴²). Как видим, феодосийцы, владея превосходной гаванью, не могли эксплуатировать ее в полном объеме вплоть до присоединения к державе Спартокидов. Впрочем, жители полиса осваивали доставшиеся им природные ресурсы в той мере, в какой позволяли их собственные силы¹⁴³.

Отсюда следует, что только через полтора столетия своего существования Феодосия достигла такого уровня развития, который потребовал введения собственной монеты. Необходимо, однако, заметить, что подобный срок не является чем-то необычным и характерен для многих греческих колоний¹⁴⁴.

В то же время существует мнение об исключительно политическом, декларативном характере феодосийских выпусков. Согласно этой теории, чеканка собственной монеты большей частью была направлена на демонстрацию своей самостоятельности перед лицом Пантикапея¹⁴⁵.

Тем не менее, как представляется, отнюдь не осложнение отношений с Пантикапеем (или, по крайней мере, не только оно) стало причиной появления феодосийской эмиссии. Мы уже говорили, что в случае Нимфея, действительно, таким способом проявлено отчетливое желание дистанцироваться от сильного соседа. Но даже там главная задача местной чеканки заключалась в первую очередь в обеспечении внутреннего денежного рынка, и способствовала устранению зависимости полисной экономики от пантикапейской монеты.

Существование же подобной зависимости в Феодосии вызывает сильнейшие сомнения. Необходимо учесть, что значительная удаленность Феодосии от Пантикапея по сухопутью должна была препятствовать массовому проникновению пан-

¹⁴¹ Петрова 2000, 67; Суханов 2005, 431–432.

¹⁴² ὥστε προσκατασκευάσας ἐμπόριον Θεοδοσίαν, ὃ φασιν οἱ πλείοντες οὐδ' ὅτι οὖν χεῖρον εἶναι τοῦ Βοσπόρου, κἀνταῦθ' ἔδωκε τὴν ἀτέλειαν ἡμῖν [<даже> когда он (т.е. Левкон) устроил в Феодосии торговый порт – да такой, что все, кто там бывает, говорят, что ничуть не хуже <самого> Боспора, то и тогда даровал нам право торговать беспошлинно] (пер. Л.Д. Блюмина).

¹⁴³ Сложный и интересный путь к пониманию этого, на первый взгляд, однозначного пассажа предложен в новейшем британском комментарии к речи «Против Лептина» (Kremmydas 2012, 253–254). Х. Креммидас, успешно применяя, наряду с историко-источниковедческим, филологический метод, аргументировано показывает, что в разбираемом отрывке речь идет не о строительстве в Феодосии новой гавани или реорганизации уже существующей, но о том, что после аннексии города Левкон, укрепляя собственное коммерческое могущество, сделал город эмпорием (т.е. особым типом поселения, ведущего самостоятельную торговлю) и вывел его таким образом на принципиально новый, международный уровень.

¹⁴⁴ Терещенко 2004, 9–12.

¹⁴⁵ Дюков 1968, 12–13.

тикапейской монеты на феодосийский рынок. Активной морской торговли между этими полисами также не прослеживается¹⁴⁶.

Наконец, демонстративный выпуск собственной монеты исключительно в *политических* целях в преддверии военных действий выглядит с экономической точки зрения действием, лишенным всякого смысла.

Рассмотрим эту проблему с позиций типологического анализа серии Ф-1.

Реверсный рисунок – «голова быка», образ, который широко распространен в греческой чеканке и не имеет однозначной трактовки. При этом необходимо упомянуть, что изображение быка на серебре первой феодосийской серии имеет сильное сходство с изображением животного на самосских и лесбосских монетах VI–V вв. до н.э. (см. табл. III, 1–5). С.А. Коваленко и А.А. Молчанов прямо указывают на «поразительную типологическую и стилистическую близость» феодосийских монет к электровым гектам Митилены¹⁴⁷.

Чрезвычайно необычен и интересен рисунок на лицевой стороне. Его принято трактовать максимально нейтрально: «голова мужчины»¹⁴⁸. Теперь, с появлением новых, хорошо сохранившихся экземпляров, становится ясно, что перед нами изображение молодого мужчины в головной повязке, с усами и небольшой бородкой (см. табл. I, 1), но до сих пор остается загадкой, что это за персонаж.

На первый взгляд, в качестве наиболее подходящей кандидатуры сразу представляется самый известный и чтимый герой греческой мифологии – Геракл. Во всяком случае, его образ присутствует на феодосийских драхмах III в. до н.э.¹⁴⁹ (см. табл. I, 27). Однако рисунок на феодосийском серебре первой серии слишком уж не соответствует каноническому облику Геракла. На монетах его изображают обязательно или в львиной шкуре, или с соответствующими атрибутами (палица, лук); нередки и сюжеты со сценами его подвигов¹⁵⁰.

Более того: при всестороннем анализе изображения следует признать, что рисунок мужской головы совершенно нетипичен для сюжетов с участием Геракла, не только в монетной чеканке, но и в вазовой живописи. Например, в мюнхенском каталоге расписной античной керамики представлено всего два изображения Геракла, которые лишь в малой степени могут быть сопоставлены с изображением на монетах Феодосии¹⁵¹. Отметим, что на этих рисунках также имеются атрибуты, принадлежащие герою и ассоциирующиеся только с ним. Таким образом, если допустить, что на первых монетах Феодосии изображен Геракл, то он представлен в совершенно нетрадиционной манере, и дать этой загадке логическое разрешение невозможно.

По той же причине, т.е. из-за отсутствия хоть каких-то конкретных атрибутов, персонаж на монетах серии Ф-1 не может быть с уверенностью соотнесен ни с одним мужским божеством греческого пантеона. Единственное предположение, которое нельзя однозначно исключать, – что перед нами изображение Диониса (хотя и не вполне каноническое).

¹⁴⁶ На сегодняшний день находок пантикапейских монет, датируемых VI–V вв. до н.э., в Феодосии и ее окрестностях не зафиксировано.

¹⁴⁷ Коваленко, Молчанов 2005, 51–52, рис. 1, 2, 3.

¹⁴⁸ Шелов 1956, 40; Анохин 1986, 138; Мельников 2000, 214.

¹⁴⁹ Шелов 1956, рис. IX, 9, 111; Анохин 1986, рис. 2, 90; Гаврилов, Шонон 2007, рис. 2, 6.

¹⁵⁰ Boardman et al. 1988, 728–838; Boardman et al. 1990, 1–192, fig. 35, 38, 171, 218 et passim.

¹⁵¹ Pfuhl 1923, № 314, 392.

Дело в том, что некоторое отдаленное сходство с феодосийскими экземплярами (в том числе и сюжетное) наблюдается в монетном деле Лампонеи (Города). Это монеты, датируемые концом V – началом IV вв. до н.э. типа «голова бородатого Диониса вправо – букраний»¹⁵² (см. табл. III, 22). Любопытно, что в 2006 г. в окрестностях Феодосии была найдена монета, приписанная к ранней (510–503 гг. до н.э.) феодосийской чеканке¹⁵³ (см. табл. III, 23). Однако нет никаких сомнений в том, что это гемидиобол из Лампонеи (см. табл. III, 24). Выпуск номиналов данного типа осуществлялся в первой половине V в. до н.э.¹⁵⁴ Эта находка указывает на возможное наличие торговых связей между полисами и, соответственно, некоторый культурный обмен.

Впрочем, вероятность представленного варианта ничтожно мала: еще раз повторим, что рисунок мужской головы на монетах серии Ф-1 все-таки слишком необычен и нехарактерен для иконографии греческого пантеона.

Другие варианты идентификации персонажа целиком зависят от интерпретации монетной легенды. Варианты ее прочтения (особенно версия ΘΕΟΔΕΟ, поскольку от нее невозможно образовать известное нам сегодня полное название полиса Θεοδοσία) вообще вызвали массу споров и затруднений у исследователей. Предположение, что за чтением ΘΕΟΔΕΟ стоит некое догреческое название города, позднее переосмысленное эллинским населением¹⁵⁵, производит в общем впечатление *ultimum refugium desperationis*. В дальнейшем, из-за отсутствия удовлетворительного объяснения, время от времени продолжали появляться гипотезы разной степени достоверности¹⁵⁶.

В конце 1980-х гг. В.Ф. Столба высказал мнение, что надпись ΘΕΟΔΕΟ могла быть генетивом единственного числа от личного имени тирана неизвестного центра, либо героя-ктиста Феодосии, более склоняясь ко второму варианту¹⁵⁷. Эту же точку зрения разделяет Э.Б. Петрова. Она, зная уже о существовании новых экземпляров этого типа, с большей долей уверенности полагает монетную легенду ΘΕΟΔΕΟΣ личным именем ойкистра Феодосии – в ее транскрипции, *Teodeosa*¹⁵⁸. По версии С.Р. Тохтасьева, на монетах присутствует имя героизированного основателя и эпонима Феодосии, которое могло звучать как Θεοδόσιος (Феодосий) или Θεοδότιος (Феодотий)¹⁵⁹.

¹⁵² SNG Copenhagen 1945, № 444.

¹⁵³ Мельников 2009, 190. В настоящее время эта монета хранится в Феодосийском музее денег как ранняя феодосийская монета, <http://www.museum-of-money.org/goroda-feodosii/192-goroda-feodosii/1166-monety-feodosii-v-v-do-n-e-iii-v-do-n-e>

¹⁵⁴ SNG Tübingen 1989, № 2648.

¹⁵⁵ Эту версию предложил в XIX в. Б.В. Кене, а в XX поддержал Д.Б. Шелов (Кене 1857, 271, 276; Шелов 1956, 41–42).

¹⁵⁶ Основные версии исчерпывающе отреферированы В.Ф. Строкиным (Строкин 2011, 49–50); наиболее одиозное предположение – сознательное переименование города из «Богобязненного» в «Богоданный». После консультации с коллегами-филологами из Санкт-Петербургского института истории РАН и СПбГУ мы отказались от идеи трактовать чтение ΘΕΟΔΕΟ как гипернионизм, предлагавшейся несколько раз (Яйленко 2009, 523; Saprykin, Fedoseev 2010, 424) и соблазнительной лишь на первый взгляд (приводимые аналогии следует, судя по всему, признать мнимыми; по свидетельству В.Ф. Строкина (Строкин 2011, 49, прим. 62), С.Р. Тохтасев также отвергает эту версию).

¹⁵⁷ Столба 1989, 147–148.

¹⁵⁸ Петрова 2000, 51; 2010, 335.

¹⁵⁹ Тохтасев 2004, 154, прим. 39.

Таблица III

1 – Самос. Тригемиибол, серебро. 522–513 гг. до н.э.; 2 – Лесбос. Статер, билон. 510–500 гг. до н.э.; 3 – Лесбос. Гекта, электр. Ок. 465 гг. до н.э.; 4 – Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 454–427 гг. до н.э.; 5 – Митилена (Лесбос). Обол, серебро. 440–400 гг. до н.э. 6 – Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 377–326 гг. до н.э.; 7 – Ольвия. Гемиибол, серебро. Рубеж V–IV вв. начало IV в. до н.э.; 8 – Ольвия. Обол, медь. Вторая четверть V в. до н.э.; 9 – Гераклея Понтийская. Драхма, серебро. 394–364 гг. до н.э.; 10 – Фурии (Лукания). Драхма, серебро. 425–400 гг. до н.э.; 11 – Фурии (Лукания). Тетрадрахма, серебро. 400–350 гг. до н.э.; 12 – Посейдония (Лукания). Медь. 420–390 гг. до н.э.; 13 – Кранон (Фессалия). Халк, бронза. Первая половина IV в. до н.э.; 14 – Флиос (Пелопоннес). Драхма, серебро. 400–375 гг. до н.э.; 15 – Гела (Сицилия). Медь. 420–405 гг. до н.э.; 16 – Имихара (Сицилия). Литра, серебро. Ок. 400 г. до н.э.; 17 – Фигела (Иония). Медь. 400–380 гг. до н.э.; 18 – Херсонес Фракийский. Медь. 386–309 гг. до н.э.; 19 – Абдера. Статер, серебро. 415–395 гг. до н.э.; 20 – Кизик. Тетрадрахма, серебро. 398–396/5 гг. до н.э.; 21 – Милет. Тетрадрахма, серебро. 413–412 гг. до н.э.; 22 – Лампонея (Троада). Гемидрахма, серебро, конец V – начало IV вв. до н.э.; 23 – Обол, серебро. Монета найдена в окрестностях Феодосии и определена как ранний чекан Феодосии 510–503 гг.; 24 – Лампонея (Троада). Гемиибол, серебро. IV в. до н.э.

Не исключено, что надпись ΘΕΟΔΕΟ(Σ) действительно представляет собой сокращенное или полное имя конкретного человека. В этом случае аверсное изображение на серебре серии Ф-1 можно рассматривать как портретное, тем более что подобные прецеденты известны. Таковы электроновые монеты Фокеи – согласно В. Швабахеру, самые ранние монеты с портретами (около 450 г. до н.э.). Имя в качестве монетной легенды впервые появляется на абдерской тетрадрахме (430–425 гг. до н.э.), где портретное изображение дополнено надписью «Πιθαγόρ»¹⁶⁰ (см. табл. III, 19).

Слабое место нашей гипотезы в том, что на феодосийских экземплярах надпись находится с обратной стороны предполагаемого портрета, а имена помещаются, как правило, рядом с изображаемым персонажем. Впрочем, и здесь встречаются исключения – серебряная тетрадрахма Милета (413–412 гг. до н.э.) с изображением персидского сатрапа Тиссаферна (см. табл. III, 21).

Учитывая, что аверсный рисунок на серебре первой серии, как нам кажется, действительно имеет некоторые индивидуальные черты лица, следует признать точку зрения В.Ф. Столбы, Э.Б. Петровой и С.Р. Тохтасьева наиболее вероятной.

В свою очередь рискуем предложить следующий сценарий появления феодосийской эмиссии, становления и трансформации ее типологии.

Итак, к концу V в. до н.э. экономическое развитие Феодосии достигло такого уровня, при котором выпуск собственной монеты стал насущной необходимостью. При этом данная акция, конечно, преследовала и политические, в каком-то смысле даже декларативные цели. Если мы соглашаемся с мыслью о том, что на аверсном рисунке серебра серии Ф-1 представлен идеализированный образ основателя-эпонима Феодосии, становится ясно: такого рода чеканка могла быть инспирирована кем-то из членов его рода, имевшего в городе немалое влияние.

Более того, прямой потомок ктиста-эпонима Феодосии вполне мог быть тираном. В таком случае выпуск подобной монеты стал бы для него наиболее действенным способом сохранить память о заслугах предка и подтвердить свое право на правление. Вспомним также, что основатели городов в греческой истории часто героизировались, а герои представлялись уже не просто людьми, но некими высшими существами, приближенными к миру богов. В итоге монета получала вдобавок словно бы «божественную санкцию».

Еще одним фактом в пользу данной гипотезы, на наш взгляд, выступает дальнейшее развитие облика феодосийской чеканки. В первую очередь удивляет внезапное появление новых, практически ничем не связанных с предшествующим выпуском, сюжетов на серебре и новой формы написания городской легенды (см. серию Ф-2: табл. 1, 4, 5). Правда, характер оформления медных монет, демонстрирующих равномерное типологическое развитие, полностью сохраняется (см. табл. I, 2, 3, 6–10). Вместе с тем радикальное изменение внешнего вида сере-

¹⁶⁰ Schwabacher 1968, 795. А.Н. Зограф при описании новых поступлений в Государственный Эрмитаж также отметил несколько монет подобного вида. Среди них наиболее интересной представлялась монета из Кизика «с достоверным портретом, снабженным и именем изображенного. Буквы ...ΑΒΑ... представляют конечную часть круговой надписи ΘΑΡΝΑΒΑ». Вслед за Э. Бабеллоном, А.Н. Зограф датировал выпуск экземпляров этого типа 410 г. до н.э. (Зограф 1929, 20, рис. II, 5; см. табл. I, 20). Однако присутствующий на реверсе монеты *circulus incusus* заставляет отнести ее чеканку к началу IV в. до н.э., более точно, к 398–396/395 гг. до н.э. (SNG von Aulock 1957, № 1216; SNG France 1994, № 395).

бряных номиналов заставляет задуматься о том, какие серьезные события в жизни полиса нашли отражение в монетной чеканке.

В.А. Сидоренко и И.В. Шонов предположили, что «отчетливое влияние афинской типологии»¹⁶¹ вызвано вхождением Феодосии (не ранее 410 г. до н.э.) в Афинский морской союз¹⁶². В.Л. Строкин, наиболее убежденный и последовательный приверженец теории о сильнейшем влиянии Афин на политическую и экономическую¹⁶³ жизнь полисов Северного Причерноморья, связывает инициацию выпуска монет с головой Афины с победой Алкивиада, одержанной им при Кизике над спартанским флотом в 410 г. до н.э. Он полагает, что после этого события «самым решительным образом укрепилась обороноспособность города [т.е. Феодосии – А.Т.], а также позиции проафинской (и, разумеется, анτισпартокидовской) партии власти»¹⁶⁴. Таким образом, автор подразумевает существование в конце V в. до н.э. если не открытой конфронтации Афин и Боспора, то, по крайней мере, серьезного противостояния между ними¹⁶⁵.

На наш взгляд, все эти версии излишне прямолинейны и ведут в неправильном направлении. Данную ситуацию необходимо рассматривать в совершенно ином ракурсе, поскольку при интерпретации сюжетов античных монет основополагающим является их сакральное значение¹⁶⁶.

В качестве примера обратимся к истории монетного дела северо-западного Причерноморья.

Ближайшую по времени аналогию реверсному рисунку (букраний) второй серии феодосийских монет мы встречаем в Ольвии, которая, как и Феодосия, основана выходцами из Милета. В Ольвии же, как известно из сообщения Геродота и из эпиграфических документов, уже с конца VI в. до н.э. существовал культ Диониса¹⁶⁷. Выпуск оболлов и гемиоболлов с изображениями букрания и тирса и легендой ОΛΒΙ/ΟΛΤΤ свидетельствует о государственном характере почитания божества¹⁶⁸ (см. табл. III, 7). Правда, эти монеты достаточно редки, датируются они или 410–400 гг. до н.э.¹⁶⁹, или первой половиной IV в. до н.э.¹⁷⁰

Другой интересующий нас сюжет – голова Афины – также присутствует в ольвийской эмиссии. Появление образа богини на полисной монете П.О. Карышковский объяснял исключительно внешними факторами – победой Афин в греко-персидской войне и формированием Афинского морского союза¹⁷¹. Это довольно неожиданно: культ Афины засвидетельствован в Ольвии по меньшей мере с конца VI в. до н.э.¹⁷²

¹⁶¹ Т.е. изображение головы Афины на аверсе серебряных монет серии Ф-2.

¹⁶² Сидоренко, Шонов 2009, 504.

¹⁶³ В том числе и в «финансово-эмиссионной сфере» (Строкин 2011, 38).

¹⁶⁴ Строкин 2011, 46.

¹⁶⁵ Строкин 2011, 48. Впрочем, рассуждение В.Л. Строкина оказывается несостоятельным в свете исследований И.Е. Сурикова, где убедительно показано, что от первых лет Спартокидов и до времени Александра между Афинами и Боспорским царством всегда царили дружеские отношения (Суриков 2013, 283–293; 2015, 347).

¹⁶⁶ Терещенко 2012, 120.

¹⁶⁷ Карышковский 2003, 94; Шайб 2007, 201.

¹⁶⁸ Шайб 2007, 202.

¹⁶⁹ Анохин 1989, 23.

¹⁷⁰ Карышковский 1988, 52–53; Алексеев, Лобода 2013, 111.

¹⁷¹ Карышковский 1988, 45–46.

¹⁷² Русаева 1992, 90–96; 2005, 382–384.

Поэтому логичнее, на наш взгляд, предположить, что посредством выпуска первой серии знаменитых литых ассов типа «голова Афины, дельфин – солярное колесо» (вторая четверть V в. до н.э.¹⁷³, см. табл. III, 8) подтверждался официальный статус культа богини.

Здесь необходимо сказать несколько слов об особенностях почитания Афины в Ольвии. В частности, по мнению И.Ю. Шауба, богиня изначально воспринималась верующими как покровительница и защитница полиса. И.Ю. Шауб также подчеркивает, что на примере ольвийского культа Афины особенно отчетливо видны следы ее «происхождения от Великой богини Эгеиды», которых Афина, собственно, не теряла никогда¹⁷⁴. Как представляется, данные наблюдения чрезвычайно важны для истинного понимания глубинной «сущности» божества и многоплановости образов, используемых в монетной чеканке.

Кроме того, нам известно, что в начале IV в. до н.э. в Ольвии было открыто производство свинцовых предметов в виде букраниев и двулезвийных секир (лабрисов). Предполагается, что в этих вотивах возродились древнейшие представления религии минойского Крита, где «лабрис был не только одним из символов могущества Великой богини, но и одним из ее воплощений, а букраний – символом ее умирающего и воскресающего спутника, почитавшегося в виде быка»¹⁷⁵. Данные находки наглядно подтверждают: тесная связь между Дионисом и Великой богиней (в ипостаси Афины) была хорошо известна в Северном Причерноморье.

Отсюда можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что связь «Афина – букраний» на феодосийских монетах обусловлена в первую очередь мифологической схемой, наследуемой от религиозных воззрений мира Эгеиды. Конечно, помещение на монеты наиболее яркого дионисийского символа официально подтверждает государственный статус культа Диониса (как и Афины), но, как представляется, для монетариев Феодосии это была скорее сопутствующая задача.

Так что же стало причиной, повлекшей смену облика феодосийского серебра – от предполагаемого портрета ктиста-эпонима к образу Афины?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, мы можем найти все в той же Ольвии, на примере ее монет с изображением букrania. Чрезвычайно изящное обоснование выпуска этой серии было предложено В.П. Алексеевым и П.Г. Лободой: «Основная религиозная идея культа орфического Диониса – освобождение души от тела-тюрьмы – могла быть сконцентрирована в самом общем виде в понятии “освобождение” и экстраполирована в социально-политическую и военную сферы для прокламации на монетах полиса (“букраний – тирс”) освобождения Ольвии от двойного гнета – собственных тиранов и скифского протектората (рубеж V–IV вв. или начало IV в. до н.э.)»¹⁷⁶. Хотя на сегодняшний день превалирует мнение, что ознаменованием этих событий стало введение в Ольвии культа Зевса Элевтерия¹⁷⁷, тем не менее это ни в коей мере не противоречит и вышеизложенной версии.

¹⁷³ Карышковский 1988, 41–45.

¹⁷⁴ Шауб 2007, 222–223.

¹⁷⁵ Шауб 2007, 204–205.

¹⁷⁶ Алексеев, Лобода 2013, 112.

¹⁷⁷ Виноградов 1989, 138.

Таким образом, мы можем предположить следующий сценарий событий: до насильственного включения в державу Спартокидов Феодосия шла по пути развития классического греческого полиса. Т.е. вполне вероятно, что в истории Феодосии имелся период, когда городом управляли тираны (последняя четверть V в. до н.э.). Следовательно, появление образа Афины – защитницы полиса и символа Диониса-освободителя на второй серии феодосийских монет, по аналогии с Ольвией, можно воспринимать как некоторое свидетельство о свержении тирании. Кстати, тем же самым можно объяснить и новую форму начертания имени города.

Любопытно, что очередное видоизменение легенды в сериях Ф-4 и Ф-5 также сопровождается введением в монетные сюжеты новых божеств – Ареса, Геры, Аполлона. Вряд ли это можно считать случайным совпадением, но у нас пока слишком мало фактического материала для сколько-нибудь обоснованных предположений.

Порядок монетных выпусков Феодосии согласно форме написания монетной легенды и их датировка

- Ф-1, легенда ΘΕΟΔΕΟ(Σ). *Последнее десятилетие V в. до н.э.*
- Ф-2, легенда ΘΕΟΔΕΩ(Σ?) *Конец V в. до н.э. (м. б. 404/403 г. до н.э.) – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (м. б. 397/396 г. до н.э.).*
- Ф-3, легенда ΘΕΟΔΕΩ. *Первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (м. б. 397/396 г. до н.э.) по 394 или 391 гг. до н.э.*
- Ф-4, легенда ΘΕΟΔΟ. *394 или 391 г. до н.э. – 391 или 388 г. до н.э.*
- Ф-5, легенда ΘΕΟΔΟΣ. *391 или 388 г. до н.э. – начало первой половины или середина 80-х гг. IV в. до н.э.*
- Ф-6, легенда ΘΕΟΔΟΣ. *Середина – начало второй половины 80-х гг. IV в. до н.э.*

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, В.П. 1997: Символика монет Феодосии начального периода ее войны с Боспором в первой четверти IV в. до н.э. В сб.: С.А. Булатович (отв. ред.), *Археология и этнология Восточной Европы*. Одесса, 95–98.
- Алексеев, В.П., Лобода, П.Г. 2013: Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций. *Stratum plus* 6, 109–125.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 1989: *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Белова, Л.Н. 1977: Несколько неизданных херсонесских монет из собрания Эрмитажа. В сб.: В.М. Потин (ред.), *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики*. Л., 144–151.
- Блаватская, Т.В. 1993: Посвящение Левкона I. *РА* 2, 34–47.
- Виноградов, Ю.А. 1985: Исследование Мирмекия. *Археологические открытия 1983 года*, 265–266.
- Виноградов, Ю.Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.* М.
- Гаврилов, А.В. 2004: *Округа античной Феодосии*. Симферополь.
- Гаврилов, А.В., Шонов, И.В. 2007: Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса (по нумизматическим материалам одной усадьбы). В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.),

- Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 2.* СПб., 346–356.
- Гаврилов, А.В., Шоноу, И.В. 2009: Арес на монетах Феодосии. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира.* СПб., 147–152.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство.* М.–Л.
- Горончаровский, В.А. 2015: Синдский царь Гекатей. В сб.: Д.В. Журавлев (отв. ред.), *С Митридата дует ветер: Боспор и Причерноморье в античности (к 70-летию В.П.Толстикова).* М., 118–125.
- Горончаровский, В.А., Терещенко, А.Е. 2014: Типология и хронология синдской чеканки. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: актуальные проблемы хронологии. Боспорские чтения-XV.* Керчь, 99–114.
- Горончаровский, В.А., Терещенко, А.Е. 2015: О монетном деле Синдики в конце V – начале IV в. до н.э. *Записки ИИМК РАН* 11, 77–96.
- Дюков, Ю.Л. 1968: О монетной чеканке Феодосии и Фанагории. В сб.: Н.Н. Леман (ред.), *Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 год.* Л., 11–13.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье.* М.–Л.
- Завойкин, А.А. 2000: Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха). В сб.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань, 249–268.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы.* Симферополь–Керчь.
- Зограф, А.Н. 1929: Несколько греческих монет V и IV вв. с портретными изображениями. В кн.: Н.А. Кожин (отв. ред.), *Античный портрет: сборник статей. Посвящается О.Ф. Вальдгауэру.* Л., 14–22.
- Зограф, А.Н. 1951: Античные монеты. М.–Л.
- Золотарев, М.И. 1984: Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. *ВДИ* 1, 89–92.
- Карышковский, П.О. 1988: *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху.* Киев.
- Карышковский, П.О. 2003: *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.).* Одесса.
- Кене, Б. 1857: *Описание музея князя В.В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского.* Т. I. СПб.
- Коваленко, С.А. 1999: О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху. *НЭ XVI*, 108–130.
- Коваленко, С.А., Молчанов, А.А. 2005: О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н.э. *ВДИ* 1, 49–62.
- Мельников, О.Н. 2000: Монеты античной Феодосии. *МАИЭТ VII*, 208–218.
- Мельников, О.Н. 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона». *МАИЭТ VIII*, 410–435.
- Мельников, О.Н. 2005: Метрология монет Боспора второй половины VI – начала IV вв. до н.э. *Stratum plus* 6, 320–355.
- Мельников, О.Н. 2007: Нимфей, скифский вождь Сама (...) и две измены Гилона. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. II.* СПб., 331–337.
- Мельников, О.Н. 2009: Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского. *Stratum plus* 6, 174–234.
- Молев, Е.А. 1997: *Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э.* Нижний Новгород.

- Монеты Боспора. Каталог-архив.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bosporan-kingdom.com>
- Петрова, Э.Б. 2000: *Античная Феодосия*. Симферополь.
- Петрова, Э.Б. 2010: Античная Феодосия и феодосийский музей древностей в исследованиях 2006–2010 гг. *МАИЭТ* XVI, 328–363.
- Русяева, А.С. 1992: *Религия и культы античной Ольвии*. Киев.
- Русяева, А.С. 2005: *Религия понтийских эллинов в античную эпоху*. Киев.
- Сидоренко, В.А., Шонов, И.В. 2009: К типологии монетной чеканки античной Феодосии. *МАИЭТ* XV, 501–524.
- Столба, В.Ф. 1989: О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ – ΘΕΟΔΕΩ. В сб.: Ю.Г. Виноградов (отв. ред), *Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова*. Вып. I. Запорожье, 147–148.
- Строкин, В.Л. 2009: Нимфей – Сама (?) – Нимфей. *ДБ* 13, 359–392.
- Строкин, В.Л. 2011: Афинский след в монетном деле Феодосии. *ПИФК* 1, 37–52.
- Суриков, И.Е. 2013: «Молчание ягнят». О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н.э. *ДБ* 17, 280–296.
- Суриков, И.Е. 2015: Афинские Фанагоры. *ДБ* 19, 340–350.
- Суханов, В.И. 2005: Две редкие монеты Феодосии начала IV в. до н.э. *Stratum plus* 6, 431–435.
- Терещенко, А.Е. 2004: О времени нимфейской чеканки. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции*. Ч. II. СПб., 184–189.
- Терещенко, А.Е. 2012: Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Терещенко, А.Е. 2013: Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. *ВДИ* 2, 44–52.
- Тохтасьев, С.Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. *ВДИ* 3, 144–180.
- Фролов, Э.Д. 1974: Тирания в Гераклея Понтийской. *Античный мир и археология* 2, 114–139.
- Фролова, Н.А. 1992: Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. до н.э. в свете новых исследований. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 187–247.
- Фролова, Н.А. 1999: Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н.э. *ПИФК* 8, 302–313.
- Фролова, Н.А. 2000: Монеты Феодосии (конец V–III вв. до н.э.). В сб.: А.С. Беляков (отв. ред.), *Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы*. М., 12–14.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шонов, И.В. 2002: О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до Р. Х. *Боспорские исследования* II, 327–331.
- Яйленко, В.П. 2009: Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н.э. *ДБ* 13, 477–552.
- Boardman, J. et al. 1988: Heracles. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. IV. München – Zürich, 728–838.
- Boardman, J. et al. 1990: Heracles. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. V. München – Zürich, 1–192.
- Burstein, S.M. 1974: The War Between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosphorus. *Historia* 23, 4. 401–416.
- Giel, C. 1886: *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Sudrusslands*. Moskau.

- Delivorrias, A., Berger-Doer, G., Kossatz-Deissmann, A. 1984: Aphrodite. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. II. München – Zürich, 1–150.
- Fritze, H. von. 1912: Die Elektronprägung von Kyzikos: eine chronologische Studie. *Nomisma. Untersuchungen auf dem Gebiete der antiken Münzkunde* VII, 1–38.
- Kakhidze, A., Iashvili, I., Vickers, M. 2001: Silver Coins of Black Sea Coastal Cities from the Fifth Century BC Necropolis at Pichvnari. *Numismatic Chronicles* 161, 282–288.
- Kremmydas, C. 2012: Commentary on Demosthenes' Against Leptines. Oxford.
- Pfuhl, E. 1923: *Malerei und Zeichnung der Griechen*. Bd I–III. München.
- Saglio, E. 1969: Stéphanè. In: C. Daremberg, E. Saglio, E. Pottier (eds.) *DAGR*. T. IV, 2. Paris, 1508.
- Saprykin, S., Fedoseev, N. 2010: New Lead Plaques with Greek Inscriptions from East Crimea (Bosporos). In: R.W.V. Catling and F. Marchand (eds.). *Onomatologos: Studies in Greek Personal Names presented to Elaine Matthews*. Oxford, 422–434.
- Schwabacher, W. 1968: Portraitkunst auf griechischen Münzen vor Alexander dem Großen. *Archäologischer Anzeiger* 83, 4, 795–796.
- SNG Copenhagen 1945: *Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum, Troas – Lesbos*. Copenhagen.
- SNG France 1994: *Sylloge Nummorum Graecorum France 3. Cabinet des Médailles: Pamphylie, Pisidie, Lycaonie, Galatie*. Paris.
- SNG Stancomb 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region*. Oxford.
- SNG Tübingen 1989: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Tübingen. Münzsammlung der Universität. Mysien – Ionien*. Berlin.
- SNG von Aulock 1957: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung Hans von Aulock, Mysien*. Berlin.
- Vickers, M., Kakhidze, A. 2004: *Pichvnari 1998–2002. Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea: Results of Excavations Conducted by the Joint British-Georgian Expedition 1998–2002*. Part 1. Batumi.

REFERENCES

- Alekseev, V.P. 1997: Simvolika monet Feodosii nachal'nogo perioda eye vojny s Bosporom v pervoj chetverti IV v. do n.e. In.: S.A. Bulatovich (otv. red.), *Arhreologiya i etnologiya Vostochnoj Evropy*. Odessa, 95–98.
- Alekseev, V.P., Loboda, P.G. 2013: Religioznye motivy nekotorykh monet Ol'vii i Kizika kak sredstvo sotsial'no-politicheskikh proklamatsij. *Stratum plus* 6, 109–125.
- Anohrin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora*. Kiev.
- Anohrin, V.A. 1989: *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Kiev.
- Anohrin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmerijskogo*. Kiev.
- Belova, L.N. 1977: Neskol'ko neizdannykh hrersonesskikh monet iz sobraniya Ermitazha. In: V.M. Potin (red.), *Proshloe nashej Rodiny v pamyatnikakh numizmatiki*. Leningrad, 144–151.
- Blavatskaya, T.V. 1993: Posvyashchenie Levkona I. *Rossiyskaya arhreologiya* 2, 34–47.
- Boardman, J. et al. 1988: Heracles. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. IV. München–Zürich, 728–838.
- Boardman, J. et al. 1990: Heracles. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. V. München–Zürich, 1–192.
- Burstein, S.M. 1974: The War Between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosporus. *Historia* 23, 4. 401–416.

- Delivorrias, A., Berger-Doer, G., Kossatz-Deissmann, A. 1984: Aphrodite. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. II. München–Zürich, 1–150.
- Dyukov, Yu.L. 1968: O monetnoj chekanke Feodosii i Fanagorii. In: N.N. Leman (red.), *Tezisy dokladov nauchnoj sessii, posvyashchennoj itogam raboty Gosudarstvennogo Ermitazha za 1967 god*. Leningrad, 11–13.
- Fritze, H. von. 1912: Die Elektronprägung von Kyzikos: eine chronologische Studie. *Nomisma. Untersuchungen auf dem Gebiete der antiken Münzkunde* VII, 1–38.
- Frolov, E.D. 1974: Tiraniya v Geraklee Pontijskoj. *Antichnyj mir i arheologiya* 2, 114–139.
- Frolova, N.A. 1992: Monetnoe delo Bospora VI v. do n.e. – serediny IV v. do n.e. v svete novykh issledovanij. In: G.A. Koshelenko (red.), *Ocherki arheologii i istorii Bospora*. Moscow, 187–247.
- Frolova, N.A. 1999: Chekanka Feodosii kontsa V – IV vv. do n.e. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 8, 302–313.
- Frolova, N.A. 2000: Monety Feodosii (konets V – III vv. do n.e.). In: A.S. Belyakov (otv. red.), *Vos'maya Vserossijskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy*. Moscow, 12–14.
- Gajdukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow–Leningrad.
- Gavrilov, A.V. 2004: *Okruga antichnoj Feodosii*. Simferopol'.
- Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2007: Pozdnyaya chekanka Feodosii i panteon Feodosijskogo polisa (po numizmaticheskim materialam odnoj usad'by). In: V.Yu. Zuev (otv. red.), *Bosporskij fenomen: sakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahrodok. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ch. 2. Saint-Petersburg, 346–356.
- Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2009: Ares na monetah Feodosii. In: V.Yu. Zuev (otv. red.), *Bosporskij fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira*. Saint-Petersburg, 147–152.
- Giel, C. 1886: Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Sudrusslands. Moskau.
- Goroncharovskij, V.A. 2015: Sindskij tsar' Gekatej. In: D.V. Zhuravljuev (otv. red.), *S Mitridata duet veter: Bospor i Prichernomor'e v antichnosti (k 70-letiyu V.P. Tolstikova)*. Moscow, 118–125.
- Goroncharovskij, V.A., Tereshchenko, A.E. 2014: Tipologiya i hronologiya sindskoj chekanki. In: V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko (red.), *Bospor Kimmerijskij i varvarkij mir v period antichnosti i srednevekov'ya: aktual'nye problemy hronologii. Bosporskie chteniya–XV*. Kerch', 99–114.
- Goroncharovskij, V.A., Tereshchenko, A.E. 2015: O monetnom dele Sindiki v kontse V – nachale IV vv. do n.e. *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk* 11, 77–96.
- Kakhidze, A., Iashvili, I., Vickers, M. 2001: Silver Coins of Black Sea Coastal Cities from the Fifth Century BC Necropolis at Pichvnari. *Numismatic Chronicles* 161, 282–288.
- Karyshkovskij, P.O. 1988: *Monety Ol'vii. Ocherk denezhnogo obrashcheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v antichnyu epohru*. Kiev.
- Karyshkovskij, P.O. 2003: *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)*. Odessa.
- Kene, B. 1857: *Opisanie muzeuma knyazya V.V. Kochubeya i issledovanie ob istorii i numizmatike grecheskich kolonij v Rossii, ravno kak i tsarstv Pontijskogo i Bospora Kimmerijskogo*. T. I. Saint-Petersburg.
- Kovalenko, S.A. 1999: O monetnom dele Hersonesa Tavricheskogo v pozdneklassicheskuyu epohru. *Numizmatika i epigrafika* XVI, 108–130.
- Kovalenko, S.A., Molchanov, A.A. 2005: O monetnoj chekanke Feodosii v V–IV vv. do n.e. *Vestnik drevnej istorii* 1, 49–62.
- Kremmydas, C. 2012: Commentary on Demosthenes' Against Leptines. Oxford.
- Mel'nikov, O.N. 2000: Monety antichnoj Feodosii. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* VII, 208–218.

- Mel'nikov, O.N. 2001: Nimfej, skifskij vozhd' Sammak i «izmena Gilona». *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* VIII, 410–435.
- Mel'nikov, O.N. 2005: Metrologiya monet Bospora vtoroj poloviny VI – nachala IV vv. do n.e. *Stratum plus* 6, 320–355.
- Mel'nikov, O.N. 2007: Nimfej, skifskij vozhd' Sama (...) i dve izmeny Gilona. In: V.Yu. Zuev (otv. red.), *Bosporskij fenomen: sakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahrodok. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Ch. II. Saint-Peterburg, 331–337.
- Mel'nikov, O.N. 2009: Arhraicheskij period i etap rannej klassiki v numizmatike Bospora Kimmerijskogo. *Stratum plus* 6, 174–234.
- Molev, E.A. 1997: *Politicheskaya istoriya Bospora VI–IV vv. do n.e.* Nizhnij Novgorod. *Monety Bospora. Katalog-arhiv*, <http://bosporan-kingdom.com>
- Petrova, E.B. 2000: *Antichnaya Feodosiya*. Simferopol'.
- Petrova, E.B. 2010: Antichnaya Feodosiya i feodosijskij muzej drevnostej v issledovaniyah 2006–2010 gg. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* XVI, 328–363.
- Pfuhl, E. 1923: *Malerei und Zeichnung der Griechen*. Bd I–III. München.
- Rusyaeva, A.S. 1992: *Religiya i kul'ty antichnoj Ol'vii*. Kiev.
- Rusyaeva, A.S. 2005: *Religiya pontijskikh ellinov v antichnuyu epohu*. Kiev.
- Saglio, E. 1969: Stéphanè. In: C. Daremberg, E. Saglio, E. Pottier (eds.), *DAGR*. T. IV, 2. Paris, 1508.
- Saprykin, S., Fedoseev, N. 2010: New Lead Plaques with Greek Inscriptions from East Crimea (Bosporos). In: R.W.V. Catling and F. Marchand (eds.), *Onomatologos: Studies in Greek Personal Names presented to Elaine Matthews*. Oxford, 422–434.
- Schwabacher, W. 1968: Portraitkunst auf griechischen Münzen vor Alexander dem Großen. *Archäologischer Anzeiger* 83, 4, 795–796.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.)*. Saint-Petersburg.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* Moscow.
- Shonov, I.V. 2002: O monetnoj chekanke Feodosii poslednej chetverti V – nachala IV vv. do R. H. *Bosporskie issledovaniya* II, 327–331.
- Sidorenko, V.A., Shonov, I.V. 2009: K tipologii monetnoj chekanki antichnoj Feodosii. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* XV, 501–524.
- SNG Copenhagen 1945: *Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum, Troas – Lesbos*. Copenhagen.
- SNG France 1994: *Sylloge Nummorum Graecorum France 3. Cabinet des Médailles: Pamphylie, Pisidie, Lycaonie, Galatie*. Paris.
- SNG Stancomb 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region*. Oxford.
- SNG Tübingen 1989: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Tübingen. Münzsammlung der Universität. Mysien – Ionien*. Berlin.
- SNG von Aulock 1957: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung Hans von Aulock, Mysien*. Berlin.
- Stolba, V.F. 1989: O bosporskikh monetakh s nadpis'yu ΘΕΟΔΕΟ – ΘΕΟΔΕΩ. In: Yu.G. Vinogradov (otv. red), *Tezisy dokladov oblastnoj konferentsii «Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ya», posvyashchennyj 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. B.N. Grakova*. Vyp. I. Zaporozh'e, 147–148.
- Strokin, V.L. 2009: Nimfej – Sama (?) – Nimfej. *Drevnosti Bospora* 13, 359–392.
- Strokin, V.L. 2011: Afinskij sled v monetnom dele Feodosii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1, 37–52.
- Suhranov, V.I. 2005: Dve redkie monety Feodosii nachala IV v. do n.e. *Stratum plus* 6, 431–435.
- Surikov, I.E. 2013: «Molchanie yagnyat». O teorii antibosporskogo zagovora grecheskikh istorikov V v. do n.e. *Drevnosti Bospora* 17, 280–296.

- Surikov, I.E. 2015: Afinskie Fanagory. *Drevnosti Bospora* 19, 340–350.
- Tereshchenko, A.E. 2004: O vremeni nimfejskoj chekanki. In: V.Yu. Zuev (otv. red.), *Bosporskij fenomen: problemy hronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Ch. II. Saint-Petersburg, 184–189.
- Tereshchenko, A.E. 2012: Apollonijsko-dionisijskie motivy v syuzhetah monet pantikapejskoj chekanki domitridatovskoj epohi. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Tereshchenko, A.E. 2013: Monetnoe delo Pantikapeya v IV v. do n.e. *Vestnik drevnej istorii* 2, 44–52.
- Tohtas'ev, S.R. 2004: Bospor i Sindika v epohu Levkona I. *Vestnik drevnej istorii* 3, 144–180.
- Vikers, M, Kakhidze, A. 2004: *Pichvnari 1998–2002. Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea: Results of Excavations Conducted by the Joint British-Georgian Expedition 1998–2002*. Part 1. Batumi.
- Vinogradov, Yu.A. 1985: Issledovanie Mirmekiya. *Arheologicheskie otkrytiya 1983 goda*, 265–266.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'vijskogo polisa VII–I vv. do n.e.* Moscow.
- Yajlenko, V.P. 2009: Maloazijskie «gastarbajtery» na Bospore V–III vv. do n.e. *Drevnosti Bospora* 13, 477–552.
- Zavojkin, A.A. 2000: Afiny – Bospor – Gerakleya Pontijskaya (ot Perikla do Klearhra). In: O.L. Gabelko (otv. red.), *Mezhdgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti*. Kazan', 249–268.
- Zavojkin, A.A. 2013: *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arheologiya i hronologiya stanovleniya territorial'noj derzhavy*. Simferopol'–Kerch'.
- Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'e*. Moscow–Leningrad.
- Zograf, A.N. 1929: Neskol'ko grecheskihr monet V i IV vv. s portretnymi izobrazheniyami. In: N.A. Kozhin (otv. red.), *Antichnyj portret: sbornik statej. Posvyashchaetsya O.F. Val'dgaueru*. Leningrad, 14–22.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety*. Moscow–Leningrad.
- Zolotarev, M.I. 1984: Dva tipa redkihr monet Feodosii IV v. do n.e. *Vestnik drevnej istorii* 1, 89–92.

THEODOSIAN COINAGE OF THE LATE 5th – EARLY 4th CENTURY BC

Andrey E. Teresschenko

The State Russian Museum, Russia,
andtereshhen@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on systematic research of coins of Theodosia dating to the late 5th – early 4th century BC, recently discovered in archaeological site and alsos from private collections. The author proposes an original classification based on archaeological, typological, and theoretical analysis of the material, comparing the results with predecessors' similar investigations. Variants of coin legend, which differ very widely, play an essential role, so they are also to be discussed in the paper. A human image depicted on early coins is under consideration as well. It is argued that the image should rather be interpreted as a portrayal one. The paper also deals with a concept that political situation in the polis in late 400s BC and alternation of coin emission standards are tightly connected, which is proved by the Olbian coinage of the period.

Key words: ancient coins, coinage of Theodosia, Olbian coinage

МОНЕТЫ ТИПА «АРТЕМИДА – ОЛЕНЬ» БОСПОРСКОГО ЧЕКАНА МИТРИДАТОВСКОГО ВРЕМЕНИ

С.Ю. Сапрыкин

*Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Институт всеобщей истории РАН, Москва,
mithridates@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются две серии монет Боспора, которые были отчеканены в период господства понтийского царя Митридата Евпатора. Одна серия – медные монеты Пантикапея и Фанагории типа «Артемиды – лежащий олень», а другая – драхмы Пантикапея типа «голова Артемиды вправо, слева лук и колчан – пасущаяся лань (или пьющий олень) вправо, слева монограмма». В свое время исследователи, опираясь на датировку понтийской меди Понта и Пафлагонии, предложенную Ф. Имхоф-Блумером, продатировали первую серию монет концом II в. до н.э. или рубежом II–I вв. до н.э. Вторая серия серебряных монет была отнесена к 90–80 гг. до н.э. (часть исследователей предлагала более широкую дату – первую четверть I в. до н.э.). В науке устоялось мнение, что изображение оленя (лежащего и пасущегося) на этих монетах было навеяно понтийскими митридатовскими мотивами и даже якобы было напрямую связано с личностью самого Митридата Евпатора. Однако в настоящее время хронология понтийской меди уточнена Ф. де Каллатаем, поэтому означенные монеты можно датировать концом 90-х – 80-ми гг. до н.э. Типология их оборотных сторон связана с всплеском почитания на Боспоре и в других городах Причерноморья Артемиды Эфесской накануне и в первые годы Первой митридатовой войны. Появление на Боспоре, в Херсонесе и Амисе монет с символикой ее культа говорит не о прямом влиянии митридатовской идеологии, а о воздействии монетного дела Эфеса и общеэллинского храма Артемисиона. Расширение традиционного почитания эфесской богини произошло в результате предоставления Митридатом полисных привилегий и свобод, в том числе в выборе культов и монетной типологии. Появление оленя на полисной монете не противоречило и так называемой «митридатовской пропаганде», которая использовала культ Артемиды Эфесской в конце 90-х – начале 80-х гг. до н.э. для сплочения эллинов вокруг фигуры понтийского царя, почитавшегося в качестве освободителя греков.

Ключевые слова: Боспор, Эфес, Митридат Евпатор, Артемиды, олень, Фанагория, Пантикапей, Понтийское царство

В результате присоединения к Понтийской державе Боспор стал важной частью родовых и наследственных владений Митридата VI Евпатора. Изменились

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

его социально-политическая и экономическая структуры, культура, идеология и отчасти религия населения. На боспорских монетах появились изображения, связанные с культами, популярными в Понтийском царстве, а культы, атрибутика которых присутствовала на монетах до Митридата Евпатора, получили новый импульс. Это относится к почитанию Аполлона, Посейдона, Диониса, символику которых стали значительно чаще отображать на монетах. Из понтийских инноваций можно выделить монеты с изображением орла на молнии, что в Понте было связано с культом Зевса, изображения Гелиоса, Мена во фригийской шапке и т.п. В ряду этих культов, вне сомнения, официальных, поскольку эти божества фигурируют на монетах, видное место заняла богиня Артемида, которая до Митридата Евпатора практически не присутствовала в монетной типологии Боспорского государства. Причины всплеска почитания этой богини при понтийском господстве никогда не становились объектом пристального изучения, поэтому предметом нашего исследования являются боспорские монеты с ее изображением и фигурой оленя, считающегося сакральным животным этой богини.

Речь в данной статье пойдет о двух сериях боспорских монет, прежде всего, о тетраخالках типа «Артемида – лежащий олень», которые чеканились Пантикапеем и Фанагорией¹ (некоторые из них перечеканены на понтийской меди типа Арес-меч) (рис. 1–2)². Фанагорийские тетраخالки этого типа появились раньше пантикапейских, а как только столица Боспора наладила их выпуск, количество монет Фанагории уменьшилось³. При этом чеканка тетраخالков в Фанагории была интенсивнее, чем в Пантикапее⁴. Это дало возможность Д.Б. Шелову предположить, что они появились в обращении ранее 100 г. до н.э., вероятно, сразу после вхождения Боспора в державу Митридата Евпатора⁵. Тем не менее среди исследователей нет единства относительно абсолютной хронологии этих монет. Н.А. Фролова, С. Айрлэнд, М. Прайс предлагают более позднюю датировку этих монет – конец II – середина I в. до н.э. и начало I в. до н.э., а Ф. де Каллатай даже более точную дату – 95–86 гг. до н.э.⁶ Со времени А.Н. Зографа тетраخالки с изображением Артемиды и лежащего оленя объединяли в одну серию с оболлами типа «Посейдон – прора»⁷. А.Н. Зограф обосновывал такую датировку фактурой и стилем этих монет. Он сравнивал оболочки типа «Посейдон-прора» с понтийскими оболлами типа «Зевс-орел», которые по Ф. Имхоф-Блумеру датируются 111–105 гг. до н.э.⁸ Однако Ф. де Каллатай пересмотрел хронологическую шкалу меди Понта и Пафлагонии времени Митридата Евпатора, которую в 1912 г. предложил Ф. Им-

¹ Бурачков 1884/2009, табл. XXII, 170; XXIII, 20, 21.

² Зограф 1951, 186, табл. 43, 2–3 (конец II – начало I в. до н.э.); Голенко 1964, 68, рис. 1, 2 (100–90 гг. до н.э.); Анохин 1986, 192, 194, 194а (109–100 гг. до н.э.); 2011, 160, № 1114 (107–100 гг. до н.э.); SNG State Pushkin Museum 1296–1303; Абрамзон, Иванова 2010, 94, № 268.

³ Голенко 1960, 35; Дюков 1977, 158.

⁴ Голенко, Шелов 1963, 7; Шелов 1983, 45.

⁵ Шелов 1965, 43; 1983, 45; К.В. Голенко первоначально продатировал тетраخالки концом II в. до н.э. (Голенко 1952, 149), но позднее от этой датировки отказался (Голенко 1964, 68).

⁶ SNG IX BM 1000–1003 (конец II – середина I в. до н.э.); Frolova, Ireland 2002, 12, 13, pl. II, 2–19; III, 1–20 (начало I в. до н.э.); McDonald 2005, 42, n. 164–167, 169; de Callatay 2007, 304 (ок. 95 – ок. 86 г. до н.э.).

⁷ Бурачков 1884/2009, табл. XXII, 152; Зограф 1951, 186.

⁸ Imhoof-Blümer 1912, 174, n. 15–23, Taf. I, 19–24.

хоф-Блумер, и датировал оболы типа «Зевс-орел» 95–90 гг. до н.э.⁹ Если такая датировка верна, то тетраخالки типа «Артемида – лежащая лань», которые объединяются в одну серию с этими ободами, также должны относиться к концу первой декады или к началу второй декады I в. до н.э.

Рис. 1. Тетрахалки Фанагории типа «Артемида – лежащий олень»

Рис. 2. Тетрахалк Пантикапея типа «Артемида – лежащий олень»

Другой серией интересующих нас монет являются серебряные драхмы Пантикапея типа «голова Артемиды вправо, слева лук и колчан – пасущаяся лань (или пьющий олень) вправо, слева монограмма» (рис. 3).¹⁰ Если принять указанную выше дату тетраخالков типа «Артемида – лежащий олень», связанную с пере-

⁹ de Callatay 2007, 272.

¹⁰ Бурачков 1884/2009, табл. XXII, 168, 169; SNG III The Lockett Collection 1103; Зограф 1951, 186, табл. 43, 8 (первая четверть I в. до н.э.); Голенко 1964, 68; 1965, 144, 145; Шелов 1983, 45 (90–80 гг. до н.э.); Анохин 1986, 145, № 199 (90–80 гг. до н.э.); 2011, 161, № 1117 (90–83 гг. до н.э.); SNG IX BM, 935 (100–75 гг. до н.э.); Frolova 1996, 154, pl. II, 6–7a; Frolova, Ireland 2002, 14, pl. III, 21; IV, 1–9 (100–75 гг. до н.э.); de Callatay 2007, 305 (ок. 90 – ок. 80 гг. до н.э.).

Рис. 3. Драхма Пантикапея типа «Артемида – пасущийся олень вправо»

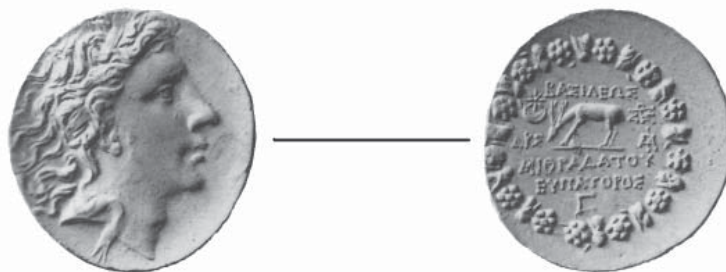

Рис. 4. Тетрадрахма Митридата Евпатора с пасущимся оленем на обороте

датировкой понтийской меди Ф. Де Каллатаем, то обе серии монет оказываются близкими по времени и отчеканены, скорее всего, в конце 90-х – 80 гг. до н.э.¹¹ Тип реверса – пасущийся или пьющий олень – соотносится с известным изображением на царских золотых и серебряных монетах Митридата Евпатора 96–67 гг. до н.э. с датами по понтийской, пергамской и афинской эрам¹². Олень на этих монетах, особенно в соединении с изображением Митридата как идеализированного героя или бога, связан с Артемидой Эфесской (рис. 4)¹³. Однако Г. Кляйнер объяснял появление оленя на этих монетах не только связью с культом Артемиды Эфесской. Он предложил усматривать в этом влияние культа милетского Аполлона, так как на скульптуре работы Канаха Аполлон держит олененка в правой руке¹⁴. Олененок встречается и на монетах Фарнака I Понтийского как сакральное животное Мена-Фарнака – покровителя династии Митридатидов¹⁵. Существует также предположение, что олень на царских монетах Митридата Евпатора имеет отношение к Телефу, сыну Геракла. По одной из версий мифа, этот легендарный царь Пер-

¹¹ Ср. Смекалова, Дюков 2001, 63.

¹² WBR I², 1, 13–14, n. 9, 10, pl. II. 1–4, pl. suppl. A, 9; 17–20, n. 16, pl. II, 15, III, 1–6, pl. suppl. B, 11–13, pl. suppl. C, 1–6; de Callatay 1997, pl. I, D2-R1a – D11-R4a, VII, D1-R2a – D5-R4a, VII–XIII; наиболее массовый выпуск тетрадрахм с пасущимся оленем с 88 г. до н.э. (Hoover 2012, 114–119).

¹³ McGing 1986, 98.

¹⁴ Kleiner 1953, 90.

¹⁵ WBR I², 1, 11, 12, pl. I, 7–10; pl. suppl. A, fig. 5, 6; SNG IX BM 1025, 1026.

гама был возвращен Аркадским оленем. А Геракл, мифологический отец Телефа и предок Митридата Евпатора, охотился на Киренейскую лань¹⁶.

Последняя точка зрения убедительно опровергнута Я. Хойте, который отметил, что пасущийся олень появляется на монетах Митридата Евпатора в 96 г. до н.э. еще до захвата им Пергама. Поэтому он никак не может быть связан с Телефом и вообще с Пергамом¹⁷. Попытка объяснить его изображение влиянием культа милетского Аполлона опровергается тем, что на монетах Милета олень не изображался, а на культовой статуе Канаха Аполлон держит не оленя, а олененка. На монетах с изображением Мена-Фарнака также представлен олененок, а не взрослый олень. К тому же он не пасется и не пьет, а тянет голову к руке бога, как бы выпрашивая у него какую-то пищу. Не менее сомнительна связь оленя, изображенного на монетах Митридата, с Киренейской ланью и Аркадским оленем, так как пасущийся олень, как говорилось выше, не имеет никакого отношения к Телефу. Что до Киренейской лани, то монеты, якобы ее изображающие, не несут символики культа Геракла, с легендами о котором она связана. Поэтому правы те исследователи, которые видят в пасущемся олене сакральное животное Артемиды и ее брата Аполлона¹⁸. Уже в 90-х годах до н.э. понтийский царь понял, что среди греков Малой Азии нарастает недовольство политикой римлян. Поэтому он решил обратиться к наиболее популярному среди них культу Артемиды и ее брата Аполлона, чтобы использовать их для пропаганды идеи освобождения эллинизма от римлян. Это должно было подкрепить насаждавшуюся его придворными биографами и ближайшим окружением идею о том, что он как новый Дионис (эпитет, полученный им в самом конце II в. до н.э.) призван стать спасителем греков от варваров, в число которых были включены и римляне. Не случайно поэтому пасущийся олень на его монетах вписан в венок из виноградных гроздьев. При всех возможных трактовках изображения оленя на царских монетах Митридата VI оно определенно навеяно митридатовской идеологией и популярностью его царского культа. А это означает, что олень на пантикапейской драхме и на тетрахаках Пантикапея и Фанагории появился под воздействием политики Митридата VI и культовых традиций Понтийского царства.

В научной литературе получила распространение точка зрения, что изображение оленя, особенно пасущегося, повторяет или воспроизводит типологию понтийских монет митридатовского чекана, так как это связано с личностью Митридата Евпатора¹⁹. Однако в нумизматике Понта монет с изображением Артемиды и оленя практически не встречается (исключение – достаточно редкие медные монеты Амиса, о которых будет сказано ниже). Это дает основание сомневаться в справедливости такого подхода. Поэтому в нашу задачу входит доказать, насколько правомерно означенное мнение и существуют ли иные причины появления Артемиды и ее символа – оленя на монетах античных городов Северного Причерноморья в период митридатовского господства.

¹⁶ McGing 1986, 98, note 55; Andreae 1994/1995, 111–122; 1997, 395–416.

¹⁷ Højte 2009, 147.

¹⁸ См. Сапрыкин 2009, 138, 139, 216 и приведенную там литературу.

¹⁹ Голенко 1965, 142–144; Дюков 1977, 159; Шелов 1978, 63; 1983, 47; 1985, 564; Shelov 1982, 256–258; Анохин 1986, 73; Frolova 1996, 160; Сапрыкин 2009, 325, 326.

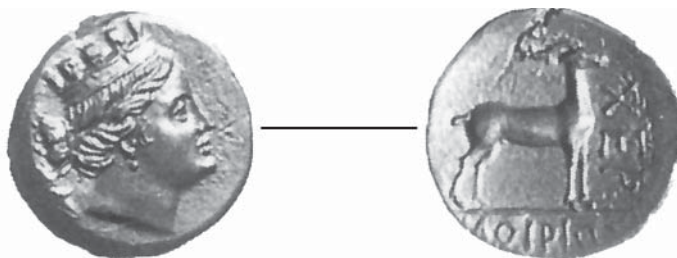

Рис. 5. Драхма Херсонеса типа «Артемиды-Девы – стоящий олень вправо»

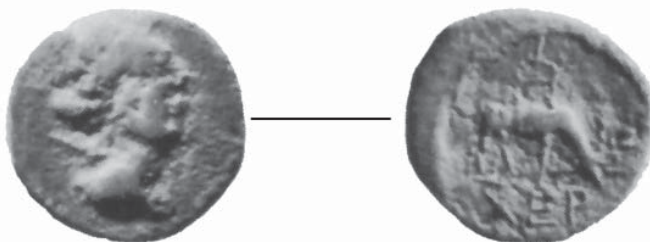

Рис. 6. Тетрахалк Херсонеса с изображением Артемиды-Девы и пасущегося оленя вправо

Помимо Боспора, изображение оленя встречается в монетном деле Херсонеса Таврического, который вошел в державу Митридата Евпатора вместе с Боспором и с этого времени находился у него в подчинении. В 120–110 гг. до н.э. на серебре и меди Херсонеса появляется традиционное изображение богини Девы – покровительницы его гражданской общины, близкой по функциям Артемиде, которая, как и она, изображалась на монетах Боспора вместе со стоящим вправо оленем (рис. 5). В 90–80 гг. до н.э. в Херсонесе была отчеканена серия меди типа «бюст Девы, за спиной лук и колчан – пасущаяся лань (или олень) вправо в венке, ХЕР»²⁰ (рис. 6), которая совпадает по времени с чеканом пантикапейских драхм с аналогичным изображением. Нам представляется, что это не случайность. Для правильного объяснения такого совпадения обратимся к нумизматике Понтийского царства.

Среди монет квазиавтономной митридатовской чеканки Понта и Пафлагонии известна одна небольшая медная монета Амиса с головой Артемиды с колчаном за плечами и стоящим вправо оленем и пальмовой ветвью (рис. 7). К сожалению, ее датировка достаточно расплывчатая и точное время ее выпуска определить затруднительно²¹. Можно лишь говорить о том, что она появилась в первый период правления Митридата Евпатора. Монеты с изображением Артемиды и оленя, выпущенные при Митридате Евпаторе в эллинских полисах Причерноморья,

²⁰ SNG III The Lockett Collection 1078, 1079; Анохин 1977, 146, 147, № 179–181, 184–186, 187 (лань стоит влево), 188, 192–195. Ср. Туровский 1997, 62, № 166: удревняет тип Анохин 1977, № 179 до середины последней четверти III в. до н.э., что не совсем верно; ср. SNG State Pushkin Museum, 686–691 (вторая половина II в. до н.э.), 693 (первая половина I в. до н.э.); SNG IX BM 819–827 (II–I вв. до н.э.) = SNG XI Stancomb 495–498 (II в. до н.э.).

²¹ WBR I², 1, 65, n. 20, pl. VII, 11; SNG IX BM 1134 (125–100 гг. до н.э.); ср. Imhoof-Blümer 1912, 171, n. 5 (120–111 гг. до н.э.); Malloy 1970, 8, n. 21 (121–63 гг. до н.э., оленя ошибочно принимает за лошадь); de Callatay 2007, 304 (ок. 95 – ок. 85 г. до н.э.).

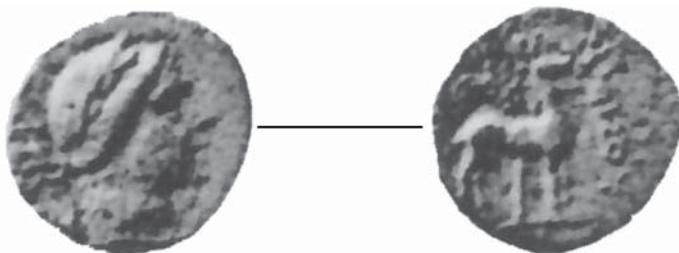

Рис. 7. Медная монета Амиса типа «Артемида – стоящий олень»

имеют свою типологическую особенность. В отличие от царской чеканки Митридата VI, стоящий олень на этих монетах обращен не влево, а вправо. Только лань на тетрадрахмах Пантикапея и Фанагории показана лежащей влево, подобно пьющему оленю на царских монетах Митридата Евпатора, который, однако, стоит, а не лежит. Также влево обращена лань на небольшой серии меди Херсонеса 120–111 гг. до н.э. (по В.А. Анохину) или конца II–I в. до н.э. (по М. Прайсу).²² Монеты типа «Артемида – олень (лань)» в боспорской, амисской и херсонесской нумизматике появляются либо вскоре после вхождения в державу Митридата Евпатора (если принимать точку зрения А.Н. Зографа и ее сторонников), либо в конце 90-х – начале 80-х гг. до н.э. (если опираться на хронологию понтийской меди Ф. де Каллатая). При этом ни одна из этих серий полисных монет не повторяет изображение на статерах, драхмах и тетрадрахмах понтийского царя с пьющим оленем, которые чеканились в 96–67 гг. до н.э., хотя олень на монетах Пантикапея и Херсонеса, вне сомнения, появился под определенным влиянием их типологии. Это означает, что его стали использовать в нумизматике Боспора и Херсонеса не ранее 96 г. до н.э., когда он появился на драхмах Митридата Евпатора, или 92 г. до н.э., когда его стали чеканить на его золотых статерах. Однако более вероятно, что пьющий олень как тип оборотной стороны монет Пантикапея и Херсонеса начал использоваться не ранее 88 г. до н.э., так как в качестве его прототипа выступали тетрадрахмы Митридата Евпатора, которые он выпускал с этого года, как только овладел большей частью Малой Азии и перенес столицу в Пергам. Тогда серия пантикапейских и фанагорийских монет типа «Артемида – лежащая влево лань» появилась не ранее 96 г. до н.э., поскольку хронологически относится к более раннему времени, нежели драхма Пантикапея с фигурой пасущегося оленя.

Для определения причин заимствования изображений Артемиды и оленя монетариями причерноморских городов в митридатовскую эпоху следует обратиться к аналогиям из других регионов античного мира. Протома оленя с поджатыми ногами появляется на реверсе монет Эфеса около 394–387 гг. до н.э. и даже раньше.²³ В 387–288 гг. до н.э. олень изображается на местных монетах в сопровождении пчелы (городского герба Эфеса)²⁴. В 288–280 гг. до н.э., когда город назывался

²² Анохин 1977, № 187; SNG IX BM 827.

²³ Kinns 1989, 183–193; Howgego 1997, 163, n. 33: ок. 400–330 гг. до н.э.

²⁴ Imhoof-Blümer 1901, 49, n. 1–13 (n. 7 – лежащий олень влево с повернутой назад головой); ср. Head 1873, период I; 1892, 56, n. 26–52, 54, 58–67; SNG Aulock (1968) 7822, 7823; SNG Aulock (1960) 1828–1834, 1836–1838.

Рис. 8. Полуфигура оленя на монете Эфеса

Арсинией в честь супруги диадоха Лисимаха, которому временно подчинялся, на монетах изображали эту царицу и оленя с преклоненными передними ногами влево²⁵. В 280–258 гг. до н.э. на лицевой стороне эфесских монет появился бюст богини Артемиды, а на оборотной – олень в виде протомы с поджатыми передними ногами и повернутой назад головой (рис. 8); иногда он показан лежащим вправо²⁶. В этот же период в обращение поступили монеты с фигурой стоящего оленя²⁷ и, что особенно для нас важно, некоторые их выпуски дают изображение пасущегося оленя вправо на оборотной стороне (рис. 9)²⁸. Пчела, бюст Артемиды и олень в виде протомы с поджатыми ногами и стоящий вправо чеканятся на медных и серебряных монетах Эфеса вплоть до 133 г. до н.э.²⁹ и даже позднее – в 48–27 гг. до н.э.³⁰ Артемида и олень как ее священное животное являлись наиболее популярными символами города, поскольку он был центром почитания Артемиды Эфесской. Там находился ее храм, известный как Артемисион и считавшийся общезллинским в Ионии и на всем западном побережье Малой Азии.

Популярность Артемиды Эфесской среди населения Малой Азии и особенно в Ионии привела к тому, что символика, связанная с ее почитанием, стала появляться на монетах других городов. В городе Селга в Писидии протома оленя с повернутой назад головой или лежащий олень вправо на реверсе изображались вместе с головами Геракла и Артемиды с луком и колчаном за плечами. Бюст Артемиды в stefane, серьгах, повязке и драпировке с луком и колчаном за плечами и стоящий вправо олень засвидетельствованы на монетах Амизона в Карии³¹, на

²⁵ Head 1873, 10, период VII; 1892, 56, n. 72–74; Imhoof-Blümer 1901, 49, n. 15–17; SNG Aulock (1960) 1840.

²⁶ Head 1873, период VIII – 280–258, IX – 258–202 гг. до н.э.; 1892, 78, 79 (280–258 гг. до н.э.); Imhoof-Blümer 1901, n. 18–20, 24, 33–35, Taf. II. 12; BMC Ionia, 87: дидрахмы 245–202 гг. до н.э.; SNG Copenhagen 267; SNG Aulock (1960) 1841, 1843.

²⁷ Head 1873, период X – 202–133 гг. до н.э.; ср., однако, Head 1892, 55, 56, n. 80–82 (280–258 гг. до н.э.); Imhoof-Blümer 1901, 51–53, n. 21–23a, 25–32, Taf. II. 13; SNG Aulock (1968) 7823a.

²⁸ Head 1892, 56, n. 83–85, pl. X, 10; BMC Ionia, 84, 85; SNG Copenhagen 268, 269; SNG Aulock (1960) 1842; Ephesos Museum, 61, 62, Inv. Nr. 1/32/76.

²⁹ Head 1892, n. 86–142; ср. 1873, периоды IX–X – 258–133 гг. до н.э.; Imhoof-Blümer 1901, n. 37–40; BMC Ionia, 122, 124, 125, 127, 130, 131, 134, 135, 140, 202; SNG Aulock (1968) 7824–7829; SNG Copenhagen 270–282; SNG Aulock (1960) 1844–1851.

³⁰ SNG Aulock (1968) 7855, 7857–1859.

³¹ Imhoof-Blümer 1902, 402, 403, Taf. XV, 2–5; 1901, 108, n. 1; SNG Aulock (1968) 8054.

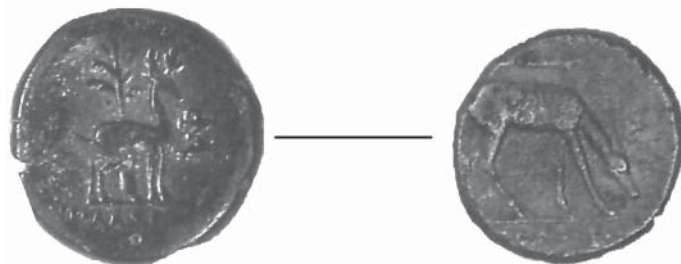

Рис. 9. Монеты Эфеса со стоящим и пасущимся оленем

медных монетах Калинды (Ликия) в I в. до н.э.³² и города Колоссы во Фригии³³. Стоящий олень фигурирует на медных монетах Магнесии-на-Меандре ок. 190 г. до н.э. в связи с популярностью местного культа Артемиды Левкофриены³⁴. Символика культа Артемиды была настолько распространена в Малой Азии, что стоящего оленя помещали на свои монеты лидийские города Гордос Юлия, Гирканис и фригийская Апамея. В римскую эпоху он появляется на их монетах вместе с изображениями Афины, Геракла и императора Тиберия³⁵. Бюст богини Артемиды и стоящего вправо оленя помещал на свои монеты галатский тетрарх Аминта в 36–25 гг. до н.э.³⁶

Перечисленные нумизматические памятники показывают, что монеты греческих городов Причерноморья конца II – начала I в. до н.э. с изображениями «Артемида – стоящий олень» и «голова Артемиды вправо – лань с передними преклоненными ногами влево» появились под влиянием почитания Артемиды Эфесской и символики ее культа в Ионии и соседних городах Малой Азии. Это наглядно подтверждают упоминавшиеся выше монеты Амиса с изображением Артемиды и стоящего оленя вместе с пальмовой ветвью. На эфесских серебряных и медных монетах со стоящим вправо оленем 202–133 гг. до н.э. рядом с ним изображена пальма. Следовательно, амисский монетный тип связан с почитанием Артемиды Эфесской и появился под влиянием ее культа в Эфесе и Ионии, тем более что Амис был основан выходцами из Фокеи в Ионии. О влиянии культа Артемиды Эфесской на монетное дело эллинских городов Северного Причерноморья свидетельствует также монета ионийской Керкинитиды 300–250 гг. до н.э. типа «женская голова (Артемида) влево, КЕР – идущий влево олень с поднятой правой ногой»³⁷. Ее типология объясняется не столько влиянием культа херсонесской Девы, сколько исконными местными традициями почитания Артемиды Эфесской, так как ее культ засвидетельствован в Керкинитиде с V в. до н.э.³⁸ Они были принесены туда

³² SNG Aulock (1968) 8487.

³³ Imhoof-Blümer 1901, 525, n. 1.

³⁴ Head 1892, 164, n. 47; SNG Copenhagen 853.

³⁵ Imhoof-Blümer 1901, 171, n. 1, 174, n. 1, 210 n. 15.

³⁶ Ireland 2000, 41, no. 1757, 1758.

³⁷ Анохин 1989, 420, 421; SNG IX BM 703–705; ср. Зограф 1951, 160; Медведева 1984, 43: автор считает, что это влияние Херсонеса и культа херсонесской Девы, близкой Артемиде. Однако в самом Херсонесе в это время стоящую лань не изображали, лежащая лань на местных монетах появляется впервые в самом конце III в. до н.э. (Анохин 1977, 143, 144).

³⁸ Кутайсов 2013, 150.

ионийскими переселенцами при основании города в VI в. до н.э. Аналогичная ситуация имела место на Боспоре, где Артемида Эфесская почиталась с VI в. до н.э. и имела свой храм на акрополе Пантикапея³⁹. Павсаний передает храмовую легенду о том, что Артемисион в Эфесе был связан с амазонками (Paus. VII. 2. 6–7). Это дает основание для предположения о перенесении культа этой богини в Причерноморье колонистами из Ионии⁴⁰, так как Пантикапей и Фанагория были основаны ионийцами, среди которых культ Артемиды был очень популярен. Греки в Причерноморье хранили традиции этого культа, хотя в нумизматике Боспора спартокидовского времени они не фиксируются. Однако боспорцы поддерживали связи с Эфесом, о чем свидетельствует находка монеты этого центра в Фанагории в кладе монет митридатовского времени⁴¹. Но как только Митридат Евпатор, включивший большую часть эллинских полисов Причерноморья и Боспор в состав своей державы, предоставил городам широкие полисные привилегии – даже большие, чем он дал грекам в родовом царстве – они начали чеканить полисную монету с изображениями и символикой эфесской богини. Причины этого в первую очередь заключались в сохранении традиционных связей с Ионией и в верности полисным религиозным ценностям, и только во вторую очередь они связаны с политикой и идеологией Митридата Евпатора.

Накануне Первой войны с Римом понтийский царь активно привлекал на свою сторону греков Причерноморья и Малой Азии, объявив себя освободителем от угнетения их римлянами. Поэтому он делал многое, чтобы завоевать их симпатии – поощрял полисные свободы и привилегии, снижал налоговое бремя, осуждал корысть и поборы римских ростовщиков, обвинял римские власти в нарушении прав греков и т.п. Это обеспечило ему поддержку эллинских полисов на первом этапе войны. В 88/87 г. до н.э. Митридат Евпатор триумфально вошел в Эфес и, пораженный популярностью храма Артемиды Эфесской, расширил священную территорию этого храма и дал ему привилегии. Страбон передает легенду о том, как действовал при этом царь Понта. Географ пишет, что Александр Македонский расширил священную территорию храма на 1 стадию, а Митридат, всегда подражавший своему великому предшественнику, пустил стрелу с крыши храма, и ее полет, превысивший 1 стадию, обозначил новые границы священного теменоса (Strabo XIV. 1. 23; App. Mithr. 21)⁴². Из Эфеса от Митридата Евпатора пришел приказ городам Азии расправиться с римлянами и италиками, их семьями и вольноотпущенниками за преступления перед греками⁴³. Существует точка зрения, что во время пребывания Митридата в Эфесе там была отчеканена золотая монета с изображением бюста Артемиды в стефане, с луком и колчаном на плечах и культовой статуей Артемиды Эфесской. Правда, в последнее время эту монету относят к 133/132 г. до н.э.⁴⁴ Как бы то ни было, монеты, чеканенные в Малой Азии незадолго до прихода Митридата и во время его пребывания в Ио-

³⁹ См. CIRB 6a, 11, 1040, 1114; Розанова 1960, 130–132; Шауб 2007, 291.

⁴⁰ Erhardt 1988, 155; Трейстер 1990, 42; Русяева 2005, 287; Кутайсов 2013, 150.

⁴¹ Монета Эфеса типа «бюст Артемиды вправо – протомы оленя с поджатыми ногами вправо» (Абрамзон 2013, 68, 75, рис. 4, 107).

⁴² Сапрыкин 2009, 215; Biffi 2010, 78–80.

⁴³ Sherwin-White 1980, 1994; McGing 1986, 113.

⁴⁴ Head 1873, 10; 1911, 576, 660; Hill 1906, 161; Magie 1950, 1103; ср. Carradice, Price 1988, 136, pl. 20, 260.

нии, появились в результате роста антиримских настроений среди малоазийских греков, особенно тех, кто проживал в римской провинции Азия. В 89–86 гг. до н.э. тиран Колофона, союзник понтийского царя, выпустил в обращение монеты с изображением бюста богини Артемиды⁴⁵. Для закрепления в сознании греков образа освободителя эллинства, Митридат Евпатор в 87 г. до н.э. организовал собственный триумф в Пергаме, где он был обожествлен и провозглашен новым Дионисом и Александром. После этого типология его царских монетных выпусков изменилась: реалистичный портрет и изображение пьющего или пасущегося Пегаса – символа персидско-эллинических корней династии – сменился на образ идеализированного правителя и пасущегося или пьющего оленя, заимствованного из символики культа Артемиды Эфесской. К. Михэлс достаточно точно выразил причины такого изменения: по его мнению, это прямая ассоциация с Эфесом, где связанный с Артемидой олень – своеобразный герб города – постоянно появляется на местных монетах. Митридат, подражая Александру, связал себя с Артемисионом и до конца правления изображал оленя на монетах даже после отпадения от него Эфеса и других городов в 86 г. до н.э. Эта символика отражала противостояние греков и римлян⁴⁶.

После этих событий полисам, подвластным и союзным Митридату, было предписано отображать символы эфесского культа Артемиды, в первую очередь, пьющего оленя, а также ее бюст, поскольку они часто присутствовали на монетах Эфеса и других городов. Эллинистические города Боспора и Херсонес Таврический, которые ранее воспользовались расширением полисных привилегий по решению самого Митридата Евпатора, также использовали атрибутику Артемиды Эфесской. Не имея возможности послушаться царя и действовать наперекор требованиям царских чиновников и творцов так называемой «митридатовской пропаганды», пантикапейский монетный двор выпустил серию медных монет с бюстом Артемиды и лежащим оленем, но в позе, более характерной для оленя на монетах Эфеса, а не в той, что он представлен на царских монетах Митридата Евпатора. Это больше соответствовало исконным культовым традициям боспорцев, а самое главное – это была своего рода демонстрация их приверженности полисным принципам и свободе в выборе типов монет. Однако боспорские греки и херсонеситы не могли пойти наперекор требованиям царской пропаганды и самого Митридата Евпатора – в конце 90-х – начале 80-х гг. до н.э., когда Митридат Евпатор самолично обратился к культу Артемиды Эфесской для сплочения эллинов против римлян, они вновь поместили символику эфесской богини на свои монеты. В Пантикапее появились серебряные драхмы типа «Артемида – пьющий олень вправо», а в Херсонесе монеты с изображением Девы и пьющего оленя, также обращенного вправо. Их типология напрямую отражала полисные традиции Пантикапея и Херсонеса, поскольку изображение на оборотной стороне было почти полностью скопировано с монет Эфеса 280–258 гг. до н.э., а не с царских тетрадрахм Митридата VI. В целом это не противоречило новой идеологии царя Понта, хотя полисные традиции и особенности культа Артемиды выражены на них ярче – пьющий олень показан вправо, тогда как царская символика требовала изображать его влево. Подобный тип оборотной стороны монет появился под прямым воздействием мо-

⁴⁵ Head 1911, 211, n. 306, pl. 28, 3; de Callatay 1997, 293; Сапрыкин 2009, 216.

⁴⁶ Michels 2009, 213. Anm. 1110; cp. Jenkins 1972, 281; McGing 1986, 112.

нетного дела Эфеса, хотя отчасти связан с Понтийским государством. По нашему мнению, подобная двойственность в подходе к изображению эфесской богини и ее оленя была прямым результатом политики Митридата Евпатора, который ради привлечения эллинских полисов для борьбы против римлян поощрял их свободы, развивал местные культы, а с другой стороны, навязывал царскую идеологию и близкие ему культовые традиции.

Таким образом, монетные серии Пантикапея, Фанагории, Херсонеса и Амиса с изображениями Артемиды и оленя появились вследствие предоставления Митридатом Евпатором полисных свобод и привилегий, включая большую свободу в выборе типов монет. Это позволило им разнообразить типологию монет за счет символики традиционных популярных божеств. В их ряду Артемида Эфесская заняла далеко не последнее место. Одновременно города, включая Боспор, выполнили предписание царской пропаганды и творцов царского культа Митридата Евпатора воспользоваться популярностью культа Артемиды Эфесской среди греков для их сплочения вокруг понтийского царя. Вот почему серии монет Боспора начала I в. до н.э. типа «Артемида – олень (лежащий и стоящий)» чеканились в русле культовых традиций Эфеса и других городов Западной Малой Азии, а не под прямым воздействием типологии царских монет.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Иванина, О.А. 2010: *Античные монеты из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Киев.
- Абрамзон, М.Г. 2013: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории. В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1: Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. М., 61–107.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса*. Киев.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 1989: *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев.
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев.
- Бурачков, П.О. 1884/2009: *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Одесса–М.
- Голенко, К.В. 1952: Монеты из случайных находок в Патрэе. *ВДИ* 3, 147–155.
- Голенко, К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. *НЭ* 2, 28–40.
- Голенко, К.В., Шелов, Д.Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. *НиСф* 1, 3–65.
- Голенко, К.В. 1964: Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках. *ПС* 11 (74), 58–73.
- Голенко, К.В. 1965: Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. *ВДИ* 4, 141–158.
- Дюков, Ю.Л. 1977: О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе. В кн.: *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики*. Л., 155–161.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.–Л.
- Кутайсов, В.А. 2013: *Античный полис Керкинитида*. Симферополь.
- Медведева, Л.И. 1984: Монеты Керкинитиды. *НЭ* 14, 40–49.
- Розанова, Н.П. 1960: Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г. *ВДИ* 3, 130–132.
- Русяева, А.С. 2005: *Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев.

- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Трейстер, М.Ю. 1990: Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея. *КСИА* 197, 37–44.
- Туровский, Е.Я. 1997: *Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э.* Севастополь.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
- Шелов, Д.Б. 1965: Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. *НЭ* 5, 31–50.
- Шелов, Д.Б. 1978: Махар, правитель Боспора. *ВДИ* 1, 55–72.
- Шелов, Д.Б. 1983: Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор. *ВДИ* 2, 40–58.
- Шелов, Д.Б. 1985: Понтийская держава Митридата Евпатора. В кн.: О.Д. Лордкипанидзе (ред.), *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси, 551–571.
- Andreae, B. 1994/1995: Eracle, Telefo e il re Mitridate VI del Ponto. Un esempio di propaganda politica contro i Romani in Asia Minore in età tardo ellenistica. *RendPontAc* 67, 111–122.
- Andreae, B. 1997: Telephos-Mithridates im Museo Chiaramonti des Vatikan. *RM* 104, 395–416.
- Biffi, N. 2010: *Scampoli di Mithridatika nella Geografia di Strabone*. Bari.
- BMC Ionia, 1873–1927: *A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum*. London.
- Callatay, F. de 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques. Vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve.
- Callatay, F. de 2007: La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 271–308.
- Carradice, I., Price, M. 1988: *Coinage in the Greek World*. London.
- Ephesos Museum = Erdemgil S., Üçbaylar E. etc. *Ephesos Museum*. Istanbul.
- Erhardt, N. 1988: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main – Bern – New York – Paris.
- Frolova, N.A. 1996: Towards a History of Bosphoran Coinage (1st century BC). *ACSS* 3. 2–3, 151–168.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford.
- Head, B.V. 1873: *The Greek Autonomous Coins*. London.
- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek Coins of Ionia*. London.
- Head, B.V. 1911: *Historia Nummorum*. Oxford.
- Hill, G.F. 1906: *Historical Greek Coins*. London.
- Hoover, O.D. 2012: *Handbook of Coins of Northern and Central Anatolia. Pontos, Paphlagonia, Bithynia, Phrygia, Galatia, Lykaonia, and Kappadokia (with Kolchis and the Kimmerian Bosphoros). Fifth to First Centuries BC*. Lancaster–London.
- Howgego, Ch. 1997: *Ancient History from Coins*. London.
- Højte, J. 2009: Portraits and Statues of Mithridates VI. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 145–162.
- Imhoof-Blümer, F. 1901/1902: *Kleinasiatische Münzen*. Bd. 1–2. Wien.
- Imhoof-Blümer, F. 1912: Die Kupferprägung des Mithradatischen Reichs und anderen Münzen des Pontus und Paphlagoniens. *NZ* 45, 2, 169–192.
- Ireland, S. 2000: *Greek, Roman, and Byzantine Coins in the Museum at Amasya (Ancient Amaseia), Turkey*. London.

- Jenkins, G.K. 1972: *Ancient Greek Coins*. Fribourg.
- Kinns, P. 1989: Ionia: the Pattern of Coinage during the last Century of the Persian empire. *REA* 91. 1–2, 183–193.
- Kleiner, G. 1953: Bildnis und Gestalt des Mithridates. *JDAI* 68, 73–96.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor*. Vol. II. Princeton.
- Malloy, A.G. 1970: *The Coinage of Amisus*. New York.
- McDonald, D. 2005: *An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus*. Lancaster–London.
- McGing, B. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden.
- Michels, Ch. 2009: *Kulturtransfer und monarchischer Philhellenismus. Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit*. Göttingen.
- Shelov, D.B. 1982: Le royaume pontique de Mithridate Eupator. *JdS*, juillet-décembre, 243–266.
- Sherwin-White, A.N. 1980: The Opening of the Mithridatic War. In: *Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni*. Vol. 6. Roma, 1981–1995.
- SNG Aulock, 1960/1968: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschlands. Sammlung von Aulock. Ionien, Kilikien*. Berlin.
- SNG Copenhagen, 1946: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. The Danish National Museum. Part I. Ionia*. Copenhagen.
- SNG State Pushkin Museum, 2011: *Sylloge Nummorum Graecorum. State Pushkin Museum of Fine Arts. Coins of the Black Sea Region*. Leuven–Paris–Walpole.
- SNG III The Lockett Collection, 1938: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. III. The Lockett Collection*. London.
- SNG IX BM, 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. 1. The Black Sea*. London.
- SNG XI Stancomb, 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of The Black Sea Region*. Oxford.
- WBR = Waddington W., Babelon E., Reinach T. 1925: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. 1, f. 1. Ed. 2*. Paris.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Ivanina, O.A. 2010: *Antichnye monety iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika*. Kiev.
- Abramzon, M.G. 2013: Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 1: Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp. 1*. Moscow, 61–107.
- Andreae, B. 1994/1995: Eracle, Telefo e il re Mitridate VI del Ponto. Un esempio di propaganda politica contro i Romani in Asia Minore in età tardo ellenistica. *RendPontAc* 67, 111–122.
- Andreae, B. 1997: Telephos-Mithridates im Museo Chiaramonti des Vatikan. *RM* 104, 395–416.
- Anohrin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Hersonesa*. Kiev.
- Anohrin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora*. Kiev.
- Anohrin, V.A. 1989: *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Kiev.
- Anohrin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev.
- Biffi, N. 2010: *Scampoli di Mithridatika nella Geografia di Strabone*. Bari.
- BMC Ionia, 1873–1927: *A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum*. London.
- Burachkov, P.O. 1884/2009: *Obshchiy katalog monet, prinadlezhashchiy ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moray*. Odessa–Moscow.
- Callatay, F. de 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques. Vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve.

- Callatay, F. de 2007: La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 271–308.
- Carradice, I., Price, M. 1988: *Coinage in the Greek World*. London.
- Dyukov, Yu. L. 1977: O monetnoy chekanke Bospora pri Mitridate Eupatore. In: *Proshloe nashey Rodiny v pamyatnikakh numizmatiki*. Leningrad, 155–161.
- Ephesos Museum = Erdemgil S., Üçbaylar E. etc. *Ephesos Museum*. Istanbul.
- Erhardt, N. 1988: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main–Bern–NewYork–Paris.
- Frolova, N.A. 1996: Towards a History of Bosphoran Coinage (1st century BC). *ACSS* 3. 2–3, 151–168.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford.
- Golenko, K.V. 1952: Monety iz sluchaynykh nahrodok v Patree. *Vestnik drevney istorii* 3, 147–155.
- Golenko, K.V. 1960: Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n.e. *Numizmatika i epigrafika* 2, 28–40.
- Golenko, K.V., Shelov, D.B. 1963: Monety iz raskopok Pantikapeya 1945–1961 gg. *Numizmatika i sfragistika* 1, 3–65.
- Golenko, K.V. 1964: Monetnaya med' gorodov Ponta i Paflagonii vremeni Mitridata VI v bosporskikh nahrodokakh. *Palestinskiy sbornik* 11 (74), 58–73.
- Golenko, K.V. 1965: Fantalovskiy klad bosporskikh didrahm I v. do n.e. *Vestnik drevney istorii* 4, 141–158.
- Head, B.V. 1873: *The Greek Autonomous Coins*. London.
- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek Coins of Ionia*. London.
- Head, B.V. 1911: *Historia Nummorum*. Oxford.
- Hill, G.F. 1906: *Historical Greek Coins*. London.
- Hoover, O.D. 2012: *Handbook of Coins of Northern and Central Anatolia. Pontos, Paphlagonia, Bithynia, Phrygia, Galatia, Lykaonia, and Kappadokia (with Kolchis and the Kimmerian Bosphoros). Fifth to First Centuries BC*. Lancaster – London.
- Howgego, Ch. 1997: *Ancient History from Coins*. London.
- Højte, J. 2009: Portraits and Statues of Mithridates VI. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 145–162.
- Imhoof-Blümer, F. 1901/1902: *Kleinasiatische Münzen*. Bd. 1–2. Wien.
- Imhoof-Blümer, F. 1912: Die Kupferprägung des Mithradatischen Reichs und anderen Münzen des Pontus und Paphlagoniens. *NZ* 45, 2, 169–192.
- Ireland, S. 2000: *Greek, Roman, and Byzantine Coins in the Museum at Amasya (Ancient Amaseia), Turkey*. London.
- Jenkins, G.K. 1972: *Ancient Greek Coins*. Fribourg.
- Kinns, P. 1989: Ionia: the Pattern of Coinage during the last Century of the Persian empire. *REA* 91. 1–2, 183–193.
- Kleiner, G. 1953: Bildnis und Gestalt des Mithridates. *JDAI* 68, 73–96.
- Kutaisov, V.A. 2013: *Antichnyy polis Kerkinitida*. Simferopol'.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor*. Vol. II. Princeton.
- Malloy, A.G. 1970: *The Coinage of Amisus*. New York.
- McDonald, D. 2005: *An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus*. Lancaster–London.
- McGing, B. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden.
- Medvedeva, L.I. 1984: Monety Kerkinitidy. *Numizmatika i epigrafika* 14, 40–49.

- Michels, Ch. 2009: *Kulturtransfer und monarchischer Philhellenismus. Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit*. Göttingen.
- Rozanova, N.P. 1960: Posvyatitel'naya nadpis' Artemide efesskoy, naydannaya v Pantikapee v 1949 g. *Vestnik drevney istorii* 3, 130–132.
- Rusyaeva, A.S. 2005: *Religiya pontiyskihr ellonov v antichnuyu epohru. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskihr bogov i geroev*. Kiev.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo*. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni*. Moscow–Tula.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.)*. Saint-Peterbourg.
- Shelov, D.B. 1965: Materialy k istorii denezhnogo obrashcheniya v gorodahr Bospora v VI–I vv. do n.e. *Numizmatika i epigrafika* 5, 31–50.
- Shelov, D.B. 1978: Mahrar, pravitel' Bospora. *Vestnik drevney istorii* 1, 55–72.
- Shelov, D.B. 1982: Le royaume pontique de Mithridate Eupator. *JdS*, juillet-décembre, 243–266.
- Shelov, D.B. 1983: Goroda Severnogo Prichernomor'ya i Mitridat Eypator. *Vestnik drevney istorii* 2, 40–58.
- Shelov, D.B. 1985: Pontiyskaya derzhava Mitridata Eypatora. In: O.D. Lordkipanidze (ed.), *Prichernomor'e v epohru ellinizma*. Tbilisi, 551–571.
- Sherwin-White, A.N. 1980: The Opening of the Mithridatic War. In: *Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni*. Vol. 6. Roma, 1981–1995.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu. L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Ol'viya, Tira*. Saint-Peterbourg.
- SNG Aulock, 1960/1968: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschlands. Sammlung von Aulock. Ionien, Kilikien*. Berlin.
- SNG Copenhagen, 1946: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. The Danish National Museum. Part 1. Ionia*. Copenhagen.
- SNG State Pushkin Museum, 2011: *Sylloge Nummorum Graecorum. State Pushkin Museum of Fine Arts. Coins of the Black Sea Region*. Leuven–Paris–Walpole.
- SNG III The Lockett Collection, 1938: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. III. The Lockett Collection*. London.
- SNG IX BM, 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. 1. The Black Sea*. London.
- SNG XI Stancomb, 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of The Black Sea Region*. Oxford.
- Treister, M.Yu. 1990: Drevneyshiy predmet etrusskogo proizvodstva v Severnom Prichernomor'e i nekotorye problemy ranney istorii Pantikapeya. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* 197, 37–44.
- Turovskiy, E.Ya. 1997: *Monety nezavisimogo Hersonesa IV–II vv. do n.e. Sevastopol'*.
- WBR = Waddington W., Babelon E., Reinach T. 1925: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. 1, f. 1. Ed. 2*. Paris.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety*. Moscow–Leningrad.

BOSPORAN COINS WITH ARTEMIS/STAG TYPE OF THE MITHRIDATIC PERIOD

Sergey Yu. Saprykin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mithridates@mail.ru*

Abstract. The author analyzes two series of Bosporan coins issued during the rule of Mithradates VI Eupator, the King of Pontus. The first coinage consists of Panticapaeum and Phanagorian bronze coins with Artemis r./stag lying l. The other coinage contents Panticapaeum silver drachms with Artemis r., bow and a quiver at shoulder/stag feeding (drinking) r., monogram l. Basing on the dates for the quasi-autonomous copper of Pontus and Paphlagonia suggested by F. Imhoof-Blumer, scholars dated the first series to the end of the 2nd century BC (or to the turn of 1st – 2nd centuries BC). The second series of silver coins was dated to the 90–80 BC (a group of researchers proposed a wider date – circa 100–75 BC). There is a common opinion that the type of lying or feeding stag reflected the Pontic (i.e. Mithridatic) motives and was even directly connected with the personality of Mithradates VI. But the chronology of copper coins of Pontus was recently précised by F. de Callatay. It allows us to date the first series of Bosporan coins to the late 90s – 80s BC, what is close to the period when the second coin series appeared. Their reverse type is linked with the increased worship of Artemis of Ephesus in the Bosphorus and other cities of the Black Sea Region, which took place shortly before and during the first years of the First Mithridatic war. The symbols of Artemis' cult on coins of Bosphorus, Chersonesus Taurica and Amisus appeared not under the direct influence of Mithridatic ideology, but as a result of an impact from Ephesus, its coinage and popularity of Artemision, the Panhellenic temple there. The spreading of traditional worship of the Ephesian goddess was due to the polis freedom and privileges given to Greek cities by Mithradates Eupator. This allowed them to be easier in choosing polis cults and coin types. The type of a stag on autonomous coins didn't contradict to the so-called "Mithridatic propaganda" using the cult of Artemis of Ephesus in late 90s – early 80s BC for uniting the Greeks in Asia Minor and in the Black Sea Region around the king of Pontus who had been proclaimed as the liberator of the Greeks.

Key words: Bosphorus, Ephesus, Mithradates Eupator, Artemis, stag, Phanagoreia, Panticapaeum, Pontic Kingdom

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 266–279
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 266–279
© Автор(ы) 2016

ВИЗАНТИЙСКИЕ СОЛИДЫ И АББАСИДСКИЙ ДИРХАМ 8 В. ИЗ ФАНАГОРИИ

М.Г. Абрамзон*, С.Н. Остапенко**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,*
Магнитогорск,

abramzon-m@mail.ru

** *Институт археологии РАН, Москва,*
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются три византийских солида и аббасидский дирхам 8 в., найденные при исследовании хазарского квартала на городище Фанагории в 2016 г. Небольшой участок городской застройки, где были обнаружены византийское золото и куфическое серебро, представляет собой два монументальных дома (№ 16 и 10), вытянутые вдоль улицы с юго-запада на северо-восток. Два солида, найденные при расчистке улицы, принадлежат чекану Тиберия III Апсимара (698–705), третий – Константину V Копрониму и Льву IV Хазару (741–775). Салид Константина V имеет граффити на каждой из сторон; кроме того, он сильно обрезан по краям. В коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится другой подобный экземпляр из Фанагории. Многочисленные находки солидов Константина V на Кавказе и в Крыму отражают пик политических отношений между Хазарией и Византией в правление этого императора. Кроме того, на полу одного из помещений дома № 16 был найден дирхам халифа ал-Махди (775–785). Известны еще три куфические серебряные монеты, происходящие с фанагорийского городища. Совместная находка византийских солидов и аббасидского дирхама конкретизирует представление об обращении византийских и арабских монет в Хазарском каганате в 8 в. Эти монеты отражают короткий момент (в последней четверти данного столетия) одновременного хождения на денежном рынке Хазарии византийского золота и куфического серебра. Публикация важной находки пополняет базу данных по византийской и восточной нумизматике Юга России.

Ключевые слова: Фанагория, Хазарский каганат, Византия, Арабский халифат, денежное обращение, солиды, дирхамы

Находки раннесредневековых золотых и серебряных монет на городище Фанагории (раскоп «Нижний город», 2016 г.) представляют большой интерес для изучения денежного обращения, политических и товарообменных связей Хазарии с Византией и Арабским халифатом.

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Остапенко Сергей Николаевич – аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН, младший научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория».

1. Археологический контекст

В 2014 г. на нижнем плато городища Фанагории был заложен раскоп «Нижний город» площадью 2000 кв. м. (50×40 м), ориентированный по сторонам света с сеткой квадратов 5×5 м¹. Северо-западный угол его примыкает к раскопу «Центральный», работы на котором проводила М.М. Кобылина в 1959–1960, 1968, 1970–1972 и 1974 гг.².

В 2015–2016 гг. на раскопе «Нижний город» были открыты частично или полностью остатки нескольких жилых домов хазарского времени, изучение которых предоставляет возможность реконструировать городскую планировку – улицы, жилые и хозяйственные постройки.

В 2015 г. был исследован многокомнатный дом (объект № 9), состоящий из шести помещений, общей площадью (по внешнему контуру стен) 126 кв. м, который, по-видимому, датируется второй половиной IX в.³. До настоящего времени в Фанагории и в Гермонассе-Таматархе были известны только двух- и трёхкомнатные дома⁴. Открытие дома с шестью помещениями свидетельствует о довольно высоком уровне жизни в городе.

Небольшой участок городской застройки, где были найдены византийские золотые монеты и куфический серебряный дирхам, исследовался в 2015–2016 гг. Он представляет собой два монументальных дома (№ 16 и 10)⁵, вытянутых вдоль улицы с юго-запада на северо-восток (рис. 1–2). Дом № 16 (рис. 4), прямоугольный в плане и состоящий из трёх помещений, частично уходит под западный борт раскопа. По периметру постройки сохранились стены, высота которых местами превосходит 0.8 м. Вход в дом находился в северной стене.

Дом № 10 в плане, почти прямоугольный в плане, состоит так же из трех помещений. Он ориентирован по оси С–СЗ – Ю–ЮВ. Высота сохранившихся стен составляет местами более 1 м. Вход в дом располагался с западной стороны. Внутри помещений, разделенных межкомнатными перегородками, обнаружены два пифоса, амфоры, ступа и зернотёрки.

Стены домов выполнены в хазарской технике кладки камня «в ёлочку» или *opus spicatum* в два панциря с забутовкой. Этот строительный прием применяется в Фанагории, начиная с первой половины VIII в.⁶ Исследования раннесредневековых слоёв на раскопе «Нижний город» показывают высокую функциональную организацию городского пространства и развитую технику домостроительства.

¹ Кузнецов 2014, 102–103; 2015а, 89.

² Кузнецов 2014, 102; Кузнецов, Голофаст 2010, 393; Плетнёва 2000, 145–147.

³ Кузнецов 2015б, 306–307.

⁴ Кузнецов 2015б, 310.

⁵ После окончания полевых исследований данным постройкам будет посвящена специальная работа.

⁶ Кузнецов 2010, 411.

Рис. 1. Общий вид домов № 16, 10 и 20 (с юго-запада)

Рис. 2. Общий вид домов № 10 и 16 (с юга)

В ходе раскопок данного хазарского квартала в полевом сезоне 2016 г. были найдены четыре монеты 8 в.: три византийских солида и аббасидский дирхам (рис. 3). Локализация находок следующая: два солида Тиберия III Апсимара (698–705)⁷ найдены при раскопках улицы, примыкающей с южной стороны к домам № 10 и 16 (квадраты А1/14 и Б2/15). Третий солид – Константина V Копронима и Льва IV Хазара (741–775)⁸ – происходит из объекта № 20 (кв. В6/15), примыкающего к северо-восточному углу дома № 10. Также, внутри дома № 16, в помещении 3, на уровне пола найден дирхам халифа ал-Махди⁹.

Данная совместная находка византийских солидов и аббасидского дирхама в Фанагории – центре одной из важнейших провинций Хазарского каганата, конкретизирует представление об обращении византийских и арабских монет в Хазарии в 8 в. Издаваемые в настоящей статье монеты фиксируют короткий момент (в последней четверти данного столетия) синхронного хождения на денежном рынке Хазарии византийского золота и куфического серебра.

2.1. Византийские солиды

Византийские солиды отчеканены на Константинопольском монетном дворе. Выпуски Константинополя доминируют в находках византийского золота в Северном Причерноморье на памятниках хазарского времени. Отмечено, что солиды, попадавшие к хазарам и другим народам за пределами Византийской империи в качестве дипломатических даров, дани, выкупа за пленных и т.д., поступали прямо со столичного монетного двора¹⁰.

Оба солида Тиберия III из Фанагории однотипны; один из них выпущен в пятой официне, другой – в шестой.

Тиберий III Апсимар (698–705)

Л.с. DΘΙΒΕΡΙΙ ΘSPΘ AV. Бюст Тиберия в анфас, бородатого, в панцире и короне, украшенной крестом. В правой руке держит копье впереди себя. Левое плечо прикрыто щитом с изображением всадника.

О.с. VICTORIA AVSΘ Є. Крест на трехступенчатом основании. Внизу CONOB.

Лит.: DOC II/2, 626, no. 1d.

1) Ф-16-2; вес 4.314 г; диаметр 20 мм (рис. 3, 1).

2) Ф-16-1; вес 4.354 г; диаметр 20 мм. *О.с.* VICTORIA AVSΘ S.

DOC II/2, 626, no. 1e. Pl. XLI, 1c (рис. 3, 2).

Солиды Тиберия III редко встречаются на Кавказе и Предкавказье. По данным В.В. Кропоткина, зарегистрировано всего четыре находки их в Закавказье и на Черноморском побережье Кавказа, ближайшие две из которых происходят из Пицунды и Сухуми¹¹.

⁷ Полевая опись, № 2 (Ф-16-2); № 1 (Ф-16-1).

⁸ Полевая опись, № 3 (Ф-16-3).

⁹ Полевая опись, № 4 (Ф-16-4). Объект 16, шт. 14.

¹⁰ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140.

¹¹ Кропоткин 1962, 45, № 435, 450.

Чекан Константина V представлен сильно обрезанным солидом, выпущенным в период его совместного правления со Львом IV Хазаром. Обозначение официны в конце надписи на реверсе отсутствует. Публикуемый экземпляр принадлежит к классу IIb, по Ф. Гирсону¹², представляющему Льва IV взрослым. Монеты этого класса составляют большинство в чеканке Константина V. Кроме того, данный экземпляр относится к пятой серии, по классификации Ф. Фюзга, учитывающей иконографические детали, в том числе, количество волн, на которые делятся волосы императоров в причёске¹³.

**Константин V Копроним и Лев IV Хазар (741–775)
757–765 гг.¹⁴ или 758–764 гг.¹⁵**

Л.с. [COnSTAnTInOSSLEOnOn€OS] – надпись полностью срезана. Два бюста в анфас – Константина V, с бородой, слева, и безбородого Льва IV, справа. Оба императора одеты в хламиды, на головах короны, увенчанные крестом. Волосы обоих императоров образуют по три волны. Наверху между бюстами – небольшой крестик. Между бюстами – точка.

О.с. [C LC OnPA] – надпись срезана. Окончание надписи MCH – верхние части букв срезаны. Бюст Льва III в анфас, с бородой, одетого в лору и корону с ободком, увенчанным крестом. В правой руке император держит крест на сфере.

Лит.: ср. DOC III/1, 301, no. 2f.3. Pl. VIII, 2f.3; Füeg 2007, 5.A.2.

3) Ф-16-3; вес 1.827 г, диаметр 14.5 x 13 мм; обрезан по кругу (Рис. 3, 3).

Солиды Константина V получили широкое распространение в Северном Причерноморье. В Крыму и на Тамани значительная часть их сильно обрезана по кругу. В.В. Гурулевой издано 16 обрезанных солидов Константина V из Крыма¹⁶, относящихся к тому же типу, что монета из Фанагории. Из таманских единичных находок, кроме публикуемого экземпляра, нам известно 11 обрезанных солидов Константина V: 2 экз. – из раскопок Таматархи¹⁷; 1 – некрополя рядом с пос. Гаркуша¹⁸; 3 – коллекции, нелегально собранной в окрестностях Тамани, конфискованной и переданной в КГИАМЗ¹⁹; 3 – частных коллекций²⁰; 1 – с поселения Виногоградный Северо-Восточный 2 рядом с Фанагорией²¹. Наконец, из Фанагории происходит еще один обрезанный солид Константина V и Льва IV, приобретенный

¹² DOC III/1, 301, no. 2f.1; 2.f.3; 2.g.2; 2.g.3.

¹³ Füeg 2007, 17.

¹⁴ DOC III/1, 292–293.

¹⁵ Füeg 2007, 17.

¹⁶ Гурулева 2004а, 430–431.

¹⁷ 1) 1976 г. Вес 1.67 г, диаметр 12.5 мм. См. Розов 1987, рис. 3; Чхаидзе 2008, 234–235. Рис. 133, 1; 2) 2005 г. Вес 1.38 г, диаметр 11. См. Чхаидзе 2008, 234–235. Рис. 133, 1.

¹⁸ Миллер 1932, 68; Кропоткин 1962, 22, № 27. Рис. 17, 17 (ошибочно приписан к Таманскому городищу); Сударев 1994, 115; Гурулева 2004а, 432; Чхаидзе 2008, 236.

¹⁹ Все они имеют процарапанные граффити. См. Пьянков, Юрченко 2015, 40–41. Рис. 1, 1–3.

²⁰ Пьянков, Юрченко 2015, 41.

²¹ Подражание солиду Константина V Копронима и Льва IV Хазара 757–765 гг. Раскопки 2016 г.

Л.П. Харко для ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1928 г.²² Кроме того, большинство солидов крупного Славянского (Анастасиевского) клада 1989 г., тоже обрезано по краям до ободков²³. Ряд обрезанных солидов Константина V включают также музейные собрания, например, ГИМ²⁴.

По мнению В.В. Гурулевой, обрезанные солиды играли роль разменной монеты, имевшей хождение в Восточном Крыму в 8 в. Возможно, обрезывание монет санкционировалось местными властями, а заметная разница в весе соответствовала фракциям солида – семиссу, тремиссу и местному номиналу в четверть солида, который не был известен в Византии²⁵. В таком случае, весовая норма публикуемого экземпляра соответствует семиссу. Другое, наиболее предпочтительное, объяснение обрезывания солидов по краям связывается с мошенничеством чиновников, купцов, менял, сборщиков налогов, имевших дело с крупными суммами и заинтересованных в личном обогащении. Подобная мошенническая практика бытовала в Византийской империи, несмотря на суровость наказаний²⁶.

Встречаются также более ранние солиды, обрезанные по краям: например, Константа II 659–668 гг. из Анапского р-на²⁷ и Феодосия III Андрамитянина (715–717) из ГИМ²⁸. Обрезывание солидов продолжается и в 10 в., судя по находке на Таманском городище обрезанного солида Василия II и Константина VIII²⁹.

На Тамани попадаются и обрезанные куфические дирхамы 8–9 вв., которые, вероятно, также подгонялись под какую-то местную денежную систему³⁰.

Многочисленные находки солидов Константина V со Львом IV на Кавказе и в Крыму³¹, не говоря уже о степной зоне³², отражают пик политических отношений между Хазарией и Византией в его правление. Это подтверждает и состав упомянутого Славянского клада византийских солидов и арабских динаров и их имитаций³³ (1989 г.), в котором большая часть монет принадлежала Константину V Копроному³⁴. По мнению издателей, клад являлся платой византийцев хазарскому кагану за помощь в войне против арабов³⁵. Почти все солиды Константина V в кладе имеют процарапанные граффити. Эрмитажное собрание также содержит много солидов 8 в., имеющих граффити, – 32 из 148 экз. Среди них солиды Льва III, Льва III с Константином V, Константина V со Львом IV и Львом III, Константин VI и Ирины, самой Ирины. Но преобладают именно солиды с Константином V со Львом IV и Львом III³⁶. В коллекции также ГИМ тоже имеются монеты

²² Инв. № 4 (7т). Вес 3.84 г, диаметр 18 мм. 5. Опубликована: Кропоткин 1962, 22, № 17; Коваленко 2015, 200, № 748.

²³ Гурулева 2004б, 43; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140.

²⁴ Фролова 2010, № 303, 304, 306, 307, 308, 312, 3123, 15186, 6312.

²⁵ Гурулева 2004а, 432.

²⁶ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 140–141.

²⁷ Кропоткин 1962, 23, № 33.

²⁸ Фролова 2010, 184; 337, табл. LXII, 279.

²⁹ Кропоткин 1962, 23, № 28а.

³⁰ Чхаидзе 2008, 237.

³¹ Список единичных находок солидов Константина V с сопровителями см.: Абрамзон 2013, 37.

³² Семенов 1996, 30–31.

³³ См. Семенов 1996, 31.

³⁴ Учено 256 экз. См. Füeg 2007; Гурулева 2009, 68–85; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 136–139.

³⁵ Анфимов 1990, 218–229.

³⁶ Гурулева 2003, 45–46.

с граффити: Льва III с Константином V, Константина V, а также Константина V со Львом IV и Львом III³⁷. Интерпретация граффити позволяет лучше разобраться в отношениях Византийской империи с Арабским Халифатом в 8 в.³⁸

На публикуемом экземпляре процарапано два граффити: на л.с. – между бюстами императоров тюркская руна, на о.с. – справа от бюста композиция из хазарских знаков (рис. 3, 3). На солидах Славянского клада преобладают тюркские руны и тамги с другими хазарскими символами; предположительно, большинство этих знаков было нанесено в Хазарии, но часть граффити имеет крымское происхождение³⁹. По мнению издателей данного клада, нанесение на солиды рунообразных знаков и тамг следует рассматривать как собственнические метки⁴⁰.

В Фанагории был найден также солид Зенона (474–491), отчеканенный в Константинополе в 476–491 гг. н.э.⁴¹, имеющий граффито на л.с. справа от портрета императора (греческая буква Ν?)⁴². Этот знак соответствует граффито № 51 на одном из солидов Славянского клада⁴³.

По наблюдению В.В. Гурулевой, среди обрезанных солидов 8 в. большинство составляют выпуски Константина V со Львом IV и Львом III, датированные 757–775 гг. В правление Константина V вновь ухудшились отношения между Хазарским каганатом и Халифатом и наладились союзнические отношения с Византией, вследствие чего возрос поток солидов в степь в качестве дипломатических даров⁴⁴. Однако вскоре политическая ситуация изменилась полярно, и союзнические отношения Хазарии с Халифатом привели к поступлению на его территорию куфического серебра, полностью вытеснившего византийские монеты. Между тем в Крыму и на Тамани, где Византия не утратила своего влияния, по-прежнему преобладают солиды⁴⁵.

2.2. Аббасидский дирхам

На полу помещения 3 дома № 16 найден аббасидский дирхам халифа ал-Махди (775–785)⁴⁶ (рис. 3, 4).

³⁷ Фролова 2010, табл. LXII, 282, 283, 289, 290; LXIV, 304, 308; LXV, 6312.

³⁸ Semenov 1994, 83–85; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143–144; 147–153 (табл. 2).

³⁹ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 143.

⁴⁰ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 144.

⁴¹ Крopotкин 1961, 40, № 21; Abramzon 2011, 272, pl. 2, 1; Абрамзон 2013, 40, № 8, цв. вкл. 7, 8.

⁴² Абрамзон 2015, рис. 1, 1.

⁴³ Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 148, № 51.

⁴⁴ Пьянков 2011, 42.

⁴⁵ Гурулева 2005, 44–45.

⁴⁶ Авторы выражают искреннюю признательность научному сотруднику ИА РАН, к.и.н. А.А. Гомзину за определение дирхама.

Рис. 3. Византийские солиды и аббасидский дирхам из Фанагории:
1-2 - солиды Тиберия III; 3 - солид Константина V; 4 - дирхам ал-Махди.

Рис. 4. Вид на дом № 16 (с северо-запада)

Аббасиды

**Мухаммад ибн Абдуллах (ал-Мансур) ал-Махди (775–785)
ал-‘Аббасийя, 168 г. х. (784/785 г.)**

AR. Дирхам

Л.с. Поле – первая часть символа веры в три строки. Круговая легенда с вводной формулой и выпускными сведениями.

О.с. Поле – вторая часть символа веры в три строки. Над первой строкой – **خ**. Под третьей строкой – **Йазид**. Круговая легенда – **Коран**, IX, 33.

Лит.: Тизенгаузен 1873, 113, № 1043.

Ф-16-4; вес 2.14 г; диаметр 24 мм.

Кроме публикуемого дирхама, в Фанагории зарегистрированы еще три куфические монеты. При раскопках И.Е. Забелина впервые было найдено куфическое серебро⁴⁷. В 1978 г. найден обрезанный по кругу аббасидский дирхам халифа ал-Мансура (754–775) с именем наследника ал-Махди⁴⁸, возможно, являющийся хазарским подражанием (это самая ранняя восточная монета из Фанагории)⁴⁹. В Анапском археологическом музее хранится дирхам ал-Ма’муна, Мадина́т Самарканд, 198 г.х. (813/814 г.), случайно найденный на городище в 1990 г.⁵⁰.

На Таманском полуострове известно еще пять обрезанных куфических монет: два аббасидских дирхама – халифа ал-Амина (809–813) и неопределенный, дирхам Абу-Даудидов – ибн-Ахмада (874–899)⁵¹; также еще два дирхама – с поселения у балки Лисовицкого⁵², один из которых представляет (хазарское?) подражание аббасидскому дирхаму ал-Мансура, чеканки Мадина́т ас-Салам, 148–158 гг.х. (765–775 гг.), второй – либо аббасидский, либо тоже подражание⁵³. Кроме того, при исследовании Таманского городища найдены дирхам халифа Харун-ар-Рашида 191 г.х. (807/808 г.), Мадина́т ас-Салам (Багдад), и дирхам ал-Ма’муна 194–218 г.х. (813–833 гг.)⁵⁴. На Тамани, возможно, производились хазарские подражания аббасидским динарам и дирхамам⁵⁵.

Активное распространение арабских монет на территории каганата началось на рубеже 750–760-х гг.⁵⁶. Однако находки куфических монет 8–9 вв. достаточно редки в Восточном Крыму, на Азиатском Боспоре и приграничной территории Черноморского побережья Кавказа⁵⁷. Проникновение дирхамов в Крым и на Та-

⁴⁷ Марков 1910, 14. № 79.

⁴⁸ Раскоп «Западный Береговой I», шт. 2. См. Чхаидзе 2005, 352.

⁴⁹ Атавин, Чхаидзе 2003, 54, № 3. Аналогии: ср. Быков 1971, 27. Табл. I, II, X.

⁵⁰ Инв. № КМ 13587/1. Вес 1.44 г; диаметр 21 мм. Серебро 900°. Определение А.А. Гомзина. Дирхам был приобретен для музея научным сотрудником А.М. Новичихиным. Авторы благодарят Андрея Михайловича за любезно предоставленную информацию и фото монеты. Дирхам пробит и использовался в качестве подвески.

⁵¹ Чхаидзе 2008, 237.

⁵² Шишлов, Колпакова, Федоренко 2016, 132. Рис. 1, 19–20.

⁵³ Определение А.А. Гомзина.

⁵⁴ Чхаидзе 2008, 238.

⁵⁵ Сидоренко 2002, 436.

⁵⁶ Круглов 2004, 53.

⁵⁷ Из некрополя поселения салтовского круга в окрестностях Адлера происходят два аббасидских дирхама – Харуна ар-Рашида и анонимный. Пахомов 1959 (III), 27, № 1963.

мань связано с торговлей хазар, которые в 8 в. использовали куфическое серебро для платежей⁵⁸.

Известны редкие случаи пересечения византийских солидов и куфических монет в кладах. К таким комплексам относятся клады со средневекового городища Бакла в Крыму (1999 г.)⁵⁹ и Славянска-на-Кубани (1989 г.)⁶⁰. В Предкавказье же доминируют клады, состоящие только из византийских монет.

Совместные находки единичных солидов и дирхамов в остатках хазарских домов на городищах до сих пор не были зарегистрированы. Отсюда фанагорийская находка фиксирует смешение солидов и дирхамов в повседневном денежном обращении в последней четверти 8 в.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2013: Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок. *ПИФК* 2, 22–43.
- Абрамзон, М.Г. 2016: Золотые античные монеты с граффити на Боспоре. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (Боспорские чтения XVI), Керчь, 5–10.
- Анфимов, И.Н. 1990: Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани. В сб.: *Кубанский краевед*. Краснодар, 218–229.
- Атавин, А.Г., Чхаидзе, В.Н. 2003: Средневековые монеты из Фанагории. В сб.: *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 года. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 53–54.
- Быков, А.А. 1971: О хазарском чекане VIII–IX вв. Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов. *ТГЭ* XII, 26–36.
- Гурулева, В.В. 2003: Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа. В сб.: *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 года. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 45–46.
- Гурулева, В.В. 2004а: Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак. В сб.: *Судейский сборник*. Киев–Судак, 430–441.
- Гурулева, В.В. 2004б: Новая группа византийских монет из Славянского клада. В сб.: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2003 года. Тезисы докладов и сообщений*. М., 43–44.
- Гурулева, В.В. 2005: Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и Хазарии. В сб.: *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 года. Тезисы докладов и сообщений*. М., 44–45.
- Гурулева, В.В. 2009: Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А.А. Марковой* (ТГЭ XLVIII). СПб, 68–85.
- Гурулева, В.В., Кулешов, В.С., Юрченко, Т.В. 2011: Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада. *НЭ* XVIII, 136–186.
- Коваленко, С.А. 2015: *Византийские монеты в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Каталог коллекции*. М.
- Кропоткин, В.В. 1962: *Клады византийских монет на территории СССР* (САИ Е 4–4). М.

⁵⁸ Быков 1971, 33.

⁵⁹ Сидоренко 2002, 429–454.

⁶⁰ Анфимов 1990, 218–229; Гурулева, Кулешов, Юрченко 2011, 136–139.

- Круглов, Е.В. 2004: Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности. В сб.: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2003 года. Тезисы докладов и сообщений*. М., 52–54.
- Кузнецов, В.Д. 2014: *Отчёт о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г.* (Архив ИА РАН. № 45554).
- Кузнецов, В.Д. 2015а: *Отчёт о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2015 г.* Архив ИА РАН. №47481.
- Кузнецов, В.Д. 2015б: Раннесредневековый дом в Фанагории, *ДБ* 20, 306–317.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории, *ПИФК* 1, 393–429.
- Марков, А.К. 1910: *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*. СПб.
- Миллер, А.А. 1932: Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. *СГАИМК* 7–8, 67–68.
- Пахомов, Е.А. 1926–1966: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. I–IX*. Баку.
- Плетнёва, С.А. 2000. *Очерки хазарской археологии*. М. – Иерусалим.
- Пьянков А.В., Юрченко, Т.В. 2011: Византийские золотые монеты из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника. В сб.: *Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва-Коломна, 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений*. М., 40–42.
- Розов, В.Н. 1987: Византийские золотые монеты Таманского городища. В сб.: *Культура и искусство Боспора* (СГМИИ 8). М., 154–157.
- Семенов, А.И. 1996: «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата. В сб.: *Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Димитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов*. М., 29–32.
- Сидоренко, В.А. 2002: Подражания аббасидским дирхамам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени. *МАИЭТ* IX, 429–454.
- Сударев, Н.И. 1994: Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей). *БС* 4, 108–126.
- Тизенгаузен, В.Г. 1873: *Монеты Восточного халифата*. СПб.
- Фролова, Н.А. 2010: *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии)*. М.
- Харко, Л.П. 1968: Монетные находки в Фанагории. *СГМИИ* IV, 94–99.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Чхаидзе, В.Н., Атавин, А.Г. 2005: Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.). *МИАСК* 5, 348–358.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2016. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края. В сб.: Волкодав Н.В. (ред.), *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.)*. Краснодар, 131–137.
- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria. In: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251–274.
- Füeg, F. 2007: *Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople*. 713–976. London.
- Semenov, A.I. 1994: New Evidence on the Slavyansk (Anastasievka) Hoard of the 8th Century AD Byzantine and Arab Coins. In: *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 82–85.

REFERENCES

- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria. In: N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251–274.
- Abramzon, M.G. 2013: Zolotyie antichnye i vizantiyskie monety iz fanagoriyskikh nakhodok. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* 2, 22–43.
- Abramzon, M.G. 2016: Zolotyie antichnye monety s graffiti na Bospore. In: *Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* (Bosporskie chteniya XVI), Kerch, 5–10.
- Anfimov, I.N. 1990: Klad zolotykh monet VIII veka iz g. Sloavyanska-na-Kubani. In: *Kubanskiy kraeved.* Krasnodar, 218–229.
- Atavin, A.G., Chkhaidze, V.N. 2004: Srednevekovye monety iz Fanagorii. In: *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya 2004 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy.* Moscow, 65–65.
- Bykov, A.A. 1971: O khazarskom chekane VIII–IX vv. Doklad na III Vsesoyuznoy konferentsii arabistov. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* XII, 26–36.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamartarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove.* Moscow.
- Chkhaidze, V.N., Atavin, A.G. 2005: Srednevekye monety iz Fanagorii (k voprosu o bytovanii gorodishcha v X–XVIII vv.). In: *Materialy po Istorii i Arkheologii Severnogo Kavkaza* 5, 348–358.
- Frolova, N.A. 2010: *Antichnye zolotyie monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (ot antichnosti do Vizantii).* Moscow.
- Füeg, F. 2007: *Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople.* 713–976. London.
- Gurulyeva, V.V. 2003: Graffiti na zolotykh monetakh VIII v. iz Ermitazha. In: *Odinnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Sankt-Petersburg, 14–18 aprelya 2003 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy.* Saint-Petersburg, 45–46.
- Gurulyeva, V.V. 2004a: Zolotyie monety Konstantina V (741–775), naydennye v Sudake. In: *Sugdeyskiy Sbornik.* Kiev–Sudak, 430–441.
- Gurulyeva, V.V. 2004b: Novaya gruppa vizantiyskikh monet iz Slavyanskogo klada. In: *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya 2004 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy.* Moscow, 43–44.
- Gurulyeva, V.V. 2005: Osobennosti i raznovidnosti podrazhaniy monetam vizantiyskikh imperatorov pervoy poloviny VIII v. v Krymu i Khazarii. In: *Trinadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 11–15 aprelya 2005 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy.* Moscow, 44–45.
- Gurulyeva, V.V. 2009: Vizantiyskie monety iz Slavyanskogo (Anastasievskogo) klada v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki. Pamyati A.A. Markovoy* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XLVIII). Sankt-Petersburg, 68–85.
- Gurulyeva, V.V., Kuleshov, V.S., Yurchenko, T.V. 2011: Monety iz Slavyanskogo (Anastasievskogo) klada. *Numizmatika i Epigrafika* XVIII, 136–186.
- Kharko, L.P. 1968: Monetnye nakhodki v Fanagorii. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya Izobrazitel'nykh Iskusstv imeni A.S. Pushkina* IV, 94–99.
- Kovalenko, S.A. 2015: *Vizantiyskie monety v sobhanii GMII im. A.S. Pushkina. Katalog kollektsii.* Moscow.
- Kropotkin, V.V. 1962: *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR* (Svod Arkheologicheskikh istochnikov E 4–4). Moscow.

- Kruglov, E.V. 2004: *Obrashchenie vizantiyskikh i arabskikh monet v Khazarskom kaganate v VIII v. i ikh datiruyushchie vozmozhnosti*. In: *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya 2004 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy*. Moscow, 52–54.
- Kuznetsov, V.D. 2014: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2014 g.* (Archive IA RAS. № 45554).
- Kuznetsov, V.D. 2015a: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2015 g.* (Archive IA RAS. № 47481).
- Kuznetsov, V.D. 2015b: *Rannesrednevekovyy dom v Fanagorii v Фанагории. Drevnosti Bospora* 20, 306–317.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: *Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii, Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* 1, 393–429.
- Markov, A.K. 1910: *Topografiya kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh)*. Sankt-Petersburg.
- Miller, A.A. 1932: *Tamanskaya ekspeditsiya GAIMK v 1931 g. Soobshcheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury* 7–8, 67–68.
- P'yankov, Yu.V., Yurchenko, T.V. 2011: *Vizantiyskie zoloty monet iz novykh postupleniy Krasnodarskogo muzeya-zapovednika*. In: *Vosemnadtsataya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva–Kolomna, 20–25 aprelya 2015 goda. Tezisy dokladov i soobshcheniy*. Moscow, 40–42.
- Pakhomov, E.A. 1926–1966: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza. I–IX*. Baku.
- Pletnyeva, S.A. 2000. *Ocherki khazarskoy arkheologii*. Moscow–Jerusalem.
- Rozov, V.N. 1987: *Vizantiyskie zoloty monet Tamanskogo gorodishcha*. In: *Kul'tura i iskusstvo Bospora (Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya Izobrazitel'nykh Iskusstv imeni A.S. Pushkina* 8). Moscow, 154–157.
- Semenov, A.I. 1994: *New Evidence on the Slavyansk (Anastasievka) Hoard of the 8th Century AD Byzantine and Arab Coins*. In: *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 82–85.
- Semyenov, A.I. 1996: *“Varvarskie podrazhaniya” s territorii Khazarskogo kaganata*. In: *Chetyvertaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya v g. Dimitrovo 22–26 aprelya 1996 g. Tezisy dokladov*. Moscow, 29–32.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2016. *Issledovaniya poseleniya u balki Lisovitskogo v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya*. In: *Volkodav, N.V. (red.), Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov: materialy arkheologicheskoy nauchnoy konferentsii (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Volna, april', 2016 g.)*. Krasnodar, 131–137.
- Sidorenko, V.A. 2002: *Podrazhaniya abbasidskim dirkhamam i dinaram v monetnom obrashchenii Tavriki khazarskogo vremeni. Materialy po Arkheologii, Istorii i etnografii Tavrii* IX, 429–454.
- Sudarev, N.I. 1994: *Pogrebeniya v rayone poseleniya Garkusha 1 (Patrey). Bosporskiy Sbornik* 4, 108–126.
- Tizingauzen, V.G. 1873: *Monety Vostochnogo Khalifata*. Saint-Petersburg.

EIGHT-CENTURY BYZANTINE SOLIDI AND ABBASID DIRHAM FROM PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon*, Sergey N. Ostapenko**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
abramzon-m@mail.ru

** *Institute of Archeology RAS, Russia,*
sao_nasledie@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to record the three Byzantine gold solidi and an Abbasid dirham of the 8th century that were uncovered during excavations at Khazarian Phanagoria in 2016. A small area of excavated urban build-up, where the Byzantine gold coins and Cufic silver were discovered, includes two monumental houses (#10 and 16) located along the street running from the south-west to the north-east. Two solidi belong to the coinage of Tiberius III Apsimar, 698–705, and the third one to Constantine V Copronymus with Leo IV Khazar, 741–775. The last solidus bears graffiti on its both sides. Besides, the coin is roundly truncated. Another similar solidus of these emperors found Phanagoria is in the Pushkin State Museum of Fine Arts. Numerous finds of the solidi of Constantine V in the Crimea and Caucasus certify to the apogee of political relations between Khazaria and the Byzantine Empire during his rule. Apart from the solidi, a silver dirham of Al Mahdi, 775–785, was found on the floor of the House #16, in the Room 3. Three other Cufic coins were formerly found at the settlement. The joint find of the Byzantine gold and Abbasid dirham expands our notion on the currency of Byzantine and Arab coins in the Khazarian khaganate during the 8th century. The uncovered coins demonstrate the short synchronous circulation of the Byzantine gold and Cufic silver in Khazaria during the last quarter of the 8th century. The publication of the coins enriches the data base for the Byzantine and Cufic numismatics from the Russian South.

Key words: Phanagoria, Khazarian khaganate, Byzantine Empire, Arab Caliphate, currency, solidi, dirhams

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 280–329
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 280–329
© Автор(ы) 2016

СОДЕРЖАНИЕ СЕРЕБРА В СТАТЕРАХ РЕСКУПОРИДА V 242/243–257/258 гг. н.э.: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ РЕНТГЕНОВСКОЙ ФЛУОРЕСЦЕНТНОЙ СПЕКТРОСКОПИИ (XRF)¹

М.Г. Абрамзон*, О.Л. Гунчина**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
abramzon-m@mail.ru*

** *Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»,
пос. Сенной, Темрюкский р-н, Краснодарский край
gunchino@mail.ru*

Аннотация. Целью настоящей статьи является публикация результатов рентгеновского флуоресцентного анализа химического состава монетного сплава биллонных статеров Рескупорида V, выпущенных в первые 15 лет его правления – с 242/243 по 257/258 гг. н.э. Базой для исследования служит крупнейший позднебоспорский клад, открытый на восточном некрополе Фанагории в 2011 г. Комплекс включает 3695 монет Иниифмея, Рескупорида V, Фарсанза, Савромата IV, Тейрана, Фофорса. В поле внимания авторов оказались 590 статеров рассматриваемого хронологического отрезка. Этот период насыщен бурными событиями, развернувшимися в Северном Причерноморье в связи с активностью племен Меодиты – готов, боранов, аланов, сарматов и др. В поисках финансовых средств для борьбы с варварами в эти годы государство прибегало к снижению серебра в статерах. Метод рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) позволил установить, что содержание серебра в статерах этих лет относительно невысокое и варьируется в среднем от 11 до 27%. Процесс технологической обработки низкопробных серебряных монетных заготовок предусматривал способы рафинирования поверхностного слоя монет. Отсюда на поверхности биллонного статера проба сплава была выше, чем в более глубоких слоях. Вопрос о методах аффинажа серебра, применявшихся в монетном деле Боспора в III в. н.э., позволят решить дальнейшие исследования. Установлено более чем двукратное падение содержания серебра в монетном сплаве статеров за первые 15 лет правления Рескупорида V. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что максимально высокие темпы чеканки на Боспоре, вызванные растущей потребностью государства в средствах в условиях напряженной военной обстановки, сопровождались инфляционными процессами и прогрессирующей деградацией качества драгоценного металла в статерах.

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Гунчина Ольга Леонидовна – научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», художник-реставратор высшей категории.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 16-06-00217.

Ключевые слова: Боспорское царство, Рескупорид V, Фанагория, монетный клад, археометрия, метод рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF), монетная техника, монетный сплав

1. Постановка целей и задач исследования

В 2016 г. в лаборатории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» проводилось исследование химического состава монетного сплава биллонных статеров из крупнейшего позднебоспорского клада, открытого на восточном некрополе Фанагории в 2011 г.² Всего клад содержит 3695 монет Ининфимея, Рескупорида V, Фарсанза, Савромата IV, Тейрана, Фофорса. Комплекс включает много редких и уникальных монет, в том числе и статеры Фофорса 583 г. б.э., изготовленные из сплава на медной основе с содержанием серебра до 18% и покрытые тонкой серебряной оболочкой³. Эти монеты напоминают пореформенные медные фоллисы Диоклетиана, в состав сплава которых входит серебро⁴. Полнота состава этого огромного клада открывает новые возможности для детального изучения техники изготовления биллонных статеров в III в. н.э. Комплекс является ценным свидетельством исторического контекста эпохи и имеет исключительное значение для изучения состояния позднебоспорской экономики, денежного обращения и техники изготовления монет.

При изучении данного клада особую роль играют современные естественно-научные методы в археологических исследованиях, в первую очередь, метод рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF), традиционно применяемый в области нумизматики, начиная с 1960-х годов⁵. Данный метод использовался и для анализа монетных сплавов Боспора, в частности статеров Рескупорида V, Савромата IV, Тейрана, Фофорса⁶. Рентгеноскопия позволяет определить химический состав монетного сплава статеров и проследить по годам эмиссий прогрессирующую деградацию биллонного сплава. Как известно, поиск государством финансов для борьбы с варварами сопровождался инфляционными процессами в боспорской экономике – чрезмерно обильными или, напротив, крошечными эмиссиями статеров, а также «порчей» монеты из-за дефицита серебра. Проведенное исследование демонстрирует, что максимально высокие темпы чеканки на Боспоре, вызванные растущей потребностью государства в средствах в условиях напряженной военной обстановки в Северном Причерноморье, часто сопровождались постепенным сокращением содержания драгоценного металла в монетном сплаве.

Задача исследования почти четырех тысяч монет – беспрецедентна по объему: до сих пор подобные исследования боспорских монет ограничивались лишь небольшой репрезентативной выборкой⁷.

² Предварительная публикация: Абрамзон, Кузнецов 2014, 56–86.

³ Об методах исследования античной техники плакировки монет драгоценными металлами см.: Ingo, Balbi, Caro, Fragalà, Riccucci, Bultrini 2006, 623–629. Статерам Фофорса, имеющим серебро в сплаве, будет посвящено специальное исследование.

⁴ Sutherland, Harold 1961, 56–61; RIC VI, 94.

⁵ Stos-Gale 1986, 978–1003.

⁶ Фролова 1997, 74–75; 146–149; Смекалова, Дюков 2001, 96.

⁷ Фролова 1997, 75, 146–149; Смекалова, Дюков 2001, 90–104.

Целью настоящей статьи является публикация результатов анализа химического состава монетного сплава 590 биллонных статеров, выпущенных в первые 15 лет правления Рескупорида V – с 242/243 по 257/258 гг. н.э., т.е. в период после перерыва в боспорской чеканке в 239/240–241/242 гг. н.э. до начала следующего трехлетнего перерыва в чеканке в 258/259 г. н.э.

2. Методика исследования

Для определения химического состава металлов и их сплавов в реставрационной лаборатории Фанагорийского музея-заповедника применяется энергодисперсионный рентгенфлуоресцентный спектрометр M1 Mistral. При исследовании статеров из клада особую важность имело многоточечное взятие проб, поскольку в боспорском монетном деле в процессе технологической обработки низкопробных серебряных монетных заготовок происходило рафинирование поверхностного слоя. Отсюда на поверхности билонного статера проба сплава выше, чем в более глубоких слоях. Результаты анализа монет сохраняются в специальной электронной базе данных в виде сертификата с отображением состава сплава и точным местом анализа на предмете.

В момент находки все биллонные монеты из Фанагорийского клада 2011 г. были покрыты продуктами коррозии меди, хотя хорошо известно, что данные монеты изготовлены из серебряного сплава. Поверхностное представление о составе сплава боспорских статеров имелось еще в XIX в. Так, в рукописи Е.Е. Люценко описаны монеты из керченского клада 1871 г.: «В канун 1871 года у керченского торговца древностями Бориса Букзеля появилось большое количество (около 500 штук) босфорских царских потиновых и частью серебряных монет, сильно окислившихся и густо покрытых зеленью. Это были монеты, как после оказалось, по очистке их, царей: Инифимея, Рескупорида IV и Рескупорида V, различных штемпелей и годов, давно уже известных. Большая часть этих монет, состоящая из смеси меди, олова и малой части серебра, были обтянуты довольно толстой серебряной пластинкой и с первого взгляда казались серебряными. Этот род древних царских монет еще в первый раз встречается в босфорской нумизматике: мы знаем только посеребренные, но не обложенные такой толстою пластиною»⁸.

Небольшие точные исследования сплава статеров Рескупорида V и последующих царей проводились на рубеже XX–XXI вв.⁹ Наши исследования так же подтверждают, что основными компонентами монетного сплава статеров Рескупорида V являются медь, серебро, золото (иногда до 2–3 %), олово и свинец. В ряде монет встречаются в едва заметных количествах цинк, мышьяк и висмут, что связано с особенностями того или иного месторождения металла.

3. Результаты исследования в историческом контексте эпохи

Рассматриваемый хронологический отрезок чеканки Рескупорида V выбран нами не случайно: период насыщен бурными событиями, развернувшимися в Северном Причерноморье. В 240-е гг. в районе Меотиды концентрируются готы и

⁸ Люценко 1880, 16–17, № 11.

⁹ Фролова 1997, 74–75; 146–149; Смекалова, Дюков 2001, 96.

происходят массовые миграции племен. Границы Боспорского царства испытывают все усиливающийся нажим коалиций боранов, герулов, готов, сарматов, аланов и других племен¹⁰, передвижения которых привели к изменению жизненного уклада всех боспорских городов. Монетные клады из ряда поселений позволяют синхронизировать даты их разрушений со временем походов боранов, готов, герулов и сармато-аланских племен в середине III в. н.э.

Статеры первых 5 лет правления Рескупорида V сохраняют пробу в среднем на уровне 25% с тенденцией к уменьшению содержания серебра в сплаве.

Диаграммы 1-6. Содержание серебра в статерах 242/243–247/248 гг. н.э.

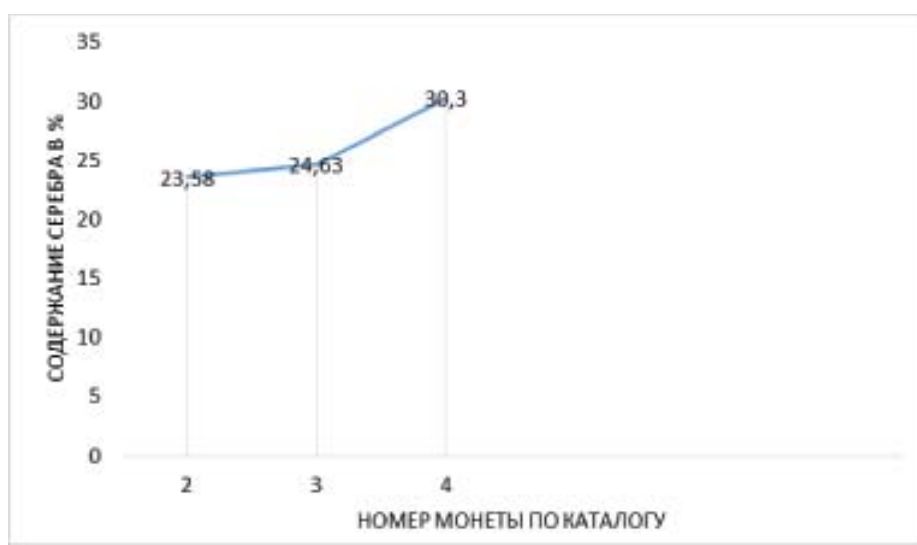

Рис. 1. Статеры 242/243 г. н.э.

Рис. 2. Статеры 243/244 г. н.э.

¹⁰ Об этническом составе см. Хайрединова 1994, 517–520.

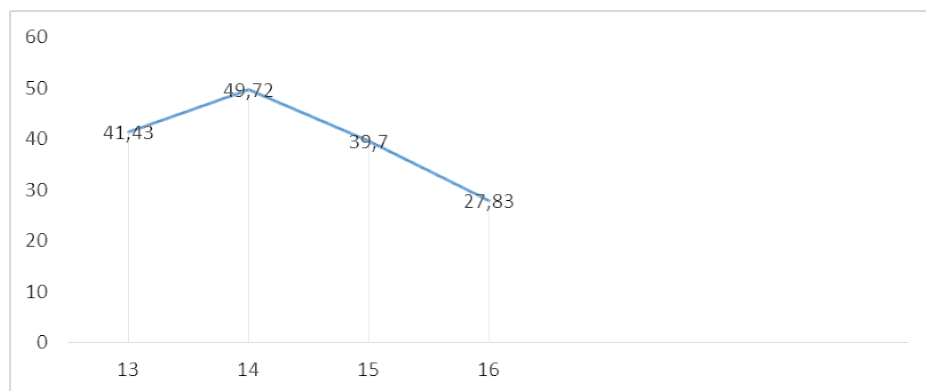

Рис. 3. Статеры 244/245 г. н.э.

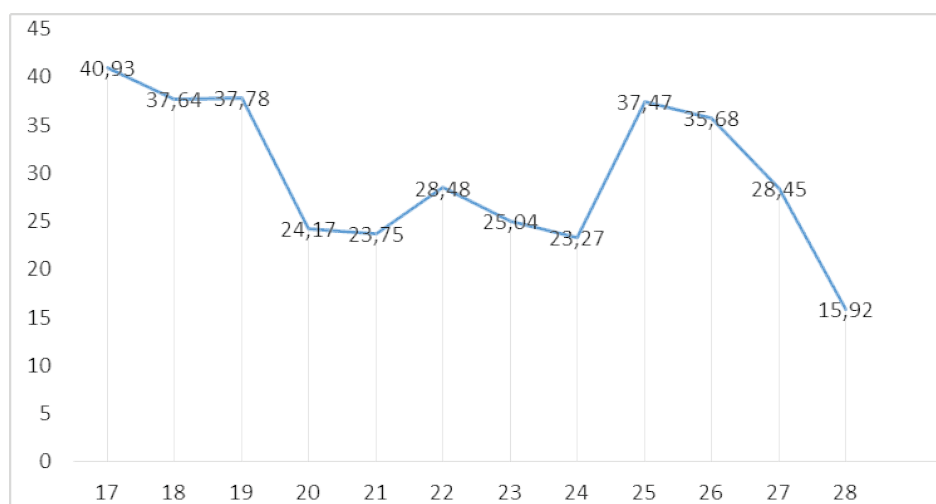

Рис. 4. Статеры 245/246 г. н.э.

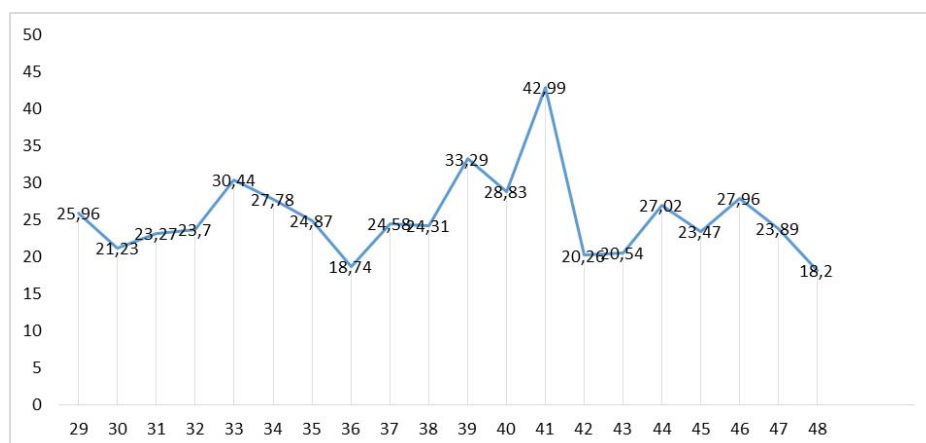

Рис. 5. Статеры 246/247 г. н.э.

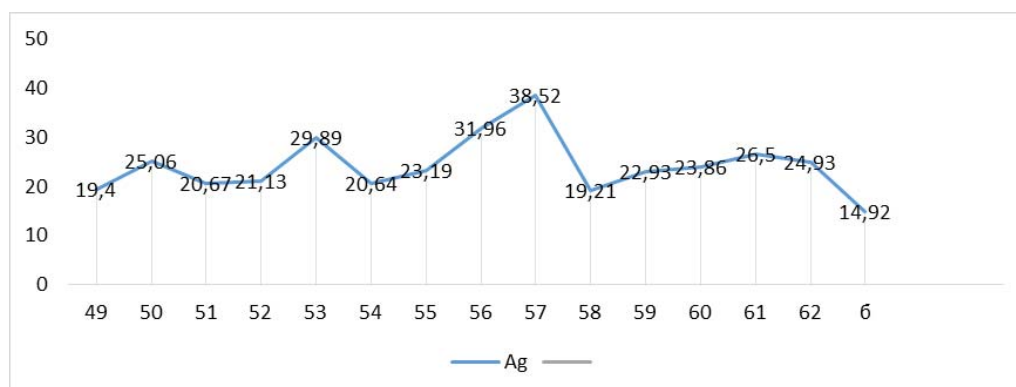

Рис. 6. Статеры 247/248 г. н.э.

Клады отражают заметную интенсификацию чеканки статеров в 248/249–251/252 гг. н.э., по-видимому, в связи с потребностью государства в средствах для борьбы с активизировавшейся коалицией боранов и готов у границ Боспора. Фанагорийский клад также подтверждает вывод А.Н. Зографа о том, что производительность монетных мастерских в 248/249–251/252 гг. н.э. была развита до максимальных пределов, и темп их работы был доведен до высочайшего напряжения¹¹.

Диаграммы 7-10. Содержание серебра в статерах 248/249-251/252 гг. н.э.

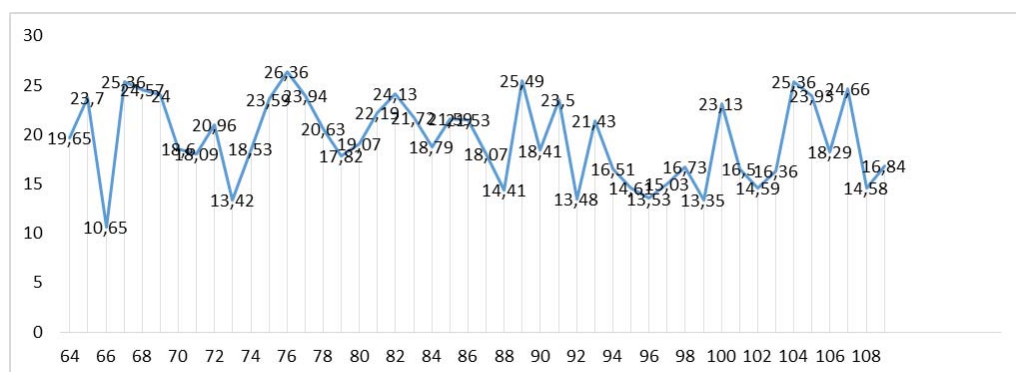

Рис. 7. Статеры 248/249г н. э.

¹¹ Зограф 1951, 209.

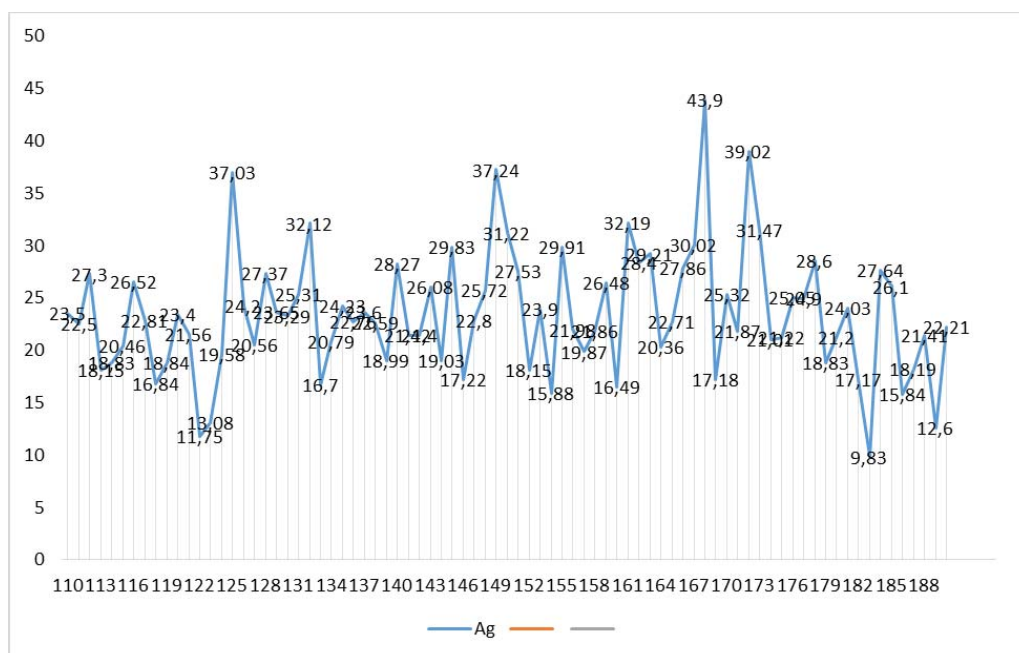
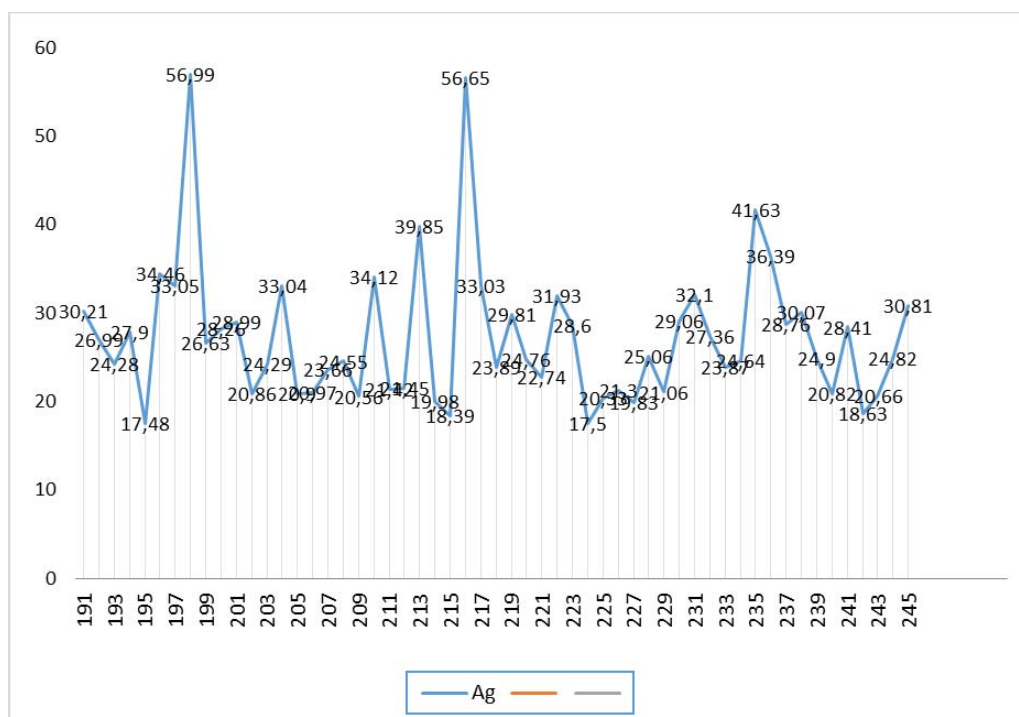

Рис. 8. Статеры 249/250 г н. э.

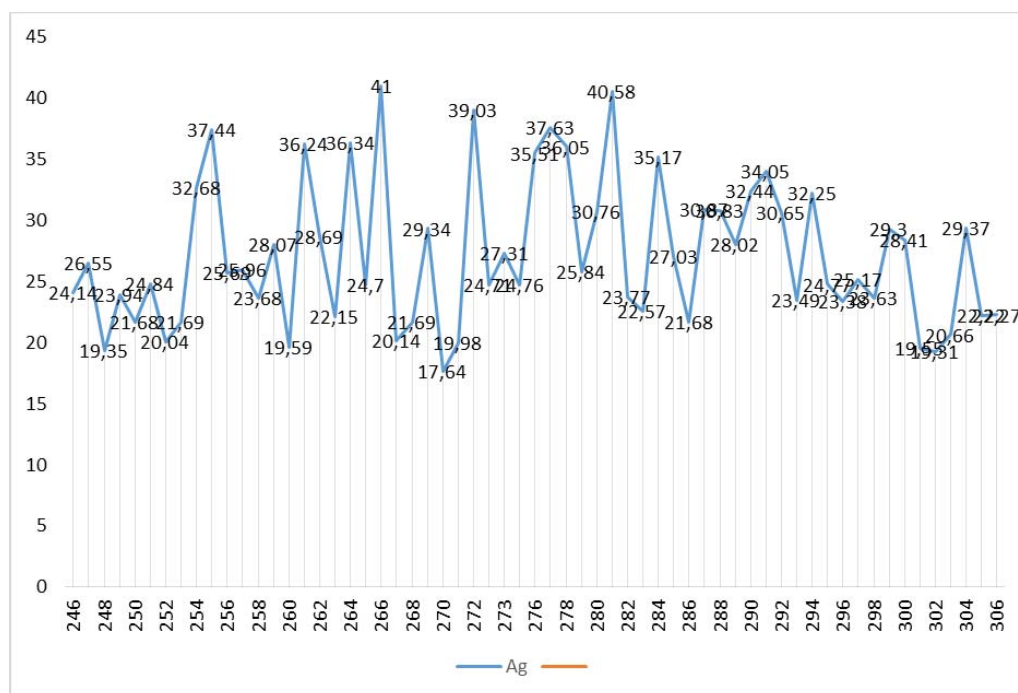
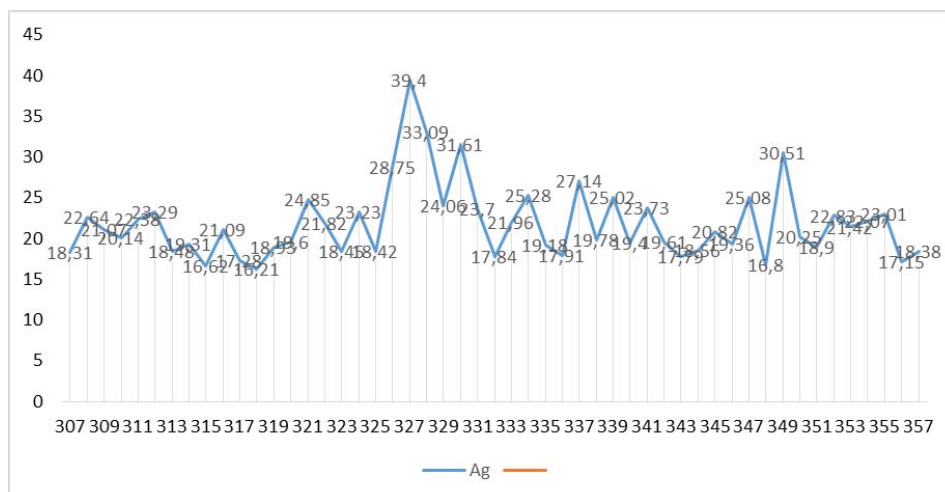

Рис. 9. 250/251 г н.э.

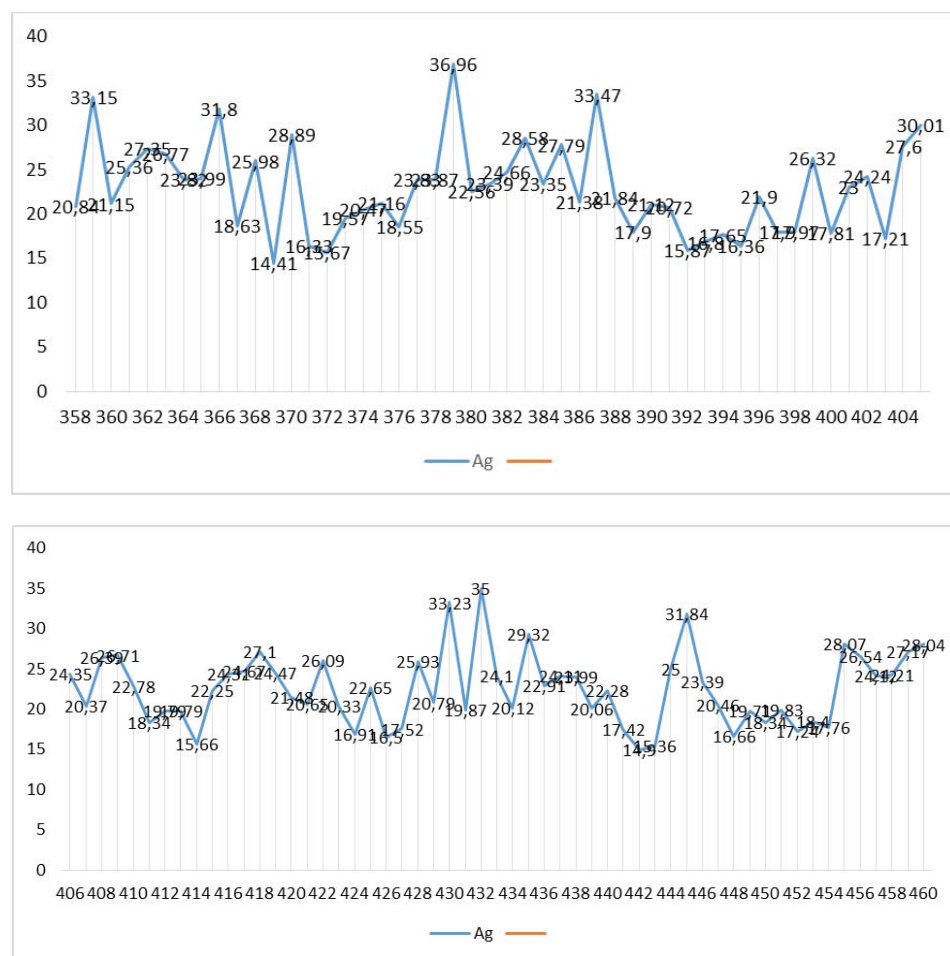

Рис. 10. 251/252 г н.э.

Начало первых походов готов и боранов относят к 256–257 гг.¹², или ко времени не ранее 254 г. и не позже 257 г. н.э.¹³ Предпочтительнее говорить о передвижениях некоторых племен с запада к Боспору и переправе их в Азию в правление Требониана Галла и Волузиана (252–253 гг.), а сами первые походы боранов и готов относить к 255–257 гг.¹⁴ В это беспокойное время возможно боранами разрушен Танаис (около 251–254 гг. н.э.), Патрей и Гермонасса, и сокрыты несколько кладов по обе стороны Боспора: в 251–252 гг. н.э. – Патрейский 1970 г.¹⁵, 252–253 гг. – Таманский 1958 г.¹⁶, 253–254 гг. – Керченские 1871 г., 1964 г.¹⁷ и

¹² Ременников 1954, 88.

¹³ Хайрединова 1994, 518.

¹⁴ Хайрединова 1994, 518.

¹⁵ Голенко 1978, 10–40.

¹⁶ Голенко 1972, 239–249.

¹⁷ Голенко 1970, 87–99.

1988 г.¹⁸. в 252/253 г. н.э. эмиссии статеров заметно сокращаются по сравнению с 250/251–251/252 гг.¹⁹.

Диаграммы 11-13. Содержание серебра в статерах 252/253–254/255 гг. н.э.

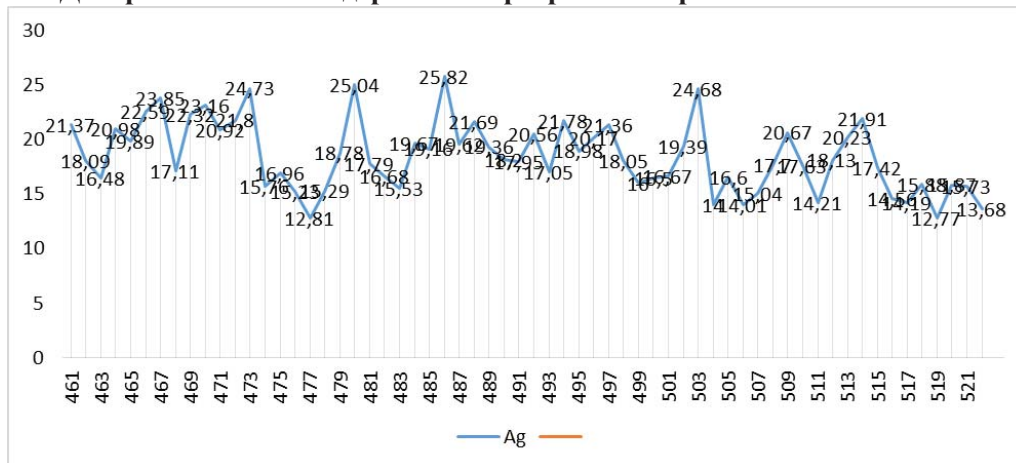

Рис. 11. Статеры 252/253 г н.э.

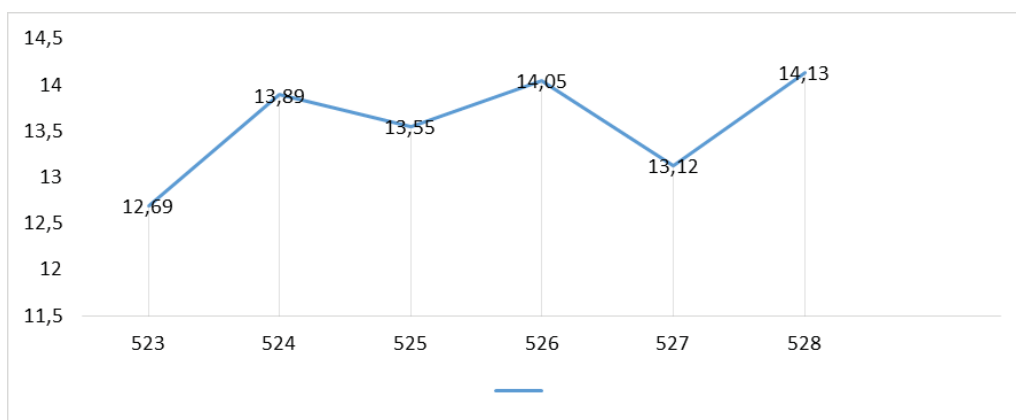

Рис. 12. Статеры 253/254 г н.э.

¹⁸ По мнению А.И. Анисимова (1989, 129–130), разрушение Танаис и сокрытие перечисленных кладов по обе стороны Боспора можно связать с нашествием баранов .

¹⁹ Фролова 1997, 56.

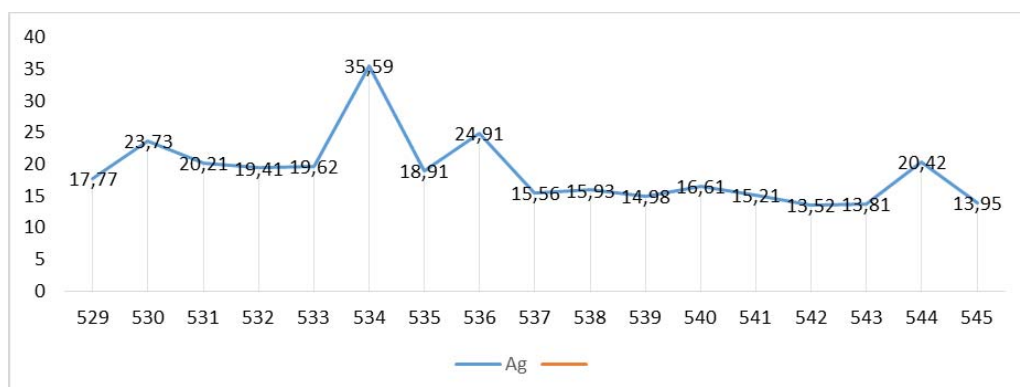

Рис. 13. Статеры 254/255 г. н.э.

Два похода боранов и готов – в 255–256 гг. (под Питиунт) и 257 г. н.э. (до Трапезунда) через Боспор, где они захватили суда (Zosim. I. 3135), еще больше усугубили плачевную экономическую ситуацию в стране, о чем свидетельствует содержание серебра в монетном сплаве на среднем уровне 15–12 % и ниже (рис. 14–16).

Диаграммы 14-16. Содержание серебра в статерах 255/256–257/258 гг. н.э.

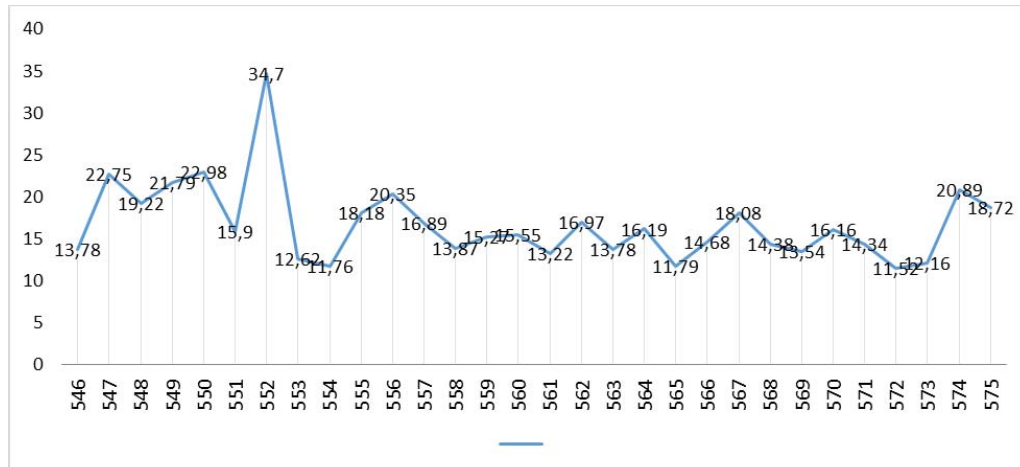

Рис. 14. Статеры 255/256 г. н.э.

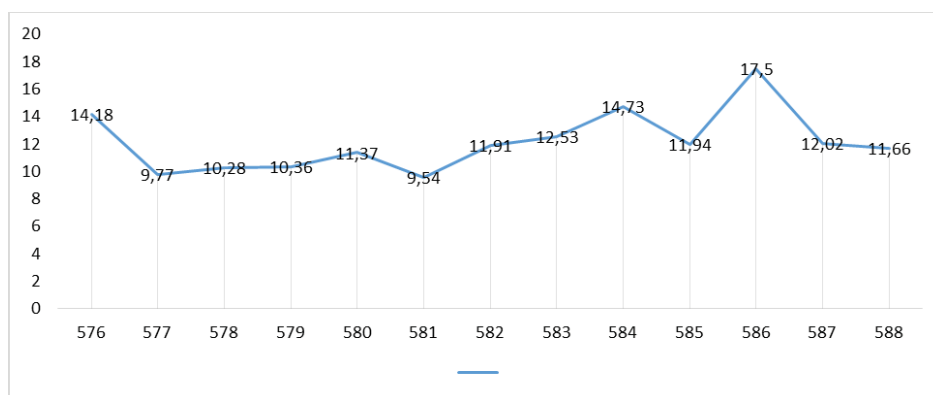

Рис. 15. Статеры 256/257 г н.э.

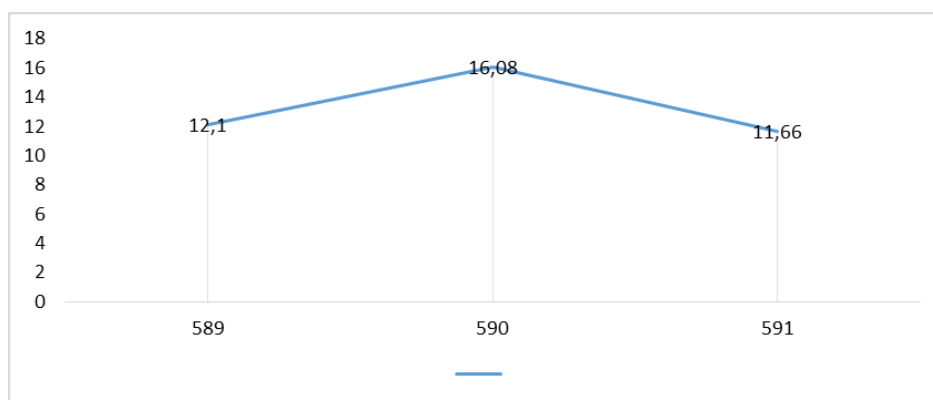

Рис. 16. Статеры 257/258 г н.э.

В следующем году объем чеканки снижается катастрофически, что также показывает Фанагорийский клад, в который вошли три статера с датой ΔΝΦ – 554 б.э. (257/258 г. н.э.) (№ 589–591). Это чрезвычайно редкие монеты: до сих пор были известны только два экземпляра из Тиритакского клада 1937 г. и один из частной коллекции²⁰. Все экземпляры биты общей парой штемпелей. Резкое сокращение чеканки в 257 г. н.э. можно объяснить тем обстоятельством, что осенью этого года бораны и остготы предприняли второй поход через Боспор – к Трапезунду²¹. Именно с этими походами готов принято связывать и занесенные в Пантикапей два клада антонинианов, один из которых был зарыт в 256 г., а другой – в 257 г.²² Содержание серебра в статерах 257/258 г н.э. составляет в среднем около 13–12 %.

Последствием морских рейдов боранов и готов 255–256 и 257 гг. н.э. стал трехлетний перерыв в боспорской чеканке с 258/259 по 260/261 гг. н.э.

²⁰ Местонахождение одного из них, переданного в Керченский историко-культурный заповедник, неизвестно; второй хранится в Государственном Эрмитаже. См. Фролова 1997, 261, табл. XLVIII, 14–15. Экземпляр из частной коллекции (вес 7,61 г, диаметр 21 мм) – см. <http://bosporan-kingdom.com/705-4842/1.html>.

²¹ Фролова 1997, 57; Зубарь, Зинько 2006, 163, рис. 98. Боспоряне не получили свои суда назад.

²² Кунина 1962, 329–342; Golenko 1973, 290–299; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 385–393.

Заключение

Итак, к настоящему моменту методом флуоресцентной рентгенографии обследована 591 монета эмиссий 237/238 и 242/243–257/258 гг. н.э. Произведено 1458 проб. Установлено, что содержание серебра в монетных сплавах относительно невысокое: оно варьируется в среднем от 11 до 27%. Однако реальное содержание серебра в сплаве намного ниже, поскольку в процессе исследования выявлено рафинирование поверхностного слоя монет. Это явление может быть вызвано несколькими причинами: 1) неоднородностью сплава; 2) намеренным рафинированием поверхностного слоя в процессе изготовления монетных кружков²³; 3) минерализацией меди в процессе коррозии; 4) удалением продуктов коррозии меди в процессе реставрации. На вопрос о методах аффинажа серебра, применявшихся в монетном деле Боспора в III в. н.э., позволит ответить дальнейшее исследование.

Установлено более чем двукратное падение содержания серебра в монетном сплаве статеров за первые 15 лет правления Рескупорида V – с 242/243 по 257/258 гг. н.э. (рис. 17). Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что максимально высокие темпы чеканки на Боспоре, вызванные растущей потребностью государства в средствах в условиях напряженной военной обстановки, сопровождались инфляционными процессами и прогрессирующей деградацией качества драгоценного металла в статерах.

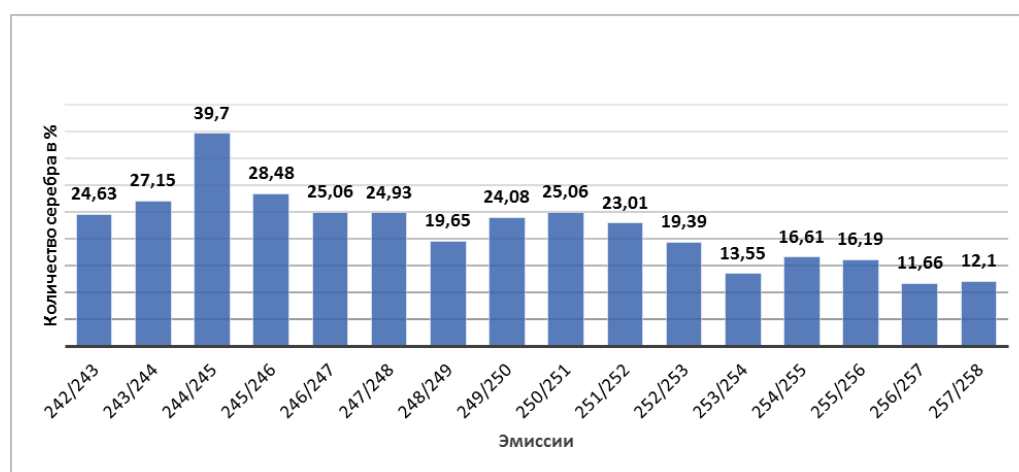

Рис. 17. Изменение содержания серебра в сплаве статеров за 15 лет (с 242/243 по 257/258 гг. н.э.).

²³ Проведенный О.Л. Гунчиной эксперимент с отливкой имитации монетного кружка с низким содержанием серебра в сплаве, подвергнутого обработке в кислоте, демонстрирует, что поверхность монеты, изготовленной из сплава с низким содержанием серебра медного (розоватого) цвета после рафинирования приобретает белый (серебряный) цвет, такой же, как у монет с высоким содержанием серебра в сплаве.

Химический состав сплава статеров Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э.

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
1 ²⁴	237/238	реверс	1a	13.35	86.93	0.26	0.00	0.16	0.09	0.00
			1b	14.19	85.14	0.23	0.00	0.17	0.11	0.00
			1c	12.11	87.31	0.21	0.00	0.15	0.12	0.00
			1d	13.32	86.02	0.22	0.00	0.16	0.10	0.00
			1e	17.37	81.91	0.30	0.00	0.19	0.09	0.00
2	242/243	аверс	2a	29.49	69.72	0.29	0.00	0.22	0.17	0.00
			2b	23.74	75.64	0.18	0.00	0.20	0.17	0.00
			2c	27.48	71.88	0.23	0.00	0.21	0.15	0.00
			2d	23.58	75.66	0.15	0.00	0.21	0.22	0.00
		реверс	2e	26.14	73.35	0.20	0.00	0.31	0.20	0.00
			2f	27.13	72.16	0.22	0.00	0.24	0.18	0.00
3	242/243	реверс	3a	31.41	67.54	0.34	0.00	0.24	0.19	0.00
			3b	24.63	74.41	0.25	0.00	0.21	0.23	0.00
			3c	23.53	75.61	0.22	0.00	0.10	0.19	0.00
4	242/243	реверс	4a	43.60	55.11	0.61	0.00	0.28	0.16	0.00
			4b	30.30	68.61	0.45	0.00	0.31	0.15	0.00
			4c	62.99	35.26	0.84	0.00	0.36	0.20	0.00
			4d	22.08	77.06	0.27	0.00	0.27	0.10	0.00
5	243/244	реверс	5a	44.61	53.58	1.08	0.00	0.30	0.29	0.04
			5b	59.44	38.37	1.34	0.00	0.29	0.37	0.05
		аверс	5c	29.69	69.23	0.64	0.00	0.22	0.17	0.02
			5d	34.98	63.62	0.88	0.00	0.24	0.15	0.03
			5e	43.60	54.77	1.09	0.00	0.25	0.18	0.03
6	243/244	реверс	6a	24.93	73.04	1.44	0.00	0.20	0.19	0.04
			6b	43.70	52.60	3.13	0.04	0.24	0.09	0.03
		аверс	6c	32.33	65.13	1.94	0.00	0.25	0.30	0.05
			6d	52.95	42.67	3.76	0.04	0.30	0.10	0.03
7	243/244	реверс	7a	29.92	67.48	1.95	0.00	0.28	0.14	0.04
			7b	40.68	55.80	2.51	0.03	0.30	0.26	0.00
		аверс	7c	33.82	63.46	2.00	0.00	0.27	0.12	0.04
			7d	32.81	64.43	2.05	0.00	0.25	0.09	0.00
8	243/244	реверс	8a	32.66	66.38	0.26	0.00	0.23	0.14	0.03
			8b	34.71	64.20	0.30	0.00	0.28	0.15	0.00
		аверс	8c	45.48	53.32	0.43	0.00	0.28	0.20	0.00
			8d	39.76	59.03	0.35	0.00	0.29	0.26	0.06
9	243/244	реверс	9a	22.09	76.16	1.11	0.00	0.22	0.14	0.00

²⁴ Статер Инифимея – самая ранняя монета в кладе. Все остальные монеты в таблице – статеры Рескупорида V.

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			9b	25.32	72.47	1.69	0.03	0.23	0.10	0.00
		аверс	9c	34.05	62.60	2.79	0.04	0.28	0.07	0.03
			9e	28.05	69.55	1.75	0.00	0.24	0.10	0.04
10	243/244	реверс	10a	22.08	75.95	1.16	0.00	0.26	0.25	0.03
			10b	27.15	69.82	1.83	0.00	0.24	0.65	0.04
		аверс	10c	33.54	63.20	2.02	0.00	0.28	0.58	0.06
			10d	29.81	66.98	1.72	0.00	0.27	0.96	0.00
11	243/244	реверс	11a	33.37	65.05	0.47	0.00	0.30	0.54	0.04
			11b	55.15	43.13	0.90	0.00	0.38	0.25	0.08
		аверс	11c	37.21	61.31	0.62	0.00	0.26	0.36	0.06
			11d	43.26	55.23	0.73	0.00	0.30	0.25	0.04
12	243/244	реверс	12a	24.55	74.55	0.24	0.00	0.20	0.21	0.02
			12b	23.90	75.22	0.22	0.00	0.23	0.18	0.00
		аверс	12c	33.13	65.58	0.32	0.00	0.32	0.33	0.06
			12d	29.00	70.09	0.29	0.00	0.24	0.16	0.02
13	244/245	реверс	13a	32.56	66.26	0.39	0.00	0.33	0.30	0.00
			13b	59.91	38.43	0.83	0.00	0.44	0.21	0.05
		аверс	13c	41.43	57.15	0.57	0.00	0.37	0.33	0.06
14	244/245	реверс	14a	30.05	69.04	0.33	0.00	0.29	0.21	0.00
			14b	49.74	48.90	0.58	0.00	0.36	0.28	0.00
		аверс	14c	49.72	48.86	0.47	0.00	0.37	0.34	0.03
			14d	56.11	42.24	0.62	0.00	0.47	0.32	0.04
15	244/245	реверс	15a	34.16	64.90	0.50	0.00	0.29	0.12	0.00
			15b	39.7	59.2	0.66	0.00	0.30	0.10	0.02
		аверс	15c	39.22	59.60	0.71	0.00	0.30	0.10	0.02
			15d	42.13	56.67	0.70	0.00	0.31	0.13	0.00
16	244/245	реверс	16a	26.80	72.24	0.25	0.00	0.27	0.29	0.00
			16b	28.82	70.11	0.28	0.00	0.30	0.29	0.00
		аверс	16c	27.83	71.27	0.27	0.00	0.28	0.19	0.00
			16d	38.70	60.20	0.47	0.04	0.34	0.10	0.00
17	244/245	реверс	17a	27.19	70.99	0.43	0.00	0.23	0.19	0.00
			17b	40.92	57.04	0.78	0.00	0.31	0.15	0.00
		аверс	17c	56.90	41.06	0.94	0.04	0.30	0.12	0.00
			17d	55.36	42.60	0.93	0.00	0.36	0.10	0.03
18	244/245	реверс	18a	27.60	71.42	0.28	0.00	0.24	0.28	0.00
			18b	37.64	61.21	0.46	0.00	0.30	0.21	0.00
		аверс	18c	48.68	49.62	0.50	0.00	0.40	0.56	0.04
			18d	41.82	56.82	0.44	0.00	0.31	0.40	0.02
19	244/245	реверс	19a	36.77	61.85	0.71	0.00	0.30	0.20	0.00
			19b	38.05	60.59	0.66	0.00	0.33	0.19	0.00
		аверс	19c	37.78	60.87	0.61	0.00	0.28	0.26	0.00
			19d	43.13	55.17	0.94	0.00	0.29	0.22	0.00
20	244/245	реверс	20a	22.22	76.11	1.14	0.00	0.27	0.13	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 295

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			20b	24.17	73.42	1.86	0.03	0.26	0.13	0.00
		аверс	20c	24.97	72.96	1.52	0.00	0.25	0.15	0.00
			20d	28.09	69.79	1.45	0.00	0.27	0.18	0.03
21	244/245	реверс	21a	18.00	80.50	0.94	0.00	0.23	0.12	0.02
			21b	29.14	68.24	1.97	0.00	0.28	0.21	0.04
		аверс	21c	25.23	72.79	1.28	0.00	0.26	0.18	0.03
			21d	23.75	74.37	1.24	0.00	0.28	0.21	0.03
22	244/245	реверс	22a	26.57	72.47	0.35	0.00	0.26	0.22	0.00
			22b	29.01	70.05	0.37	0.00	0.26	0.22	0.00
		аверс	22c	31.65	67.30	0.44	0.00	0.23	0.20	0.00
			22d	28.48	70.56	0.40	0.00	0.26	0.15	0.00
23	244/245	реверс	23a	18.87	79.63	0.77	0.00	0.34	0.18	0.02
			23b	25.04	72.68	1.49	0.04	0.38	0.19	0.03
		аверс	23c	29.12	68.15	2.01	0.04	0.40	0.11	0.03
			23d	30.53	66.70	1.89	0.04	0.43	0.23	0.04
24	244/245	реверс	24a	20.26	78.14	0.84	0.02	0.34	0.20	0.03
			24b	23.27	74.88	1.12	0.03	0.28	0.17	0.03
		аверс	24c	24.35	73.71	1.20	0.00	0.33	0.16	0.00
			24d	25.70	72.06	1.19	0.00	0.39	0.28	0.04
25	244/245	реверс	25a	31.48	67.33	0.50	0.00	0.34	0.22	0.00
			25b	45.38	52.93	0.77	0.00	0.44	0.30	0.00
		аверс	25c	37.47	61.21	0.58	0.00	0.32	0.27	0.00
			25d	45.86	52.63	0.71	0.00	0.33	0.34	0.00
26	244/245	реверс	26a	37.71	60.34	1.15	0.05	0.28	0.25	0.04
			26b	26.29	72.34	0.72	0.05	0.29	0.18	0.03
		аверс	26c	38.62	59.43	1.14	0.06	0.30	0.19	0.03
			26d	35.68	62.52	1.03	0.06	0.32	0.19	0.04
27	244/245	реверс	27a	23.79	75.14	0.54	0.00	0.24	0.19	0.00
			27b	33.23	65.21	0.89	0.00	0.30	0.21	0.03
		аверс	27c	28.45	70.27	0.73	0.00	0.27	0.13	0.00
			27d	28.54	69.98	0.90	0.00	0.27	0.09	0.00
28	244/245	реверс	28a	14.81	84.29	0.39	0.00	0.20	0.11	0.00
			28b	15.92	83.15	0.45	0.00	0.23	0.07	0.00
		аверс	28c	16.97	82.01	0.42	0.00	0.23	0.14	0.00
			28d	16.36	82.69	0.41	0.00	0.21	0.11	0.00
29	244/245	реверс	29a	23.82	74.91	0.86	0.00	0.22	0.13	0.02
			29b	25.96	72.57	1.00	0.03	0.27	0.11	0.00
		аверс	29c	27.29	71.20	1.00	0.00	0.27	0.15	0.03
			29d	27.05	71.45	0.95	0.03	0.25	0.17	0.02
30	245/246	реверс	30a	21.23	77.62	0.64	0.03	0.22	0.20	0.00
			30b	24.06	74.78	0.72	0.00	0.20	0.18	0.00
		аверс	30c	22.88	75.71	0.89	0.05	0.24	0.17	0.00
			30d	19.93	79.11	0.59	0.00	0.21	0.12	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
31	245/246	реверс	31a	21.42	77.55	0.52	0.00	0.27	0.16	0.00
			31b	26.12	72.39	0.80	0.00	0.39	0.19	0.00
		аверс	31c	23.27	75.57	0.64	0.00	0.25	0.17	0.00
			31d	28.65	69.88	0.80	0.00	0.30	0.19	0.02
32	245/246	реверс	32a	19.26	79.23	1.11	0.00	0.20	0.15	0.00
			32b	23.70	74.09	1.73	0.00	0.24	0.14	0.02
		аверс	32c	29.56	67.52	2.34	0.04	0.25	0.17	0.03
			32d	27.63	69.77	2.14	0.00	0.22	0.11	0.03
33	245/246	реверс	33a	33.52	65.73	0.15	0.00	0.25	0.18	0.00
			33b	24.54	74.78	0.08	0.00	0.22	0.27	0.05
		аверс	33c	36.53	62.58	0.22	0.00	0.31	0.18	0.05
			33d	30.44	68.78	0.14	0.00	0.26	0.19	0.06
34	245/246	реверс	34a	24.10	73.98	1.40	0.00	0.20	0.17	0.00
			34b	31.37	65.64	2.54	0.00	0.26	0.12	0.00
		аверс	34c	30.42	66.88	2.17	0.03	0.26	0.15	0.04
			34d	27.78	69.59	2.19	0.00	0.26	0.11	0.00
35	245/246	реверс	35a	24.87	73.26	1.25	0.00	0.23	0.28	0.03
			35b	24.64	73.35	1.59	0.00	0.27	0.09	0.00
		аверс	35c	32.73	64.85	1.75	0.00	0.33	0.23	0.03
			35d	33.78	63.34	2.28	0.00	0.29	0.16	0.03
36	245/246	реверс	36a	18.74	79.83	1.03	0.00	0.20	0.13	0.00
			36b	18.63	79.64	1.35	0.00	0.22	0.13	0.00
		аверс	36c	22.43	75.77	1.36	0.00	0.22	0.13	0.03
			36d	22.47	75.16	2.04	0.00	0.21	0.08	0.00
37	245/246	реверс	37a	20.51	78.15	0.94	0.00	0.16	0.19	0.00
			37b	25.58	72.71	1.24	0.00	0.18	0.21	0.02
		аверс	37c	28.20	69.20	2.20	0.03	0.21	0.10	0.00
			37d	24.58	73.62	1.44	0.03	0.15	0.12	0.02
38	245/246	реверс	38a	21.02	77.54	1.03	0.00	0.16	0.15	0.02
			38b	28.18	69.85	1.46	0.03	0.17	0.19	0.03
		аверс	38c	24.31	73.93	1.26	0.05	0.18	0.13	0.03
			38d	32.25	65.00	2.20	0.04	0.21	0.14	0.04
39	245/246	реверс	39a	20.15	78.26	1.07	0.03	0.19	0.17	0.00
			39b	33.29	63.75	2.26	0.09	0.29	0.15	0.04
		аверс	39c	34.83	62.30	2.16	0.07	0.19	0.24	0.04
			39d	37.90	58.78	2.68	0.05	0.23	0.16	0.03
40	245/246	реверс	40a	39.36	58.67	1.41	0.00	0.17	0.22	0.03
			40b	28.97	69.68	0.90	0.00	0.18	0.17	0.02
		аверс	40c	28.83	69.53	1.22	0.00	0.20	0.13	0.02
			40d	49.80	46.99	2.58	0.04	0.18	0.12	0.00
41	245/246	реверс	41a	31.60	67.46	0.53	0.00	0.19	0.15	0.02
			41b	57.76	40.50	1.23	0.00	0.24	0.11	0.02
		аверс	41c	42.99	55.65	0.85	0.00	0.25	0.13	0.02

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 297

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			41d	45.95	52.63	0.97	0.00	0.26	0.11	0.00
42	246/247	реверс	42a	26.32	72.41	0.73	0.00	0.27	0.11	0.00
			42b	17.17	82.04	0.36	0.00	0.23	0.10	0.00
		аверс	42c	20.26	78.77	0.47	0.00	0.22	0.13	0.00
			42d	26.57	71.83	1.09	0.00	0.28	0.10	0.00
43	246/247	реверс	43a	19.16	80.20	0.11	0.00	0.18	0.22	0.04
			43b	20.62	78.75	0.11	0.00	0.17	0.22	0.04
		аверс	43c	22.40	76.96	0.16	0.00	0.18	0.12	0.04
			43d	20.54	78.66	0.10	0.00	0.19	0.22	0.00
44	246/247	реверс	44a	27.73	69.76	1.86	0.04	0.19	0.24	0.05
			44b	22.03	75.79	1.31	0.15	0.29	0.16	0.03
		аверс	44c	27.02	70.57	1.85	0.04	0.20	0.18	0.04
			44d	27.28	70.59	1.50	0.03	0.22	0.22	0.04
45	246/247	реверс	45a	21.35	76.41	1.29	0.00	0.21	0.21	0.00
			45b	23.47	74.22	1.57	0.00	0.21	0.12	0.02
		аверс	45c	24.58	73.16	1.51	0.00	0.16	0.16	0.03
			45d	33.12	63.65	2.48	0.04	0.21	0.08	0.03
46	246/247	реверс	46a	22.07	76.18	1.23	0.00	0.14	0.20	0.03
			46b	27.96	69.62	1.89	0.03	0.16	0.15	0.03
		аверс	46c	22.49	75.42	1.53	0.03	0.18	0.16	0.03
			46d	29.14	68.04	2.11	0.03	0.17	0.23	0.06
47	246/247	реверс	47a	23.36	74.72	1.27	0.04	0.18	0.15	0.00
			47b	25.69	72.26	1.41	0.04	0.17	0.11	0.00
		аверс	47c	23.89	74.08	1.35	0.03	0.17	0.13	0.04
			47d	26.43	71.07	1.94	0.00	0.16	0.09	0.02
48	246/247	реверс	48a	16.92	81.92	0.62	0.00	0.15	0.21	0.00
			48b	18.20	80.51	0.80	0.00	0.17	0.14	0.00
		аверс	48c	23.02	75.20	1.17	0.03	0.20	0.15	0.03
			48d	20.52	78.04	0.91	0.00	0.14	0.19	0.02
49	246/247	реверс	49a	24.01	73.66	1.77	0.04	0.19	0.09	0.02
			49b	21.50	76.43	1.47	0.00	0.22	0.11	0.03
		аверс	49c	19.01	78.86	1.58	0.03	0.29	0.04	0.00
			49d	19.40	78.77	1.25	0.03	0.20	0.09	0.02
50	246/247	реверс	50a	25.06	72.92	1.40	0.00	0.15	0.21	0.07
			50b	30.26	66.84	2.20	0.03	0.23	0.16	0.07
		аверс	50c	28.59	68.87	1.82	0.03	0.27	0.13	0.00
			50d	21.72	76.42	1.37	0.00	0.18	0.11	0.05
51	246/247	реверс	51a	16.84	81.46	1.16	0.07	0.17	0.14	0.00
			51b	20.67	77.11	1.72	0.09	0.18	0.11	0.00
		аверс	51c	22.97	74.39	2.08	0.06	0.17	0.22	0.03
			51d	23.03	74.43	1.90	0.06	0.20	0.23	0.03
52	246/247	реверс	52a	19.02	79.43	0.88	0.00	0.18	0.18	0.02

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			52b	21.13	76.71	1.59	0.03	0.18	0.12	0.00
		аверс	52c	29.76	67.92	1.53	0.03	0.16	0.24	0.04
			52d	29.56	68.28	1.56	0.00	0.18	0.14	0.02
53	246/247	реверс	53a	24.74	73.10	1.35	0.05	0.17	0.32	0.03
			53b	33.87	63.03	2.19	0.05	0.26	0.35	0.03
		аверс	53c	30.66	66.79	1.53	0.05	0.28	0.40	0.04
			53d	29.89	67.51	1.69	0.04	0.27	0.29	0.03
54	246/247	реверс	54a	17.43	80.74	1.26	0.05	0.20	0.16	0.00
			54b	21.41	76.30	1.77	0.08	0.18	0.17	0.00
		аверс	54c	24.48	73.04	1.83	0.06	0.23	0.14	0.03
			54d	20.64	77.40	1.40	0.05	0.17	0.16	0.03
55	246/247	реверс	55a	19.89	78.57	0.81	0.03	0.17	0.24	0.00
			55b	23.19	75.08	1.10	0.03	0.18	0.21	0.02
		аверс	55c	26.52	71.55	1.23	0.03	0.20	0.22	0.03
			55d	26.66	71.36	1.17	0.04	0.20	0.30	0.03
56	246/247	реверс	56a	38.95	58.22	1.90	0.00	0.28	0.32	0.04
			56b	22.77	75.46	0.92	0.00	0.28	0.20	0.00
		аверс	56c	31.96	65.80	1.39	0.00	0.27	0.14	0.04
			56d	32.56	65.06	1.61	0.03	0.28	0.13	0.00
57	246/247	реверс	57a	38.52	58.43	2.16	0.06	0.27	0.22	0.07
			57b	21.23	76.97	0.99	0.04	0.26	0.25	0.03
		аверс	57c	52.48	43.21	2.76	0.08	0.46	0.69	0.07
			57d	35.10	61.89	1.75	0.06	0.34	0.49	0.05
			57e	46.47	49.87	2.28	0.09	0.34	0.59	0.08
58	246/247	реверс	58a	17.92	80.36	1.24	0.00	0.17	0.12	0.03
			58b	19.21	79.01	1.39	0.00	0.17	0.10	0.00
		аверс	58c	20.57	77.17	1.81	0.04	0.19	0.15	0.00
			58d	22.24	75.72	1.54	0.00	0.15	0.18	0.04
59	246/247	реверс	59a	28.47	69.67	1.42	0.03	0.20	0.11	0.00
			59b	22.93	75.71	0.96	0.00	0.16	0.13	0.00
		аверс	59c	27.45	70.95	1.06	0.00	0.19	0.21	0.05
			59d	22.20	76.45	0.95	0.00	0.17	0.14	0.00
60	246/247	реверс	60a	21.52	76.44	1.53	0.00	0.22	0.16	0.03
			60b	27.06	69.73	2.72	0.03	0.21	0.11	0.03
		аверс	60c	27.83	68.99	2.66	0.00	0.23	0.14	0.02
			60d	23.86	74.01	1.52	0.00	0.25	0.20	0.03
61	246/247	реверс	61a	26.50	71.46	1.65	0.00	0.19	0.09	0.03
			61b	24.44	73.91	1.32	0.00	0.16	0.08	0.02
		аверс	61c	38.90	58.52	2.00	0.00	0.24	0.17	0.05
			61d	29.57	68.35	1.60	0.00	0.19	0.13	0.04
62	247/248	реверс	62a	53.83	41.63	3.89	0.00	0.27	0.13	0.04
			62b	24.93	72.54	1.90	0.00	0.27	0.20	0.00
		аверс	62c	42.13	53.36	3.81	0.04	0.35	0.16	0.03

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 299

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			62d	23.57	74.14	1.70	0.00	0.32	0.17	0.03
63	247/248	реверс	63a	12.21	86.44	0.77	0.00	0.16	0.14	0.00
			63b	14.92	83.41	1.15	0.00	0.15	0.08	0.03
		аверс	63c	19.11	78.67	1.50	0.00	0.24	0.15	0.03
			63d	18.77	79.27	1.21	0.00	0.23	0.18	0.04
64	248/249	реверс	64a	23.88	73.40	2.02	0.05	0.23	0.21	0.04
			64b	19.65	78.61	1.14	0.04	0.20	0.23	0.03
		аверс	64c	32.66	64.47	2.10	0.05	0.18	0.26	0.06
			64d	26.40	71.18	1.65	0.05	0.26	0.22	0.05
65	248/249	реверс	65a	19.99	77.85	1.48	0.02	0.15	0.16	0.03
			65b	23.70	73.57	2.00	0.03	0.17	0.17	0.04
		аверс	65c	24.78	72.71	1.79	0.03	0.19	0.10	0.04
			65d	24.62	72.51	2.23	0.00	0.21	0.08	0.00
66	248/249	реверс	66a	10.37	88.51	0.55	0.00	0.23	0.14	0.00
			66b	10.65	88.13	0.62	0.00	0.21	0.11	0.00
		аверс	66c	11.44	87.29	0.67	0.00	0.17	0.13	0.00
			66d	11.59	87.20	0.53	0.00	0.24	0.14	0.00
67	248/249	реверс	67a	29.04	69.04	1.12	0.03	0.15	0.08	0.03
			67b	25.36	72.94	0.91	0.04	0.20	0.10	0.02
		аверс	67c	27.47	70.65	0.88	0.05	0.20	0.18	0.00
			67d	21.78	76.66	0.77	0.04	0.21	0.09	0.00
68	248/249	реверс	68a	22.05	76.25	1.08	0.00	0.16	0.21	0.00
			68b	30.46	67.37	1.57	0.00	0.19	0.16	0.04
		аверс	68c	30.72	66.75	1.95	0.00	0.24	0.13	0.02
			68d	24.57	73.62	1.21	0.03	0.19	0.13	0.03
69	248/249	реверс	69a	30.53	66.66	1.98	0.03	0.12	0.22	0.04
			69b	24.00	73.23	2.07	0.04	0.15	0.11	0.04
		аверс	69c	20.23	77.55	1.47	0.00	0.15	0.14	0.00
			69d	25.60	71.18	2.49	0.04	0.16	0.10	0.03
70	248/249	реверс	70a	19.54	77.84	1.82	0.03	0.16	0.10	0.00
			70b	14.63	83.57	0.99	0.00	0.14	0.10	0.03
		аверс	70c	18.60	78.74	1.77	0.04	0.17	0.19	0.03
			70d	21.24	75.85	1.95	0.05	0.20	0.21	0.04
71	248/249	реверс	71a	20.10	78.30	0.63	0.04	0.18	0.23	0.03
			71b	29.54	68.49	1.16	0.00	0.21	0.25	0.04
		аверс	71c	17.06	81.57	0.60	0.04	0.17	0.05	0.00
			71d	18.09	80.45	0.52	0.05	0.16	0.14	0.00
72	248/249	реверс	72a	20.96	77.93	0.58	0.00	0.18	0.08	0.00
			72b	18.87	80.13	0.44	0.00	0.17	0.09	0.00
		аверс	72c	22.72	75.98	0.79	0.04	0.19	0.05	0.00
			72d	18.67	80.25	0.53	0.04	0.18	0.06	0.00
73	248/249	реверс	73a	11.32	87.77	0.43	0.00	0.12	0.14	0.00
			73b	13.42	85.42	0.71	0.00	0.16	0.12	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		аверс	73с	15.46	83.24	0.73	0.00	0.15	0.14	0.03
			73d	15.23	83.30	1.01	0.00	0.15	0.07	0.00
74	248/249	реверс	74a	18.09	80.45	0.52	0.05	0.16	0.14	0.00
			74b	18.53	80.06	0.65	0.04	0.28	0.28	0.02
		аверс	74с	25.13	72.92	1.17	0.06	0.36	0.19	0.00
			74d	22.75	75.54	0.86	0.06	0.31	0.28	0.03
75	248/249	реверс	75a	32.79	64.87	1.52	0.06	0.40	0.16	0.05
			75b	23.59	74.83	0.86	0.03	0.31	0.24	0.05
		аверс	75с	23.59	74.85	0.92	0.00	0.27	0.19	0.04
			75d	19.89	78.81	0.55	0.00	0.28	0.22	0.03
76	248/249	реверс	76a	34.39	62.73	1.62	0.06	0.27	0.69	0.06
			76b	19.22	79.37	0.64	0.03	0.20	0.34	0.00
		аверс	76с	26.36	71.65	1.16	0.05	0.23	0.34	0.05
			76d	35.05	62.33	1.70	0.05	0.22	0.34	0.05
77	248/249	реверс	77a	20.60	77.67	0.80	0.00	0.15	0.13	0.02
			77b	23.94	74.11	0.99	0.00	0.19	0.17	0.04
		аверс	77с	26.70	71.28	1.04	0.00	0.21	0.18	0.04
			77d	25.46	72.64	1.01	0.00	0.20	0.11	0.03
78	248/249	реверс	78a	20.63	77.83	0.72	0.00	0.18	0.11	0.00
			78b	17.41	81.25	0.45	0.00	0.14	0.12	0.00
		аверс	78с	23.76	74.62	0.69	0.00	0.17	0.18	0.03
			78d	21.58	76.96	0.76	0.00	0.17	0.07	0.00
79	248/249	реверс	79a	18.37	80.32	0.78	0.00	0.21	0.14	0.00
			79b	18.03	80.68	0.70	0.03	0.22	0.15	0.02
		аверс	79с	17.82	80.80	0.72	0.04	0.21	0.18	0.03
			79d	17.50	81.07	0.89	0.05	0.22	0.09	0.00
80	248/249	реверс	80a	18.28	80.34	0.80	0.00	0.14	0.12	0.02
			80b	21.15	77.25	1.03	0.00	0.19	0.07	0.00
		аверс	80с	21.60	76.85	1.07	0.00	0.13	0.08	0.00
			80d	19.07	79.43	0.95	0.00	0.17	0.07	0.02
81	248/249	реверс	81a	18.88	79.55	0.90	0.00	0.14	0.08	0.00
			81b	23.35	74.62	1.36	0.03	0.16	0.09	0.00
		аверс	81с	22.19	75.98	1.08	0.00	0.18	0.12	0.03
			81d	24.04	74.05	1.24	0.00	0.15	0.10	0.03
82	248/249	реверс	82a	24.13	73.07	1.26	0.00	0.19	0.12	0.00
			82b	20.38	77.80	0.90	0.00	0.19	0.17	0.00
		аверс	82с	25.70	72.14	1.28	0.00	0.17	0.09	0.00
			82d	24.91	73.13	1.09	0.00	0.16	0.13	0.03
83	248/249	реверс	83a	20.15	78.16	0.89	0.00	0.17	0.17	0.03
			83b	21.72	76.47	0.97	0.00	0.22	0.17	0.03
		аверс	83с	25.01	72.94	1.31	0.03	0.17	0.13	0.04
			83d	22.23	75.88	1.15	0.00	0.19	0.10	0.03
84	248/249	реверс	84a	18.79	79.51	0.75	0.00	0.17	0.20	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 301

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			84b	20.34	77.86	0.84	0.00	0.19	0.17	0.023
		аверс	84c	19.11	79.03	0.94	0.00	0.18	0.16	0.03
			84d	17.31	80.98	0.86	0.03	0.16	0.10	0.00
85	248/249	реверс	85a	18.52	79.88	0.60	0.00	0.20	0.17	0.03
			85b	21.59	76.70	0.74	0.00	0.23	0.16	0.03
		аверс	85c	22.93	75.36	0.83	0.00	0.23	0.11	0.00
			85d	22.69	75.57	0.90	0.00	0.24	0.09	0.00
86	248/249	реверс	86a	22.47	75.99	0.98	0.00	0.18	0.15	0.03
			86b	19.34	79.35	0.72	0.00	0.20	0.15	0.03
		аверс	86c	21.53	77.06	0.89	0.00	0.21	0.14	0.03
			86d	21.83	76.75	0.89	0.00	0.16	0.13	0.04
87	248/249	реверс	87a	18.07	80.44	0.74	0.00	0.20	0.09	0.00
			87b	16.29	82.32	0.47	0.00	0.15	0.17	0.00
		аверс	87c	21.44	76.72	0.77	0.03	0.21	0.31	0.03
			87d	24.32	73.80	1.04	0.00	0.19	0.17	0.03
88	248/249	реверс	88a	13.16	85.56	0.59	0.03	0.35	0.13	0.00
			88b	14.41	84.21	0.71	0.03	0.38	0.06	0.00
		аверс	88c	16.96	81.48	0.86	0.03	0.36	0.13	0.00
			88d	17.20	81.29	0.72	0.04	0.44	0.22	0.00
89	248/249	реверс	89a	20.59	77.54	1.21	0.04	0.21	0.15	0.04
			89b	25.49	72.02	1.78	0.06	0.27	0.14	0.04
		аверс	89c	45.63	49.77	3.59	0.06	0.35	0.32	0.09
			89d	39.62	56.74	2.67	0.06	0.27	0.36	0.07
90	248/249	реверс	90a	20.33	77.74	1.30	0.07	0.24	0.08	0.00
			90b	15.20	83.23	0.95	0.05	0.20	0.10	0.00
		аверс	90c	18.59	79.74	1.06	0.00	0.17	0.13	0.03
			90d	18.41	79.86	1.07	0.00	0.16	0.15	0.03
91	248/249	реверс	91a	24.41	73.14	1.77	0.05	0.25	0.22	0.03
			91b	21.44	76.60	1.36	0.04	0.21	0.19	0.03
		аверс	91c	24.17	73.55	1.63	0.04	0.24	0.17	0.03
			91d	23.50	74.24	1.60	0.03	0.25	0.17	0.00
92	248/249	реверс	92a	12.10	86.58	0.61	0.02	0.34	0.14	0.00
			92b	12.79	85.83	0.71	0.00	0.34	0.13	0.00
		аверс	92c	14.27	84.14	0.85	0.00	0.35	0.14	0.03
			92d	13.48	85.10	0.76	0.00	0.34	0.10	0.00
93	248/249	реверс	93a	19.62	78.18	1.22	0.02	0.21	0.14	0.03
			93b	21.43	76.14	1.66	0.04	0.21	0.07	0.00
		аверс	93c	30.92	65.41	3.07	0.07	0.26	0.03	0.03
			93d	24.03	73.44	1.72	0.05	0.24	0.05	0.03
94	248/249	реверс	94a	14.06	84.65	0.59	0.03	0.12	0.11	0.00
			94b	16.51	81.99	0.87	0.02	0.19	0.05	0.02
		аверс	94c	23.59	74.50	1.19	0.00	0.19	0.11	0.03
			94d	19.01	79.46	0.70	0.00	0.21	0.12	0.04

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
95	248/249	реверс	95a	18.60	79.49	1.29	0.00	0.29	0.09	0.02
			95b	14.61	83.89	0.83	0.00	0.34	0.12	0.00
		аверс	95c	13.38	85.22	0.93	0.00	0.23	0.07	0.00
			95d	14.71	83.72	1.07	0.00	0.25	0.08	0.00
96	248/249	реверс	96a	13.53	85.06	0.75	0.00	0.28	0.19	0.00
			96b	15.00	83.61	0.88	0.00	0.20	0.13	0.00
		аверс	96c	19.33	78.93	1.00	0.00	0.32	0.12	0.00
			96d	19.33	78.99	1.02	0.00	0.29	0.12	0.00
97	248/249	реверс	97a	12.90	85.88	0.54	0.06	0.19	0.12	0.00
			97b	15.03	83.51	0.85	0.03	0.18	0.08	0.00
		аверс	97c	15.52	83.00	0.82	0.10	0.17	0.08	0.00
			97d	17.03	81.38	0.80	0.12	0.21	0.13	0.03
98	248/249	реверс	98a	16.73	81.78	0.83	0.06	0.35	0.13	0.00
			98b	14.80	83.88	0.65	0.06	0.31	0.15	0.00
		аверс	98c	18.55	79.69	1.01	0.06	0.38	0.12	0.00
			98d	24.77	72.86	1.25	0.07	0.51	0.29	0.05
99	248/249	реверс	99a	10.47	88.35	0.80	0.00	0.22	0.08	0.00
			99b	10.70	88.19	0.62	0.00	0.21	0.11	0.00
		аверс	99c	14.35	84.26	0.91	0.00	0.18	0.13	0.00
			99d	13.35	85.25	0.82	0.00	0.24	0.17	0.00
100	248/249	реверс	100a	24.57	72.95	1.98	0.05	0.23	0.12	0.00
			100b	22.25	75.72	1.42	0.04	0.25	0.12	0.03
		аверс	100c	23.13	74.65	1.58	0.04	0.20	0.15	0.00
			100d	24.57	73.10	1.78	0.06	0.21	0.15	0.00
101	248/249	реверс	101a	20.71	77.07	1.48	0.10	0.17	0.18	0.03
			101b	16.27	81.99	1.02	0.07	0.18	0.16	0.03
		аверс	101c	16.50	81.76	1.19	0.07	0.14	0.09	0.02
			101d	20.16	78.04	1.20	0.07	0.17	0.11	0.02
102	248/249	реверс	102a	18.47	79.97	0.92	0.04	0.17	0.14	0.03
			102b	14.97	83.81	0.65	0.04	0.17	0.10	0.00
		аверс	102c	14.22	84.52	0.74	0.04	0.21	0.07	0.00
			102d	14.59	84.17	0.77	0.04	0.14	0.08	0.00
103	248/249	реверс	103a	16.82	81.72	0.81	0.04	0.30	0.14	0.00
			103b	17.33	81.17	0.77	0.03	0.28	0.19	0.02
		аверс	103c	16.19	82.27	0.77	0.06	0.42	0.15	0.00
			103d	16.36	82.38	0.66	0.04	0.22	0.15	0.00
104	248/249	реверс	104a	33.26	64.33	1.43	0.04	0.20	0.39	0.00
			104b	33.03	64.63	1.50	0.05	0.20	0.28	0.03
		аверс	104c	23.24	75.01	1.16	0.03	0.14	0.13	0.02
			104d	25.36	72.74	1.17	0.03	0.21	0.17	0.00
105	248/249	реверс	105a	24.16	74.13	1.04	0.00	0.16	0.11	0.04
			105b	26.70	71.52	1.16	0.00	0.18	0.08	0.03
		аверс	105c	23.93	74.39	0.89	0.00	0.19	0.21	0.04

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 303

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			105d	21.27	77.21	0.83	0.00	0.19	0.13	0.02
106	248/249	реверс	106a	18.61	79.84	0.87	0.04	0.12	0.17	0.00
			106b	18.29	80.17	0.86	0.04	0.11	0.19	0.00
		аверс	106c	17.54	80.93	0.95	0.04	0.12	0.09	0.02
			106d	19.13	79.18	1.04	0.06	0.12	0.13	0.03
107	248/249	реверс	107a	30.03	67.73	1.44	0.04	0.15	0.10	0.00
			107b	26.80	71.33	1.07	0.03	0.11	0.10	0.00
		аверс	107c	24.66	73.37	1.19	0.00	0.13	0.07	0.00
			107d	23.96	74.31	1.00	0.00	0.13	0.09	0.02
108	248/249	реверс	108a	14.36	84.44	0.59	0.00	0.14	0.08	0.00
			108b	14.69	84.04	0.57	0.00	0.16	0.14	0.00
		аверс	108c	14.58	84.13	0.53	0.00	0.19	0.16	0.00
			108d	16.48	82.13	0.69	0.00	0.16	0.14	0.00
109	248/249	реверс	109a	16.84	81.62	0.94	0.00	0.15	0.07	0.00
			109b	15.46	83.25	0.71	0.00	0.14	0.09	0.00
		аверс	109c	21.64	76.48	1.16	0.00	0.17	0.15	0.02
			109d	20.18	78.16	0.92	0.00	0.12	0.24	0.03
110	249/250	реверс	110a	21.90	76.32	1.33	0.04	0.15	0.09	0.02
			110b	23.50	74.48	1.56	0.03	0.15	0.10	0.00
		аверс	110c	28.06	69.41	1.89	0.03	0.17	0.25	0.00
			110d	28.86	68.52	1.94	0.00	0.21	0.23	0.03
111	249/250	реверс	111a	19.25	79.07	0.54	0.03	0.65	0.23	0.00
			111b	22.08	75.88	0.65	0.03	0.77	0.31	0.04
		аверс	111c	22.81	75.07	0.69	0.03	0.84	0.29	0.03
			111d	25.42	71.84	0.67	0.03	1.00	0.68	0.05
112	249/250	реверс	112a	27.30	71.03	0.64	0.00	0.46	0.26	0.05
			112b	27.59	70.74	0.69	0.00	0.49	0.23	0.03
		аверс	112c	27.07	71.11	0.65	0.03	0.57	0.25	0.00
			112d	22.72	75.44	0.44	0.03	0.57	0.45	0.04
113	249/250	реверс	113a	18.15	79.93	0.60	0.00	0.23	0.92	0.05
			113b	18.16	79.87	0.62	0.00	0.20	1.00	0.00
		аверс	113c	16.92	81.12	0.56	0.00	0.30	0.90	0.03
			113d	19.72	78.32	0.78	0.00	0.24	0.80	0.03
114	249/250	реверс	114a	26.44	71.63	1.13	0.00	0.20	0.19	0.04
			114b	18.83	79.35	1.05	0.00	0.20	0.07	0.04
		аверс	114c	21.13	77.08	1.11	0.00	0.19	0.08	0.00
			114d	17.33	81.23	0.77	0.00	0.15	0.11	0.02
115	249/250	реверс	115a	22.21	76.46	0.77	0.00	0.23	0.12	0.04
			115b	20.46	78.30	0.62	0.00	0.20	0.18	0.04
		аверс	115c	21.24	77.32	0.73	0.00	0.20	0.29	0.04
			115d	18.87	79.90	0.61	0.00	0.18	0.22	0.03
116	249/250	реверс	116a	33.21	65.22	1.09	0.00	0.19	0.09	0.04
			116b	26.80	72.03	0.73	0.00	0.19	0.08	0.04

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		аверс	116c	26.52	72.12	0.78	0.03	0.22	0.13	0.05
			116d	19.20	79.80	0.59	0.00	0.18	0.09	0.00
117	249/250	реверс	117a	24.45	73.88	1.09	0.00	0.19	0.08	0.03
			117b	21.02	77.55	0.81	0.00	0.18	0.13	0.04
		аверс	117c	28.21	69.73	1.40	0.00	0.19	0.16	0.03
			117d	22.81	75.66	0.77	0.00	0.16	0.21	0.02
118	249/250	реверс	118a	15.80	83.44	0.40	0.00	0.17	0.09	0.00
			118b	16.84	82.28	0.43	0.00	0.15	0.16	0.00
		аверс	118c	19.00	80.03	0.43	0.00	0.19	0.15	0.03
			118d	21.05	77.39	0.52	0.00	0.20	0.70	0.02
119	249/250	реверс	119a	18.71	80.27	0.51	0.00	0.17	0.14	0.00
			119b	18.93	80.01	0.48	0.00	0.20	0.16	0.00
		аверс	119c	26.35	72.22	1.01	0.00	0.20	0.05	0.00
			119d	18.84	80.16	0.48	0.00	0.24	0.12	0.00
120	249/250	реверс	120a	23.40	75.19	0.89	0.00	0.18	0.10	0.03
			120b	25.78	72.65	1.05	0.00	0.22	0.09	0.02
		аверс	120c	19.37	79.45	0.64	0.00	0.18	0.11	0.03
			120d	27.03	71.39	1.07	0.00	0.18	0.07	0.00
121	249/250	реверс	121a	22.39	76.36	0.76	0.00	0.17	0.13	0.00
			121b	21.56	77.09	0.64	0.00	0.20	0.22	0.00
		аверс	121c	19.34	79.52	0.57	0.00	0.18	0.13	0.00
			121d	19.23	79.64	0.65	0.00	0.18	0.10	0.00
122	249/250	реверс	122a	10.61	88.78	0.26	0.00	0.14	0.05	0.00
			122b	11.75	87.55	0.26	0.00	0.16	0.11	0.00
		аверс	122c	14.31	84.82	0.31	0.00	0.17	0.15	0.02
			122d	15.58	83.54	0.37	0.00	0.17	0.14	0.00
123	249/250	реверс	123a	12.15	87.14	0.30	0.00	0.13	0.09	0.00
			123b	13.03	86.22	0.30	0.00	0.16	0.11	0.00
		аверс	123c	13.08	86.18	0.25	0.00	0.17	0.13	0.00
			123d	13.98	85.20	0.36	0.00	0.15	0.09	0.00
124	249/250	реверс	124a	25.86	72.60	0.60	0.03	0.34	0.29	0.05
			124b	19.10	79.73	0.51	0.00	0.28	0.15	0.02
		аверс	124c	19.58	79.37	0.44	0.00	0.26	0.15	0.03
			124d	24.31	74.26	0.64	0.06	0.38	0.14	0.04
125	249/250	реверс	125a	37.03	61.20	1.11	0.00	0.29	0.22	0.05
			125b	41.61	56.37	1.36	0.00	0.29	0.20	0.05
		аверс	125c	31.93	66.36	1.12	0.00	0.27	0.19	0.03
			125d	31.57	66.68	0.83	0.00	0.38	0.40	0.05
126	249/250	реверс	126a	26.62	71.96	0.45	0.00	0.39	0.30	0.04
			126b	22.71	76.18	0.37	0.00	0.36	0.15	0.00
		аверс	126c	24.20	74.66	0.46	0.04	0.38	0.10	0.00
			126d	24.57	74.26	0.38	0.03	0.35	0.19	0.00
127	249/250	реверс	127a	20.56	77.90	0.76	0.06	0.29	0.18	0.02

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 305

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
			127b	19.93	78.59	0.64	0.04	0.29	0.23	0.03
		аверс	127c	24.05	73.94	0.93	0.04	0.30	0.47	0.05
			127d	20.69	77.53	0.71	0.04	0.28	0.42	0.03
128	249/250	реверс	128a	32.79	65.00	1.46	0.00	0.24	0.25	0.05
			128b	27.37	70.79	1.10	0.00	0.24	0.27	0.05
		аверс	128c	30.40	67.67	1.35	0.00	0.26	0.08	0.04
			128d	22.98	75.65	0.90	0.00	0.15	0.09	0.00
129	249/250	реверс	129a	20.95	77.57	0.85	0.00	0.18	0.13	0.03
			129b	24.36	73.72	0.97	0.00	0.21	0.29	0.00
		аверс	129c	23.65	74.79	0.97	0.00	0.18	0.07	0.04
			129d	28.12	70.17	1.04	0.00	0.21	0.13	0.05
130	249/250	реверс	130a	24.59	73.45	1.14	0.05	0.30	0.27	0.03
			130b	26.17	71.52	1.06	0.06	0.31	0.61	0.06
		аверс	130c	23.29	74.75	1.15	0.04	0.26	0.20	0.00
			130d	20.77	77.49	0.91	0.05	0.24	0.25	0.04
131	249/250	реверс	131a	25.31	73.18	1.08	0.00	0.19	0.09	0.02
			131b	24.98	73.60	0.95	0.00	0.20	0.10	0.04
		аверс	131c	24.25	74.44	0.85	0.00	0.19	0.09	0.03
			131d	33.59	64.31	1.61	0.00	0.21	0.04	0.00
132	249/250	реверс	132a	25.86	72.87	0.80	0.00	0.18	0.09	0.03
			132b	35.09	63.15	1.27	0.03	0.22	0.07	0.03
		аверс	132c	32.12	66.36	0.97	0.00	0.22	0.16	0.04
			132d	33.71	64.57	1.23	0.00	0.26	0.10	0.00
133	249/250	реверс	133a	19.70	79.10	0.79	0.00	0.21	0.07	0.00
			133b	18.12	80.66	0.73	0.00	0.20	0.09	0.03
		аверс	133c	15.37	83.49	0.70	0.00	0.17	0.11	0.00
			133d	16.70	82.10	0.85	0.00	0.17	0.06	0.00
134	249/250	реверс	134a	20.19	78.14	1.26	0.00	0.17	0.08	0.00
			134b	20.47	77.84	1.11	0.00	0.23	0.14	0.02
		аверс	134c	20.79	77.75	0.94	0.00	0.19	0.13	0.03
			134d	25.37	72.32	1.80	0.03	0.18	0.08	0.03
135	249/250	реверс	135a	19.37	79.36	0.54	0.04	0.46	0.10	0.00
			135b	19.91	78.97	0.55	0.03	0.26	0.12	0.03
		аверс	135c	24.23	74.50	0.72	0.00	0.23	0.17	0.00
			135d	25.09	73.45	0.72	0.00	0.27	0.21	0.04
136	249/250	реверс	136a	25.78	72.48	1.15	0.00	0.18	0.12	0.03
			136b	26.74	71.38	1.15	0.00	0.22	0.18	0.04
		аверс	136c	22.76	75.83	0.86	0.00	0.16	0.08	0.03
			136d	20.71	77.83	1.04	0.03	0.17	0.07	0.00
137	249/250	реверс	137a	26.82	71.87	0.45	0.00	0.26	0.32	0.05
		аверс	137b	20.38	78.61	0.30	0.00	0.23	0.20	0.00
138	249/250	реверс	138a	22.31	75.69	0.85	0.04	0.59	0.31	0.02
		аверс	138b	22.87	75.34	0.69	0.00	0.44	0.39	0.04

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
139	249/250	реверс	139a	19.48	79.33	0.69	0.00	0.16	0.16	0.03
		аверс	139b	18.49	80.35	0.56	0.00	0.17	0.20	0.04
140	249/250	реверс	140a	29.13	69.36	1.06	0.03	0.19	0.08	0.03
		аверс	140b	27.41	71.23	0.82	0.03	0.14	0.18	0.05
141	249/250	реверс	141a	19.10	79.87	0.52	0.00	0.16	0.10	0.00
		аверс	141b	23.73	75.01	0.51	0.00	0.20	0.21	0.00
142	249/250	реверс	142a	21.09	77.45	1.07	0.00	0.17	0.10	0.00
		аверс	142b	21.70	77.01	0.76	0.00	0.19	0.14	0.03
143	249/250	реверс	143a	28.38	70.48	0.78	0.00	0.20	0.11	0.00
		аверс	143b	23.77	75.30	0.54	0.00	0.16	0.09	0.03
144	249/250	реверс	144a	20.92	77.77	0.70	0.00	0.22	0.22	0.00
		аверс	144b	17.13	18.87	0.49	0.00	0.21	0.11	0.03
145	249/250	реверс	145a	34.95	64.11	0.22	0.00	0.22	0.21	0.04
		аверс	145b	24.71	74.50	0.11	0.00	0.19	0.17	0.04
146	249/250	реверс	146a	15.99	83.10	0.19	0.00	0.19	0.11	0.00
		аверс	146b	18.45	80.10	0.19	0.00	0.24	0.47	0.04
147	249/250	реверс	147a	15.99	83.10	0.19	0.00	0.19	0.11	0.00
		аверс	147b	29.60	68.84	0.10	0.00	0.28	0.97	0.09
148	249/250	реверс	148a	27.12	71.57	0.14	0.00	0.33	0.77	0.00
		аверс	148b	24.31	74.11	0.12	0.00	0.32	1.03	0.03
149	249/250	реверс	149a	44.25	54.68	0.50	0.00	0.29	0.22	0.00
		аверс	149b	30.23	68.56	0.28	0.00	0.27	0.50	0.02
150	249/250	реверс	150a	31.60	65.89	1.01	0.00	0.21	1.01	0.04
		аверс	150b	30.79	66.89	0.97	0.00	0.23	0.91	0.06
151	249/250	реверс	151a	26.56	71.84	0.80	0.04	0.25	0.24	0.00
		аверс	151b	28.50	69.85	0.73	0.05	0.25	0.31	0.03
152	249/250	реверс	152a	19.98	78.62	0.81	0.00	0.25	0.15	0.00
		аверс	152b	16.31	82.62	0.40	0.00	0.23	0.24	0.00
153	249/250	реверс	153a	20.07	78.83	0.49	0.00	0.23	0.16	0.03
		аверс	153b	27.73	70.45	0.67	0.00	0.54	0.36	0.05
154	249/250	реверс	154a	15.95	83.15	0.44	0.00	0.21	0.12	0.00
		аверс	154b	15.81	83.13	0.56	0.00	0.23	0.14	0.03
155	249/250	реверс	155a	31.38	67.67	0.36	0.00	0.20	0.11	0.06
		аверс	155b	28.43	70.51	0.28	0.00	0.23	0.27	0.06
156	249/250	реверс	156a	22.55	75.37	0.95	0.00	0.28	0.65	0.03
		аверс	156b	21.41	76.35	0.87	0.00	0.31	0.76	0.03
157	249/250	реверс	157a	18.60	80.30	0.44	0.00	0.37	0.12	0.00
		аверс	157b	21.13	77.35	0.47	0.00	0.47	0.32	0.00
158	249/250	реверс	158a	22.71	75.68	0.93	0.00	0.19	0.36	0.04
		аверс	158b	21.01	74.40	0.95	0.00	0.20	0.27	0.03
159	249/250	реверс	159a	24.91	73.66	0.72	0.04	0.23	0.18	0.02
		аверс	159b	28.05	70.23	0.78	0.04	0.26	0.35	0.03
160	249/250	реверс	160a	15.43	83.25	0.26	0.00	0.23	0.62	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 307

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		аверс	160b	17.54	81.55	0.27	0.00	0.21	0.30	0.00
161	249/250	реверс	161a	29.48	69.71	0.11	0.00	0.24	0.27	0.05
		аверс	161b	34.90	64.37	0.14	0.00	0.26	0.15	0.04
162	249/250	реверс	162a	31.56	66.94	0.92	0.00	0.21	0.27	0.03
		аверс	162b	25.24	73.40	0.70	0.00	0.25	0.18	0.05
163	249/250	реверс	163a	33.27	65.94	0.29	0.00	0.23	0.17	0.03
		аверс	163b	25.14	74.24	0.23	0.00	0.22	0.11	0.00
164	249/250	реверс	164a	21.00	77.46	0.93	0.00	0.18	0.11	0.02
		аверс	164b	19.72	78.82	0.83	0.00	0.17	0.09	0.00
165	249/250	реверс	165a	23.32	74.66	0.68	0.00	0.23	0.84	0.04
		аверс	165b	22.09	76.28	0.57	0.00	0.22	0.61	0.04
166	249/250	реверс	166a	26.16	71.10	1.10	0.00	0.40	1.00	0.04
		аверс	166b	29.55	67.81	1.20	0.00	0.31	0.97	0.05
167	249/250	реверс	167a	24.45	74.38	0.53	0.00	0.28	0.19	0.00
		аверс	167b	35.58	62.62	0.81	0.04	0.35	0.30	0.03
168	249/250	реверс	168a	39.31	59.29	0.26	0.10	0.48	0.32	0.04
		аверс	168b	48.49	50.08	0.35	0.00	0.35	0.52	0.04
169	249/250	реверс	169a	16.65	82.06	0.42	0.03	0.20	0.17	0.03
		аверс	169b	17.70	81.11	0.47	0.04	0.21	0.11	0.00
170	249/250	реверс	170a	29.84	68.73	0.81	0.03	0.23	0.11	0.03
		аверс	170b	20.80	78.01	0.59	0.00	0.19	0.17	0.04
171	249/250	реверс	171a	19.87	78.96	0.55	0.00	0.21	0.29	0.00
		аверс	171b	23.86	74.18	0.73	0.00	0.20	0.72	0.00
172	249/250	реверс	172a	48.81	48.82	0.18	0.00	0.41	1.40	0.15
		аверс	172b	29.22	69.64	0.10	0.00	0.32	0.31	0.06
173	249/250	реверс	173a	28.71	70.25	0.30	0.09	0.14	0.15	0.02
		аверс	173b	34.22	64.88	0.36	0.05	0.13	0.07	0.00
174	249/250	реверс	174a	17.64	81.46	0.54	0.04	0.08	0.10	0.00
		аверс	174b	24.37	74.48	0.56	0.03	0.10	0.25	0.00
175	249/250	реверс	175a	20.94	77.41	0.53	0.05	0.22	0.59	0.03
		аверс	175b	21.50	76.97	0.44	0.00	0.17	0.68	0.02
176	249/250	реверс	176a	25.06	73.70	0.91	0.04	0.11	0.10	0.04
		аверс	176b	25.04	73.69	0.71	0.00	0.13	0.22	0.00
177	249/250	реверс	177a	25.49	72.12	1.06	0.03	0.21	0.85	0.03
		аверс	177b	24.30	73.11	1.07	0.03	0.28	0.96	0.00
178	249/250	реверс	178a	32.46	66.59	0.26	0.00	0.16	0.33	0.00
		аверс	178b	24.74	74.39	0.15	0.00	0.17	0.35	0.00
179	249/250	реверс	179a	17.61	81.35	0.48	0.00	0.20	0.16	0.00
		аверс	179b	20.04	78.82	0.55	0.00	0.21	0.13	0.00
180	249/250	реверс	180a	19.41	78.92	0.98	0.03	0.33	0.14	0.00
		аверс	180b	22.98	75.42	0.92	0.00	0.35	0.14	0.00
181	249/250	реверс	181a	21.31	76.36	1.11	0.05	0.31	0.15	0.00
		аверс	181b	26.74	70.77	1.20	0.05	0.42	0.06	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
182	249/250	реверс	182a	14.57	84.49	0.55	0.00	0.09	0.07	0.00
		аверс	182b	19.77	78.91	0.66	0.00	0.15	0.13	0.04
183	249/250	реверс	183a	10.34	88.58	0.30	0.00	0.26	0.14	0.00
		аверс	183b	9.31	89.71	0.31	0.00	0.25	0.06	0.00
184	249/250	реверс	184a	27.61	69.99	1.49	0.04	0.22	0.47	0.05
		аверс	184b	27.66	69.85	1.55	0.06	0.25	0.44	0.04
185	249/250	реверс	185a	22.48	76.06	0.62	0.00	0.26	0.40	0.05
		аверс	185b	29.72	68.40	1.05	0.03	0.27	0.32	0.08
186	249/250	реверс	186a	15.81	82.96	0.44	0.00	0.22	0.13	0.00
		аверс	186b	15.86	82.95	0.48	0.00	0.23	0.07	0.00
187	249/250	реверс	187a	15.12	83.72	0.42	0.03	0.18	0.09	0.00
		аверс	187b	21.26	77.36	0.58	0.04	0.24	0.29	0.04
188	249/250	реверс	188a	24.95	73.43	0.65	0.00	0.31	0.38	0.04
		аверс	188b	17.87	81.11	0.44	0.00	0.28	0.08	0.02
189	249/250	реверс	189a	12.36	86.67	0.36	0.00	0.15	0.09	0.00
		аверс	189b	12.84	86.06	0.41	0.00	0.19	0.15	0.00
190	249/250	реверс	190a	20.67	77.41	0.76	0.02	0.20	0.76	0.05
		аверс	190b	23.74	74.25	1.03	0.00	0.19	0.58	0.03
191	249/250	реверс	191a	33.81	65.42	0.21	0.00	0.27	0.12	0.04
		аверс	191b	26.61	72.65	0.13	0.00	0.25	0.17	0.04
192	249/250	реверс	192a	29.60	68.66	0.80	0.00	0.18	0.38	0.06
		аверс	192b	24.38	74.23	0.58	0.04	0.20	0.15	0.05
193	249/250	реверс	193a	23.86	74.43	0.91	0.00	0.20	0.29	0.04
		аверс	193b	24.69	73.66	1.01	0.00	0.22	0.10	0.03
194	249/250	реверс	194a	24.38	72.82	1.01	0.00	0.36	1.11	0.06
		аверс	194b	31.42	64.98	1.46	0.00	0.44	1.40	0.00
195	249/250	реверс	195a	17.06	81.52	0.39	0.00	0.32	0.26	0.02
		аверс	195b	17.89	80.39	0.32	0.00	0.34	0.48	0.00
196	249/250	реверс	196a	31.16	67.71	0.25	0.00	0.41	0.40	0.00
		аверс	196b	37.76	61.16	0.37	0.00	0.42	0.21	0.00
197	249/250	реверс	197a	27.57	71.95	0.18	0.00	0.15	0.15	0.00
		аверс	197b	38.52	60.78	0.29	0.00	0.17	0.20	0.00
198	249/250	реверс	198a	64.27	34.05	0.76	0.05	0.33	0.29	0.00
		аверс	198b	49.70	49.06	0.57	0.05	0.33	0.18	0.03
199	250/251	реверс	199a	28.25	70.59	0.30	0.00	0.22	0.44	0.03
		аверс	199b	25.00	74.22	0.28	0.00	0.23	0.16	0.00
200	250/251	реверс	200a	31.21	67.32	0.39	0.05	0.37	0.37	0.00
		аверс	200b	25.30	73.50	0.26	0.07	0.32	0.20	0.00
201	250/251	реверс	201a	31.49	67.67	0.34	0.00	0.17	0.19	0.04
		аверс	201b	26.48	72.92	0.27	0.00	0.14	0.07	0.03
202	250/251	реверс	202a	19.50	79.85	0.19	0.00	0.16	0.14	0.00
		аверс	202b	22.21	77.09	0.25	0.03	0.17	0.09	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 309

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
203	250/251	реверс	203a	22.05	77.36	0.31	0.00	0.14	0.05	0.00
		аверс	203b	26.53	72.75	0.36	0.00	0.19	0.07	0.00
204	250/251	реверс	204a	35.17	63.37	0.74	0.03	0.23	0.06	0.04
		аверс	204b	30.90	67.80	0.51	0.04	0.20	0.16	0.03
205	250/251	реверс	205a	17.52	81.62	0.24	0.00	0.16	0.15	0.00
		аверс	205b	24.28	74.34	0.44	0.00	0.18	0.30	0.00
206	250/251	реверс	206a	18.43	80.45	0.43	0.03	0.24	0.09	0.03
		аверс	206b	23.50	75.00	0.47	0.00	0.29	0.29	0.06
207	250/251	реверс	207a	25.64	72.68	0.34	0.03	0.21	0.69	0.06
		аверс	207b	21.67	77.28	0.30	0.00	0.18	0.25	0.04
208	250/251	реверс	208a	22.31	76.40	0.39	0.00	0.21	0.18	0.03
		аверс	208b	26.78	71.86	0.46	0.00	0.25	0.12	0.06
209	250/251	реверс	209a	20.68	78.22	0.33	0.00	0.18	0.05	0.00
		аверс	209b	20.44	78.28	0.28	0.00	0.19	0.17	0.00
210	250/251	реверс	210a	30.91	66.45	0.47	0.09	0.66	0.98	0.07
		аверс	210b	37.32	59.92	0.61	0.09	0.78	0.86	0.11
211	250/251	реверс	211a	20.81	77.97	0.47	0.00	0.20	0.12	0.05
		аверс	211b	22.02	76.70	0.42	0.00	0.23	0.21	0.05
212	250/251	реверс	212a	20.97	77.51	0.30	0.07	0.53	0.27	0.04
		аверс	212b	21.92	76.20	0.30	0.06	0.54	0.55	0.05
213	250/251	реверс	213a	42.00	55.97	1.49	0.00	0.26	0.18	0.04
		аверс	213b	37,69	60.29	1.41	0.03	0.21	0.08	0.06
214	250/251	реверс	214a	20.01	78.79	0.60	0.00	0.16	0.11	0.00
		аверс	214b	19.94	78.77	0.53	0.00	0.21	0.18	0.03
215	250/251	реверс	215a	17.03	82.05	0.38	0.00	0.17	0.12	0.00
		аверс	215b	19.75	79.16	0.43	0.00	0.19	0.22	0.00
216	250/251	реверс	216a	22.39	76.31	0.74	0.00	0.17	0.12	0.00
		аверс	216b	90.91	77.87	0.65	0.00	0.19	0.11	0.03
217	250/251	реверс	217a	20.99	77.94	0.48	0.00	0.18	0.09	0.00
		аверс	217b	45.06	52.97	1.10	0.00	0.22	0.30	0.09
218	250/251	реверс	218a	26.89	71.59	0.68	0.00	0.21	0.15	0.04
		аверс	218b	20.89	77.79	0.62	0.00	0.18	0.08	0.02
219	250/251	реверс	219a	28.69	69.46	1.23	0.00	0.27	0.10	0.03
		аверс	219b	30.93	67.19	1.32	0.00	0.22	0.07	0.03
220	250/251	реверс	220a	22.99	75.59	0.84	0.00	0.22	0.09	0.00
		аверс	220b	26.53	71.82	1.11	0.00	0.21	0.10	0.03
221	250/251	реверс	221a	21.23	77.32	0.63	0.03	0.19	0.15	0.00
		аверс	221b	24.24	74.01	0.53	0.04	0.21	0.35	0.06
222	250/251	реверс	222a	25.18	73.81	0.41	0.00	0.18	0.16	0.02
		аверс	222b	38.68	59.20	0.64	0.00	0.30	0.76	0.00
223	250/251	реверс	223a	28.41	70.17	0.77	0.00	0.16	0.16	0.02
		аверс	223b	28.78	69.35	0.70	0.00	0.23	0.47	0.00
224	250/251	реверс	224a	16.67	82.08	0.37	0.00	0.29	0.32	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		аверс	224b	18.32	80.30	0.45	0.00	0.27	0.36	0.03
225	250/251	реверс	225a	22.18	76.28	0.57	0.00	0.27	0.40	0.03
		аверс	225b	18.47	80.24	0.40	0.00	0.23	0.40	0.03
226	250/251	реверс	226a	22.31	75.75	0.52	0.00	0.76	0.49	0.03
		аверс	226b	20.29	77.38	0.47	0.03	0.79	0.78	0.05
227	250/251	реверс	227a	21.04	77.84	0.45	0.00	0.16	0.15	0.02
		аверс	227b	18.61	80.33	0.54	0.00	0.18	0.08	0.00
228	250/251	реверс	228a	22.16	76.47	0.53	0.03	0.27	0.22	0.03
		аверс	228b	27.95	70.42	0.86	0.03	0.27	0.21	0.03
229	250/251	реверс	229a	21.17	77.32	0.85	0.00	0.28	0.17	0.00
		аверс	229b	20.95	77.24	0.63	0.00	0.30	0.48	0.00
230	250/251	реверс	230a	30.90	68.09	0.37	0.00	0.33	0.11	0.03
		аверс	230b	27.22	71.90	0.26	0.00	0.25	0.10	0.04
231	250/251	реверс	231a	34.48	64.42	0.28	0.00	0.33	0.40	0.03
		аверс	231b	29.71	69.07	0.22	0.00	0.36	0.47	0.04
232	250/251	аверс	232a	25.57	73.34	0.25	0.05	0.34	0.20	0.05
		реверс	232b	29.15	69.65	0.28	0.04	0.33	0.26	0.00
233	250/251	аверс	233a	21.38	76.77	1.11	0.00	0.21	0.11	0.04
		реверс	233b	26.36	71.54	1.24	0.00	0.19	0.22	0.04
234	250/251	аверс	234a	22.62	76.33	0.20	0.00	0.35	0.21	0.04
		реверс	234b	26.65	72.41	0.23	0.00	0.36	0.15	0.03
235	250/251	аверс	235a	42.23	56.54	0.39	0.00	0.29	0.25	0.00
		реверс	235b	41.03	57.81	0.38	0.00	0.24	0.30	0.00
236	250/251	аверс	236a	19.50	79.22	0.50	0.00	0.21	0.33	0.00
		реверс	236b	53.27	43.17	1.56	0.04	0.46	1.07	0.14
237	250/251	аверс	237a	26.53	72.25	0.18	0.00	0.47	0.27	0.00
		реверс	237b	30.99	67.64	0.24	0.00	0.56	0.25	0.00
238	250/251	аверс	238a	32.86	66.15	0.23	0.00	0.27	0.30	0.00
		реверс	238b	27.27	71.69	0.20	0.00	0.25	0.44	0.00
239	250/251	аверс	239a	25.08	73.70	0.25	0.00	0.25	0.36	0.07
		реверс	239b	24.71	74.13	0.25	0.00	0.29	0.31	0.05
240	250/251	аверс	240a	20.74	78.11	0.30	0.00	0.22	0.29	0.06
		реверс	240b	20.89	77.95	0.31	0.00	0.24	0.25	0.04
241	250/251	аверс	241a	24.77	74.21	0.15	0.00	0.25	0.49	0.00
		реверс	241b	32.04	66.97	0.25	0.00	0.30	0.33	0.00
242	250/251	аверс	242a	16.72	82.07	0.46	0.09	0.26	0.14	0.00
		реверс	242b	20.53	78.05	0.63	0.04	0.30	0.21	0.04
243	250/251	аверс	243a	19.39	79.35	0.43	0.03	0.35	0.19	0.03
		реверс	243b	21.92	76.75	0.56	0.04	0.28	0.17	0.05
244	250/251	аверс	244a	25.82	73.27	0.19	0.00	0.25	0.38	0.00
		реверс	244b	23.81	75.38	0.16	0.00	0.26	0.34	0.00
245	250/251	аверс	245a	29.31	68.12	0.98	0.03	0.34	0.92	0.06
		реверс	245b	32.30	65.17	1.31	0.04	0.38	0.58	0.06

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 311

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
246/247	250/251	аверс	246/247a	20.53	78.31	0.46	0.00	0.19	0.16	0.03
		реверс	246/247b	27.75	70.79	0.62	0.00	0.25	0.22	0.03
247/248	250/251	аверс	247/248a	34.96	62.45	0.79	0.00	0.35	1.09	0.10
		реверс	247/248b	18.13	80.40	0.36	0.00	0.27	0.52	0.05
248/249	250/251	аверс	248/249a	17.38	81.39	0.37	0.00	0.20	0.39	0.06
		реверс	248/249b	21.32	77.58	0.46	0.00	0.23	0.18	0.03
249/250	250/251	аверс	249/250a	20.96	77.79	0.36	0.00	0.23	0.32	0.07
		реверс	249/250b	26.91	71.53	0.47	0.00	0.27	0.56	0.07
250/251	250/251	аверс	250/251a	19.54	78.94	0.52	0.00	0.36	0.29	0.02
		реверс	250/251b	23.81	74.42	0.45	0.00	0.50	0.47	0.06
251/252	250/251	аверс	251/252a	28.30	70.05	0.72	0.00	0.24	0.28	0.07
		реверс	251/252b	21.37	77.26	0.40	0.00	0.20	0.28	0.00
252/253	250/251	аверс	252/253a	19.70	79.06	0.43	0.00	0.24	0.19	0.04
		реверс	252/253b	20.38	78.45	0.47	0.00	0.22	0.09	0.00
253	250/251	аверс	253a	21.67	76.76	0.59	0.03	0.42	0.29	0.00
		реверс	253b	21.70	76.87	0.55	0.00	0.39	0.25	0.04
254	250/251	аверс	254a	36.57	61.77	0.34	0.17	0.73	0.19	0.06
		реверс	254b	28.78	69.63	0.36	0.15	0.76	0.17	0.02
255	250/251	аверс	255a	42.69	54.90	0.82	0.00	0.52	0.90	0.05
		реверс	255b	32.18	65.70	0.51	0.00	0.37	1.01	0.05
256	250/251	аверс	256a	25.94	73.02	0.34	0.00	0.25	0.09	0.00
		реверс	256b	25.44	73.43	0.23	0.00	0.25	0.19	0.04
257	250/251	аверс	257a	26.00	72.95	0.33	0.00	0.21	0.15	0.00
		реверс	257b	25.92	73.04	0.39	0.00	0.23	0.10	0.03
258	250/251	аверс	258a	26.94	70.99	0.54	0.00	0.76	0.34	0.00
		реверс	258b	20.41	78.09	0.35	0.00	0.55	0.26	0.04
259	250/251	аверс	259a	25.37	72.83	0.99	0.00	0.22	0.22	0.00
		реверс	259b	30.77	66.80	1.23	0.00	0.23	0.70	0.08
260	250/251	аверс	260a	19.67	79.08	0.78	0.00	0.19	0.15	0.00
		реверс	260b	19.50	79.01	0.76	0.00	0.23	0.26	0.00
261	250/251	аверс	261a	42.52	53.73	2.64	0.00	0.24	0.51	0.10
		реверс	261b	29.95	67.04	2.46	0.00	0.21	0.15	0.05
262	250/251	аверс	262a	31.13	67.55	0.63	0.00	0.30	0.21	0.03
		реверс	262b	26.24	72.61	0.43	0.00	0.34	0.16	0.04
263	250/251	аверс	263a	21.10	77.91	0.41	0.00	0.21	0.12	0.03
		реверс	263b	23.19	75.70	0.34	0.00	0.23	0.23	0.04
264	250/251	аверс	264a	49.92	47.83	0.80	0.00	0.45	0.70	0.10
		реверс	264b	22.75	76.24	0.27	0.00	0.30	0.15	0.03
265	250/251	аверс	265a	21.98	77.02	0.38	0.00	0.24	0.09	0.03
		реверс	265b	27.41	71.11	0.45	0.00	0.31	0.36	0.06
266	250/251	аверс	266a	41.18	57.53	0.37	0.00	0.44	0.22	0.03
		реверс	266b	40.82	58.00	0.27	0.00	0.43	0.21	0.04
267	250/251	аверс	267a	20.88	77.63	0.55	0.00	0.36	0.26	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	267b	19.39	79.19	0.62	0.00	0.35	0.16	0.03
268	250/251	аверс	268a	21.08	77.53	0.36	0.00	0.55	0.20	0.03
		реверс	268b	22.30	76.26	0.40	0.00	0.64	0.17	0.00
269	250/251	аверс	269a	23.85	75.10	0.41	0.00	0.25	0.09	0.04
		реверс	269b	34.83	63.77	0.66	0.00	0.29	0.16	0.05
270	250/251	аверс	270a	17.26	81.97	0.26	0.03	0.20	0.14	0.00
		реверс	270b	18.01	81.19	0.30	0.00	0.20	0.16	0.00
271	250/251	аверс	271a	20.91	77.74	0.44	0.00	0.21	0.25	0.04
		реверс	271b	19.04	79.71	0.50	0.00	0.23	0.11	0.00
272	250/251	аверс	272a	46.17	52.48	0.34	0.00	0.52	0.16	0.06
		реверс	272b	31.89	66.79	0.23	0.00	0.41	0.32	0.04
273	250/251	аверс	273a	23.57	75.26	0.30	0.00	0.39	0.10	0.04
		реверс	273b	25.84	72.88	0.39	0.00	0.37	0.21	0.05
274	250/251	аверс	274a	33.86	64.64	0.52	0.00	0.43	0.33	0.06
		реверс	274b	20.76	78.25	0.38	0.00	0.35	0.08	0.02
275	250/251	аверс	275a	21.66	77.35	0.39	0.00	0.25	0.14	0.03
		реверс	275b	27.86	73.94	0.45	0.03	0.26	0.24	0.03
276	250/251	аверс	276a	40.16	58.44	0.65	0.05	0.35	0.09	0.06
		реверс	276b	30.85	67.85	0.61	0.04	0.29	0.18	0.04
277	250/251	аверс	277a	38.76	59.03	0.61	0.11	0.56	0.58	0.08
		реверс	277b	36.49	61.45	0.54	0.12	0.53	0.52	0.07
278	250/251	аверс	278a	28.21	70.35	0.56	0.22	0.33	0.13	0.02
		реверс	278b	43.88	54.19	0.79	0.10	0.40	0.24	0.08
279	250/251	аверс	279a	26.15	72.14	1.12	0.03	0.25	0.10	0.03
		реверс	279b	25.52	72.74	0.98	0.03	0.24	0.25	0.04
280	250/251	аверс	280a	29.82	68.24	1.28	0.00	0.27	0.20	0.05
		реверс	280b	31.70	66.25	1.39	0.00	0.27	0.09	0.05
281	250/251	аверс	281a	41.27	57.77	0.36	0.00	0.30	0.13	0.04
		реверс	281b	39.89	58.94	0.36	0.00	0.37	0.20	0.02
282	250/251	аверс	282a	24.05	74.46	0.48	0.04	0.26	0.32	0.05
		реверс	282b	23.48	75.38	0.60	0.05	0.20	0.06	0.00
283	250/251	аверс	283a	21.84	77.17	0.38	0.00	0.22	0.19	0.03
		реверс	283b	23.30	75.68	0.48	0.00	0.22	0.13	0.03
284	250/251	аверс	284a	34.23	64.39	0.57	0.05	0.30	0.22	0.04
		реверс	284b	36.10	32.51	0.51	0.11	0.32	0.11	0.06
285	250/251	аверс	285a	25.72	72.89	0.64	0.06	0.15	0.04	0.00
		реверс	285b	28.34	69.92	0.62	0.06	0.22	0.35	0.00
286	250/251	аверс	286a	22.29	76.34	0.44	0.05	0.28	0.21	0.03
		реверс	286b	21.07	77.80	0.38	0.03	0.27	0.11	0.02
287	250/251	аверс	287a	25.09	73.86	0.69	0.00	0.18	0.08	0.02
		реверс	287b	36.65	61.97	0.80	0.04	0.27	0.00	0.00
288	250/251	аверс	288a	29.34	69.46	0.19	0.00	0.22	0.59	0.03
		реверс	288b	32.32	66.63	0.24	0.00	0.29	0.33	0.03

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 313

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
289	250/251	аверс	289a	26.06	72.99	0.22	0.00	0.21	0.43	0.00
		реверс	289b	29.98	68.97	0.20	0.00	0.25	0.44	0.00
290	250/251	аверс	290a	35.29	63.60	0.24	0.00	0.30	0.43	0.00
		реверс	290b	29.58	69.36	0.18	0.00	0.25	0.48	0.00
291	250/251	аверс	291a	41.51	56.89	0.45	0.24	0.30	0.36	0.06
		реверс	291b	26.59	72.27	0.33	0.25	0.23	0.09	0.03
292	250/251	аверс	292a	24.05	74.80	0.55	0.00	0.19	0.08	0.00
		реверс	292b	37.24	61.26	0.86	0.00	0.21	0.06	0.00
293	250/251	аверс	293a	22.19	76.87	0.43	0.00	0.18	0.13	0.03
		реверс	293b	24.79	74.31	0.38	0.04	0.16	0.12	0.03
294	250/251	аверс	294a	38.00	60.32	0.67	0.00	0.22	0.55	0.05
		реверс	294b	26.49	72.36	0.51	0.00	0.22	0.19	0.02
295	250/251	аверс	295a	22.74	76.39	0.19	0.03	0.23	0.26	0.00
		реверс	295b	26.80	72.33	0.22	0.03	0.24	0.19	0.00
296	250/251	аверс	296a	20.47	78.48	0.43	0.07	0.34	0.07	0.03
		реверс	296b	26.29	72.68	0.43	0.04	0.33	0.16	0.03
297	250/251	аверс	297a	23.05	75.39	0.85	0.00	0.25	0.19	0.04
		реверс	297b	27.29	71.28	0.82	0.00	0.26	0.09	0.04
298	250/251	аверс	298a	21.85	76.98	0.24	0.00	0.50	0.21	0.00
		реверс	298b	25.40	73.24	0.30	0.00	0.58	0.22	0.02
299	250/251	аверс	299a	34.82	63.63	0.69	0.00	0.43	0.15	0.00
		реверс	299b	23.78	74.99	0.38	0.00	0.28	0.21	0.00
300	250/251	аверс	300a	23.38	75.27	0.82	0.00	0.28	0.10	0.00
		реверс	300b	33.44	64.74	0.99	0.00	0.38	0.32	0.04
301	250/251	аверс	301a	19.42	79.28	0.49	0.00	0.25	0.12	0.04
		реверс	301b	19.68	79.07	0.49	0.00	0.17	0.17	0.00
302	250/251	аверс	302a	19.90	78.93	0.63	0.00	0.22	0.09	0.00
		реверс	302b	18.72	80.23	0.48	0.00	0.21	0.12	0.00
303	250/251	аверс	303a	19.80	78.88	0.43	0.00	0.25	0.19	0.00
		реверс	303b	21.51	77.23	0.41	0.00	0.30	0.13	0.00
304	250/251	аверс	304a	21.51	77.23	0.41	0.00	0.30	0.13	0.00
		реверс	304b	37.22	60.61	1.17	0.00	0.46	0.04	0.02
305	250/251	аверс	305a	21.44	77.14	0.44	0.00	0.43	0.26	0.03
		реверс	305b	23.00	75.11	0.53	0.00	0.50	0.47	0.00
306	250/251	аверс	306a	25.69	72.68	1.08	0.03	0.19	0.05	0.03
		реверс	306b	18.85	79.90	0.53	0.00	0.16	0.21	0.02
307	251/252	аверс	307a	17.23	81.75	0.31	0.00	0.21	0.28	0.03
		реверс	307b	19.39	79.36	0.32	0.00	0.22	0.41	0.04
308	251/252	аверс	308a	24.47	73.55	0.59	0.00	0.29	0.78	0.11
		реверс	308b	20.80	77.89	0.49	0.00	0.22	0.33	0.03
309	251/252	аверс	309a	22.84	75.62	0.40	0.07	0.40	0.34	0.04
		реверс	309b	19.30	79.44	0.38	0.05	0.36	0.24	0.03
310	251/252	аверс	310a	20.01	78.91	0.36	0.00	0.32	0.08	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	310b	20.27	78.44	0.39	0.00	0.37	0.19	0.00
311	251/252	аверс	311a	25.23	73.64	0.27	0.00	0.36	0.25	0.00
		реверс	311b	19.53	79.58	0.21	0.00	0.35	0.09	0.00
312	251/252	аверс	312a	24.76	73.33	0.49	0.00	0.48	0.24	0.04
		реверс	312b	21.79	76.48	0.50	0.00	0.49	0.13	0.00
313	251/252	аверс	313a	18.13	80.85	0.38	0.00	0.29	0.11	0.00
		реверс	313b	18.82	80.15	0.48	0.00	0.31	0.13	0.00
314	251/252	аверс	314a	18.13	80.85	0.38	0.00	0.29	0.11	0.00
		реверс	314b	20.49	78.50	0.52	0.00	0.32	0.03	0.00
315	251/252	аверс	315a	17.85	80.91	0.29	0.00	0.38	0.32	0.00
		реверс	315b	15.39	83.68	0.27	0.00	0.31	0.15	0.00
316	251/252	аверс	316a	20.49	78.64	0.23	0.00	0.30	0.13	0.02
		реверс	316b	21.68	76.94	0.37	0.00	0.29	0.55	0.03
317	251/252	аверс	317a	20.27	78.65	0.34	0.00	0.33	0.16	0.00
		реверс	317b	14.28	84.77	0.27	0.00	0.30	0.11	0.00
318	251/252	аверс	318a	15.31	83.54	0.37	0.00	0.17	0.41	0.05
		реверс	318b	17.10	81.45	0.39	0.00	0.18	0.58	0.00
319	251/252	аверс	319a	21.68	76.94	0.37	0.00	0.29	0.55	0.03
		реверс	319b	16.17	82.80	0.28	0.00	0.23	0.38	0.00
320	251/252	аверс	320a	19.90	78.98	0.50	0.00	0.26	0.10	0.00
		реверс	320b	19.30	79.68	0.51	0.00	0.25	0.11	0.00
321	251/252	аверс	321a	25.44	72.94	0.48	0.00	0.44	0.42	0.00
		реверс	321b	24.26	74.10	0.47	0.00	0.48	0.45	0.00
322	251/252	аверс	322a	22.16	76.57	0.55	0.00	0.22	0.18	0.00
		реверс	322b	21.47	77.34	0.57	0.00	0.19	0.11	0.03
323	251/252	аверс	323a	17.93	81.07	0.36	0.00	0.24	0.19	0.02
		реверс	323b	18.96	80.07	0.32	0.00	0.24	0.21	0.02
324	251/252	аверс	324a	20.58	78.58	0.17	0.04	0.23	0.10	0.00
		реверс	324b	25.87	73.01	0.24	0.03	0.28	0.25	0.03
325	251/252	аверс	325a	19.11	79.31	0.50	0.00	0.19	0.15	0.07
		реверс	325b	17.72	80.66	0.47	0.00	0.21	0.14	0.06
326	251/252	аверс	326a	29.71	68.79	0.94	0.00	0.27	0.04	0.00
		реверс	326b	27.79	70.60	0.71	0.03	0.21	0.35	0.04
327	251/252	аверс	327a	41.45	56.48	0.98	0.00	0.32	0.37	0.07
		реверс	327b	37.34	60.78	1.04	0.00	0.26	0.14	0.06
328	251/252	аверс	328a	41.52	56.33	0.82	0.04	0.41	0.48	0.07
		реверс	328b	24.66	74.03	0.56	0.00	0.25	0.20	0.02
329	251/252	аверс	329a	23.01	75.86	0.45	0.00	0.25	0.07	0.03
		реверс	329b	25.11	73.79	0.57	0.00	0.21	0.07	0.03
330	251/252	аверс	330a	28.15	70.19	1.10	0.00	0.27	0.08	0.04
		реверс	330b	35.06	63.02	1.18	0.00	0.34	0.13	0.05
331	251/252	аверс	331a	22.43	76.26	0.69	0.00	0.25	0.13	0.03
		реверс	331b	24.97	73.76	0.66	0.00	0.26	0.11	0.04

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 315

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
332	251/252	аверс	332a	17.44	81.21	0.50	0.00	0.46	0.13	0.00
		реверс	332b	18.23	80.39	0.49	0.00	0.44	0.15	0.00
333	251/252	аверс	333a	23.54	75.01	0.67	0.00	0.25	0.26	0.04
		реверс	333b	20.37	78.57	0.55	0.00	0.20	0.10	0.00
334	251/252	аверс	334a	24.58	73.93	0.76	0.00	0.35	0.16	0.00
		реверс	334b	25.98	72.71	0.66	0.00	0.27	0.13	0.00
335	251/252	аверс	335a	21.76	76.91	0.55	0.00	0.24	0.14	0.05
		реверс	335b	16.59	82.28	0.50	0.00	0.19	0.09	0.00
336	251/252	аверс	336a	19.64	78.78	0.78	0.00	0.42	0.20	0.00
		реверс	336b	16.17	82.42	0.41	0.00	0.39	0.40	0.00
337	251/252	аверс	337a	28.05	70.39	0.53	0.00	0.64	0.12	0.03
		реверс	337b	26.22	72.35	0.47	0.00	0.71	0.07	0.00
338	251/252	аверс	338a	15.54	83.30	0.38	0.00	0.30	0.14	0.00
		реверс	338b	24.02	74.52	0.47	0.00	0.43	0.23	0.00
339	251/252	аверс	339a	19.78	79.17	0.60	0.00	0.25	0.00	0.00
		реверс	339b	30.26	68.64	0.72	0.00	0.24	0.00	0.03
340	251/252	аверс	340a	19.40	79.24	0.52	0.00	0.31	0.28	0.04
		реверс	340b							
341	251/252	аверс	341a	19.87	78.68	0.43	0.00	0.67	0.20	0.03
		реверс	341b	27.58	70.71	0.42	0.00	0.62	0.36	0.03
342	251/252	аверс	342a	16.75	82.14	0.40	0.00	0.26	0.13	0.02
		реверс	342b	22.47	76.17	0.52	0.00	0.29	0.26	0.00
343	251/252	аверс	343a	18.99	79.45	0.55	0.00	0.38	0.24	0.04
		реверс	343b	16.58	82.18	0.43	0.00	0.39	0.10	0.00
344	251/252	аверс	344a	21.03	77.51	0.62	0.00	0.47	0.06	0.03
		реверс	344b	16.09	82.60	0.39	0.00	0.57	0.11	0.00
345	251/252	аверс	345a	21.83	76.93	0.50	0.00	0.23	0.20	0.02
		реверс	345b	19.81	79.04	0.54	0.00	0.19	0.11	0.03
346	251/252	аверс	346a	20.44	78.12	0.39	0.00	0.19	0.20	0.03
		реверс	346b	18.28	80.50	0.40	0.00	0.24	0.10	0.00
347	251/252	аверс	347a	23.23	75.36	0.55	0.00	0.28	0.14	0.05
		реверс	347b	26.92	71.76	0.77	0.00	0.16	0.16	0.05
348	251/252	аверс	348a	15.86	83.10	0.31	0.00	0.39	0.09	0.00
		реверс	348b	17.74	81.06	0.32	0.00	0.48	0.15	0.00
349	251/252	аверс	349a	35.04	62.33	0.57	0.04	0.80	0.93	0.05
		реверс	349b	25.97	72.34	0.56	0.06	0.65	0.25	0.00
350	251/252	аверс	350a	21.33	77.44	0.40	0.00	0.34	0.19	0.02
		реверс	350b	19.17	79.67	0.52	0.00	0.27	0.10	0.00
351	251/252	аверс	351a	20.10	78.31	0.36	0.00	0.38	0.12	0.00
		реверс	351b	17.69	80.75	0.36	0.00	0.38	0.16	0.03
352	251/252	аверс	352a	21.62	77.15	0.43	0.00	0.31	0.16	0.00
		реверс	352b	24.03	74.53	0.42	0.00	0.38	0.27	0.00
353	251/252	аверс	353a	21.94	76.80	0.39	0.00	0.27	0.40	0.04

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	353b	20.89	77.75	0.42	0.00	0.33	0.41	0.03
354	251/252	аверс	354a	20.82	77.71	0.56	0.00	0.28	0.09	0.04
		реверс	354b	23.32	74.99	0.51	0.00	0.26	0.12	0.06
355	251/252	аверс	355a	20.59	78.07	0.40	0.00	0.33	0.27	0.03
		реверс	355b	25.43	73.36	0.53	0.00	0.32	0.06	0.00
356	251/252	аверс	356a	16.19	82.49	0.43	0.00	0.26	0.23	0.00
		реверс	356b	18.10	80.79	0.53	0.00	0.21	0.07	0.03
357	251/252	аверс	357a	20.31	78.26	0.59	0.00	0.27	0.30	0.00
		реверс	357b	16.45	82.58	0.41	0.00	0.22	0.09	0.00
358	251/252	аверс	358a	20.31	78.26	0.59	0.00	0.27	0.30	0.00
		реверс	358b	21.37	77.20	0.63	0.00	0.34	0.23	0.00
359	251/252	аверс	359a	20.31	78.26	0.59	0.00	0.27	0.30	0.00
		реверс	359b	45.98	52.13	1.26	0.00	0.35	0.14	0.06
360	251/252	аверс	360a	22.60	75.84	0.71	0.00	0.24	0.31	0.05
		реверс	360b	19.70	79.22	0.53	0.00	0.21	0.11	0.03
361	251/252	аверс	361a	25.23	73.27	0.67	0.00	0.28	0.31	0.03
		реверс	361b	25.49	72.92	0.65	0.00	0.27	0.39	0.03
362	251/252	аверс	362a	29.75	68.91	0.50	0.00	0.27	0.28	0.04
		реверс	362b	24.94	73.88	0.48	0.00	0.23	0.18	0.02
363	251/252	аверс	363a	31.15	67.32	0.73	0.00	0.33	0.25	0.04
		реверс	363b	22.39	76.17	0.60	0.00	0.27	0.35	0.00
364	251/252	аверс	364a	24.20	74.48	0.57	0.03	0.17	0.31	0.03
		реверс	364b	23.43	75.24	0.61	0.04	0.21	0.22	0.00
365	251/252	аверс	365a	19.87	78.82	0.61	0.05	0.18	0.34	0.02
		реверс	365b	28.11	70.32	0.67	0.03	0.20	0.54	0.00
366	251/252	аверс	366a	22.69	76.39	0.38	0.00	0.13	0.10	0.03
		реверс	366b	40.91	57.61	0.79	0.00	0.17	0.23	0.06
367	251/252	аверс	367a	19.33	79.65	0.45	0.00	0.16	0.09	0.03
		реверс	367b	17.93	81.14	0.33	0.00	0.16	0.14	0.00
368	251/252	аверс	368a	31.30	66.58	0.68	0.27	0.22	0.60	0.09
		реверс	368b	20.66	77.78	0.46	0.23	0.18	0.28	0.06
369	251/252	аверс	369a	17.29	81.45	0.39	0.00	0.14	0.60	0.03
		реверс	369b	11.52	87.37	0.22	0.00	0.19	0.56	0.00
370	251/252	аверс	370a	23.42	75.02	0.71	0.03	0.20	0.43	0.03
		реверс	370b	34.36	63.75	1.07	0.00	0.23	0.29	0.05
371	251/252	аверс	371a	15.02	84.29	0.17	0.00	0.31	0.12	0.00
		реверс	371b	17.63	81.46	0.19	0.00	0.35	0.13	0.00
372	251/252	аверс	372a	16.77	81.73	0.47	0.00	0.30	0.47	0.03
		реверс	372b	14.57	84.34	0.33	0.00	0.30	0.26	0.00
373	251/252	аверс	373a	20.76	77.91	0.58	0.00	0.22	0.20	0.03
		реверс	373b	18.38	80.56	0.53	0.00	0.20	0.11	0.00
374	251/252	аверс	374a	21.06	77.82	0.40	0.00	0.27	0.17	0.04
		реверс	374b	19.87	78.71	0.29	0.00	0.34	0.43	0.06

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 317

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
375	251/252	аверс	375a	20.65	78.37	0.28	0.00	0.26	0.18	0.00
		реверс	375b	21.67	77.30	0.29	0.00	0.32	0.16	0.00
376	251/252	аверс	376a	15.56	83.40	0.36	0.00	0.19	0.35	0.00
		реверс	376b	21.54	76.99	0.58	0.00	0.22	0.42	0.03
377	251/252	аверс	377a	21.98	76.92	0.22	0.00	0.38	0.21	0.04
		реверс	377b	25.67	73.02	0.28	0.00	0.44	0.28	0.06
378	251/252	аверс	378a	23.82	75.03	0.16	0.00	0.47	0.21	0.03
		реверс	378b	23.92	75.07	0.17	0.00	0.40	0.15	0.03
379	251/252	аверс	379a	39.78	58.81	0.77	0.04	0.30	0.00	0.00
		реверс	379b	34.14	64.62	0.49	0.00	0.38	0.00	0.04
380	251/252	аверс	380a	29.21	69.30	0.75	0.00	0.26	0.29	0.03
		реверс	380b	15.90	83.10	0.43	0.00	0.18	0.11	0.00
381	251/252	аверс	381a	22.58	76.54	0.22	0.00	0.19	0.13	0.02
		реверс	381b	24.19	74.90	0.21	0.00	0.24	0.11	0.00
382	251/252	аверс	382a	26.03	72.89	0.56	0.00	0.26	0.07	0.00
		реверс	382b	23.29	75.62	0.58	0.00	0.24	0.03	0.00
383	251/252	аверс	383a	28.62	70.30	0.55	0.00	0.22	0.08	0.04
		реверс	383b	28.53	70.17	0.52	0.00	0.21	0.31	0.05
384	251/252	аверс	384a	23.52	75.40	0.45	0.00	0.20	0.18	0.00
		реверс	384b	23.18	75.93	0.47	0.00	0.18	0.06	0.00
385	251/252	аверс	385a	29.27	69.82	0.26	0.00	0.43	0.12	0.00
		реверс	385b	26.30	72.92	0.19	0.00	0.39	0.09	0.00
386	251/252	аверс	386a	21.26	78.12	0.13	0.00	0.29	0.10	0.00
		реверс	386b	21.49	77.79	0.12	0.00	0.38	0.12	0.00
387	251/252	аверс	387a	37.99	60.80	0.32	0.00	0.48	0.12	0.00
		реверс	387b	28.94	70.08	0.21	0.00	0.33	0.16	0.00
388	251/252	аверс	388a	22.48	76.35	0.22	0.00	0.33	0.36	0.03
		реверс	388b	21.20	77.70	0.20	0.00	0.32	0.35	0.00
389	251/252	аверс	389a	16.74	82.12	0.47	0.00	0.24	0.12	0.00
		реверс	389b	19.05	79.73	0.55	0.00	0.25	0.11	0.03
390	251/252	аверс	390a	21.04	77.83	0.45	0.00	0.33	0.13	0.00
		реверс	390b	21.19	77.64	0.30	0.00	0.35	0.24	0.00
391	251/252	аверс	391a	16.84	81.31	0.44	0.03	0.74	0.35	0.03
		реверс	391b	24.60	72.98	0.68	0.03	1.10	0.29	0.03
392	251/252	аверс	392a	17.21	81.94	0.38	0.00	0.22	0.11	0.00
		реверс	392b	14.53	84.74	0.34	0.00	0.18	0.12	0.00
393	251/252	аверс	393a	18.40	80.65	0.48	0.00	0.19	0.18	0.00
		реверс	393b	15.20	83.90	0.34	0.00	0.20	0.16	0.00
394	251/252	аверс	394a	17.94	81.18	0.45	0.00	0.19	0.16	0.00
		реверс	394b	17.35	81.79	0.43	0.00	0.18	0.14	0.00
395	251/252	аверс	395a	18.30	80.96	0.21	0.00	0.18	0.09	0.00
		реверс	395b	14.41	84.93	0.16	0.00	0.15	0.07	0.00
396	251/252	аверс	396a	15.67	83.15	0.44	0.00	0.37	0.14	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	396b	28.12	70.03	0.79	0.00	0.49	0.28	0.05
397	251/252	аверс	397a	17.92	80.83	0.37	0.00	0.34	0.20	0.04
		реверс	397b	17.88	80.78	0.41	0.00	0.33	0.29	0.05
398	251/252	аверс	398a	17.62	81.16	0.50	0.00	0.31	0.09	0.00
		реверс	398b	18.32	80.48	0.47	0.00	0.31	0.06	0.00
399	251/252	аверс	399a	29.51	69.08	0.74	0.00	0.22	0.22	0.00
		реверс	399b	23.12	75.74	0.58	0.00	0.24	0.10	0.02
400	251/252	аверс	400a	17.50	81.20	0.62	0.00	0.35	0.09	0.00
		реверс	400b	18.11	80.48	0.75	0.00	0.33	0.11	0.00
401	251/252	аверс	401a	18.84	80.08	0.44	0.00	0.26	0.16	0.00
		реверс	401b	27.16	71.47	0.62	0.00	0.26	0.20	0.04
402	251/252	аверс	402a	28.98	69.11	0.69	0.00	0.52	0.48	0.04
		реверс	402b	19.50	79.19	0.58	0.00	0.40	0.16	0.00
403	251/252	аверс	403a	17.82	81.13	0.36	0.00	0.30	0.14	0.03
		реверс	403b	16.60	82.37	0.41	0.00	0.24	0.13	0.00
404	251/252	аверс	404a	24.46	74.40	0.12	0.00	0.65	0.10	0.00
		реверс	404b	30.73	67.86	0.17	0.00	0.69	0.24	0.03
405	251/252	аверс	405a	26.89	71.85	0.15	0.00	0.66	0.18	0.3
		реверс	405b	33.13	65.34	0.16	0.00	0.73	0.30	0.00
406	251/252	аверс	406a	24.92	73.84	0.44	0.00	0.38	0.08	0.03
		реверс	406b	23.77	74.78	0.49	0.00	0.39	0.30	0.00
407	251/252	аверс	407a	20.49	78.19	0.55	0.00	0.33	0.11	0.03
		реверс	407b	20.24	78.46	0.44	0.00	0.29	0.22	0.02
408	251/252	аверс	408a	32.82	65.73	0.20	0.00	0.71	0.19	0.03
		реверс	408b	19.95	78.98	0.16	0.00	0.58	0.10	0.00
409	251/252	аверс	409a	27.06	71.89	0.31	0.00	0.43	0.07	0.03
		реверс	409b	26.35	72.59	0.28	0.00	0.38	0.11	0.00
410	251/252	аверс	410a	23.71	75.10	0.39	0.04	0.36	0.19	0.00
		реверс	410b	21.85	76.62	0.48	0.00	0.36	0.43	0.03
411	251/252	аверс	411a	19.18	79.69	0.42	0.00	0.21	0.22	0.02
		реверс	411b	17.49	81.47	0.36	0.00	0.27	0.14	0.00
412	251/252	аверс	412a	19.82	79.10	0.45	0.03	0.21	0.21	0.00
		реверс	412b	19.75	79.16	0.46	0.03	0.20	0.21	0.03
413	251/252	аверс	413a	19.34	79.61	0.59	0.00	0.23	0.11	0.00
		реверс	413b	20.23	78.46	0.68	0.00	0.22	0.20	0.02
414	251/252	аверс	414a	15.99	82.63	0.61	0.00	0.45	0.10	0.00
		реверс	414b	15.33	83.28	0.65	0.00	0.48	0.06	0.00
415	251/252	аверс	415a	21.31	77.20	0.48	0.00	0.25	0.43	0.03
		реверс	415b	23.19	75.51	0.44	0.00	0.27	0.28	0.04
416	251/252	аверс	416a	25.52	73.01	0.60	0.00	0.25	0.30	0.03
		реверс	416b	23.10	75.63	0.53	0.00	0.25	0.19	0.04
417	251/252	аверс	417a	23.52	74.97	0.46	0.00	0.28	0.31	0.00
		реверс	417b	25.81	72.85	0.45	0.00	0.30	0.24	0.04

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 319

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
418	251/252	аверс	418a	23.82	74.72	0.53	0.00	0.26	0.30	0.05
		реверс	418b	30.38	68.11	0.76	0.00	0.29	0.15	0.05
419	251/252	аверс	419a	20.03	78.69	0.62	0.00	0.23	0.19	0.00
		реверс	419b	28.90	69.44	0.78	0.00	0.33	0.42	0.04
420	251/252	аверс	420a	22.45	76.07	0.49	0.00	0.25	0.32	0.05
		реверс	420b	20.50	78.29	0.43	0.00	0.22	0.20	0.05
421	251/252	аверс	421a	20.13	78.54	0.37	0.00	0.26	0.38	0.03
		реверс	421b	21.17	77.50	0.40	0.00	0.26	0.40	0.00
422	251/252	аверс	422a	30.56	68.07	0.31	0.04	0.19	0.46	0.05
		реверс	422b	21.62	77.39	0.22	0.03	0.20	0.15	0.00
423	251/252	аверс	423a	23.46	74.34	0.43	0.10	0.64	0.61	0.00
		реверс	423b	17.20	81.13	0.43	0.13	0.61	0.25	0.00
424	251/252	аверс	424a	15.56	83.08	0.38	0.04	0.29	0.37	0.03
		реверс	424b	18.26	80.41	0.36	0.03	0.30	0.34	0.02
425	251/252	аверс	425a	24.04	74.47	0.64	0.00	0.35	0.17	0.03
		реверс	425b	21.26	77.40	0.54	0.00	0.28	0.15	0.00
426	251/252	аверс	426a	14.91	84.35	0.23	0.00	0.22	0.09	0.00
		реверс	426b	18.08	80.98	0.36	0.00	0.28	0.15	0.00
427	251/252	аверс	427a	17.51	79.70	0.39	0.07	1.79	0.28	0.00
		реверс	427b	17.53	79.61	0.34	0.06	1.68	0.44	0.00
428	251/252	аверс	428a	30.50	67.14	0.76	0.00	0.91	0.54	0.05
		реверс	428b	21.35	77.38	0.53	0.00	0.33	0.21	0.03
429	251/252	аверс	429a	20.19	78.52	0.50	0.00	0.43	0.12	0.03
		реверс	429b	21.38	77.06	0.53	0.00	0.49	0.27	0.04
430	251/252	аверс	430a	27.61	71.38	0.24	0.00	0.28	0.27	0.04
		реверс	430b	38.84	59.89	0.38	0.00	0.32	0.25	0.05
431	251/252	аверс	431a	17.43	81.17	0.48	0.00	0.40	0.31	0.03
		реверс	431b	22.31	76.19	0.66	0.00	0.46	0.18	0.02
432	251/252	аверс	432a	35.05	63.74	0.41	0.00	0.35	0.20	0.03
		реверс	432b	34.95	63.88	0.37	0.00	0.33	0.20	0.04
433	251/252	аверс	433a	25.65	72.41	0.17	0.03	0.69	0.81	0.04
		реверс	433b	22.54	76.41	0.16	0.00	0.54	0.18	0.00
434	251/252	аверс	434a	20.30	78.34	0.34	0.00	0.42	0.31	0.03
		реверс	434b	19.93	78.89	0.41	0.00	0.35	0.19	0.00
435	251/252	аверс	435a	28.16	70.57	0.56	0.00	0.31	0.14	0.04
		реверс	435b	30.47	68.17	0.69	0.00	0.27	0.13	0.04
436	251/252	аверс	436a	21.12	77.61	0.48	0.00	0.36	0.20	0.00
		реверс	436b	24.69	74.01	0.45	0.00	0.34	0.23	0.04
437	251/252	аверс	437a	23.79	74.51	0.74	0.00	0.55	0.21	0.00
		реверс	437b	24.42	73.89	0.63	0.00	0.56	0.28	0.03
438	251/252	аверс	438a	27.20	71.10	0.64	0.00	0.29	0.59	0.05
		реверс	438b	20.78	78.04	0.50	0.00	0.23	0.22	0.00
439	251/252	аверс	439a	18.30	80.59	0.45	0.00	0.30	0.12	0.02

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	439b	21.82	76.56	0.61	0.00	0.48	0.29	0.03
440	251/252	аверс	440a	22.90	75.81	0.57	0.00	0.32	0.11	0.00
		реверс	440b	21.66	76.89	0.65	0.00	0.32	0.23	0.04
441	251/252	аверс	441a	16.53	82.35	0.34	0.03	0.35	0.23	0.00
		реверс	441b	18.30	80.36	0.43	0.00	0.36	0.32	0.00
442	251/252	аверс	442a	15.15	83.49	0.28	0.00	0.16	0.80	0.00
		реверс	442b	14.65	84.02	0.25	0.00	0.09	0.87	0.02
443	251/252	аверс	443a	15.05	83.87	0.37	0.00	0.11	0.19	0.00
		реверс	443b	15.66	83.52	0.34	0.00	0.08	0.07	0.05
444	251/252	аверс	444a	23.35	75.43	0.44	0.00	0.25	0.29	0.06
		реверс	444b	26.64	71.76	0.65	0.03	0.23	0.29	0.09
445	251/252	аверс	445a	34.21	64.30	0.32	0.00	0.23	0.65	0.08
		реверс	445b	29.46	69.62	0.33	0.00	0.18	0.17	0.05
446	251/252	аверс	446a	21.77	76.61	0.58	0.03	0.29	0.47	0.00
		реверс	446b	25.00	73.04	0.62	0.03	0.33	0.74	0.02
447	251/252	аверс	447a	20.92	77.82	0.63	0.00	0.26	0.23	0.00
		реверс	447b	19.99	78.44	0.35	0.00	0.26	0.64	0.02
448	251/252	аверс	448a	15.56	83.27	0.49	0.00	0.39	0.12	0.00
		реверс	448b	17.75	81.07	0.50	0.03	0.39	0.15	0.00
449	251/252	аверс	449a	18.81	80.37	0.22	0.03	0.12	0.05	0.00
		реверс	449b	20.61	78.56	0.19	0.04	0.12	0.08	0.00
450	251/252	аверс	450a	21.89	76.81	0.87	0.00	0.09	0.05	0.00
		реверс	450b	14.79	84.24	0.47	0.00	0.09	0.06	0.00
451	251/252	аверс	451a	19.36	79.45	0.44	0.04	0.11	0.08	0.00
		реверс	451b	20.29	78.78	0.32	0.05	0.12	0.08	0.00
452	251/252	аверс	452a	17.30	81.77	0.44	0.00	0.19	0.12	0.00
		реверс	452b	17.18	82.00	0.32	0.00	0.20	0.12	0.00
453	251/252	аверс	453a	19.42	79.24	0.41	0.14	0.30	0.27	0.00
		реверс	453b	17.38	81.32	0.41	0.06	0.25	0.32	0.00
454	251/252	аверс	454a	18.54	79.41	0.37	0.03	0.38	1.01	0.00
		реверс	454b	16.97	81.22	0.28	0.00	0.25	1.11	0.00
455	251/252	аверс	455a	30.69	67.93	0.41	0.00	0.39	0.33	0.05
		реверс	455b	25.45	72.87	0.26	0.00	0.42	0.71	0.04
456	251/252	аверс	456a	24.44	74.95	0.09	0.00	0.18	0.10	0.02
		реверс	456b	28.64	70.57	0.17	0.00	0.27	0.09	0.03
457	251/252	аверс	457a	24.82	74.01	0.32	0.00	0.24	0.33	0.03
		реверс	457b	23.42	75.38	0.38	0.00	0.29	0.29	0.02
458	251/252	аверс	458a	23.05	74.82	0.54	0.03	0.84	0.39	0.00
		реверс	458b	25.36	72.37	0.58	0.04	0.82	0.44	0.04
459	251/252	аверс	459a	20.11	78.50	0.57	0.00	0.19	0.35	0.03
		реверс	459b	34.23	63.10	1.18	0.04	0.20	0.94	0.07
460	251/252	аверс	460a	37.51	60.51	1.24	0.00	0.24	0.24	0.05
		реверс	460b	18.57	80.35	0.55	0.00	0.21	0.16	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 321

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
461	252/253	аверс	461a	23.80	74.74	0.60	0.06	0.31	0.16	0.00
		реверс	461b	18.93	79.43	0.45	0.06	0.37	0.32	0.00
462	252/253	аверс	462a	18.70	80.15	0.46	0.00	0.25	0.10	0.02
		реверс	462b	17.48	81.01	0.41	0.03	0.32	0.32	0.03
463	252/253	аверс	463a	16.76	81.98	0.44	0.03	0.25	0.09	0.00
		реверс	463b	16.20	82.58	0.48	0.03	0.21	0.05	0.00
464	252/253	аверс	464a	19.82	78.93	0.59	0.00	0.24	0.17	0.00
		реверс	464b	22.14	76.40	0.75	0.03	0.21	0.10	0.00
465	252/253	аверс	465a	22.75	75.97	0.26	0.03	0.29	0.33	0.00
		реверс	465b	17.02	81.77	0.31	0.00	0.28	0.31	0.04
466	252/253	аверс	466a	22.08	76.72	0.40	0.00	0.39	0.17	0.00
		реверс	466b	23.09	75.49	0.56	0.00	0.49	0.13	0.02
467	252/253	аверс	467a	25.30	73.52	0.44	0.00	0.29	0.15	0.00
		реверс	467b	22.40	76.63	0.24	0.00	0.28	0.16	0.00
468	252/253	аверс	468a	18.60	79.56	0.31	0.00	0.35	0.72	0.05
		реверс	468b	15.62	83.01	0.26	0.00	0.28	0.46	0.05
469	252/253	аверс	469a	18.69	79.92	0.27	0.00	0.26	0.46	0.04
		реверс	469b	25.95	72.52	0.31	0.00	0.32	0.45	0.03
470	252/253	аверс	470a	23.12	75.80	0.60	0.00	0.20	0.10	0.00
		реверс	470b	23.19	75.56	0.52	0.00	0.24	0.16	0.04
471	252/253	аверс	471a	21.64	77.07	0.31	0.00	0.25	0.36	0.00
		реверс	471b	20.19	78.62	0.35	0.00	0.22	0.28	0.03
472	252/253	аверс	472a	22.14	76.72	0.58	0.00	0.14	0.03	0.00
		реверс	472b	21.45	77.39	0.46	0.00	0.19	0.07	0.05
473	252/253	аверс	473a	28.47	69.27	0.47	0.00	0.36	0.73	0.21
		реверс	473b	20.99	77.51	0.32	0.00	0.30	0.23	0.17
474	252/253	аверс	474a	16.57	81.84	0.35	0.02	0.31	0.30	0.09
		реверс	474b	14.95	83.73	0.27	0.00	0.33	0.18	0.04
475	252/253	аверс	475a	14.89	83.71	0.26	0.00	0.40	0.28	0.09
		реверс	475b	19.02	79.32	0.46	0.00	0.51	0.21	0.05
476	252/253	аверс	476a	13.15	85.45	0.42	0.00	0.26	0.11	0.04
		реверс	476b	17.31	81.20	0.38	0.00	0.32	0.24	0.04
477	252/253	аверс	477a	11.68	86.46	0.51	0.00	0.37	0.19	0.00
		реверс	477b	13.93	84.10	0.50	0.00	0.34	0.28	0.03
478	252/253	аверс	478a	15.00	83.67	0.23	0.00	0.38	0.26	0.00
		реверс	478b	15.58	83.06	0.21	0.00	0.37	0.36	0.03
479	252/253	аверс	479a	17.89	80.44	0.19	0.00	0.33	0.54	0.03
		реверс	479b	19.66	78.75	0.32	0.00	0.39	0.27	0.03
480	252/253	аверс	480a	23.08	75.42	0.61	0.00	0.40	0.40	0.00
		реверс	480b	26.99	71.60	0.58	0.00	0.45	0.31	0.00
481	252/253	аверс	481a	16.71	81.67	0.18	0.00	0.39	0.42	0.07
		реверс	481b	18.87	79.34	0.24	0.00	0.47	0.62	0.11
482	252/253	аверс	482a	17.99	80.25	0.23	0.03	0.32	0.18	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	482b	15.37	83.38	0.28	0.00	0.33	0.03	0.00
483	252/253	аверс	483a	16.37	82.56	0.24	0.00	0.24	0.19	0.04
		реверс	483b	14.69	84.46	0.20	0.00	0.21	0.17	0.00
484	252/253	аверс	484a	20.89	77.88	0.42	0.00	0.27	0.10	0.00
		реверс	484b	18.44	80.34	0.41	0.00	0.25	0.05	0.02
485	252/253	аверс	485a	22.57	76.20	0.40	0.00	0.32	0.24	0.00
		реверс	485b	15.75	83.41	0.23	0.00	0.24	0.09	0.00
486	252/253	аверс	486a	20.23	78.42	0.40	0.00	0.30	0.42	0.02
		реверс	486b	31.41	66.83	0.53	0.00	0.43	0.64	0.03
487	252/253	аверс	487a	19.66	78.95	0.47	0.00	0.37	0.31	0.03
		реверс	487b	19.58	78.96	0.44	0.00	0.34	0.43	0.00
488	252/253	аверс	488a	20.60	77.90	0.62	0.00	0.44	0.21	0.00
		реверс	488b	22.77	75.74	0.51	0.00	0.42	0.31	0.00
489	252/253	аверс	489a	18.28	80.44	0.54	0.00	0.26	0.11	0.00
		реверс	489b	20.43	78.11	0.75	0.00	0.26	0.13	0.00
490	252/253	аверс	490a	18.78	79.97	0.53	0.00	0.22	0.10	0.00
		реверс	490b	17.61	81.02	0.54	0.00	0.23	0.14	0.00
491	252/253	аверс	491a	16.95	81.77	0.45	0.00	0.23	0.17	0.03
		реверс	491b	18.95	79.65	0.70	0.03	0.23	0.11	0.02
492	252/253	аверс	492a	21.71	77.15	0.48	0.00	0.20	0.13	0.00
		реверс	492b	19.40	79.55	0.32	0.00	0.26	0.09	0.00
493	252/253	аверс	493a	16.61	82.19	0.38	0.00	0.30	0.18	0.03
		реверс	493b	17.48	81.42	0.42	0.00	0.31	0.09	0.03
494	252/253	аверс	494a	24.17	73.43	1.58	0.00	0.26	0.14	0.04
		реверс	494b	19.38	78.47	1.32	0.00	0.30	0.13	0.00
495	252/253	аверс	495a	18.28	80.39	0.71	0.00	0.22	0.08	0.00
		реверс	495b	19.67	78.94	0.71	0.00	0.24	0.08	0.00
496	252/253	аверс	496a	19.59	78.96	0.62	0.00	0.36	0.15	0.03
		реверс	496b	20.75	77.15	0.60	0.00	0.50	0.31	0.04
497	252/253	аверс	497a	22.36	76.35	0.55	0.00	0.23	0.13	0.00
		реверс	497b	20.35	77.53	0.57	0.03	0.99	0.08	0.02
498	252/253	аверс	498a	19.10	79.57	0.63	0.00	0.22	0.13	0.02
		реверс	498b	17.00	81.92	0.39	0.00	0.24	0.16	0.02
499	252/253	аверс	499a	14.33	84.52	0.19	0.00	0.32	0.03	0.00
		реверс	499b	17.67	81.24	0.22	0.00	0.32	0.00	0.00
500	252/253	аверс	500a	16.26	82.70	0.29	0.00	0.26	0.17	0.03
		реверс	500b	16.73	82.07	0.26	0.00	0.24	0.34	0.05
501	252/253	аверс	501a	13.29	85.94	0.31	0.00	0.18	0.06	0.00
		реверс	501b	20.04	78.63	0.24	0.03	0.26	0.24	0.03
502	252/253	аверс	502a	14.23	84.88	0.34	0.00	0.25	0.06	0.00
		реверс	502b	24.55	74.38	0.37	0.00	0.26	0.14	0.03
503	252/253	аверс	503a	19.80	78.96	0.48	0.00	0.22	0.08	0.13
		реверс	503b	29.55	68.64	0.57	0.00	0.26	0.47	0.26

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 323

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
504	252/253	аверс	504a	13.67	85.59	0.11	0.00	0.26	0.17	0.00
		реверс	504b	14.32	84.78	0.15	0.00	0.32	0.21	0.04
505	252/253	аверс	505a	17.25	81.82	0.36	0.00	0.29	0.08	0.00
		реверс	505b	15.94	83.16	0.32	0.00	0.25	0.12	0.00
506	252/253	аверс	506a	15.67	82.78	0.58	0.00	0.35	0.44	0.04
		реверс	506b	12.34	86.38	0.51	0.00	0.31	0.20	0.00
507	252/253	аверс	507a	14.24	84.53	0.13	0.00	0.23	0.16	0.00
		реверс	507b	15.84	82.94	0.16	0.00	0.22	0.13	0.00
508	252/253	аверс	508a	17.65	80.97	0.16	0.00	0.19	0.14	0.00
		реверс	508b	17.75	80.99	0.21	0.00	0.21	0.11	0.00
509	252/253	аверс	509a	16.52	82.07	0.22	0.00	0.34	0.32	0.04
		реверс	509b	24.82	73.83	0.21	0.00	0.29	0.32	0.09
510	252/253	аверс	510a	16.32	82.60	0.43	0.00	0.26	0.06	0.00
		реверс	510b	18.94	79.66	0.43	0.00	0.28	0.19	0.00
511	252/253	аверс	511a	14.71	84.26	0.22	0.00	0.25	0.13	0.00
		реверс	511b	13.70	85.44	0.19	0.00	0.24	0.05	0.00
512	252/253	аверс	512a	17.00	81.20	0.38	0.00	1.16	0.09	0.00
		реверс	512b	19.26	79.81	0.41	0.00	0.26	0.16	0.00
513	252/253	аверс	513a	19.15	79.47	0.37	0.00	0.39	0.26	0.03
		реверс	513b	21.31	77.16	0.53	0.00	0.49	0.18	0.03
514	252/253	аверс	514a	21.16	77.44	0.71	0.00	0.30	0.18	0.00
		реверс	514b	22.66	76.09	0.67	0.00	0.31	0.16	0.00
515	252/253	аверс	515a	16.54	82.29	0.23	0.00	0.35	0.04	0.00
		реверс	515b	18.30	80.57	0.17	0.00	0.29	0.19	0.00
516	252/253	аверс	516a	15.49	82.70	0.14	0.00	0.28	0.20	0.00
		реверс	516b	13.62	84.67	0.11	0.00	0.28	0.13	0.00
517	252/253	аверс	517a	13.84	85.06	0.13	0.00	0.21	0.10	0.00
		реверс	517b	14.54	84.21	0.17	0.00	0.22	0.10	0.00
518	252/253	аверс	518a	15.06	83.54	0.17	0.00	0.30	0.24	0.03
		реверс	518b	16.69	81.76	0.16	0.00	0.33	0.27	0.00
519	252/253	аверс	519a	12.48	86.47	0.13	0.00	0.22	0.10	0.00
		реверс	519b	13.05	85.79	0.11	0.00	0.22	0.13	0.00
520	252/253	аверс	520a	17.98	80.66	0.54	0.00	0.22	0.16	0.04
		реверс	520b	13.76	85.30	0.44	0.00	0.17	0.03	0.00
521	252/253	аверс	521a	16.42	82.60	0.26	0.00	0.13	0.04	0.00
		реверс	521b	15.04	84.00	0.31	0.00	0.15	0.04	0.00
522	252/253	аверс	522a	13.79	84.56	0.13	0.00	0.23	0.20	0.00
		реверс	522b	13.57	84.97	0.16	0.00	0.20	0.14	0.00
523	253/254	аверс	523a	12.65	86.32	0.17	0.00	0.16	0.07	0.00
		реверс	523b	12.73	86.40	0.15	0.00	0.16	0.04	0.00
524	253/254	аверс	524a	13.15	85.76	0.18	0.00	0.14	0.06	0.00
		реверс	524b	14.63	84.23	0.19	0.00	0.15	0.06	0.00
525	253/254	аверс	525a	13.64	85.38	0.15	0.00	0.18	0.05	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	525b	13.46	85.25	0.16	0.00	0.21	0.09	0.00
526	253/254	аверс	526a	13.08	85.67	0.15	0.00	0.17	0.10	0.00
		реверс	526b	15.02	83.75	0.18	0.00	0.19	0.08	0.00
527	253/254	аверс	527a	14.15	84.50	0.40	0.03	0.30	0.16	0.00
		реверс	527b	12.09	86.59	0.24	0.00	0.26	0.06	0.00
528	253/254	аверс	528a	11.63	87.41	0.14	0.00	0.16	0.07	0.00
		реверс	528b	16.63	81.92	0.20	0.00	0.22	0.26	0.00
529	254/255	аверс	529a	20.76	78.39	0.21	0.00	0.18	0.09	0.00
		реверс	529b	14.78	84.38	0.26	0.00	0.17	0.10	0.00
530	254/255	аверс	530a	18.78	80.20	0.33	0.00	0.17	0.13	0.00
		реверс	530b	28.67	70.40	0.42	0.00	0.12	0.08	0.00
531	254/255	аверс	531a	19.58	79.13	0.46	0.00	0.16	0.33	0.03
		реверс	531b	20.83	77.94	0.41	0.00	0.17	0.34	0.00
532	254/255	аверс	532a	16.06	83.02	0.34	0.00	0.17	0.05	0.00
		реверс	532b	22.76	76.24	0.43	0.00	0.13	0.09	0.03
533	254/255	аверс	533a	24.42	74.63	0.31	0.00	0.18	0.10	0.00
		реверс	533b	14.82	84.32	0.27	0.00	0.17	0.09	0.00
534	254/255	аверс	534a	25.18	73.71	0.36	0.00	0.21	0.16	0.03
		реверс	534b	45.99	52.76	0.50	0.00	0.20	0.11	0.04
535	254/255	аверс	535a	17.55	81.53	0.28	0.00	0.18	0.07	0.00
		реверс	535b	20.26	78.66	0.44	0.00	0.22	0.06	0.00
536	254/255	аверс	536a	20.92	78.03	0.24	0.00	0.17	0.18	0.03
		реверс	536b	28.89	69.96	0.36	0.00	0.20	0.09	0.03
537	254/255	аверс	537a	11.86	87.12	0.36	0.00	0.20	0.11	0.00
		реверс	537b	19.26	79.74	0.34	0.00	0.19	0.10	0.00
538	254/255	аверс	538a	18.21	80.83	0.18	0.00	0.22	0.13	0.00
		реверс	538b	13.65	85.51	0.21	0.00	0.18	0.08	0.00
539	254/255	аверс	539a	16.93	82.06	0.44	0.00	0.13	0.07	0.00
		реверс	539b	13.03	86.04	0.38	0.00	0.16	0.07	0.00
540	254/255	аверс	540a	16.56	82.40	0.43	0.00	0.18	0.14	0.03
		реверс	540b	16.66	82.44	0.33	0.00	0.17	0.05	0.00
541	254/255	аверс	541a	16.55	82.41	0.39	0.00	0.18	0.19	0.03
		реверс	541b	13.86	85.28	0.34	0.00	0.18	0.11	0.00
542	254/255	аверс	542a	14.96	84.10	0.33	0.00	0.24	0.05	0.00
		реверс	542b	12.08	87.06	0.23	0.00	0.20	0.05	0.00
543	254/255	аверс	543a	13.24	85.83	0.39	0.00	0.14	0.05	0.00
		реверс	543b	14.38	84.65	0.38	0.00	0.21	0.11	0.00
544	254/255	аверс	544a	18.23	81.01	0.28	0.00	0.16	0.04	0.00
		реверс	544b	22.61	76.54	0.34	0.00	0.18	0.00	0.00
545	254/255	аверс	545a	13.57	85.79	0.23	0.00	0.15	0.00	0.00
		реверс	545b	14.32	85.00	0.27	0.00	0.13	0.00	0.00
546	255/256	аверс	546a	10.21	88.93	0.44	0.00	0.11	0.00	0.00
		реверс	546b	17.35	81.80	0.33	0.00	0.17	0.04	0.00

Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э. 325

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
547	255/256	аверс	547a	23.11	75.95	0.20	0.00	0.22	0.13	0.03
		реверс	547b	22.39	76.41	0.23	0.00	0.24	0.25	0.04
548	255/256	аверс	548a	18.25	80.74	0.35	0.00	0.22	0.08	0.00
		реверс	548b	20.19	78.80	0.37	0.00	0.23	0.07	0.00
549	255/256	аверс	549a	16.82	82.33	0.32	0.00	0.19	0.05	0.00
		реверс	549b	26.76	72.31	0.31	0.00	0.16	0.08	0.00
550	255/256	аверс	550a	19.27	79.83	0.23	0.00	0.20	0.10	0.00
		реверс	550b	26.69	72.12	0.22	0.00	0.30	0.17	0.03
551	255/256	аверс	551a	12.34	86.90	0.24	0.00	0.13	0.09	0.00
		реверс	551a	19.45	79.63	0.29	0.00	0.18	0.08	0.00
552	255/256	аверс	552a	31.65	66.92	0.42	0.00	0.24	0.28	0.07
		реверс	552b	37.75	60.93	0.45	0.00	0.19	0.19	0.06
553	255/256	аверс	553a	9.32	89.34	0.46	0.00	0.14	0.03	0.00
		реверс	553b	15.91	82.45	0.55	0.00	0.15	0.17	0.00
554	255/256	аверс	554a	8.86	90.23	0.22	0.00	0.12	0.09	0.00
		реверс	554b	14.66	83.65	0.23	0.00	0.14	0.21	0.05
555	255/256	аверс	555a	23.36	75.39	0.41	0.00	0.21	0.32	0.05
		реверс	555b	12.99	86.24	0.33	0.00	0.14	0.04	0.00
556	255/256	аверс	556a	24.18	75.00	0.25	0.00	0.16	0.10	0.00
		реверс	556b	16.51	82.50	0.24	0.00	0.18	0.14	0.00
557	255/256	аверс	557a	15.93	83.16	0.29	0.00	0.16	0.08	0.02
		реверс	557b	17.85	81.17	0.20	0.00	0.20	0.15	0.02
558	255/256	аверс	558a	11.18	87.67	0.48	0.00	0.11	0.12	0.00
		реверс	558b	16.55	82.12	0.41	0.00	0.11	0.12	0.00
559	255/256	аверс	559a	13.77	85.29	0.27	0.00	0.18	0.07	0.00
		реверс	559b	16.77	82.28	0.27	0.00	0.17	0.05	0.00
560	255/256	аверс	560a	14.05	84.94	0.30	0.00	0.14	0.06	0.00
		реверс	560b	17.04	81.66	0.45	0.00	0.19	0.08	0.00
561	255/256	аверс	561a	13.46	85.65	0.29	0.00	0.16	0.13	0.00
		реверс	561b	12.97	86.15	0.19	0.00	0.13	0.19	0.00
562	255/256	аверс	562a	18.22	80.80	0.26	0.00	0.22	0.09	0.00
		реверс	562b	15.71	83.45	0.24	0.00	0.20	0.06	0.00
563	255/256	аверс	563a	13.04	86.08	0.20	0.00	0.15	0.11	0.00
		реверс	563b	14.51	84.51	0.28	0.00	0.20	0.14	0.00
564	255/256	аверс	564a	15.54	83.54	0.21	0.00	0.18	0.09	0.00
		реверс	564b	16.83	82.01	0.24	0.00	0.20	0.22	0.03
565	255/256	аверс	565a	10.78	88.26	0.22	0.00	0.15	0.14	0.00
		реверс	565b	12.80	85.91	0.24	0.00	0.17	0.26	0.00
566	255/256	аверс	566a	13.24	85.96	0.18	0.00	0.13	0.11	0.00
		реверс	566b	16.12	83.05	0.22	0.00	0.14	0.10	0.00
567	255/256	аверс	567a	24.72	74.04	0.50	0.00	0.14	0.03	0.00
		реверс	567b	11.43	87.42	0.45	0.00	0.13	0.04	0.00
568	255/256	аверс	568a	17.12	81.25	0.40	0.00	0.19	0.16	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	568b	11.63	87.25	0.31	0.00	0.16	0.07	0.00
569	255/256	аверс	569a	12.78	86.31	0.28	0.00	0.22	0.09	0.00
		реверс	569b	14.30	84.83	0.31	0.00	0.20	0.03	0.00
570	255/256	аверс	570a	16.33	82.62	0.24	0.00	0.21	0.16	0.00
		реверс	570b	15.98	83.13	0.35	0.00	0.22	0.05	0.00
571	255/256	аверс	571a	11.00	87.82	0.34	0.00	0.15	0.08	0.00
		реверс	571b	17.68	81.01	0.46	0.00	0.12	0.07	0.00
572	255/256	аверс	572a	8.82	90.27	0.33	0.00	0.14	0.06	0.00
		реверс	572b	14.21	84.49	0.47	0.00	0.19	0.11	0.00
573	255/256	аверс	573a	14.47	83.96	0.34	0.00	0.17	0.24	0.05
		реверс	573b	9.85	89.17	0.28	0.00	0.15	0.07	0.00
574	255/256	аверс	574a	19.04	79.96	0.27	0.00	0.14	0.13	0.00
		реверс	574b	22.73	76.00	0.39	0.00	0.22	0.22	0.04
575	255/256	аверс	575a	15.31	83.40	0.43	0.00	0.18	0.08	0.00
		реверс	575b	22.12	76.45	0.65	0.03	0.19	0.06	0.00
576	256/257	аверс	576a	13.32	85.74	0.28	0.00	0.17	0.13	0.00
		реверс	576b	15.03	84.08	0.38	0.00	0.16	0.03	0.00
577	256/257	аверс	577a	8.08	91.23	0.27	0.00	0.14	0.00	0.00
		реверс	577b	11.46	87.63	0.45	0.00	0.14	0.00	0.00
578	256/257	аверс	578a	9.76	89.43	0.26	0.00	0.16	0.09	0.00
		реверс	578b	10.79	88.31	0.21	0.00	0.17	0.16	0.00
579	256/257	аверс	579a	10.68	88.45	0.22	0.00	0.15	0.13	0.00
		реверс	579b	10.03	89.20	0.20	0.00	0.13	0.11	0.00
580	256/257	аверс	580a	12.66	86.10	0.19	0.00	0.19	0.43	0.04
		реверс	580b	10.08	89.19	0.21	0.00	0.17	0.10	0.00
581	256/257	аверс	581a	8.66	90.48	0.26	0.00	0.14	0.08	0.00
		реверс	581b	10.41	88.67	0.31	0.00	0.15	0.11	0.00
582	256/257	аверс	582a	12.14	86.95	0.32	0.00	0.24	0.06	0.00
		реверс	582b	11.67	87.48	0.30	0.00	0.20	0.04	0.00
583	256/257	аверс	583a	12.42	86.68	0.36	0.00	0.14	0.04	0.00
		реверс	583b	12.64	86.45	0.22	0.00	0.15	0.11	0.00
584	256/257	аверс	584a	12.78	86.13	0.26	0.00	0.17	0.29	0.00
		реверс	584b	16.67	81.76	0.25	0.00	0.20	0.68	0.02
585	256/257	аверс	585a	12.17	86.82	0.24	0.00	0.17	0.15	0.00
		реверс	585b	11.70	87.42	0.30	0.00	0.15	0.07	0.00
586	256/257	аверс	586a	17.77	80.57	0.22	0.00	0.17	0.91	0.03
		реверс	586b	17.22	81.66	0.31	0.00	0.19	0.25	0.00
587	256/257	аверс	587a	11.34	87.68	0.21	0.00	0.20	0.23	0.00
		реверс	587b	12.70	86.35	0.22	0.00	0.21	0.27	0.00
588	256/257	аверс	588a	11.12	87.87	0.19	0.00	0.19	0.25	0.00
		реверс	588b	12.20	86.80	0.25	0.00	0.22	0.21	0.00
589	257/258	аверс	589a	12.36	86.75	0.20	0.00	0.17	0.15	0.00

№ п/п	Год н.э.	Место взятия пробы	Номер анализа	–	Cu	Au	Zn	Sn	Pb	Bi
		реверс	589b	11.83	87.43	0.19	0.00	0.13	0.08	0.00
590	257/258	аверс	590a	17.39	81.62	0.43	0.00	0.18	0.11	0.00
		реверс	590b	14.77	84.32	0.24	0.00	0.18	0.16	0.00
591	257/258	аверс	591a	9.55	89.74	0.18	0.00	0.15	0.07	0.00
		реверс	591b	13.76	85.32	0.21	0.00	0.18	0.21	0.00

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2014: Клад боспорских статеров III–IV вв. из Фанагории (2011 год). *ВДИ* 4, 56–86.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2), 580–596.
- Анисимов, А.И. 1989: О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н.э. (по нумизматическим данным). В сб.: *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 11–17 марта 1989 г.)*. Новочеркасск, 128.
- Голенко, К.В. 1970: Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. *ВДИ* 2, 87–99.
- Голенко, К.В. 1972: Таманский клад монет 1970 г. *Klio* 54, 239–249.
- Голенко, К.В. 1978: Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н.э. *НЭ* XII, 10–40.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
- Зубарь, В.М., Зинько, В.Н. 2006. *Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории* (БИ XII).
- Кунина, Н.З. 1962: Керченский клад серебряных римских монет. В сб.: *Археология и история Боспора. II*. Симферополь, 329–342.
- Люценко, Е.Е. 1880: Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежныхкладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на Юге России, in: Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2), 580–596.
- Ременников, А.М. 1954: *Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э.* М.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Фролова, Н.А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э. Ч. II. М.
- Хайрединова, Э.А. 1994: Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. *МАИЭТ* IV, 517–527.
- Golenko, K. 1973: Le trésor d'antoniniani de Kertch. *RN* XV (6 Ser.), 290–299.
- Ingo, G.M., Balbi, S., Caro, T. de, Fragalà, I., Riccucci, C., Bultrini, G. 2006: Microchemical investigation of Greek and Roman silver and gold plated coins: coating techniques and corrosion mechanisms. *Applied Physics A: Materials Science & Processing* 83, 623–629.
- Stos-Gale, Z. 1986: X-ray Fluorescence and Lead Isotope Analysis, in: Price M., Besly E., MacDowall D., Jones M., Oddy A. (eds), *A Survey of Numismatic Research 1978–1984. Scientific techniques in Numismatics* (International Association of Professional Numismatists. Special Publication No. 9.). London, 978–1003.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian's Early Post-Reform Copper Coins, *Archaeometry* 4, 56–61.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. I. (1834–2005 gg.). (Bosporskie issledovaniya. Supplementum. 2). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2014: Klad bosporskikh staterov III–IV vv. n. e. iz Fanagorii (2011 god) [A hoard of the 3rd – 4th centuries AD Bosporan staters from Phanagoria (2011)]. *Vestnik drevney istorii* 4, 56–86.
- Anisimov, A.I. 1989: O prodvizhenii plemeny got'skogo soyuza v Severo-Vostochnoe Prichernomor'e v seredine III v. n.e. (po numizmaticheskim dannym). In.: *Scifiya i Bospor. Arkheologicheskie materialy k konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovtseva (Leninograd, 11–17 marta 1989 g.)*. Novocherkassk, 128.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)*. Vol. II. Moscow.
- Golenko, K.V. 1970: Monety, naydennye pri raskopkakh v Kerchi v 1964 g. *Vestnik drevney istorii* 2, 87–99.
- Golenko, K.V. 1972: Tamanskiy klad 1970 g. *Klio* 54, 239–249.
- Golenko, K. 1973: Le trésor d'antoniniani de Kertch. *RN XV* (6 Ser.), 290–299.
- Golenko, K.V. 1978: Tretiy Parteyskiy klad (1970 g.) i nekotorye zamechaniya o bosporskoy chekanke III v. n.e. *Numizmatika i Epigrafika* XII, 10–40.
- Ingo, G.M., Balbi, S., Caro, T. de, Fragalà, I., Riccucci, C., Bultrini, G. 2006: Microchemical investigation of Greek and Roman silver and gold plated coins: coating techniques and corrosion mechanisms. *Applied Physics A: Materials Science & Processing* 83, 623–629.
- Khayredinova, E.A. 1994: Bospor i morskije pokhody varvarov vtoroy poloviny III v. n.e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* IV, 517–527.
- Kunina, N.Z. 1962: *Kerchenskiy klad serebryanykh rimskikh monet*. In: *Arkheologiya i istoriya Bospora*. II. Simferopol', 329–342.
- Lyutsenko, E.E. 1880: Kerch i Taman'. Nekotorye svedeniya o denezhnykh kladakh, naydennykh v poslednee vremya na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh, a takzhe na Yuge Rossii. In: Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008, 580–596.
- Remennikov, A.M. 1954: *Bor'ba plemeny Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III v. n.e.* Moscow.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira*. Saint Petersburg.
- Stos-Gale, Z. 1986: X-ray Fluorescence and Lead Isotope Analysis, in: Price M., Besly E., MacDowall D., Jones M., Oddy A. (eds), *A Survey of Numismatic Research 1978–1984. Scientific techniques in Numismatics* (International Association of Professional Numismatists. Special Publication No. 9.). London, 978–1003.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian's Early Post-Reform Copper Coins, *Archaeometry* 4, 56–61.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 16). Moscow–Leningrad.
- Zubar', V.M., Zin'ko, V.N. 2006: *Bospor v antichnuyu epokhu. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii*. (Bosporskie issledovaniya. XII).

THE SILVER CONTENT OF PHESCUPORIS V'S STATERS OF AD
242/243–257/258
(X-RAY FLUORESCENCE SPECTROSCOPY)

Mikhail G. Abramzon*, Olga L. Gunchina**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia*

abramzon-m@mail.ru

** *State Historical and Archaeological Reserve "Phanagoria", Russia*

gunchino@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to publish the results of X-ray fluorescence analysis (XRF) of Rhescuporis V's billon staters issued during first fifteen years of his rule, i.e. from AD 242/243 to AD 257/258. The database for the investigation is the biggest late Bosporan hoard found in the Phanagorian eastern necropolis in 2011 г. The hoard consists of 3695 coins of In-inthemeos, Rhescuporis V, Pharsanzes, Sauromates IV, Teiranes and Thothorses. The authors concentrate their attention on 590 staters of the concerned chronological period rich by violent events occurred in the North Pontic Region during the 3rd century AD. There were invasions and pirate raids of different Maeotis tribes – the Goths, Borani, Herulians, Satmatians, Alani, etc. Looking for the finances to fight against barbarians during these years, the state resorted to reduction of the silver content of staters. The survey by X-ray fluorescence spectroscopy showed the poor silver content of the staters varying, with an average, between 11 and 27 per cent. The ancient technological treatment of base-alloy silver blanks supposed different coating techniques and methods of the affinage and refining of the surface layer of a coins having poor silver content. The standard of alloy on the surface is much higher than those taken from the deep of a coin. The question on the methods of affinage and refining of the coin surface used in the 3rd century AD would be dissolve with the help of further survey. X-ray fluorescent method showed more than twofold reduction of the silver content of Rhescuporis V's billon staters issued during first fifteen years of his rule. Thus, the present investigation confirms that ultimate furious paces of the Bosporan coinage were followed by the inflation and progressive deterioration of silver percentage of the staters, being induced by increased state needs of money under conditions of the strenuous military situation.

Key words: Bosporan Kingdom, Rhescuporis V, Phanagoria coin hoard, archaeometry, X-ray fluorescence (XRF), coin technique, alloy

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ КАРАБАХСКОГО ХАНСТВА. ТИПОЛОГИЯ, МЕТРОЛОГИЯ, НАЗВАНИЯ

А.В. Акопян

Институт истории им. Ш. Марджани, Казань,
alexakopyan@gmail.com

Аннотация. В работе впервые проанализированы типология, метрология и названия серебряных монет Карабахского ханства (1748–1823). Определено, что только второй карабахский хан Ибрагим-Халил смог чеканить серебряные монеты в 1792 г. после смерти армянского мелика Шахназара, впустившего его отца в Шуши. Выявлено, что наименование монетного двора карабахских монет «Панахабад» является эпитетом самого монетного двора, а не названием крепости села Шуши. Зафиксирована более поздняя традиция конца XIX в., связанная с переосмыслением эпитета «Панахабад» как топонима в связи с необходимостью объяснения названия местных монет панахабади.

Выделено пять типов монет Карабахского ханства. Монеты первого типа А чеканились в 1794–1798 гг. в двух весовых нормах, равных 1/8 иранской рупии (1,48 г) или 1/10 российского рубля (1,89 г). На основании анализа сведений середины XIX в. доказано, что монеты этого типа назывались панахабади. Для монет указанных стандартов предложены условные названия – «рупиевый» и «рублевый» панахабади. В 1798–1800 гг. чеканились «рублевые» панахабади типа А. В 1800–1804 гг. чеканились сахибкирани (стандартом в 4,13 г, т. е. 25 российских копеек) типа В с именем Фатх-‘Али-шаха Каджара.

Ввиду мирного вступления Карабахского ханства в российское подданство здесь была сохранена монетная чеканка. В 1805–1823 гг. в Карабахе чеканились сахибкирани типов С, D и E, последний – с уникальным персидским двустушием. Прекращение монетной чеканки в Карабахском ханстве было вызвано упразднением ханской власти в 1822 г. и последующим завершением монетного откупа в 1823 г. Проанализирована динамика обменных курсов карабахских монет на российские в связи с имперской финансовой политикой в Закавказье в XIX в.

Ключевые слова: метрология, серебряные монеты, панахабади, сахибкиран, рубль, Афшариды, Зенды, Каджары, Панахабад, Карабахское ханство, Закавказье, Иран

Акопян Александр Владимирович – аспирант Института истории им. Ш. Марджани.

Выражаю искреннюю признательность Л. Илишу (Forschungs stelle für Islamische Numismatik (FINT), Тюбинген) и Р.Е. Варданяну (Государственный исторический музей Армении (ГИМА), Ереван) за возможность работы в указанных собраниях и за разрешение опубликовать хранящиеся там монеты; П.Н. Петрову (ИА АН РТ) за важные дискуссии в ходе работы, В.С. Кулешову (ОН ГЭ) за обсуждение материалов и возможность работы с архивом Е.А. Пахомова; С. Горону (The Oriental Numismatic Society, Великобритания), Г.В. Злобину и Г. Мугальяну (Центральный банк Республики Армения (ЦБ РА), Ереван) за предоставление баз данных монет, а также всем коллегам, поделившимся своими монетами для исследования.

Карабахское (Шушинское) ханство было провозглашено после смерти Надир-шаха Афшарида в 1747 г. в куро-араксинском междуречье (южная часть бывшего персидского беглярбекства «Гянджа и Карабах»)¹. Несмотря на то, что монеты, выпускавшиеся в Карабахском ханстве, давно известны нумизматам, их типология, метрология и названия до сих пор системно не изучались. Сопоставление литературных и нумизматических данных показывает неточность и неполноту существующих описаний монетной системы Карабахского ханства, вследствие чего нами было проведено выяснение их типологии, законных весов и наименований². Предваряя рассмотрение нумизматики Карабахского ханства, необходимо в общих чертах ознакомиться с его историей, ход которой задавал выбор и использование тех или иных монетных типов и весовых стандартов.

Выделение Карабахского ханства произошло благодаря действиям военных отрядов под руководством Панах-‘Али из рода Джеваншир племени саруджаллы³, который в 1748 г. получил титул карабахского хана от персидского ‘Адил-шаха⁴. Для закрепления на подконтрольной ему тогда территории равнинного Карабаха, не имевшей никаких оборонительных сооружений, Панах построил здесь крепость Баят. Ее расположение в открытой степи оказалось неудачным, что вынудило Панаха обратить свою экспансию в направлении горных районов Арцаха, где располагалось пять армянских наследственных меликств (Гюлистан, Джраберд, Хачен, Варанда и Дизак, так называемые «Меликства Хамсы»). После военных столкновений с соседними ханами в 1751 г. Панах переносит свою резиденцию из Баята несколько выше, в предгорья Арцаха, где строит крепость Шахбулаг.

Однако лишь после того, как варандский мелик Шахназар вступил с ним в союз, Панах в 1751–1752 гг. смог обновить крепость в деревне Шуши (Шош), на принадлежащих Шахназару землях нагорного Арцаха⁵. Благодаря ключевому местоположению Шуши и ее неприступности, Панах, пользуясь разногласиями среди меликов, вскоре подчинил их всех себе, а Карабахское ханство стало одним из наиболее сильных государственных образований Закавказья. Панах установил связи с русскими и участвовал в нескольких совместных кампаниях против персидских правителей. Его действия вызывали недовольство в Персии, в связи с чем в 1763 г. он был вызван Карим-ханом Зендом в Шираз, где и был убит.

Наследником стал сын Ибрагим-Халил, правивший в 1763–1806 гг. Он продолжил борьбу с армянскими меликствами в центре ханства с целью пресечения их планов по созданию армянского государства в Арцахе, что предполагал осуществить князь Г.А. Потемкин⁶. Опережая меликов и видя судьбу гянджинского хана, убитого при захвате Гянджи в 1804 г., Ибрагим-Халил 14 мая 1805 г. (сафар 1220 г.х.) принял русское подданство⁷. Вошедшее мирно в состав Российской Им-

¹ Перс. گنجة و قره باغ Генджеве Гарабах – административная единица Персии с центром в Гяндже. Существовала с XVI в. по 1748 г., после чего на ее территории образовались Гянджинское и Карабахское ханства.

² Стадиализация денежного обращения была впервые осуществлена в работе: Акопян, Петров 2014.

³ Ахмед-бек Джеваншир 1901, 5.

⁴ Ахмед-бек Джеваншир 1901, 12–13.

⁵ Чобанян 2002, 153.

⁶ См. письмо Г.А. Потемкина к Екатерине II (Нерсисян 1990, 241).

⁷ Петрушевский 1949, 147, 183; Нерсисян 1990, 181.

перии Карабахское ханство как полунезависимая административная единица сохранила право чеканки собственной монеты.

После убийства российского генерала от инфантерии, одного из покорителей Закавказья, П.Д. Цицианова в 1806 г. Ибрагим-Халил перешел на сторону персов и попросил от них войска для уничтожения русского управления. Уже в июне этого года мятеж был подавлен, а Ибрагим-Халил убит⁸. Ханство было передано русскими властями второму сыну Ибрагим-Халила – Махди-Кули, который был утвержден 13 сентября 1806 г. рескриптом Александра I. Он правил до ноября 1822 г., когда вследствие давления со стороны генерала А.П. Ермолова вынужден был бежать в Персию⁹, ханство же упразднили.

До начала производства собственной монеты в Карабахе в ходу были монеты соседних государств – в основном персидские, османские и индийские. По имеющимся данным, серебряная чеканка началась в Карабахе в 1209/1794–5 гг.¹⁰ По сравнению с другими ханствами производство серебряной монеты в Карабахе началось достаточно поздно (например, в Гянджинском и Ширванском ханствах автономная чеканка началась почти на пятьдесят лет раньше, еще в 1747 г.).

Значительное отставание Карабаха от Гянджи и Ширвана было следствием того, что Шуши, где располагался монетный двор, находился во владениях варандского мелика Шахназара II, единственного крупного армянского союзника карабахских ханов. Характер патрон-клиентских взаимоотношений между карабахскими ханами и варандским меликом Шахназаром II не имеет однозначной трактовки в современной историографии¹¹, но контроль ханов, судя по всему, не распространялся на всю Шушинскую крепость, ограничиваясь лишь ее нижней укрепленной частью (мусульманский район). В связи с выяснением прав ханов очень важно отметить, что серебряные монеты они смогли чеканить только после смерти мелика Шахназара II в 1792 г., за которой последовал выбор удобного Ибрагим-Халилу мелика Овсепа (Хусейна) III. Этот факт красноречиво свидетельствует об ограниченности прав ханов на Шушинскую крепость при жизни мелика Шахназара II. Таким образом, информация некоторых хроник о начале монетной чеканки в Шуши сразу после возведения (или обновления) крепости в 1751 г.¹² или даже рассуждения исследователей о каких-либо «денежных реформах Панах-‘Али»¹³ не имеют под собой никаких оснований.

⁸ Бакиханов 1991, 188.

⁹ АКАКVI-I, 848–849, № 1293.

¹⁰ Здесь и далее в статье через дробь приведены годы по мусульманскому календарю (годы лунной хиджры) и годы нашей эры. Начало года лунной хиджры подвижно относительно начала года нашей эры, поэтому он может начинаться в один год нашего летоисчисления, а заканчиваться в следующем. При переводе года хиджры в наше летоисчисление приводятся оба соответствующих наших года (но надо отметить, что монеты с датой нового года в Иране обычно начинали чеканиться не с первого дня лунного года, а с иранского нового года – Новруза – в весеннее равноденствие). При переводе сроков в годах хиджры в наше летоисчисление есть определенная условность – начальному году хиджры приводится в соответствие первый из двух годов нашего летоисчисления, на который он попадает, а последнему году хиджры соответствует год его окончания по нашему летоисчислению (поэтому n годам хиджры могут соответствовать $n + 1$ наших лет). При упоминании только года лунной хиджры он дается с пометкой «г.х.».

¹¹ См. диаметрально противоположные трактовки Д. Бабаяна (Бабаян 2007) и А. Магальяна (Магальян 2010).

¹² Contra: а. Ахмед-бек Джеваншир 1901, 15; MirzaYusif Qarabaği 2006, 23.

¹³ Раджабли 2008, 13.

Впервые карабахские монеты были систематизированы С. Албумом – сначала для каталогов Краузе, а затем в его «Стандартизированном списке»¹⁴. Некоторые из карабахских монет обсуждались в диссертации Е.А. Сенициной¹⁵, а также в недавних статьях А. Раджабли¹⁶. Тем не менее стройной типологии карабахских монет так и не было предложено, а в прошлых исследованиях наблюдаются курьезные ошибки¹⁷.

Предваряя нумизматическую часть статьи, необходимо отметить, что монетный двор на карабахских монетах не именовался ни по своему фактическому местопребыванию – в Шушинской крепости, ни по названию всей области Карабах. Для названия монетного двора использовался почетный эпитет (араб. *лакаб*) Шушинской крепости – *Панахабад* (перс. *город Панаха*, پناه آباد), выбранный Ибрагим-Халилом в честь своего отца, первого владельца мусульманской укрепленной крепости¹⁸ в селении Шуши¹⁹.

Называние городов, городских районов или важных географических объектов некими почетными эпитетами было присуще исламской традиции с самого момента ее возникновения²⁰. Такая практика систематически отражалась в том числе и на монетах, где эпитеты монетных дворов использовались как указание на место чеканки. К XVIII–XIX вв. употребление почетных эпитетов стало почти что обязательной нормой персидских монетных выпусков²¹.

Помимо прочего, выбором эпитета «Панахабад» для Шушинской крепости Ибрагим-Халил указывал как на преемственность своей власти от покойного к этому времени отца, так и косвенно обозначал его имя на монете. Таким способом Ибрагим-Халил своеобразно применил правила монетной практики таких иранских правителей, как, например, Карим-хан (1753–1779) и ‘Али-Мурад-хан (1781–1785), Зенды или же Ага-Мухаммад-хан Каджар (1779–1797), которые выпускали анонимные монеты с invocациями (араб. *‘алама*) к Аллаху, Мухаммаду или имаму ‘Али, имена которых совпадали с их именами. На то, что «Панахабад» эпитет именно такого рода, бытовавший в канцелярском употреблении (а протокол монетных надписей относится к официальным государственным текстам, создаваемым в *диване*-канцелярии), а не топоним, указывает отсутствие его в тюркоязычных источниках, синхронных времени строительства крепости. Так, в хрониках очевидцев существования ханства – Мирзы-Джамала Джеваншира (работа 1847 г.), Мирзы-Адигезаль-бека (работа 1845 г.) и ‘Аббас-Кули-ага Баки-

¹⁴ Album 2013, 294, no. 2900; 299, nos. 2959–2964.

¹⁵ Сеницина 1992, 50–58, xxv–xxvii.

¹⁶ Раджабли 2008, 2009.

¹⁷ Ср., напр., данные А. Раджабли, который пишет о якобы существовавших серебряных монетах Панахабада с легендой йа сахиб аз-заман (Раджабли 2008, 13), или сведения Е.А. Сенициной о серебряных монетах Панахабада с тугрой (Сеницина 1992, б/с [185]).

¹⁸ Rzaqulu Bəy Mirza Samal Oğlu 2006, 279 – «крепость Шуши называется Панахабад».

¹⁹ В виде «благословенный город Панахабад» (البلدة المباركة پناه آباد) этот лакаб встречается в записи 1198/1783–1784 г., сделанной в Панахабаде ученым Дибир-кади из Хунзаха (Алибекова 2014, 11).

²⁰ См., например, специальную монографию О. Дилера, посвященную таким эпитетам-лакабам (Diler 2001).

²¹ Список из 40 таких почетных эпитетов для персидских монет XVIII–XIX вв. приведен у С. Албума (Album 2013, 290–291). Из соседних с Шуши монетных дворов примечателен Ереван, где в 1220–1241/1805–1826 гг. чеканились монеты с эпитетом «Чухур-и Са‘д», также бывшим к этому времени лишь канцелярским термином (Акопян, Варданян 2016).

ханова (работа 1841 г.)²² карабахская крепость называется исключительно Шушинской.

Впервые термин «Панахабад» в качестве именно топонима, видимо, появляется только у историков следующего поколения – у Ахмед-бека Джеваншира (работа 1883 г.)²³ и у Мир-Мехти Хазани (работа написана после 1870 г.)²⁴ У обоих авторов слово «Панахабад» приводится только (sic!) в связи с упоминанием чеканившихся в Шуши монет, что показывает явную логическую связку между монетами и словом, появляющимся для объяснения их этимологии. Расхождение с существовавшей устной традицией Ахмед-беку Джеванширу приходится сгладить оговоркой, что «*впоследствии* [выделено мной – А.А.] город стал называться... Шушинская крепость». Совершенно очевидно, что бытование *лакаба* «Панахабад» было неустойчивым и ограничивалось только официальной (канцелярской) сферой, а сопоставление нарративных и нумизматических данных указывает на процесс ретроспективного переноса карабахскими хронистами конца XIX в. названия монетного двора «Панахабад» (эпитета монетного двора Шуши) в географические реалии.

За исключением монет типа *B*, выпущенных от имени Фатх-‘Али-шаха Каджара, все серебряные монеты Карабахского ханства были анонимными. Такая особенность монетного чекана была характерной для многочисленных ханств Закавказья и полунезависимых владений Персии, правители которых решили воспользоваться правом чеканки монеты (араб. *сикка*), однако, не обладая полной легитимностью самостоятельных правителей и, что более важно, не имея притязаний на самостоятельность, не выставляли своего имени на монете.

Первый тип серебряных монет Карабахского ханства (тип *A*) имеет прототипом оформление серебряных монет типа *E1* Гянджи, чеканившихся с 1200/1785–6 гг.²⁵

Тип *A*, монетный двор Панахабад, анонимный выпуск. Подтипы *A1* (рис. 1–3) и *A2* (рис. 4).

Л.с.: шиитский символ веры (*калима*) в пять строк²⁶:

لا إله إلا الله / مُحَمَّدٌ / رَسُولُ الله و / علي / لي الله

Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха, ‘Али наместник Аллаха с каллиграфическим растяжением (перс. *кешидэ*) в именах مُحَمَّد и علي. Вокруг линейный и бусовый ободки. Надпись выполнена почерком *наسخ*, каллиграфически правильная, отражает стандартное написание калимы на сефевидских монетах XVII–XVIII вв.

О.с. подтипа *A1*: в центре круглый картуш (или в виде цветочного бутона, или фигурный четырехлепестковый), в котором надпись ضرب پناه آباد, в котором надпись ضرب پناه آباد – чекан Панахабада. Надпись выполнена на фоне цветочного мотива (араб.-

²² В тексте «Гулистан-и Ирам» ‘Аббас-Кули-ага Бакиханова единственное слово «Панахабад» – редакторская вставка З.М. Бунятова in parenthesis после первого упоминания Шуши (Аббас-Кули-ага Бакиханов 1991, 156). Отсутствует слово «Панахабад» и в русских сведениях академика П.Г. Буткова, в АКАК и т.д., не говоря уж об армянских источниках (С. Джалалянц, М. Бархударян, Раффи).

²³ Ахмед-бек Джеваншир 1901, 15.

²⁴ Mir Mehdi Xəzani 2006, 137, 231. В обоих случаях в тексте Мир-Мехди Хазани слово «Панахабад» сопровождается упоминанием о монетах панахабади.

²⁵ Акопян 2011, 35.

²⁶ Здесь и далее: л.с. – лицевая сторона, о.с. – оборотная сторона.

перс. *ислими*). Над центральным картушем – маленький фигурный картуш, в котором имеется инвокация (*О, Аллах*). Надписи выполнены простым рукописным почерком, близким *наста'лику*. Год может быть под центральным картушем или с обеих сторон от него. За пределами даты и верхнего картуша – линейный и точечный ободки. В поле между центральным картушем и линейным ободком могут находиться различные разделители.

О.с. подтипа А2: в прямоугольной рамке надпись ضرب پناه آباد, выполненная *насхом*. К каждой стороне рамки примыкает фигурный картуш с датой (в левом ۱۲, в правом стерто) и крупным цветком в нижнем (в верхнем – стерто, возможно يا الله).

Монеты подтипа А1 подтверждены для 1209–1212/1794–1798 и 1214/1799–1800 гг. Они зачастую грубой выделки, что повлекло множество ошибок в передаче дат. Так, даты «۱۱۹», «۱۲۶», «۱۲۵», «۱۲۹», «۰۱۲۹» или «۱۲۹۰» должны читаться как ۱۲۰۹ 1209 г.х. (а не ۱۱۹۰ 1190 г.х.), «۱۲۱» или «۱۲۰۱۰» являются ۱۲۱۰ 1210 г.х. (а не ۱۲۰۱ 1201 г.х.), «۱۱۲۱» надо читать как ۱۲۱۱ 1211 г.х., а «۲۱۲۱» – как ۱۲۱۲ 1212 г.х., поскольку никаких монет «промежуточных» годов неизвестно.

Распределение значений веса монет типа А бимодально – выделяется группа легких монет с модой в 1,48 г ($N = 81$, $\sigma = 0,0503$, $\mu_{1/2} = 1,4800$)²⁷ и тяжелых монет с модой 1,89 г ($N = 14$, $\sigma = 0,1894$, $\mu_{1/2} = 1,8850$). Монеты обеих весовых групп отличаются между собой лишь толщиной, но не диаметром (во всех случаях ок. 24–25 мм). Их выпуск был синхронен в 1209–1212 гг.х., и обращались они в эти годы совместно²⁸. После 1212 г.х., судя по имеющимся данным, чеканились только тяжелые панахабади.

Несмотря на известность среди нумизматов и историков названия монет «панахабади» (перс. پناه آبادي – *панахабадский*), вопрос о том, к каким именно монетам оно применялось и как назывались, например, монеты типа А, до сих пор не был однозначно решен. С. Албум называет их « $\frac{1}{2}$ аббаси»²⁹, Е.А. Синицина – « $\frac{1}{2}$ панахабади... весом в 2 шахи»³⁰, А. Раджабли – «аббаси» и «панахабади»³¹. Необычно легкий вес порождал неуверенность исследователей в наименовании карабахских монет и вынуждал привлекать даже термин «аббаси», бывший самым распространенным для названия серебряной монеты в Персии и Закавказье, а также для названия кратных ему шахи, составлявших от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ аббаси³².

В этой связи исключительно важен анализ известного свидетельства современника обращения ханских монет на Кавказе К. Воронкевича-Бассанца, являющееся ключевым для прояснения названий номиналов карабахских монет, но до сих пор не использованное в нумизматических исследованиях.

²⁷ Здесь и далее N – число монет, σ – стандартное отклонение, $\mu_{1/2}$ – медиана.

²⁸ Это подтверждает состав Аскеранского клад (ГИМА, инв. №20013/1-16 и №20014/1-63), состоящего из 79 панахабадских монет 1209–1212 гг.х. – 74 легких (от 1,36 г до 1,58 г) и 5-ти тяжелых (датированы тяжелые монеты только 1209 г.х.).

²⁹ Албум 2013, 299, no. 2960.

³⁰ Синицина 1992, 52.

³¹ Все – в рамках одной статьи, см.: Раджабли 2008, 12.

³² Албум 2013, 288–289.

В 1840 г. К. Воронкевич-Бассанец писал, что «в г. Шуше и во всей Карабагской провинции саабкран или сагиб-киран = $35\frac{1}{2}$ серебряных копеек, панабат = $17\frac{3}{4}$ серебряных копеек. До 1840 года один рубль серебром принимался в народном обращении за 3 саабкрана или 6 панабатов»³³. Таким образом, существовали некие сахибкирани («саабкран или сагиб-киран», о них см. далее), которые были в два раза дороже неких панахабади («панабат»). Во время написания этой заметки русский монетный стандарт Николая I (1825–1855) основывался на рубле в 18 з серебра. Ясно, что до 1840 г. сахибкирани соответствовал $\frac{1}{3}$ рубля ($33\frac{1}{3}$ копеек), что было эквивалентно 6 з серебра, тогда как панахабади соответствовал $\frac{1}{6}$ рубля ($16\frac{2}{3}$ копеек), что эквивалентно 3 з серебра. После же 1840 г. сахибкирани стал цениться в $35\frac{1}{2}$ копеек = 6,39 з серебра, а панахабади стал, соответственно, оцениваться в $17\frac{3}{4}$ копеек = 3,20 з серебра. Таким образом, основываясь на данных К. Воронкевича-Бассанца, основным номиналом монет типа А надо считать именно «панахабади».

Данные 1840 г. показывают, что к этому времени уже позабылась разница в весах между панахабади разных стандартов, выделенных нами выше. Для выяснения использованных для чеканки панахабади стандартов необходимо учитывать, что во время их выпуска Ага-Мухаммад-ханом Каджаром (1779–1797) в Иране чеканились рупии в 11,52 з.³⁴ Таким образом, панахабади легких весов оказываются восьмыми долями иранской рупии с номинальный весом в 1,44 з. Воцарившийся в 1212/1797 г. Фатх-‘Али-шах Каджар с 1213/1799 г. изменил вес своих реалов до 10,36 з³⁵, на что карабахские монетные власти уже не отреагировали.

Вес тяжелых панахабади³⁶ в 1,89 з очень близок к весу гривенников Екатерины II, чеканившихся в 1762–1796 гг. и содержавших 1,78 з чистого серебра в монете весом 2,37 з (72 проба или 75,11% серебра). Позже российский стандарт несколько вырос при Павле I, выпускавшем в 1798–1801 гг. десятикопеечные монеты в 2,07 з с содержанием серебра в них 1,80 з ($83\frac{1}{3}$ проба или 86,81%). Разница между 1,78 з (или 1,80 з) серебра в русском гривеннике и весом карабахской монеты в 1,89 з может быть объяснена двояко. К сожалению, мы пока что не располагаем данными о пробе карабахских монет, а указанная разница может быть следствием как сокрытия русскими официальными лицами пробы монеты, так и того, что пробирное дело в Карабахе находилось на средневековом уровне, и допускалась ошибка в 5%. Нельзя исключать и возможности сочетания обоих этих факторов.

Причиной появления названия «панахабади» стало, как нам кажется, вовсе не то, что производили ее на новооткрытом монетном дворе (после 1747 г. монеты стали впервые чеканить также в Кубе, Шеки и Нухе, что не привело к появлению монет с названием этих городов), а оторванность веса панахабади как от весов предыдущего иранского аббаси (в отличие, например, от эволюционировавшего веса гянджинского аббаси)³⁷, так и выключение его с 1212/1797–8 г. из весовых систем современных ему персидских монет.

³³ Воронкевич-Бассанец 1840, 413.

³⁴ Album 2013, 292.

³⁵ Album 2013, 294, no. 2874.

³⁶ В противовес историческим данным характерно желание современных исследователей идентифицировать как имеющие «уникальное название панахабади» не самые легкие по сравнению со всеми закавказскими монетами того времени панахабади, а более тяжелые сахибкирани типов В–Е (Раджабли 2008, 13; 2009, 7–8).

³⁷ Акопян 2016.

Особых наименований для легких и тяжелых панахабади неизвестно, и только условно можно предложить для них названия *рупиевые панахабади* и *рублевые панахабади* соответственно. Неизвестно, на сколько младших единиц делился панахабади и как они назывались, поэтому монеты типа *A* с весом 0,96–0,97 г мы вынуждены условно назвать «½ рублевого панахабади».

Рис. 1. Рублевый панахабади, 12[0]9 г.х., подтип *A1*³⁸

Рис. 2. Рупиевый панахабади, 12[0]9 г.х., подтип *A1*³⁹

Рис. 3. ½ рублевого панахабади, год утрачен, подтип *A1*⁴⁰
38 39 40 41

Рис. 4. Рупиевый панахабади, 12xx г.х., подтип *A2*⁴¹

Следование за иранскими и русскими стандартами для карабахской монеты неудивительно, поскольку Ибрагим-Халил, с одной стороны, активно выражал свою пророссийскую ориентацию и вел переговоры с российскими представителями (в 1783–1784 гг. и в 1797–1799 гг.)⁴², а с другой стороны, будучи под персидским влиянием, он старался обеспечить удобство обращения своего панахабади в Иране⁴³. Это подтверждают и данные Мирзы Юсифа о карабахских счетных единицах. Он приводит названия двух таких единиц – «карабахского маната»⁴⁴, т.е. рубля в 6 панахабади и «карабахского тумана»⁴⁵ в 8 панахабади⁴⁶. На выбор русского стандарта указывает перешедшее с русской монеты название ее шестикратной счетной единицы – *манат*, т.е. рубль, который был равен шести рублевым панахабади, а выбор персидского – переносом смысла персидского термина *туман*, который в Карабахе стал равен восьми рупиевым панахабади⁴⁷. При этом

³⁸ FINT, inv. Nr. HM6D6; 1,73 г, 25 мм.

³⁹ Аскеранский клад (ГИМА, инв. №20014/1-63); 1,50 г, 24 мм.

⁴⁰ FINT, inv. Nr. HM6D5; 0,96 г, 17 мм.

⁴¹ ГИМА, инв. №AR8605; 1,31 г, 24 мм.

⁴² Петрушевский 1949, 147, 182–184.

⁴³ О сложном положении Ибрагим-Халила в это время см.: Исмаилов 2014, 148–149.

⁴⁴ Слово манат происходит от первой части надписи на русских рублях «монета рубль».

⁴⁵ Туман (от монг. түмэн «десять тысяч») – самая крупная персидская счетная единица.

⁴⁶ MirzaYusif Qarabađi 2006, 23.

⁴⁷ Карабахский туман из 8 панахабади был равен иранскому риалу, который в свою очередь составлял 1/8 иранского тумана (Album 2013, 292, note 722). Налицо перенос смысла слова «туман» исключительно в значении восьмикратной величины.

для автора, писавшего значительно позже событий 1794–1797 гг., оказалась уже позабытой разница между панахабади разного веса.

В 1797 г. Ага-Мухаммад-хан Каджар совершил поход в Азербайджан и Закавказье. Здесь он завладел Шушинской крепостью, из которой бежал Ибрагим-Халил, и здесь же 17 июня 1797 г. он был убит своими приближенными. Сменивший его в Персии Фатх-‘Али-шах «отправил посла к Ибрагим-хану с требованием трупа Ага-Мухаммед-шаха и выразил свое настоятельное пожелание о том, чтобы Ибрагим-хан повиновался ему. Положение Карабагского вилайета было плачевным, а хана окружали враги и недоброжелатели. [Поэтому Ибрагим-Халил] счел целесообразным установить с Фатх-‘Али-шахом хорошие отношения», – как пишет Мирза Джамал⁴⁸. Эти «хорошие», а точнее – вассальные отношения выразились в чеканке монет типа *B* с именем Фатх-‘Али-шаха. Впрочем, это осуществилось не в 1211/1797 г., а лишь в 1215/1800-01 г. С точно таким же опозданием монеты с именем Фатх-‘Али-шаха стали чеканиться и в Гяндже⁴⁹, где до этого в 1212–1214/1797–1800 гг. продолжали чеканиться монеты с именем покойного Ага-Мухаммад-хана. По всей видимости, причиной к признанию сюзеренитета Фатх-‘Али-шаха лишь после Новруза 1801 г. (6.11.1215 г.х.) стало подписание 8 января этого года Павлом I указа о присоединении соседнего Картли-Кахетинского царства к Российской империи. Несмотря на выпуск панахабадских и гянджинских монет *de jure* с именем Фатх-‘Али-шаха, эти монеты не были встроены в персидскую монетную систему. В подражание синхронному использованию в Персии тяжелых серебряных монет, и в Гяндже, и в Панахабаде произошло утяжеление монеты.

Рис. 5. Сахибкирани с двумя годами – 1216 г.х. (на л.с.) и 1217 г.х. (на о.с.), тип *B*⁵⁰

Тип *B*, монетный двор Панахабад, выпуск от имени Фатх-‘Али-шаха (рис. 5).

Л.с.: на фоне тонкого цветочного узора (перс. *ислими*) шиитский символ веры в пять строк –

لا إله إلا الله / علي / محمد رسول الله / ولي / الله (с *кешидэ* в последних буквах *йа* слов *علي* и *ولي*). Вокруг линейный ободок. Среди строк может быть помещен год. Надписи выполнены изящным *наста‘ликом*.

О.с.: внутри линейного ободка вверху надпись *العزه لله* (слава Аллаху) тонким почерком, ниже в две строки:

السلطان فتحعلي شاه قاجار / ضرب پناه آباد

⁴⁸ Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, 89.

⁴⁹ Акопян 2016, 295–298.

⁵⁰ ЦБ РА; 4,36 г, 22 мм.

султан Фатх-‘Али-шах Каджар, чекан Панахабада, еще ниже помещен год. Надписи выполнены изящным *наста* ‘ликом. Следов ободка на известных экземплярах не видно.

Монеты этого типа, согласно нумизматическим каталогам, известны для 1214–1217/1799–1803 гг.⁵¹, однако были подтверждены для 1215–1218/1800–1804 гг.

Указание на монетах типа *В* имени Фатх-‘Али-шаха Каджара послужило основанием для их именования «сахибкирани» (صاحبقرانی), происходящего от прозвища Фатх-Али-шаха «сахибкиран» (صاحبقران), т.е. *владыка (счастливого) совпадения (планет)*, под которыми он родился. Надо отметить, что в Персии Фатх-‘Али-шах не чеканил монету с таким названием⁵².

Средний вес монет типов *В*, *С*, *Д* и *Е* составляет 4,13 г ($N = 64$, $\sigma = 0,2076$, $\mu_{1/2} = 4,15$ г). Соблюдение веса было нестрогим, так что известны монеты в 3,85 г (–7%) и 4,6 г (+14%). Вес сахибкирани не имеет параллелей среди весов персидских монет и может быть связан только с весом российской монеты, а именно с весом несколько более тяжелым, чем вес русского полуполтинника, содержавшего 4,48 г чистого серебра. Название «сахибкирани», под которым они были известны современникам, в прямом виде указано на монетах типа *Е*. Под своим верным названием монеты этого номинала были описаны Е.А. Сенициной⁵³.

Соотношения между рублевым панахабади и сахибкирани было следующим. По весу они отличались в 2,8 раза (1,48 г против 4,13 г, см. далее), соотношение между собой через синхронные российские монеты было в начале чеканки сахибкирани 2½:1, а к 1840 г. составляло 2:1. Документально подтвержденное соотношение 2:1 в 1840 г. указывает на сохранявшиеся к этому времени в обращении только тяжелые рублевые панахабади и сахибкирани. Соотношение 2½:1 между рублевым панахабади и сахибкирани во время их совместного обращения свидетельствует о возможности существования неизвестной нам общей счетной единицы, кратной пяти рублевым панахабади или двум сахибкирани.

Следующие три типа серебряных монет чеканились после вхождения Карабахского ханства в состав Российской империи и вплоть до его ликвидации.

Тип *С*, монетный двор Панахабад, анонимный выпуск (рис. 6).

Л.с.: шиитский символ веры в пять строк, скомпонованный также, как на монетах типа *В*, но только в более грубом исполнении. Вокруг линейный и точечный ободки. На некоторых экземплярах на этой же стороне год выпуска.

О.с.: текстуально идентична с оформлением о.с. монет типа *А*, однако надпись крупнее и каллиграфически более небрежная. Дата может быть в центральном круге, за его пределами или в маленьком картуше под центральным кругом.

⁵¹ Krause, Mischler 1999, 76, no. 5; Album 2013, 299, no. 2962.

⁵² Первым «сахибкираном» называли Тамералана (1370–1405), но употребление термина сахибкирани на монетах начинается только со времени Аббаса II (1642–1666), в монетных легендах которого этот термин обозначает «государственную монету». Следующие шахи Сулейман I (1666–1694) и Аббас III (1731–1736) уже называли себя «сахибкиранами» на монетах (Добрынин 1953, 68–69, 72).

⁵³ Сеницина 1992, 52.

Рис. 6. Сахибкирани 1224 г.х., тип C⁵⁴

Монеты этого типа известны для каждого года в период 1220–1232/1805–1817 гг.

Монета следующего типа *D* известна только для 1222/1807 г.

Тип *D*, монетный двор Панахабад, анонимный выпуск (рис. 7)

Л.с.: шиитский символ веры и место чеканки в четыре строки (описание сделано по единственной известной фотографии) –

[لا إله إلا الله] / [علي محمد رسول الله] / [والله] / [لبي] / [ضرب پناه آباد]

Скешидэ последних букв *ya* в словах *علي* и *ولي*. Следов внешнего ободка на известном экземпляре не сохранилось. Почерк и компоновка символа веры такая же, как у типов *B* и *C*.

О.с.: в центральном круге год ١٢٢٢ – 1222, над которым *coronamuralis*, под годом две пересекающиеся пальмовые ветви. За центральным кругом – широкое поле, ограниченное точечным ободком.

Имеется лишь фотография одного экземпляра, его вес неизвестен (в каталоге для него приведен вес, общий с типами *C* и *E* – 4,40 г⁵⁵).

Рис. 7. Сахибкирани 1222 г.х., тип D⁵⁶

Монета типа *D* была выпущена после утверждения Александром I 13 сентября 1806 г. Махди-Кули карабахским ханом, в следующий за этим событием Новруз (21.3.1807 = 11.1.1222 г.х.). Типологически этот выпуск относится к серии закавказских монет с *coronamuralis*, выпускавшихся в Нухе (Шеки) в 1800–1810-х и в Тифлисе в 1804–1843 гг.

⁵⁴ Busso-Peuss Nachf. Auction no. 384–385 (2005), lot 1420; вес неизвестен, 22 мм.

⁵⁵ Album, 2013, 299, no. 2962.

⁵⁶ Krause, Mischler 1999, 76, no. 5; вес и размер неизвестны.

Монеты следующего типа *E* (рис. 8–11) несут на себе уникальное двустилие на фарси, известное только для этого типа карабахских сахибкирани⁵⁷. Если сопоставить его написание на нескольких монетах, то оно восстанавливается следующим образом:

بنام مهرم صاحب الزمان
مكرم سگه صاحبقراني

во имя печати сахиб аз-замана⁵⁸, с почетом отчеканен сахибкирани.

Тип *E*, монетный двор Панахабад, анонимный выпуск (рис. 8–11).

Л.с.: Все поле занимает указанное двустилие, обычно скомпонованное следующим образом:

الزّما / صاحب / ني / صاحبقران بنام مهر / ني / مكرم سگه م

В его написании на монетах наблюдается множество вариантов. Год может располагаться на разных строках надписи, а может быть и на обеих сторонах одновременно.

О.с.: в центре надпись ضرب پناهآباد (на некоторых монетах год размещен вокруг слова ضرب) в линейном ободке, за которым еще один внешний ободок. На некоторых монетах внутренний линейный ободок может расширяться кверху с образованием картуша, в котором помещается инвокация يا الله.

59 60 61 62

Рис. 8. Сахибкирани 1235 г.х.,
тип *E*⁵⁹

Рис. 9. Сахибкирани 1237 г.х.,
тип *E*⁶⁰

Рис. 10. Сахибкирани 1237 г.х.,
тип *E*⁶¹

Рис. 11. Сахибкирани с двумя годами – 1235
г.х. (на л.с.) и 1237 г.х. (на о.с.), тип *E*⁶²

⁵⁷ Ранее принималось за искаженное двустилие с монет Карим-хана Зенда (Раджабли 2008, 12; 2009, 8).

⁵⁸ *Сахиб аз-заман*, т. е. владыка времени – эпитет Махди, скрытого имама в шиитском вероучении.

⁵⁹ Zeno.ru – Oriental Coins Database, no. 35779; 4,25 г, 21 мм.

⁶⁰ Коллекция автора, инв. № 288; 4,18 г, 22 мм.

⁶¹ Коллекция С. Горона; 4,11 г, 22 мм.

⁶² Steve Album Rare Coins, list 218, lot 48898; 4,11 г, 23 мм.

Монеты типа *E* известны для всех годов в промежутке 1231–1238/1815–1823 гг., т.е. вплоть до упразднения русским правительством чеканки в Карабахском ханстве 31 июня 1823⁶³. Их сохранилось значительно больше, чем более ранних монет, что объясняется интенсивным использованием русских монет для производства карабахских монет при Махди-Кули-хане, а также их последующим обращением до второй половины XIX в.

Тогда как монеты Карабахского ханства, выпущенные до присоединения к России, довольно редки, монетная продукция ханства «русского периода» (кроме памятного типа *D*) гораздо более массовая. Объясняется это тем, что карабахский хан, как и другие ханы, «имевшие право чеканить монету, значительно истреблял наши серебряные рубли, превращая их в деньги низкого качества, наводнявшие край», – как писал об этом тифлисский главноуправляющий Г.В. Розен⁶⁴. После 31 июня 1823 г. местная чеканка серебра в Карабахе была полностью прекращена, и рынок наполнялся только российской и русско-грузинской монетой.

Примечательно, что и до, и после 1823 г. цена карабахских монет всегда была завышена по отношению к русской монете. Такие действия явились следствием весьма аккуратной политики русской администрации в Закавказье, имевшей своей целью постепенную замену местной монеты российской. «Нет сомнения, что, принимая внутреннюю азиатскую монету по народному курсу, казна понесет убыток; но лучше, по мнению моему, допустить некоторую потерю, чем давать повод народу роптать и останавливать предприятия правительства жалобами, в полной мере основательными и справедливыми», – указывал Г.В. Розен⁶⁵.

Так, если панахабади во время своего производства в серебряном исчислении был эквивалентен 10-ти копейкам⁶⁶, то в 1823 г. он был равен 15,87 копейкам⁶⁷. Уже после упразднения Карабахского ханства, до 1840 г. панахабади стоили 16½ копеек, а после 1840 г. они принимались в Карабахе за 17¼ копеек⁶⁸. Сахибкирани в 1836 г. содержал серебра на 35 копеек, но принимался как 40 копеек в Карабахе и Шеки.

После прекращения ханской чеканки завышенный курс сохранялся для поощрения обмена населением местной монеты на русскую. Как показало время, это была верная политика, поскольку уже к 1837 г. во всем Карабахе, Ширване, Шеки и Талыше осталось местной монеты всего на 19100 рублей серебром⁶⁹.

⁶³ Взятый на год монетный откуп в Карабахе был сохранен до истечения своего срока 31 июня 1823 г., после чего был уничтожен (АКАК VI-I, 855, № 1305).

⁶⁴ АКАК VIII, 65, № 41.

⁶⁵ Отношение барона Розена к графу Канкрину от 4 июня 1836 г., № 280 (АКАК VIII, 65–69, № 41). В Грузии русская администрация также терпела постоянные убытки при обмене монет, поскольку один российский рубль обменивался на 5 абазы с потерей 17 копеек серебра (т.е. 17%!).

⁶⁶ Ахмед-бек Джеваншир неточен, указывая на стоимость первых отчеканенных панахабади в 15 копеек (Ахмед-бек Джеваншир 1901, 15), что, конечно же, является отражением более позднего курса.

⁶⁷ АКАК VI-I, 852, № 1305.

⁶⁸ О курсе в 1836 г. см.: Отношение барона Розена к графу Канкрину от 4 июня 1836 г., № 280 (АКАК VIII, 65–69, № 41).

⁶⁹ В связи с продуманной царской политикой на присоединенных территориях интересно вспомнить события весны 2014 г., когда после воссоединения Крыма с Россией федеральные власти зафиксировали в Крыму завышенный курс гривны к рублю 3,8:1 (против 3,51:1 у ЦБ РФ на 22.03.2014) для ее выгодного обмена на рубли местным населением (Жмуцкий 2014). В обоих случаях, исходя

Основной денежной единицей монетной системы серебряных выпусков Карабахского ханства остался тяжелый панахабади, называемый русской администрацией «ханский рубль». В 1822 г. 1 российский рубль равнялся 6-ти рублям 30-ти копейкам ханским серебром, т.е. 1 ханский рубль = 15,87 российских копеек, что было ценой тяжелого панахабади⁷⁰.

В Карабахе, как и в Османской империи⁷¹, в Персии⁷² и тем более в соседнем Ереване⁷³ исключительно высокой была вовлеченность местных армян в процесс монетного производства. В 1238/1822–23 г., в последний год чеканки карабахской монеты, зерраб-хана была на откупе у армян Ага-Хасана, Оганеса и Симона⁷⁴. То же наблюдалось и в начале карабахской чеканки, когда она была отдана на откуп Мирзахану, армянскому мелику Хндзристана, одному из второстепенных ханских союзников⁷⁵.

Хронология смены типов и анализ кладового материала позволяют выделить следующие этапы монетного обращения в Карабахском ханстве⁷⁶. В течение *первого этапа* (1748–1793 гг.) в ходу были монеты соседних государств (иранские, турецкие, индийские), *второй этап* (1794–1798 гг.) ознаменовался денежной реформой, которая ввела в обращение анонимные рупиевые и рублевые панахабади типа *A*, на *третьем этапе* (1798–1800 гг.) чеканились только рублевые панахабади, для *четвертого этапа* (1800–1804 гг.) характерен выпуск сахибкирани от имени Фатх-‘Али-шаха Каджара, *пятый этап* (1805–1823 гг.) связан с чеканкой различных типов анонимных сахибкирани в составе России, *шестой этап* (с 1823 г.) начался после отмены монетной чеканки в Карабахе, когда в обращении остались только российские и русско-грузинские монеты.

В заключение необходимо отметить, что серебряные карабахские монеты отличались яркой самобытностью, проявившейся не только в их внешнем оформлении, но (в большей степени) в системе их весов, названиях их номиналов и в уникальном двустийшии, отличающем тип монет *E*.

ЛИТЕРАТУРА

- Аббас-Кули-ага Бакиханов 1991: *Гюлистан-и Ирам*. Баку.
 Акопян, А.В. 2011: Серебряный чекан Гянджинского ханства. В сб.: В.В. Наумкин, Д.Д. Васильев, Е.А. Давидович, Э.Е. Кормышева, В.Н. Настич, А.А. Столяров (ред.), *Эпиграфика Востока XXIX*, М., 29–38.
 Акопян, А.В. 2013: О знаках монетариев на монетах Хусейна Сефевии (1694–1722), чеканенных в Иране, Армении и Грузии. В сб.: И.В. Иванов, Б.С. Зулумян, Е.Д. Джагацпаян, А. Ганич, В.К. Казарян (ред.), *Армения–Иран: История. Культура. Современные перспективы развития. Сборник статей*. М., 5–12.

из политических интересов и умышленно действуя себе в убыток, государство создавало условия для замены переоцененной местной валюты российскими платежными средствами.

⁷⁰ АКАКVI-I, 852, № 1305.

⁷¹ Bölükbaşı 2013; 2014.

⁷² Matthee, Floor, Clawson 2013, 14–15, 18.

⁷³ Акопян 2013.

⁷⁴ АКАК VI-I, 855.

⁷⁵ МирзаАдигезаль-бек 1950, 58.

⁷⁶ Уточняя нашу предыдущую хронологию (Акопян, Петров 2014).

- Акопян, А.В. 2016: Метрология и названия серебряных монет Гянджинского ханства. *ПИФК* 2 (52), 285–301.
- Акопян, А.В., Варданян, А.Р. 2016: Наследие Кара-Коюнлу в Армении. Топоним Чухур-и Са‘д и его нумизматическое отражение в XIX в. В сб.: *Нумизматический сборник, посвященный 60-летию П.Н. Петрова*. Казань. (принято в печать).
- Акопян, А.В., Петров, П.Н. 2014: Этапы монетного обращения и денежная политика в Карабахском ханстве (1747–1822 гг.) в связи с российским влиянием. В сб.: И.В. Волков, В.В. Зайцев, Е.В. Захаров, С.С. Левин, Т.Ю. Стукалова, И.С. Шиканова, И.В. Ширяков (ред.), *Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2014 года*. М., 33–38.
- Алибекова, П.М. 2014: Из историко-хроникальных записей Дибир-кади из Хунзаха (XVIII – нач. XIX в.). *Вестник института ИАЭ* 2, 5–13.
- Ахмед-бек Джеваншир 1901: *О политическом существовании Карабагского ханства с 1747 по 1805 год*. Шуша.
- Бабаян, Д. 2007: *Политическая история Карабахского ханства в контексте арцахской дипломатии XVIII века*. Ереван.
- Бутков, П.Г. 1869: *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*. Ч. II. СПб.
- Воронкевич-Бассанец, К. 1840: Описание мер, весов и монет Закавказского края. *Журнал Министерства внутренних дел XXXVII*, 379–416.
- Добрынин, М.А. 1953: Стихотворные легенды на монетах Сефевидов. В сб.: В.А. Крачковская (ред.), *Эпиграфика Востока VIII*, М., 63–76.
- Жмуцкий, Д. 2014: *Одновременное обращение рубля и гривны начинается в Крыму*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20140324/1000748886.html>
- Исмаилов, Э.Э.о. 2014: Ханы Карабахские: происхождение рода, подчинение ханства Российской империей и упразднение ханской власти. *Кавказ & глобализация* 8, 1–2, 140–170.
- Магальян, А. 2010: Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства. В сб.: О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти (ред.), *Русский сборник. Исследования по истории России VIII*. М., 7–25.
- Мирза Адигезаль-бек, 1950: *Карабаг-намэ*. Баку.
- Мирза Джемал Джеваншир Карабагский, 1959: *История Карабага*. Баку.
- Нерсисян, М.Г. (ред.) 1990: *Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760–1800 гг. Сборник документов*. Т. IV. Ереван.
- Петросян, Г. 2014: В зоне конфликта: археологический музей Арцахского Тигранакерта. *Музей* 11, 66–69.
- Петрушевский, И.П. 1949: *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в.* Л.
- Раджабли, А. 2008: Монетное дело Карабахского ханства. *IRS-Наследие* 5 (35), 12–13.
- Раджабли, А. 2009: Монетное дело во второй половине XVIII – начале XIX века (чеканка монет и денежное обращение в азербайджанских ханствах). *IRS-Наследие* 3 (39), 4–9.
- Синицина, Е.А. 1992: *Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербендского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.*: дис. канд. ист. наук. Баку.
- Чобанян, П. 2002: О некоторых вопросах истории Арцаха. *Историко-филологический журнал* 3 (145), 145–160.
- Album, S. 2013: *A Checklist of Islamic coins*. Santa Rosa (CA).
- Bölükbaşı, Ö.F. 2013: Osmanlı Tasra Darphaneleri (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 29, 27–76.
- Bölükbaşı, Ö.F. 2014: İstanbul Sarrafları (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 30, 19–96.

- Diler, Ö. 2001: *Şehir Lâkapları. Titles and Epithets of Islamic Towns*. İstanbul.
- Krause, C.L., Mischler, C. 1999: *Standard Catalog of World Coins. 19th Century*. Iola (WI).
- Matthee, R., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From the Sefevids to the Qajars*. London.
- Mir Mehdi Xəzani 2006: Kitabi-tarixi-Qarabağ. B c6.: N. Axundov, A. Fərzəliyev (ред.), *Qarabağnamələr. İkinci kitab*. Bakı, 105–232.
- Mirza Yusif Qarabaği 2006: Tarixi-Şərif. B c6.: N. Axundov, A. Fərzəliyev (ред.), *Qarabağnamələr. İkincikıtab*. Bakı, 9–104.

REFERENCES

- Abbas-Kuli-agaBakıhranov 1991: *Gyulistan-i Iram*. Baku.
- Ahrmed-bek Dzhevanshir 1901: *O politicheskoy sushchestvovaniy Karabagskogo hranstva s 1747 po 1805 god*. Shusha.
- Akopyan, A.V. 2011: Serebryany chekan Gyandzhinskogo Hranstva. In: V.V. Naumkin, D.D. Vasil'ev, E.A. Davidovich, E.E. Kormysheva, V.N. Nastich, A.A. Stolyarov (red.), *Epigrafika Vostoka XXIX*, Moscow, 29–38.
- Akopyan, A.V. 2013: O znakh monetariy na monetah Hruseyna Sefevi (1694–1722), chekanennyh v Irane, Armenii i Gruzii. In: I.V. Ivanov, B.S. Zulumyan, E.D. Dzhagatspanyan, A. Ganich, V.K. Kazaryan (red.), *Armeniya–Iran: Istoriya. Kul'tura. Sovremennye perspektivy razvitiya. Sbornik statey*. Moscow, 5–12.
- Akopyan, A.V. 2016: Metrologiya i nazvaniya serebryanyh monet Gyandzhinskogo hranstva. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* 2 (52), 285–301.
- Akopyan, A.V., Petrov P.N. 2014: Etapy monetnogo obrashcheniya i denezhnaya politika v Karabahrskom hranstve (1747–1822 gg.) v svyazi s rossiyskim vliyaniem. In: I.V. Volkov, V.V. Zaytsev, E.V. Zaharov, S.S. Levin, T.Yu. Stukalova, I.S. Shikanova, I.V. Shiryakov (red.), *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2014 goda*. Moscow, 33–38.
- Akopyan, A.V., Vardanyan, A.R. 2016: Nasledie Kara-Koyunlu v Armenii. Toponim Chuhrur-I Sa'd i ego numizmaticheskoe otazhenie v XIX v. In: *Numizmaticheskiy sbornik, posvyashchennyy 60-letiyu P.N. Petrova*. Kazan. (submitted publication).
- Album, S. 2013: *A Checklist of Islamic coins*. Santa Rosa (CA).
- Alibekova, P.M. 2014: Iz istoriko-hronikal'nyh zapisey Dibir-kadi iz Hrunzahra (XVIII – nach. XIX v.). *Vestnik instituta IAE* 2, 5–13.
- Babayan, D. 2007: *Politicheskaya istoriya Karabahrskogo hranstva v kontekste artsahrskey diplomatii XVIII veka*. Erevan.
- Bölükbaşı, Ö.F. 2013: Osmanlı Tasra Darphaneleri (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 29, 27–76.
- Bölükbaşı, Ö.F. 2014: İstanbul Sarrafları (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 30, 19–96.
- Butkov, P.G. 1869: *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god*. Ch. II. Saint-Petersburg.
- Chobanyan, P. 2002: O nekotoryh voprosah istorii Artsahra. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal* 3 (145), 145–160.
- Diler, Ö. 2001: *Şehir Lâkapları. Titles and Epithets of Islamic Towns*. İstanbul.
- Dobrynin, M.A. 1953: Stihrotvornye legendy na monetah Sefevidov. In: V.A. Krachkovskaya (red.), *Epigrafika Vostoka VIII*, Moscow, 63–76.
- Ismailov, E.E.o. 2014: Hrany Karabahrskie: proishozhdenie roda, podchinenie hranstva Rossiyskoy imperii i uprazhnenie hranskey vlasi. *The Caucasus & Globalization* 8, issue 1–2, 140–170.

- Krause, C.L., Mischler, C. 1999: *Standard Catalog of World Coins. 19th Century*. Iola (WI).
- Magalyan A. 2010: Artsahrskie melikstva i vznikovenie Karabahrskogo hranstva. In: O.R. Ayr-apetov, M. Jovanović, M.A. Kolerov, B. Manning, P. Chaisty (red.), *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii VIII*. Moscow, 7–25.
- Matthee, R., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From the Sefevids to the Qajars*. London.
- Mir Mehdi Xəzani 2006: Kitabi-tarixi-Qarabağ. In: Axundov N., Fərzəliyev A. (red.), *Qarabağnamələr. İkinci kitab*. Bakı, 105–232.
- Mirza Adigezal'-bek 1950: *Karabag-name*. Baku.
- Mirza Dzhemal Dzhevanshir Karabagskiy, 1959: *Istoriya Krabaga*. Baku.
- Mirza Yusif Qarabaği 2006: Tarixi-Şərif. In: Axundov N., Fərzəliyev A. (red.), *Qarabağnamələr. İkincikıtab*. Bakı, 9–104.
- Nersisyan, M.G. (red.) 1990: *Armyano-russkie otnosheniya v XVIII veke. 1760–1800 gg. Sbornik dokumentov*. T. IV. Erevan.
- Petrosyan, G. 2014: V zone konflikta: arheologicheskiy muzey Artsahskogo Tigranokerta. *Muzey* 11, 66–69.
- Petrushevskiy, I.P. 1949: *Ocherki po istorii feodal'nyhr otnosheniy v Azerbaydzhane i Armenii v XVI – nachale XIX vv*. Leningrad.
- Radzhabli, A. 2008: Monetnoe delo Karabahrskogo hranstva. *İRS-Nasledie* 5 (35), 12–13.
- Radzhabli, A. 2009: Monetnoe delo vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka (chekanka monet i denezhnoe obrashchenie v azerbaydzhanskihr hranstvahr). *İRS-Nasledie* 3 (39), 4–9.
- Sinitsina, E.A. 1992: *Denezhnoe obrashchenie Azerbaydzhana (Gyandzhinskogo, Karabahrskogo, Shemahrinskogo, Shekinskogo, Bakinskogo, Derbendskogo I Kubinskogo hranstv) vo vtoroy polovine XVIII – pervoy XIX v.*: dis. kand. ist. nauk. Baku.
- Voronkevich-Bassanets, K. 1840: Opisanie mer, vesov i monet Zakavkazskogo kraya. *Zhurnal Ministerstva vnutrennihr del XXXVII*, 379–416.
- Zhmutskiy, D. 2014: *Odnovremennoe obrashchenie rublya i grivny nachinaetsya v Krymu*, <http://ria.ru/economy/20140324/1000748886.html>

SILVER COINS OF QARABAGH KHANATE: TYPOLOGY, METROLOGY, DENOMINATIONS

Alexander V. Akopyan

*The Institute of History, the Tatarstan Academy of Sciences, Russia,
alexakopyan@gmail.com*

Abstract. The typology, metrology and denominations of Qarabāgh Khānate's silver coins are analyzed for the first time in this paper. The author proves that only the second Qarabāgh khān, Ibrahīm Khalīl was able to mint silver coins only in 1792, after the death of the Armenian melic Shahnazar, who had set his father in Shushi. It is established, that the name of the mint of Qarabāgh coins “Panāhābād” is an epithet of the mint place, but not the name of fortress of the village of Shushi. The later tradition of the end of the 19th century connected with the reconsideration of an epithet “Panāhābād” as a toponym due to the need of an explanation of the name of the local coins of a *panāhābādī* is recorded.

Five types of Qarabāgh silver coins were distinguished. Coins of the first type *A* were minted in 1794–1798 in two weight standards equal to either $\frac{1}{8}$ of Iranian rupee (1.48g) or $\frac{1}{10}$

of Russian rouble (1.89g). Basing on the analyses of the 19th century's reports it was confirmed that these coins were called *panāhābādīs*. For the coins of two mentioned standards tentative names "*rouble*" *panāhābādī* and "*rupee*" *panāhābādī* are offered. In 1798–1800 only "*rouble*" *panāhābādīs* of type *A* were minted. In 1800–1804 *sāhibqirānīs* of type *B* with the name of Fath 'Alī Shāh Qājār (with standard weight 4.13g, i.e. 25 Russian kopecks) were struck.

Due to the peaceful accession under Russian allegiance in 1805, the coinage was preserved in Qarabāgh Khānate. Here in 1805–1823 *sāhibqirānīs* of types *C*, *D* and *E* were minted, the last one - with a unique Persian couplet. The termination of the coinage in Qarabāgh Khānate was caused by the elimination of the Khān's power in 1822 and the subsequent finality of the monetary lease in 1823. The author of the article analyses the dynamics of exchange rates between Russian and Qarabāgh coins in connection with the imperial financial policy in the South Caucasus in the 19th century.

Key words: metrology, silver coins, *panāhābādī*, *sahibqiranī*, Afshārid, Zand, Qājār, *Panāhābād*, Qarabāgh Khanate, Southern Caucasus, Iran

ФИЛОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 348–355
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 348–355
© Автор(ы) 2016

НЕ О ХЛѢБѢ ЁДИНОМЪ ЖИВѢ БЖДЕТЬ ЧЛОВѢКЪ (фразеологический корпус общелитературного языка славян Средневековья как лингвокультурологический источник)*

А.А. Осипова*, А.Н. Михин**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
osashenka@yandex.ru*

** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
fraz2014@yandex.ru*

Аннотация. В настоящее время к старославянским текстам, особенно под влиянием роста национально-религиозного самосознания, обращается самая широкая аудитория – значительная часть христиан, желающих напрямую приобщиться к Священному Писанию. Исследование, а тем более словарное описание старославянской фразеологии – одна из самых нерешенных проблем русистики и славистики. В связи с этим становится востребованным «Фразеологический словарь старославянского языка», созданный лингвистами Магнитогорской научной школы и призванный заполнить некую лакуну в немногочисленном ряду справочной литературы, помогающей освоить древнеславянские тексты и правильно их понимать.

Осипова Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Михин Артем Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

* Работа выполнена в рамках поддержанного Министерством образования и науки РФ гранта «Историко-лингвистический комплекс как компонент действующей системы электронной поддержки изучения русского языка различными группами обучающихся и дистанционного образования на русском языке» (реализация федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, соглашение № 09.z71.25.0152).

Представленный в словаре корпус устойчивых словесных комплексов (УСК) составляет свыше 500 единиц. Это фонд УСК, выявленный методом сплошной выборки практически из всех старославянских памятников X–XI вв. Словарному описанию подверглись те обороты, которые составляют активный словарный запас современного русского языка (*ангел Божий; блудный сын; Бог вестъ; не оставить камня на камне* и др.), и те УСК, которые вышли из активного употребления, но важны для понимания древних славянских текстов (*оцетно вино; возмущение воды; гробы повапленные* и др.). В работе составители представляют структуру словарной статьи, обращая внимание на определенные ее особенности, отсутствующие в словарях, описывающих лексический фонд общего литературного языка славян Средневековья.

«Фразеологический словарь старославянского языка» – это самый первый опыт создания специализированного справочного пособия и, вероятно, импульс для интенсивной исследовательской работы в этой специфической области славянской фразеологии. Книга может быть полезна для школьников, студентов, аспирантов, преподавателей вузов, использована в образовательном процессе в средней школе, в учебных духовных заведениях, при чтении христианской литературы. Актуальным словарь является и для студентов-славистов всех европейских и американских университетов, в учебную программу которых входит и изучение старославянского языка.

Ключевые слова: Фразеологический словарь старославянского языка, Магнитогорская научная школа, устойчивые словесные комплексы, историко-лингвистическое образование

Значимость фразеологического фонда старославянского языка трудно переоценить. В плане просветительно-образовательном понимание старославянских текстов необходимо не только славистам-языковедам, но и всем тем специалистам, кто изучает историю, культуру, быт европейских (в первую очередь – славянских) народов в их истоках и культурно-национальных доминантах. К старославянским текстам, особенно под влиянием роста национально-религиозного самосознания, обращается самая широкая аудитория – значительная часть христиан, желающих напрямую приобщиться к священным книгам христианства. Наконец, старославянский является учебным предметом для студентов славянских отделений университетов всего мира, семинаристов, слушателей духовных академий, а сейчас и для учащихся гимназий и лицеев гуманитарного профиля.

Исследование, а тем более словарное описание старославянской фразеологии – одна из самых нерешенных проблем славистики. Филологическая традиция комментирования древнейших старославянских памятников, бывшая пробным камнем учености XIX в., прервалась и угасала в послереволюционный период. Не случайно поэтому центры таких исследований переместились за рубеж, а фундаментальный общий словарь старославянского языка создан не в России, а в Академии наук Чехии, в Праге. При этом фразеологический корпус этого словаря практически не был определен. Во многом это объясняется тем фактом, что фразеология как самостоятельная дисциплина выделилась в самостоятельную науку лишь в конце 40-х гг. XX в. и не могла дать составителям словарей теоретической базы не только для составления специализированного словаря фразеологии старославянского языка, но и для описания сверхсловных языковых единиц, попадавших в толковые словари славянских языков. Немалые трудности и сейчас пред-

ставляет само выделение УСК из общей базы данных старославянского языка: в древнейший период устойчивое и неустойчивое во многом еще находилось *in statu nascendi*, а идиоматическое ядро фразеологии еще не приняло даже более или менее четких очертаний.

Фразеологизмы в любом языке – это особые единицы, которые следует знать в их целостности, иначе их пословное прочтение приводит к полному непониманию, превратному истолкованию смысла текста. Ср.: **възносити рогъ** – буквально ‘поднимать рог’, в действительности УСК имеет значение ‘показывать свою силу, могущество’¹; **квасъ фарисейскъ (иродовъ, саддукейскъ)** – буквально ‘квас фарисейский (иродов, саддукейский)’, на самом деле УСК означает фальшивое, неистинное религиозное учение, противоречащее христианской вере (обычно о взглядах фарисеев и саддукеев)². И таких примеров множество.

«Фразеологический словарь старославянского языка»³, созданный коллективом Магнитогорской научной школы под руководством д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой, ставит своей целью заполнить некую лакуну в немногочисленном ряду справочной литературы, помогающей освоить древнеславянские тексты и правильно их понимать. Представленный в словаре корпус УСК составляет свыше 500 единиц. Это фонд УСК, выявленный нами методом сплошной выборки практически из всех старославянских памятников X–XI вв. При создании фразеологического издания составителями было учтено словарное и научное наследие предшественников.

Словарному описанию подверглись в основном те обороты, которые составляют активный словарный запас современного русского языка, ср.: **ангелъ божи; влѣдѣнъ сынъ; Богъ вѣстъ; вода жива; възати власть; гласъ въпнищааго въ поустыни; камень подати комоу; миръ дому (семоу); не оставити камене на камене; сынъ Божи; чада свѣта** и др. Многие из них имеют архаичную форму и не совсем понятны современному носителю русского языка смысл. Но именно это и становится объектом описания и комментирования в словаре.

Структура словарной статьи традиционна, что облегчает пользование им и включает его в известную серию фразеологических словарей современного русского языка. Авторы выделяют вокабулу, располагая фразеологизмы в строго алфавитном порядке. Затем следует развернутая дефиниция с точным толкованием смысла описанного фразеологизма. Далее после знака ► дается детализированное культурологическое и этимологическое комментирование оборота. Оно крайне необходимо для пользователя словаря. Нередко толкование УСК, помещенное в семантической зоне, нуждается в уточнении, поскольку «образ, лежащий в основе библейских выражений, а в некоторых случаях и значение многих фразеологизмов определяются не столько непосредственно контекстом Священного Писания, сколько внеязыковой действительностью: реалиями жизни, быта иудеев, обрядами, обычаями, представлениями социальных и религиозных групп Палестины и других стран Ближнего Востока <...> времени Ветхого и Нового Завета <...> Во внутренней форме и значении многих фразеологизмов могут быть переплетены

¹ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 127.

² Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 223.

³ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011.

в единое целое различные культурные контексты»⁴. Очень важно, что каждый из комментариев такого рода строго паспортизирован, что дает возможность читателю более точно связать получаемые им сведения с конкретным источником.

Важной частью словарной статьи является выборка контекстов из старославянских памятников. Контексты подтверждают верность предлагаемой авторами дефиниции, а точное указание источников квалифицирует те фрагменты сакральных текстов, из которых взяты языковые единицы. Помимо семантической, источниковедческой, иллюстративной зон, словарная статья содержит отсылки к различным лексикографическим изданиям (отмечены под знаком ◇), позволяющим проследить судьбу анализируемой единицы.

Для наглядности приведем в пример одну из словарных статей:

Бездна безднъ призываетъ

Тяжкие и многие беды притягивают к себе другие беды.

► Выражение употреблено в одном из псалмов, где в форме поэтической метафоры представлены воспоминания о днях бедствий и страданий, а сетования унывающей души сочетаются с упованием на Господа Бога и мольбами, обращенными к нему: «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: “Где Бог твой?” <...> Унывает во мне душа моя: посему я воспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар. *Бездна бездну призывает* голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» (Пс 41: 4; 7–8). Главные вершины горы Ермон, которая упоминается в псалме, возвышались над уровнем моря на 12 тысяч футов и были покрыты снегом. Таяние последних образовывало потоки воды, с шумом ниспадавшие по утесам. Эти потоки принимали грозные размеры в период проливных дождей. Тогда они с грохотом падали вниз, срывали деревья и несли с собой громадные камни. «Шум этих вод особенно был велик и грозен оттого, что вода падала с крутых скал. *Бездна бездну призывает* – за одной массой воды, за одним грозным потоком устремляется другой. Писатель этой картиной хотел обозначить силу и стремительность переживаемых им настоящих бедствий изгнания; *воды Твои и волны* – посланные Тобой бедствия многочисленны и грозны, как потоки Ермона»⁵.

Бездна безднъ призываеѣтъ въ гласъ хлѣбѣи твоѣхъ • Въсыа въсоты твоѣи и влѣны твоѣи по мнѣ прѣидѣ • (Пс 41: 8) Син пс 55b.

◇ **Бездна бездну призываетъ**⁶; **Бездна бездну призывает** (Пс 41: 8)⁷; **Бездна бездну призывает** (*устар.*) – о губительной власти дурных привычек, бессилии противостоять соблазнам⁸; **Бездна бездну призывает**. Бездною Давид называет великость несчастий, приключившихся с ним: одна, говорит, глубокая скорбь призывает к себе другую глубокую скорбь⁹.

В некоторых словарных статьях указываются (при наличии) синонимы и антонимы, что расширяет понимание семантики исходной единицы и иллюстрирует ее функцию в УСК, например: **Аггелъ, ангелъ сотонинъ** (Синонимы: до-

⁴ Григорьев 2006, 9–10.

⁵ Лопухин (ред.) 2008/3, 305.

⁶ Михельсон 1994/1, 45.

⁷ Арапов, Барботько, Мирский 1999, 38.

⁸ Тихонов (ред.) 2004/1, 40.

⁹ Клименко 2008, 21–22.

ѹхъ нечистѣи, доѹхъ зълъ. Антонимы: аггелъ, ангелъ божи; аггелъ, ангелъ господа, господьнѣ(и), господьскѣ(и); аггелъ, ангелъ небесьскѣи, небесьнѣи; аггелъ, ангелъ сватѣи)¹⁰; Бездѣна огньна (Синонимы: адово, адовьскок жилище; адово селище, адово чрѣво, адъ прѣисподьни, геона огньна(а), дѣрь огньнаа, огнь вѣчнѣи, огнь геоньскѣи. Антонимы: небесно(к) жилище, небесьскок мѣсто; цѣсарьствик, цѣсарьство божи; цѣсарьствик, цѣсарьство небесно, небесько(к))¹¹; Прилѣпити сѧ къ женѣ свои (Синонимы: похѣти женѣ, съпрагнѣти сѧ съ женоѣ. Антоним: отъ-поустити, поустити женѣ)¹²; Црькѣвище капицьно (Синонимы: капище поганьскок, капище црькѣвьно, црькѣвище коумирьскок. Антонимы: црькѣ божи; црькѣ господьнаа; црькѣ правовѣрнаа, правовѣрнѣи; црькѣ христо(со)ва; црькѣ хрьстианьскаа)¹³ и др.

Необходимо отметить, что, помимо УСК, более или менее узнаваемых и понятных современному носителю русского языка, авторы поместили в словарь и те обороты, которые вышли из активного употребления, но важны для понимания древних славянских текстов. Анализ данных единиц призван расширить кругозор и устранить пробелы в знаниях. Приведем в пример один из таких УСК:

Оцѣтно, оцѣтѣно вино

Прокисшее вино, уксусное вино.

► **Оцѣтъ** – ‘уксус’, ‘кислое вино’¹⁴, ‘кислота’¹⁵, ‘винный уксус’¹⁶. «**Оцѣтнѣи и оцѣтѣнѣи** = кислый, похожий вкусом на уксус’¹⁷. Заимствовано из лат. *acētum* ‘уксус’¹⁸. Уксусное вино – вино с кислым вкусом, испорченное вследствие долгого контакта с воздухом; прокисшее вино¹⁹. Древние виноделы заметили, что вино, оставленное в открытом сосуде, прокисает и превращается в кислую жидкость со специфическим запахом. На библейском языке вино – ‘учение, изменяющее разум’. Вино как символ в Библии имеет и положительное, и отрицательное значение. Вино со знаком «плюс» характеризуют слова Христа о чаше с вином: «Пейте из нее все, ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26: 26). Это учение помогает прийти к отпущению грехов, к покаянию, к соединению с Богом, в чем, собственно, и состоит смысл жизни христианина. Вино со знаком «минус» – вино, перегоревшее в уксус, скисшее. Упоминается евангелистами при описании распятия Христа и отказа Иисуса от вина: «перед распятием Христу дали питье, которое Матфей называет вином, смешанным с желчью, а Марк – вином со смирною (Мк 15: 23). Последнее вещество, будучи примешано к вину, сообщало ему дурманящие свойства. Иисус потому не принял такого вина, что хотел умереть в состоянии полного сознания. У евангелиста Матфея мысль несколько иная: Христос не хотел пить вина, сме-

¹⁰ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 35–36.

¹¹ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 42–43.

¹² Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 293.

¹³ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 338.

¹⁴ Цейтлин (ред.) 1994, 438.

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII 1988/14, 92.

¹⁶ Словарь древнерусского языка XI–XIV 2000/6, 323.

¹⁷ Дьяченко 1993, 401.

¹⁸ Фасмер 1996/3, 177.

¹⁹ Словарь дегустации, <http://winedictionary.wordpress.com/a-zdictionary/degustation/>

шанного с горькой желчью (Мф 27: 34), именно в силу дурного вкуса этого вина (ср. Пс 68: 22)²⁰.

и привѣса и на мѣсто голъгота еже естъ съказаемо краниево мѣсто • и даѣхъ емоу пити оцѣтъно вино • он же не приѣтъ (Мк 15: 22-23) Мар 181, оцѣтъно вино Зогр 76, оцѣтъно вино Сав 112.

Синоним: озмърено вино

Антоним: добро(к) вино

♦ оцѣтъно вино <...> вино, смешанное с миррой²¹; оцѣтъно вино <...> вино, смешанное с миррой²²; оцѣтъно вино <...> Вино, подправлено или примесено с мирро²³; Оцѣтъно и оцѣтено <...> вино прогорклое или прокислое²⁴.

Необходимо отметить, что при словарной обработке составители старались дать максимум полезной информации и детализировать семантические параметры описываемых оборотов. Так, в статье **Блждынъи сынъ** подчеркивается соединение в УСК двух значений от различных глаголов – *блуждать* и *блудить*, что, между прочим, отличает семантическую амплитуду русского библеизма от соответствующих немецких, французских или английских.

Весьма полезным, на наш взгляд, представляется предлагаемый в словаре «Указатель имен»²⁵, в котором можно найти сведения о персонажах, чьи имена вошли в состав УСК, описанных в книге. Для каждого онима дается сначала буквальный перевод из древнегреческого или латинского языков, а затем описывается культурологический фон его возникновения и функционирования. Эту работу коллектив авторов будет продолжать и, возможно, выпустит словарь-справочник библейских имен (поскольку в существующих словарях такого типа подобная историко-этимологическая интерпретация отсутствует).

Известно, что старославянский язык оказал огромное влияние на развитие духовной и книжной культуры славянства. Особенно глубокий след он оставил в Киевской Руси, создав мощный фонд старославянизмов белорусского, украинского и русского языков. Многие доминантные концепты до сих пор выражаются в этих языках по-старославянски. «Фразеологический словарь старославянского языка» – это самый первый опыт создания специализированного справочного пособия в мире и, вероятно, импульс для интенсивной исследовательской работы в этой специфической области славянской фразеологии. Словарь является хорошим подспорьем в практике обучения старославянскому языку, он, несомненно, важен в научно-исследовательской работе студентов, аспирантов, преподавателей вузов, в образовательном процессе в средней школе, в учебных духовных заведениях, при чтении христианской литературы. Книга может быть полезна для студентов-славистов всех европейских и американских университетов, в учебную программу которых входит и изучение старославянского языка. Следует заметить, что в их учебных материалах информация о фразеологизмах фактически отсутствует (напр., в «стандартном» немецком учебнике «Trunte: учебник по старославянско-

²⁰ Лопухин (ред.) 2007/1, 590, 723.

²¹ Цейтлин (ред.) 1994, 438.

²² Цейтлин (ред.) 1994, 438.

²³ Иванова-Мирчева (ред.) 2009/2, 171.

²⁴ Дьяченко 1993, 401.

²⁵ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011, 384–395.

му языку» (München 2005) «Словарь-приложение» представляет собой лексический список, где полностью отсутствуют фразеологизмы). Словарь необходим и переводчикам, и лингвистам, занимающимся вопросами истории славянских языков, а особенно, исторической фразеологией.

Созданный коллективом Магнитогорской научной школы фразеографический справочник дает объективное представление о фрагменте фразеологической системы раннего периода древнейшего книжного языка славян, раскрывает семантику значительного числа закодированных временем УСК. Важно и то, что «Фразеологический словарь старославянского языка» заполняет ощутимую лакуну в системе славянских лексикографических изданий.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапов, М.В., Барботько, Л.М., Мирский, Э.М. 1999: *Библейская цитата: словарь-справочник*. М.
- Григорьев, А.В. 2006: *Русская библейская фразеология в контексте культуры*. М.
- Дьяченко, Г. 1993: *Полный церковно-славянский словарь*. М.
- Иванова-Мирчева, Д. (ред.) 2009: *Старобългарски речник*: в 2 т. София.
- Клименко, Л.П. 2008: *Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири*: в 2 ч. Нижний Новгород.
- Лопухин, А.П. (ред.) 2007: *Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 7 т. Т. 1. Новый Завет. М.
- Лопухин, А.П. (ред.) 2008: *Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 7 т. Т. 3. Ветхий Завет. М.
- Михельсон, М.И. 1994: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний*: в 2 т. Т. 1. М.
- Словарь дегустации*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://winedictionary.wordpress.com/a-zdictionary/degustation/>
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* 2000: в 10 т. Т. 6. М.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1988. Вып. 14. М.
- Тихонов, А.Н. (ред.) 2004: *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*: в 2 т. М.
- Фасмер, М. 1996: *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Т. 3. СПб.
- Цейтлин, Р.М. (ред.) 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*: ок. 10 000 слов. М.
- Шулежкова, С.Г. Коротенко, М.А. Михин, А.Н. Осипова, А.А. и др. 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.

REFERENCES

- Arapov, M.V., Barbot'ko, L.M., Mirskij, E.M. 1999: *Biblejskaya citata: slovar'-spravochnik*. Moscow.
- Cejtlin, R.M. (red.) 1994: *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov): ok. 10 000 slov*. Moscow.
- D'yachenko, G. 1993: *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'*. Moscow.
- Fasmer, M. 1996: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. Т. 3. Saint-Petersburg.
- Grigor'ev, A.V. 2006: *Russkaya biblejskaya frazeologiya v kontekste kul'tury*. Moscow.
- Ivanova-Mircheva, D. (red.) 2009: *Starob'lgarski rechnik*: v 2 t. Sofiya.

- Klimenko, L.P. 2008: *Slovar' perenosnyhr, obraznyhr i simbolicheskikh upotreblenij slov v Psaltiri*: v 2 ch. Nizhnij Novgorod.
- Lopuhin, A.P. (red.) 2007: *Tolkovaya Bibliya, ili kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vethrogo i Novogo Zaveta*: v 7 t. T. 1. Novyj Zavet. Moscow.
- Lopuhin, A.P. (red.) 2008: *Tolkovaya Bibliya, ili kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vethrogo i Novogo Zaveta*: v 7 t. T. 3. Vethrij Zavet. Moscow.
- Mihrel'son, M.I. 1994: *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii: sb. obraznyhr slov i inoskazanij*: v 2 t. T. 1. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. Korotenko, M.A. Mihrin, A.N. Osipova, A.A. i dr. 2011: *Frazeologicheskij slovar' staroslavjanskogo yazyka: svyshe 500 ed.* Moscow.
- Slovar' degustacii*, <http://winedictionary.wordpress.com/a-zdictionary/degustation/>
- Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. 2000*: v 10 t. T. 6. Moscow.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* 1988. Vyp. 14. Moscow.
- Tihronov, A.N. (red.) 2004: *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*: v 2 t. Moscow.

NOT BY BREAD ALONE

(Phraseological corpus of the literary language of all Medieval Slavs as the linguocultural source)

Aleksandra A. Osipova*, Artem N. Mikhin**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
osashenka@yandex.ru

** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
fraz2014@yandex.ru

Abstract. Nowadays the growth of religious and national consciousness stimulates the interest to Old Church Slavonic texts. There are a lot of people, not only the Christians, who want to join these holy books. The scientific studying and dictionary description of old Slavic phraseology is one of the most unresolved issues in Russian philology and Slavistics. That is why “The phraseological dictionary of Old Church Slavonic language” created by Magnitogorsk linguists, helps to understand Slavic texts and fills a void in not numerous number of the reference books.

The dictionary includes more than 500 set verbal units (SVU). These units are chosen from all Old Church Slavonic texts of the X–XI centuries. The definitions are given to the units that are in the active vocabulary of modern Russian language (*Angel of God, the Lost Son, God Knows!, No stone unturned*), as well as to those units that are not into usage now, but still are important for the understanding of an ancient text (*Acid Wine, Furious Storm*). In the dictionary, the authors pay attention to some special features of the dictionary entry structure.

“The phraseological dictionary of Old Church Slavonic language” is the very first experience of creating of the specialized handbook. It is also the impulse to the studying in this field of Slavic phraseology. The book can be useful for schoolchildren, students, post-graduates, teachers and university lecturers. It can be used by young slavists from different American and European universities, where Old Church Slavonic language is taught.

Key words: Phraseological dictionary of Old Church Slavonic language, Magnitogorsk scientific school, set verbal units, historical-linguistic education

ДВОЙСТВЕННОСТЬ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Г.И. УСПЕНСКОГО «ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ»

Н.В. Абрамзон

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
magtu@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются главные ценности, представленные в цикле очерков Г.И. Успенского «Власть земли». Это центральное произведение Г.И. Успенского начала 1880-х годов, имевшее большое общественное значение. Глеб Успенский предстает перед читателями великолепным знатоком народных обычаев, традиций, законов, по которым живет крестьянская община, ее семейных и бытовых укладов, устного творчества деревенской России. Именно в очерке «Власть земли», как в ни каком другом произведении, мы видим изображение сущей правды, и именно здесь она проявляется в описании всей народной жизни.

Рассматриваются ключевые понятия, затронутые в произведении. Основной акцент в статье делается на образ главного героя Ивана Босых, в характере которого отражены ценности, нормы и идеалы не только времени Г.И. Успенского, но и понятия, актуальные для современной эпохи.

Ключевые слова: филология, аксиология, русская литература XIX века, Г.И. Успенский

Цикл очерков «Власть земли» – центральное произведение Г.И. Успенского начала 1880-х гг., имевшее большое общественное значение. Глеб Успенский предстает перед читателями великолепным знатоком народных обычаев, традиций, законов, по которым живет крестьянская община, ее семейных и бытовых укладов, устного творчества деревенской России. Только он смог увидеть действительно важнейшую черту в жизни русского народа – власть земли. Если сравнивать Г.И. Успенского с другими теоретиками народничества 1870–1880-х гг. (с Н.К. Михайловским, П.Л. Лавровым и др.), можно сказать, что Глеб Иванович в своем цикле «Власть земли» попытался объяснить особенности крестьянской жизни не своеобразием характера русского крестьянства, а именно условиями, в которых формируется земледельческий труд.

Г.И. Успенский утверждает, что жизнь крестьянина и его идеалы сложились под влиянием земледельческого труда и приспособлены к нему, а отрыв крестьянина от земли ведет к гибели типа крестьянина-земледельца, который складывал-

Абрамзон Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

ся веками. В этой точке зрения можно увидеть двойственность рассуждений писателя. В действительности, освобождение крестьян положило начало расстройству и беспорядкам в деревнях, так как при проведении реформы они получили в свои руки меньшее количество земли, чем то, которым владели до отмены крепостного права. В пореформенные годы количество малоземельных хозяйств продолжает расти, и это, по мнению писателя, является основным фактором хозяйственного и морального упадка деревни. Также Успенский считал, что важной причиной, способствовавшей ухудшению положения деревни, является малочисленность народной интеллигенции. Значительная ее часть после реформы обратилась в наемную интеллигенцию, служащую господствующим классам и защищающую интересы «хищников». У страдающего от недостатка земли и терзаемого хищниками народа отсутствовали представители интеллигенции, которые могли прийти ему на помощь, и это делало его положение еще более тяжелым. С одной стороны, земля способствовала разобщенности крестьянства, с другой – оно не могло жить по-другому, «вне земли».

Именно в очерке «Власть земли», как ни в каком другом произведении, мы видим изображение сущей правды, и именно здесь она проявляется в описании всей народной жизни. Как пишет Г. Новополин: «Успенский один из немногих писателей, удовлетворивших эту назревшую потребность в правдивом, чуждом лицемерия изображении народной жизни. Коренная черта Успенского, проходящая через все его произведения, начиная от первого и кончая последним очерком, черта, составляющая главное достоинство его произведений, и она исключает всякую возможность какой-либо тенденциозности <...>. Давая свои читателям невеселые картинки жизни русского мужика, он изображает их в связи с теми условиями общественной атмосферы, которая не дает этой жизни выбиться на более светлую дорогу»¹.

При этом правдивость очерка Г.И. Успенского сочетается с неподдельной простотой главного героя – Ивана Босых. Тот предстает перед читателем погруженным в невежество, жестокость, эгоизм. Но нельзя осуждать писателя, поскольку каждая характеристика народа у Г.И. Успенского проникнута любовью. «Проснувшись чувству чести приходится бороться с теми же внутренними привычками, вырабатывающимися в тех условиях жизни, где достоинство человека, его честь игнорируется и топчется на каждом шагу, где мерилom *ценности* человеческой личности являются часто внешние достоинства»².

С самого начала автор вводит читателя в курс дела. Главному герою Ивану Босых не до работы. Вчера он крепко выпил: «...ленивою, почти болезненно поступью <...> вместо того, чтобы взяться за топор, стал разминать плечи»³. Для него становится нормой «строить» из себя обиженного и оскорбленного, вызывать сочувствие, чтобы выманить денег и опять выпить. Получается замкнутый круг. Но как только проходит его пьяное состояние и похмелье, перед нами оказывается абсолютно другой человек: «... в такие – к несчастию, редкие – минуты нет

¹ Новополин 1903, 13.

² Новополин 1903, 43.

³ Успенский 1955, 99.

в деревне такого другого мужика, который был бы так, как Иван, “зол” на работу, то есть так к ней пристрастен и так ею оживлен»⁴.

По-видимому, Успенский считал, что у всех людей от рождения есть ценности и идеалы, высокая духовность, но среда и все плохое, что в ней есть, разрушает положительные качества. Отсюда автор говорит не только о тех качествах личности Ивана Босых и многих других героев, которые присутствуют в них в данный момент, но и приписывает им потенциальные способности, заложенные с рождения, которые смогут реализоваться только при благоприятных условиях внешней среды. Например, такая норма, как пьянство сгубила не только Ивана и разрушила все его прежние ценности, но и многих других людей из его среды. «Теперь пьянство Ивана превратилось уже в болезнь, а эту болезнь, унижающую не одного Ивана, а целые массы таких же, как и он, непостижимых в родной земле деревенских пролетариев сам народ охарактеризовал словом “ослаб”»⁵. Но слабость эта не физического свойства. «И когда герой спрашивает Ивана Босых, отчего это, он отвечает, что от свободной жизни». «А между тем, когда Иван “очувствуется” на неделю, на две, что это за славный, добрый, умный человек»⁶.

Получается, что такие ценности жизни, как воля, свобода, обилие денег причиняют только вред человеку. Он расхолаживается, становится избалованным и перестает нормально трудиться. А труд – это смысл жизни, основа нормального человеческого существования. Без него появляется пустота, которую и начинают заполнять такими нормами, как лень, пьянство, ругань. Особенно легко поддаться этим порокам человеку, который трудиться с рождения – крестьянину. «Таким образом, оказывается, что “воля, свобода, легкое житье, обилие денег”, то есть все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет ему, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается “вроде последней свиньи”»⁷.

В подтверждение этой мысли в произведении приводится сравнение немецкой и русской коров. «Видите, говорю, господин, ан и оказывается, что наши коровенки как раз по нашей природе и породе приходятся... Мясо нам не требуется, своего удовольствия она знать не знает, а живет только из-за работы; что ест, то и отдает, а об себе не думает. Родилась она для работы и живет весь век в ней – вот и вся жизнь ее»⁸. Также и Ивана мы не видим внутри его собственных ценностей жизни, он утратил непосредственное, цельное ощущение себя. Вся напряженность его духа устремлена на трудовую жизнь. Всякое чувство его – это только рефлекс на состояние работы. Главной ценностью должен быть труд, который и позволяет человеку быть человеком и двигаться дальше. «И вот наша крестьянская порода то же самое: мы круглый год и всю жизнь не покладая рук работаем, да так в работе и живем...»⁹.

По словам автора, Иван всегда начинал и оканчивал свои беседы сопоставлением слов «воля» и «нравственное падение». То есть такая норма, как «нравственное падение» формировала ценность «воля». И напротив, ценность «труд»

⁴ Успенский 1955, 102.

⁵ Успенский 1955, 102.

⁶ Успенский 1955, 101.

⁷ Успенский 1955, 102.

⁸ Успенский 1955, 107.

⁹ Успенский 1955, 102.

вызывала самые положительные качества в человеке. «Что вижу – сколь много работы, что вижу – работать не переработать, то и мне и охоты больше, то и силы прибывает... Так вот какая наша крестьянская природа! А там и работы не было, и всякое удовольствие, и деньги, а точно безумный сделался, всю душу-то по грязи истаскал, как свинья свое брюхо... А отчего? – Все воля»¹⁰. Как следует из рассказа Ивана Босых, мотовство, расстройство личности начинается именно от более легкого, чем крестьянского, заработка. Иван стал терять всякий смысл своего существования по мере того как в руках его оказывались такие деньги, каких прежде он и во сне не видал. «Человек, из-за расстройства, отправившийся на заработок и получивший хорошее место и деньги, как будто подзабыл, что с ними делать, начинает швырять их, как щепки. Он говорит: “все – воля”»¹¹. Таким же примером служит и сам Иван, который при «хорошей жизни», «на воле», на свободе не жалеет денег на пьянство. Он не находит «возможности чем-нибудь наполнить свое существование кроме распутства... Человеку *легко* – он ослаб, пропадает и пропивается; человек отказывается от *облегчения* в труде, и во имя чего же? Во имя ничтожнейших мелочей»¹². Иван рад, когда начальник наказал его (дал ему по шее) и из легкой жизни опять ввергнул в трудную.

Таким образом, построение образа Ивана Босых определяется темами нравственного падения и трудолюбия, веры в лучшую жизнь и отчаяния. Совмещение таких контрастирующих стихий создает общий трагический пафос страдания, безысходности. Как синтез внутреннего мира автором дан его портрет: «Что же валит его *пьяным*, с опухшим лицом, ничком в мокрую, грязную канаву, без сапог, без одежды и заставляет целые ночи подставлять свою *широкую* спину под дождь и ветер? Физически Иван, как и сотни ему подобных “ослабших” мужиков, не только здоров и силен, но и прямо могуч: стало быть, слабость его имела не физические, а какие-то другие источники»¹³.

В чем же тайна? – спрашивает автор и тут же дает ответ: тайна – во власти земли. Самым главным Успенский считает труд на земле: «...народ, который мы любим <...> до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли...»¹⁴. Автор соотносит все хорошие качества, которые есть в человеке, именно с землей: «...наш народ до тех пор будет казаться таким, каков он есть, до тех пор будет обладать теми драгоценными качествами ума и сердца – словом, до тех пор будет иметь тот тип и даже вид, какой имеет, пока он весь, с головы до ног и снаружи до самого нутра, проникнут и освещен теплом и светом, веющими на него от матери сырой земли»¹⁵.

Можно сказать, что все мысли, все действия, все поступки крестьянина связаны, прежде всего, с землей. «Он весь в кабале у этой травинки зелененькой... И вот в этой-то ежеминутной зависимости, в этой-то массе тяготы, под которой человек сам по себе не может и пошевелиться, тут-то и лежит та необыкновенная легкость существования, благодаря которой мужик Селянинович мог сказать:

¹⁰ Успенский, 1955, 110.

¹¹ Успенский, 1955, 111.

¹² Успенский, 1955, 115.

¹³ Успенский, 1955, 102.

¹⁴ Успенский, 1955, 115.

¹⁵ Успенский, 1955, 116.

“меня любит мать сыра земля”»¹⁶. Интересен и тот факт, что автор показывает зависимость от земли у крестьян как людей, изначально родившихся на земле и привыкших с детства к труду. Получается, существует некая родовая принадлежность и среда, в которой формируется человек со своими ценностями.

Но тот труд, который описывает Успенский во «Власти земли», не то что не ведет к достижению идеала, он вообще не имеет результата: «...если только он слушает того, что велит ему земля он ни в чем не виновен; а главное какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами приходят к тебе каждый день, едва только открыл глаза! <...> человек живет только слушаясь, и это *ежесекундное*, *ежесекундное* послушание, превращенное в *ежесекунтный* труд, и образует жизнь, не имеющую, по-видимому, никакого результата, но имеющую результат в самой себе»¹⁷. Примечательно, что автор использует повтор слова «ежесекунтный». Успенский акцентирует внимание на том, что именно постоянный труд, ничем не «разбавленный», не приносит результата, не дает добиться целей, а представляет собой некую утопию – труд ради самого труда. Далее автор приводит интересное сравнение крестьянского труда с дубом. «Для чего растет вот этот дуб? Какая ему польза сто лет тянуть из земли соки? Что ему за интерес каждый год покрываться листьями, потом терять их и в конце концов кормить желудями свиней? – Вся польза и интерес жизни этого дуба именно в том и заключается, что он *просто растет*, просто зеленеет, так, сам не зная зачем. То же самое и жизнь крестьянина-земледельца: вековечный труд – это и есть жизнь и интерес жизни, а результат – нуль»¹⁸. Потому что кроме труда для крестьянина нет другой жизни. Он не «разбавляет» свою жизнь другими интересами и ценностями, имея только сплошной труд. «Жизнь для вас – особь статья <...> Детей, например, вы должны воспитывать (чтобы не испортить) вдали от знакомства с вашими служебными и общественными интересами. Вы трудитесь, надеясь на какой-то результат. Словом, ваша жизнь разбилась на полосы, в которых нет связи. Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и тот же: он трудится и живет интересами этого же труда, и в этих же интересах сам собой, без учителя воспитывается и его ребенок <...> И везде все разное и думается, и говорится, и делается; для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним – землей, у всех один труд – земледельческий, все говорят и делают одно – то, что повелит мать сыра земля»¹⁹. Вся жизнь крестьянина посвящена только земле. Даже старый крестьянин, рассказывая о своей жизни, вспоминает только землю и все, что с ней связано. А услышав звонкий девичий хор, тут же произносит: «Ишь горло-то дерут! Урожай ноне... Бог послал <...> Картофь, должно, господь уродил ноне, – прибавил старик в объяснение слишком звонкого пения»²⁰.

Автор, безусловно, ценит труд, но не просто труд, а труд и жизнь одновременно. «Народная душа опустошена и, пожалуй, ожесточена, так как и труд – уже не труд и жизнь одновременно, а только труд. Успенский сожалеет, что нет больше

¹⁶ Успенский, 1955, 116.

¹⁷ Успенский, 1955, 116.

¹⁸ Успенский, 1955, 120.

¹⁹ Успенский, 1955, 121.

²⁰ Успенский, 1955, 121.

такого труда, потому что люди стали безнравственными, не сочувствуют другому человеку. Такие ценности, как сострадание, взаимовыручка, взаимопонимание ушли в прошлое.

Труд, как считает Успенский, не должен быть только трудом в его первозданном, физическом виде. Обязательно нужно, чтобы он переплетался с духовной сферой, а иначе и сам человек превращается в «машину», для которой уже не важны духовные ценности. В пример автор приводит рассказ о мужчине, который убил свою жену только за то, что она была слаба, больна и не могла работать на земле. Может быть, она была талантлива в чем-то другом, но это другое стало неважным. Таким образом, если в природе человека основной ценностью является только труд, то выходит, что эта ценность сама по себе имеет только отрицательное значение. «Принимая от земли, от природы указания для своей нравственности, человек, то есть крестьянин-земледелец, вносил волей-неволей в людскую жизнь слишком много тенденций дремучего леса, слишком много наивной волчьей жадности»²¹. По словам автора, важную роль в формировании «правильной» труженической жизни играла народная интеллигенция, которая стала незаметной. «Вот эту, не зоологическую, не лесную, а божескую правду и вносила в народную среду народная интеллигенция. Она поднимала слабого, беспомощно брошенного бессердечною природой на произвол судьбы; она помогала, и всегда делом, против слишком жесткого напора зоологической правды; она не давала этой правде слишком много простора, полагала ей пределы»²².

Успенскому важна «гармония труда» – сочетание нормальной жизни и трудовых будней. Среда, в которой воспитывался в том числе и главный герой Иван Босых, погубила в людях «больную совесть», т.е. неразумное, неправильное мышление. Босых во «Власти земли» рассказывает, как он на железной дороге пришел от «легкой жизни» к «своеволию». «Да как приехал начальник дистанции, да ка-а-к дал мне (лицо рассказчика вдруг просияло) хо-о-рошего леща, да как начальник эксплуатации надавал мне (детская радость разлилась по лицу его) в загривок, да как в подвижном составе наколотили мне бока – так я, братец ты мой, совершил крестное знамение да точно как из могилы выскочил, воскрес, да по морозу, в чем был, без шапки – домой!» Из этого примера видно, что Иван почувствовал себя виноватым, в нем заговорила эта «больная совесть», а она всегда будет с радостью встречать унижения и оскорбления. И все поколение, которое росло в этой среде, было обречено на ложь, привыкло к унижениям и оскорблениям. Таким образом, если устраивать человека идеально, нужно оставить ему всю свободу личного выбора и определения своих интересов и где-то даже произвола, потому что без полного удовлетворения своих нужд он счастлив не будет. Такой идеал, где человек будет вынужден мириться, приглушать свои интересы и желания, он не воспримет как идеал. Он еще больше оградится от внешнего мира своей злобой и беспринципностью. Вот и Иван Босых, лишенный собственных внутренних критериев, не знал, за что себя уважать и ценить, поэтому начались жизненные метания.

Действительность столкнулась у Успенского с идеалами о гармонизации жизни, и зародилась та самая «болезнь совести». Существующие ценности и нормы

²¹ Успенский, 1955, 126.

²² Успенский, 1955, 126.

не давали достигнуть этого идеала – гармоничного сочетания труда и жизни. Мы можем проследить, что существовали два полюса, о которых рассуждал Успенский и во «Власти земли», и в других своих произведениях. Один полюс – «трудо-вая жизнь» (жизнь с широким размахом, полная труда). Второй – «труженическая жизнь» (труд и жизнь, в которых присутствуют пытки, тяжесть гнета).

В условиях общей бедности за великое счастье принимается что-то серенькое, совсем ничтожное и представляющееся прекрасным только потому, что люди не знают лучших перспектив и наивно радуются и тем крохотным долям живого чувства, которые редко и случайно выпадают на их долю. Очевидно, земледельческий труд в произведении не всегда поэтизируется, а скорее, наоборот, он представляется лишь тяжелой необходимостью, вызванной несовершенством жизни. Идеал и счастье жизни, по Успенскому, находятся там, где человек живет высшей, духовной стороной своего существа. Крестьяне, по условиям своего бытия, люди с подавленным воображением, бедным кругозором, одними и теми же мыслями о земле, труде, они не могут иметь такого счастья. Стремление к изображению действительности, к бытовой правде, желание показать человека в типичных обстоятельствах и условиях его среды, обращение к нравственным понятиям – все это объединяет творчество Успенского. Преобладание денежных отношений, погоня за достатком и выгодой соотнесены с чистыми чувствами и светлыми мыслями, которые погибают в этой среде сплошного расчета.

ЛИТЕРАТУРА

- Векслер, И.И. 1938: *Глеб Успенский. Материалы и исследования*. М.–Л.
 Лосский, Н.О. 1991: *Условия абсолютного добра*. М.
 Мысляков, В.А. 1986: «Мужики» в теоретико-публицистическом сознании Салтыкова-Щедрина. *Русская литература* 2, 78–92.
 Новополин, Г.С. 1903: *Глеб Успенский. Опыт литературной характеристики*. Харьков.
 Соколова, Н.И. (вступ. ст. и прим.) 1961: *Г.И. Успенский в русской критике*. М.–Л.
 Столович, Л.Н. 1994: *Очерк истории эстетической аксиологии*. М.
 Успенский, Г.И. 1955–1958: *Собрание сочинений*: в 9 т. М.
 Флегонтова, С.М. Проблемы целостной личности крестьянина в русской общественной мысли XIX века. В сб.: *Проблемы целостной личности. Межвузовский сборник науч. тр.* Л., 146–154.

REFERENCES

- Flegontova, S.M. Problemy tselostnoy lichnosti krest'yanina v russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka. In: *Problemy tselostnoy lichnosti. Mezhvuzovskiy sbornik nauch. tr.* Leningrad, 146–154.
 Losskiy, N.O. 1991: *Usloviya absolyutnogo dobra*. Moscow.
 Myslyakov, V.A. 1986: "Muzhiki" v teoretiko-publitsisticheskom soznanii Saltykova-Shchedrina. *Rysskaya literatura* 2, 78–92.
 Novopolin, G.S. 1903: *Gleb Uspenskiy. Opyt literaturnoy hrarakteristiki*. Kharkov.
 Sokolova, N.I. (vstup. st. i prim.) 1961: *G.I. Uspenskiy v russkoy kritike*. Moscow–Leningrad.
 Stolovich, L.I. 1994: *Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii*. Moscow.
 Uspenskiy, G.I. 1955–1958: *Sobranie sochineniy*: v 9 t. Moscow.
 Veksler, I.I. 1938: *Gleb Uspenskiy. Materialy i issledovaniya*. Moscow–Leningrad.

THE DUALITY OF AUTHOR'S APPRAISAL IN THE SERIES OF ESSAYS
"THE POWER OF THE LAND" BY G.I. USPENSKIY

Natalya V. Abramzon

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
magtu@mail.ru

Abstract. The author of the article analyzes the main values in the Series of essays "The Power of the Land" by G.I. Uspenskiy. This is the main G.I. Uspenskiy's work of 1880-s being of great social significance. A reader perceives Gleb Uspenskiy as remarkable expert in folk customs, traditions, laws of life of the peasant community, her morals and manners, folklore of a Russian village. The reader sees representation of real truth in just series of essays "The Power of the Land", and just here the truth always presents in the description of people life.

The author observes the key ideas of the writer. She concentrates her attention on the image of the main hero Ivan Bosykh, whose character reflected the values and ideals of the epoch of Uspenskiy which still retain its actuality till now.

Key words: philology, axiology, Russian literature of the 19th century, G.I. Uspenskiy

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2016), 364–369
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2016), 364–369
© Автор(ы) 2016

ХРЕСТОМАТИЯ ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ*

Начало XXI в. характеризуется возрождением интереса к русскому языку и его корням, как основам развития русской культуры, поэтому подготовка современного учителя-филолога очень важна, так как несет «ответственность за формирование языковой и коммуникативной культуры обучающихся, за освоение языкового наследия и сохранение русской языковой ментальности»¹. Роль историко-лингвистических дисциплин в подготовке будущих филологов, с одной стороны, заключается в рассмотрении закономерностей развития языка в синхроническом и диахроническом планах, с другой – в формировании ценностного отношения к языку как феномену русской культуры, поскольку язык является важнейшей составляющей национальной истории, культуры, духовности. Особая роль ретранслятора культурного наследия славян отведена старославянскому языку, древнейшему литературному языку всех славянских народов, языку первых славянских переводов греческих богослужебных книг. Именно он является надежной базой, открывающей дорогу к изучению истории русского языка. По мнению А.М. Камчатнова, «старославянский язык усваивался книжниками не из учебников и грамматик, а непосредственно из текстов, и прежде всего из текста Св. Писания. Лексические средства не просто заимствовались из текстов Св. Писания, они выполняли важнейшую смысловую функцию, играя роль так называемых библейских тематических ключей»², благодаря которым происходило и происходит постижение человеческих мудрости, заложенной в древних текстах. Это важное обстоятельство позволяет говорить о старославянском языке как об «источнике духовности и языковой этичности»³.

Необходимость в создании хрестоматии по старославянскому языку, которая бы аккумулировала древние славянские тексты с их педагогическим и культурно-этическим потенциалом, ощущалась на всем протяжении развития учебной специальности⁴. Уже в

* Работа выполнена в рамках поддержанного Министерством образования и науки РФ гранта «Историко-лингвистический комплекс как компонент действующей системы электронной поддержки изучения русского языка различными группами обучающихся и дистанционного образования на русском языке» (реализация федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, соглашение № 09.z71.25.0152).

¹ Самойлова 2010, 708.

² Камчатнов 2005, 63.

³ Самойлова 2010, 710.

⁴ Историю рождения жанра хрестоматии подробно рассмотрела С.Г. Шулежкова (Шулежкова 2014).

XIX в. ведущие филологи, занимавшиеся историей языка, понимали, что учебный процесс без использования текстов древних славянских рукописей будет неполным, теоретическим, «обезличенным», так как, помимо наглядных примеров происходивших в языке процессов, древние тексты наделены культурным, этическим и эстетическим потенциалом, так важным в воспитании не только филолога, но и настоящего гражданина России.

Если не считать попыток в 20-40-е гг. XIX в. представить в учебных книгах тексты, написанные на древнейшем литературном языке славян, то поистине первой стала «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева, вышедшая в 1856 г. Продолжая традицию комплексного филологического (и литературоведческого, и лингвистического) рассмотрения избранных произведений, автор использовал только пять старославянских памятников, остальные рукописи были древнерусскими или церковнославянскими по происхождению.

Важным этапом в развитии «славяноведения в университетах России» и, следовательно, жанра хрестоматии явился Предварительный съезд русских славистов 1903 г., где обсуждался вопрос о преподавании славистики в университетах России, которое было признано «архаичным». И.В. Ягич настаивал на необходимости «и в средней школе больше знакомить подрастающее поколение “со славянским миром, прошлым и настоящим”»⁵, а для этого «необходимо было систематизировать уже полученные учеными России и Европы сведения по славистике, сделать доступными для исследователей и для студентов древние славянские тексты, создать соответствующие словари и учебные пособия»⁶. За последующие годы российские ученые-филологи сделали немало для укрепления позиций историко-лингвистических дисциплин: вышли девять томов «Славянской энциклопедии» и древние славянские рукописи с научными комментариями, в 1904 г. была опубликована 1-я часть (из запланированных трех) «Хрестоматии “по древнецерковнославянскому и русскому языкам”» Н.М. Каринского. Данная хрестоматия явилась продолжением курса, намеченного Ф.И.Буслаевым. Но, в отличие от Буслаева, «который ограничился фрагментами лишь из 5 рукописей XI в., Каринский расширил круг источников за счет ставших известными к 1904 г. древнейших славянских памятников <...> Здесь же были помещены отрывки из шести памятников, созданных на восточнославянских землях <...> Прочие отрывки Каринский извлек из памятников XII-XIV вв. Информационно полезными для преподавателей и студентов были не только сами тексты, но и сведения о памятниках, отрывки из которых составитель включил в хрестоматию. Что же касается примечаний, то они оказались гораздо “скупее” примечаний Буслаева и носили скорее характер частных полиграфических заметок, нежели обучающих филологических материалов»⁷.

В послевоенные годы положение историко-лингвистических дисциплин в вузах СССР упрочилось, не в последнюю очередь благодаря посмертному изданию «Старославянского языка» А.М. Селищева, который к отрывкам старославянских рукописей приложил список сокращений, а в конце для справок привел парадигмы и краткие объяснения к ним.

Начиная с 50-х гг. XX в., когда старославянский язык стал обязательной учебной дисциплиной на филологических факультетах высших учебных заведений СССР, появилось немало учебников, учебных пособий, авторами которых были вузовские преподаватели. Почти в каждом учебном пособии можно было встретить отрывки из древних славянских памятников, но для серьезного изучения общелитературного языка славян Средневековья их было явно недостаточно. Только в 1984 г. появилась первая хрестоматия по собственно старославянскому языку А.Н. Стеценко. Как и в предшествующих пособиях, главным принципом при отборе материалов стал принцип доступности и филологической

⁵ Лаптева 2013, 566.

⁶ Шулежкова 2014, 103–104.

⁷ Шулежкова 2014, 105.

значимости каждого фрагмента из древних рукописей. Более того, осознавая значимость «общеславянского письменного литературного языка» для формирования славянских народов, становления их культуры, развития русского литературного языка, автор отбирал тексты, пригодные для анализа языковых явлений праславянской эпохи, а также для обнаружения языковых особенностей, присущих более позднему периоду истории славянских этносов⁸. Каждому отрывку у Стеценко предшествует краткая характеристика рукописи; некоторые фрагменты сопровождаются рекомендациями методического характера, заканчивается хрестоматия кратким словарем.

Со времени выхода в свет хрестоматии Стеценко прошло уже более 30 лет, славистика достигла значительных успехов, да и сама система подготовки филологов подверглась кардинальной перестройке, поэтому к учебникам, различным пособиям, в том числе к хрестоматиям, предъявляются новые требования: они «должны содержать сведения о недавно введенных в научный оборот древних славянских памятниках; знакомить студентов с деятельностью больших и малых научных коллективов, создающих этимологические, исторические, энциклопедические словари, а также толковые словари старославянского языка. Тех, кто сегодня собирается изучать старославянский язык, через хрестоматию надо информировать о теоретических работах, посвященных изучению древнейшего литературного языка славян»⁹.

Попытка создать хрестоматию по старославянскому языку, которая бы учитывала достижения славистики начала XXI столетия и отвечала бы современным требованиям, предъявляемым к студентам-филологам, была предпринята в Магнитогорском государственном университете. Ее созданию предшествовала большая методическая работа преподавателей историко-лингвистических дисциплин, возглавляемых доктором филологических наук, профессором С.Г. Шулежковой. На кафедре общего языкознания и истории языка тогдашнего Магнитогорского государственного педагогического института, а затем Магнитогорского государственного университета был подготовлен целый цикл изданий, полностью обеспечивающих изучение дисциплины «Старославянский язык». В первую очередь, это учебник по старославянскому языку¹⁰, который выдержал уже шесть переизданий, причем один из его авторов С.Г. Шулежкова каждый раз корректирует содержание, соотнося с новыми данными в казалось бы уже в давно известной дисциплине. Методическую ценность представляет и учебно-методическое пособие «Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения»¹¹, которое в доступной алгоритмической форме помогает освоить студентам труднейшие историко-лингвистические курсы высшей школы. Немаловажную роль в закреплении полученных знаний и их контроле отводится блоку контрольных работ и обобщающих лекций для подготовки к государственному экзамену¹². Но, конечно, вершиной этой научно-педагогической пирамиды стали «Фразеологический словарь старославянского языка» и «Хрестоматия по старославянскому языку»¹³.

Естественно, при создании хрестоматии ее составитель С.Г. Шулежкова неуклонно следовала принципам филологической ценности и доступности текстов, опираясь на опыт Буслаева, Каринского и Стеценко. Однако перед ней стояла более сложная задача, обусловленная реалиями современной высшей школы: современные студенты-первокурсники (при нулевом уровне историко-лингвистической подготовки) не знают ни древнегре-

⁸ Стеценко 1984, 4.

⁹ Шулежкова 2014, 107.

¹⁰ Турбин, Шулежкова 2002 и др.

¹¹ Шулежкова 2010.

¹² Клинова 1996; Шулежкова, Глинкина 1998; Шулежкова, Меркулова 2013 и др.; Клинова (ред.) 1998–2000.

¹³ Шулежкова, Коротенко, Михин, Осипова и др. 2011; Шулежкова 2012.

ческого, ни латинского языка; на старославянский язык отводится мизерное количество часов, и овладевать курсом студентам приходится в основном самостоятельно.

Поставленные задачи были успешно решены, у профессора Шулежковой получилась хрестоматия нового типа, с помощью которой можно органично решать научно-информативные, учебно-дидактические, воспитательные, лингвокультурологические и эстетические задачи: отобранные тексты древних славянских памятников погружают студентов в завораживающий мир, богатый примерами почти тысячелетней человеческой мудрости, оставившей реальный след в истории многих стран. Одновременно с нравственно-воспитательным потенциалом материал хрестоматии предоставляет возможность изучать и понимать процессы, происходящие на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и др. уровнях языка, наблюдать истоки зарождения языковых символов, фразеологических оборотов, общечеловеческих заповедей. «В хрестоматии отдается предпочтение признанию равноценной роли книжно-славянского и делового языков в формировании русского литературного языка, высоко оценивается значимость старославянского языка как древнейшего общеславянского литературного языка, ставшего объединяющим началом в истории славянской культуры и письменности»¹⁴.

Структура хрестоматии отвечает поставленным задачам. Вводная часть содержит справочные таблицы с первыми славянскими азбуками и буквенными обозначениями чисел и «Краткий путеводитель по хрестоматии», заканчивающийся практическим руководством к «светскому» чтению старославянских текстов, где даются рекомендации по овладению техникой чтения старославянских памятников, сообщаются краткие сведения о специфике старославянского произношения, образцы которого даны в приложении на CD-диске, что, конечно же, является большим шагом вперед по сравнению со всеми другими пособиями подобного рода.

В основной части пособия представлены 66 отрывков из 26 древнейших славянских рукописей, объединенных временем возникновения и общим для всего средневекового славянства литературным языком. Все тексты даны в кириллической редакции, некоторые фрагменты иллюстрированы репродукциями известнейших произведений изобразительного искусства, созданных по мотивам Священного Писания, и фотокопиями фрагментов древних славянских рукописей. В хрестоматию вошли отрывки из большинства известных современной науке старославянских рукописей X-XI вв.: из Зографского четверо-евангелия, Мариинского евангелия, Ассеманиева (или Ватиканского) евангелия-апракоса, Саввиной книги, Охридских глаголических листков, Листков Ундольского, Боянского евангелия-апракоса (или Боянского палимпсеста), Зографского палимпсеста, Енинского апостола, Синайской псалтыри (первой ее части и второй, найденной в 1975 г.), Киевских листков (Киевского миссала), Евхология Синайского, Синайского служебника, Клоцова сборника, Супрасльской рукописи, Хиландарских листков, Рыльских глаголических листков, Зографских листков. Помимо так называемых классических старославянских рукописей, в хрестоматии представлены важнейшие рукописи XI в., созданные на восточнославянской территории: Остромирово евангелие (1056–1057 гг.), Изборник Святославов 1073 г., Изборник Святославов 1076 г., Архангельское евангелие 1092 г., Бычковская псалтырь, Евгеньевская псалтырь, Новгородские (Куприяновские) листки, а также Новгородский кодекс, уникальный памятник конца X – первой четверти XI в., открытый российскими учеными во время раскопок под Новгородом в 2000 г.¹⁵ (Попутно хочется обратить внимание, что Научно-исследовательская словарная лаборатория, руководимая С.Г. Шулежковой, обладает копиями всех выше названных памятников славянской письменности.)

Каждый памятник в хрестоматии предваряется краткой справкой об истории его создания, времени обнаружения, о научном издании, месте хранения, а также о графических

¹⁴ Глинкина, Глухих 2012, 106.

¹⁵ Шулежкова 2012, 4.

и языковых особенностях рукописи. После каждого отрывка «расшифровываются» слова, написанные под титлами; толкуются сложные синтаксические конструкции, прослеживается связь определенных фрагментов текста с лексико-фразеологической системой русского языка.

Заключительная часть хрестоматии представляет собой словарь, где толкуются 700 старославянских слов и даются комментарии к библейским крылатым выражениям русского языка. Завершает хрестоматию список рекомендуемых учебников и учебных пособий по старославянскому языку, а также старославянских и близких к ним по содержанию словарей. По словам С.Г. Шулежковой, она стремилась «через содержание хрестоматии ввести первокурсников в проблематику современной палеославистики и одновременно воздействовать на их мировоззрение»¹⁶. На наш взгляд, философское содержание, библейская образность и символика, присущие подобранному материалу, а также ряд текстов, передающих идентичные сюжеты в разных памятниках, дают возможность сравнительного и лингвокультурологического анализа в научно-исследовательской работе студентов и магистров. Воспитательная ценность включенных в хрестоматию притч и их сюжетный характер может быть использован в различных мероприятиях (например, театрализованном празднике, посвященном Дню славянской письменности, который проводится ежегодно в Магнитогорске) не только студенческих, но и среди учащихся общеобразовательных учреждений на уроках словесности, русского языка и литературы, в элективных курсах, посвященных истории славянской культуры и письменности. Кроме того, отрывки текстов являются богатым материалом для подготовки учащихся к олимпиадам и различным конкурсам.

Таким образом, рассматриваемая хрестоматия по старославянскому языку, вкупе с циклом учебно-методической литературы, являются той базой, которая позволит не только подготовить профессионального учителя-словесника, но и воспитать гражданина России, ценящего наследие своего языка и трепетно относящегося к культуре своего народа.

Позднякова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ
исторической антропологии и филологии
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова

ЛИТЕРАТУРА

- Глинкина, Л.А., Глухих, Н.В. 2012: С.Г. Шулежкова. Хрестоматия по старославянскому языку. *Русский язык в школе* 5, 105–109.
- Камчатнов, А.М. 2005: *История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века*. М.
- Клинкова, И.С. 1996: *Контрольные работы по историко-лингвистическим дисциплинам: История дифтонгических сочетаний с плавными согласными*. Вып. 3. Магнитогорск.
- Клинкова, И.С. (ред.) 1998–2000: *Вопросы общего языкознания и истории русского языка: метод. рекомендации для студентов-выпускников очных и заочных отделений филологических факультетов*. Вып. 1–3. Магнитогорск.
- Лаптева, Л.П. 2013: Съезд славистов в 1903 г. В кн.: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики*. М., 558–569.
- Самойлова, Г.С. 2010: Дидактический потенциал старославянского языка как «языка-консерванта» в интеграции дисциплин историко-лингвистического цикла. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 4 (2), 708–711.
- Стеценко, А.С. 1984: *Хрестоматия по старославянскому языку*. М.

¹⁶ Шулежкова 2014, 111.

- Турбин, Г.А., Шулежкова, С.Г. 2002: *Старославянский язык: учеб. пособие*. М.
- Шулежкова, С.Г., Глинкина, Л.А. 1998: *Контрольные работы по историко-лингвистическим дисциплинам: Законы лабиализации и их отражение в русском языке*. Вып. 6. Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г. 2010: *Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения: учеб.-метод. пособие*. М.
- Шулежкова, С.Г. Коротенко, М.А. Михин, А.Н. Осипова, А.А. и др. 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.
- Шулежкова, С.Г. 2012: *Хрестоматия по старославянскому языку: тексты, словарь, фоноприложение*. М.
- Шулежкова, С.Г., Меркулова, Н.В. 2013: *Происхождение вторичных согласных: учеб.-метод. пособие для студ. филол. факультетов высших учеб. завед.* Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г. 2014: К истории рождения жанра хрестоматии по старославянскому языку. *Вестник славянских культур* 2 (32), 101–112.

REFERENCES

- Glinkina, L.A., Gluhrihr, N.V. 2012: S.G. Shulezhkova. Hrrestomatiya po staroslavjanskomu yazyku. *Russkij yazyk v shkole* 5, 105–109.
- Kamchatnov, A.M. 2005: *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka*. Moscow.
- Klinkova, I.S. 1996: *Kontrol'nye raboty po istoriko-lingvisticheskim disciplinam: Istoriya diftongicheskikh sochetanij s plavnymi soglasnymi*. Vyp. 3. Magnitogorsk.
- Klinkova, I.S. (red.) 1998–2000: *Voprosy obshchego yazykoznaniya i istorii russkogo yazyka: metod. rekomendacii dlya studentov-vypusnikov ochnyh i zaочnyh otdelenij filologicheskikh fakul'tetov*. Vyp. 1–3. Magnitogorsk.
- Lapteva, L.P. 2013: S"ezd slavistov v 1903 g. In: *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskihr narodov. Istoriya slavistiki*. M., 558–569.
- Samojlova, G.S. 2010: Didakticheskij potencial staroslavjanskogo yazyka kak «yazyka-konservanta» v integracii disciplin istoriko-lingvisticheskogo cikla. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 4 (2), 708–711.
- Shulezhkova, S.G., Glinkina, L.A. 1998: *Kontrol'nye raboty po istoriko-lingvisticheskim disciplinam: Zakony labializacii i ihr otrazhenie v russkom yazyke*. Vyp. 6. Magnitogorsk.
- Shulezhkova, S.G. 2010: *Staroslavjanskij yazyk, drevnerusskij yazyk i istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: opyt sopostavitel'nogo izucheniya: ucheb.-metod. posobie*. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. Kоротенко, М.А. Мihin, А.Н. Osipova, А.А. i dr. 2011: *Frazeologicheskij slovar' staroslavjanskogo yazyka: svyshe 500 ed.* Moscow.
- Shulezhkova, S.G. 2012: *Hrrestomatiya po staroslavjanskomu yazyku: teksty, slovar', fonoprilozhenie*. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Merkulova, N.V. 2013: *Proishozhdenie vtorichnyhr soglasnyhr: ucheb.-metod. posobie dlja stud. filol. fakul'tetov vysshihr ucheb. zaved.* Magnitogorsk.
- Shulezhkova, S.G. 2014: K istorii rozhdeniya zhanra hrrestomatii po staroslavjanskomu yazyku. *Vestnik slavyanskihr kul'tur* 2 (32), 101–112.
- Stecenko, A.S. 1984: *Hrrestomatiya po staroslavjanskomu yazyku*. Moscow.
- Turbin, G.A., Shulezhkova, S.G. 2002: *Staroslavjanskij yazyk: ucheb. posobie*. Moscow.

ДВИЖЕНИЕ «ЖИВОЙ ЛАТЫНИ»: ПОИСКИ УНИВЕРСАЛЬНОГО СРЕДСТВА НАУЧНОГО ОБЩЕНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АНТИЧНОСТИ

«Живая латынь» – это международное движение, приверженцы которого пользуются языком Древнего Рима как универсальным средством устного и письменного общения¹. В 2013 г. на страницах латинского журнала *Melissa* (Бельгия) развернулась дискуссия о соотношении главных целей этого движения – восстановления латыни как инструмента международного общения и рецепции культурного наследия Античности. Отправной ее точкой послужил доклад «О причинах упадка обучения латинскому языку», прочитанный итальянским филологом-классиком Л. Миральей 16 марта 2013 г. на конгрессе латинистов, который был организован обществом *Athenaeum Illustre Amstelodamense* на базе университета г. Амстердама².

Очевидный парадокс ситуации состоял в том, что в позиции Л. Миральи, основателя и главы академии Новый Виварий, где латынь с древнегреческим – это единственные языки всей учебной и внеучебной деятельности, обнаружилось принципиальное сходство с традиционной концепцией преподавания латинского языка. Латынь, по его словам, открывает доступ к познанию текстов нескольких тысячелетий, именно в этом и заключается главное ее достоинство³. Попутно он критикует те кружки и клубы «живой латыни», где, минуя латинских авторов, забавляются лишь пустыми шутками, ерундой, болтовней⁴.

Главным оппонентом Л. Миральи выступил Г. Ликопп, убежденный апологет «утилитаризма» латинского языка. В своей статье бельгийский латинист призывает вспомнить основную цель I Авиньонского конгресса 1956 г., ставшего точкой отсчета послевоенной истории движения, – анализ значения латыни в современном мире, поиск практических путей к восстановлению ее роли как живого языка, необходимого для лучшего взаимопонимания между народами. Он напоминает слова Ж. Капелля, основателя движения, о важности обучения латинскому языку в школе и университете, о необходимости разработки коммуникативных методик⁵. Нападки Л. Миральи на кружки «живой латыни», счита-

¹ Stroh 2001, 93; Fritsch 2002, 63.

² Видео: Miraglia 2013. Текст расширенной версии доклада опубликован на странице Кадисского латинского кружка: Miraglia 2014. Об Абеле Шуте, основателе общества *Athenaeum Illustre Amstelodamense* см. Licoppe 2013, 1.

³ Quia una est virtus linguae Latinae, posse nos non solum cum aequalibus nostris colloqui, sed etiam cum iis, qui nos praecesserunt in hac vita mortali, posse ingredi in rem publicam litterarum. Non tanti est habere aut certe... potest habere fortasse alium usum etiam, id est sicut Zamenhofiani illi somniant de lingua una et universali, fortasse lingua Latina potest etiam, sicut ego nunc vos adloquor Latine, certe multi alii poterunt hoc facere, et haec virtus est magna, sed longe maior est illa virtus, quae coniungit facultatem loquendi cum aequalibus cum facultate loquendi cum iis qui, ut scripsit Petrarca, multis ante nos saeculis in terra versi nobiscum vivunt, habitant et colloquuntur (Mrgl.).

⁴ Certe non laudo Circulos Latinos, ubi nugantur, quod non significat, ubi delectantur, ubi iucunde docent, ubi etiam rident et animos commovent... “Qui nugantur” significat “qui tantummodo pueriliter ludunt de rebus, quae non ducunt ad veram doctrinam Latinam” (Mrgl.).

⁵ Iohannes Capelle iam anno 1959...dixit...solam huius linguae utilitatem ei [motui Latinitatis vivae] esse curae. Nostris temporibus id, quod ‘utile’ non esset, e programmatibus scholaribus mox tolli; linguam Latinam non iam tradi posse ut vanum mentis ornamentum. Eam autem iuvare posse scientificam educationem... Oportere ergo docere modo moderno et attractivo (Lic. Stat. 1).

ет Г. Ликопп, несправедливы: хотя основная их задача – развитие разговорных навыков, письменная традиция также занимает здесь важное место. В Брюссельском кружке, например, чтение и комментирование латинских текстов (римских и послеантичных) происходит, как он отмечает, регулярно⁶.

Данная дискуссия заставляет нас обратиться к истокам движения «живой латыни», воспроизвести его исходные цели и проследить динамику развития. Ряд неолатинистов относит возникновение «живой латыни» ко второй половине минувшего века (после Авиньонского конгресса 1956 г.). Такой позиции придерживаются Г. Ликопп⁷ и С. Альберт под влиянием Ц. Эйхензеера. На наш же взгляд, движение это зародилось еще в конце XIX в.: именно тогда возникли первые проекты возрождения латыни как международного языка, а уже в 30-е гг. минувшего века встречаются термины *lebendiges Latein* (i.e. *lingua Latina viva*)⁸, *Latium vivum*⁹, *Latino vivente*¹⁰, *die moderne Lateinbewegung*¹¹. Подтверждением нашей позиции могут служить и слова А.И. Солопова, охарактеризовавшего конец XIX в. как время, когда оживился интерес к латинскому языку в функции международного и возобновилась латинская периодика¹². Первым журналом в традициях «живой латыни», очевидно, стал «*Alaudae*», издававшийся в 1889–1895 гг. в Италии немецким юристом Карлом-Генрихом Ульрихом (1825–1895)¹³. Установка К.-Г. Ульриха на пропаганду латыни как средства международного общения была дана уже в девизе *Alaudarum* (начиная с 5-го номера, 1889 г.): *Linguae Latinae mira quaedam vis inest ad jungendas nationes*. Естественно, что автору, возрождавшему латынь как обычный разговорный язык, приходилось быть творцом новолатинской нормы. Стилистическим ориентиром ему служил язык римских классиков, включая и те случаи, когда возникала нужда в конструировании неологизмов: *capsa epistolis recipiendis*¹⁴, *statio viae ferratae*¹⁵, *inflammaculum*¹⁶, *sententia vexillaris*¹⁷, *tabacum tortile*¹⁸. Нормотворческие принципы современной латыни были изложены К.-Г. Ульрихом в письме к издателям оксфордского журнала *Phoenix seu nuntius Latinus internationalis* от 18 марта 1890 г.¹⁹.

⁶ Haec quidem [Aloisii] verba sunt satis contumeliosa; scopus enim circulatorum in eo est, ut Latinitatis cultoribus detur occasio loquelam Latinam exercendi; non omnibus enim contingit in Vivario Novo vivere. In circulo nostro Bruxellensi solemus imprimis de aliquo argumento sive politico, sive historico, sive philosophico, sive sociali disceptare; deinde nonnullas paginas aliquius Titini libri describere; denique aliquem textum una legere et explicare... (Lic. Stat. 2).

⁷ in motu Latinitatis Vivae, quem Avennionem in Francogallia anno 1956 induxit primus “Viventis linguae Latinae causa Conventus universus” (Lic. ALF. 17); Semisaeculo enim post initium Motus Latinitatis Vivae fatendum est eum vix successisse (Lic. Stat. 1).

⁸ Soc. Lat. 4, 71.

⁹ Soc. Lat. 5, 46.

¹⁰ Soc. Lat. 7, 16–17.

¹¹ Soc. Lat. 1, 13; 15, 1; 16, 1; 17, 1; 18, 1.

¹² Солопов 2008, 598.

¹³ О нем: Stroh 2000a, V–XV; 2000b, 81–92.

¹⁴ «Почтовый ящик»: Ulrichs 2000, XX. Cp. *scrinium literis conservandis*, *scrinium epistolarum* (Plin. Hist. nat. 25. 26. (94); Kraft. I. 574); *receptaculum epistularum*, *arca cursualis*, *theca tabellaria* (Helf. 116).

¹⁵ «Вокзал»: Ulrichs 2000, XX. Cp. *statio ferroviaria* (Helf. 91).

¹⁶ «Спичка»: Ulrichs 2000, XX. Cp. (*ramentum*) *sulphuratum* (Ivsc. IV. 249; Helf. 392), (*ramentum*) *flammiferum* (Helf. 392).

¹⁷ «Девиз»: Ulrichs 2000, XX. Cp. *sententia*, *dictum* (Cic. Flacc. 29. 72; Kraft. II. 1253; Helf. 287).

¹⁸ «Сигара»: Ulrichs 2000, XX. Cp. *volumen tabacinum* (Mir 156; Helf. 463); *sigarum* (Helf. 463).

¹⁹ Utique tamen augendam eam esse et amplificandam censeo, ut solvantur certi modi rigidi, sermonis egestas, angustiae quaedam, ut detur locus verborum copiae uberiori, ut nanciscatur plus flexibilitatis et mobilitatis, ita ut usum praebeat expeditiorem, ut adhiberi possit facilius et sine impedimento etiam in negotiis quotidianis vitae actuosae saeculi nostri, pateatque aditus ad eam quamplurimis. Quod fieri posse puto trifariam: a) Creando verba nova, rectae tamen fictionis. Qualia olim jam creavere cum alii, tum Cato et Ennius... Qualia deinde creata sunt ab aetatibus argentea, ahenea, ferrea, jurisprudentia Gaji, Ulpiani,

Одно из первых упоминаний инициатив по восстановлению латыни в качестве международного языка содержится в предисловии Э. Шателена к французско-латинскому словарю Л. Кишера (1891 г.). Ученый рассуждает о рациональности этих проектов – цели их удивительным образом перекликались с теми задачами, которые спустя более полувека поставили перед собой идеологи «живой латыни» второй волны²⁰.

Схожие идеи высказывались и другими учеными той поры. По словам Г. Дильса, латынь Нового времени – язык Кеплера, Лейбница, Линнея, Гаусса – в равной мере пригодна и для международного общения современных ученых, подобно тому, как она остается универсальным языком западного христианства²¹. На жизнеспособность латыни – не гуманистически-пуристичной, но стилистически упрощенной – указывал и француз Ш. Андре в работе *Le Latin et le problème de 'la langue internationale'* (1903 г.). Тогда же его соотечественник Ж.-Р. Обер провел опрос сотни респондентов относительно шансов латинского стать международным языком Новейшей эпохи²².

16 апреля 1903 г. в Риме прошел конгресс латинистов, в котором приняли участие видные филологи начала XX в. А. де Губернатис, А. Вальдарнини, Ж. Тассет, Дж. Форнари. Для того времени он не имел большого практического значения, но своими постановлениями (*vota*) наметил пути к развитию международного латинского движения на весь последующий XX в.:

- 1) *ut sermo latinus inter gentes universas communis habeatur et adhibeatur ad humanitatis commercium fovendum, augendum, tenendum;*
- 2) *ut collegia coetusque doctorum acta sua, compendio saltem, latine patefaciant*²³;
- 3) *ut universi discipuli sermonem latinum ad colloquia advenarum peregrinorumque conversationem interrogantium vel sciscitantium in ludis etiam primariis discant*²⁴;

caeterorum, rescriptis et constitutionibus Caesarum, a grammaticis...Et quot verba et tunc et postea adjecit ecclesia, quae Cicero ne somniaverat quidem? Quae si quis nunc niteretur expellere, risum vix teneremus. Continuemus igitur opus ab illis inchoatum. Et continuare fas esse censeo, dummodo recta utamur fictione... Nonne jam undique circumdamur vocibus Latinitatis novae? Habemus hodie: rectifico, reproduco, perfectiono, functionor, correspondeo, eventualis, independens, individualis, internationalis, horizontalis, verticalis, correspondentia, eventualitas, independentia, individualitas, residentia, secretarius, voces rectissimae fictionis, ita ut ullo barbariei odore careant (Ald. 91, 97–98).

²⁰ Поскольку само предисловие Э. Шателена написано по-французски, цитируем его фрагмент по латинскому переводу Г. Ликоппа: *Laudabile est consilium commentariorum Latinorum Phoenix inscriptorum, ut lingua Latina sermo fiat universalis. Potius quam linguam novam fingamus ut 'Volapuk', aiunt periodici moderatores, quin utamur notionibus, quas habent omnes, qui studia fecerunt apud populos excultos? Hoc modo discipuli clarius percipiant finem exercitationum sibi impositarum. Nobile quidem propositum, et frugiferum. Quod cum ad effectum duci coeptum erit, sufficient lexicon conficere, quo modernis verbis Latinis designentur inventa nova* (Lic. ALF 17–18).

²¹ В докладе *Leibniz und das Problem der Universalsprache* (1899 г.). В дальнейшем, однако, взгляды Г. Дильса претерпели кардинальные изменения. Через семь лет в своей речи «Университет и его международные задачи» (*Internationale Aufgaben der Universität*) ученый объявляет латынь неспособной удовлетворять коммуникативные потребности современного человечества из-за вариаций в национальных произношениях: Lurz 1949, 8, 11. Решение этой (в действительности, не столь существенной) задачи было предложено лишь на Авиньонском конгрессе 1956 г.

²² Lurz 1949, 6.

²³ Ср. из постановлений II конгресса «живой латыни» (Лион, 1959 г.): I.1. *ut latina lingua componantur ea summaria quae cum libris vel commentariolis, patrio sermone scriptis, edenda sunt*; I.2. *ut singulis doctorum libris conspectus operis latine conscriptus addatur* (DCILV 179).

²⁴ Ср. из постановлений II конгресса «живой латыни» (Лион, 1959 г.): II.1. *...Conventus hortatur ut via docendi renovetur, et magis activa ratio adhibeatur, et exercitationibus a maioribus traditis exercitationes aliae addantur, quibus sermo latinus pueris ut vivus reddatur (sermones expediti, dialogi inter alumnos, rerum lectarum summaria, scriptiones, cett.)* (DCILV 180).

4) ut ad hoc propositum facilius assequendum libelli de rebus quotidiani usus a peritis pura lucidi tersique scribantur²⁵.

В первой трети минувшего столетия главными очагами современной латыни в Европе стали Церварийская академия (*Cervariensis Academia*) в Испании и Мюнхенское Латинское общество (*Societas Latina Monacensis*) в Германии. Определяющим фактором для расцвета латинского языка в стенах Церварийской академии и развития всей последующей традиции испанской школы неолатинистов имела преподавательская деятельность о. Мануэля Хове (1895–1936). По позднейшим воспоминаниям учеников, он воспламенял их души страстной любовью к латинскому языку, что позволяло им за малое время делать поразительные успехи, бывшие студенты превращались в коллег о. Мануэля по новолатинским штудиям²⁶. В доцерварийский период своего служения о. Мануэль публиковался в ватиканском журнале *Alma Roma* (1914–1942), поддерживал тесный контакт с его редактором Дж. Форнари (1868–1942), а также с М. Якобелли, Ж. Тассетом²⁷, А. Габерлем (1885–1970)²⁸; уже в те годы центральное место в их переписке занимала проблема обогащения словарного состава современной латыни. Апогеем научно-преподавательской деятельности о. Мануэля стало основание двух латинских журналов – *Candidatus Latinus* и *Palaestra Latina*, а также (совместно с о. Франсиско Мораном и студентами-теологами) Кларетинской школы латинского языка (*Schola Latinitatis Claretiana*). Однако судьба кларетинских неолатинистов оказалась трагичной: вскоре в Испании вспыхнула гражданская война, и 26 июля 1936 г. большая их часть (включая самого о. Мануэля Хове) закончила жизнь мученичеством²⁹.

Второй центр новолатинской словесности – Мюнхенское общество – был учрежден 4 мая 1932 г. Георгом Лурцем (1873–1946)³⁰, его председателем стал Герман Веллер (1878–1956)³¹. Количество членов этой организации, костяк которой сложился из духовенства, учителей гимназий, юристов и врачей, в разные годы составляло: 630 (октябрь 1932 г.), 900 (декабрь 1941 г.), 950 (декабрь 1942 г.), 360 (весна 1955 г.)³².

Целью Мюнхенского латинского общества было всестороннее исследование проблемы международного вспомогательного языка и практическое обоснование пригодности в данной функции латыни. Печатным органом общества был одноименный журнал, в публикациях которого отражалась вся деятельность этой организации, просуществовавшей до 1955 г.³³.

²⁵ Lurz 1949, 10. Ср. из постановлений I конгресса «живой латыни» (Авиньон, 1956 г.) [in re paedagogica]: VII. Commendantur in scholis, praeter auctores classicos, antiquae, mediae, recentioris aetatis auctores, qui jucundas festivasque narratiunculas et facetias scripserunt, quas forte necesse sit ad simpliciores sermonum, genuinum tamen et elegantem et Latinum redigere (PCILV 168).

²⁶ Cp. Omnes sacerdotii annos in pueris et adolescentibus lingua latina erudiendis... consumpsit. Quorum animos tanto in latinitatem ardore inflammavit, ut brevi miros in ea fecerint progressus, ejusque adjutores effecti, opem in laboribus postea suscipiendis validam praestare potuerint (Sdr. 135). Об о. Мануэле Хове см.: Sidera 1961, 135–142; Avenarius 1936, 49–50.

²⁷ Illustis ille Jacobus Tasset Turnodurensis [vulgo Tonnerre in Francogallia] amplissimus sermonis Latini propugnator, qui iam plus triginta ex annis multis commentationibus commentariolisque in Voce Urbis, Alma Roma, Praecone Latino, Cive Romano sive Scriptore Latino renovando linguae Latinae usui studebat... (Lurz 34–35).

²⁸ См. о нем: Jové 1934, 23; Sidera 1960, 37–38. Некролог: Eichenseer 1970, 74–77 (здесь же приводится список его латинских публикаций).

²⁹ См. об этом: Mir 1970, 8; 1961, 133–134; Aramendia 1961, 143–150. О латинских штудиях в кларетинской конгрегации: Jiménez 1934, 123–127. Ряд данных об о. Мануэле Хове, журналах *Candidatus Latinus* и *Palaestra Latina*, а также об особенностях изучения латыни в Церварийской Академии включает статья: Porredon 2008, 249–316.

³⁰ Краткий некролог в его память: Welz 1947, 1.

³¹ См. о нем: Dubielzig 2003, 855–878.

³² Данные округлены. См. Soc. Lat. 1932. 5; 1943. 1; 1955. 1.

³³ Подробнее о Мюнхенском латинском обществе см.: Lurz 1932a, 1–4; Lamer 1935, 128–129; Lather 2013, 229–242.

Еще одно подобное объединение, не сыгравшее столь значимой роли, как Мюнхенское, – *Societas linguae Latinae usui internationali adaptandae* – было основано в 1931 г. в Варшаве при содействии Ф.Ф. Зелинского. В послании Варшавского общества, направленном в редакцию журнала *Alma Roma*, содержался призыв учредить международную филологическую комиссию по созданию латинского словаря новейшей эпохи, однако данная инициатива не получила поддержки Ватикана³⁴.

Основными причинами распада как Мюнхенского, так и Варшавского Латинских обществ стали истощение людских ресурсов и непреодолимые трудности послевоенного времени³⁵. Естественно, что Вторая мировая война оказала колоссальное влияние на многие сферы жизни современного человечества. Начавшиеся затем процессы глобализации и экономической интеграции стран Европы, идея «Общевропейского Дома» актуализировали в том числе и проблему общеевропейской идентичности, инициировали поиск культурных и духовных ценностей, единых для всего западного мира. Корни последних, как отмечают исследователи уже сегодняшнего дня, восходят к античной греко-римской цивилизации. По словам В. Штро, основная доля античного культурного наследия приходится на Древнюю Грецию, но была усвоена нами при посредстве римлян. Среди древних народов именно они продемонстрировали умение и желание осваивать в родном языке духовные сокровища греков и в конечном итоге превзошли своих учителей. На этом основана и многовековая латинская традиция в литературе и науке, правоведении и религии, которая простирается со Средневековья и Возрождения вплоть до XVIII в., с отголосками по сегодняшний день³⁶.

Именно с середины XX в. движение за пропаганду латинской образованности принимает на Западе наиболее активный характер. В условиях быстро растущей языковой дифференциации научной литературы возникает острая потребность в универсальном языке науки. Этот фактор стал центральной темой статьи французского ученого, директора Национального института прикладных знаний Ж. Капелля (1909–1983), озаглавленной «Латынь или вавилонское столпотворение»³⁷. Поскольку ни один из современных национальных языков не встретит, как считал Ж. Капелль, единодушной поддержки международной научной общественности, остается избрать на роль универсального языка латынь, доведя ее при этом до соответствующего нормативного уровня и кардинальным образом «осовременив» методику обучения³⁸.

³⁴ Предложение Варшавы включало следующую формулировку: *imprimis maximi momenti esse putamus comissionem philologorum internationalem constitui, quae linguae Latinae glossarium ad usum horum novorum temporum componat*. Ответ Ватикана весьма категоричен: *...in hoc unice insistere liceat, nempe ut coetus, de quo agitur, ex authenticis – sit venia verbo – Latinae linguae peritis constet, quorum sapientia, rerum cognitio atque exercitatio satis praestent, ipsos revera ad restituendum Latini sermonis commercium esse intenturos; sermonem dicimus cum saeculari structura sua, peculiaribus suis notis atque, ut ita dicam, immunitatibus, et quidem vocabulis suis, scilicet non peregrinos effingendo, quum non sit necessitas* (Lurz 1935, 34). О Варшавском латинском обществе см. Delgado 1932, 121.

³⁵ Ср.: *...Societas Varsaviae in Polonia a D.re Zielinski moderata et Societas Latina Monacensis, praeside Dre. Lurz, quae tamen inter tot tantasque atrocis belli ruinas obrutae atque exstinctae sunt* (Dlg. 197). Более подробные сведения содержатся в последнем выпуске журнала, издатели которого ссылаются на интенсивный отток членов (смерти, переезды, невозможность платить взносы из-за проживания в незадолго перед тем образованной ГДР) и связанные с этим большие финансовые проблемы Общества; резкое снижение числа подаваемых статей на латинском языке и т.д.: Welz 1955, 1–3.

Среди других организаций и обществ довоенного времени, занимавшихся пропагандой латинского языка и античной культуры, следует назвать *Union Médicale Franco-Ibéro-Américaine* (UMFIA) во Франции и *Istituto di studi Romani* в Италии. Подробнее об этом см.: Lurz 1932b, 13–15; Welz 1932, 15–17; Lurz 1935, 2–6.

³⁶ Stroh 2013, 313.

³⁷ Capelle 1952, 1–2. Перепечатка: 1956, 10–11. Английская версия статьи: 1953, 37–40.

³⁸ *Pace egemus inter gentes; commercium oeconomicum necnon sociale nunc necessario fit per totum orbem terrarum; videmus progressus technicos civitatum limites fecisse obsoletos. Inde oritur linguarum*

Статья Ж. Капелля породила широкую дискуссию как среди филологов-классиков, так и среди представителей других наук и ряда общественных деятелей³⁹, что привело к созыву первого международного конгресса «живой латыни» (*Viventis linguae Latinae causa conventus universus Avennicus*, 3–6 сентября 1956 г.). Он собрал 250 ученых из 21 страны мира, среди наиболее известных его участников выделим А. Баччи, Э. Спрингетти, Й. Эберле, Х.М. Мира, Х.Х. Дельгадо, Г. Пачитти, Р. Аваллоне, К. Эггера, А. Тирфельдера, А. Гризара.

Итогом этого конгресса стало принятие постановлений по пяти ключевым направлениям, касавшимся как совершенствования латинского языка в качестве средства международного научного общения, так и его места в современном образовательном процессе:

- 1) *vota de re grammatica*;
- 2) *vota de Latino pronuntiatiu*;
- 3) *vota ad nova fingenda verba*;
- 4) *vota in re paedagogica*;
- 5) *generalia vota*⁴⁰.

Продолжением первого конгресса «живой латыни» стали четыре международных форума под общим названием «*Vita Latina*» в Лионе (1959 г.), Страсбурге (1963 г.), Авиньоне (1969 г.) и По (1975 г.), после которых «французская» ветвь движения стремительно увядает⁴¹.

Начиная с 1966 г., параллельно с «французскими» конгрессами проходили международные форумы латинистов под эгидой итальянского Института римских исследований (*Institutum Romanis studiis provehendis*). По состоянию на 2015 г. было организовано двенадцать конгрессов: в Риме (1966 г.), Бухаресте (1970 г.), на Мальте (1973 г.), в Дакаре (1977 г.), Трире (1981 г.), Дергеме (1985 г.), Эрфурте (1989 г.), Лувене/Антверпене (1993 г.), Ювяскюля (1997 г.), Мадриде (2002 г.), Регенсбурге (2009 г.) и Вене (2013 г.)⁴². На конгрессе в Риме была сформирована комиссия (*collegium*), преобразованная в 1969 г. в Международную Академию содействия латинской образованности⁴³ (*Academia Latinitati inter Omnes Gentes Fovendae*, сокращенно ALF), официальную организацию неолатинистов.

difficultas. Eduntur enim nostris temporibus commentationes Francogallice, Anglice, Theodisce, Russice, Hispanice, Italice... scriptae; mox veri similiter se adiungunt Arabes, Indi, Sinenses... Ei, qui conventus internationales participant, sciunt quantum linguarum multiplicitas impediatur intellegendam rerum expositarum. Consilium meum non solum spectat ad technicos et scientificos indagatores, sed etiam ad eos, qui munere funguntur in rebus diplomaticis aut negotiis, nam praecipue eis usus alterius universalisque linguae videtur utilis. Veri similiter nulla lingua nationalis accipietur ab universis; quin ergo ad linguam Latinam verertamur, quae per tot saecula optimum instrumentum communicationis fuit inter doctos? Latinam tamen linguam in usum restituere non possumus nisi rationes docendi funditus mutemus (цит. в лат. перев. Г. Ликоппа: *Lic. ALF 17–18*).

³⁹ Мнения некоторых из них изложены в публикации: *Mouvement en faveur du latin 1956*, 11–12.

⁴⁰ *PCILV 166–169*.

⁴¹ Кризисные явления наметились, по-видимому, уже в 1961 г., после того, как Ж. Капелля на посту президента ассоциации *Vita Latina* сменил П. Грималь: *Petrus Grimal eo electus est praeses, quod inter Francogallos philologos praecellebat; Motum tamen Latinitatis Vivae numquam participavit; neque primo, neque secundo conventui interfuit, ne unam quidem symbolam in Vita Latina divulgavit ... Consociatio Vita Latina viam suam sequitur in Francogallia, ...magis magisque res curat Francogallicas; quamquam periodicum Vita Latina adhuc editur, Francogalli Latinitatis fautores spem deponere incipiunt, cum regimen anno 1965 statuit linguae Latinae institutionem in scholis iam non fore oblicatoriam. Consociatio Vita Latina brevi tabescit; ultimum conventum Pali (Pau) habet anno 1975* (*Lic. ALF 39, 53*). Добавим, что с подачи П. Грималья журнал *Vita Latina* стал к 1989 г. франкоязычным, см.: *Desessard 1991*, 43–52.

⁴² Следующий конгресс предполагается созвать в 2017 г. на базе Института латинского языка и литературы при Кентуккском университете (Лексингтон, США).

⁴³ Термин Я.М. Боровского, см.: Боровский 1991. Другое название: «Международная Академия изучения латинского языка»: *Аристей 2013*, 238. Отметим, что число русскоязычных публикаций о

Характерной особенностью конгрессов ALF стал постепенный поворот в целенаправленной от практического использования латыни и выработки новолатинской терминологии к проблеме актуализации латинского языка и античной культуры в современном мире, что прослеживается и в традиционном названии этих форумов: *Omnium gentium ac nationum Latinis litteris linguaeque fovendis conventus*. Важной вехой на этом пути стал Бухарестский конгресс (28 августа – 3 сентября 1970 г.). По словам его участника Я.М. Боровского, «руководящей нитью в работе конгресса было раскрытие и углубление центрального для римской культуры понятия *humanitas*, одухотворявшего творчество великих писателей от Средних веков до нашего времени, что и было отмечено в первом пункте принятых конгрессом решений»⁴⁴.

В своей статье Яков Маркович, однако, не упоминает о примечательном эпизоде, случившемся там же, который, на наш взгляд, можно расценивать не иначе как «утрату исторической памяти». По сообщению о. Ц. Эйхензеера, будущего главы Саарбрюккенской школы неолатинистов, а в те годы монаха бенедиктинского архиаббатства Санкт-Оттилиен в Баварии и участника конгресса, среди делегатов Бухарестского форума оказался лишь единственный представитель от Мюнхена – баварские филологи-классики усомнились в возможности говорить по-латынски⁴⁵. И это при том, что со времени распада Мюнхенского Латинского общества прошло всего лишь пятнадцать лет.

Как видим, движение «живой латыни» не лишено и внутренних своих парадоксов, которые порождаются, скорее, самими его участниками, чем внешними обстоятельствами: недостаточной решимостью либо нежеланием «блюсти отеческие заветы» участников Авиньонских и Лионского конгрессов. Истоки проблемы можно отнести к концу 60-х – началу 70-х гг. минувшего века, когда в процессе создания Международной академии содействия латинской образованности оказались неучтенными исходные цели движения⁴⁶, не были четко проработаны требования к потенциальным членам самой академии, условия приема в нее. Нередко она пополнялась известными учеными, видными представителями гуманитарных наук (в первую очередь классической филологии), которые не владели навыками устной и письменной латинской речи, были равнодушны к «живой латыни»⁴⁷. Вследствие этого в докладах и в отчетной документации уже преобладали новые язы-

«живой латыни» крайне ограничено, в связи с чем не сложилось единой практики как обозначения институтов этого движения, так и передачи личных имен отдельных его представителей. Ср. «академия *Vivarium Novum*» – «латинская школа *Vivarium Novum*»: Аристей 2013, 203, Карло Эггер – Карл Эггер: Альбрехт, фон 2010, 178, Шарль Эггер: Маадла 1984, 58–72, Целестис Эйхензеер – Целестис Айхензеер: Белов 2013, 4, Сигрид Альберт – Зигрида Альберт: Солопов 2008, 138, Зигрид Альберт: Дементьева 2011, 250.

⁴⁴ Боровский 1991.

⁴⁵ *Monacensis autem studiorum universitatis cum nemo surrexisset prodissetque, Nicolaus Theodericus Piscator (Fischer), philologiae studiosus Monacensis ... Monacensium nomine cunctos consalutavit condicionesque Monacensis philologiae non ita prosperas paucis adumbravit. Denique sermonem nuntio conclusit, quo dixit Monacenses philologos opinari insanum esse et impossibile Latine loqui (Eich. 22). О Бухарестском конгрессе «живой латыни» см. также: Nurrus 1970, 42–44; Piscator 1970a, 45–46; Piscator 1970b, 46–49; Wankum 1970, 50; Fedorov 1973, 228–239.*

⁴⁶ Продолжалось это и впоследствии, при реформировании академического устава. Не стал исключением очередной пересмотр устава в 1982 г.: *Deinde statutum duodeviginti articulorum conficitur, in quo mirum in modum de viva lingua Latina provehenda nihil dicitur; scopus enim proponitur generalis et incertus: provehere et amplificare omne inceptum aptum ad notitiam Latinitatis omnium aetatum augendam, quae foveat moralem elationem et progressum civilem (Lic. ALF 171).*

⁴⁷ ...Romanelli [primus Academiae praeses] futuros Academiae sodales non seligit, unde fit ut inter eos multo plures sint, qui Latinitatem vivam sive non curent sive inutilem aut etiam nocivam iudicent (Lic. ALF 403). Ц. Эйхензеер подвергал сомнению вклад таких ученых в пропаганду латинского языка, см. его письмо от 12 марта 1990 г. в президиум академии: *Quid autem proderunt novi sodales divulgationibus scientificis perinsignes, si vix unum verbum Latine proferre sciunt? Satis quidem multae academiae aliae exstant, quarum sodales tantummodo linguis nationalibus utuntur (Lic. ALF 244).*

ки (прежде всего, итальянский), что стало типичным явлением в период 1989–2003 гг.⁴⁸. Более того, на 15-й сессии академии (1995 г.) из-за традиционно сильного итальянского лобби была внесена поправка в устав об избрании на пост президента исключительно итальянцев⁴⁹.

Академия постепенно становилась организацией с ярко выраженным бюрократическим началом⁵⁰, превращалась в один из многочисленных научных центров, специализирующихся на исследованиях в области классической филологии, античной (и последующей европейской) истории и культурологии, пользование латинским языком в которых сведено к одной рецепции⁵¹.

Данная ситуация в определенной мере нормализовалась в последние пятнадцать лет, после вступления на пост президента Академии финна Т. Пекканена (2003–2010). Он возродил латынь в качестве единственного рабочего языка, эта установка сохраняется и при новом президенте – австрийце К. Смолаке.

Возвращаясь к исходному пункту нашей статьи – дискуссии о соотношении целей «живой латыни» – отметим очень взвешенную позицию бельгийского филолога-классика Х. Ласа. Сегодня, справедливо отмечает он, не приходится говорить о практической выгоде, утилитарном характере владения латынью, которая уже давно не востребована в общественно-культурных реалиях нашего времени. Хотя в дни I Авиньонского конгресса знание ее все еще оставалось необходимым условием поступления в университет, спустя несколько лет ситуация изменилась⁵².

Сегодня актуальность латинского языка следует обосновывать не его утраченной практической значимостью, а непреходящим значением для духовной культуры Европей-

⁴⁸ Именно на международном конгрессе 1989 г. в Эрфурте и в Восточном Берлине отчетливо обозначилась тенденция к предпочтению новых языков. В. Штро, сетуя в 1997 г. по поводу засилья «варварских наречий», характеризовал это явление как «скатывание в рутину» и задавался риторическим вопросом: «Неужели мы и сами теперь не знаем, что делать с “живой латынью”?»: Stroh 1997.

⁴⁹ In articulo 7 oportet praeses sit nationis Italicae (Lic. ALF 286). Данный пункт вызвал разногласия при избрании нового президента на 21-й сессии в 1998 г.: Maximam suffragiorum partem obtinuit Thomas Pekkanen [Finnus], sed non statim electus est praeses. Manus Itolorum sodalium pausam petivit atque secessit. Reversi dixerunt fieri non posse ut homo non Italus Academiae praeses fieret ... Multi non Itali sodales stomachati sunt hac exclusione. Magnus ortus est tumultus, quo tamen non impeditum est quin prima electio pro nulla haberetur. Insequenti electione professor Luiselli Italus praeses factus est (Lic. ALF 304).

⁵⁰ Бюрократизация выражалась, помимо прочего, в приеме с 1995 по 2012 гг. в действительные члены академии только ученых с профессорским званием: Aliquid novi et magni ponderis est in mutatione articuli 3: nunc enim primum oportet sodales ordinarii sint professores academici (Lic. ALF 285). Даже значительные «новолатинские» заслуги кандидатов-«непрофессоров» не могли гарантировать их избрания, как случилось в 2006 г. с С. Альберт: Postea disputatur de candidatis. D.rix Sigrides Albert fiatne sodalis ordinaria an bene merita? Alii dicunt eam ordinariam secundum statutum fieri non posse, quae non sit profestrix academica, alii ... titulum professoris iam non esse exigendum; propter eius multa opera Latina tamen cooptatur sodalis ordinaria (Lic. ALF 357).

⁵¹ Необходимость обращения к национальным языкам обосновывали потребностью привлечь к участию в конгрессах и семинарах «живой латыни» представителей смежных наук, не владеющих устной и письменной латинской речью: Luiselli monet multos homines doctos Latinis acroasibus deterritum iri ne conventum [Dulhelmensem anni 1985i] participant; hoc dolendum esse, quod archaeologorum, historicorum uirisque peritorum participatio augere possit conventus pondus. Ei consentiunt Mariotti et Ijsewijn, qui suadent ut etiam liceat sermone uti vernaculo; postea hac acroases in Latinum versum iri, antequam edantur (Lic. ALF 197). Понятие «рецепция» мы используем здесь в том значении, как его принято понимать в методике обучения иностранным языкам. Ср.: «рецепция – прием сообщения <...> имеет значение при аудировании, чтении, зрительном восприятии...»: Азимов, Шукин 2009, 249. Для «мертвого языка» имеется в виду чтение и перевод.

⁵² Saltem in Belgio usque ad annos quinquagesimos saeculi praeteriti...accessus ad studiorum universitatem omnino negabatur eis qui sectionem Graeco-Latinam in gymnasiis non participaverant (Laes 2). Во Франции латынь сохраняла свои позиции чуть дольше, cum ab anno 1968 iam non necesse sit Latine didicisse eis qui studia universitaria inchoare cupiunt (Lic. ALF 102).

ской цивилизации, возможностью приобщения к сокровищнице *res publica litterarum*, на что и указывал в своем докладе Л. Миралья. «Владение языком» предполагает не только практические навыки его использования, в языкознании под этим понимают умение оперировать лингвистическими данными, в филологии – интерпретировать тексты. Последняя «степень владения» языком берет свое начало в эпоху Ренессанса: гуманисты культивировали классические штудии, занимаясь, преимущественно, интерпретацией древних авторов. Следуя данной традиции, Л. Миралья отчасти справедливо критикует привычку вести беседы о кока-коле и прочих реалиях современной цивилизации, поскольку это имеет весьма косвенное отношение к подлинному знанию латинского языка⁵³.

Вместе с тем, говорит Х. Лас, концентрация на одном только письменном наследии римской Античности и книжной традиции латинской Европы таит в себе немалую опасность, поскольку суживает сферы применения латыни и не отвечает самой природе языка. Мы полностью разделяем данную его позицию: если признавать латынь способной к удовлетворению коммуникативных запросов ученого сообщества и обычных людей, к адекватному отражению реалий сегодняшнего дня наравне с национальными языками, то всякое ограничение ее узуса будет неверным, противоестественным и в конечном итоге пагубным⁵⁴. Как таковое движение «живой латыни» призвано пропагандировать культурное наследие Античности, исследовать его рецепцию, но инструментом этой пропаганды, языком конференций и публикаций, языком самой Академии содействия латинской образованности должна оставаться, на наш взгляд, латынь.

Сегодня, спустя шестьдесят лет, прошедших со времени I Авиньонского конгресса, можно сделать вывод, что исходная цель движения – восстановление латыни в роли универсального языка (научного) общения – достигнута лишь в некоторой степени. Тем не менее эти частичные успехи позволяют А.И. Солопову говорить об отдельной традиции пользования латынью, сложившейся в XX в., традиции, в соответствии с которой латынь – это инструмент для передачи понятий нашего времени и лишь затем язык с долгой культурной историей⁵⁵.

Однако следует констатировать, что проект латыни как глобального языка, значение которого было бы сопоставимо с прежней его ролью, которую он играл вплоть до XVIII в., потерпел неудачу. Политико-экономическому, научно-культурному и социальному доминированию английского (в его американском варианте) сопутствует утрата духовно-мировоззренческих связей современного общества с греко-римской цивилизацией, которая потеряла для него свою образцовость и авторитетность. Данное обстоятельство имеет, однако, и свои положительные стороны. На Западе, где сохранилась преемственность классической филологии и антиковедения в целом, в середине XX в. родилась неолатинистика, объектом исследования которой выступает латинская словесность с эпохи Возрождения по наши дни⁵⁶. В лексикографических штудиях минувший век был ознаменован поворотом в сторону национальных латинских традиций, создавались (нередко многотомные) словари

⁵³ *Hanc ergo traditionem secutus, Aloisius Miraglia quadam ex parte recte vituperat morem sive temptationem ut de Coca Cola atque de rebus recentissimis Latine loquamur, eaque re 'veram scientiam' linguae Latinae significari censeamus. ...Humanitas quam tam strenue defendit Aloisius Miraglia melior ergo via esse videtur ad Latinitatem defendendam quam utilitas quae Gaio Licoppe multisque fautoribus Latinitatis Vivae ita cordi est* (Laes 3, 2).

⁵⁴ Впрочем, в минувшие две-три сотни лет немало известных ученых и школьных преподавателей были убеждены в обратном. Среди них, например, – «отец науки о древностях» Ф.А. Вольф, ограничивавший активное пользование латынью в школе лишь теми вопросами, которые связаны с греко-римской историей. Сходную позицию занимал и Э. Боннель: говорение на повседневные темы – излишне, общение необходимо направлять в русло научного дискурса, руководствуясь изучаемой темой: Fritsch 1990, 35–37.

⁵⁵ Солопов 2008, 232.

⁵⁶ Подробнее о неолатинистике (новолатинской филологии) см.: Ijsewijn 1977; Ludwig, Gleis, Leonhardt 2003, 395–424; Бидная, Кравчук 2011, 336–339.

средневековой латыни отдельных европейских государств⁵⁷. Наконец, в методической науке в 60-е-70-е гг. XX в. была обновлена прежняя концепция латыни как преимущественно языка Древнего Рима, началось переосмысление содержания обучения латинскому языку, который рассматривается теперь как ключевая дисциплина *общеευропейской традиции*, формирующая у учащихся способность к *исторической коммуникации*⁵⁸. В 1973 г. на конгрессе в Амстердаме М. Фурман (1925–2005) выдвинул даже дилемму «или Цезарь, или Эразм», призвав уделять самое пристальное внимание произведениям знаменитого голландца и других гуманистических писателей, поскольку они, по его мнению, с наибольшей полнотой воплощают культурные традиции современной Европы⁵⁹.

Таким образом, способность к исторической коммуникации формируется путем расширения хронологических рамок при отборе тех литературных произведений, которые подлежат усвоению школьниками и студентами. Круг читаемых на Западе произведений более не ограничен текстами одного лишь античного периода: цель обучения латыни сегодня – формирование переводческих навыков как римских, так и послеантичных (вплоть до современных) текстов⁶⁰. Поэтому мы не склонны полностью разделять позицию Г. Ликоппа, который объясняет скромные успехи движения «живой латыни» неизменностью традиционных методов обучения⁶¹. На Западе свобода преподавателей-латинистов в выборе методик и учебников неодинакова: если в Бельгии действуют строгие министерские предписания⁶², то в Германии⁶³ и США⁶⁴ учителя пользуются большей автономностью. Г. Ликопп прав в том смысле, что не наступило ожидаемого внедрения коммуникативных

⁵⁷ Подробный их обзор см. в монографии: Солоров 2008, 185–192. Отметим, что в своей статье о латинском языке М.В. Ломоносова Алексей Иванович упоминает редчайшее значение слова *calculus*, не зафиксированное ни в одном европейском словаре средневековой или гуманистической латыни: Солоров 2010, 3–4. Речь идет, по-видимому, о сугубо отечественном, национально маркированном значении этого слова. Тем не менее словарь российской латыни, где была бы собрана подобная лексика, пока еще не создан.

⁵⁸ Fritsch 1999, 88.

⁵⁹ Fritsch 1999, 85–88. Текст доклада см.: Fuhrmann 1976, 83–94.

⁶⁰ Fritsch 1990, 76. Ср. здесь же постановление Международного конгресса «живой латыни» в Лувене и Антверпене (1993 г.): 2. Etiam si studium auctorum classicorum et est et erit fundamentum institutionis Latinae, nihilominus etiam textus medioaevales et neolatini discipulis et studiosis proponantur ut plenior species totius historiae litterarum Europaeae usque ad nostra tempora percipiatur (Lic. ALF 269). Относительно текстов, читаемых на классических отделениях университетов, А. Фрич добавляет, что в соответствии с официальным положением, действующим в Берлине с 1982 г., экзаменационный материал студентов-классиков как минимум на 50% может состоять из постантичной латыни. Это те латинские тексты, которые появились до 1980-х гг. включительно. Нижняя хронологическая граница с течением времени, очевидно, продлевается.

⁶¹ *Latinam tamen linguam in usum restitui non posse nisi docendi rationibus funditus mutatis. Recte quidem iudicabat [Iohannes Capelle], sed hoc factum non est ... Quamquam Latinitas Viva in publico notior facta erat, nulli progressus interea facti sunt in institutione scholari, quae insuper ubique coartabatur* (Lic. Stat. 1).

⁶² *De verbis Andreae Fritsch hoc addere possum: in hac re Germania est felix. In Belgicis scholis, contra, neque licet viva ratione docere, neque scripta legere nisi antiqua. Institutionis inspectores nobis sunt maxime infesti* (из письма Г. Ликоппа А. Следникову от 02.11.2015).

⁶³ Тем не менее ситуация зависит от конкретной федеральной земли. «Прощай, Коменский!», – восклицает В. Штро, поскольку в Баварии все обучение латинскому языку сосредоточено вокруг Цезаря и Цицерона. Вне школьной программы, таким образом, остаются не только представители фауны (*cornix, agnus, cicada, urupa*) из учебника *Orbis sensualium pictus*, но и самые обыденные профессии (*medicus*). Причина проста: в произведениях важнейших римских классиков лексика эта встречается крайне редко: Stroh 2013, 246–247.

⁶⁴ *Ea occasione comperimus [Gauis Licoppe cum Francisca Deraedt] Americanis docentibus multo maiorem esse libertatem in programmatibus methodisque eligendis, dum discipulos alliciant quam plurimos. Alia res nobis mira: discipulos, quibus praeter linguam Anglicam altera lingua sit eligenda, aequae eligere posse linguam Latinam ac linguam vernaculam ut Hispanicam Francogallicamve...* (Lic. ALF 298).

методов в обучение латинскому языку: влияние движения происходит опосредованно, вне стен образовательных учреждений.

В целом, рецепция античного культурного наследия дополняется теперь актуализацией латинских памятников Средневековья, Нового и Новейшего времени; данная задача сегодня представляется столь же значимой, как и исходная цель движения – восстановление латыни как средства международного общения ученых.

Следников Алексей Георгиевич,
аспирант кафедры всеобщей истории
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов, Е.Г., Щукин, А.Н. 2009: *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.
- Альбрехт, М. фон 2010: *Путешествие моей жизни*. М.
- Белов, А.М. 2013: *Отзыв о книге А.Г. Следникова «Живая латынь. Libellus de lingua Latina viva»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antik-yar.ru/wp-content/uploads/2014/07/responsum.pdf>
- Бидная, А.А., Кравчук, И.Б. 2011: Неолатинистика: проблемы и перспективы развития в Беларуси. В сб.: И.С. Истомина (отв. ред.), *Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях*. Гродно, 336–339.
- Боровский, Я.М. 1991: *Латинский язык как международный язык науки: к истории вопроса*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/borovsky-91.htm>
- Дементьева, В.В. 2011: Современная «справедливая война»: взгляд историков через призму римского понятия bellum iustum. В сб.: В.Н. Вдовин (отв. ред.), *Проблемы античного мира и современность*. Вып. II. Алматы.
- Маадла, Ю.Й. 1984: *О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/maadla-84.htm>
- Солопов, А.И. 2008: *Начала латинской стилистики*. М.
- Солопов, А.И. 2010: *Латинский язык в жизни и творчестве Ломоносова*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~istlit2014/pdfs/solopov.pdf>
- Aramendia, J. 1961: Dulce et decorum est pro Christo mori! *PL* 175/176, 143–150.
- Avenarius, A. 1936: De amico nostro R.P. Emmanuele Jové C.M.F. *SL* 4, 49–50.
- Capelle, J. 1952: Le latin ou Babel. *Bulletin de l'Éducation Nationale* 23.10, 1–2.
- Capelle, J. 1953: Latin or Babel. *The Classical Journal* 49/1, 37–40.
- Capelle, J. 1956: *Premier Congrès International pour le latin vivant*. Avignon.
- Delgado, J. 1932: Per orbem: Societas Latina Varsaviae constituta. *PL* 16, 121.
- Desessard, C. 1991: De Vitae Latinae novissima abiectio. *Latinitas* 39, 41–53.
- Dubielzig, U. 2003: Die moderne Königin der Elegien. Hermann Wellers Gedicht >Y<. In: E. Keßler, H.C. Kuhn (Hrsg.), *Germania latina – Latinitas teutonica: Politik, Wissenschaft, humanistische Kultur vom späten Mittelalter bis in unsere Zeit*. Bd. 2. München, 855–878.
- Eichenseer, C. 1970: Memoriae perenni Patris Andreae Avenarii, sodalis Societatis Divinae. *VL* 22, 74–77.
- Fedorov, N.A. 1970: Conventus omnium gentium Latinis litteris linguaeque fovendis Bucarestiis MCMLXX a die 28 mensis Augusti ad diem 3 mensis Septembri. В сб.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (отв. ред.), *Вопросы классической филологии*. Вып. V. М., 228–239.

- Fritsch, A. 1990: *Lateinsprechen im Unterricht. Geschichte – Probleme – Möglichkeiten*. Bamberg.
- Fritsch, A. 1999: Die Didaktik des Lateinunterrichts in der Bundesrepublik Deutschland. Versuch eines kurzen Überblicks. *Forum Classicum* 2, 80–91.
- Fritsch, A. 2002: Lebendiges Latein – was ist das und wer spricht es? In: D. Blanke (Hrsg.), *Interlinguistische Informationen: Mitteilungsblatt der Gesellschaft für Interlinguistik e.V.* Bh. 8. Berlin, 53–67.
- Fuhrmann, M. 1976: Caesar oder Erasmus? Überlegungen zur lateinischen Lektüre am Gymnasium. In: M. Fuhrmann, *Alte Sprachen in der Krise? Analysen und Programme*. Stuttgart, 83–94.
- Ijsewijn, J. 1977: *Companion to Neo-Latin Studies*. Amsterdam.
- Jiménez, J.M. 1934: Quantam Claretiani litteris Latinis dederint operam. *PL* 33/34, 123–127.
- Jové, E. 1934: Andreas Avenarius. *PL* 2, 23.
- Lamer, J. 1935: De “Societate Latina” quae floret Monaci (Bavarorum). *PL* 43, 128–129.
- Lather, R. 2013: Latein als Weltsprache im 20. Jahrhundert. Karl Fleschs *Ferocia Latina* (1942) und die Münchener Societas Latina. In: S. Tilg, I. Walser (Hrsg.), *Der neulateinische Roman als Medium seiner Zeit. The Neo-Latin Novel in its Time*. Tübingen, 229–242.
- Licoppe, G. 2013: Deceptus gymnasio. *Melissa* 174, 1.
- Ludwig, W., Gleis, R.F., Leonhardt, J. 2003: Klassische und neulateinische Philologie: Probleme und Perspektiven. *RhM. Neue Folge* 146, 395–424.
- Lurz, G. 1932a: Wozu eine Societas Latina? *SL* 1, 1–4.
- Lurz, G. 1932b: Von der Lateinbewegung in Frankreich. *SL* 1, 13–15.
- Lurz, G. 1935: Von der Lateinbewegung in Italien. *SL* 3, 2–6.
- Lurz, G. 1949: Die moderne Lateinbewegung. *SL* 15, 1–22.
- Miraglia, A. 2013: *Aloisii Miraglia de causis corruptae institutionis Latinae oratio*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_OyhWKTmJBo
- Miraglia, A. 2014: *Aloisii Miraglia oratio de causis corruptae institutionis Latinae (Malacae a. 2014 habita) a sodalibus Circuli Gaditani exscripta atque annotationibus et indice nominum ab Alexandra Ramos instructa*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.salmusarum.com/actividades/exercitationes/aloisii-miraglia-orationis-de-causis-corruptae-institutionis-latinae-malacae-2014-transcriptio-annotatiunculis-et-indice-nominum-locupletata/>
- Mir, I.M. 1961: Laudemus gloriosam Martyrum mortem. *PL* 175/176, 133–134.
- Mir, I.M. 1970: *Nova verba Latina*. Barcinone.
- Nurrus, C.A. 1970: De conventu Bucarestini nuper habito observationes aliquot. *VL* 22, 42–44.
- Piscator, N.T. 1970a: Ex Ponto... *VL* 22, 46–49.
- Piscator, N.T. 1970b: Quae sint Bucurestiis sensibus animoque percepta. *VL* 22, 45–46.
- Porredon, A.L. 2008: L'ensenyament secundari a Cervera durant el període Claretí. *Palestra Universitària* 19, 249–316.
- Sidera, J. 1960: De Patris Andreae Avenarii iubilaeo sacerdotii ante quinquaginta annos suscepti. *PL* 30, 37–38.
- Sidera, J. 1961: Servus Dei Pater Emmanuel Jové, C.M.F. *PL* 175/176, 135–142.
- Stroh, W. 1997: *O Latinitas! Erfahrungen mit lebendigem Latein und ein Rückblick auf zehn Jahre Sodalitas*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.latinitatis.com/latinitas/textus/latstroh.htm>
- Stroh, W. 2000a: De Carolo Henrico Ulrichs Latinitatis reviviscentis auctore. In: W. Stroh (Ndr., Einl.), *Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs V–XV*. Hamburg.
- Stroh, W. 2000b: Karl Heinrich Ulrichs als Vorkämpfer eines lebendigen Latein. In: W. Setz (Hrsg.), *Karl Heinrich Ulrichs zu Erhen: Materialien zu Leben und Werk*. Hambur, 81–92.

- Stroh, W. 2001: Lebendiges Latein. In: *Der Neue Pauly: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte*. 15, 92–99.
- Stroh, W. 2007: *Latein ist tot, es lebe Latein! Kleine Geschichte einer grossen Sprache*. Berlin.
- Ulrichs, C.A. 2000: Die lateinische Zeitschrift “Alaudae”. In: W. Stroh (Ndr., Einl.), *Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs XX*. Hamburg.
- Wankum, U. 1970: Quaenam circa conventum Bucurestiis observaverim. *VL* 22, 50.
- Welz, E. von 1932: Von der Lateinbewegung in Italien. *SL* 1, 15–17.
- Welz, E. von. 1947: Sodalibus nostris benevolis. *SL* 13, 1.
- Welz, E. von 1955: Zum Abschied. *SL* 21, 1–3.

REFERENCES

- Al’breht, M., fon 2010: *Puteshestvie moej zhizni*. Moscow.
- Aramendia, J. 1961: Dulce et decorum est pro Christo mori! *Palaestra Latina* 175/176, 143–150.
- Avenarius, A. 1936: De amico nostro R.P. Emmanuele Jové C.M.F. *Societas Latina* 4, 49–50.
- Azimov, E.G., Shchukin, A.N. 2009: *Novyj slovar’ metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. Moscow.
- Belov, A.M. 2013: *Otzyv o knige A.G. Slednikova «Zhivaya latyn’*. *Libellus de lingua Latina viva*», <http://antik-yar.ru/wp-content/uploads/2014/07/responsum.pdf>
- Bidnaya, A.A., Kravchuk, I.B. 2011: Neolatinistika: problemy i perspektivy razvitiya v Belarusi. V sb.: I.S. Istomina (otv. red.), *Lingvokul’turologicheskaya paradigma v sovremennykh issledovaniyakh*. Grodno, 336–339.
- Borovskij, Ja.M. 1991: *Latinskij yazyk kak mezhdunarodnyj yazyk nauki: k istorii voprosa*, <http://www.philology.ru/linguistics3/borovsky-91.htm>
- Capelle, J. 1952: Le latin ou Babel. *Bulletin de l’Éducation Nationale* 23.10, 1–2.
- Capelle, J. 1953: Latin or Babel. *The Classical Journal* 49/1, 37–40.
- Capelle, J. 1956: *Premier Congrès International pour le latin vivant*. Avignon.
- Delgado, J. 1932: Per orbem: Societas Latina Varsaviae constituta. *Palaestra Latina* 16, 121.
- Dement’eva, V.V. 2011: Sovremennaya «spravedlivaya vojna»: vzglyad istorikov cherez prizmu rimskogo ponyatiya bellum iustum. In: V.N. Vdovin (otv. red.), *Problemy antichnogo mira i sovremennost’*. Vyp. II. Almaty.
- Desessard, C. 1991: De Vitae Latinae novissima abiectio. *Latinitas* 39, 41–53.
- Dubielzig, U. 2003: Die moderne Königin der Elegien. Hermann Wellers Gedicht >Y<. In: E. Keßler, H.C. Kuhn (Hrsg.), *Germania latina – Latinitas teutonica: Politik, Wissenschaft, humanistische Kultur vom späten Mittelalter bis in unsere Zeit*. Bd. 2. München, 855–878.
- Eichenseer, C. 1970: Memoriae perenni Patris Andreae Avenarii, sodalis Societatis Divinae. *Vox Latina* 22, 74–77.
- Fedorov, N.A. 1970: Conventus omnium gentium Latinis litteris linguaeque fovendis Bucurestis MCMLXX a die 28 mensis Augusti ad diem 3 mensis Septembri. В сб.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (отв. ред.), *Вопросы классической филологии*. Вып. V. Moscow, 228–239.
- Fritsch, A. 1990: *Lateinsprechen im Unterricht. Geschichte – Probleme – Möglichkeiten*. Bamberg.
- Fritsch, A. 1999: Die Didaktik des Lateinunterrichts in der Bundesrepublik Deutschland. Versuch eines kurzen Überblicks. *Forum Classicum* 2, 80–91.
- Fritsch, A. 2002: Lebendiges Latein – was ist das und wer spricht es? In: D. Blanke (Hrsg.), *Interlinguistische Informationen: Mitteilungsblatt der Gesellschaft für Interlinguistik e.V.* Bh. 8. Berlin, 53–67.

- Fuhrmann, M. 1976: Caesar oder Erasmus? Überlegungen zur lateinischen Lektüre am Gymnasium. In: M. Fuhrmann, *Alte Sprachen in der Krise? Analysen und Programme*. Stuttgart, 83–94.
- Ijsewijn, J. 1977: *Companion to Neo-Latin Studies*. Amsterdam.
- Jiménez, J.M. 1934: Quantam Claretiani litteris Latinis dederint operam. *Palaestra Latina* 33/34, 123–127.
- Jové, E. 1934: Andreas Avenarius. *Palaestra Latina* 2, 23.
- Lamer, J. 1935: De “Societate Latina” quae floret Monaci (Bavarorum). *Palaestra Latina* 43, 128–129.
- Lather, R. 2013: Latein als Weltsprache im 20. Jahrhundert. Karl Fleschs *Ferocia Latina* (1942) und die Münchener Societas Latina. In: S. Tilg, I. Walser (Hrsg.), *Der neulateinische Roman als Medium seiner Zeit. The Neo-Latin Novel in its Time*. Tübingen, 229–242.
- Licoppe, G. 2013: Deceptus gymnasio. *Melissa* 174, 1.
- Ludwig, W., Gleis, R.F., Leonhardt, J. 2003: Klassische und neulateinische Philologie: Probleme und Perspektiven. *RhM. Neue Folge* 146, 395–424.
- Lurz, G. 1932a: Wozu eine Societas Latina? *Societas Latina* 1, 1–4.
- Lurz, G. 1932b: Von der Lateinbewegung in Frankreich. *Societas Latina* 1, 13–15.
- Lurz, G. 1935: Von der Lateinbewegung in Italien. *Societas Latina* 3, 2–6.
- Lurz, G. 1949: Die moderne Lateinbewegung. *Societas Latina* 15, 1–22.
- Maadla, Ju.J. 1984: *O sovremennyh popytkah «ozhivlenija» latyni kak jazyka mezhdunarodnogo obshhenija*, <http://www.philology.ru/linguistics3/maadla-84.htm>
- Miraglia, A. 2013: *Aloisii Miraglia de causis corruptae institutionis Latinae oratio*, https://www.youtube.com/watch?v=_OyhWKTmJBo
- Miraglia, A. 2014: *Aloisii Miraglia oratio de causis corruptae institutionis Latinae (Malacae a. 2014 habita) a sodalibus Circuli Gaditani exscripta atque annotationibus et indice nominum ab Alexandra Ramos instructa*, <http://www.salmusarum.com/actividades/exercitationes/aloisii-miraglia-orationis-de-causis-corruptae-institutionis-latinae-malacae-2014-transcriptio-annotatiunculis-et-indice-nominum-locupletata>
- Mir, I.M. 1961: Laudemus gloriosam Martyrum mortem. *Palaestra Latina* 175/176, 133–134.
- Mir, I.M. 1970: *Nova verba Latina*. Barcinone.
- Nurru, C.A. 1970: De conventu Bucarestini nuper habito observationes aliquot. *Vox Latina* 22, 42–44.
- Piscator, N.T. 1970a: Ex Ponto... *Vox Latina* 22, 46–49.
- Piscator, N.T. 1970b: Quae sint Bucurestiis sensibus animoque percepta. *Vox Latina* 22, 45–46.
- Porredon, A.L. 2008: L'ensenyament secundari a Cervera durant el període Claretia. *Palaestra Universitària* 19, 249–316.
- Sidera, J. 1960: De Patris Andreae Avenarii iubilaeo sacerdotii ante quinquaginta annos suscepti. *Palaestra Latina* 30, 37–38.
- Sidera, J. 1961: Servus Dei Pater Emmanuel Jové, C.M.F. *Palaestra Latina* 175/176, 135–142.
- Solopov, A.I. 2008: *Nachala latinskoj stilistiki*. Moscow.
- Solopov, A.I. 2010: *Latinskij yazyk v zhizni i tvorchestve Lomonosova*, <http://www.philol.msu.ru/~istlit2014/pdfs/solopov.pdf>
- Stroh, W. 1997: *O Latinitas! Erfahrungen mit lebendigem Latein und ein Rückblick auf zehn Jahre Sodalitas*, <http://www.latinitatis.com/latinitas/textus/latstroh.htm>
- Stroh, W. 2000a: De Carolo Henrico Ulrichs Latinitatis reviviscentis auctore. In: W. Stroh (Ndr., Einl.), *Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs V–XV*. Hamburg.
- Stroh, W. 2000b: Karl Heinrich Ulrichs als Vorkämpfer eines lebendigen Latein. In: W. Setz (Hrsg.), *Karl Heinrich Ulrichs zu Erhen: Materialien zu Leben und Werk*. Hamburg, 81–92.

-
- Stroh, W. 2001: Lebendiges Latein. In: *Der Neue Pauly: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte*. 15, 92–99.
- Stroh, W. 2007: *Latein ist tot, es lebe Latein! Kleine Geschichte einer grossen Sprache*. Berlin.
- Ulrichs, C.A. 2000: Die lateinische Zeitschrift “Alaudae”. In: W. Stroh (Ndr., Einl.), *Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889-1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs XX*. Hamburg.
- Wankum, U. 1970: Quaenam circa conventum Bucurestiis observaverim. *Vox Latina* 22, 50.
- Welz, E. von 1932: Von der Lateinbewegung in Italien. *Societas Latina* 1, 15–17.
- Welz, E. von 1955: Zum Abschied. *Societas Latina* 21, 1–3.
- Welz, E. von. 1947: Sodalibus nostris benevolis. *Societas Latina* 13, 1.
-
-

О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОБЛЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА В ЕВРАЗИИ

Современные междисциплинарные исследования по археометаллургии не обходятся без применения разнообразных аналитических методов, направленных на реконструкцию всех сторон производственной цепочки, торговых связей, экономических и культурных контактов, понимание которых основывается не только на изучении типологии изделий, но и на трансформации технологий металлообработки.

В 2015 г. профессор Марк Поллард (Оксфорд) представил проект FLAME, объединяющий исследования в области развития металлургии на территориях Евразии. Команда проекта, созданная на базе Научно-исследовательской лаборатории по археологии и истории искусства Университета Оксфорда, сфокусировалась на изучении проблем движения, обмена и трансформаций металла по материалам степных и оседлых обществ эпохи бронзы и раннего железного века огромной территории Евразии. Следует отметить, что затрагиваемые методологические проблемы идентификации источников сырья, направлений обмена, выявления переплавки и пр. оставались актуальными в районах пограничных и взаимодействующих культур степи, Центральной Азии и Китая и в эпоху средневековья¹. Для изучения практик утилизации и повторного использования металлов и сплавов, для реконструкций процессов обмена и торговли древним металлом используются данные химических элементных анализов и изотопия свинца, полученные с изделий из археологической бронзы и меди.

Источниковая база исследований включает уже имеющиеся в коллекциях артефакты и данные по ним, например, Tylecote Collection Исторического металлургического общества (Великобритания), содержащую более 800 металлографических образцов и небольшое количество секционированных объектов. Также широко задействованы базы данных Оксфордской изотопной лаборатории Oxford Archaeological Lead Isotope Database и OXSAMS Data base of ancient metal analyses from Great Britain and Ireland. Предполагается введение в научный оборот данных по новым археообъектам с исследуемых территорий. На настоящий момент проект располагает информацией по 708 радиоуглеродным датам, 5 568 анализам химического элементного состава археологических металлических изделий и 125 анализам по изотопам свинца с исследуемых территорий.

Анализ по соотношению свинцовых изотопов в настоящее время является наиболее эффективным способом выявления географического происхождения свинца в составе древних металлов (бронзах и др. изделиях из медных сплавов) и других материалов (пигменты, стекла, лагури, краска и др.), где были использованы минералы, содержащие свинец. Этот метод основан на сравнении соотношений 3-х изотопов свинца – Pb206/204, Pb207/204, Pb208/204, – где Pb204 не является радиогенным, а также Pb207/206, Pb208/206 в археологическом металле и рудных месторождениях. Свинцовые изотопные соотношения должны быть очень точно измерены (с общей погрешностью <0,1%). В настоящее время имеется только два доступных метода, которые могут обеспечить требуемую точность. Это термальна-ионизационная масс-спектрометрия (Thermal Ionisation Mass Spectrometry – TIMS) и мультиколлекторная с индуктивно связанной плазмой масс-спектрометрия (Multicollector Inductively Coupled Plasma Mass Spectrometry – MC-ICP-MS). Все данные

* Работа подготовлена в рамках исследований по проекту РГНФ № 15-01-00306.

¹ Конькова 2001; Gudrun 2006; Король, Конькова 2007; Черных 2009, 2013.

по свинцовым изотопам в Оксфордской лаборатории изотопного анализа были получены с использованием мультиколлекторной TIMS. Методика измерений описана², представлено также обсуждение и сопоставление данных, полученных с помощью MC-ICP-MS и TIMS³.

В начале 2016 г. в Великобритании на семинаре серии «Шелковый путь: место Азии в мировой археологии» были представлены результаты первых месяцев работы. Актуальные данные вошли в презентации и доклады семинара, состоявшегося 24 ноября 2016 г. в НИЦ «Курчатовский институт» в Москве. Семинар был посвящен изучению древних металлов и изделий, найденных на территории Европы, Китая, Северного Кавказа, Крыма. Впервые идея о том, что некоторые химические характеристики геологического сырья выступают в качестве маркера, который в металлическом предмете может быть измерен и рассмотрен в качестве свидетельства прямого или косвенного взаимодействия и обмена между населением – потребителем металлического изделия (в месте его находки) и обитателями районов рудных месторождений, была высказана еще в XIX в.⁴ В публикациях, отражающих реализацию задач проекта, отмечается важность изучения как регионов Китая, так и прилегающих территорий, в первую очередь степных пространств. На настоящий момент опубликовано около 3300 химических анализов бронзовых китайских древних предметов и введено в оборот 1300 измерений изотопных соотношений свинца в бронзах, начиная от самого раннего периода до эпохи существования династии Западного Чжоу. Ценные данные с применением метода соотношений свинцовых изотопов при исследовании китайских металлов получены по материалам из Аньяна⁵. В группе изотопных соотношений свинца особо выделены радиогенные – $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$ ($<0,8$). Путем сравнения с геологической базой высказано предположение, что такие изотопы свинца, вероятно, происходят из области на юго-западе Китая, где сейчас находятся административные границы современных провинций Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу. Хотя в свинцово содержащей бронзе сигнал изотопов свинца может являться индикатором его рудного источника, а не меди, допустимо, что некоторые найденные в Аньяне археологические объекты, вероятно, происходят с юго-запада Китая, где медь и свинец сосуществовали в руде и характеризовались высокой радиогенностью изотопов свинца. Эти изотопы впоследствии были обнаружены на объектах, происходящих из раскопок бронзового века в Саньсиндуй⁶, Цзиньша⁷, на равнине Чэнду, в Ханьчжуне, в Южном Шэньси⁸ и ряде других мест. Памятники датируются эпохой «Поздняя Шань» или началом правления династий Западной Чжоу. Все эти данные были собраны и обобщены⁹. Помимо изотопных соотношений свинца, участники проекта используют сравнительный анализ бытующих металлургических традиций, призывая при исследовании элементного состава бронз публиковать данные по наличию Cu, Pb, Sn, Zn, As, Sb, Ni, Sb, Fe, Co и Bi в сплавах. Также актуален и типологический сравнительный анализ металлических изделий, употреблявшихся в Поднебесной и пограничных степных районах, например, издана работа о распространении оружия ближнего боя – топоров, кинжалов и пр.¹⁰

Отметим, что для раннесредневековых степных культур Евразии и пограничных территорий при анализе изделий из цветного металла важно не только сравнительное изучение металлургических традиций, типологической характеристики предметов, но и их

² Gale, Stos-Gale 2000.

³ Baker et al. 2006.

⁴ Gobel 1842; Wocel 1854a; 1854b; Damour 1865; Helm 1886.

⁵ Jin 2008.

⁶ Jin et al. 1995.

⁷ Jin et al. 2004.

⁸ Jin et al. 2006.

⁹ Liu et al. 2015.

¹⁰ Rawson 2015.

декора. Для «тюркской» эпохи свойственно чрезвычайно широкое распространение моды на ременные украшения определенных форм и отделки. Актуален вопрос не только о происхождении металла в каждом регионе, но и о местах изготовления внешне иногда идентичных предметов (в том числе и по декору), но имеющих разные технологические характеристики, включая состав металла. Именно такой комплексный подход дает возможность выйти на уровень исторических обобщений в оценке ремесленных традиций, а также поставить вопрос о системе организации производства и распространения изделий¹¹.

Поскольку проблемы взаимодействия, циркуляции металла, его переплавки и пр. актуальны в различные исторические интервалы для разных территорий, то в поле зрения попали и другие зоны Евразии, например, вводится в науку значительная новая база по химическому анализу британских медных сплавов, начиная с позднего железного века до раннего средневековья. Их анализ показывает, что значительные изменения в обращении металла происходят в начале первого века нашей эры и в начале англо-саксонского периода¹². Также рассматривается ранняя медь и медные сплавы альпийского металлургического региона, отмечается в западной части Альп, по сравнению с восточной, преобладание оловянистой бронзы¹³. Для археологических объектов из медных сплавов представлена новая методология интерпретации свинцовых изотопных соотношений, выявившая очевидное несоответствие между данным изотопной геохимии некоторых источников меди и археологическими данными. Описана методика обнаружения смешанных изотопных сигналов местного и привозного металла, используемого совместно при изготовлении одного металлоизделия, ранее ошибочно относимого к одному конкретному рудному источнику¹⁴. На основании значительного массива данных химического анализа (около 5000 предметов) медных сплавов Ближнего Востока эпохи бронзы и железного века ставится вопрос об источниках олова. Реконструируются различные системы обмена и отмечается решающая роль источников олова в Западном Иране в эпоху железа¹⁵. Программа исследований рассчитана на пять лет и ее реализация, благодаря новым технологиям и огромному суммируемому фактическому материалу, безусловно, расширит представления об обмене металлом, вопросах переработки изделий, трансформации технологий и пр. Интеграция в проект данных по бронзовым изделиям Зауралья, Саяно-Алтая и других регионов Северной Евразии поможет лучше понять взаимодействие степных культур и Китая, направление обмена сырьем и технологиями, проблемы циркуляции металла и его переиспользования, основы которого были заложены в эпоху бронзы и, по видимому, оставались актуальными и в Средневековье.

Грешников Эдуард Аркадьевич,
ведущий специалист Лаборатории
естественно-научных методов в гуманитарных науках
Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»

¹¹ Горбунова и др. 200; Король, Конькова 2012; Король, Наумова 2015.

¹² Pollard, Bray 2015.

¹³ Perucchetti et al. 2015.

¹⁴ Pollard et al. 2015.

¹⁵ Cuenod et al. 2015.

- Горбунова, Т.Г., Тишкин, А.А., Хаврин, С.В. 2009: *Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов*. Барнаул.
- Конькова, Л.В. 2001: Аналитические методы в исследовании древнего ремесла. В кн.: *Древние ремесленники Приуралья. УИИЯЛ УрО РАН*. М., 44–53.
- Король, Г.Г., Конькова, Л.В. 2007: Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии. *РА* 2, 25–32.
- Король, Г.Г., Конькова, Л.В. 2012: Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая. В сб.: О.В. Советова, Г.Г. Король (ред.), *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии*. М.–Кемерово, 121–156.
- Король, Г.Г., Наумова, О.Б. 2015: Организация художественной металлообработки в раннесредневековой Центральной Азии: возможности реконструкции. В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул–Омск, 200–204.
- Черных, Е.Н. 2009: Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. В кн.: *Рукописные памятники Древней Руси*. М.
- Черных, Е.Н. 2013: Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. В кн.: *Языки славянской культуры*. Т. 2. М.
- Baker, J., Stos, S., Waight, T. 2006: Lead isotope analysis of archaeological metals by multiple-collector inductively coupled plasma mass spectrometry. *Archaeometry* 48, 1, 45–56.
- Cuenod, A., Bray, P., Pollard, M. 2015: The “tin problem” in the prehistoric Near East: further insights from a study of chemical datasets on copper alloys from Iran and Mesopotamia. *British Institute of Persian Studies. Iran* LIII, 29–48.
- Damour, A. 1865: Sur la composition des braches en pierre trouvees dans les monuments celtiques et chez les tribus sauvages. *Compt. Rend* 61, 357–368.
- Gale, N.H., Stos-Gale, Z.A. 2000: Lead isotope analyses applied to provenance studies. In: E. Ciliberto, G. Spoto (ed.), *Modern Analytical Methods in Art and Archaeology*. Wiley–New York, 503–584.
- Gobel, F. 1842: *Ueber den Einfluss der Chemie auf die Ermittlung der Volker der Vorzeit oder Resultate der chemischen Untersuchung metallischer Alterthümer*. Erlangen.
- Gudrun, J. 2006: *Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks*. Leidorf.
- Helm, O. 1886: Anhang. Der mykenische Bernstein. In H. Schliemann (ed.), *Tiryns. Der prähistorische Palast der Könige von Tiryns. Ergebnisse der neuesten Ausgrabungen*, Leipzig–Brockhaus, 425–432.
- Jin, Z. (ed.) 2008: *Lead Isotope Archaeology in China, Press of Science and Technology*. Hefei.
- Jin, Z., Mabuchi, H., Chase, W.T., Chen, D., Miwa, K., Hirao, Y., Zhao, D. 1995: A study on lead isotope ratios of the Sanxingdui pit burial bronzes, Wen Wu. *Cultural Relics* 465 (2), 80–85.
- Jin, Z., Zhu, B., Chang, X., Xu, Z., Zhang, Q., Tang, F. 2004: Lead isotopic analysis of the bronze vessels from Jinsha near Chengdu. *Cultural Relics* 7, 76–88.
- Jin, Z., Zhu, B., Chang, X., Zhang, Q., Tang, F. 2006: Lead isotopic studies on partial copper-based objects in Baoshan and Chengyang metal assemblage: analyses and discussion. In: C. Zhao (ed.), *Kexue Chubanshe*. Beijing, 250–259.
- Liu, R., Bray, P., Pollard, M., Homme, P. 2015: Chemical analysis of ancient Chinese copper-based objects: Past, present and future. *Archaeological Research in Asia* 3, 1–8.
- Perucchetti, L., Bray, P., Dolfini, A., Pollard, M. 2015: Physical Barriers, Cultural Connections: Prehistoric Metallurgy across the Alpine Region. *European Journal of Archaeology* 18, 4, 599–632.

- Pollard, M., Bray, J.V. 2015: A New Method For Combining Lead Isotope and Lead Abundance Data to Characterize Archaeological Copper Alloys. *Archaeometry* 57, 6, 996–1008.
- Pollard, M., Bray, J.V., Gosden, C., Wilson, A., Hamerow, H. 2015: Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification of metal flow and recycling *Antiquity* 89, 345, 697–713.
- Rawson, J. 2015: Steppe Weapons in Ancient China and the Role of Hand-to-hand Combat. *The National Palace Museum Research Quarterly* 33, 1, 37–96.
- Wocel, J. 1854: Ueber die Methode, die chalkometrischen Werthe der antiken Bronze zu bestimmen *S.B* 27. Nov. 1854.
- Wocel, J. 1854: Ueber einige bei Swijan aufgefundene Bronze object. *S.B* 8., 1854.

REFERENSES

- Baker, J., Stos, S., Waight, T. 2006: Lead isotope analysis of archaeological metals by multiple-collector inductively coupled plasma mass spectrometry. *Archaeometry* 48, 1, 45–56.
- Chernyhr, E.N. 2009: Stepnoj poyas Evrazii: fenomen kochevyhr kul'tur. In: *Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi*. Moscow.
- Chernyhr, E.N. 2013: Kul'tury nomadov v megastrukture Evrazijskogo mira. In: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*. T. 2. Moscow.
- Cuenod, A., Bray, P., Pollard, M. 2015: The “tin problem” in the prehistoric Near East: further insights from a study of chemical datasets on copper alloys from Iran and Mesopotamia. *British Institute of Persian Studies. Iran LIII*, 29–48.
- Damour, A. 1865: Sur la composition des baches en pierre trouvees dans les monuments celtiques et chez les tribus sauvages. *Compt. Rend* 61, 357–368.
- Gale, N.H., Stos-Gale, Z.A. 2000: Lead isotope analyses applied to provenance studies. In: E. Ciliberto, G. Spoto (ed.), *Modern Analytical Methods in Art and Archaeology*. Wiley–New York, 503–584.
- Gobel, F. 1842: *Ueber den Einfluss der Chemie auf die Ermittlung der Volker der Vorzeit oder Resultate der chemischen Untersuchung metallischer Alterthümer*. Erlangen.
- Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Hravrin, S.V. 2009: *Srednevekovye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altae: morfologicheskij analiz, tehnologiya izgotovleniya, sostav splavov*. Barnaul.
- Gudrun, J. 2006: *Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks*. Leidorf.
- Helm, O. 1886: Anhang. Der mykenische Bernstein. In H. Schliemanin (ed.), *Tiryns. Der prahistorische Palast der Könige von Tiryns. Ergebnisse der neuesten Ausgrabungen*, Leipzig–Brockhaus, 425–432.
- Jin, Z. (ed.) 2008: *Lead Isotope Archaeology in China, Press of Science and Technology*. Hefei.
- Jin, Z., Mabuchi, H., Chase, W.T., Chen, D., Miwa, K., Hirao, Y., Zhao, D. 1995: A study on lead isotope ratios of the Sanxingdui pit burial bronzes, Wen Wu. *Cultural Relics* 465 (2), 80–85.
- Jin, Z., Zhu, B., Chang, X., Xu, Z., Zhang, Q., Tang F. 2004: Lead isotopic analysis of the bronze vessels from Jinsha near Chengdu. *Cultural Relics* 7, 76–88.
- Jin, Z., Zhu, B., Chang, X., Zhang, Q., Tang, F. 2006: Lead isotopic studies on partial copper-based objects in Baoshan and Chengyang metal assemblage: analyses and discussion. In: C. Zhao (ed.), *Kexue Chubanshe*. Beijing, 250–259.
- Kon'kova, L.V. 2001: Analiticheskie metody v issledovanii drevnego remesla. In: *Drevnie remeslenniki Priural'ya. UIIYaL UrO RAN*. Moscow, 44–53.
- Korol', G.G., Kon'kova, L.V. 2007: Proizvodstvo i rasprostranenie rannesrednevekovoj torevniki malyhr form v Central'noj Azii. *RA* 2, 25–32.

- Korol', G.G., Kon'kova, L.V. 2012: Kollekcija pervoj treti XIX v. iz Ermitazha: srednevekovaya torevtika malyhr form s Altaya. In: O.V. Sovetova, G.G. Korol' (red.), *Izobrazitel'nye i tehnologicheskie tradicii v iskusstve Severnoj i Central'noj Azii*. Moscow–Kemerovo, 121–156.
- Korol', G.G., Naumova, O.B. 2015: Organizacija hrudozhestvennoj metalloobrabotki v rannesrednevekovej Central'noj Azii: vozmozhnosti rekonstrukcii. In: *Integracija arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*. Barnaul–Omsk, 200–204.
- Liu, R., Bray, P., Pollard, M., Homme, P. 2015: Chemical analysis of ancient Chinese copper-based objects: Past, present and future. *Archaeological Research in Asia* 3, 1–8.
- Perucchetti, L., Bray, P., Dolfini, A., Pollard, M. 2015: Physical Barriers, Cultural Connections: Prehistoric Metallurgy across the Alpine Region. *European Journal of Archaeology* 18, 4, 599–632.
- Pollard, M., Bray, J.V. 2015: A New Method For Combining Lead Isotope and Lead Abundance Data to Characterize Archaeological Copper Alloys. *Archaeometry* 57, 6, 996–1008.
- Pollard, M., Bray, J.V., Gosden, C., Wilson, A., Hamerow, H. 2015: Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification of metal flow and recycling *Antiquity* 89, 345, 697–713.
- Rawson, J. 2015: Steppe Weapons in Ancient China and the Role of Hand-to-hand Combat. *The National Palace Museum Research Quarterly* 33, 1, 37–96.
- Wocel, J. 1854: Ueber die Methode, die chalkometrischen Werthe der antiken Bronze zu bestimmen *S.B* 27. Nov. 1854.
- Wocel, J. 1854: Ueber einige bei Swijan aufgefundene Bronze object. *S.B* 8., 1854.
-
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК VI–I	–	Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1874.
АКАК VIII	–	Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881.
АО	–	Археологические открытия. Москва
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БС	–	Боспорский сборник. Москва
БЧ	–	Боспорские чтения. Керчь
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ЗРВИ = ZRVI	–	Зборник радова византолошког института. Београд, 1952–
ИАИЯЛИ	–	Известия Абхазского института истории, языка, литературы и искусства. Сухум
КГИАМЗ	–	Кубанский государственный историко-археологический музей заповедник. Краснодар
КСИА	–	Краткие сообщения института археологии. Москва
МАИЭТ	–	Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
МИАСК	–	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОНТИ ПНЦ РАН	–	Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской Академии наук
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск–Москва–Новосибирск
РА	–	Российская археология. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва
СГАИМК	–	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
СГМИИ	–	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
Ald.	–	Alaudae: Eine lateinische Zeitschrift 1889–1895. Herausgegeben von Karl Heinrich Ulrichs / W. Stroh (Ndr., Einl.). Hamburg, 2000
APS	–	Acts of the Parliament of Scotland
BIFAO	–	Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale. Le Caire, 1901–
BS	–	Byzantinoslavica. Prague, 1929–
CRC	–	городище Караколь, Белиз
DAGR	–	Le Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines. Paris
DCILV	–	Deuxième Congrès International pour le latin vivant. Avignon, 1959.
Dlg.	–	Delgado Jiménez, J. Lingua Latina iterum universalis deveniat oportet. Pa-laestra Latina. 156/1956, 193–202

-
DOC	–	Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection / A.R. Bellinger, Ph. Grierson (eds). Vol. III. Leo III to Nicephorus III. 717–1081. Part I. Leo III to Michael III (717–867). Washington, 1993.
Eich.	–	Eichenseer, C. De Conventu Bucurestiensis. Vox Latina 22/1970, 19–36.
Helf.	–	Helfer, C. Lexicon auxiliare. Ein deutsch-lateinisches Wörterbuch. Saraviponti, 1982.
Ivsc.	–	Ивашковский, И. Lexicon Rossico-Latinum = Полный русско-латинский словарь. СПб., 1849–1853.
IXK	–	городище Ишкун, Гватемала
Kraft	–	Kraft, F.K. Deutsch-lateinisches Lexikon, aus den Römischen Classikern zusammengetragen und nach besten neuern Hilfsmitteln bearbeitet. Stuttgart, 1843–1844.
Laes	–	Laes, C. De hodierno Latinitatis vivae statu sive de dissensione evitanda. Melissa
Lic. ALF	–	Licoppe, G. Academia Latinitati Fovendae: eius historia per motum Latinitatis vivae considerata (1952–2012). Bruxellis, 2014.
Lic. Stat.	–	Licoppe, G. De hodierno Latinitatis Vivae statu. Melissa. 177/2013, 1–2.
LIMC	–	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich – München–Düsseldorf
Lurz	–	Lurz, G. De variis dicendi generibus. Societas Latina 4/1936, 34–35.
Mrgl.	–	Aloisii Miraglia oratio de causis corruptae institutionis Latinae (Malacae a. 2014 habita) a sodalibus Circuli Gaditani exscripta atque annotationibus et indice nominum ab Alexandra Ramos instructa
NAR	–	городище Наранхо, Гватемала
PCILV	–	Premier Congrès International pour le latin vivant. Avignon, 1956.
PL	–	Palaestra Latina. Barcelona
PmbZ	–	Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akad. der Wiss.; Nach Vorarbeiten F. Winkelmann erstellt von Ralph-Johannes Lilie et al. Berlin, 1998–2002.
RIC	–	Roman Imperial Coinage. Vol. I–X.
RN	–	Revue Numismatique. Paris
RPCS	–	The Register of the Privy Council of Scotland / Ed. by D. Masson. Vol. XIII. Edinburgh, 1896.; Second ser., Vol. I. Edinburgh, 1899.
SCU	–	городище Сакуль, Гватемала
Sdr.	–	Sidera, J. Servus Dei Pater Emmanuel Jové, C.M.F. Palaestra Latina. 175/1961, 135–142.
SL	–	Societas Latina. Saarbrücken
Soc. Lat.	–	Societas Latina: Periodicum societatis eodem nomine appellatae. Monachii, 1932–1955.
VL	–	Vox Latina. Saarbrücken
ZV	–	Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Vol. I. Part 2. Basel, 1972.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» В 2016 ГОДУ

№ Стр.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОК

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. (Москва) – Материалы к археологической карте Афганистана. Северный район	2	17
Давыдов С.А. (Санкт-Петербург) – Деспотизм в практике управления хозяйственной системой Древнего Египта: мифы и реальность	1	5
Двуреченская Н.Д. (Москва) – Юго-восточный входной комплекс и пристань крепости Капыртепа	2	39
Двуреченская С.О. (Москва) – Предварительные итоги изучения костных останков животных из раскопок на территории крепости Капыртепа	2	75
Кузьмин К.В. (Москва) – К вопросу о чтении топонима Ig-mg-A в «Стеле сатрапа»	2	5
Пилипко В.Н. (Москва) – К истории археологического изучения крепости Куны Кааха в Южном Туркменистане	4	5
Рузанова С.А. (Москва) – Металлообрабатывающее ремесло Северной Бактрии: результаты исследования материалов с поселения Капыртепа	4	20
Рунг Э.В., Орлов В.П. (Казань) – Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи ...	2	83

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ

Барышников А.Е. (Калуга) – Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии	2	128
Бембай К. (Нджамена) – К вопросу об образовании римских провинций в Африке ...	1	94
Болгов Н.Н., Болгова А.М. (Белгород) – Гораполлон Младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе	2	152
Брагова А.М. (Нижний Новгород) – Понятие amicitia в сочинениях Цицерона	1	103
Караваев А.Г. (Москва) – Генеалогия потомства триумвира Марка Антония в памятниках эпиграфики и нумизматики	1	111
Каргальцев А.В. (Санкт-Петербург) – Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти	1	153
Кузьмин Ю.Н. (Самара) – Рельеф из района Амфипольской гробницы: предварительные замечания	2	92
Лаптева М.Ю. (Тобольск) – Патриотизм, предательство и прагматизм в политической истории архаической Ионии	1	22
Ляпустин Б.С. (Москва) – Особенности хозяйственной жизни римской фамилии в I в. до н.э. (по письмам Цицерона)	4	53
Миролюбов И.А. (Москва) – Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия	4	62
Обухов С.В. (Москва) – Артагн-Геракл-Арес в античной Коммагене	1	67
Панов А.Р. (Арзамас) – Август и парфянские заложники в Риме	1	136

<i>Попов А.А.</i> (Санкт-Петербург) – Описание Полибием войны между Антиохом III и Евтидемом I.....	1	56
<i>Попов М.В.</i> (Магнитогорск) – Традиционные и официальные культы легионов римской Дакии.....	2	110
<i>Соловьянов Н.И.</i> (Красноярск) – О культах воинов вспомогательных войск в римской Британии в I–III вв.	1	149
<i>Соловьянов Н.И.</i> (Красноярск) – Об особенностях почитания Геракла в римской армии.....	2	121
<i>Стоянов Е.О.</i> (Санкт-Петербург) – К вопросу о происхождении Стасанора Солийского ..	2	100
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Драхмы в законах Солона. Постановка проблемы и предварительный анализ ключевых свидетельств	1	30
<i>Шмелева Л.М.</i> (Казань) – Термины <i>caduceatores</i> , <i>legati</i> , <i>oratores</i> в труде Тита Ливия «История Рима от основания города».....	1	85
<i>Ярцев С.В.</i> (Тула) – Война императора Валента с готами 367–369 гг. н.э.	2	145

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Клад медных боспорских монет IV–I вв. до н.э. с античного поселения «Веселовка 5» (2014 г.)	2	260
<i>Антонов Е.Е.</i> (Москва) – Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции	2	178
<i>Бабенкова Ю.В.</i> (Санкт-Петербург) – Эволюция государственной власти в Гераклее Понтийской при тиранах Тимофее и Дионисии	2	268
<i>Винокуров Н.И.</i> (Москва), <i>Пономарев Л.Ю.</i> (Керчь) – Центральный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.).....	1	186
<i>Воскресенский А.П.</i> (Москва) – Об отступлении Митридата Евпатора на Боспор (Strabo XI. 2. 13).....	4	79
<i>Лисецкий Ф.Н.</i> , <i>Маринина О.А.</i> , <i>Терехин Э.А.</i> (Белгород) – Опыт комплексного картографирования разновременных залежей на щебнистых почвах в сельской округе Керкинитиды	2	227
<i>Новиченкова М.В.</i> (Киев) – Римские медицинские инструменты из святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму	2	213
<i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Костяная тессера из раскопок Фанагории	4	71
<i>Труфанов А.А.</i> , <i>Мордвинцева В.И.</i> (Симферополь) – Воинское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-западный Крым)	2	196
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Симферополь) – Еще раз о боспорских клеймах.....	2	247
<i>Шапцев М.С.</i> (Симферополь) – Экономические связи варварского населения Северо-Западного Крыма во II в. до н.э. – начале II в. н.э. по амфорной таре и краснолаковой керамике.....	2	163
<i>Ярцев С.В.</i> (Тула) – Римская стратегия в Северном Причерноморье в период правления императора Юлиана.....	1	166

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Акопян А.В.</i> (Москва) – Метрология и названия серебряных монет Гянджинского ханства	2	285
<i>Бернацкая Ю.Э.</i> (Москва) – Политическая история Хушвица (Караколь, Белиз) в конце VIII – начале IX вв.	4	184
<i>Болгов Н.Н.</i> , <i>Болгова А.М.</i> (Белгород) – Стефан Александрийский – последний схолярх	2	277
<i>Ендольцева Е.Ю.</i> (Москва), <i>Сангулия Г.А.</i> (Сухум) – Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия: проблемы датировки	4	139

<i>Майоров Г.С.</i> (Санкт-Петербург) – Арабский поход 737 (738) года и изменение политического статуса византийской Абхазии	1	233
<i>Мехмадиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Мусульманские географы IX-X вв. о Византийской военной организации: пример фемы Букелларии	4	152
<i>Нюшков В.А.</i> (Сухум) – Проблема исследования социальной стратификации древнеабхазских этнообъединений в VI в.	4	128
<i>Полонский Д.Г.</i> (Москва) – Церковная политика и доктрина папы римского Льва I Великого в славянских источниках XII-XVII вв.	1	242
<i>Фахри А.И.</i> (Москва) – Каменная стена майя как социокультурный феномен	4	174
<i>Хотко С.Х.</i> (Майкоп) – Топоним «Черкесский бан» на карте Дж. Гастальдо 1551 г. в контексте черкесского присутствия в Крыму	4	116

Круглый стол *«Вопросы античной и восточной нумизматики»*

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Гунчина О.Л.</i> (Керчь) – Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/24 – 257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF)	4	280
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Византийские солиды и аббасидский дирхам 8 в. из Фанагории	4	2266
<i>Акопян А.В.</i> (Москва) – Серебряные монеты Карабахского ханства. Типология, метрология, названия	4	330
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Монеты типа «Артемиды/олень» боспорского чекана митридатского времени	4	249
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Монетное дело Феодосии конца V – начала IV вв. до н.э.	4	213

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Демичев К.А.</i> (Москва) – «Нетипичный» восточный правитель: Махараджа Ранджит Сингх в восприятии европейцев в первой половине XIX вв.	4	203
<i>Ласкова Н.В.</i> (Ростов-на-Дону) – Дискуссия в шотландском парламенте о «превосходстве» баронетов Новой Шотландии	4	197
<i>Руденко И.В., Мицкевич И.В.</i> (Ростов-на-Дону) – Россия как часть нюрнбергских счетных жетонов XVIII – XIX вв.	1	255

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Буряк Е.М.</i> (Магнитогорск) – Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР	3	269
<i>Гаврилов С.В.</i> (Челябинск) – Проблемы интеракции декабристских и масонских организаций в исследованиях В.И. Семевского	1	296
<i>Дорожкин А.Г., Коробков Ю.Д.</i> (Магнитогорск) – Формирование рабочего класса России и его региональных отрядов в оценке германской историографии XX в. ..	3	183
<i>Иванов А.Г.</i> (Магнитогорск) – Некоторые аспекты подходов Канады и Германии к решению глобальных проблем и обеспечению международной безопасности на рубеже XX–XXI вв.	3	191
<i>Колдомасов И.О.</i> (Магнитогорск) – Советская интеллигенция и союзники по антигитлеровской коалиции: взгляды и проблемы восприятия	3	200
<i>Коптякова Е.Е.</i> (Сургут) – Образ Германии в российской медиакартине мира	3	245
<i>Коробков Ю.Д.</i> (Магнитогорск) – Образ врага в массовом сознании российского общества в 1917 г.	3	236

<i>Любецкий А.Е.</i> (Магнитогорск) – Государство и семьи военнослужащих в годы Второй мировой войны: СССР, Германия, Великобритания – компаративный анализ	3	211
<i>Макарова Н.Н.</i> (Магнитогорск) – Немецкие колонисты и военнопленные в Магнитогорске. 1930-е – 1950-е гг.	3	260
<i>Петренко О.В.</i> (Магнитогорск) – Проблема сохранения религиозных традиций немцев в поликультурной среде России	3	278
<i>Потёмкина М.Н.</i> (Магнитогорск) – Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941-1945 гг.).....	3	219
<i>Прохоров Д.А.</i> (Симферополь) – Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.)	1	278
<i>Стародубова О.Ю.</i> (Магнитогорск) – Формирование стереотипа противника в СССР 1930-1940-х гг. при оценке событий Первой мировой войны	3	227
<i>Федоров А.Н.</i> (Челябинск) – «Магнитогорское дело» 1949 г.: деятельность местных партийных органов в условиях послевоенного времени	2	302
<i>Чернова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Политическая атмосфера в Магнитогорске 1930-х гг., связанная с использованием на строительстве ММК немецких рабочих и специалистов.....	3	252

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Магнитогорск) – Этноязыковая характеристика нагайбаков в динамике XX – начала XXI века	1	314
<i>Медведев В.В.</i> (Магнитогорск) – Божества и духи домашнего пространства в традиционных воззрениях чувашей.....	1	309
<i>Москвина В.А.</i> (Омск) – Топос города в заговорно-заклинательных текстах.....	1	324
<i>Рожкова Т.И.</i> (Магнитогорск) – Шведская тема в народных мемуарах XX века.....	1	332
<i>Хаховская Л.Н.</i> (Магадан) – Корякские бубны: бытование в этнолокальной культуре	2	315
<i>Шарафадина К.И.</i> (Санкт-Петербург) – Современное лингвоградоведение как диагностика социокультурных приоритетов (на примере рекламных имен Санкт-Петербурга)	1	342

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Н.В.</i> (Магнитогорск) – Двойственность авторской оценки в цикле очерков Г.И. Успенского «Власть земли»	4	356
<i>Абрамзон Т.Е.</i> (Магнитогорск) – Цицерон и Марк Антоний в поэтическом диалоге Ф. Тютчева и В. Брюсова: спор о блаженстве.....	1	348
<i>Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В.</i> (Магнитогорск) – Романтическая концепция красоты в рассказе А.П. Чехова «Красавицы».....	2	343
<i>Богатырёва Н.Д.</i> (Киров) – К вопросу о религиозно-философском контексте повести Леонида Андреева «Иго войны»	1	355
<i>Осипова А.А., Михин А.А.</i> (Магнитогорск) – Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ бждеть чловѣкъ (фразеологический корпус старославянского языка как отражение непреходящих духовных ценностей общества).....	4	348
<i>Приказчикова Е.Е.</i> (Екатеринбург) – Персоносфера русского литературного анекдота XVIII века	2	328
<i>Солнцева Н.М.</i> (Москва) – Вариативность связи «Кукла-рок» в художественных текстах.....	2	356
<i>Чигинцева Т.А.</i> (Челябинск) – Заголовочно-финальный комплекс в книгах Д. Осокина.	1	362

ЛИНГВИСТИКА

<i>Андреева С.Л.</i> (Магнитогорск) – «Прежде оружия – мы испытываем слово». Текстовые маркёры неограниченной лжи и ограниченной правды в Государственной Газете (по страницам романа Е. Замятина “Мы”)	3	57
<i>Анохина С.А.</i> (Магнитогорск) – Чиновники в лозунгах и лозунги чиновников	3	66
<i>Арсланбекова Н.Э.</i> (Джалал-Абад) – Концепт «Радость» в языковом сознании британского и русского народов: историко-этимологический аспект	2	364
<i>Байрамова Л.К.</i> (Казань) – Лексема – фразеологизм – пословица / поговорка – афоризмы / крылатые слова – лозунг: всё только о правде	3	73
<i>Вальтер Х.</i> (Грайфсвальд) – Политический плакат – зеркало своего времени	3	143
<i>Ворошилова М.Б.</i> (Екатеринбург) – Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе	3	150
<i>Грибан И.В.</i> (Екатеринбург) – «Фюрер в каждом из нас»: образ А. Гитлера и «преодоление прошлого» в современной Германии	3	158
<i>Дядечко Л.П.</i> (Киев) – Фразеологическая судьба главного коммунистического лозунга в восточнославянских языках	3	5
<i>Жигулина Д.В.</i> (Орел) – Программные лозунги Союза женщин России	3	79
<i>Залавина Т.Ю., Афанасьева О.Н., Шорохова Л.А.</i> (Магнитогорск) – Парамиологический концепт «деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире	1	372
<i>Ишегулова А.М.</i> (Уфа) – Концепт «кайгы» (горе) в башкирских народных песнях	1	379
<i>Костина П.М.</i> (Магнитогорск) – Лозунги и призывы библейского происхождения в русском языке	3	13
<i>Кузьмина Н.А.</i> (Санкт-Петербург) – Христианские мотивы в советских лозунгах	3	22
<i>Макаричев Ф.В., Елизарова Г.В.</i> (Санкт-Петербург) – Значимость национального культурного компонента лексики в процессе межкультурной коммуникации	2	380
<i>Михайлова О.А.</i> (Екатеринбург) – Аксиологическая амбивалентность толерантности ..	3	28
<i>Михин А.Н., Михина О.В.</i> (Магнитогорск) – Молодежные лозунги и лозунги для молодежи в современном коммуникативном пространстве России и Германии	3	134
<i>Мокиенко В.М.</i> (Санкт-Петербург) – Лозунг и реклама в публицистическом дискурсе (общее и различное)	3	167
<i>Морозов Е.А.</i> (Магнитогорск) – Kiezdeutsch и язык Гёте – две вещи несовместные? (к вопросу о влиянии молодежного сленга на немецкий литературный язык)	3	119
<i>Осипова А.А.</i> (Магнитогорск) – Красное знамя – на Кремль! (к особенностям агитационных текстов Коммунистической партии Российской Федерации)	3	85
<i>Пачаи И.</i> (Ньиредьхаза) – Использование достижений русских китаеведов в исследовании китайско-венгерских параллелей	1	385
<i>Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск), <i>Вальтер Х.</i> (Грайфсвальд) – А вы сдали бы комнату этой женщине? Залог успешности плаката	3	174
<i>Рязановский Л.М.</i> (Санкт-Петербург) – Лозунги и девизы третьего рейха и их использование в нацистской пропаганде	3	128
<i>Хохлова Е.А.</i> (Москва) – Значение термина Чингёнсансухва (眞景山水畫)	2	371
<i>Чернова О.Е.</i> (Магнитогорск) – Ценности социальной системы как основа коммуникативной толерантности в лозунгах политических партий и общественных движений	3	37
<i>Чурилина Л.Н.</i> (Магнитогорск) – Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект	3	95
<i>Шулежкова С.Г.</i> (Магнитогорск) – Обнимитесь, миллионы! (интернациональные крылатые выражения, выполняющие в русском языке «лозунговую» функцию) ...	3	43
<i>Becker J.M.</i> (Greifswald) – Losungen und bildlosungen als träger eines aktuellen diskurses in der deutschen öffentlichkeit 2015	3	103
<i>Kaiser B.</i> (Greifswald) – Die politische laufbahn eines Sprichworts: Heute rot, morgen tot	3	113

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Дубов А.И.</i> (Москва) – Суровый стиль Андрея Васнецова	2	389
---	---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Грешиников Э.А.</i> (Москва) – О новых исследованиях проблем распространения цветного металла в Евразии	4	385
<i>Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Размышления над хрестоматией по старославянскому языку	4	364
<i>Следников А.Г.</i> (Ярославль) – Движение «живой латыни» поиски универсального средства научного общения и рецепция культурного наследия античности	4	370
<i>Сулейманов А.А.</i> (Якутск) – Исследования Академии наук СССР в российской Арктике в 1930-е – 1941 гг.	1	392
<i>Шамукарамова Ф.Ш.</i> (Ташкент) – Василий Вяткин и Самаркандская старина	1	408
<i>Шулежкова С.Г.</i> (Магнитогорск) – Язык послания афонского старца Максима Грека великому князю Руси Василию Ивановичу (к 1000-летию основания русского православного монашества на Афоне)	3	285

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОК

<i>Пилипко В.Н.</i> (Москва) – К истории археологического изучения крепости Куня Каах-ка в Южном Туркменистане.....	5
<i>Рузанова С.А.</i> (Москва) – Металлообрабатывающее ремесло Северной Бактрии: результаты исследования материалов с поселения Кампыртепа.....	20

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. РИМ

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Драхмы в законах Солона. II. Варианты решения проблемы в свете реалий солоновского времени	34
<i>Ляпустин Б.С.</i> (Москва) – Особенности хозяйственной жизни римской фамилии в I в до н.э. (по письмам Цицерона).....	53
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия	62

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Костяная тессера из раскопок Фанагории	71
<i>Воскресенский А.П.</i> (Москва) – Об отступлении Митридата Евпатора на Боспор (Strabo XI. 2. 13).....	79

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.</i> (Москва) – В поисках утраченного смысла.....	91
<i>Беленов Н.В.</i> (Самара) – Этноязыковая принадлежность носителей белогорской археологической культуры по данным топонимики	110

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Хотко С.Х.</i> (Майкоп) – Топоним «Черкесский бан» на карте Дж. Гастальдо 1551 г. в контексте черкесского присутствия в Крыму	116
<i>Нюшков В.А.</i> (Сухум) – Проблема исследования социальной стратификации древне-абхазских этнообъединений в VI в.	128
<i>Ендольцева Е.Ю.</i> (Москва), <i>Сангулия Г.А.</i> (Сухум) – Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия (Абхазия): проблемы датировки и типологии.....	139
<i>Мехмадиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Мусульманские географы IX–X вв. о Византийской военной организации: пример фемы Буккелларии	157
<i>Фахри А.И.</i> (Москва) – Каменная стела майя как социокультурный феномен	174
<i>Бернацкая Ю.Э.</i> (Москва) – Политическая история Хушвица (Караколь, Белиз) в конце VIII – начале IX вв.	184

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Ласкова Н.В.</i> (Ростов-на-Дону) – Дискуссия в шотланском парламенте о «превосходстве» баронетов Новой Шотландии.....	197
<i>Демичев К.А.</i> (Москва) – «Нетипичный» восточный правитель: Махараджа Ранджит Сингх в восприятии европейцев в первой половине XIX вв.	203

Круглый стол «Вопросы античной и восточной нумизматики»

<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Монетное дело Феодосии конца V – начала IV вв. до н.э.	213
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Монеты типа «Артемиды/олень» боспорского чекана митридатского времени	249
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Византийские солиды и аббасидский дирхам 8 в. из Фанагории.....	266
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Гунчина О.Л.</i> (Керчь) – Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/24 – 257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF).....	280
<i>Акопян А.В.</i> (Москва) – Серебряные монеты Карабахского ханства. Типология, метрология, названия	330

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Осипова А.А., Михин А.А.</i> (Магнитогорск) – Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ бѣдетъ чловѣкъ (фразеологический корпус старославянского языка как отражение непреходящих духовных ценностей общества)	348
<i>Абрамзон Н.В.</i> (Магнитогорск) – Двойственность авторской оценки в цикле очерков Г.И. Успенского «Власть земли»	356

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Хрестоматия по старославянскому языку как отражение очередного этапа в развитии отечественной славистики	364
<i>Следников А.Г.</i> (Ярославль) – Движение «живой латыни» поиски универсального средства научного общения и рецепция культурного наследия античности.....	370
<i>Грешников Э.А.</i> (Москва) – О новых исследованиях проблем распространения цветного металла в Евразии.....	385

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» в 2016 году.....	394
---	-----

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

ORIENT

<i>V.N. Pilipko</i> (Moscow) – To the History of Archaeological Research of Old Qahqa Fortress in the Southern Turkmenistan	5
<i>S.A. Ruzanova</i> (Moscow) – Metal Craft of Northern Bactria: Results of Investigation of Materials from the Site of Kampyrtepa.....	20

ANCIENT ROME

<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Drachmas In Solon's Laws. II. Variants of the Problem's Solution in the Light of Reality of the Solonian Time.....	34
<i>B.S. Lyapustin</i> (Moscow) – The Peculiarities of Economic Life of Roman Familia in the 1 st century BC (According to Cicero's Letters)	53
<i>I.A. Mirolubov</i> (Moscow) – Constantine the Great in the "Historia Adversum Paganos" by Paulus Orosius.....	62

THE BLACK SEA REGION

<i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Bone Tessera from Phanagoria	71
<i>A.P. Voskresenskiy</i> (Moscow) – The Retreat of Mithridates Eupator to the Bosporus (Strabo XI. 2. 13)	79

PREHISTORY

<i>E.G. Devlet, M.A. Devlet</i> (Moscow) – Searching for Lost Meaning	91
<i>N.V. Belenov</i> (Samara) – Ethno-Linguistic Affiliation of the Belogorsk Archaeological Culture Representatives Based on Toponymics	110

THE MIDDLE AGES

<i>S.Kh. Khotko</i> (Maykop) – Toponym "Circassian ban" on G. Gastaldo's Map (1551) in the Context of Circassian Presence in Crimea	116
<i>V.A. Nyhkov</i> (Sukhum) – The Problem of Research of Social Stratification in Ancient Abkhazian Ethno-political Associations in the 6 th century AD	128
<i>E.Yu. Endoltseva</i> (Moscow), <i>G.A. Sangulia</i> (Sukhum) – Stone Reliefs of the Cathedral in the Village of Agu-Bedia: Problems of Dating	139
<i>E.A. Mekhamadiev</i> (Saint-Petersburg) – Islamic Geographers of 9 th – 10 th centuries about the Byzantine Military Organization: the Case of Bucellarian Theme	157
<i>A.I. Fahry</i> (Moscow) – Maya Stone Stela as a Sociocultural Phenomenon	174
<i>Yu.E. Bernatskay</i> (Moscow) – The Political History of Oxwitzá (Carapol, Belize) at the End of the 8 th – the Beginning of the 9 th century	180

NEW HISTORY

<i>N.V. Laskova</i> (Rostov-on-Don) – The Debate in the Scottish Parliament on the “Supriority” of Nova Scotia Baronets.....	197
<i>K.A. Demichev</i> (Nizhny Novgorod) – “Atypical” Eastern Ruler: Maharaja Ranjit Singh in the Perception of Europeans in the First Half of the 19 th century.....	203

ROUND TABLE «STUDIES ON ANCIENT AND ORIENTAL NUMISMATICS»

<i>A.E. Teresschenko</i> (Saint-Petersburg) – Theodosian Coinage of the late 5 th – early 4 th century BC	213
<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Bosphoran Coins with Artemis/Stag Type of the Mithridatic Period	249
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Eight-century Byzantine Solidi and Abbasid Dirham from Phanagoria	266
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>O.L. Gunchina</i> (Sennoy) – The Silver Content of Phescuporis V’s Staters of AD 242/243–257/258 (X-Ray Fluorescence Spectroscopy).	280
<i>A.V. Akopyan</i> (Kazan) – Silver Coins of Qarabagh Khanate: Typology, Metrology, Denominations	330

PHILOLOGY

<i>A.A. Osipova, A.N. Mikhin</i> (Magnitogorsk) – Not by Bread Alon (Phraseological corpus of the literary language of all Medieval Slavs as the linguocultural source)	348
<i>N.V. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – The Duality of Author’s Appraisal in the Series of Essays “The Power of the Land” by G.I. Uspenskiy	356

FROM SCIENCE HISTORY

<i>N.V. Pozdnyakova</i> (Magnitogorsk) – A Reading Book on Old Slavonic Language as Reflection of Next Stage of the development of the Russian Slavonic Studies.....	364
<i>A.G. Slednikov</i> (Yaroslavl’) – The Living Latin Movement: a search for an International Means of Communication and Reception of the Cultural Heritage of Antiquity.....	370
<i>E.A. Greschnikov</i> (Yaroslavl’) – Towards Understanding of the Archaeometallurgy in Eurasia.....	385
Index of PIFK 1–4 2016 году	394

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи предоставляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@magtu.ru); текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14.

К статье необходимо прилагать резюме **на русском и английском языках** (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме **не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также **почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность!!!!**

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (начала на языке статьи, потом транслитерированный список – **References**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора **не выделяются** курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. London–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980-1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960-1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже). Сайт translit.net

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	"		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	hr	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Примеры:

Для литературных произведений:

Tolstoy, L.N. 1980–1982: *Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow.

Для журнальных статей:

Anninskiy, A.P. 2008: Beseda o strannostyax. *Rodina* 2, 18–26.

Для книг/статей без авторов:

Sayko, E.V. (red.) 2001: *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov, teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki*. Moscow.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Grantovskiy, E.A. 1981: O nekotorykh materialakh po obshchestvennomu stroyu skifov. "Rodstvenniki" i "druz'ya. In: A. Litvinskiy (red.), *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 59–79.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta*, <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшивками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956.

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Аббревиатуры для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2016

Сдано в набор 21.11.2016. Подписано в печать 15.12.2016.

Дата выхода 30.12. 2016.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.